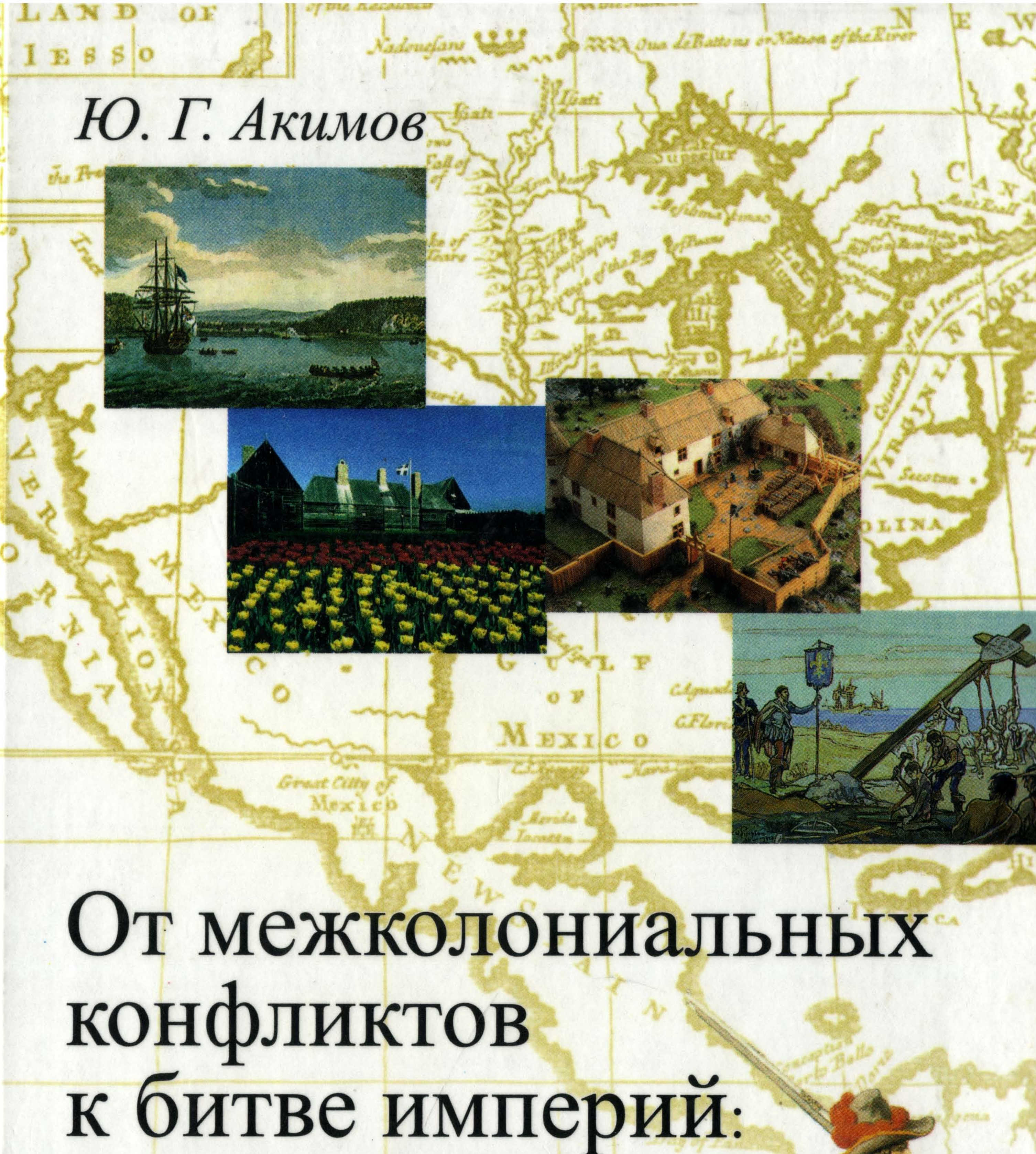
Ю. Г. Акимов

От межколониальных конфликтов к битве империй: англо-французское соперничество в Северной Америке в XVII – начале XVIII в.

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

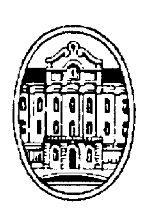
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Ю. Г. Акимов

От межколониальных конфликтов к битве империй:

англо-французское соперничество в Северной Америке в XVII – начале XVIII в.

Издание второе, переработанное и дополненное

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2005

ББК 63.3(0)51+63.3(7)
А39

Рецензенты: д-р ист. наук проф. *В. Н. Плешков* (С.-Петерб. ин-т истории РАН), д-р ист. наук проф. *К. К. Худолей* (С.-Петерб. гос. ун-т)

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского Совета
С.-Петербургского государственного университета

Акимов Ю. Г.

А39 От межколониальных конфликтов к битве империй: англо-французское соперничество в Северной Америке в XVII — начале XVIII в. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2005. — 567 с.
ISBN 5-288-03714-0

В книге, написанной на основе зарубежных архивных материалов, а также широкого круга опубликованных источников и научной литературы, рассматривается англо-французское соперничество в Северной Америке в XVII — начале XVIII в. Особое внимание уделяется внешнеполитическому и дипломатическому аспектам борьбы двух держав, роли и месту их заморских владений в межгосударственных отношениях того времени, первым самостоятельным шагам английских и французских колоний на внешнеполитической арене.

Во втором издании существенно расширен раздел о правовом статусе колониальной экспансии, использовано бо́льшее количество архивных документов.

Для специалистов-историков и международников, студентов и преподавателей гуманитарных факультетов, всех, интересующихся историей колониальной Америки и международных отношений.

ББК 63.3(0)51+63.3(7)

© Ю. Г. Акимов, 2005
© Издательство С.-Петербургского университета, 2005

ISBN 5-288-03714-0

ВВЕДЕНИЕ

Края в Северной Америке, на которые могут претендовать Великобритания или Франция, представляют собой такую же ценность, как каждое из этих королевств. Та плодородная страна к западу от Аппалачей, между Канадой и Миссисипи больше, чем вся Франция, Германия и Польша <...> Два могущественных монарха борются сейчас за этот бесценный приз.

Натаниэл Эймс
(«Размышление о прошлом, настоящем
и будущем Северной Америки»)

О чем пойдет речь в этой книге

Начиная с эпохи Великих географических открытий внешняя политика многих европейских стран и международные отношения в целом на протяжении нескольких столетий были теснейшим образом связаны с колониальной политикой.[1] Сразу же по возвращении первой экспедиции Колумба в Старом Свете начались споры о внешнеполитическом статусе найденных ею земель. В последующие столетия эти споры переросли в ожесточенную борьбу за господство над различными регионами Западного полушария, в которой приняли участие Испания, Португалия, Голландия, Англия, Франция. На Североамериканском континенте (к северу от Рио-Гранде) со времен первых колониальных предприятий конца XVI — начала XVII в. и вплоть до Войны за независимость и образования США ведущими игроками оставались последние две из перечисленных держав.

Англо-французское соперничество является одной из наиболее ярких, значимых и в то же время недооцененных и дискуссионных

[1] На это указывали еще классики отечественной и зарубежной исторической науки. См., напр.: *Тарле Е. В.* Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств (конец XV — начало XIX в.). М.; Л., 1965. С. 147; ср.: *Сили Дж. Р.* Расширение Англии: Два курса лекций. СПб., 1903.

страниц как в истории международных отношений раннего нового времени, так и в истории колониальной Северной Америки. Отдельные стычки между англичанами и французами происходили здесь еще на рубеже XVI–XVII вв. А вскоре после основания на Североамериканском континенте первых постоянных английских и французских поселений начались столкновения между их жителями. В 1613 г., действуя по приказу губернатора Вирджинии, капитан Семюэл Арголл напал на группу французских колонистов, высадившихся на острове Маунт-Дезерт (сейчас штат Мэн), а затем совершил налет на Пор-Руайяль — центр французской колонии Акадия. С той поры в разных точках континента подданные двух держав и их индейские союзники много раз поднимали оружие друг против друга, а на противоположном берегу океана дипломаты и политики Англии и Франции провели немало дискуссий о принадлежности отдаленных земель и островов.

Борьба между англичанами и французами *в* Северной Америке и *за* Северную Америку принимала различные формы, знала периоды обострения и затишья, но прекратилась только тогда, когда один из ее участников — Франция — по условиям Парижского мира 1763 г. лишилась всех своих владений на территории современных США и Канады, а спустя еще 40 лет, продав вернувшуюся было к ней Луизиану американцам, окончательно отказалась от попыток восстановить свою колониальную империю на Североамериканском континенте.

Создание колониальных империй, борьба за господство над заморскими землями, формирование новых обществ в Западном полушарии и в первую очередь в Северной Америке являются одной из доминант истории нового времени, и рассмотрение различных аспектов этих процессов имеет большое значение в общенаучном плане.

В то же время изучение истории англо-французских отношений и соперничества в Северной Америке имеет большое значение для понимания важнейших тенденций внешне- и внутриполитического развития четырех ведущих стран Запада — США, Канады, Великобритании, Франции — в новое, а отчасти и в новейшее время.

Так, по словам известного англо-канадского историка У. Дж. Эклза, «США и современное политическое деление Северной Америки проявляются как прямое следствие тлеющей вражды между Францией и Англией».[2] Феномен американской цивилизации невозможно понять без рассмотрения колониального периода, порождением которого, как отмечал американский исследователь К. П. Неттлз, яв-

[2] *Eccles W. J.* The Role of the American Colonies in Eighteenth-Century French Foreign Policy // Eccles W. J. Essays on New France. Toronto, 1987. P. 145.

ляются «основные институты управления в Америке и превалирующая [там] сейчас философия».[3] Выдающийся представитель консенсусной школы в историографии США Д. Бурстин утверждал, что уже в идеях первых поселенцев — отцов-пилигримов содержалась не просто философия правительственного управления XVII или XVIII в., но совершенная теория в зародыше — теория, которой в настоящее время руководствуются американцы. По утверждению Бурстина, «зрелые политические идеалы нации существовали в ясном виде в мыслях наших предков, то есть — пуритан».[4]

Действительно соседство с североамериканскими владениями Парижа — Новой Францией, Акадией, позднее Луизианой — заставило пользовавшихся достаточно большой автономией жителей британских колоний сделать первые самостоятельные шаги на внешнеполитической арене. Уже в 40-е годы XVII в. Массачусетс оказался в ситуации, когда его лидерам было необходимо самостоятельно выработать свою собственную позицию по отношению к междоусобице, происходившей в это время в соседней французской колонии Акадия. Напряженные дискуссии, развернувшиеся в этой связи среди руководителей Массачусетса, рассматриваются историками и политологами как первые в американской истории дебаты по внешнеполитическим проблемам, откуда берут свое начало основные внешнеполитические концепции США.[5]

Английские колонии (в наибольшей степени колонии Новой Англии, а также Нью-Йорк и Южная Каролина) приняли весьма активное и заметное участие в англо-французских войнах, в ходе которых они преследовали или, по крайней мере, старались преследовать и отстаивать свои собственные цели и интересы, отличные от целей и интересов метрополии. В годы этих войн, которые в американской историографии принято называть «индейскими и французскими», особенно остро стали проявляться противоречия между Британской короной и ее американскими подданными, а окончательное вытеснение французов из Северной Америки в результате Семилетней войны (1756–1763) стало важнейшей вехой на пути к Американской революции. Не случайно Д. Бурстин в предисловии к книге Х. Пэкхэма, посвященной войнам колониального периода, подчеркнул, что «их герои <...> также помогли расчистить дорогу к независимости США».[6]

[3] *Netteles C. P.* Roots of American Civilization. New York, 1938.

[4] *Boorstin D. J.* The Genius of American Politics. New York, 1959. P. 10.

[5] См., напр.: *Buffinton A. H.* The Isolation Policy of Colonial Massachusetts // New England Quarterly. 1928. Vol. I, No 2. April.

[6] *Boorstin D. J.* Editor's Preface // Peckham H. H. Colonial Wars, 1689–1762. Chicago; London, 1964. P. VIII.

Трудно переоценить значение англо-французского соперничества для исторического развития Канады. С одной стороны, можно сказать, что именно в ходе полуторавековой схватки двух держав определилась специфика канадского государства, состоящая в его уникальном двунациональном, двуязычном характере (добавим, что в значительной степени именно поэтому Канада в дальнейшем стала федерацией).

С другой стороны, английское завоевание сначала Акадии, Ньюфаундленда и побережья Гудзонова залива, а затем долины реки Св. Лаврентия и прилегающих к ней территорий (которые в XVII–XVIII вв. называли Канадой в узком смысле слова) породило франко-канадскую (ныне квебекскую) проблему, которая в течение долгого времени представляла (а в определенной степени продолжает представлять и в наши дни) серьезную угрозу стабильности и целостности Канады.

Страницы исторического прошлого, связанные с длительной и упорной борьбой французов и англичан, героика стычек в лесной глуши, воспоминания об эпохе, когда их предки контролировали половину Североамериканского континента и успешно сопротивлялись сильному и многочисленному врагу, являются частью национальной идеологии и мифологии франко-канадцев.[7] В наши дни политики и общественные деятели Квебека постоянно подчеркивают наличие самой непосредственной связи между событиями двух с половиной и даже трехвековой давности и реалиями сегодняшнего дня. Типичным примером здесь может служить фраза главного редактора крупнейшей франкоязычной канадской газеты «Ля Пресс» А. Дюбюка на пресс-конференции, проходившей в Монреале накануне провинциальных выборов 1998 г.: «Нас победили, и мы до сих пор помним тот ужасный момент, когда англичане нас победили!».[8]

Говоря о Великобритании, нельзя не отметить того, что, по мнению многих англосаксонских авторов, именно борьба с Францией за обладание Новым Светом сделала Туманный Альбион «тем, что он есть». Так, с точки зрения А. Г. Бредли, войны с Францией в Америке «составляют часть самой славной и самой судьбоносной борьбы, в которую когда-либо была вовлечена Великобритания».[9] Действительно, борьба с Францией и победа в этой борьбе, происходившей как в Европе, так и за ее пределами, позволили Великобритании на долгие десятилетия утвердиться в качестве ведущей морской и

---

[7] См.: *Rudin R.* Making History in Twentieth-Century. Quebec, 1997.

[8] Цит. по: *Гловер К. Д.* Квебек: бесконечная история сепаратизма // URL: http://www.intellectualcapital.ru/iss2-44/icopin44-1.htm

[9] *Bradley A. G.* The Fight with France for North America. New York, 1971 (reprint). P. V.

колониальной державы мира. Классик британской имперской историографии Р. Сили писал, что победа в битве на равнине Авраама (1759), предопределившей переход Канады в руки англичан, «поставила Англию на такую высоту величия, которой она никогда не достигала».[10]

Что касается Франции, то здесь стоит обратить внимание на то, что взлет и падение колоссальной, но эфемерной колониальной империи, созданной при Старом порядке был обусловлен рядом причин самого различного свойства (от социально-экономических и геополитических до сугубо субъективных). Их рассмотрение помогает понять как основные тенденции развития внешней политики Франции в XVII — начале XVIII в. (а в определенной степени и в последующие эпохи), так и феномен французского абсолютизма.

Конечно, кульминационным моментом англо-французской схватки из-за Северной Америки было английское завоевание Канады. Однако выдающееся историческое значение и грандиозные последствия взятия Квебека генералом Уолфом (1759) и подписания Парижского мира (1763) заставляют особенно пристально рассматривать подготовившие их события.

Большой интерес представляет начальный этап англо-французского соперничества в Северной Америке: от первых столкновений конца XVI — начала XVII в. и вышеупомянутого рейда Арголла (1613) до Утрехтского мира (1713), завершившего Войну за испанское наследство.

За время, которое разделяет эти события, борьба двух держав претерпела качественные изменения. Так, если в 1613 г. для действий против французов губернатором Вирджинии сэром Томасом Дэйлом был отправлен один небольшой корабль, на котором находилось три десятка волонтеров, то спустя 98 лет в 1711 г. для захвата Квебека британское правительство выделило семь отборных полков регулярных войск и мощную эскадру. Если первоначально Лондон и Париж отделяли заморские сюжеты от «большой» политики, то в ходе общеевропейских войн конца XVII — начала XVIII в. (Войны Аугсбургской лиги и Войны за испанское наследство) колонии стали одним из театров боевых действий, и их судьбе было уделено значительное внимание при подготовке и подписании мирных договоров. Если первые столкновения между англичанами и французами имели место лишь на пограничных территориях современного северо-востока США и Атлантического региона Канады, то последующие конфликты охватили значительную часть континента от Каролины и Луизиа-

[10] *Сили Дж. Р.* Указ. соч. С. 18–19.

ны на юге до побережья Гудзонова залива на севере. Если на первых порах англо-французское соперничество представляло собой главным образом конфликт двух колониальных держав, то затем число его участников (акторов) расширилось. Свои собственные интересы, отличные от интересов метрополий, стали формулировать и стремиться проводить в жизнь наиболее развитые английские колонии, прежде всего Массачусетс и Нью-Йорк. Определенную степень самостоятельности в принятии внешнеполитических решений de facto приобрела и Новая Франция. В борьбу бледнолицых втягивалось все больше индейских племен, которые при этом также пытались (хотя весьма своеобразно и не всегда успешно) отстаивать свои интересы. Наконец, если первоначально борьба между двумя державами и их подданными велась главным образом из-за отдельных спорных районов, то в конце XVII — начале XVIII в. участники конфликта стали строить амбициозные планы завоевания и полного подчинения североамериканских владений соперника, причем англичане и жители их колоний дважды предприняли попытку претворить подобные планы в жизнь.

Каким образом и в силу каких причин произошел такой переход от пограничных стычек к грандиозной схватке, ареной и одновременно ставкой в которой стал целый континент? Насколько закономерным и необратимым было развитие англо-французского конфликта в Северной Америке? Можно ли сказать, что его исход был предопределен и если да, то в какой степени и с какого момента? Какие цели преследовали Лондон и Париж на Североамериканском континенте, и какие средства они использовали для их достижения? Как эти цели и средства менялись и как они соотносились с интересами английских и французских поселенцев? Какую роль последние сыграли в борьбе своих метрополий и насколько эта роль была самостоятельна? Какова была связь между европейскими и колониальными конфликтами? Какое влияние оказывало соперничество Англии и Франции на различные стороны внутренней жизни их колониальных владений (прежде всего на развитие национального самосознания поселенцев и формирование их собственных подходов к внешнеполитическим проблемам).

Представляется, что приблизиться к ответу на эти вопросы можно, рассмотрев причины, ход, специфику, движущие силы англо-французских отношений и соперничества на Североамериканском континенте и применительно к нему в 1613–1713 гг., сделав основной упор на внешнеполитическом и дипломатическом аспектах данного процесса и выяснении стратегии и тактики его участников. Этому и посвящена книга, прелагаемая вниманию читателей.

Свидетельства источников, оценки и споры исследователей

Источники

Круг источников для изучения выбранной нами темы чрезвычайно широк. Отчеты колониальных чиновников о столкновениях и конфликтах с представителями других держав; инструкции властей метрополий, предписывавших своим подданным ту или иную линию поведения по отношению к соседям; документы, относящиеся к прямым межколониальным контактам; материалы, позволяющие проследить процесс выработки и принятия внешнеполитических решений и международных соглашений различного уровня; официальные и неофициальные свидетельства участников, очевидцев и современников событий, — все это составляет источниковую базу данного исследования.

Архивные материалы. Не все источники по интересующей нас проблематике опубликованы. По ходу работы над монографией были привлечены документы, отложившиеся в Архиве министерства иностранных дел Франции (Париж), Архиве Квебекской семинарии (Квебек), Публичном архиве Канады (Оттава). Автор также имел возможность работать с относящимися к Северной Америке документами Колониального и Национального архива Франции, которые в микрофильмированном виде были любезно предоставлены ему кафедрой истории Монреальского университета.

В Архиве министерства иностранных дел Франции документы, относящиеся к теме монографии, сосредоточены в так называемых Старинных фондах (эти фонды включают материалы XVI–XIX вв.). Нами использовались материалы из двух субсерий: «Политическая корреспонденция — Англия» и «Записки и документы — Америка». Материалы первой из них затрагивают различные аспекты отношений Парижа и Лондона, в том числе и колониальные проблемы. Отложившиеся в данной субсерии проекты соглашений, инструкции, которые получали французские дипломаты, их донесения об официальных переговорах и неофициальных встречах с английскими представителями, позволяют судить о том месте, которое занимали сюжеты, связанные с Северной Америкой, в политике двух держав и какова была позиция их властей по колониальному вопросу в целом; о том, как вырабатывались и принимались конкретные решения, связанные с заморскими территориями, о позиции тех или иных политических деятелей по интересующим нас проблемам и т. п. Во второй из двух вышеназванных субсерий собраны документы, непосредственно относящиеся к Западному полушарию. Это прежде все-

го записки по колониальным вопросам, составлявшиеся для французских дипломатов, разного рода пояснительные материалы к ним, а также копии некоторых официальных документов и писем государственных деятелей, непосредственно посвященных заморским сюжетам.

Аналогичный характер носят привлеченные нами материалы Публичного архива Канады из субсерий MG5–A1 и MG5–B1, которые содержат копии документов из французских архивов, относящихся к Североамериканскому континенту. Названия этих субсерий повторяют французские: «Политическая корреспонденция — Англия» и «Записки и документы — Америка» соответственно (хотя и не полностью дублируют их содержание).

Несколько иной характер носят материалы из Архива Квебекской семинарии. В субсерии «Ценная корреспонденция» серии «Администрация Квебекской семинарии» собраны письма (как официальные, так и личные) священнослужителей Новой Франции. Позиции католической церкви в Канаде в эпоху французского колониального господства были чрезвычайно сильны, и ее иерархи являлись весьма влиятельной частью канадского общества. Духовенство было очень хорошо информировано о мирских делах колонии и метрополии. Его представители вели обширную переписку со всеми крупнейшими государственными и общественными деятелями, а также гражданскими и военными администраторами Старой и Новой Франции. Данное обстоятельство делает документы из вышеназванной субсерии чрезвычайно ценными. Их изучение проливает свет на такие сюжеты, как отношение канадской администрации и колониальной верхушки к политике правительства метрополии, к соседним английским колониям, к перспективам французской экспансии в Северной Америке и т. п.

Наиболее широкий круг проблем, связанных с заморскими владениями, охватывают документы из Колониального архива Франции (сейчас этот архив находится в Экс-ан-Провансе) и парижского Национального архива. Нами были использованы материалы следующих серий Колониального архива: серия B («Министерская корреспонденция и указы и послания короля. Письма, отправленные в колонии»), где собраны все официальные послания, приказы, инструкции и другие официальные бумаги, направлявшиеся французским правительством в колонии от имени короля и его министров; серия $C^{11}A$ («Общая корреспонденция — Канада»), включающая донесения колониальных чиновников (губернаторов, интендантов) и Высшего Совета из Канады; серии $C^{11}C$ («Общая корреспонденция — Ньюфаундленд, острова Мадлен и Сен-Жан») и $C^{11}D$ («Общая корреспонденция — Акадия»), где содержатся аналогичные ре-

ляции, поступавшие соответственно от губернаторов и комендантов французских постов на Ньюфаундленде и других островах залива Св. Лаврентия и от губернаторов и других чиновников из колонии Акадия.

Из фондов Национального архива были использованы некоторые документы из серий F^2A — колонии и F^3 — коллекция Моро де Сен-Мери. В первой из них отложились бумаги, относящиеся главным образом к колониальной торговле, вторая — содержит разнообразные материалы (в основном официальные документы), относящиеся к французским колониям, которые были собраны в конце XVIII — начале XIX в. видным колониальным чиновником, официальным историографом военно-морского флота Франции М.-Л.-Э. Моро де Сен-Мери.

В целом, несмотря на большое количество тематических и особенно общих публикаций различных исторических источников, относящихся к рассматриваемому нами периоду, в канадских и французских архивах (а также в архивах США и Великобритании) еще содержится ряд ценных документов, не привлекавших внимания исследователей и не введенных в научный оборот.

Публикации документов. Имеется лишь две специальные подборки источников, относящихся непосредственно к дипломатическому аспекту англо-французского соперничества в Северной Америке. Первая — это составленный Ф. Г. Дейвенпорт сборник международных договоров и соглашений, относящихся к территории США или каким-то образом затрагивающих их.[11] Хотя в его названии фигурирует слово «европейские», на самом деле его тематика шире, так как в нем приведены и тексты соглашений, заключавшихся между колониями. Обстоятельные комментарии и критические замечания американской исследовательницы делают данное издание особенно ценным.[12] Вторая публикация представляет собой документы, относящиеся к переговорам, происходившим между Новой Англией и Новой Францией в середине XVII в. Однако составитель этой небольшой брошюры Дж. Г. Ши отобрал для нее лишь свидетельства, отражающие позицию французской стороны.[13]

Более широкий круг вопросов затрагивают публикации разнообразных документов, относящихся к организованной жителями Мас-

[11] European Treaties Bearing on the History of the United States and its Dependencies / Ed. by F. G. Davenport: In 4 vols. Washington, 1917–1936.

[12] Прежде всего это относится к первым трем томам, которые охватывают период до 1715 г. Собранные Дейвенпорт документы, относящиеся к 1716–1815 гг., были опубликованы уже после ее смерти Ч. О. Паулином и имеют гораздо более бедный вспомогательный аппарат.

[13] Recueil de pièces sur la Négociation entre la Nouvelle France et la Nouvelle Angleterre ès années 1648 et suivantes / Ed. par J. G. Shea. New York, 1866.

сачусетса экспедиции У. Фипса, пытавшейся захватить Квебек в 1690 г., и к походу британской эскадры Х. Уолкера, перед которой была поставлена задача завоевания Новой Франции, в 1711 г. Эти события явились кульминационными моментами боевых действий в Северной Америке в ходе Войны Аугсбургской лиги и Войны за испанское наследство и нашли отражение в разнообразных источниках, фрагменты из которых были опубликованы соответственно Э. Мираном и Дж. С. Грэхэмом.[14]

Значительная часть использованных нами документов содержится в английских, французских, американских, канадских публикациях общего характера, где собраны материалы, относящиеся к различным аспектам колониальной политики Лондона и Парижа и освещающие разные стороны развития их североамериканских владений. Наиболее полными и ценными среди них, несомненно, являются такие классические фундаментальные издания, как колониальная серия английских «Описей государственных бумаг» и «Протоколы и дебаты Британского парламента, относящиеся к Северной Америке»; американские «Документы, относящиеся к колониальной истории штата Нью-Йорк», «Документальная история штата Нью-Йорк», «Документальная история штата Мэн», а также ряд документальных публикаций Массачусетского исторического общества; французские «Записки и документы по истории французских истоков заморских стран. Открытия и поселения французов на западе и на юге Северной Америки», опубликованные П. Маргри; канадские «Отчеты архивариуса провинции Квебек» и «Собрание рукописей, содержащее письма, записки и другие исторические документы, относящиеся к истории Новой Франции».[15] Из более специализированных (и менее известных) публикаций значительную ценность для нас представляют «Акадия в конце XVII в.», «Королевские письма, хар-

[14] 1690: Sir William Phips devant Québec. Histoire d'un siège / Ed. par E. Myrand. Montréal, 1925; The Walker Expedition to Quebec, 1711 / Ed. and with an introd. by G. S. Graham. Toronto, 1953.

[15] Calendar of State Papers. Colonial Series. Vol. I, V, VII, IX–XXVII. London, 1860–1926; Proceedings and Debates of British Parliament Respecting North America: In 5 vols / Ed. by L. F. Stock. Washington, 1924–1941; Documents Relative to the Colonial History of the State of New York: In 15 vols / Ed. by E. B. O'Callaghan and B. Fernow. Albany, 1853–1887; *O'Callaghan E. B.* Documentary History of the State of New York: In 4 vols. Albany, 1849–1851; Documentary History of the State of Maine: In 24 vols / Ed. by W. Willis et al. Portland, 1896–1916; Mémoires et documents pour servir à l'histoire des origines françaises des pays d'Outre-Mer. Découvertes et établissements des Français dans l'Ouest et dans le Sud de l'Amérique Septentrionale: 6 t. / Ed. par P. Margry. Paris, 1879–1888; Rapport de l'Archiviste de la Province de Québec pour les années: 1928/1929; 1938/1939; 1939/1940; 1942/1943; 1946/1947; Collection de manuscrits contenant lettres, mémoires et autres documents historiques relatifs à l'histoire de la Nouvelle-France, recueillis aux Archives de la Province de Québec ou copies à l'étranger: 4 t. Québec, 1883–1885.

тии и трактаты, относящиеся к колонизации Новой Шотландии... », «Новые документы о Шамплене и его эпохе» и др.[16]

Особо следует отметить трехтомные «Записки уполномоченных Его Наихристианнейшего и Его Британского Величества о владениях и правах двух корон в Америке» — публикацию середины XVIII в., выпущенную по итогам работы двусторонней англо-французской комиссии, которая работала в Париже в 1750–1754 гг. Эта комиссия пыталась разрешить ряд старинных территориальных споров, имевших место между англичанами и французами в Северной Америке и на Антильских островах. Хотя ее деятельность не привела к выработке какого-либо политического решения, для нас она представляет огромный интерес, так как в ходе дискуссий представители обеих сторон апеллировали к различным документам XVI — середины XVIII в., которые были опубликованы в качестве приложения к отчету о ее работе.[17]

Споры английских и французских политиков по колониальным проблемам в ходе разного рода переговоров и конгрессов, а также «колониальная» (или «североамериканская») составляющая отношений двух держав в XVII — начале XVIII в. в целом, отражены в ряде публикаций дипломатических документов. Часть из них («Британские дипломатические инструкции», «Сборник инструкций, выданных представителям Франции... », «Заметки и документы, относящиеся к Рисвикскому миру» и т. п.) была подготовлены историками-профессионалами, часть («Акты и записки о мирных переговорах в Рисвике», «Акты, записки и другие подлинные документы, относящиеся к Утрехтскому миру» и т. п.) была выпущены непосредственно «по горячим следам» событий.[18]

Путевые заметки и описания, мемуары, дневники, переписка. Неофициальные и полуофициальные свидетельства эпохи (как ев-

---

[16] Acadia at the End of the Seventeenth Century: Letters, Journals and Memoirs of Joseph Robineau de Villebon, commandant in Acadia, 1690–1700 / Ed. by J. C. Webster. St. John, 1934; Royal Letters, Charters, and Tracts, Relating to the Colonization of New Scotland and the Institution of the Order of Knights Baronets of New Scotland, 1621–1638 / Ed. by D. Laing. Edinburgh, 1867; Nouveau documents sur Champlain et son époque. Vol. I: 1560–1622 / Rec. et publiés par R. Le Bant et R. Baudry. Ottawa, 1967.

[17] Mémoires des Commissaires de Sa Majesté Très-Chrétienne et de ceux de Sa Majesté Britannique sur les possessions et les droit respectifs des deux Couronnes en Amérique: 3 t. Amsterdam, 1755.

[18] British Diplomatic Instructions, 1689–1789 / Ed. by L. G. Wickham Legg. Vol. II: France, 1689–1721. London, 1925; Recueil des instructions données aux ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution Française. Vol. XXV-2. Angleterre. T. III: (1698–1791). Paris, 1965; *Lagrelle A.* Notes et documents sur la paix de Ryswick. Lille, 1894; Actes et mémoires des négociations de la Paix de Ryswick: 2 t. La Haye, 1707; Actes, mémoires et autres pièces autentiques, concernant la Paix d'Utrecht. Depuis l'année 1706 jusqu'à présent: 6 vols. Utrecht, 1712–1715.

ропейского, так и американского происхождения) также являются важной составной частью источниковой базы данной монографии. Они дают уникальную возможность уловить настроения, царившие в кабинетах и салонах Старого Света и в пограничных поселениях Нового, представить обстановку, в которой принималось то или иное решение. Перипетии англо-французского соперничества в Северной Америке нашли свое отражение в таких разнородных памятниках, как проповеди и сочинения представителей знаменитого новоанглийского семейства Мэзеров, дневник массачусетского торговца и судьи С. Сьюолла, записки настоятельницы монастыря урсулинок в Квебеке матушки Ж.-Ф. Жюшро де Сент-Иньяс, произведения барона де Ля Онтана — французского вольнодумца, служившего в конце XVII в. в Канаде, и др.[19]

Безусловно, большое значение имеют мемуары и переписка английских и французских монархов, дипломатов, государственных и политических деятелей, вершивших (зачастую не подозревая об этом) судьбы Нового Света. В то же время в наследии большинства из них колониальным и конкретно североамериканским сюжетам отведено весьма скромное место (это относится к таким фигурам, как Людовик XIV, Вильгельм III, Ришелье, Кромвель, Кольбер, Болинброк, Торси и др.).[20]

Весьма важным источником являются знаменитые «Донесения иезуитов» из Новой Франции (регулярно печатавшиеся в Париже с середины 1630-х годов) и другие документы представителей этого ордена, содержащиеся в фундаментальной 73-томной публикации Р. Г. Туэйтса.[21] Иезуиты обладали огромным влиянием в Новой Франции и часто находились в самой гуще важнейших политических событий, выступая в качестве советников колониальных властей, дипломатов и даже военных руководителей.

Определенную ценность представляют разнообразные путевые

---

[19]См., напр.: *Mather C.* Magnalia Christi Americana: In 2 vols. Hartford, 1820; Diary of Samuel Sewall // Massachusetts Historical Society Collections: In 5th Series. Vol. VI; Les Annales de l'Hôtel-Dieu de Québec, 1636–1716. Composées par les Rev. Mères J.-F. Juchereau de St. Ignace et M. A. Duplessis de Ste. Hélène ancienne Religieuse de ce Monastère / Ed. dans leur texte original avec une Introduction et des Notes par Dom A. Jamet de l'Abbaye de Solesmes. A l'Hotel-Dieu de Québec, 1939 (Réimpression en facsimillé: 1984); *La Hontan L.-A. de Lom d'Arce, baron de.* 1) Les nouveau voyages de monsieur le baron de La Hontan dans l'Amérique septentrionale. La Haye, 1703; 2) Les mémoires de l'Amérique septentrionale ou la suite de voyages de monsieur le baron de La Hontan. La Haye, 1703.

[20]См., напр.: *Torcy J.-B. Colbert, marquis de.* Mémoires de monsieur de Torcy, pour servir à l'histoire des négociations depuis le traité de Riswick jusqu'à la paix d'Utrecht: 3 t. London; Amsterdam; Utrecht, 1757.

[21]The Jesuit Relations and Allied Documents: In 73 vols / Ed. by R. G. Thwaites. Cleveland, 1896–1901.

заметки и журналы, описания войн с индейцами и другие нарративные источники.[22] Особое место здесь занимают произведения таких известных деятелей английской и французской колонизации Северной Америки, как Хэмфри Гилберт, Уолтер Рэли, Джон Смит, Самюэль де Шамплен, Николя Дёни и др., являвшихся не только практиками, но и теоретиками колониальной экспансии.[23]

Сочинения колониальных хронистов. Произведения первых историков Английской и Французской Америки являются чрезвычайно ценным историческим источником, хотя они, безусловно, должны рассматриваться так же как научные труды. Их авторы строили свои работы не только на материале уникальных документов, многие из которых были впоследствии утрачены, но и на своем личном опыте. Зачастую они были творцами колониальной истории не только в переносном, но и в прямом смысле. В наибольшей степени это относится к таким классическим ранним хроникам Английской Америки, как «Журнал истории Новой Англии» Дж. Уинтропа, «История поселения в Плимуте» У. Брэдфорда, «Чудесное провидение» Э. Джонсона.[24] История колониальной экспансии Франции и французских колоний в Северной Америке нашла отражение в работах М. Лекарбо и Г. Сагара Теода.[25]

Несколько более научный (хотя отнюдь не всегда критический) характер носят работы авторов второй половине XVII — первой половины XVIII в. В английских колониях это прежде всего К. Колден, Т. Принс, У. Стит; во владениях Парижа — Ф. Дю Крё, П. Буше, П. Ф. К. де Шарлевуа.[26]

---

[22] См.: Travels and Works of Captain John Smith: In 2 vols / Ed. by E. Arber. Edinburgh, 1910; *Champlain S. de.* Œuvres de Champlain: 3 t. / Presenté par G.-E. Giguère Montréal, 1973; Narratives of the Indian Wars, 1675–1699 / Ed. by Ch. H. Lincoln. New York, 1913 (reprint 1941).

[23] *Denys N.* Description géographique et historique des costes de l'Amérique septentrionale. Avec l'histoire naturelle du païs: 2 t. Paris, 1672.

[24] Winthrop's Journal History of New England: In 2 vols / Ed. by J. K. Hosmer. New York, 1908; Bradford's History of Plimouth Plantation, 1606–1646 / Ed. by W. T. Davis. New York, 1908; Johnson's Wonder-Working Providence, 1628–1651 / Ed. be J. Franklin Jameson. New York, 1910.

[25] *Lescarbot M.* Histoire de la Nouvelle France. Paris, 1609 (rééd. Paris, 1866. 3 t).

[26] *Colden C.* The History of Five Indian Nations in Canada, which are Dependent of the Province of New York in America, and are the Barrier between the English and French in that Part of the World. London, 1747; *Stith W.* The History of the First Discovery and Settlement of Virginia Williamsburg, 1747; *Prince Th.* A Chronological History of New England. Boston, 1736; *Creuxio F.* Historiæ canadensis seu Novæ Franciæ. Parisiis, M.D.C.LXIV (transl.: *Du Creux F.* History of Canada. Toronto, 1951); *Boucher P.* Histoire véritable et naturelle des mœurs et production de pays de la Nouvelle France, vulgairement dite le Canada. Paris, 1664 (rééd. Boucherville, 1964); *Charlevoix P. F. X. de.* Histoire et description générale de la Nouvelle France: 3 t. Paris, 1744.

Памфлеты, статьи в периодических изданиях XVII — начала XVIII в. Еще одним важным источником является периодическая печать XVII — начала XVIII в. Причем, если английские и французские газеты интересны прежде всего как носители информации, отражающей официальную позицию Лондона и Парижа по тем или иным вопросам, то «Бостон ньюс-леттер» дает представление о настроениях правящей верхушки Новой Англии.

Позиция общественности и официальных кругов метрополий и колоний по наиболее злободневным политическим вопросам нашла отражение в разнообразных памфлетах, выходивших по обе стороны океана. Их авторами были самые разные люди: от колониальных агентов и проповедников до крупнейших писателей и публицистов того времени (достаточно назвать такие имена, как Дж. Аддисон и Дж. Свифт).[27]

Картографический материал. Чрезвычайно важным источником для раскрытия выбранной нами темы являются карты XVII — начала XVIII в., которые дают представления не только об уровне географических представлений того времени, но и о притязаниях соперничавших держав на те или иные территории североамериканского континента. Помимо исторических атласов,[28] богатые коллекции репродукций старинных карт, а также исторических карт, составленных современными специалистами, в настоящее время можно найти в сети Интернет.[29]

Литература

О колониальной Северной Америке написано немало. Однако подавляющее большинство работ посвящено различным аспектам становления и развития английских либо французских колоний, спе-

[27] См., напр.: *Dummer J.* 1) A Letter to a Friend in the Country. London, 1712; 2) A Letter to a Noble Lord Concerning the Late Expedition to Canada. Boston, 1712; The English Empire in America: Or a Present State of Their Majesties Dominions in the West-Indies. London, 1692; Frontiers Well-Defended. An Essay, to Direct the Frontiers of a Country Exposed unto the Incursions of a Barbarous Enemy, how to Behave Themselves in Their Uneasy Situation? Boston, 1707; *Addison J.* The Present State of the War and the Necessity of an Augmentation, Considered. London, 1707.

[28] Atlas de la Nouvelle France. Québec, 1968; Atlas of American History / Ed. by J. T. Adams. New York, 1943; Atlas of the Historical Geography of the United States / Ed. by Ch. O. Paullin, J. K. Wright. Washington; New York, 1932; Canada: Historical Maps — Cartes historiques. Ottawa, 1980; A Historical Atlas of Canada / Ed. by D. G. G. Kerr. Toronto, 1961; *Trudel M.* Atlas historique du Canada français. Des origines à 1867. Québec, 1961.

[29] См., напр.: The New World / University of Georgia Libraries. Hargrett. Rare books & Manuscripts Library. Rare Maps Collection // URL: http://www.libs.uga.edu/darchive/hargrett/maps

цифике колониальной экспансии Лондона или Парижа, зарождению американского или канадского народа. Интерес ученых США и Канады к историческому прошлому своих стран, так же как и интерес специалистов из Великобритании и Франции к истории заморских предприятий двух могущественных колониальных держав нового времени, вполне понятен. Однако удивительно, что на фоне обилия общих и специальных работ по ранней американской и канадской истории, а также истории английской и французской колониальной экспансии внешнеполитический аспект истории колониальной Северной Америки остался практически вне поля зрения исследователей.

Специальные исследования. Дипломатической истории англо-французского соперничества в Северной Америке посвящена монография известного американского либерального историка и политолога М. Сейвелла «Происхождение американской дипломатии. Дипломатическая история Английской Америки, 1492–1763».[30] В этой фундаментальной работе Сейвелл сконцентрировал свое внимание на внешнеполитической составляющей колониального прошлого Западного полушария и на роли американских сюжетов в европейской политике, поставив перед собой задачу «удовлетворить потребность в нарративной истории вовлечения английских колоний в Америке в международные отношения в период, предшествовавший Американской революции».[31] Американский исследователь впервые ввел в научный оборот множество ценных документов из европейских, американских и канадских архивов, что позволило ему сделать ряд интересных наблюдений. Однако первые восемь глав данной монографии, охватывающие период до 1713 г., Сейвелл по его собственному признанию практически целиком построил на материалах, собранных уже упоминавшейся нами Ф. Г. Дэйвенпорт.[32] Эта часть книги почти не содержит каких-либо оценок описываемых событий. Сейвелл здесь зачастую ограничивается дословным повторением комментариев своей предшественницы. Гораздо бóльший интерес представляют главы, посвященные событиям 1713–1763 гг., основанные на собственных архивных разысканиях Сейвелла (и занимающие почти 2/3 объема книги). В тех же главах, где речь идет о XVII — начале XVIII в., перипетии дипломатической борьбы, происходившей вокруг колоний, часто рассматриваются вне связи с основными тенденциями развития внешней политики Лондона, Парижа и других европейских столиц (Сейвелл затронул и некоторые проблемы,

[30] См.: *Savelle M.* The Origins of American Diplomacy: The International History of Angloamerica, 1492–1763. New York; London, 1967.

[31] Ibid. P. VII.

[32] Ibid. P. VII–VIII.

связанные с англо-испанскими и англо-голландскими отношениями на Североамериканском континенте и с отношениями колониальных держав в Вест-Индии). Американский ученый также несколько преувеличил роль колониальных сюжетов в европейской политике и колониальных театров боевых действий в европейских войнах (особенно в период до 1713 г.). Однако самым существенным моментом, с которым мы не можем согласиться, является то обстоятельство, что Сейвелл экстраполировал значимость последствий рассматриваемых им событий на сами эти события.

Кроме работы Сейвелла к числу специальных исследований по интересующей нас теме можно отнести только небольшую обобщающую статью Ч. Картера, попытавшегося создать широкую картину трансформации роли Нового Света в международных отношениях на протяжении двух с половиной столетий (от XVI в. до 1739 г.).[33] Однако основное внимание Картер уделил роли Нового Света в англо-испанских отношениях; колониальный аспект отношений Лондона и Парижа им не рассматривался. В то же время ряд замечаний Картера, касающиеся позиции Англии и Франции по отдельным внешнеполитическим аспектам колониальной политики, несомненно, представляют интерес.

Отношения англичан и французов в Северной Америке и применительно к Северной Америке рассматривались в ряде специальных исследований, посвященных колониальным войнам и соперничеству двух держав в целом, прямым межколониальным связям, идеологическим аспектам заморской экспансии Лондона и Парижа, отдельным лицам, имевшим то или иное отношение к интересующим нас сюжетам, а также в общих работах по ранней истории США и Канады, истории внешней и колониальной политики Англии и Франции, истории международных отношений XVII — начала XVIII в.

В работах, освещающих англо-французское соперничество на Североамериканском континенте, основное внимание традиционно уделялось чисто военным сюжетам. Так, еще в 1871 г. английский историк-любитель Х. Кёрк выпустил книгу, содержащую подробное описание каперских экспедиций в Канаду, совершенных его предками Джарвисом, Луисом, Томасом и Дэвидом Кёрками в период англо-французской войны 1627–1629 гг.[34] Изучением военных конфликтов колониального периода активно (хотя и не професси-

---

[33] *Carter Ch. H.* The New World as a Factor in International Relations, 1492–1739 // First Images of America: The Impact of the New World on the Old: In 2 vols / Ed. by F. Chiapelli. Vol. I. Berkeley; Los Angeles; London, 1976. P. 231–263.

[34] *Kirke H.* The First English Conquest of Canada with Some Account of the Earliest Settlements in Nova Scotia and Newfoundland. London, 1871.

онально) занимались многочисленные исторические и генеалогические общества, широко распространенные в США во второй половине XIX в.

Широкий круг вопросов, связанных с англо-французским соперничеством в колониальной Северной Америке, был рассмотрен Ф. Паркменом — выдающимся американским историком, ярким представителем романтической школы в историографии США. Бóльшую часть своей жизни Паркмен посвятил созданию монументальной эпопеи «Франция и Англия в Северной Америке» об истории французской экспансии на Североамериканском континенте и борьбе двух колониальных империй. Из семи монографий, составляющих это грандиозное произведение, к интересующему нас временному отрезку и проблематике в наибольшей степени относятся пятая — «Граф Фронтенак и Новая Франция при Людовике XIV» (1877), где подробно рассматривается канадская история 1672–1701 гг., и шестая — «Полвека конфликта» (1892), посвященная событиям 1700–1748 гг. Кроме того, следует назвать первую книгу цикла — «Пионеры Франции в Новом Свете» (1865), охватывающую начальный период французской экспансии в Северной Америке (до 1635 г.), и четвертую — «Старый Порядок в Канаде» (1874), где дается общая характеристика социального и политического устройства Новой Франции, ее военной организации, а также затрагиваются некоторые проблемы, связанные с историей колонии Акадия в середине XVII в.[35]

В этих объемных работах собран и увлекательно изложен огромный фактический материал, почерпнутый Паркменом из архивных документов, многие из которых он ввел в научный оборот впервые. Современники, отмечая легкость, ясность и красоту его стиля, сравнивали Паркмена с В. Ирвингом, Ф. Купером и В. Скоттом.[36] В последующие десятилетия за его произведениями прочно закрепилась репутация «самого выдающегося достижения века исторического романтизма».[37]

Однако, располагая колоссальным количеством уникальной информации, вникая в мельчайшие подробности не только крупных военных операций, но и отдельных пограничных стычек, Паркмен трактовал причины, движущие силы и характер конфликта фран-

---

[35] См.: *Parkman F.* France and England in North America: In 2 vols. New York, 1983 (Vol. 1: Pioneers of France in the New World; The Jesuits in North America; La Salle and the Discovery of the Great West; The Old Régime in Canada; Vol. 2: Count Frontenac and New France under Louis XIV; A Half-Century of Conflict; Moncalm and Wolfe).

[36] См.: *Gale R. L.* Francis Parkman. New York, 1973. P. 166.

[37] *Morison S. E., Commager H. S.* The Growth of American Republic: In 2 vols. Vol. II. 5th ed. New York, 1962. P. 374.

цузов и англичан в Северной Америке только в одном ключе. Для него этот конфликт — противостояние сил католической «папистской» феодальной реакции, авторитаризма и клерикализма, которые изначально были обречены на поражение, и протестантского прогресса, свободы и демократии, которые, безусловно, должны были победить: «Это была борьба <...> прошлого против будущего, старого против нового, нравственной и интеллектуальной апатии против нравственной и интеллектуальной жизни, бесплодного абсолютизма против свободы...».[38] Нетрудно догадаться, что, с точки зрения Паркмена, «бесплодный абсолютизм» вкупе с католицизмом, феодальными институтами и т. п. безуспешно пытались привить на американской земле французы, а носителями и защитниками «свободы» являлись англичане и особенно жители английских колоний. «Спор на этом континенте между свободой и абсолютизмом никогда не подвергался сомнению», — констатировал американский историк.[39]

Паркмен также придерживался провиденциалистского взгляда на историю в целом и на борьбу двух держав в Северной Америке в частности, утверждая, что само Провидение обеспечило триумф англо-американцев и обрекло французов на поражение. Например, в предисловии к «Графу Фронтенаку» он писал, что в ходе колониальных войн конца XVII — начала XVIII в. «Новая Франция сражалась против Рока, который ее собственный органический недостаток сделал неизбежным».[40]

В соответствии с этими установками англо-французское соперничество изображалось Паркменом как линейный, необратимый и абсолютно неизбежный и необходимый процесс, исход которого был заранее предопределен. Английское завоевание Канады, увенчавшее полуторавековой конфликт двух колониальных империй, Паркмен считал высшим благом для «упорствовавших» канадцев, которым Англия «шпагой навязала <...> дар рациональной и упорядоченной свободы». По его словам, «ни с каким народом не случалось более счастливого бедствия, чем то, что представляло собой завоевание Канады британским оружием».[41]

Безусловно, Паркмен был представителем своей эпохи, и неудивительно, что, как и большинство американских историков XIX в., он часто игнорировал социальную и экономическую подоплеку рассматривавшихся им сюжетов; делал акцент на деятельности выдающихся англо-саксонских «мужей»; к французам и католической церкви

[38] *Parkman F.* Op. cit. Vol. 2. P. 869.
[39] Ibid. Vol. 1. P. 712.
[40] Ibid. Vol. 2. P. 9.
[41] Ibid. Vol. 1. P. 1381.

относился с явным предубеждением, а к индейцам — с брезгливым пренебрежением. Однако, если эти особенности подхода Паркмена очевидны и учитываются теми специалистами, которые обращаются к его работам, то ряд других оценок, выводов и замечаний классика (также представляющихся весьма спорными) некритически воспринимается и воспроизводится многими авторами.

Во-первых, Паркмен рассматривал события, происходящие в Америке, изолированно от коллизий Старого Света и тем более не пытался выяснить их взаимосвязь. Во-вторых, он, как представляется, сознательно преуменьшал силы английских колоний, подчеркивал слабые стороны их военной организации и их незаинтересованность в конфликтах с соседями. Наоборот, Паркмен явно преувеличивал военную мощь и агрессивность противников англичан — французов и индейцев. В-третьих, он слишком линейно и упрощенно трактовал политику Великобритании по отношению к ее североамериканским колониям и Североамериканскому континенту в целом. В-четвертых, оценивая все изложенные им факты в духе своей основной концепции, Паркмен пренебрег другими как объективными, так и субъективными возможностями их истолкования. Наконец, в-пятых, вникая в мельчайшие подробности вооруженной борьбы подданных двух держав, он лишь вскользь упомянул о первых попытках установления прямых политических и экономических контактов между английскими и французскими колониями.

Взгляды Паркмена оказали очень значительное воздействие на американскую историографию и общественную мысль.[42] Однако то же самое можно сказать и о заблуждениях этого историка, который всегда был уверен в своей правоте и отвергал любую критику на основании того, что, по его мнению, никто не мог сравниться с ним в знании источников.[43] Именно благодаря Паркмену многие ученые США придерживались и придерживаются по сей день провиденциалистских взглядов на историческое прошлое Североамериканского континента и вытекающей из этого отнюдь не бесспорной оценки французской колониальной экспансии и англо-французского сопер-

[42]См.: *Starkey A.* European and Native American Warfare, 1675–1815. London, 1998. P. VII; *Wish H.* The American Historian: A Social-Intellectual History of the Writing of the American Past. New York, 1960. P. 104–108.

[43]Так, в одном из писем к пытавшемуся полемизировать с ним известному канадскому историку аббату А.-Р. Касгрену Паркмен отвергал все высказанные ему замечания на том основании, что он «проделал несравненно бóльшее исследование предмета <...> чем любой канадец», утверждая, что ни один из его канадских оппонентов «не видел и четверти использованного им рукописного материала» (см.: Letters of Francis Parkman / Ed. and with an Introd. by W. R. Jacobs: In 2 vols. Vol. II. Oklahoma-City, 1960. P. 184–185).

ничества в целом (в американских историографических и библиографических работах часто можно встретить упоминание о «паркменовском» подходе того или иного исследователя[44]).

После выхода в свет серии работ Паркмена историки США и других стран в течение длительного времени специально не занимались вопросами, связанными с военным противостоянием англичан и французов в Северной Америке. Вплоть до середины XX в. авторитет Паркмена здесь был непререкаем. Исключение составляли события Семилетней войны 1756–1763 гг. (следует подчеркнуть, что в зарубежной, а в определенной степени и в отечественной, историографии события, связанные с англо-французским соперничеством в Северной Америке в этот период, исследованы гораздо подробнее во всех аспектах).

В 1960 г. на страницах журнала «Уильям энд Мэри куотерли» известный американский историк Х. Пэкхэм (в 1955–1977 гг. — директор библиотеки Клемента Мичиганского университета) констатировал, что в историографии США «колониальные войны были потеряны» и одновременно указал на необходимость «понять значение этого периода нашей [т. е. американской. — *Ю. А.*] истории».[45]

Сам Х. Пэкхэм был, пожалуй, одним из первых американских исследователей, осмелившихся посягнуть на авторитет Паркмена. Хотя он более известен как автор нескольких нашумевших монографий по истории Войны за независимость, его внимание привлекал и колониальный период американской истории.[46] Пэкхем обратил внимание на ограниченность работ Паркмена, который, по его словам, «создавал образы, но не интерпретировал их» и «не предлагал никаких общих оценок полутора веков соперничества и борьбы».[47] Правда, в своей небольшой по объему обобщающей работе о колониальных войнах Пэкхэм сделал упор непосредственно на перипетиях вооруженных конфликтов 1689–1762 гг. (и прежде всего на их чисто военных аспектах). При этом за рамками его исследования остались чрезвычайно важные и интересные события 10–80-х годов XVII в. В соответствии со своими задачами и установками Пэкхэм уделил определенное внимание воздействию англо-французского соперничества в Северной Америке на внутриполитическое развитие английских колоний и прежде всего на их движение к независимо-

---

[44]См., напр.: Guide to American Foreign Relations / Ed. by R. D. Burns. Santa-Barbara; Oxford, 1983. P. 99.

[45]*Peckham H. H.* Speculations on the Colonial Wars // William and Mary Quarterly: 3rd Series. 1960. Vol. XVII, No 4. October. P. 463 (и прим. 2).

[46]О научной деятельности Пэкхэма см., напр.: *Dunn J. C.* In Memory of Howard H. Peckham // The Quarto. 1995. Vol. I, No 4 (September).

[47]*Peckham H. H.* Speculations... P. 463–464.

сти (оставив в стороне остальные проблемы).[48] Кроме того, в оценке французской колониальной политики Пэкхэм остался на позициях, близких к Паркмену.[49]

Различные аспекты военных (прежде всего англо-французских) конфликтов колониальной эпохи рассматриваются в ряде работ другого американского историка — профессора университета Вандербильта Д. Э. Лича.[50] Для нас наибольший интерес представляет «Оружие для империи» — скрупулезное комплексное исследование военных кампаний английских колоний в Северной Америке (ценность данной работы также обусловлена ее очень солидной источниковой базой). Помимо чисто военных сюжетов Лич сделал акцент на вопросах, касающихся воздействия колониальных войн на внутреннюю жизнь английских владений, на развитие национального самосознания их жителей.

В аналогичном (по тематике) ключе выдержана монография Дж. Ратледжа «Век конфликта: борьба между французами и британцами в колониальной Америке».[51] Однако по сравнению с вышеназванными работами Пэкхэма и Лича она написана исключительно с «паркменовских» позиций и носит весьма эмоционально выраженный антифранцузский характер. Так, давая общую оценку англо-французскому соперничеству, Дж. Ратледж безапелляционно заявлял, что в колониальной Северной Америке «не могло быть никакого более или менее прочного мира до тех пор, пока знамя с лилиями продолжало развеваться хотя бы над одним акром канадской земли!».[52]

Пэкхэма, Лича, Ратледжа интересовали военные аспекты англо-французского соперничества, а также его воздействие на внутреннее развитие английских колоний. Они сделали ряд ценных наблюдений, касающихся не только тактики, но и стратегии участников конфликта, их политических целей (у Лича это касалось не только англичан и английских колонистов, но и французов). В то же время собственно дипломатическая история борьбы двух держав, а также прямые межколониальные контакты остались вне поля зрения этих специалистов.

То же самое можно сказать и о монографиях из выходившей в

[48]См.: *Peckham H. H.* Colonial Wars, 1689–1762. Chicago, 1964.

[49]См.: *Peckham H. H.* Speculations... P. 470.

[50]*Leach D. E.* 1) Flintlock and Tomahawk: New England in King Philip's War. New York, 1958; 2) Arms for Empire: A Military History of the British Colonies in North America, 1607–1763. New York, 1973; 3) Roots of Conflict: British Armed Forces and Colonial Americans, 1677–1763. Chapel Hill, 1986.

[51] *Rutledge J. L.* Century of Conflict: The Struggle between the French and British in Colonial America. Toronto, 1956.

[52]Ibid. P. 276.

послевоенные десятилетия в США серии книг по истории американской «границы», где также затрагивались конфликты английских поселенцев с французами и индейцами. Больше всего внимания этим конфликтам уделил В. У. Крейн, рассмотревший развитие событий на юго-востоке современных Соединенных Штатов в последней трети XVII — первой трети XVIII в.;[53] в меньшей степени — другие авторы, писавшие о северной, атлантической и новоанглийской границах.[54]

Стратегический аспект англо-французского соперничества в Северной Америке был рассмотрен известным англо-канадским историком У. Дж. Эклзом, основные работы которого увидели свет в 1960-е — начале 1980-х годов.[55] С точки зрения Эклза — признанного специалиста по истории Новой Франции последней трети XVII в. — при Людовике XIV (да и в последующие десятилетия) вся политика Версаля в Северной Америке диктовалась прежде всего военными и политическими соображениями. При этом главной целью французского правительства, по мнению Эклза, было не развитие собственных колониальных владений, а недопущение расширения британской империи на Североамериканском континенте.[56]

Публикации Эклза неоднократно вызывали острые дискуссии среди историков Старого и Нового Света, критиковавших его оценки.[57] Однако Эклз активно отстаивал свои взгляды; в первой половине 1990-х гг. он выступил с критикой подходов, господствующих в историографии последних десятилетий.[58]

Геополитический и геостратегический аспекты борьбы Лондона и Парижа в Северной Америке затрагивались в монографиях англо-канадского специалиста Дж. С. Грэхэма,[59] его американского коллеги К. Дэвиса[60] и в коллективном труде современных французских

---

[53] *Crane V. W.* The Southern Frontier, 1670–1732: 3rd ed. Ann Arbor, 1964.

[54] См.: *Vaughan A.* New England Frontier: Puritans and Indians, 1620–1675. Boston, 1965; *Leach D. E.* The Northern Colonial Frontier, 1607–1763. New York, 1966; *Wright L. B.* The Atlantic Frontier: Colonial American Civilization, 1607–1763. Ithaca, 1963 (First ed. — 1947).

[55] См.: *Eccles W. J.* 1) Canada under Louis XIV, 1663–1701. Toronto, 1964; 2) Essays on New France; 3) France in America. Toronto; Vancouver; Winnipeg; Montreal, 1972; 4) The Canadian Frontier. Hinsdale, 1969.

[56] *Eccles W. J.* New France and the French Impact on North America / Eccles W. J. Essays on New France. P. 141.

[57] См., напр.: *Pilgrim D. G.* France and New France: Two Perspectives on Colonial Security // Canadian Historical Review. 1974. Vol. LV, N 4.

[58] См., напр.: Revue d'histoire de l'Amérique française. 1992. Vol. XLVI, No 2 (Automne). P. 333–334; 1993. Vol. XLVI, No 3 (Hiver). P. 555–556.

[59] *Graham G. S.* Empire of the North Atlantic. The Maritime Struggle for North America: 2nd ed. Toronto; London, 1958.

[60] *Davis K. G.* The North Atlantic World in the Seventeenth Century. Minneapolis, 1974.

историков Ж.-П. Пуссу, Ф. Боннишона и К. де Лемпа.[61] Все эти авторы рассматривали англо-французское соперничество в широком контексте истории развития «североатлантического мира» и борьбы за господство над морскими коммуникациями. При этом они уделили достаточно большое внимание роли колониальных сюжетов во внешней политике Лондона и Парижа.

Однако не все их выводы представляются бесспорными. Так, Пуссу, Боннишон и де Лемп объясняют слабость позиций французов в Канаде и потерю ими этой колонии исключительно тем, что Франция не была хозяйкой морских пространств.[62] Их точка зрения перекликается с тезисом Дж. С. Грэхэма о том, что в военное время заморские владения Парижа оказывались «в заложниках» у морских держав[63] (сразу же возникает вопрос — а как же тогда Испания, перестав быть ведущей морской державой, продолжала удерживать свои владения в Новом Свете?). Кроме того, основное внимание Грэхэма было сосредоточено на росте английского морского могущества;[64] французскую стратегию и тактику на морях и в колониях он оценивал достаточно упрощенно.

Рассуждения о морской стратегии Лондона в период, предшествовавший Славной революции, можно найти в недавно выпущенной монографии Б. П. Ленмана о колониальных войнах Англии периода, предшествовавшего Славной революции.[65] Однако этот британский историк очень мало пишет об англо-французском соперничестве в Северной Америке, а его вывод о том, что именно в колониях обеспечивались наиболее существенные (для Англии) результаты войн XVI–XVII вв.,[66] представляется весьма спорным.

Отдельные эпизоды борьбы двух держав и их подданных в Северной Америке стали сюжетом специальных статей. Прежде всего это глубоко фундированная статья одного из крупнейших франко-канадских историков середины XX в. Г. Фрего «Британская империя и завоевание Канады (1700–1713)».[67] В этой статье содержится очень ценный фактический материал, касающийся выработки и реализа-

[61] *Poussou J.-P., Bonnichon Ph., Lemps X. H. de.* Espaces coloniaux et espaces maritimes au XVIIIe siècle. Les deux Amériques et la Pacifique. Paris, 1998.

[62] Ibid. P. 56.

[63] *Graham G. S.* Op. cit. P. 71.

[64] Общую оценку этой и других работ Грэхэма см.: *Виноградов К. Б.* Очерки английской историографии нового и новейшего времени: 2-е изд. Л., 1975. С. 197–198.

[65] *Lenman B. P.* England's Colonial Wars, 1550–1688: Conflicts, Empire and National Identity. Harlow, 2001.

[66] Ibid. P. 6.

[67] *Frégault G.* L'Empire Britannique et la conquête du Canada (1700–1713) // Revue d'histoire de l'Amérique française. 1956. Vol. X.

ции стратегии Лондона и его североамериканских владений по отношению к Новой Франции в период Войны за испанское наследство. В то же время вывод Фрего о том, что Утрехтский мир сделал неизбежной потерю Канады французами во время Семилетней войны, также представляется отнюдь не бесспорным.

Большой интерес представляют публикации канадских историков У. Т. Моргана — о подготовке и проведении Квебекской экспедиции 1711 г.;[68] И. Ф. Золтвани — о стратегических целях французской экспансии на западе Североамериканского континента в начале XVIII в.;[69] Д. Дж. Олсопа, рассмотревшего процесс выработки британской стратегии по отношению к Североамериканскому континенту в ходе Войны за испанское наследство.[70] Позиция Компании Гудзонова залива во время этой войны рассмотрена в статье английского специалиста Э. Рича.[71] Отдельные эпизоды колониальных войн в Северной Америке в интересующий нас период рассмотрены в работах американских авторов: К. Беннета, Б. Т. Маккулли и др.[72] Следует также упомянуть труды американских (Дж. Шай, Л. Д. Кресс, С. Парджеллис) и канадских (Дж. Ф. Дж. Стэнли) специалистов о военной организации и вооруженных силах английских и французских владений.[73]

Колониальные войны англичан и французов в Северной Америке и прилегающих к ней регионах традиционно привлекали внимание историков тех стран, которые так или иначе имели к ним отношение (это касается не только вышеназванных имен, но и авторов различных общих курсов и очерков, которые мы рассмотрим ниже). В отличие от них, колониальный мир, т. е. прямые межколониальные

---

[68] *Morgan W. Th.* Queen Anne's Canadian Expedition of 1711 // Queen's Quarterly. 1928. Vol. XXXV, No 4 (April–June).

[69] См.: *Zoltvany Y. F.* New France and the West, 1701–1713 // Canadian Historical Review. 1965. Vol. XLVI.

[70] *Alsop J. D.* 1) The Age of Projectors: British Imperial Strategy in the North Atlantic in the War of Spanish Succession // Acadiensis. 1991. Vol. XXI, No 1 (Autumn); 2) Samuel Vetch's «Canada Survey'd»: The Formation of a Colonial Strategy, 1706–1710 // Acadiensis. 1982. Vol. XII, No 1 (Autumn).

[71] *Rich E. E.* The Hudson's Bay Company and the Treaty of Utrecht // The Cambridge Historical Journal. 1954. No 2.

[72] *Bennet C. E.* The Burning of Schenectady // New York History. 1932. Vol. XIII. October; *McCully B. T.* Catastrophe in the Wilderness: New Light on the Canada Expedition of 1709 // William and Mary Quarterly: 3rd Series. 1954. Vol. XI. July.

[73] *Shy J.* Toward Lexington: The Role of the British Army in the Coming of American Revolution. Princeton, 1965; *Cress L. D.* Citizens in Arms: The Army and the Militia in American Society to the War of 1812. Chapel Hill, 1982; *Pargellis S.* The Four Independent Companies of New York // Essays in Colonial History, Presented to Charles McLean Andrews by his Students. 1931 (reprint Freeport, 1966); *Stanley G. F. G.* Canada's Soldiers. The Military History of an Unmilitary People. Toronto, 1954.

отношения в Северной Америке XVII–XVIII вв., пользовались существенно меньшей популярностью у исследователей.

Данными сюжетами занимались англо- и франко-канадские ученые. Еще в середине 1940-х годов под редакцией Г. Ланкто (великолепного знатока канадских архивов и самого яркого представителя лоялистского направления во франко-канадской историографии середины XX в.) была выпущена коллективная монография «Франко-канадцы и их южные соседи».[74] Ее первых два раздела, написанных соответственно самим Г. Ланкто и Р. Параном, посвящены контактам жителей английских и французских колоний в Северной Америке в интересующий нас период. Однако, совершенно верно обратив внимание на «параллельное развитие двух народов — американцев и франко-канадцев», Ланкто и его коллеги пошли по «паркменовскому пути» и свели причины англо-французского конфликта в Северной Америке лишь к особенностям внутреннего развития английских и французских колоний, проигнорировав отношения их метрополий.[75]

В 1970–1980-е годы изучение межколониальных контактов было продолжено канадским историком украинского происхождения А. Равлыком и его англо-канадским коллегой Дж. Г. Рейдом. В монографии Равлыка были рассмотрены экономические и политические аспекты отношений Массачусетса и Акадии (прежде всего «акадийское направление» политики Массачусетса); ряд работ Рейда был посвящен проблемам, связанным с экспансией и соперничеством англичан и французов в пограничных «маргинальных» областях колониальной Северной Америки — на территории Атлантического региона Канады и на северо-востоке США.[76]

В США первые самостоятельные дипломатические акции английских колонистов были рассмотрены в уже упоминавшейся нами статье А. Баффинтона (этому же была посвящена и его диссертация, к сожалению, оставшаяся неопубликованной).[77] Кроме Баффинтона специально данным сюжетом никто из американских историков не занимался, однако еще в середине XIX в. Дж. Г. Палфри в сво-

[74] Les Canadiens français et leurs voisins du Sud / Publié sous la direction de G. Lanctot. Montréal; Toronto; New Haven; London, 1941.

[75] Ibid. P. VII.

[76] *Rawlyk G. A.* Nova Scotia's Massachusetts. A Study of Massachusetts–Nova Scotia Relations: 1603 to 1781. Montreal; London, 1973; *Reid J. G.* 1) An International Region of the Northeast: Rise and Decline, 1635–1762 // The Northeastern Borderlands: Four Centuries of Interaction / Ed. by S. J. Hornsby, V. A. Konrad, J. J. Herlin. Fredericton; Orono, 1989; 2) Acadia, Maine and New Scotland. Marginal Colonies in the Seventeenth Century. Toronto; Buffalo; London, 1981.

[77] *Buffinton A. H.* 1) The Isolation Policy of Colonial Massachusetts; 2) The Policy of the Northern Colonies towards the French to the Peace of Utrecht: Unpublished Ph. D. Dissertation. Harvard University, 1925.

ем фундаментальном труде по истории Новой Англии стюартовской эпохи, уделил определенное внимание описанию первых самостоятельных шагов администрации Массачусетса на дипломатическом поприще.[78]

Для рассмотрения внешнеполитического и дипломатического аспектов англо-французского соперничества в Северной Америке важное значение имеют работы о правовых и идеологических аспектах колониальной политики. Специалисты в данной области традиционно уделяли основное внимание возникшим еще во времена Колумба дискуссиям по поводу «прав» европейцев на захват индейских земель и на порабощение / вытеснение / истребление самих индейцев, а также папскому «разделу мира». Вопросы, касающиеся обоснования именно английских и/или французских притязаний на земли Северной Америки, межколониальных границ и т. п. привлекали их гораздо в меньшей степени. Вплоть до последнего десятилетия XX в. единственным исключением здесь была монография британского историка К. Кнорра, однако в ней «колониальные теории» рассматриваются прежде всего в контексте англо-испанских отношений (а также внутриполитического развития Англии).[79] Об англо-французском соперничестве вообще и на интересующем нас континенте в частности Кнорр упоминает лишь мимоходом.[80] Кроме этой работы можно отметить лишь небольшие разделы в исследованиях французских историков-правоведов А. Жиро[81] и П. Гонидека,[82] статью их английского коллеги Э. Чейни[83] и ряд публикаций американского специалиста У. И. Уошбёрна.[84]

Лишь в последнее время историки начали проявлять интерес к данной теме. В монографии Э. Пэгдена с символичным названием «Властелины всего мира» рассматривается испанская, французская и британская «имперская идеология» XVI–XVIII вв.[85] Однако британский исследователь отталкивается от весьма спорного утверждения, что «с первых десятилетий XVI в. современный мир был подчи-

[78] *Palfrey J. G.* History of New England during the Stuart Dynasty: In 2 vols. Vol. II. Boston, 1858. P. 144–155, 201–202, 304–307.

[79] *Knorr K. E.* British Colonial Theories. Toronto, 1944.

[80] Ibid. P. 65.

[81] *Girault A.* Principes de colonisation et de législation coloniale: 2 t. Paris, 1894.

[82] *Gonidec P.* Droit d'Outre-mer: 2 t. Paris, 1959.

[83] *Cheyney E. P.* International Law under Queen Elizabeth // The English Historical Review. 1905. Vol. XX, N 80. October.

[84] *Washburn W. E.* 1) The Meaning of «Discovery» in the Fifteenth and Sixteenth Centuries // American Historical Review. 1962. Vol. LXVIII; 2) The Moral and Legal Justifications for Dispossessing the Indians // Seventeenth-Century America: Essays in Colonial History / Ed. by J. M. Smith. Chapel Hill, 1959.

[85] *Pagden A.* Lords of All the World: Ideologies of Empire in Spain, Britain, and France, c. 1500 — c. 1800. New Haven; London, 1995.

нен борьбе между тремя главными европейскими державами — Испанией, Францией и Британией — за контроль над Новым Светом», и что при этом Америка была «главным театром этой борьбы».[86] Его коллега П. Сид посвятила свое исследование интересной, хотя и достаточно узкой проблеме — церемониям вступления во владение, практиковавшимся европейцами на начальном этапе их колониальной экспансии.[87]

Для изучения процесса формирования английской и французской стратегии по отношению к колониальным проблемам, а также для рассмотрения различных аспектов прямых межколониальных конфликтов и контактов важное значение имеют работы об отдельных участниках этого процесса: государственных деятелях, колониальных администраторах, военных, предпринимателях и т. п. Наиболее ценной из них является пользующаяся известностью книга Дж. М. Уоллера, посвященная Сэмюэлу Ветчу — одному из главных вдохновителей и организаторов наступательных операций, предпринятых Лондоном в Северной Америке на заключительном этапе Войны за испанское наследство, пожалуй, самому яркому представителю экспансионистски настроенной колониальной верхушки британских колоний начала XVIII в.[88] Большой интерес представляют жизнеописания таких личностей, как основатель Новой Шотландии сэр Уильям Александер,[89] английские колониальные губернаторы и администраторы Томас Донган,[90] Джозеф Дадли,[91] Роберт Ливингстон,[92] Уильям Фипс,[93] лорд Корнбери.[94] Французская сторона представлена биографиями «Отца Новой Франции» Самюэля де Шамплена,[95] авантюриста Шарля де Ля Тура, бывшего одно

---

[86] Ibid. P. 2.

[87] *Seed P.* Ceremonies of Possession in Europe's Conquest of the New World, 1492—1640. Cambridge, 1995.

[88] *Waller G. M.* Samuel Vetch: Colonial Enterpriser. Chapel Hill, 1960.

[89] *Slafter E.* Sir William Alexander and American Colonization. Boston, 1873.

[90] *Kennedy J.H.* Thomas Dongan, Governor of New York (1682–1688). Washington, 1930.

[91] *Kimball E.* The Public Life of Joseph Dudley, a Study of the Colonial Policy of the Stuarts in New England, 1660–1715. New York, 1911.

[92] *Leder L. H.* Robert Livingston, 1654–1728, and the Politics of Colonial New York. Chapel Hill, 1961.

[93] *Barnes V. F.* 1) Phippius Maximus // The New England Quarterly. 1928. Vol. I, No 4. July; 2) The Rise of William Phips // The New England Quarterly. 1928. Vol. I, No 3. July; *Baker E. W., Reid J. G.* The New England Knight: Sir William Phips, 1651–1695. Toronto, 1998.

[94] *Bonomi P. U.* The Lord Cornbury Scandal: The Politics of Reputation in British America. Chapel Hill; London, 1998.

[95] *Bishop M.* Champlain: The Life of Fortitude. Toronto, 1964; *Dionne N.-E.* Samuel Champlain, fondateur du Québec et père de la Nouvelle France: 2 t. Québec, 1891–1906.

время губернатором колонии Акадия,[96] губернаторов Канады графа де Фронтенака (особенно монография У. Дж. Эклза)[97] и Филиппа де Водрёя,[98] героя Новой Франции «канадского Байяра» Пьера Ле Муана д'Ибервиля.[99]

Существенно короче список работ, посвященных европейским чиновникам и непосредственно связанных с принятием решений в сфере колониальной политики (здесь можно назвать лишь отдельные статьи об Уильяме Блэтуэйте и семье Поншартренов[100]). Безусловно, чрезвычайно велико число публикаций об английских и французских монархах и государственных деятелях рассматриваемого нами периода, однако «заморская» проблематика занимает там в целом весьма незначительное место.[101]

Важным «действующим лицом» истории Северной Америки колониального периода были индейцы — непременные участники практически всех англо-французских конфликтов на этом континенте. Специфику отношений подданных двух колониальных держав в Северной Америке невозможно рассматривать без учета индейского фактора. Из работ по индеанистике стоит отметить увидевшие свет в 70–80-е годы XX в. исследования Ф. Дженнингза, предпринявшего попытку пересмотреть провиденциалистскую (а по отношению к индейцам откровенно расистскую) концепцию Паркмена и показать роль индейцев, прежде всего Лиги ирокезов, в событиях, происходивших в колониальной Северной Америке в XVII — первой поло-

---

[96] *Couillard-Deprés A.* Charles de Saint-Etienne de La Tour, Gouverneur, lieutenant-générale en Acadie et son temps, 1593–1666. Arthabaska, 1930.

[97] *Lorin A.* Le Comte de Frontenac: Etude sur le Canada français à la fin du XVIIe siècle. Paris, 1895; *Eccles W. J.* Frontenac: The Courtier Governor. Toronto, 1965.

[98] *Hammang F. H.* The Marquis de Vaudreuil: New France at the Beginning of the Eighteenth Century. Bruges; Louvain, 1938; *Zoltvany Y. F.* Philippe de Rigaud de Vaudreil: Governor of New France, 1703–1725. Toronto, 1974.

[99] *Frégault G.* Iberville le conquérant. Montréal, 1944.

[100] *Webb S.* William Blathwayt: Imperial Fixer // William and Mary Quarterly. 1968. Vol. XXV; 1969. Vol. XXVI; *Frostin Ch.* La famille ministérielle des Phélypeaux: esquisse d'un profil Pontchartrain (XVIe–XVIIIe siècles) // Annales de Bretagne. 1979. T. LXXXVI, N 1.

[101] Назовем лишь несколько использованных нами исследований: *Блюш Ф.* Людовик XIV. М., 1998; *Baxter S. B.* William III and the Defence of European Liberty, 1650–1702. New York, 1966; *Biddle S.* Bolingbroke and Harley. New York, 1974; *Bowle J.* Charles I: A Biogaphy. Boston; Toronto, 1975. *Burckhart C. J.* Richelieu: 3 t. / Trad. de l'allemagne par C. Dhorbais. Paris, 1975. *Carton Ch.* Charles I: The Personal Monarch. London; Boston; Melbourne; Henley, 1983; *Cole C. W.* Colbert and a Century of French Mercantilism: In 2 vols. New York, 1939; *Davies G.* The Early Stuarts, 1603–1660: 2nd ed. Oxford, 1959; *Dickinson H. T.* Bolingbroke. London, 1970; *Dingli L.* Colbert, marquis de Seignelay: le fils flamboyant. Paris, 1997; *Mounier R.* L'homme en rouge ou la vie du cardinal de Richelieu (1585–1642). Paris, 1992; *Petitfils J.-Ch.* Louis XIV. Paris, 1995; *Watson D. R.* The Life and Time of Charles I. London; Prescot, 1972.

вине XVIII в. и в первую очередь в англо-французском соперничестве.[102] В своих работах Дженнингз успешно соединил традиционные приемы исторического исследования с антропологическим подходом и элементами этноистории. К интересующему нас периоду относится его монография с красноречивым названием «Сомнительная империя ирокезов».[103] Ценный фактический материал собран также такими специалистами, как М. Дэннис, Д. Р. Сноу, Ж. А. Брандау, К.-Дж. Дженен, Л.-П. Дерозье, Р. Голдстейн.[104]

Англо-французские отношения и англо-французское соперничество было тесно связано со многими процессами, происходившими в колониальных империях Лондона и Парижа в XVII — начале XVIII в. Понять специфику отношений английской Америки и метрополии помогают работы К. Уббелоде, Ф. Хаффендена, Дж. М. Созина,[105] отношения английских колоний друг с другом были рассмотрены Г. М. Уордом;[106] процесс зарождения и развития национального самосознания английских поселенцев — К. Брайденбо и Э. Марьентрá.[107]

Следует упомянуть о трудах американских, канадских, английских, французских специалистов по истории отдельных колоний и регионов, являвшихся ареной и/или участниками межколониальных контактов и столкновений: Нью-Йорка,[108] Южной Каролины,[109]

[102] Его критику Паркмена см : *Jennings F.* Francis Parkman: A Brahmin among Untouchables // William and Mary Quarterly. 3rd Series. 1985. Vol. XLII, No 3. July.

[103] *Jennings F.* The Ambiguous Iroquois Empire: The Covenant Chain Confederation of Indian Tribes with English Colonies from its Beginnings to the Lancaster Treaty of 1744. New York; London, 1984.

[104] См.: *Dennis M.* Cultivating a Landscape of Peace: Iroquois-European Encounters in Seventeenth-Century America. Ithaca, 1993; *Snow D. R.* The Iroquois. Oxford; Cambridge, 1994; *Brandão J. A.* Your Fire Shall Burn No More: Iroquois Policy Toward New France and its Native Allies to 1701. Lincoln; London, 1997; *Jaenen C. J.* Friend and Foe. Aspects of French-Amerindian Cultural Contacts in the Sixteenth and Seventeenth Century. New York, 1976; *Derosier L.-P.* Iroquoisie: 4 t. Québec, 1999; *Goldstein R. A.* French-Iroquois Diplomacy and Military Relations. 1609–1701. Paris; The Hague, 1969.

[105] *Ubbelohde C.* The American Colonies and the British Empire, 1607–1763. New York, 1968; *Haffenden Ph. S.* New England in the English Nation, 1689–1713. Oxford, 1974; *Sosin J. M.* English America and Imperial Inconstancy: The Rise of Provincial Autonomy, 1696–1715. Lincoln; London, 1985.

[106] *Ward H. M.* «Unite or Die»: Intercolony Relations, 1690–1763. Port Washington, 1971.

[107] *Bridenbaugh C.* The Spirit of '76: The Growth of American Patriotism before Independence. New York, 1975; *Marientras E.* Nous, le peuple: Les origines du nationalisme américain. Paris, 1988.

[108] *Dunlap W.* History of the New Netherlands, Province of New York and State of New York to the Adoption of the Federal Constitution: In 2 vols. New York, 1839 (reprint: New York, 1970).

[109] *Weir R. M.* Colonial South Carolina: A History. Millwood, 1993.

Массачусетса,[110] Нью Гемпшира,[111] Новой Англии в целом,[112] Акадии — Новой Шотландии,[113] Ньюфаундленда,[114] Луизианы,[115] района Гудзонова залива (в последнем случае — одноименной компании).[116]

Общие работы. Из массы трудов общего характера по истории США и Канады, английской и французской внешней и колониальной политики, международных отношений и т. п. выделим прежде всего наиболее крупные комплексные исследования, затрагивающие среди прочих и те сюжеты, которые так или иначе относятся к теме нашего исследования, а также публикации, содержащие четко выраженные оценки и интерпретации интересующих нас событий.

В исследованиях по *колониальному периоду истории США* англо-французское соперничество, в основном, сводилось и сводится к отдельным батальным эпизодам «французских и индейских войн» (таково устоявшееся совокупное название боевых действий в Северной Америке в ходе четырех общеевропейских войн конца XVII — первой половины XVIII в., в которых участвовали Англия и Франция и которые затронули их колонии). При этом данные эпизоды, как правило, изображаются и трактуются в вышеупомянутом «паркменовском» духе. Безусловно, прежде всего это характерно для американской историографии, где такой подход в значительной степени объясняется традиционной, идущей еще от авторов первой половины — середины XIX в. установкой на создание «национальной истории», показывающей зарождение и развитие американского общества и государства и подчеркивающей их уникальность и исклю-

---

[110] *Labaree B. W.* Colonial Massachusetts: A History. Millwood, 1979.

[111] *Belknap J.* The History of New Hampshire: In 2 vols. Philadelphia, 1812; *Van Deventer D. E.* The Emergence of Provincial New Hampshire, 1623–1741. Baltimore, 1976.

[112] *Adams J. T.* The Founding of New England. Boston, 1921; *Ward H. M.* The United Colonies of New England, 1643–1690. New York; Washington; Hollywood, 1961.

[113] *Brebner J. B.* New England's Outpost: Acadia before the Conquest of Canada. New York, 1927; *Hannay J.* The History of Acadia from its First Discovery to its Surrender to England by the Treaty of Paris. St. John, 1879; *Lauvrière E.* La tragédie d'un peuple: histore du peuple acadien de ses origines à nos jours: 2 t. Paris, 1922–1923; *Moreau C.* Histoire de l'Acadie françoise (Amérique septentrionale). De 1598 à 1755. Paris, 1873; *Richard E.* Acadie, Reconstruction d'un chapitre perdu de l'histoire de l'Amérique: 3 t. Québec, 1916.

[114] *Cell G. T.* English Enterprise in Newfoundland, 1577–1660. Toronto; Buffalo, 1969; *Matthews K.* Lectures on the History of Newfoundland, 1500–1830. St. John's, 1988; *Prowse D. W.* A History of Newfoundland from the English, Colonial and Foreign Records. London, 1895.

[115] *Gayarré Ch.* Histoire de la Louisiane: 2 vol. Nouvelle-Orléans, 1846–1847; *Giraud M.* Histoire de la Louisiane française: 4 t. Paris, 1953–1974; *Lugan B.* Histoire de la Louisiane française, 1682–1804. Paris, 1994.

[116] *Rich E. E.* The History of Hudson's Bay Company: In 2 vols. London, 1958.

чительность.[117] Соответственно французские колонии рассматривались и рассматриваются многими историками США исключительно как источник постоянной угрозы для английских поселенцев, для всего «американского эксперимента».

Так, в начале XX в. Л. Г. Тайлер утверждал, что для жителей английских владений «опасность от французских колоний по причине их близости была гораздо более реальной».[118] Спустя полвека в сборнике статей по истории колониальной Америки, изданном Дж. М. Смитом говорилось о том, что для английских колонистов в Северной Америке «французские и испанские паписты были постоянной угрозой».[119] В начале 1970-х годов видный представитель консенсусной школы Б. У. Лабари писал: «Более века присутствие французов в Канаде висело как Дамоклов меч над головами жителей Новой Англии».[120] Аналогичные оценки можно найти и в современной литературе. В кратком очерке американской истории, изданном массовым тиражом Информационным Агентством Соединенных Штатов, можно прочитать, что в течение всего колониального периода «французы угрожали не только Британской империи, но и самим американским колонистам».[121]

Из общих курсов ранней истории США для нас наибольший интерес по вполне понятным причинам представляют работы представителей «имперской школы» в американской историографии: Г. Л. Осгуда и Ч. М. Эндрюса. Колониальный период рассматривался ими в контексте истории Британской империи, при этом на первый план выдвигались вопросы институционального, правового и административного развития.[122] Эндрюс и особенно Осгуд уделили достаточно большое внимание колониальным войнам и англо-французскому соперничеству на Североамериканском континенте. В то же время следует признать, что данный сюжет они рассматривали в целом в достаточно традиционном для американской историографии ключе. Хотя еще в 1890-е годы Осгуд указал, что история колониального периода должна быть «выведена из ее изоляции и

---

[117]Об общих тенденциях изучения колониального периода историками США см.: *Уткин А. И.* Американская историография колониального периода // Основные проблемы истории США в американской историографии: От колониального периода до Гражданской войны 1861–1865 гг. М., 1971.

[118]*Tyler L. G.* England in America, 1580–1652. New York; London, 1904. P. 284.

[119]Seventeenth-Century America: Essays in Colonial History / Ed. by J. M. Smith. Chapel Hill, 1959. P. 9.

[120]*Labaree B. W.* America's Nation-Time: 1607–1789. New York, 1972. P. 35.

[121]An Outline of American History / Ed. by H. Cincotta. Washington, 1994. P. 43.

[122]Критику «имперской школы» см.: *Смолова Т. А.* «Имперская школа» в буржуазной историографии США и проблемы ранней американской истории: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1983.

предстать как естественный результат истории Европы»,[123] борьба англичан и французов рассматривалась им как раз вне истории Старого Света, вне связи с европейской политикой Лондона и его отношений с Парижем. Кроме того, анализируя имперскую политику, Осгуд и его коллеги зачастую не обращали внимание на отношение колонистов к этой политике, а также на тот факт, что социальное, экономическое и политическое развитие заморских владений Лондона шло не только под воздействием метрополии, но и местных условий.[124]

Безусловно, рассмотрение военных и политических проблем ранней истории США невозможно без обращения к фундаментальным трудам таких крупнейших американских ученых XIX–XX вв., как Дж. Бэнкрофт, Дж. Фиске, Дж. Т. Адамс, Л. Ледер, Д. Бурстин, Г. М. Уорд и др.[125]

В то же время следует отметить, что в современной американской историографии колониального периода основное внимание исследователей в значительной мере переключилось на социальную, культурную, гендерную, интеллектуальную, демографическую, этническую и т. п. историю в ущерб политической, институциональной и военной.[126] Конечно, нельзя сказать, что историки США полностью игнорируют данные сюжеты, однако последние, во-первых, действительно не пользуются большой популярностью, а во-вторых, даже в тех случаях, когда они рассматриваются, основное внимание уделяется событиям середины XVIII в., т. е. периоду непосредственно предшествующему Войне за независимость, а никак не более ранним эпохам.

Обращаясь к общим работам по *ранней истории Канады*, созданным учеными этой страны, следует учитывать специфику англо- и франко-канадской историографии, в течение долгого времени развивавшихся сепаратно, руководствуясь различными, подчас противоположными, идейными и методологическими установками. Так же

---

[123]Цит. по: *Ford D. R.* Herbert Levi Osgood: An American Scholar. New York, 1924. P. 72.

[124]См.: *Ubbelohde C.* Op. cit. P. 5.

[125] *Bancroft G.* History of the United States of America from the Discovery of the Continent: In 6 vols. New York, 1882–1889; *Fiske J.* Old Virginia and Her Neighbours: In 2 vols. London, 1897; *Адамс Дж. Т.* Американская эпопея. Нью-Йорк, 1953; *Leder L. H.* America — 1603–1789: Prelude to a Nation. Minneapolis, 1978 (2nd ed.); *Бурстин Д.* Американцы: колониальный опыт. М., 1993; *Ward H. M.* Colonial America, 1607–1763. Prentice Hall, 1991.

[126]О тематике исследований конца 1980-х — первой половины 90-х годов см.: *Wood G. S.* A Century of Writing Early American History: Then and Now Compared; Or How Henry Adams Got it Wrong // American Historical Review. 1995. Vol. 100, No 3. June. P. 688; см. также: Forum: The Future of Early American History // William and Mary Quarterly. 3rd Series. 1993. Vol. 50, No 2. April.

как и перед их американскими коллегами, перед франко-канадскими историками стояли задачи создания «национальной» истории (перед последними даже в большей степени, учитывая их исключительно важную роль в сохранении и развитии национального самосознания своих соотечественников). Именно эту миссию на протяжении второй половины XIX — начала XX в. выполняли такие ученые, как основатель франко-канадской историографии «канадский Мишле» Ф.-К. Гарно, историки клерикального толка Э. М. Файон и Ж.-Б. Ферлан, либеральные светские авторы Б. Сюльт и Т. Шапе и др.[127] Англо-французское соперничество в Северной Америке (в особенности его военный аспект), хотя и не являлось предметом специального изучения этих авторов, рассматривалось ими достаточно подробно. С одной стороны, это было связано с тем, что в борьбу с англичанами были втянуты все без исключения французские колонии в Северной Америке, а их жители являлись основной ударной силой в этой борьбе, с другой — с тем, что проблема взаимоотношений с англоязычным окружением на протяжении долгого времени была чрезвычайно актуальна для франко-канадского общества, и историки не могли обойти ее стороной.

Аналогичная тенденция сохранилась и в середине XX в., когда увидели свет труды Л. Гру и курс ранней истории Канады Г. Ланкто.[128] Духовный отец «нового» квебекского национализма аббат Л. Гру предложил «героическую» трактовку исторического прошлого франко-канадцев, которые, по его словам, представляли новый тип людей, «выкованный» в столкновениях с многочисленными врагами в ходе французской экспансии в Северной Америке. В отличие от него Г. Ланкто отстаивал лоялистскую / федералистскую трактовку истории Канады в эпоху французского колониального господства. Важно также отметить, что в его работе, построенной на первоклассной источниковой базе (Ланкто в течение 15 лет возглавлял «французскую секцию» Национального архива Канады), дается чрезвычайно подробное описание перипетий военной и политической истории страны до 1763 г.

Из публикаций общего характера, появившихся во второй половины XX в., отметим фундаментальную 10-томную «Историю Новой Франции», издание которой началось в 1960-е годы по инициативе

[127] См.: *Garneau F.-X.* Histoire du Canada: 5-e éd. 2 t. Paris, 1913; *Faillon E. M.* Histoire de la colonie française en Canada: 3 t. Villemarie, 1865–1866; *Ferland J. B.* Cours d'histoire du Canada: 2 vol. Québec, 1861–1865; *Sulte B.* Histoire des Canadiens-français, 1608–1880: 8 vol. Montréal, 1882–1884; *Chapais T.* Cours d'histoire du Canada: 2 t. Québec, 1921.

[128] *Groulx L.* 1) Histoire du Canada français depuis la découverte: 2 t. T. I: Le Régime français. Montréal, 1963 (1-e éd.: Montréal, 1950); 2) La naissance d'une race. Montréal, 1920; *Lanctot G.* Histoire du Canada: 3 t. Montréal, 1960–1966.

выдающегося франко-канадского ученого М. Трюделя и продолжается по сей день. К настоящему времени вышли в свет написанные самим Трюделем тома I–IV, охватывающие период 1524–1674 гг. (а также тома IX и X, посвященные событиям 1754–1764 гг.).[129]

В англо-канадской историографии период французского колониального господства в Канаде в целом и англо-французское соперничество в частности первоначально (конец XIX — первая треть XX в.) трактовались либо с ярко выраженных проанглийских позиций, либо в соответствии с «паркменовскими» установками. Первых придерживались Х. Майлз, У. Кингсфорд, многие авторы коллективного многотомного издания «Канада и ее провинции» (У. Реймонд, А. Мак-Мекан и др.);[130] вторыми руководствовались Дж. М. Ронг и многие авторы издававшихся им (совместно с Х. Лэнгтоном) «Канадских хроник».[131] Более взвешенная трактовка данного периода появилась в работах англо-канадских историков середины XX в. А. Р. М. Лауэра, Д. Г. Крейтона, М. Лонга, однако они основное внимание уделяли не военно-политическим, а социально-экономическим аспектам ранней истории Страны кленового листа.[132]

Из англоязычных работ второй половины XX в. помимо уже называвшихся трудов У. Дж. Эклза следует выделить глубоко фундированное комплексное исследование Д. Микелона по канадской истории 1700–1744 гг.[133] Определенный интерес представляют общие очерки канадской истории Э. Макинниса, Дж. Б. Бребнера, Дж. М. С. Кэрлиса и др.[134]

Особняком в канадской историографии стоит известный историк-марксист С. Б. Райерсон. В первом томе его «Истории Канадского народа» дается марксистская трактовка периода французского колониального господства в Канаде и англо-французской борь-

---

[129] *Trudel M.* Histoire de la Nouvelle France. T. I: Les vaines tentatives, 1524–1603. Montréal, 1963; T. II: Le comptoir: 1604–1627. Montréal; Paris, 1966; T. III: La seigneurie de Cent-Associés, 1627–1663: 2 pt. Montréal, 1979; T. IV: La seigneurie de la Compagnie des Indes occidentales, 1663–1674. Montréal, 1994.

[130] *Miles H. H.* The History of Canada under the French Regime, 1535–1763. Montreal, 1872; *Kingsford W.* The History of Canada: In 10 vols. Toronto, 1887–1898; Canada and its Provinces: A History of the Canadian People and their Institutions / Ed. by A. Shortt and A. Doughty: In 22 ols. Toronto, 1913–1917.

[131] *Wrong G. M.* 1) The Rise and Fall of New France: In 2 vols. New York, 1928; 2) The Canadians: the Story of a People. New York, 1938; Chronicles of Canada: In 32 vols / Ed. by G. M. Wrong and H. H. Langton. Toronto, 1920–1921.

[132] *Lower A. R. M.* Colony to Nation: A History of Canada. Toronto, 1946; *Creighton D. G.* Dominion of the North: A History of Canada. Boston, 1944; *Long M. H.* A History of the Canadian People: In 2 vols. Toronto, 1942.

[133] *Miquelon D.* New France, 1701–1744: A Supplement to Europe. Toronto, 1987.

[134] *McInnis E.* Canada: A Political and Social History. New York; Toronto, 1954; *Brebner J. B.* Canada: A Modern History. Ann Arbor, 1960; *Careless J. M. S.* Canada: A Story of Challenge. Toronto, 1963.

ры в Северной Америке.[135] Хотя не все оценки Райерсона бесспорны, в целом его труды сохраняют определенное значение и сегодня.[136]

Говоря об общих тенденциях развития англо- и франко-канадской историографии ранней истории Канады, следует подчеркнуть, что здесь в последние десятилетия, так же как и в историографии США (и даже в большей степени), преобладает интерес к социально-экономическим проблемам внутреннего развития Новой Франции, к демографической, локальной, семейной истории, истории повседневной жизни и т. п.[137]

Кроме того, в современной канадской (и прежде всего франко-канадской) историографии в настоящее время господствует та точка зрения, что ранняя история Канады должна оставаться «национальной», т. е. быть прежде всего историей территории и населявших его людей, а не историей колониальных держав и их политики. Эта тенденция очень хорошо видна на примере «синтетического» (созданного с использованием структуралистских парадигм и методологии «Школы Анналов») общего очерка истории Новой Франции современного специалиста Ж. Матьё.[138] В полемике, развернувшейся после выхода в свет этой работы, Матьё заметил: «Настало время прекратить трактовать историю Новой Франции как историю Франции (и Англии) в Америке <...> но показывать как люди организовывали и обустраивали это пространство».[139]

В работах по *истории колониальной политики Англии* можно встретить различные оценки тех или иных аспектов англо-

---

[135] *Райерсон С. Б.* Основание Канады: Канада с древнейших времен до 1815 года. М., 1963.

[136] См.: Stanley Bréhaut Ryerson, un intellectuel de combat / Sous la dir. de R. Comeau et R. Tremblay. Hull, 1996.

[137] Об основных тенденциях развития франко-канадской историографии в 1950-е — первой половине 80-х годов см.: *Gagnon S.* Québec et ses historiens. Québec, 1988; об изучении проблем ранней истории Канады/Новой Франции в последнее время см.: *Hickey D.* New France: Historiographical Structures and Themes // Acadiensis. 1994. Vol. XXIV, No 1 (Autumn). P. 107–118; см. также: *Dickinson J. A., Mathieu J.* Preface // Guide d'histoire du Québec du Régime Français à nos jours. Bibliographie commentée / Sous la dir. de J. Rouillard. Montréal, 1993. P. 23–25.

[138] *Mathieu J.* La Nouvelle France. Les francophones en Amérique du Nord, XVIe–XVIIIe siècles. Paris; Saint-Foy, 1991.

[139] Réplique de Jacques Mathieu au compte rendu de W. J. Eccles sur la «La Novelle-France...» // Revue d'histoire de l'Amérique française. 1993. Vol. XLVI, No 3 (Hiver). P. 555. У. Дж. Эклз выступил главным оппонентом Матьё в этой полемике. Англо-канадский историк отстаивал более широкий взгляд на раннюю историю Канады, которую, по его мнению, невозможно понять без учета политического и военного фактора (см.: Ibid. 1992. Vol. XLVI, No 2 (Automne). P. 333–334; 1993. Vol. XLVI, No 3 (Hiver). P. 555–556).

французских отношений и борьбы двух держав за Северную Америку в интересующий нас период.

В XIX — начале XX в. в трудах английских историков преобладала апология колониальной экспансии, прославление агрессии в различных точках земного шара, в том числе и в Северной Америке. При этом Франция рассматривалась как главный конкурент (или в крайнем случае как один из главных конкурентов) Британии, и борьба с ней объявлялась необходимой и справедливой. Подобную трактовку можно встретить в работах Дж. Макгрегора, Р. М. Мартина, Ч. П. Лукаса, Дж. Р. Сили и др.[140]

Безусловно аргументы могли варьироваться. Так, Ч. П. Лукас, автор одного из наиболее крупных и обстоятельных исследований о британских колониях, появившегося на рубеже XIX–XX вв., доказывал, что завоевание англичанами французской колонии Акадия было обусловлено ее географической близостью к английским владениям на Атлантическом побережье Североамериканского континента, и поэтому она «естественно» должна была принадлежать англичанам.[141] Другой известный автор Дж. Р. Сили делал упор на военные аспекты восхождения Англии к ее «величию», а важнейшей составляющей данного процесса считал борьбу с Францией за обладание Новым Светом.[142]

Как и их американские коллеги, многие британские историки позапрошлого и начала прошлого столетия рассматривали французские колонии исключительно как источник постоянной опасности для североамериканских владений Лондона. Например Д. У. Прауз (автор известной работы по истории Ньюфаундленда) считал, что «до окончательного падения Луисбура и Квебека, Франция угрожала самому существованию Американских колоний».[143] Англичане же, по мнению другого британского историка того времени Р. М. Мартина, в ходе борьбы с Францией только «отстаивали свои права на открытые ими земли в Канаде».[144]

Более обстоятельный и взвешенный анализ колониальной политики Лондона можно найти в увидевших свет в 1920–1930-е годы известных работах Х. Эгертона, Дж. Уильямсона, а также в коллек-

---

[140] *McGragor J.* British America: In 2 vols. London, 1832; *Martin R. M.* History of Nova Scotia, Cape Breton, the Sable Island, New Brunswick, Prince Edward Island, the Bermudas, Newfoundland, etc. London, 1837; *Lucas C. P.* A Historical Geography of the British Colonies. Vol. V: Canada. Pt I: Historical. Oxford, 1901; *Сили Дж. Р.* Указ. соч.

[141] См.: *Lucas C. P.* Op. cit. P. 39.

[142] См.: *Сили Дж. Р.* Указ. соч. С. 12.

[143] *Prowse D. W.* A History of Newfoundland from the English, Colonial and Foreign Records. London, 1895. P. 187.

[144] *Martin R. M.* Op. cit. P. 181.

тивной «Кэмбриджской истории Британской империи».[145] Отдельно следует упомянуть о монографии Дж. Гатриджа, достаточно подробно рассмотревшего различные аспекты английской колониальной политики в Западном полушарии в период правления Вильгельма III.[146] Однако Гатридж, как и многие его коллеги, считал, что конфликт между англичанами и французами в Северной Америке был неизбежен в силу позиции, занятой французами. Он безапелляционно утверждал, что на этом континенте «французская политика везде была агрессивной», тогда как британские колонисты якобы демонстрировали «отсутствие агрессивности».[147]

В послевоенный период британские историки стали активнее подчеркивать экономический характер английской колониальной экспансии, затушевывая ее военные аспекты и в то же время признавая наличие в ней отдельных негативных моментов. Это хорошо видно на примере работы К. Каррингтона.[148]

С 1960-х годов в историографии английской колониальной политики важное место занял субъективистский подход. Его сторонники объясняли создание Британской империи совокупностью случайных обстоятельств. Английская экспансия в Северной Америке рассматривалась в этот период, в основном, с точки зрения выяснения причин Войны за независимость.[149]

Из работ последнего времени значительный интерес для нас представляют первый и второй тома коллективной «Оксфордской истории Британской империи».[150] Ее авторы стремились пересмотреть ряд устоявшихся оценок и трактовок британской колониальной экспансии, однако вопросы, касающиеся англо-французских отношений и соперничества в колониальной Северной Америке, рассматриваются ими в целом в достаточно традиционном для английской (и в целом англосаксонской) историографии ключе. Так, в качестве основной причины межколониальных столкновений они называют в

---

[145] *Egerton H. E.* A Short History of British Colonial Policy: 7th ed. London, 1924; *Williamson J. A.* A Short History of British Expansion: The Old Colonial Empire. London, 1930; The Cambridge History of the British Empire: In 8 vols / Ed. by J. Holland Rose, A. P. Newton, E. A. Benians. Cambridge, 1929–1959.

[146] *Guttridge G. H.* The Colonial Policy of William III in America and West India. Cambridge, 1922.

[147] Ibid. P. 45.

[148] *Carrington C. A.* The British Overseas: Exploits of a Nation of Shopkeepers. Cambridge, 1950.

[149] См., напр.: *Doyle M.* Empire. Ithaca, 1986.

[150] The Oxford History of the British Empire: In 5 vols. Oxford; New York, 1998. Vol. I: The Origins of Empire. British Overseas Enterprise to the Close of the Seventeenth Century / Ed. by N. Canny; Vol. II: The Eighteenth Century / Ed. by P. J. Marshall.

первую очередь «французскую угрозу».[151] Более того, по их утверждению, применительно к Северной Америке войны конца XVII — начала XVIII в. «не были борьбой за расширение империи, но лишь средством защитить английские колонии от французских нападений».[152]

Рассматривая современную историографию британской колониальной политики, отечественный специалист А. Б. Соколов отметил, что в ней «все еще недостаточно используется метод сравнительного анализа британской политики с политикой других колониальных держав в XVIII в.».[153] На наш взгляд, это утверждение справедливо и применительно к XVII в. В недавней рецензии Дж. Скэммела на вышеупомянутые первый и второй тома Оксфордской истории Британской империи также отмечается недостаточное внимание ее авторов к колониальной политике других стран и отсутствие какихлибо сравнений и параллелей.[154]

Изучение *французской колониальной политики* шло в известной степени в том же ключе, что изучение британской колониальной экспансии (с той лишь разницей, что здесь «плюс» менялся на «минус» и зачастую господствовали ярко выраженные антибританские настроения). Правда, следует отметить, что в отличие от историографии английской колониальной политики, изучение истории заморских предприятий Парижа долгое время оставалось достаточно периферийным направлением во французской исторической науке.

В XIX — начале XX в. во французской историографии колониальной политики господствовало имперское направление. Одна из главных задач, стоявших перед его представителями состояла в поиске доказательств того, что, как выразился М. Дюбуа, «французы являются в высшей степени колониальным народом».[155] Соответственно историю заморских предприятий Парижа XVI–XVIII вв. представители этого направления старались интерпретировать таким образом, чтобы не дать повода усомниться в этом. Крах первой колониальной империи Парижа, по их мнению, был вызван прежде всего совокупностью трагических случайностей, промахами отдельных личностей и коварством противников Франции. Подобную точку зрения наряду с М. Дюбуа в общих курсах по истории французской колони-

---

[151] Ibid. Vol. II. P. 156.

[152] Ibid. Vol. II. P. 152.

[153] *Соколов А. Б.* Колониальная политика Великобритании в освещении новейшей зарубежной историографии // Внешняя и колониальная политика Великобритании в XVIII–XX вв. Ярославль, 1993. С. 41.

[154] English Historical Review. 2002. Vol. CXVII, No 472. June. P. 651–652.

[155] *Dubois M.* Systèmes colonieux et peuples colonisateurs. Dogmes et faits. Paris, 1895. P. 244.

альной экспансии отстаивали Л. Виньон, П. Леруа-Больё, А. Рамбо, А. Лорен,[156] а в работах непосредственно по истории французской колонизации Канады / Новой Франции / Северной Америки в целом — Л.-Э. Дюссьё, Э. Рамо, Э. Ревейо, Э. Генен.[157]

В 1920–1930-е годы среди французских историков произошел определенный всплеск интереса к колониальным сюжетам XVI–XVIII вв. В это время увидел свет ряд комплексных исследований французской колониальной экспансии: работы Ж. Арди, А. Дюшена, Ж. Сентуайяна, Г. Луи-Жарэ, а также вышедший под редакцией Г. Анното и А. Мартино многотомный коллективный труд «История французских колоний и экспансии Франции в мире» (том, посвященный Северной Америке, был написан Ш. де Ля Ронсьером, Э. Ловриером и Ж. Трамоном).[158] Однако все эти авторы (в большей или меньшей степени) остались на имперских позициях. Наиболее взвешенный и объективный анализ колониальной экспансии французского абсолютизма в это время был дан в работе американского историка Х. И. Пристли.[159]

В послевоенные десятилетия интерес к истории заморских предприятий Старого порядка заметно снизился (определенным исключением были уже названная нами капитальная работа М. Жиро по истории Луизианы и монография П. Гонидека о правовых основах колониализма). Немногочисленные общие работы, в основном, были написаны в достаточно традиционном имперском ключе.[160]

Некоторый подъем интереса к истории французской колониальной политики и колониальной экспансии XVI–XVIII вв. произо-

---

[156] *Vignon L.* L'expansion de la France. Paris, 1891; *Leroy-Beaulieu P.* De la colonisation chez les peuples modernes. Paris, 1874 (рус. пер. см.: *Леруа-Больё П.* Колонизация у новейших народов. СПб., 1877); *Rambaud A.* La France coloniale. Paris, 1893; *Lorin H.* La France — puissance coloniale. Etude d'histoire et de la géographie politique. Paris, 1906.

[157] *Dussieux L.-E.* Le Canada sous la domination française: D'après les archives de la Marine et de la Guerre. Paris, 1855; *Rameau de Saint-Père E.* La France aux colonies: Etudes sur les développement de la race française hors de l'Europe: les Français en Amérique, Acadiens et Canadiens. Paris, 1859; *Réveillaud E.* Histoire du Canada et des canadiens français de la découverte jusqu'à nos jours. Paris, 1884; *Guénin H.* La Novelle-Fance: 2 t. Paris, 1899 (рус. пер. см.: *Генен Е.* Новая Франция. М., 1901).

[158] *Hardy G.* Histoire de la colonisation française. Paris, 1928; *Duchêne A.* La politique coloniale de la France. Le ministère des colonies depuis Richelieu. Paris, 1928; *Saintoyant J.* La colonisation française sous l'Ancien Régime (du XV-e siècle à 1789): 2 t. Paris, 1929; *Louis-Jarais G.* L'Empire français d'Amérique. 1534–1803. Paris, 1938; Histoire des colonies françaises et de l'expansion de la France dans le monde: 4 t. / Ed. par G. Hanotaux, A. Martineau. T. I: L'Amérique / Par Ch. de La Roncière, E. Lauvrière, J. Tramonds. Paris, 1929–1930.

[159] *Priestley H. I.* France Overseas through the Old Régime. New York; London, 1939.

[160] См., напр.: *Blet H.* Histoire de la colonisation française: 3 t. Paris, 1949–1950; *Bonneau C. de.* Histoire du Canada français (1534–1763). Paris, 1950.

шел в 1980–1990-е гг. и продолжается по сей день (работы И. Казо, Р. и М. Корневенов, Л. Абенона и Ж. Дикинсона, Ж. де Вансе, А. Сийяра[161]). Значительный интерес представляют наблюдения, сделанные авторами коллективного труда «История колониальной Франции», созданного с учетом достижений французской исторической науки последних десятилетий.[162]

Однако в целом в современной историографии французской колониальной политики преобладает интерес к социально-экономической, культурологической и т. п. тематике, тогда как сюжеты, связанные с внешней политикой (а также с колониальными войнами), пользуются гораздо меньшим вниманием специалистов. Также нельзя не отметить, что французские историки в своем абсолютном большинстве придерживались и придерживаются весьма упрощенных представлений о характере и движущих силах колониальной экспансии политики держав-соперниц Франции.[163]

Исследования по *внешней политике Англии и Франции* XVII — начала XVIII в. и *истории международных отношений* этого периода в целом в своем подавляющем большинстве содержат лишь отдельные (зачастую весьма поверхностные) упоминания о Североамериканском континенте и связанных с ним проблемах. В наибольшей степени это относится к работам ученых XIX в. Г. де Флассана, Ш.-Ф. Сиртема де Гровестена, А. Лагреля и др.[164] Относительно более внимательны к колониальным сюжетам авторы XX в. Э. Малколм-Смит, К. Фейлинг, Дж. Р. Джонс, М. Эшли, Г. Уэйкман, Д. Б. Хорн, А. де Сен-Леже и Ф. Саньяк, Г. Зеллер и др.[165] Однако обращение

---

[161] *Cazaux Y.* Le rêve américaine de Champlain à Cavelier de La Salle. Paris, 1988; *Cornevin R., Cornevin A.* La France et les Français outre-mer de la première Croisade à la fin du Second Empire. Paris, 1990; *Abenon L. R., Dickinson J.* Les Français en Amérique. Lyon, 1993; *Vanssay J. de.* L'Amérique française: enjeu européen, 1524–1804. Issy-les-Moulineaux, 1996; *Sillard A.* Empeintes de France en Amérique. Paris, 2002.

[162] Histoire de la France coloniale. De 1600 à 1914 / J. Meyer, J. Tarrade, A. Rex-Goldzeiguer, J. Thobie. Paris, 1991.

[163] Единственным исключением здесь является монография Ф. Крузé, см.: *Crouzet F.* De la superiorité de l'Angleterre sur la France: l'Economique et l'Imaginaire XVIIe — XXe siècle. Paris, 1985.

[164] См.: *Flassan G. de.* Histoire générale et raisonnée de la diplomatie française: 4 t. Paris, 1806–1812; *Sirtema de Grovestin Ch. F.* Histoire de luttes et rivalités politiques entre les puissances maritimes et la France durant la seconde moitié du XVII-e siècle: 4 t. Paris, 1851–1853; *Lagrelle A.* La diplomatie française et la succession d'Espagne: 4 t. Paris, 1888–1890.

[165] *Malcolm-Smith E.* British Diplomacy in the Eighteenth Century, 1700–1789. London, 1937; *Feiling K.* British Foreign Policy, 1660–1672. London, 1930; *Ashley M.* Louis XIV and the Greatness of France. London, 1946; *Wakeman H. O.* The Ascendancy of France, 1598–1715. London, 1955; *Horn D. B.* The British Diplomatic Service, 1689–1786. Oxford, 1961; *Jones J. R.* Britain and the World, 1689–1815.

к трудам вышеназванных авторов в любом случае абсолютно необходимо, так как достижение поставленных в настоящей монографии задач невозможно без выяснения основных тенденций в развитии внешнеполитического курса Лондона и Парижа и общей оценки ситуации, имевшей место в Европе и в мире в рассматриваемый нами период.

В то же время следует учитывать, что среди специалистов нет единого мнения по ряду ключевых вопросов истории внешней политики Англии и Франции (особенно применительно к последней трети XVII — началу XVIII в.). В первую очередь это относится к оценке внешнеполитических установок таких выдающихся государственных деятелей, как Людовик XIV и Вильгельм III. Причем расхождения здесь наблюдаются не только между национальными историческими школами.

Так, многие англосаксонские авторы считают, что внешняя политика Англии в первые десятилетия после Славной революции (а также и в дальнейшем) была направлена исключительно на поддержание баланса сил в Европе, а также на защиту свободы и веротерпимости.[166] В то же время британский историк Д. Джаррет признает, что в годы Войны за испанское наследство Лондон проводил агрессивную политику, стремясь закрепить за собой положение «арбитра Европы».[167]

Чрезвычайно велик разброс мнений относительно внешнеполитического курса, проводившегося Королем-Солнце (это касается не только французской историографии[168]). Так, большинство англоязычных исследователей называют его «тираном», стремившимся к тому, чтобы быть «диктатором Европы».[169] Однако современные специалисты в области истории и теории международных отношений приходят к выводу, что, несмотря на амбициозные планы Людовика XIV, его войны носили в целом ограниченный характер.[170]

Большую ценность представляют также исследования современных зарубежных специалистов (прежде всего цикл работ известного

London, 1980; *Saint-Léger A. de, Sagnac Ph.* La prépondérance française. Louis XIV (1661–1715). Paris, 1944; *Zeller G.* Histoire des relations internationales. T. III: Les temps modernes. Pt. 2: De Louis XIV à 1789. Paris, 1955.

[166] См., напр.: *Baxter S. B.* Op. cit. P. IX.

[167] *Jarrett D.* Britain, 1688–1815. London, 1965. P. 115.

[168] Различные оценки внешней политики Людовика XIV во французской историографии ср.: *Picavet C.* La diplomatie française au temps de Louis XIV (1661–1715). Paris, 1930; *Rain P.* La diplomatie française d'Henri IV à Vergennes. Paris, 1945.

[169] См., напр.: *Wakeman H. O.* Op. cit. P. 265.

[170] См.: *Kaiser D.* Politics and War: European Conflict from Philip II to Hitler. Cambridge (Mass.), 1990. P. 141, 148.

британского ученого Дж. Блэка), рассматривающих такие важные и в то же время малоизученные проблемы истории международных отношений и внешней политики XVII–XVIII вв., как становление концепции «баланса сил», формирование понятия «национального интереса», различные трактовки внешнеполитического суверенитета, процесс выработки и принятия внешнеполитического решения, формирование государственных границ, эволюцию принципов использования военной силы и т. п.[171]

В общих работах по английской и французской истории XVII — начала XVIII в. колониям и колониальной политике, как правило, уделяется достаточно скромное место. В то же время создание целостной картины интересующей нас эпохи невозможно без обращения к материалам исследований общего характера (прежде всего принадлежащих перу британских и французских историков) — от классических сочинений Т. Б. Маколея и Э. Лависса до работ специалистов наших дней.[172]

В российской/советской/русскоязычной исторической науке англо-французское соперничество в Северной Америке в XVII — начале XVIII в. ни разу не становилось объектом специального исследования. Его отдельные аспекты затрагивались лишь в ряде общих работ по истории колониальной политики Лондона и Парижа, истории международных отношений, истории Англии, Франции, США, Канады, а также в некоторых специальных исследованиях по отдельным проблемам этой эпохи.

Что касается ранней американской истории, то работы отечественных ученых в этой области практически не затрагивали сюжетов, связанных с борьбой англичан и французов на Североамериканском континенте. В первом томе известного четырехтомника «История США» лишь мельком (в нескольких предложениях) упомянуто об англо-французских войнах конца XVII — начала XVIII в.[173] Возможно такой подход был связан с тем, что отечественные специалисты опирались на необоснованное утверждение Г. Аптекера о том,

---

[171]См.: *Black J.* 1) European International Relations, 1648–1815. New York, 2002; 2) War and the World: Military Power and the Fate of Continents, 1450–2000. New Haven; London, 2000; *Wolf J. B.* Toward a European Balance of Power, 1620–1715. Chicago, 1970.

[172]Любой список здесь, безусловно, будет неполным, поэтому мы назовем лишь несколько наиболее активно использовавшихся нами сочинений, представляющих различные школы и эпохи: *Маколей Т. Б.* История Англии от восшествия на престол Якова II // Маколей Т. Б. Собр. соч.: В 13 т. СПб., 1864; *Lavisse E.* Histoire de la France illustrée: Depuis des origines jusqu'à la révolution. 9 t. Paris, 1900–1911; *Trevelyan J. M.* England under Queen Anne: In 3 vols. New York; London; Toronto, 1948; *Бродель Ф.* Что такое Франция?: В 2 кн. М., 1994; *Black J.* Eighteenth-Century Britain: 1688–1783. New York, 2001.

[173]См.: История США: В 4 т. Т. 1: 1607–1877. М., 1983. С. 69.

что войны с французами были вызваны «не нуждами и интересами самих колонистов, а нуждами и интересами правителей Англии».[174]

В то же время исследования американистов СССР, России и ближнего зарубежья (С. Н. Бурина, С. И. Жука, А. С. Самойло, Л. Ю. Слезкина и др.[175]), а также специалистов по индеанистике (Ю. П. Аверкиевой, В. М. Калашникова и др.[176]) являются абсолютно необходимыми для понимания основных тенденций внутреннего развития английских колоний в интересующую нас эпоху. То же самое можно сказать и о немногочисленных отечественных работах по ранней истории Канады (В. А. Коленеко, Л. В. Кошелева, В. А. Тишкова).[177] Кстати, в последних несколько подробнее, хотя также достаточно обобщенно, рассматриваются межколониальные столкновения и конфликты.

Говоря об изучении в нашей стране колониализма XVII–XVIII вв., следует отметить, что и русские дореволюционные, и советские, и современные российские исследователи традиционно уделяли и уделяют большее внимание английской колониальной политике этого периода, в то время как колониальные предприятия французов практически не изучались (исключением являются небольшие разделы в научно-популярной брошюре П. П. Черкасова и уже упоминавшихся «Очерках колониальной политики» Е. В. Тарле[178]). Различные аспекты английской колониальной экспансии в Северной Америке нашли отражение в обобщающих трудах П. Г. Мижуева, М. М. Ябровой и Е. А. Ерофеева,[179] а также в посвященных от-

---

[174] *Аптекер Г.* Колониальная эра. М., 1961. С. 51.

[175] *Бурин С. Н.* Конфликт или согласие?: Социальные проблемы колониального Юга США (1642–1763). М., 1980; *Жук С. И.* Восстание Джекоба Лейслера в Нью-Йорке, 1689–1691 // Новая и новейшая история. 1986. №5; *Самойло А. С.* Английские колонии в Северной Америке в XVII веке. Начальный период истории США. М., 1963; *Слезкин Л. Ю.* 1) У истоков американской истории. Виргиния. Новый Плимут. 1606–1642. М., 1978; 2) У истоков американской истории. Массачусетс. Мериленд. 1630–1642. М., 1980; 3) Англичане на пути в Новый Свет // Американский ежегодник 1972. М., 1972; Американский ежегодник 1973. М., 1973.

[176] *Аверкиева Ю. П.* Индейцы Северной Америки. М., 1974; *Калашников В. М.* Антиколониальная борьба индейцев в Северной Америке в XVII–XVIII вв. Днепропетровск, 1991.

[177] *Коленеко В. А.* Канада в период французского колониального господства // Проблемы историографии Канады. М., 1982; *Кошелев Л. В.* Самюэль де Шамплейн // Новая и новейшая история. 1970. №1; *Тишков В. А., Кошелев Л. В.* История Канады. М., 1982; *Тишков В. А.* Страна кленового листа: начало истории. М., 1977.

[178] *Тарле Е. В.* Указ. соч.; *Черкасов П. П.* Судьба империи: Очерк колониальной экспансии Франции в XVI–XX вв. М., 1983.

[179] *Мижуев П. Г.* История колониальной империи и колониальной политики Англии. СПб., 1902; *Ерофеев Н. А.* Империя создавалась так… Английский колониализм в XVIII веке. М., 1964; *Яброва М. М.* Очерки истории ко-

дельным сюжетам/регионам/проблемам работах В. М. Кирилловой, Т. В. Мосолкиной, А. С. Самойло, Н. С. Фирсовой и др.[180] Особо нужно отметить труды уже упоминавшегося нами А. Б. Соколова, прежде всего его комплексное исследование политической борьбы, происходившей в Англии по вопросам внешней и колониальной политики в XVIII в.[181]

Подводя итог историографического обзора, можно констатировать, что англо-французские отношения и англо-французское соперничество в Северной Америке в целом и их дипломатический и внешнеполитический аспект в частности относятся к числу наименее изученных сюжетов как в зарубежной, так и в отечественной историографии.

Это связано с рядом тенденций.

Во-первых, в историографии колониальной Северной Америки период XVII — начала XVIII в. сам по себе наименее изучен (по сравнению с серединой XVIII в. и особенно с десятилетиями, предшествовавшими Американской революции).

Во-вторых, в очень многих работах по колониальному периоду в истории США и Канады события, происходившие на Североамериканском континенте, рассматривались изолированно от перипетий европейской политики, что порождало превратные представления об их причинно-следственной связи. Сюжеты, связанные с различными аспектами политики метрополий, отодвигались на второй план или вообще не затрагивались (исключение здесь составляли лишь работы представителей имперской школы). В известной степени это, очевидно, связано с тем, что многие ученые США и Канады видели и видят свою основную цель в том, чтобы создать в первую очередь

лониальной экспансии Англии в эпоху первоначального накопления. Саратов, 1966.

[180] *Кириллова В. М.* 1) К вопросу о колониальных воззрениях Ричарда Хаклюйта младшего // Генезис капитализма в позднее средневековье в Англии и Германии: Межвузовский сборник научных трудов. М., 1979; 2) Р. Хаклюйт как идеолог английского колониализма конца XVI — начала XVII в. // Проблемы экономического и политического развития стран Западной Европы в античную эпоху и средние века. М., 1975; *Мосолкина Т. В.* 1) Пропаганда колониальной экспансии в Англии начала XVII века (Памфлет Дж. Смита «Описание Новой Англии») // Средневековый город: Межвузовский научный сборник. Вып. 7. Саратов, 1983; 2) Пропагандистская деятельность С. Пэрчеса и английское купечество первой трети XVII века // Там же. Вып. 8. Саратов, 1987; *Самойло А. С.* Колониальный вопрос в дипломатии Кромвеля // Изв. АН СССР. Сер. ист. и филос. 1945. Т. 2, № 4; *Фирсова Н. С.* Политика Англии по отношению к ее американским колониям в 1640–60-е гг. // Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та имени Н. К. Крупской. 1965. Т. 121, вып. 5.

[181] *Соколов А. Б.* «Правь, Британия, морями»?: Политические дискуссии в Англии по вопросам внешней и колониальной политики в XVIII веке. Ярославль, 1996.

«национальную» историю, которую вряд ли украшает тот факт, что североамериканские владения находились на периферии интересов Лондона и Парижа и долгие десятилетия являлись мелкой разменной монетой в «большой» европейской политике.

Кроме того, очень часто американские историки не интересуются тем, что происходило в рассматриваемый ими период на территории Канады, а их канадские коллеги, наоборот, не уделяют внимания событиям, происходившим в южной части Североамериканского континента.

В результате имеет место ситуация, когда перипетии отдельных конфликтов и столкновений между английскими и французскими колонистами изучены чрезвычайно подробно, в то время как их причины и производимый ими внешнеполитический резонанс в большинстве случаев остается в тени. Также малоизученным остается вопрос о становлении и развитии прямых межколониальных отношений в Северной Америке.

В-третьих, в работах по истории английской и французской колониальной политики основной упор всегда делался на то *как* создавались заморские империи. При этом часто употреблялись обобщения, препятствующие пониманию сложного и специфического процесса выработки и проведения в жизнь определенного (а очень часто весьма неопределенного) курса по отношению к колониям. Исследователи не использовали сравнительный метод при изучении английской и французской колониальной экспансии в Северной Америке в целом и ее внешнеполитического и дипломатического аспекта в частности.

В-четвертых, в исследованиях по истории внешней политики и международных отношений ученые разных стран, эпох и исторических школ традиционно уделяли очень скромное внимание колониальным, «внеевропейским» сюжетам.

Данная монография представляет собой попытку комплексного исследования англо-французских отношений и соперничества *в* Северной Америке и *применительно к* Северной Америке в XVII — начале XVIII в. Мы проанализируем эти отношения, связанные, с одной стороны, с внешней и колониальной политикой метрополий, а с другой — с прямыми межколониальными контактами и самостоятельными внешнеполитическими акциями английских (а отчасти и французских) поселенцев. Будет рассмотрено взаимовлияние этих двух составляющих англо-французских отношений в колониальной Северной Америке и отношений и их воздействие на складывание и изменение конкретной политической ситуации на этом континенте. Мы также сравним внешнеполитический и дипломатический аспек-

ты английской и французской колониальной экспансии в Северной Америке и рассмотрим их в широком контексте событий истории Старого и Нового Света.[182]

---

[182] В интересующий нас период Англия и Франция (а соответственно и их колонии) пользовались различными системами летоисчисления, поэтому в тех случаях, когда речь идет о событиях, имевших непосредственное отношение к обеим державам, указывается двойная дата. Даты, имеющие отношение к «старой» и Новой Франции приводятся по новому стилю, а к Англии и ее колониям — по старому; при этом год во всех случаях указывается по новому стилю.

Раздел I

Английская и французская экспансия на Североамериканском континенте: характер, специфика, правовое обоснование

.Глава 1. ФАКТЫ И ОЦЕНКИ

Для того чтобы решить поставленные нами задачи, прежде всего необходимо в общих чертах обрисовать движущие силы колониальной экспансии Англии и Франции, ее направление, специфику и результаты, достигнутые за первые сто лет. Поскольку предмет нашего исследования напрямую связан с войнами и вооруженными конфликтами, нам нужно разобраться в том, что представляли собой вооруженные силы соперников, как создавалась и как менялась военная организация английских и французских владений в XVII — начале XVIII в.

Колонисты, колонии, колониальная политика

Североамериканский континент попал в орбиту колониальной экспансии Англии и Франции в конце XV — начале XVI в., когда у его берегов впервые появились подданные этих держав. С официальными и полуофициальными экспедициями, отправлявшимися по приказу монархов (или с их молчаливого согласия) для открытия неведомых земель и поисков новых морских путей, соседствовало множество частных предприятий судовладельцев, купцов, рыбаков. С 1510–1520-х годов последние начали активно эксплуатировать изобилующие рыбой отмели у побережья Ньюфаундленда, Кейп-Бретон и Новой Шотландии, а с середины XVI в. к тресковому промыслу стала добавляться меновая торговля с индейцами, основным предметом которой являлась пушнина.

Однако от момента «официального» открытия Северной Америки Джоном Каботом в 1497 г. до основания там первых постоянных

английских и французских поселений прошло более ста лет. Такой разрыв был вызван, с одной стороны, спецификой природных, географических и климатических условий Североамериканского континента, а с другой — особенностями социально-экономического и внутри- и внешнеполитического развития Англии и Франции в конце XV — начале XVII в.

В отличие от Мексики, Перу, Индии и других стран и континентов, осваивавшихся и эксплуатировавшихся пионерами колониализма нового времени — испанцами и португальцами, Северная Америка не производила отсутствующих в Европе экзотических товаров и продуктов; там не было высокоразвитых цивилизаций, с которыми можно было наладить полноценные коммерческие контакты; а самое главное — там не было золота и драгоценных камней, поиски которых являлись одной из основных целей всех заморских предприятий европейцев той эпохи. «Рубины и бриллианты», найденные первооткрывателем Канады Жаком Картье, и «золотая руда», обнаруженная на Баффиновой земле Мартином Фробишером, оказались лишь кусками пустой породы, не представляющей никакой ценности. Из знаменитых «трех G» — Gold, Glory, Gospel (золото, слава, проповедь), которыми принято обозначать побудительные мотивы европейской колониальной экспансии на ее начальном этапе, в Северной Америке действовали лишь последние два. Однако оба они были тесно связаны с государственной политикой, а до конца XVI — начала XVII в. ни английское, ни французское государство не проявляли большого интереса к Североамериканскому континенту.

Помимо вышеуказанной специфики этого региона это было связано с тем, что в обеих странах долгое время отсутствовали социально-экономические предпосылки, необходимые для начала массовой колонизации, а самое главное — обе сталкивались со множеством сложных внутренних и внешних проблем, поглощавших основное внимание правительств. Тюдоровская Англия, представлявшая собой достаточно слабое малонаселенное государство, была вплоть до 60–70-х годов XVI в. поглощена религиозными и династическими конфликтами, а с 1580-х годов вступила в борьбу с Испанией, потребовавшей концентрации всех сил страны. Франция, проиграв тянувшуюся более полувека (1494–1559) схватку с Габсбургами за господство в Италии, с начала 1560-х годов погрузилась в пучину губительных гражданских войн.

В целом все английские и французские колониальные предприятия в Северной Америке, предпринимавшиеся в конце XV — начале XVII в. по инициативе или при участии правительств, были лишь изолированными акциями, не имевшими сколько-нибудь значительных практических последствий. Все попытки создания постоянных

поселений (экспедиции Роберваля, де Ля Роша, Фробишера, Гилберта, Лэя и др.) неизменно терпели крах, который во всех случаях был вызван прежде всего разительным несоответствием целей и задач, ставившихся колонизаторами, и реалий, с которыми они сталкивались. Кроме того, колониальная активность англичан и французов (в том числе и в Северной Америке) на протяжении почти всего XVI в. сдерживалась из-за позиции Испании и (в меньшей степени) Португалии, ведущих морских и колониальных держав того времени, стремившихся закрепить за собой право владеть и эксплуатировать земли, расположенные за пределами Европы, и не желавшими допускать туда конкурентов.

В 1600–1610-е годы после ряда неудачных попыток англичанам и французам удалось закрепиться на территории нынешних США и Канады. Основание Пор-Руайяля (1605), Джеймстауна (1607), Квебека (1608), Плимута (1620) положило начало строительству двух империй, между которыми вскоре началась упорная борьба.

Английская и французская колонизация Северной Америки шла различными путями. Это было вызвано рядом объективных и субъективных причин, связанных с особенностями социально-экономического и политического развития двух метрополий, побудительными мотивами английской и французской экспансии, составом участников колонизационного процесса, спецификой подходов официального Лондона и Парижа к колониальным проблемам, а также с отношением их подданных к тем реалиям, с которыми им пришлось столкнуться по другую сторону Атлантики.

На протяжении рассматриваемого нами периода в Северной Америке к северу от Рио-Гранде складывалась следующая картина. На Атлантическом побережье нынешних США от Каролины до Мэна возникла цепочка английских колоний, занимавших сравнительно небольшую территорию. К концу XVII — началу XVIII в. английские поселенцы смогли освоить и взять под свой контроль лишь неширокую прибрежную полосу. В глубь континента (и то на небольшое расстояние) они продвинулись только в долинах рек Гудзон, Коннектикут и Джеймс. Кроме того, на юго-восточном и восточном побережье Ньюфаундленда располагались английские рыболовные станции, а в устьях рек, впадающих в Гудзонов залив, находилось несколько факторий, принадлежавших одноименной компании.

Масштабы французской экспансии были более впечатляющими. В течение первых ста лет, прошедших с момента основания Квебека, французы установили контроль над бассейном реки Св. Лаврентия, значительной частью территорий, прилегающих к Великим озерам, проникли в заозерную область (так называемую Верхнюю страну), а также в долины рек Огайо, Иллинойс и Миссисипи. Кульмина-

ционным моментом французского продвижения на запад в этот период стала экспедиция Р. Р. Кавелье де Ла Саля, в 1682 г. спустившегося по Миссисипи вплоть до ее устья и объявившего весь бассейн величайшей реки континента владением Людовика XIV. Это дало возможность французам в самом конце XVII в. закрепиться на побережье Мексиканского залива, положив, таким образом, начало колонии Луизиана. Кроме того, французы на всем протяжении рассматриваемого нами периода осваивали территорию нынешних Атлантических провинций Канады (Акадию), контролировали южное побережье Ньюфаундленда, а с 1670-х годов также предпринимали попытки закрепиться в районе Гудзонова залива (рис. 1).

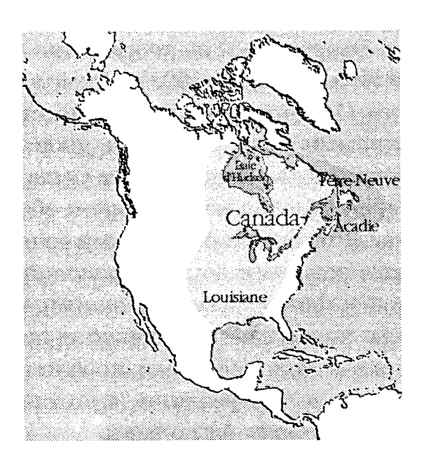

Рис. 1. Сфера французской экспансии в Северной Америке XVII – первой половина XVIII в.

Но если территории, попавшие в орбиту французской экспансии, по своей протяженности на порядок превосходили размеры тех участков, которые находились под контролем англичан, то последние, в свою очередь, с самого начала обошли своих соперников по количественным показателям. В колониальной Северной Америке всегда было гораздо больше английских поселенцев, чем выходцев из Франции. В 1627 г. во всех европейских колониях на этом континенте (к северу от Флориды и Мексики) находилось около 2700 человек, из которых 2310 (т. е. 85%) проживали во владениях Лондона, тогда как в Канаде и Акадии в то время насчитывалось лишь 107 жителей (3,9%).[1] С началом «Великого исхода» пуритан особенно быстро стала расти численность населения Новой Англии, где к

[1] *Trudel M.* Histoire de la Nouvelle France. T. III: La seigneurie de Cent-Associés, 1627–1663. Pt 1: Les événements. Montréal, 1979. P. 400.

1650 г. насчитывалось около 23 тыс. «пилигримов».[2] Хотя современные специалисты пришли к выводу, что масштабы иммиграционного потока из Англии в эти колонии были не столь значительны, как предполагалось раньше, в любом случае они на порядок превосходили число поселенцев, прибывших в это же время в Акадию и Канаду. К 1663 г. в английских, французских и голландских колониях в Северной Америке насчитывалось 83,5 тыс. человек. При этом 48% из них (40 тыс.) приходилось на долю Новой Англии, 36 (30 тыс.) — на долю Вирджинии и Мэриленда, 12 (10 тыс.) составляло население Новых Нидерландов и только 4,2% (3,5 тыс.) — Новой Франции.[3] В результате мероприятий, осуществленных французским правительством и колониальными чиновниками во второй половине 60-х — начале 70-х годов XVII в., численность населения Канады и Акадии стала увеличиваться несколько более быстрыми темпами, и в 1685 г. в этих колониях насчитывалось 12,7 тыс. поселенцев,[4] сосредоточенных главным образом в долине реки Св. Лаврентия. Однако население Английской Америки росло еще более стремительно. В 1680 г. там насчитывалось 151, 5 тыс. человек, а в 1690 г. — 210,3 тыс.[5] Иными словами, к концу XVII в. англичан в Северной Америке было как минимум в 16 раз больше, чем французов! В дальнейшем этот разрыв стал еще более впечатляющим. В 1700 г. англичан было уже 250,9 тыс., а в 1710 г. — 331,7 тыс.,[6] тогда как во всей Новой Франции в 1706 г. насчитывалось лишь 16,4 тыс. поселенцев.[7]

Правда, эта колоссальная разница в численности населения владений двух держав в определенной степени компенсировалась его крайне неравномерным распределением. Многие регионы Английской Америки (в том числе и те, которые попадали в зону англо-французского конфликта) были населены крайне слабо. Это расположенные на границе Новой Англии и Акадии территории колонии Мэн (позднее вошедшие в состав Массачусетса), Ньюфаундленд, где число английских и французских поселенцев было примерно одинаковым (около 500–600 человек к концу XVII в.), район Гудзонова залива, где находились лишь торговые посты с несколькими десятками служащих.

Две колониальные империи различались не только по внешним количественным параметрам, но и по своей внутренней организации.

---

[2] U.S. Bureau of Census. Historical Statistics of the United States, Colonial Times to 1970: In 2 vols. Vol. II. Washington, 1975. P. 1168.

[3] *Trudel M.* Histoire de la Nouvelle France. T. III, Pt. 1. P. 400.

[4] Canadian Historical Documents Series: In 3 vols. Vol. I: The French Régime / Ed. by C. Nish. Scarborough, 1965. P. 157.

[5] U.S. Bureau of Census. Historical Statistics of the United States... Vol. II. P. 1168.

[6] Ibid.

[7] Canadian Historical Documents Series. Vol. I. P. 157.

Владения Лондона в Северной Америке представляли собой пестрый конгломерат слабо или вообще никак не связанных друг с другом колоний, отличающихся по своему статусу, внутреннему устройству, типу хозяйства, господствующей религии, не говоря уже о географическом положении, а также численности населения и его структуре. При этом в глазах правительства метрополии и групп, которые были связаны с колониальной экспансией, политическая и экономическая значимость тех или иных владений была далеко не одинаковой.

Например, пуританская Новая Англия, густонаселенная, но не производящая никаких отсутствующих в метрополии продуктов, очень быстро перестала привлекать внимание государственных мужей в Лондоне. Даже Кромвель, которого вряд ли можно упрекнуть в пренебрежении колониальными проблемами, считал ее «бедным, холодным и бесполезным местом».[8] В свою очередь, это обстоятельство (конечно, вкупе с другими причинами) способствовало тому, что колонии Новой Англии уже в первой половине 40-х годов XVII в. превратились в достаточно автономное политическое и хозяйственное образование, слабо связанное со «Старой» Англией. В 1643 г. Массачусетс, Плимут, Коннектикут и Нью-Хейвен объединились в конфедерацию, фактически присвоив себе ряд прав суверенного государства (в том числе и в области внешней политики). В середине 80-х годов XVII в. Стюарты попытались поставить Новую Англию под более жесткий правительственный контроль (в 1684 г. была аннулирована хартия Массачусетса, а в 1686 г. был создан Доминион Новая Англия), однако уже через два года благодаря Славной революции все (или почти все) вернулось на круги своя.

Иная ситуация сложилась в колонии Нью-Йорк, которая с самого начала (1664) находилась под более жестким контролем со стороны правительства. Долгое время она была единственным владением Лондона на всем Североамериканском континенте, где постоянно находился небольшой контингент английских регулярных войск. Это было связано не только с тем, что в отличие от Новой Англии колония Нью-Йорк являлась собственнической (впоследствии королевской) колонией, но прежде всего с ее стратегическим значением. Ее территория представляла собой связующее звено между южными и северными английскими колониями, которые в течение долгого времени были разделены голландскими владениями; в то же время через долину Гудзона шел путь в земли Лиги ирокезов и к южным границам Канады.

Своеобразное положение в английской колониальной империи за-

[8]Цит. по: The Puritans in America: A Narrative Anthology / Ed. by A. Heimert and A. Delbanco. Cambridge (Mass.), 1985. P. 7.

нимал Ньюфаундленд, основная ценность которого заключалась в прилегающих к нему отмелях, изобилующих треской. Приносивший немалые доходы промысел этой «говядины бедняков» традиционно находился в руках купцов и судовладельцев западноанглийских городов, преследовавших свои специфические корпоративные интересы и в течение долгого времени активно выступавших против создания на острове постоянных поселений. Со своей стороны английское правительство (так же как и французское) нуждалось в Ньюфаундленде прежде всего потому, что рыболовные суда в то время были практически единственным источником квалифицированных кадров для военно-морского флота, и за Большой Ньюфаундлендской банкой уже с конца XVI в. закрепилась репутация основной «школы» или «питомника» военных моряков.[9] Впоследствии в английских ордонансах 1661 и 1670 гг., регламентировавших тресковый промысел, владельцам рыболовных судов предписывалось в обязательном порядке брать в каждый рейс одного новичка на каждых четыре человека команды. Аналогичные распоряжения во Франции издавал Кольбер и его преемники.[10]

Различные колонии и/или направления колониальной экспансии имели в Англии своих сторонников, которые, действуя в своих интересах, пытались оказывать воздействие на политику правительства с тем, чтобы привлечь его внимание к тем или иным регионам и проблемам. Возможности лоббирования не у всех были одинаковыми, и зачастую далекая периферия (вроде района Гудзонова залива) благодаря поддержке влиятельных лиц попадала в центр внимания сильных мира сего, тогда как другие колонии оставались вне поля зрения властей.

Что касается самого английского правительства, то его подход к колониальной экспансии в Северной Америке в XVII — начале XVIII в. также был неоднозначным, что было связано как со спецификой и неоднородностью самого объекта экспансии, так и с особенностями внутреннего развития метрополии в то время. Естественно, что колониальная политика Якова I и Карла I отличалась от курса, проводившегося Кромвелем; этот курс, в свою очередь, не был похож на подходы к заморским сюжетам последних Стюартов и Вильгельма Оранского. Однако здесь можно выделить ряд общих черт. Во-первых, степень заинтересованности всех английских правителей в развитии колоний на Североамериканском континенте в то время была не слишком большой, и уж во всяком случае не являлась факто-

---

[9]См.: *Mattews K.* Lectures on the History of Newfoundland, 1500–1830. St John's, 1988. P. 27–28.

[10]См.: The Cambridge History of the British Empire: In 8 vols. Vol. VI: Canada and Newfoundland. Cambridge, 1929–1959. P. 132, 135.

ром первостепенной важности, определяющим государственную политику. Во-вторых, контроль официального Лондона над предприятиями, которые осуществлялись его подданными, часто был достаточно слабым и носил формальный характер. В-третьих, и у Кромвеля, и у всех Стюартов, и у Вильгельма III подход к колониальной экспансии был весьма прагматичным, основанным на меркантилистских идеях; какая-либо ярко выраженная политическая или идеологическая подоплека в нем отсутствовала.

Ф. Паркмен не раз замечал, что в XVII в. владения Лондона в Северной Америке представляли собой «тело без головы».[11] Это утверждение верно лишь отчасти. В период реставрации правительство, продолжая политику, начатую еще при Кромвеле, стремилось прежде всего упорядочить систему управления своими заморскими владениями и усилить контроль над ними. С этой целью в 1674 г. был создан специальный Комитет Тайного Совета (вошедший в историю как «Лорды торговли» — Lords of Trade, который должен был собирать информацию о ситуации в колониях и на основании ее анализа давать рекомендации органам исполнительной власти. Этот комитет и в особенности его секретариат (Plantation Office), где с 1675 г. тон задавал Уильям Блэтуэйт, быстро приобрел достаточно большой вес и оказывал заметное воздействие на колониальную политику правительства. Сразу же отметим, что он продолжал функционировать (практически в неизменном составе) и после Славной революции вплоть до 1696 г., когда был создан Совет по торговле и колониям (Board of Trade and Plantations).

В XVII — начале XVIII в. (а также и в последующий период) принятие решений в области колониальной политики в Англии зависело от множества чиновников и ведомств, имевших различную степень заинтересованности в данном вопросе и различные властные полномочия. Решающее слово и до и после Славной революции принадлежало Тайному совету; хотя с конца XVII в. все более заметной становилась роль кабинета и прежде всего государственного секретаря южного департамента. И тот и другой опирались на стоящий как бы за их спиной Совет по торговле и колониям, влияние которого благодаря его осведомленности было достаточно велико. Далее шли казначейство с подчиненным ему таможенным ведомством, адмиралтейство и военное министерство. Учитывая, что кроме этого на колониальную политику Лондона всегда оказывали заметное воздействие групповые и частные интересы, следует признать, что механизм управления колониями был весьма сложным, если не ска-

[11]См.: *Parkman F.* France and England in North America: In 2 vols. Vol. 1: Pioneers of France in the New World; The Jesuits in North America; La Salle and the Discovery of the Great West; The Old Régime in Canada. New York, 1983.

зать запутанным. Как отметил американский историк Л. Ледер, «логика и справедливость не всегда преобладали в принятии решений в Англии; интерес или влияние важных лиц часто имели бо́льшее значение <...> это делало и без того сложную систему Британской империи совершенно непостижимой, особенно для ее колоний».[12]

Однако при всей разнородности английских колоний в Северной Америке (и не только там), при всем разнообразии подходов английского общества и правительства к заморским сюжетам, во второй половине XVII в. в англосаксонском сознании постепенно начала формироваться идея Британской империи (само это выражение появилось в 1692 г.). В то же время с точки зрения специалистов хозяйственная и политическая структура, которую можно назвать имперской, была сформирована к началу XVIII в. (здесь вполне уместно говорить об «имперском дискурсе»). При этом, как отметил еще К. Уббелоде, следует различать «теоретическую империю», которую отстаивали империалисты, и «реальную империю», постоянно подверженную потрясениям и искажениям.[13]

Колониальные владения Парижа представляли собой относительно более простую структуру.[14] Вплоть до начала XVIII в. на Североамериканском континенте существовала лишь одна французская колония — Новая Франция. Ее ядром являлись поселения долины реки Св. Лаврентия, региона, который в то время обычно называли Канадой. К нему примыкали Акадия и французские посты на Ньюфаундленде, представлявшие собой своего рода филиалы или «автономии» в составе Новой Франции (см. карту 1). В административном плане в различные периоды степень и форма их подчинения квебекским властям была неодинаковой, а значительные расстояния и отсутствие надежных коммуникаций подчас делали ее и вовсе призрачной.

В целом, интерес к колониальной экспансии в Северной Америке у французского правительства был невелик. Отдаленные земли, не производившие за исключением пушнины никаких ценных това-

[12] *Leder L. H.* America — 1603–1789: Prelude to a Nation. Minneapolis, 1978. P. 107.

[13] *Ubbelohde C.* The American Colonies and the British Empire, 1607–1763. New York, 1968. P. 8.

[14] Особенности социально-экономического и политического строя Канады в эпоху французского колониального господства, а также колониальной политики французского абсолютизма в Северной Америке были рассмотрены нами в ряде отдельных публикаций, поэтому сейчас мы ограничимся лишь перечислением тех факторов, которые имеют значение для предмета настоящего исследования. См. подробно: *Акимов Ю. Г.* 1) К вопросу о социально-экономическом и политическом строе колонии Новая Франция (1608–1760 гг.) // Вестник С.-Петерб. ун-та. 1995. Сер. 2. Вып. 3; 2) Очерки ранней истории Канады. СПб., 1999. С. 118–128, 147–187.

Карта 1. Атлантический регион Канады
(Акадия — Новая Шотландия)

ров, всегда находились у него даже не на втором, а, скорее, на третьем плане. Но заинтересованность французского общества в заморских делах также была весьма ограниченной и не шла ни в какое сравнение с той ситуацией, которая имела место по другую сторону Ла-Манша (лишь сравнительно небольшое число купцов и судовладельцев из западнофранцузских портов стремилось развивать торговлю с Канадой). В результате основной движущей силой французской экспансии оказалось все же абсолютистское государство, что, естественно, наложило на нее сильнейший отпечаток. Создание и расширение колониальной империи на Североамериканском континенте являлось прежде всего государственной политической акцией (еще раз подчеркнем — далеко не первостепенной важности), к которой добавились миссионерская деятельность и пушной промысел. В XVII в. французский абсолютизм находился на подъеме, и Ришелье и Людовик XIV могли позволить себе роскошь уделить внимание второстепенному сюжету.

Оставаясь на втором плане правительственной политики, Новая Франция тем не менее всегда находилась под достаточно жестким контролем со стороны государства, особенно усилившимся после 1663 г., когда в колонии впервые было введено прямое королевское управление (окончательно это произошло в 1674 г.). Все заморские владения Франции с этого времени находились в ведении морского министерства, возглавлявшегося государственным секретарем второй должности, отвечавшим также за королевский двор, столицу и

духовенство (secrétaire d'Etat, deusième charge — maison du Roi, Paris, clergé, marine). В 1669–1683 гг. этот пост занимал Ж.-Б. Кольбер, преемником которого стал его сын маркиз де Сеньеле (1683–1690). В дальнейшем государственным секретарем второй должности был Луи Фелипо де Поншартрен (1690–1699), а затем его сын Жером Фелипо, граф де Поншартрен (1699–1715). В рамках морского министерства были сконцентрированы все рычаги управления колониями. С 1680 г. оно располагало собственными военными подразделениями, предназначенными для службы за пределами Франции, а в 1699 г. в его ведение были переданы все дела, относящиеся к заморской торговле. В то же время все важнейшие решения, касающиеся колоний, принимались непосредственно монархом (Генрихом IV, Людовиком XIV) или его первым министром (Ришелье, Мазарини).

В отличие от своих соседей через Ла-Манш, французы при Старом Порядке никогда не рассматривали свои колонии как «империю» (и не употребляли этот термин). В то же время масштаб французской экспансии, притязания, выдвигавшиеся Парижем, сам дух колониальной политики абсолютизма свидетельствуют о том, что говорить о «Французской империи», хотя бы в политическом смысле, вполне возможно.[15] И не случайно Ф. Блюш, пишет, что хотя «Людовик XIV не намечал последовательного плана создания заморской империи, но список новых владений показывает: французские владения превосходят то, что они имели бы, если бы проводили меркантилистскую и прагматичную политику сиюминутной выгоды». Подводя итоги царствования Короля-Солнца, французский историк делает вывод: его войны «дали десять провинций и империю».[16]

Англичане, французы и колониальные реалии

Между владениями двух держав имелось множество других различий. Подданные двух держав по-разному реагировали на ту обстановку, с которой они сталкивались в Северной Америке, что, в свою очередь, отражалось на различных сторонах жизни их колоний.

Две империи заметно различались по своей хозяйственной структуре. Если оставить в стороне Ньюфаундленд и Гудзонов залив, представлявшие собой «монокультурные» регионы (в первом случае — рыболовецкий, во втором — мехоторговый), то можно конста-

[15] Надо сказать, что современные французские специалисты также часто ставят это словосочетание в кавычки. См., напр.: Histoire de la France coloniale. De 1600 à 1914 / Par J. Meyer, J. Tarrade, A. Rex-Goldzeiguer, J. Thobie. Paris, 1991. P. 15.

[16] *Блюш Ф.* Людовик XIV. М., 1998. С. 671–672.

тировать, что и в английских и во французских владениях в том или ином виде развивалось сельское хозяйство, рыболовство, пушной промысел, лесная промышленность. Однако значение, которое придавалось каждой из этих отраслей в той или иной колонии, было неодинаковым. Так, если для жителей Канады, промысел трески имел второстепенное значение, то для Массачусетса с начала 1640-х годов он стал очень важной статьей доходов. Не случайно позолоченная треска висела в зале заседаний совета этой колонии, а ирокезы называли Новую Англию «Киншон» (т. е. «Рыба»). Рыбаки из Бостона, Сейлема, Марблхеда и других селений регулярно совершали рейсы к отмелям, тянущимся вдоль восточного берега полуострова Новая Шотландия и считавшимися французскими владениями. Сушеная и соленая треска шла на экспорт в Европу и Вест-Индию. Уже в 1645 г. из Массачусетса было вывезено рыбы на 10 тыс. фунтов.[17]

Обратная ситуация сложилась с пушным промыслом. Для английских колонистов он долгое время представлял собой побочный вид деятельности. Лишь после завоевания Новых Нидерландов английские купцы включились в торговлю бобровыми шкурками, которую с 1620-х годов вели голландцы в форте Оранж. Переименованный в Олбани этот пункт стал центром английской мехоторговли, а позднее — одним из основных каналов, через который шла английская экспансия на запад и северо-запад в сторону французских владений. Помимо Олбани меха (оленьи шкуры) имели определенное значение только для экономики Южной Каролины. В Канаде, наоборот, добыча пушнины была одной из основных отраслей хозяйства, а меха являлись главной статьей экспорта этой колонии.

Англичане и французы неодинаково реагировали на те природные условия, с которыми им пришлось столкнуться в Новом Свете. Кстати, эти условия также были не совсем одинаковыми. Обосновавшись на Атлантическом побережье нынешних США, англичане получили в свое распоряжение земли, в целом хорошо подходящие для развития различных отраслей сельскохозяйственного производства, в то время как французам досталась долина реки Св. Лаврентия — регион с гораздо менее благоприятными природно-климатическими условиями. Вместе с тем продвижение английских поселенцев на запад почти повсеместно наталкивалось на горные хребты Аппалачей и Аллеган, миновать которые можно было только на юге (на границах с Флоридой) и в долине Гудзона, однако в первом случае это вело к конфликту с испанцами, во втором — с французами. В распоряжении французов, наоборот, оказались очень удобные водные пу-

[17] *McCusker J. J., Menard R. R.* The Economy of British America, 1607–1789. Chapel Hill, 1991. P. 99.

ти, ведущие в глубь континента: река Св. Лаврентия и ее притоки, связанная с ней система Великих озер, а также бассейн Миссисипи, отделенный от них достаточно низким и легко проходимым водоразделом.

По-разному складывались отношения представителей двух держав с коренными жителями Северной Америки. В силу ряда причин английские колонисты испытывали большие трудности в налаживании связей с индейцами. Отношение к ним в Английской Америке было в лучшем случае настороженным, в худшем случае открыто враждебным. Даже такой покровитель аборигенов, как Роджер Уильямс, был убежден, что «все они чрезвычайно ненадежны и вероломны».[18] Вплоть до начала XVIII в. за крайне редким исключением англичане и жители их колоний не проявляли никакого интереса к обращению язычников в христианство. Хотя во многих английских колониальных хартиях и других официальных и пропагандистских документах того времени распространение истинной веры провозглашалось основной целью создания поселений в Новом Свете, провиденциализм, в целом характерный для английской колониальной экспансии и являвшийся одной из ее движущих сил, имел отношения к индейским землям, но не к индейским душам.

Такая ситуация была неразрывно связана с тем обстоятельством, что аборигены были просто не нужны англичанам (быть может, за исключением самых первых лет существования их поселений), но, напротив, являлись ненужной помехой для развития их переселенческих и плантационных колоний, и от этой помехи нужно было в той или иной форме избавиться. Под это был подведен соответствующий идеологический базис, в выработке которого приняли участие многие колониальные лидеры, а также ряд выдающихся мыслителей того времени. В результате, как честно признают современные англосаксонские специалисты, вся политика их соотечественников по отношению к коренным жителям Североамериканского континента сводилась к тому, чтобы «оттеснять индейцев или, где это было продиктовано обстоятельствами, уничтожать их».[19]

Следует также отметить, что имевшие место коммерческие контакты аборигенов с английскими торговцами, как правило, не переходили в политические союзы. Исключением была лишь так называемая Договорная цепь («Covenant Chain»), которая связывала Нью-Йорк, а через него и другие английские колонии с могущественной

---

[18]Letters of Roger Williams, 1632–1682 / Ed. by J. R. Bartlett. Providence, 1874. P. 276.

[19]The Oxford History of the British Empire: In 5 vols. Vol. I: The Origins of Empire. British Overseas Enterprise to the Close of the Seventeenth Century. Oxford; New York, 1998. P. 37.

Лигой ирокезов и зависимыми от нее племенами (впрочем, союзные отношения с ирокезами были в определенной степени унаследованы англичанами от голландцев; существенную роль сыграло и то обстоятельство, что еще с 1610-х годов французы активно включились в межплеменные конфликты на стороне противников ирокезов: алгонкинов, гуронов и монтанье). Кроме ирокезов, лишь некоторые племена юго-востока иногда выступали союзниками Южной Каролины.

В отличие от англичан, и администрации, и простым жителям Канады и Акадии удалось наладить достаточно эффективные и разносторонние связи со множеством индейских племен, среди которых были и такие, которые проживали на значительном расстоянии от французских поселений. Идейной основой политики по отношению к аборигенам стала мысль о возможности «офранцуживания» индейцев, впервые выдвинутая еще в 1627 г. и в дальнейшем получившая значительное распространение и развитие (ее сторонниками в частности были Ришелье и Кольбер).

Конечно, в первую очередь такая ситуация была связана с тем, что аборигены были необходимы французам. Индейцы-охотники являлись важнейшим звеном в системе пушного промысла, на котором в значительной степени базировалась экономика Новой Франции. Кроме того, союз с индейцами помогал обеспечивать безопасность обширных, но малонаселенных владений Парижа и в то же время позволял французам развивать экспансию в глубь континента (что, по понятным причинам, было в определенной степени выгодно и аборигенам).

Укреплению контактов французов с индейцами способствовала также деятельность католических миссионеров, которая была чрезвычайно активной и в целом довольно успешной, хотя и не лишенной противоречий. Несомненно, ее эффект заметно усиливало отсутствие такой деятельности у англичан (даже среди их союзников ирокезов долгое время находились французские священнослужители).

Наконец, еще одним важным моментом, способствовавшим франко-индейскому сближению, являлось наличие отчетливо выраженной взаимной комплиментарности этих этнических коллективов. Именно она лежала в основе поражавшей современников способности французов устанавливать контакт с самыми «дикими» племенами, говорившими на различных языках и часто враждовавших друг с другом. Связи французов с индейцами были столь прочны, что их не могло существенно поколебать даже то обстоятельство, что английские торговцы и скупщики пушнины предлагали аборигенам более дешевые товары. Бывали случаи, когда то или иное племя, воюя с англичанами на стороне французов, продолжало поддержи-

вать контакты с английскими торговцами (впрочем, как отмечают современные исследователи, французские товары были более качественными и доставлялись непосредственно в индейские селения[20]).

Между двумя империями и их создателями, безусловно, имелось множество других различий. В последнее время специалисты указывают на разницу в психологии англичан и французов, проявившуюся в их подходах к колониальной экспансии. Как отметил Э. Таймит, если первые, подобно финикийцам, думали только о выгоде, то вторые, как древние греки, были воодушевлены «страстью к исследованиям», которая толкала их все дальше в глубь континента.[21]

При самом беглом взгляде на английскую и французскую экспансию в Северной Америке бросается в глаза то обстоятельство, что в то время, как первая была вызвана к жизни объективными социально-экономическими причинами, вторая представляла собой в значительной степени политическую и идеологическую акцию, обусловившую ее эфемерный или, по крайней мере, «неэкономический» характер (пушная торговля не очень интересовала французских королей). Не случайно отец франко-канадской национальной историографии Ф.-К. Гарно заметил: «Вот различие между двумя колониями: в то время как в Новой Англии строили торговые суда — мы [французы. — *Ю. А.*] возводили монастыри».[22]

Действительно, Английская Америка и Новая Франция представляли собой явления различной природы, что объясняется не только географическими, демографическими и психологическими причинами. Ни в коем случае не следует забывать, что первая была порождением не только английского государства, но и английского общества, переживавшего мучительный процесс становления и развития нового общественного строя, а кроме того, общества, часть которого (особенно после Славной революции) уже оказывала определенное влияние на принятие политических решений в своей стране. Это была колониальная империя *раннекапиталистической страны.* Мы не случайно выделили оба этих слова, так как возникновение этой империи было связано, во-первых, с зарождением и развитием в Англии новых капиталистических/рыночных отношений, во-вторых, не только и даже не столько с государством, сколько со всем английским обществом (или, по крайней мере, с его значительной частью),

---

[20]См.: *Eccles W. J.* France in America. Toronto; Vancouver; Winnipeg; Montreal, 1972. P. 100–101.

[21]См.: *Taillemite E.* Marins français à la découverte du Monde. De Jacques Cartier à Dumont d'Urville. Paris, 1999. P. 8–10. (Впрочем, еще в XIX в. Ж. Дюваль писал о «наследственном инстинкте авантюрной экспансии», который, с его точки зрения, был унаследован французами от галлов, норманнов и басков; см.: *Duval J.* Les colonies de la France. Paris, 1867).

[22]См.: *Garneau F.-X.* Histoire du Canada: 2 t. 5-e éd. T. I. Paris, 1913.

в то время уже имевшим возможность воздействовать на принятие политических решений.

Вторая колониальная империя была в бо́льшей степени детищем *абсолютистского государства*. Здесь также выделены два слова, поскольку создание колониальной империи Парижа, во-первых, произошло в рамках тогда еще блестящего, но все же Старого Порядка, т. е. феодального строя; во-вторых, основная масса французского общества относилась к освоению Северной Америки в целом достаточно равнодушно (в отличие, например, от колонизации Нового Света Испанией, которая, хотя и являлась феодальной колонизацией, но была не только государственным политическим предприятием); а в-третьих, действительно заинтересованные в развитии колониальной экспансии группы в условиях абсолютизма практически не имели возможности влиять на государственную политику.

Образно говоря, закономерность основания Новой Англии и других английских поселений сродни закономерности изобретения механической прялки или паровой машины, в то время как Новая Франция возникла по прихоти монарха, так же как какой-нибудь причудливый дворец или парк. Изучая, осваивая, завоевывая один и тот же континент, англичане и французы преследовали разные цели и не понимали друг друга. Однако, несмотря на то что одна колониальная империя возникла более закономерно, а другая — в бо́льшей степени случайно, и та и другая *возникли*, а значит стали явлениями одного порядка.

Военные силы англичан и французов в колониальной Северной Америке

Поскольку предмет нашего исследования тесно связан с войнами и вооруженными конфликтами, нам следует выяснить «пределы военной мощи» соперников, характер и сферу ее применения, а также рассмотреть вопрос о том, как создавалась и как менялась военная организация североамериканских владений Лондона и Парижа в XVII — начале XVIII в., какова была связь между колониальным и морским соперничеством двух держав.

Формирующийся в рассматриваемый нами период в Европе подход, когда государство присваивало себе исключительное право применения военной силы, гораздо слабее проявлялся в колониальных условиях.[23] Здесь государству приходилось делегировать свои функ-

[23]См.: *Black J.* War and the World: Military Power and the Fate of Continents, 1450–2000. New Haven; London, 2000. P. 203.

ции колониальным администрациям, получавшим право самостоятельно принимать решения о применении военной силы (независимо от того, предоставлялась ли она им метрополией или нет). Так, согласно Хартии Массачусетса (1629) «Губернатор и Компания» получали право «для их собственной обороны и безопасности сталкиваться, изгонять, отражать и сопротивляться силой оружия на море и на суше <...> всякому лицу или всяким лицам, которые в какое бы то ни было время попытаются предпринять или предпримут разрушение, вторжение, нанесение вреда или побеспокоят колонию или [ее] жителей».[24] Аналогичные или близкие положения содержались в правоустанавливающих документах других английских и французских колоний в Северной Америке. Например, Компания Новой Франции (Ста участников) согласно своему уставу имела право «делать все необходимое для безопасности страны», включая как ведение боевых действий, так и производство оружия и пороха.[25]

Сухопутные силы англичан и французов в Северной Америке состояли из двух основных компонентов: ополчения и регулярных войск. В большинстве английских колоний практически с момента их основания существовала милиция — институт, унаследованный от метрополии. Но если в Англии в это время милиция рассматривалась населением как пережиток прошлого, а служба в ней — как обременительная и никчемная обязанность, которой стремились избежать, то в Новом Свете этот институт приобрел ряд новых черт, и его значение в целом было гораздо бóльшим. Служба в милиции была обязанностью всех свободных взрослых белых мужчин в возрасте от 16 до 60 лет, которые должны были за свой счет приобретать оружие, амуницию и боеприпасы. Военная подготовка милиционеров проводилась в специальные «тренировочные дни» (training days), устанавливавшиеся администрацией колонии.

Служба в милиции считалась в Новой Англии религиозным долгом. Однако со свойственным им практицизмом пуритане прекрасно понимали, что для его успешного исполнения требуется не только соответствующий духовный настрой, но и определенные навыки и материальные ресурсы. Так, Э. Джонсон в своем «Чудотворном Провидении» посвятил целую главу вопросу о том «как Народу Христа следует соблюдать военную дисциплину». Обращаясь к колонистам, он напоминал: «Вам следует усердно предпринимать меры против

---

[24] The Federal and State Constitutions, Colonial Charters and Other Organic Laws of the United States: In 2 parts / Comp. by B. P. Poore. Pt. 1. Washington, 1877. P. 932–942.

[25] Edits, Ordonnances royaux, déclarations et arrêts du Conseil d'Etat du Roi, concernant le Canada: 3 t. T. I. Québec, 1854. P. 7–8.

зловредных противников истинной веры, чтобы чувствовать себя уверенными в то время, когда Антихрист поднимет все свои силы и начнет войну с Народом Господа, но это приведет к его полному поражению. Так позаботьтесь о том, чтобы запастись всевозможным оружием, необходимым для войны, наточите ваши шпаги и мечи <...> и не жалейте денег на порох, ядра, фитили...».[26]

Изначально основной задачей милиции было обеспечение обороны поселений, где не было ни регулярных частей, ни каких-либо других вооруженных формирований, от индейцев, пиратов и т. п. Однако в специфических условиях колониального общества милиция почти сразу же после своего создания стала выполнять ряд функций не только военного, но и социального характера, которые постепенно (по мере того как индейская угроза становилась менее выраженной) выходили на первый план. В результате важнейшей задачей милиции стало поддержание внутреннего порядка и существующего политического устройства. По замечанию Л. Д. Кресс, милиция должна была обеспечивать спокойствие граждан и одновременно не допускать, чтобы требование порядка становилось «прикрытием для тирании».[27]

В то же время специалисты сходятся во мнении, что боевые качества милиции английских колоний были весьма посредственными. Милицейские роты, как отметил Дж. Шай, везде имели тенденцию превращаться в своего рода «общественные клубы белого мужского гражданского населения».[28] На практике тренировочные дни проводились несколько раз в год и являлись скорее праздниками и местом встреч соседей и родственников, чем серьезными военными занятиями. В конце 1690-х годов Коттон Мэзер раздраженно заметил, что эти дни «мало отличаются от дней попоек».[29] Учебные тревоги и проверки оружия милиционеров, проводившиеся властями, часто приносили неутешительные результаты. По поводу одного из таких мероприятий Дж. Уинтроп писал в своем «Журнале»: «...наскоро собранные милиционеры были совершенно растеряны и не знали как себя вести, офицеры никак не могли установить среди них хоть какой-нибудь порядок».[30] Колониальные власти пытались как-то ис-

[26] Johnson's Wonder-Working Providence, 1628–1651 / Ed. by J. F. Jameson. New York, 1910. P. 33.

[27] *Cress L. D.* Citizens in Arms: The Army and the Militia in American Society to the War of 1812. Chapel Hill, 1982. P. 9.

[28] *Shy J.* Toward Lexington: The Role of the British Army in the Coming of American Revolution. Princeton, 1965. P. 17.

[29] Цит. по: *Ward H. M.* Colonial America, 1607–1763. Englewood Cliffs, 1991. P. 172.

[30] Winthrop's Journal «History of New England», 1630–1649: In 2 vols / Ed. by J. K. Hosmer. Vol. 1. New Work, 1908. P. 92.

править положение, издавали распоряжения, грозящие штрафами за невыполнение милиционерами своих обязанностей, но это не всегда приносило положительный результат.

Впрочем, милиция Новой Англии, несмотря на все свои недостатки, в целом справлялась с теми задачами, которые на нее возлагались. Гораздо более сложной была ситуация в других владениях Лондона. Так, в Нью-Йорке милиция создавалась с огромным трудом и была крайне неэффективна. В 1680 г. современник дал достаточно высокую оценку подготовке бостонской милиции, однако по поводу милиции Нью-Йорка заметил, что «никогда не видел ничего худшего».[31] Аналогичная ситуация сложилась в другой стратегически важной точке Английской Америки — Южной Каролине. В первые десятилетия ее существования бедность и большая рассредоточенность населения были серьезной помехой для создания боеспособной милиции, потребность в которой была здесь особенно высока, так как помимо отражения внешней угрозы она должна была обеспечивать контроль над массой рабов. В целом и Нью-Йорк и Южная Каролина (не говоря уже о Ньюфаундленде) не могли самостоятельно обеспечить оборону своих границ силами милиции и были вынуждены прибегать к союзам с индейцами и обращаться за помощью к метрополии.

Среди множества функций, которые выполняла колониальная милиция, отсутствовала одна из наиболее важных. Милиция Английской Америки не могла осуществлять крупномасштабных наступательных операций. Как отметил Д. Бурстин, «милиция была создана для защиты ферм, домов и городов, а не для того, чтобы служить орудием чьей бы то ни было генеральной стратегии».[32] Это опять-таки было связано с английской традицией, в соответствии с которой милиция могла использоваться только в пределах своего графства, за исключением особых случаев, когда стране грозило вторжение неприятеля. Эта традиция была перенесена за океан, где милиционеры могли быть посланы за пределы своей колонии только по их собственному согласию, а кое-где еще и при наличии решения колониальной ассамблеи.[33] Однако жители колоний отнюдь не стремились покидать свои дома и оставлять хозяйство ради долгих и опасных походов, цель которых им далеко не всегда была ясна и к которым они были плохо подготовлены. Безусловно, имелось и множество других субъективных и объективных причин, которые

---

[31] См.: Journal of Jasper Danckaerts, 1670–1680 / Ed. by B. B. James and J. F. Jameson. New York, 1913. P. 271, 239.

[32] *Бурстин Д.* Американцы: колониальный опыт. М., 1993. С. 400.

[33] См.: *Leach D. E.* Arms for Empire: A Military History of the British Colonies in North America, 1607–1763. New York; London, 1973. P. 23.

заставляли поселенцев проявлять сдержанность по отношению к военной службе.

Говоря об отношении Лондона к обороне своих владений, следует учитывать, что оно в течение долгого времени базировалось на меркантилистских идеях о том, что колонии создаются, для того чтобы усиливать метрополию, а не ослаблять ее, и, следовательно, они должны прежде всего самостоятельно защищать себя, а в случае необходимости быть в состоянии предпринять наступательные действия в интересах метрополии. Вплоть до захвата Нью-Йорка в Североамериканских колониях Англии вообще не было регулярных войск. Лишь в некоторых колониях находились небольшие отряды профессиональных солдат, нанятые лордами-собственниками или колониальными компаниями. В 1664 г. в Нью-Йорк вместе с Р. Николлсом прибыло четыре роты солдат (которые, кстати, первоначально содержались за счет герцога Йоркского, а не за счет короны).[34] В 1676 г. довольно крупный воинский контингент (более тысячи человек) был направлен в Вирджинию для подавления восстания Бэкона, но к тому моменту, когда эти войска прибыли в колонию, ситуация там уже стабилизировалась, и они были отправлены обратно. В итоге, несмотря на многочисленные просьбы администраций различных колоний, к концу 1680-х годов на всем Североамериканском континенте находились лишь вышеупомянутые четыре отдельные роты (около 400 человек), дислоцированные в Нью-Йорке и Олбани. Даже после Славной революции и начала Войны Аугсбургской лиги позиция английского правительства по данному вопросу практически не изменилась. Лишь в годы Войны за испанское наследство здесь стали происходить определенные подвижки.

В то же время английские колониальные власти оказывались в достаточно сложном положении, когда стала возникать необходимость отправки вооруженных формирований за пределы колоний. Единственным выходом было использование отрядов так называемых волонтеров, к призыву которых прибегали губернаторы и ассамблеи. Эти отряды формировались как из милиционеров, так и из представителей беднейших слоев населения, не состоящих в милицейских формированиях (кое-где в состав волонтеров порой включались даже индейцы и свободные негры). Они вооружались и содержались, а иногда и получали обмундирование за счет колонии. В некоторых случаях их служба оплачивалась, в некоторых — единственным вознаграждением служила военная добыча: скальпы и награбленное имущество.

---

[34] См.: *Pargellis S.* The Four Independent Companies of New York // Essays in Colonial History, Presented to Charles McLean Andrews by His Students. Freeport, 1966. P. 91.

Позднее власти метрополии стали устанавливать квоты, в соответствии с которыми колонии должны были выставить определенное количество бойцов для той или иной операции. В этом случае администрации опять-таки прибегали к призыву волонтеров, а если желающих не хватало, то поручали капитанам милиции выставить необходимое количество бойцов. Те, в свою очередь, собирали своих людей, которые либо бросали жребий, либо в складчину нанимали кого-то, кто соглашался служить вместо них.

Безусловно, нельзя сказать, что Английская Америка была миролюбива и беззащитна. С момента своего возникновения колонии должны были охранять и расширять свои границы, вести войны с индейцами, которые (особенно на первых порах) представляли для них далеко не шуточную угрозу. Подавляющее большинство поселенцев было вооружено и владело хотя бы минимальными военными навыками. Еще в 1631 г. администрация Массачусетса издала распоряжение, согласно которому все мужчины, включая сервентов, должны были быть снабжены исправным оружием; в случае если какой-либо поселенец не мог его приобрести — он вооружался за общественный счет.[35]

Однако ряд обстоятельств существенно снижал боевой потенциал английских колоний. Среди этих обстоятельств, следует прежде всего отметить специфику колониальной милиции, не являвшейся полноценной военной силой, а также отсутствие единого военного руководства и эффективной системы взаимодействия колоний в военное время. «Нежелание каждой из них отправлять свою милицию на помощь соседу было», по словам Д. Бурстина, «возможно, самым основным в характере отношений между колониями».[36]

Само английское правительство и в последние десятилетия XVII в., и позднее предпринимало попытки (правда, достаточно ограниченные) изменить эту ситуацию. Однако все эти попытки провалились из-за противодействия центробежных сил, которые в Английской Америке (опять-таки в силу ряда причин) в то время были чрезвычайно сильны. В то же время вряд ли можно согласиться с утверждением Г. М. Уорда о том, что английские власти не собирались создавать единой военной системы в своих колониях.[37] Наоборот, и создание Доминиона Новая Англия при Якове II, и попытки объединения нескольких северных и центральных колоний и их милиции в рамках своеобразной «личной унии» (под управлени-

---

[35] *Osgood H. L.* The American Colonies in the Seventeenth Century: In 4 vols. Vol. I. New York; London, 1904. P. 499.

[36] *Бурстин Д.* Указ. соч. С. 401.

[37] *Ward H. M.* «Unite or Die»: Intercolony Relations, 1690–1763. Port Washington, 1971. P. 34.

ем одного губернатора) при Вильгельме III и королеве Анне не в последнюю очередь преследовали цель укрепления обороноспособности Английской Америки. Другое дело, что все эти мероприятия не увенчались успехом, причем именно из-за противодействия самих колонистов. Например, когда перед началом Войны за испанское наследство Джозеф Дадли был назначен губернатором Массачусетса и Нью-Гемшира, а также главнокомандующим милицией всей Новой Англии, администрации Коннектикута и Род-Айленда, ссылаясь на привилегии, зафиксированные в их хартиях, отказались подчиняться его приказам.[38]

В отличие от английских колоний, французские владения были гораздо более милитаризованы. Конечно, Р. Леки, сравнивавший колониальное канадское общество с древней Спартой, несколько преувеличивал,[39] однако уровень военной организации Новой Франции действительно качественно отличался как от Английской Америки, так и от старой Франции.

В первые десятилетия своего существования Новая Франция, представлявшая собой тогда лишь несколько торговых факторий и миссионерских станций, не имела никаких вооруженных формирований. Торговые компании, державшие в своих руках управление колонией, лишь изредка присылали туда небольшие отряды нанятых ими солдат, которые использовались для гарнизонной службы. Новая Франция была практически беззащитна, что показали события 1628–1629 гг., когда она стала жертвой нападения английских каперов, и, конечно, ирокезская война, поставившая колонию на грань катастрофы. В связи с тем, что Новая Франция располагала весьма ограниченными людскими ресурсами, единственный выход из ситуации состоял в активном участии всех без исключения поселенцев в ее обороне. В отличие от Англии, во Франции к XVII в. все средневековые формы военной организации гражданского населения (милиция, ополчение) уже отошли в прошлое и не могли быть перенесены в колонии. В результате в Канаде в эпоху французского колониального господства был создан принципиально новый институт, имеющий мало общего с одноименными формированиями, существовавшими в Английской Америке.

Поскольку речь шла не о копии, а об оригинале, создание канадской милиции затянулось на достаточно долгое время. Хотя первые милицейские отряды были образованы в Квебеке еще в 1636 г. губернатором Монманьи, вплоть до начала 70-х годов XVII в. они не

[38]См.: *Kimball E.* The Public Life of Joseph Dudley: A Study of the Colonial Policy of the Stuarts in New England, 1660–1715. New York, 1911. P. 211–218.

[39]См.: *Leckie R.* «A Few Acres of Snow»: The Saga of the French and Indian Wars. New York, 1999. P. 229.

представляли собой постоянных формирований. В зависимости от конкретной ситуации милиция то распускалась, то созывалась вновь. Первоначально ее главной функцией было обеспечение безопасности французских поселений и их жителей, которым постоянно угрожали нападения ирокезов. Милицейские подразделения часто формировались не только по приказу колониальной администрации, но и губернаторами отдельных поселений, действовавшими по собственной инициативе.

Со своей стороны, французское правительство долгое время не уделяло внимания этой проблеме, и лишь на рубеже 1660–1670-х годов Людовик XIV и Кольбер объявили военную службу обязательной для канадских поселенцев. Выполняя королевские инструкции, губернатор Фронтенак в 1673 г. разделил всех мужчин колонии в возрасте от 16 до 60 лет на роты, каждая из которых возглавлялась капитаном милиции или, как стали говорить в Канаде, «капитаном берега» (capitaine de côte). Были также установлены дни учений, которые должны были проходить один раз в одну или две недели. Оружие милиционеры приобретали за свой счет, а боеприпасами их снабжала администрация.

После 1683 г., когда было произведено деление колонии на приходы, милицейские роты обычно формировались по приходскому принципу. Официально их капитаны назначались губернатором, но фактически они, как правило, выбирались самими жителями из числа наиболее уважаемых поселенцев. В последующем капитаны стали выполнять не только военные, но и определенные административные функции, став своего рода представителями властей колонии на местах. Сама милиция также использовалась не только для военных операций, но и для разного рода вспомогательных работ (транспортная служба, прокладка и ремонт дорог и т. п.). Хотя служба в милиции была обязательной для всех жителей колонии, «всеобщих мобилизаций» не проводилось вплоть до Семилетней войны. Для участия в тех или иных акциях призывались добровольцы, или нужное количество людей набиралось в принудительном порядке, в то время как остальные продолжали заниматься хозяйством.

Канадская милиция представляла собой универсальное и послушное орудие, которое колониальные власти могли использовать как для оборонительных, так и для наступательных целей. Ее бойцы не боялись длительных переходов, были хорошо знакомы со спецификой ведения войны в пограничных лесах, могли эффективно взаимодействовать с индейскими отрядами, тактику которых они часто использовали. Дж. Ф. Дж. Стэнли назвал канадскую милицию «одним из наиболее примечательных созданий Старого Порядка» и считал, что она в течение долгого времени обеспе-

чивала французам военное превосходство над английскими колониями.[40]

В то же время в Акадии (французы так называли территории нынешних Атлантических провинций Канады: Новой Шотландии, Нью-Брансуика, Острова принца Эдуарда и прилегающую к ним северо-восточную часть штата Мэн) за весь период французского колониального господства не было создано никаких милицейских формирований. Немногочисленное население этой бедной периферийной колонии предпочитало соблюдать нейтралитет в ходе англо-французских конфликтов. Ее границы защищали главным образом союзные французам индейцы и канадские ополченцы.

В течение более чем полувека с момента основания Новой Франции французское правительство не присылало туда регулярных войск. Впервые небольшой воинский контингент был направлен в Канаду в 1663 г., когда она впервые перешла под прямое королевское управление. Зато в 1665 г. Людовик XIV, очевидно под влиянием рассказов об ужасах ирокезской войны, принял решение о переброске в колонию крупных сил, которые должны были нанести решающий удар по Лиге. В июне–августе 1665 г. в Квебек прибыл кариньян-сальерский полк французской армии, а также еще четыре роты солдат из других подразделений. Всего под знаменами маркиза де Траси, назначенного верховным королевским наместником в Америке, находилось 1200 солдат и офицеров.

Военные кампании против ирокезов, проведенные в 1665 и 1666 гг., можно назвать лишь относительным успехом французов, однако сам факт присутствия в Новой Франции значительного количества королевских солдат имел большое моральное значение и для колонистов и для индейцев. Вдобавок, после того как боевые действия были закончены, и правительство приняло решение отозвать войска Траси, солдатам и офицерам кариньян-сальерского полка было предложено остаться в Канаде и заняться сельским хозяйством. Это предложение приняли около 400 солдат и 30 офицеров, которые были расселены в окрестностях Монреаля и в долине реки Ришелье, наиболее стратегически важных и в то же время опасных районах.

После 1668 г. в Новой Франции осталось лишь четыре роты королевских солдат (по 53 человека в каждой), две из которых находились в Монреале, а две были распределены по поселениям долины реки Ришелье. В 1670 г. они были усилены еще шестью ротами, прибывшими вместе с интендантом Ж. Талоном. Из этих рот пять оста-

[40] *Stanley G. F. G.* Nos soldats. L'histoire militaire du Canada de 1604 à nos jours. Montréal, 1980. P. 54.

лось в Канаде, а одна (рота капитана Гранфонтена) была отправлена в Акадию.[41]

Однако после этого в течение 13 лет из метрополии в Канаду не присылали никаких подкреплений. Лишь с 1683 г. туда стали направляться так называемые отдельные роты морского министерства («franches companies de la Marine»). Эти войска иногда называют «морской пехотой», что не совсем верно, так как они состояли не из военных моряков, а из солдат, не имевших никакого отношения к флоту. Отличие «отдельных рот» от обычных сухопутных частей французской армии состояло только в том, что они находились в ведении морского министерства и использовались главным образом в колониях (рис. 2).

Рис. 2. Солдат «отдельной роты» Морского министерства Франции

В середине и во второй половине 1680-х годов в Новую Францию регулярно прибывали новые «отдельные роты», и к началу Войны Аугсбургской лиги там насчитывалось в общей сложности около 1100 солдат и офицеров. Безусловно, в колонию попадали отнюдь не сливки французской армии. Служба в Америке была очень тяжелой, и немногим солдатам удавалось вернуться на Родину. У чиновников нередко возникали проблемы с набором нужного количества людей. В частности, интенданту Рошфора, ответственному за отправку рекрутов в Канаду, приходилось в ожидании погрузки держать их на острове Олерон, опасаясь массового дезертирства. Кроме того, солдаты регулярной армии, особенно новоприбывшие, были мало пригодны для операций в пограничных американских дебрях и использовались, в основном, для гарнизонной службы. В конце Войны Аугсбургской лиги интендант Шампиньи писал: «Нельзя отрицать, что это совершенно никудышные солдаты <...> поселенцы несравненно более ценны во время войны для экспедиций и других дел».[42] Во время бо-

[41] *Salone E.* La colonisation de la Nouvelle France: Etude sur les origines de la nation canadienne-française. Paris, 1906. P. 167.

[42] Цит. по: *Eccles W. J.* Frontenac: The Courtier Governor. Toronto, 1965. P. 215.

евых действий в Новой Франции нередко складывалась ситуация, когда ее жители покидали свои фермы и уходили сражаться, а солдаты, остававшиеся в своих казармах, нанимались работать на поля.

В то же время уже со второй половины 1680-х годов в войсках морского министерства начали служить канадцы, так как для молодых представителей колониальной верхушки это был практически единственный способ сделать военную карьеру. В дальнейшем дислоцированные в Новой Франции «отдельные роты» превратились в своего рода «колониальные войска», так как подавляющее большинство офицерских должностей там было занято уроженцами колоний. Среди них эта служба была столь популярной, что губернаторы не раз обращались в Версаль с просьбой увеличить штат командиров, чтобы дать возможность всем желающим получить офицерский патент.

«Отдельные роты» составляли основу регулярных войск в Канаде вплоть до середины 1750-х годов (лишь в годы Семилетней войны в Америку были переброшены линейные части французских сухопутных сил). Постепенно они «канадизировались» и приспособились к местным условиям и способам ведения войны. Этому, безусловно, способствовало отмеченное выше преобладание уроженцев колонии среди офицерского корпуса, а также тот факт, что общее командование (опять-таки вплоть до Семилетней войны) осуществляли колониальные губернаторы или их помощники, т. е. люди, также хорошо знакомые с североамериканскими реалиями.

Вне всякого сомнения, наличие в Канаде относительно крупного (по колониальным меркам) и постоянного контингента регулярных войск, а также боеспособной милиции давало французам определенные преимущества в ходе борьбы с англичанами. Очень важным было и то, что французы всегда действовали в тесном взаимодействии со своими многочисленными индейскими союзниками, используя их тактику ведения войны (английские поселенцы даже не всегда отличали канадских ополченцев от индейцев).

Конечно, это преимущество не следует переоценивать (что часто делают англосаксонские авторы). Оно являлось тактическим, а не стратегическим, и обеспечивало успех в пограничных стычках и на периферийных театрах боевых действий, но его было недостаточно для того, чтобы нанести сколько-нибудь серьезный удар по основным жизненно важным центрам противника. Ядро английских колоний было слишком крепким и мощным, чтобы его можно было поколебать с помощью отрядов в несколько сотен пусть даже и первоклассных бойцов. Вместе с тем военная машина Новой Франции, конечно, сыграла огромную роль в том, что французам удавалось

удерживать свои позиции на Североамериканском континенте в течение столь долгого времени.

Говоря о военно-морских силах англичан и французов в Северной Америке, следует подчеркнуть, что на всем протяжении рассматриваемого нами периода военные флоты двух держав действовали преимущественно в европейских водах. Ни Лондон, ни Париж постоянно не держали в колониях боевых кораблей. Да и в целом вплоть до вступления Англии в Войну Аугсбургской лиги (1689) суда, входившие в состав военных флотов обеих держав, направлялись в колонии лишь эпизодически. Единственным более или менее значительным исключением был так называемый Ньюфаундлендский конвой — эскадра, с 1651 г. ежегодно отправлявшаяся к берегам острова для защиты английских рыбаков во время рыболовного сезона.

В ходе войн конца XVII — начала XVIII в. ситуация несколько изменилась. Англичане, а отчасти и французы несколько раз направляли к берегам Североамериканского континента более или менее крупные соединения. Однако даже самое мощное из них — английская эскадра контр-адмирала Х. Уолкера, отправленная в 1711 г. на завоевание Квебека, состояла всего из 15 боевых кораблей всех классов, тогда как в водах Старого Света в отдельных сражениях в то время уже сталкивались флоты, насчитывавшие до ста кораблей.

Что касается самих колоний, то своими собственными военно-морскими силами в полном смысле этого слова обладал лишь Массачусетс, где существовала так называемая провинциальная галера (Province Galley). В то же время и в английских, и во французских колониях имелось определенное количество вооруженных частных судов, которые в военное время выступали как каперы.

С флотом напрямую связана проблема обеспечения, защиты и контроля над морскими коммуникациями, являющаяся ключевой для любой заморской империи того времени. На всем протяжении рассматриваемого нами периода в Северной Атлантике сохранялось более или менее устойчивое равновесие сил. Каким бы ни было соотношение морской мощи Англии и Франции в XVII — начале XVIII в. в целом (на этот счет среди историков продолжаются ожесточенные споры), в любом случае ни одна ни другая (ни какая-либо третья) держава вплоть до 1713 г. не была столь сильна, чтобы в военное время полностью перерезать связь метрополий с их Североамериканскими колониями (собственно говоря, такая задача тогда даже никогда и не ставилась). В то же время наметившееся на рубеже XVII–XVIII вв. определенное превосходство англичан (выступавших в то время в союзе с голландцами) на море над французами, позволяло первым перебрасывать в колонии, в том числе и в Северную

Америку, пусть в целом и небольшие, но все же более крупные морские силы, чем их соперникам.

* * *

Английская и французская колонизация Северной Америки представляли собой сложный многоплановый процесс с чрезвычайно пестрым и широким составом участников, процесс, на который оказывало влияние множество факторов самого различного свойства. Различия в подходах общества и государства к колониальной экспансии, отличия во внутренней структуре колониальных владений, неодинаковые отношения с коренными жителями Нового Света, разная военная организация и другие отмеченные нами факты — все это влияло на взаимоотношения и соперничество двух держав и их подданных.

Глава 2. НОВЫЙ СВЕТ В ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ АНГЛИЧАН И ФРАНЦУЗОВ

Современники рассматриваемых нами событий представляли себе ситуацию, сложившуюся в Северной Америке в XVII — начале XVIII в., несколько иначе, чем мы. Причиной этого были как искренние и/или невольные заблуждения, так и сознательное искажение истины, а также политические концепции, стереотипы мышления и т. п.

«Три основания» испано-португальской монополии на колониальную экспансию

Вместе с первыми шагами англичан и французов на колониальном поприще встал вопрос о «законности» их действий с точки зрения международного права того времени. Поскольку Англия и Франция заинтересовались заморскими сюжетами позднее держав Пиренейского полуострова, им пришлось столкнуться с теми правилами и нормами, которые уже были установлены лидерами — испанцами и португальцами, желавшими юридически закрепить за собой монополию на эксплуатацию заморских земель и «закрыть» их для всех потенциальных конкурентов. Свою позицию и свои притязания Мадрид и Лиссабон основывали на трех аргументах: папских

пожалованиях, международных соглашениях, праве первого открытия.[43]

Первые буллы, касающиеся политического статуса территорий, расположенных за пределами Европы, увидели свет еще в середине — второй половине XV в. Они были адресованы португальцам и закрепляли за ними исключительное право на экспансию в Атлантическом океане в южном и западном направлении «вплоть до Индий».[44] В 1493 г. сразу же после возвращения первой экспедиции Колумба Католические Короли добились от папы Александра VI издания четырех так называемых Александрийских булл («Inter Cætera №1», «Inter Cætera №2», «Eximæ Devotionis», «Dudum Sequidem»), где речь шла о правах кастильцев на «земли и острова», открытые Великим Генуэзцем.[45] Согласно булле «Inter Cætera №2» все земли, расположенные к западу от меридиональной линии, проведенной в «Океанском море» в 100 лигах к западу от Азорских островов и островов Зелёного мыса, также должны были стать владением Фердинанда и Изабеллы. Прежние права португальцев при этом были существенно урезаны.[46]

Говоря о буллах, нам важно отметить, что, во-первых, во всех случаях те или иные пространства (как суша, так и море) объявлялись владением только одной державы, которая получала монопольное право на их завоевание, освоение, эксплуатацию, христианизацию и т. д. Во-вторых, пожалования носили спекулятивный характер, касаясь не только земель и вод, известных в то время европейцам, но и тех, которые еще могли быть обнаружены в будущем.

---

[43] Подробно см.: *Акимов Ю. Г.* От папских булл к первому «разделу мира»: международно-правовой статус колониальной экспансии европейцев во второй половине XV в. // Исследования международных отношений: Сб. статей. СПб., 2004. С. 4–16.

[44] Буллы, относящиеся к заморским землям, издавались еще в 30-е годы XV в. Евгением V и Мартином V, однако они больше напоминали установления эпохи крестовых походов (см.: *Chaunu P.* Conquête et exploitation des Nouveaux Mondes (XVI-e siècle): 2-e éd. Paris, 1969. P. 250–251). Качественно иной характер носила булла Николая V «Romanus Pontifex», изданная в 1455 г. За ней последовали «Inter Cætera» Каликста III (1456) и «Æterni Regis clementia» Сикста IV (1481). Текст этих булл см.: European Treaties Bearing on the History of the United States and its Dependencies: In 4 vols / Ed. by F. G. Davenport. Vol. 1. Washington, 1917–1936. P. 9-32, 42–55. Подробнее см.: *Акимов Ю. Г.* От папских булл... С. 5–6.

[45] Полный текст всех четырех булл см.: European Treaties... Vol. I. P. 56–83; русский перевод основной части буллы «Inter Cætera №2» см.: Булла Inter Cætera №2. 4 мая 1493 г. // Путешествия Христофора Колумба: Дневники, письма, документы / Пер. с исп. и коммент. Я. М. Света, под ред. и со вступ. статьей И. П. Магидовича. М., 1961. С. 236–239.

[46] См.: Булла Inter Cætera №2. 4 мая 1493 г. // Путешествия Христофора Колумба. С. 268.

Существует несколько точек зрения по вопросу о том, в каком именно качестве выступал Святой Престол, издавая подобные документы, — как носитель высшей юрисдикции над всем земным шаром, как гарант и источник международного права, как главный «эксперт» в вопросах, касающихся отношений с язычниками, или, наконец, просто как арбитр между португальцами и кастильцами.[47] Однако независимо от этого Александрийские буллы являлись установлениями, с которыми до поры до времени были вынуждены считаться все европейские державы.

В то же время сами заказчики этих булл — Фердинанд и Изабелла — не считали их единственным, а главное достаточным обоснованием своих прав, понимая, что им необходимо добиться их признания со стороны другой заинтересованной стороны — Португалии. В результате длительных кастильско-португальских переговоров, в которых принимали участие не только дипломаты, но и лучшие географы двух стран, 7 июля 1494 г. был подписан Тордесильясский договор, урегулировавший отношения двух колониальных держав.[48]

В договоре речь шла о разграничении португальских и кастильских владений. Их граница должна была проходить с севера на юг («от полюса до полюса») на расстоянии 370 лиг от островов Зеленого Мыса. При этом стороны условились, что «все, что уже было открыто или будет открыто королем Португалии или его кораблями, будь то острова или материки к востоку от этой линии и внутри нее на севере и на юге, принадлежало названному сеньору — королю Португалии и его преемникам на веки вечные, и чтобы все острова и материки как открытые, так и те, что будут открыты королем и королевой Кастилии и Арагона или их кораблями к западу от названной линии, на севере и на юге, принадлежали означенным сеньорам — королю и королеве и их преемникам на веки вечные». Стороны брали на себя обязательства «не отправлять никаких кораблей» во владения друг друга, а также «не совершать открытий и завоеваний и <...> не вести торговлю за разделительной линией». Поскольку кастильские суда, направляясь к своим владениям, должны были следовать через португальские воды, было оговорено, что в случае, если они совершат там какие-либо открытия, эти острова или земли все равно будут считаться владением Лиссабона.

---

[47] Различные точки зрения см., напр.: *Wekmann L.* Las Bulas Alejandrinas de 1493 y la teoría política del Papado Medieval: Estudio de la supremacía papel sobre islas. Mexico, 1949; *Vander Linden H.* Alexander VI and the Demarcation of the Maritime and Colonial Domain of the Spain and Portugal, 1493–1494 // American Historical Review. 1916. Vol. XXII, No 1. October.

[48] См.: European Treaties... Vol. I. P. 84–100; русский перевод основной части договора см.: Тордесильясский договор между королями Испании и Португалии о разделе мира. 7 июня 1494 // Путешествия Христофора Колумба. С. 368–370.

Некоторые специалисты считают, что Тордесильясский договор не разделил земной шар между Кастилией и Португалией, но лишь указал соперникам различные пути открытия новых земель.[49] На наш взгляд, это не так. В тексте договора было четко определено, что *«все моря и земли»*, расположенные в соответствующих «половинках» планеты за пределами Европы, являются *«владениями»* той или другой державы.

Заключив Тордесильясский договор, Кастилия и Португалия признали друг за другом право на осуществление колониальной экспансии и поделили (конечно весьма условно) весь внеевропейский мир. В договоре содержалось упоминание о том, что он не распространяется на земли, находящиеся в «действительном и реальном владении других христианских государей» (тогда эта оговорка была связана прежде всего с тем, что европейцы еще надеялись найти в Азии мифические христианские народы); однако о других европейских державах там ничего не говорилось, и поскольку «свободного места» на Земле договор не оставил, все они автоматически исключались из колонизационного процесса. Кроме того, из договора вытекал принцип «закрытого моря» («mare clausum»), закрывавший кораблям «третьих» стран доступ в моря и владения монархов Пиренейского полуострова.

Тордесильясский договор стал центральным звеном сформировавшегося в Западной Европе подхода к проблеме политического статуса территорий, расположенных за ее пределами. В 1506 г. его положения были подтверждены буллой «Eä quæ», что свидетельствовало о полном одобрении Святым Престолом произведенного Кастилией и Португалией раздела мира.

Помимо положений папских булл и международных договоров (в 1529 г. Тордесильясский договор был дополнен Сарагосским договором, установившем границу между владениями Мадрида и Лиссабона в Тихом океане) пиренейцы обосновывали свои притязания на заморские земли так называемым правом первого открытия. Под этим подразумевался не просто тот факт, что подданные того или иного монарха первыми достигли какого-либо участка побережья, но что при этом они, во-первых, были облечены необходимыми полномочиями, а во-вторых, произвели и должным образом зафиксировали комплекс символических действий, свидетельствовавший о том, что они «официально» вступили во владение открытой ими территорией. Правда, португальцы обычно ограничивались тем, что устанавливали на видных местах падраны — столбы, увенчанные креста-

[49] *Магидович И. П., Магидович В. И.* Очерки по истории географических открытий: В 5 т. Т. II. М., 1983. С. 24.

ми, служившие одновременно ориентирами и символами их присутствия. Зато испанцы разработали целый церемониал, включавший торжественное провозглашение «вступления во владение» той или иной территорией от имени Католических Королей (позднее в таких случаях стала произноситься специальная проповедь, написанная членом Совета по делам Индий Х. Л. де Паласиосом Рубиосом[50]), составление и нотариальное заверение соответствующих протоколов, вынос знамен и т. п. Так, например, Колумб, в момент своей первой высадки позвал «капитанов и всех прочих <...> в том числе Родриго д'Эсковедо [правильнее де Эсковадо. — *Ю. А.*], экривано [т. е. нотариусом. — *Ю. А.*] всей флотилии <...> и сказал им, чтобы они под присягой засвидетельствовали, что он первый вступил, как оно воистину и было, во владение этим островом от имени короля и королевы, его государей, свершив при этом все формальности, какие требовались; более подробно это отмечено в актах, которые здесь же были составлены в письменном виде».[51]

Александрийские буллы, Тордесильясский договор, казавшийся безусловным приоритет Колумба — все это давало испанцам неоспоримое, с их точки зрения, право заявлять: «По дару Святого Апостольского престола и другим справедливым и законным правам мы являемся господами Западных Индий, островов и материка в Океанском море».[52] Такой построенный на сочетании весьма разнородных аргументов подход к проблеме политического статуса земель, становящихся объектом колониальной экспансии, был безусловно связан с переходным характером эпохи, когда средневековые установления сочетались с рационалистическими доводами нового времени. Данный подход отличался, во-первых, всеобъемлющим «глобальным» (и в то же время спекулятивным) характером, так как, несмотря на то что на картах того времени имелось множество белых пятен, он распространялся на весь Земной шар. Во-вторых, он был сугубо европоцентристским (или колониальным) и не признавал наличия какихлибо прав у населения захватываемых земель. В-третьих, такой подход был кастильско-поругальским, поскольку только эти две державы получали право действовать за пределами Европы. В-четвертых, он был закрытым (или монополистическим), ибо даже «законные» участники колонизационного процесса — пиренейцы — не могли по-

---

[50] Текст этой проповеди приводит А. де Эррера, см.: *Herrera A. de.* Historia general de los hechos de los castellanos en las Islas i tierra firme del Mar oceano: 2 vols. Vol. I. Madrid, 1601. Dec. I. Lib. X. Cap. VII. P. 348.

[51] Дневник Христофора Колумба // Путешествия Христофора Колумба. С. 90–91.

[52] Цит. по: *Elliott J. H.* The Old World and the New, 1492–1650. Cambridge, 1970. P. 80.

сещать владения друг друга, не говоря уже о подданных других монархов. Наконец, в-пятых, и это для нас самое важное, данный подход с самого начала выделял заморские земли в сферу действия *особых международно-правовых норм*, установленных европейцами (в том числе и для самих себя), европейских по своему происхождению, но отличных от тех, которые действовали в Западной Европе.

Данный подход был теоретически обоснован в работах ряда ведущих испанских мыслителей того времени. Однако если конкретные методы и формы колониальной политики Мадрида обсуждались и критиковались ими весьма активно, само по себе испанское владычество над Новым Светом практически не подвергалось сомнению. Разница состояла лишь в том, что в первой половине XVI в. Х. Л. де Паласиос Рубиос, М. де Пас и другие испанские «эксперты» отстаивали притязания Мадрида, исходя из идеи папского суверенитета над Земным шаром. В дальнейшем во второй половине XVI — начале XVII в. акцент стал делаться на цивилизаторских и миссионерских задачах, поставленных перед испанцами папой (Г. Лопес).[53]

Определенные сомнения в справедливости установлений Александрийских булл и Тордесильясского договора впервые прозвучали в трактатах Ф. де Виториа, которого можно назвать первым теоретиком, рассмотревшим вопрос о месте Нового Света в международных отношениях. В своих произведениях («De Indis», «De jure belli», «De potestate civili» и др.) он поднял ряд важных проблем, и, в частности, впервые указал на то, что индейцы являются политически организованными народами и, как и другие народы Старого Света, подчиняются человеческому закону (jus gentium).

Нам прежде всего нужно обратить внимание на то, что Виториа не признавал папского суверенитета над миром. Он считал, что власть понтифика касается только вопросов религии и ее распространения. Кроме того, Виториа был сторонником принципа «права наций» и равенства всех государств, в том числе в отношении торговли и мореплавания. В соответствии с этим все заморские земли, по его мнению, могли свободно посещаться европейцами. Однако Виториа все же отстаивал монопольный характер присутствия испанцев в Индиях, обосновывая его тем, что только им папа передал право проповедовать индейцам христианство, а значит остальные христианские народы должны подчиниться этому решению. Идеи, близкие взглядам Виториа, высказывал другой испанский автор Ф. Суарес, считавший, что папа имеет право распределять поле миссионерской деятельности между христианскими государями.

---

[53]См.: *Parry J.* The Spanish Theory of Empire in the Sixteenth Century. Cambridge, 1940. P. 12–14.

* * *

Как мы увидим ниже, стремясь прорваться к «колониальному пирогу» и получить в нем свою долю, англичане и французы начали критиковать и оспаривать аргументы пиренейцев и выдвигать собственные доводы, которыми они обосновывали «законность» своих заморских предприятий. Однако при этом они не могли не испытать сильнейшего влияния вышеописанного подхода, которым руководствовались их главные конкуренты и хотя бы частично не воспринять некоторых его элементов. Испанские и португальские концепции являлись своего рода фундаментом, от которого другие европейские колониальные державы «отталкивались» вплоть до конца XVIII в.

Первые выступления англичан и французов против испано-португальской монополии на колониальные захваты

В середине 1490-х годов — первой трети XVI в. рассмотренный выше подход отражал реальную расстановку сил, имевшую место в Европе и ее окрестностях. Ни Англия, ни Франция, ни какие-либо другие государства не осмеливались в открытую посягать на притязания пиренейцев, освященные авторитетом Святого престола и подкрепленные внушительной военной и морской мощью.

Единственным исключением может считаться патент, выданный в 1496 г. Генрихом VII Джону Каботу и его сыновьям, которые получили разрешение совершать плавания под английским флагом «во все стороны <...> восточного, западного и северного моря <...> для нахождения, открытия и исследования островов, стран областей или провинций, принадлежащих язычникам или неверным, в какой бы части света они ни находились, если до этого они были неизвестны христианам». Патент также давал им право «владеть всеми открытыми ими поселениями, городами, замками и островами, которые они смогут покорить...».[54]

Данный документ прямо нарушал Тордесильясский договор и александрийские буллы. Правда, Генрих VII сделал две важные оговорки: во-первых, перечисляя возможные направления путешествий Кабота, он не упомянул о «южном», справедливо считая его главным для испанской и португальской экспансии; во-вторых, разре-

[54]Pro Johanne Caboto et filiis suis. Super Terra Incognita Investiganda // Harrisse H. Jean et Sébastian Cabot. Paris, 1882. App. IV. P. 313–315.

шил мореплавателю захватывать только земли, еще не известные европейцам. Можно также заметить, что английский король, видимо, не придавал большого значения данному патенту и тем более не рассматривал его как вызов Испании и Португалии (с которыми, кстати, Лондон в то время поддерживал мирные и даже дружеские отношения). Это подтверждается тем, что Генрих VII не делал секрета из путешествий Кабота и даже обсуждал их с послом Католических Королей Р. Гонсалесом де Пуэблой и испанским дипломатом П. де Айялой.[55]

В свою очередь, реакция пиренейцев на эти события была достаточно спокойной и свелась лишь к нескольким довольно невнятным заявлениям дипломатов и разговорам о необходимости отправить экспедицию в район, который посетил Кабот. Это несомненно было связано, с одной стороны, с тем, что земли, найденные англичанами в северо-западном «углу» Атлантики, не содержали никаких больших богатств и находились очень далеко от магистральных направлений экспансии Мадрида и Лиссабона, а с другой — с тем, что начатое Каботом открытие и исследование северо-восточного побережья Североамериканского континента ни в тот момент, ни в последующие десятилетия не получило какого-либо развития (уже очень скоро о мореплавателе забыли не только в Европе, но и в самой Англии[56]). О географическом и политическом значении экспедиций Кабота[57] заговорили лишь с конца XVI в., когда англичанам потребовались аргументы для подкрепления своих притязаний на Североамериканский континент и колониальную экспансию в целом.

Испанское и португальское правительство обращали мало внимания на северо-восточную оконечность Северной Америки не только потому, что там не было никаких намеков на золотые и серебряные рудники. Другая причина заключалась в том, что найденная Каботом в 1497 г. «Первая увиденная земля» (Terra prima vista — участок побережья где-то между Лабрадором и полуостровом Новая Шотландия) располагалась в районе ньюфаундлендских отмелей, которые уже на рубеже XV–XVI вв. (а может быть и еще раньше) активно посещали рыбаки из многих европейских стран. Для нас здесь важно отметить то обстоятельство, что тогда эти места вовсе не рассматривались как часть какого-то особого «Нового Света»,

---

[55]Это следует из донесения Пуэблы 1496 г. (само донесение не сохранилось, но известен ответ на него) и письма Айялы Фердинанду и Изабелле от 25 июля 1496 г. См.: *Harrisse H.* Op. cit. App. V. P. 315; App. XIII. P. 329–330.

[56]См.: *Morison S. E.* European Discovery of America. The Northern Voyages. A. D. 500–1600. New York; Oxford, 1993. P. 430.

[57]О ходе и результатах самих экспедиций Дж. Кабота см. подр.: *Акимов Ю. Г.* Очерки... С. 21–25.

а считались своего рода «продолжением» Европы (вроде Исландии, Гренландии и т. п.). Дело в том, что вплоть до середины 20-х годов XVI в. большинство европейцев не подозревало, что относящаяся к испанским Западным Индиям Флорида и столь разительно отличающаяся от нее «Земля трески» (т. е. ньюфаундлендское побережье), на которую одно время серьезно претендовали португальцы,[58] являются частями одного и того же континента!

Однако все это не принижает большого исторического значения того факта, что именно Джон Кабот был первым европейцем, который в послеколумбову эпоху достиг Североамериканского побережья. При этом он обладал официальными полномочиями от английского короля и совершил церемонию вступления во владения открытой им «Первой Увиденной Землей», вынеся на берег английский флаг и штандарт Святого Марка (Кабот был гражданином Венецианской республики). Как образно и очень точно выразился американский историк Дж. Фиске, экспедиция Кабота прозвучала «краткой нотой, имеющей роковое значение»; она «подобно музыкальной теме Рока в операх Вагнера <...> предсказала грядущую катастрофу Испании и Португалии», однако «должны были пройти долгие годы, прежде чем развились все следствия» этого события.[59]

Как уже отмечалось на протяжении «эпохи исследования без колонизации» (т. е. с конца XV — до начала XVII в.) интерес Англии и Франции к колониальной экспансии вообще и в Северной Америке в частности проявлялся неравномерно и скачкообразно. На берегах Туманного Альбиона после краткого всплеска конца 1490-х — начала 1500-х годов, связанного с вышеупомянутыми экспедициями Джона Кабота и попыткой создания англо-португальского синдиката для эксплуатации рыбных ресурсов Ньюфаундлендских отмелей, вплоть до 70–80-х годов XVI в. власти не проявляли большого интереса к заморским предприятиям и не совершали каких-либо акций, которые можно рассматривать как вызов испанским и португальским притязаниям (речь не идет об их подданных, действовавших на свой страх и риск).

Во Франции первый подъем колониальной активности государства имел место в 20–40-е годы XVI в. в царствование Франциска I, первого французского короля, проявившего определенный интерес к

---

[58]О португальской экспансии в этом регионе см. подр.: *Акимов Ю. Г.* Экспедиция Фагундеша и попытка основания португальской колонии в Северной Америке в 20-е годы XVI в. // Мир Лузофонии: Материалы международной научной конференции (15–17 октября 1998 г.). СПб., 2001. С. 181–186.

[59]*Фиске Дж.* Открытие Америки. С кратким очерком древней Америки и испанского завоевания: В 2 т. Т. II. М., 1892. С. 1.

заморским сюжетам. При этом он не просто инициировал ряд экспедиций, но первым из европейских государей выступил с достаточно резкой критикой притязаний пиренейцев на исключительное положение в колониальной сфере и попытался изменить сложившуюся ситуацию.

В первой трети XVI в. французы неоднократно посещали берега Нового Света, однако все эти рейсы носили сугубо частный характер (есть также множество гипотез о том, что бретонские, нормандские и гасконские рыбаки ходили на промысел к ньюфаундлендским отмелям в доколумбову эпоху). Единственным, хотя и относительным исключением может считаться экспедиция Дж. да Веррацано, которая в 1524 г. прошла вдоль Атлантического побережья Североамериканского континента от Флориды до Кейп-Бретона. Веррацано отправился в путь без официального разрешения Франциска I, но явно с его молчаливого согласия и одобрения. Открытому им региону мореплаватель дал имеющее явно политический смысл название «Новая Галлия» (Gallia Nova), которое вскоре трансформировалось в «Новую Францию» и быстро получило достаточно широкое распространение.[60]

В это же время достаточно большой размах приобрела деятельность пиратов из Дьеппа, Сен-Мало, Руана и других приморских городов. Несмотря на многочисленные протесты пиренейцев, французское правительство смотрело на нее сквозь пальцы. В 1527 г. Франциск I даже посетил усадьбу Жана Анго — богатейшего купца и судовладельца, «пилоты» которого совершали налеты на испанские и португальские владения, нападали на корабли пиренейцев в открытом море, вели контрабандную торговлю во владениях Мадрида и Лиссабона и т. п.

Подданные Франциска I также выступали с критикой притязаний Испании и Португалии на монопольное владение морями и заморскими землями. В 1527 г. один из «пилотов» Анго, Пьер Криньон, прославившийся не только как мореплаватель, но и как поэт, провозгласил, что «Франциск — король на суше и на море». По поводу притязаний пиренейских держав Криньон писал: «Конечно, если в их [португальцев. — *Ю. А.*] власти было бы закрыть моря от мыса Финистер до Ирландии, они бы давно это сделали <...> Однако португальцы не имеют больше права препятствовать французским торговцам причаливать к землям, которые они [португальцы. — *Ю. А.*] присвоили себе, где они никому не принесли добра и где их не любят и им не повинуются, как мы не имели бы права мешать им посещать

[60] Об экспедиции Веррацано подробно см.: *Акимов Ю. Г.* Джованни да Веррацано — мореплаватель эпохи Возрождения // Вестник С.-Петерб. ун-та. 1999. Сер. 6. Вып. 2. С. 95–101.

Шотландию, Данию и Норвегию, признавая, что мы там высадились первыми».[61]

Подобные идеи и настроения несомненно оказывали влияние на французского короля, с завистью смотревшего на богатства, которые Испания и Португалия черпали из своих заморских владений. В 1529 г. во время подписания франко-испанского мирного договора в Камбре (так называемого Дамского мира) Франциск I попытался добиться от испанцев уступок, касающихся колониальной экспансии. Ни коим образом не собираясь посягать на владения Мадрида и Лиссабона, французский король стремился лишь получить «законную» возможность развивать свою собственную экспансию в тех направлениях, где его подданные не сталкивались бы с испанцами и португальцами и не конкурировали бы с ними. Осознавая силу и уважая права пиренейцев, французский король пока осмеливался претендовать только на те земли за пределами Европы, которые еще не стали объектом их эксплуатации.

Однако никаких конкретных результатов демарш Франциска I не принес. Испанская сторона категорически отвергла все французские притязания, не желая делиться своими привилегиями с кем-либо. Однако король Франции также проявил упорство. Потерпев неудачу на переговорах с испанцами, Франциск I решил добиваться уступок от папского престола, стремясь расшатать хотя бы одно из «оснований» испано-португальской монополии. Выполнение этой задачи было возложено на Великого Инквизитора Франции епископа (в дальнейшем кардинала) Ж. Ле Венёра, переговоры которого с Климентом VII начались в 1533 г. в Марселе, а затем были продолжены в Риме. Для обоснования своей позиции Ле Венёр использовал некоторые идеи де Виториа, трактаты которого увидели свет как раз в это время. В итоге Климент VII (придерживавшийся политики лавирования между Карлом V и Франциском I, но чаще склонявшийся на сторону последнего) согласился пойти навстречу французам. Он объявил, что положения Александрийских булл относятся только к уже известным землям, а не к тем, которые могут быть открыты».[62] В то же время следует отметить, что данное заявление папы не нашло отражения в каком-либо официальном документе. Кроме того, неясно, что означало словосочетание «уже известные земли». Возможно, Климент VII хотел уйти от принятия четкого решения по данному вопросу и ограничился устным разъяснением, которое не накладывало на него серьезных обязательств и от которого он при необходимости всегда мог отказаться.

---

[61] *Guénin E.* Ango et ses pilotes. Paris, 1901. P. 12.

[62] *La Chapelle, baron de.* Jean Le Veneur et le Canada // Nova Francia. 1931. No VI. Sept.-Déc. P. 342.

Однако в тот момент Франциску I, видимо, было достаточно и этого. Получив папское разрешение, уже в следующем, 1534 г., король отправил к берегам Нового Света корабли Жака Картье. В отличие от всех предыдущих рейсов французов к берегам Нового Света эта экспедиция носила характер государственного предприятия. Ее руководитель именовался «капитаном и кормчим короля» и перед отплытием получил официальные инструкции от Адмирала Франции Ф. де Шабо. Основная цель предприятия была сформулирована таким образом — «путешествовать, открывать и совершать завоевания в Новой Франции, а также, следуя северным путем, найти путь в Катай [Cathay]».[63] Заметим, что уже само по себе упоминание о некой заморской «Новой Франции» в тексте официального документа могло рассматриваться как вызов Испании, с которой в тот момент Франциск I находился в мире.

В ходе этой и последующих экспедиций (всего их было три: 1534, 1535–1536, 1541–1542) Картье были сделаны крупные географические открытия (прежде всего, залив и река Св. Лаврентия — будущее ядро французской Канады), а также состоялись церемонии вступления во владения открытыми землями. Так, уже в момент первой высадки на южном берегу залива Св. Лаврентия 24 июля 1534 г., у входа в бухту Гаспе (в районе Пёнуй-Пуант) в присутствии индейцев французы торжественно установили деревянный крест высотой 30 футов, на котором были вырезаны три геральдические лилии и надпись: «VIVE LE ROY DE FRANCE» (Да здравствует король Франции).[64]

Во время второй экспедиции Картье установил кресты в бухте Сен-Николя (в районе Масканэн) и на островке Ля Потери (по другим данным на острове Сен-Кентэн).[65] Собираясь возвращаться во Францию после трудной зимовки, 3 мая 1536 г. он водрузил у поселения Стадаконе (в районе Квебека) 35-футовый крест с гербом и латинской фразой: «FRANCISCVS PRIMVS DEI GRATIA FRANCORVM REX, REGNAT» («Франциск Первый, Божьей милостью царствующий король Франции»)[66] (рис. 3). Все эти действия должны были подтвердить права французов на земли, открытые Картье. В своем донесении о втором путешествии, обращаясь к королю, он заявлял: «...это плавание, совершенное по Вашему Королевскому

[63] Цит. по: *La Roncière Ch. de.* Jacques Cartier et la découverte de la Nouvelle France. Paris, 1931. P. 139.

[64] Les Français en Amérique pendant la première moitié du XVI-e siècle. Textes des voyages de Gonneville, Verrazano, J. Cartier et Roberval / Ed. par Ch.-A. Julien. Paris, 1946. P. 106.

[65] Ibid. P. 123, 154 (и прим.).

[66] Ibid. P. 176.

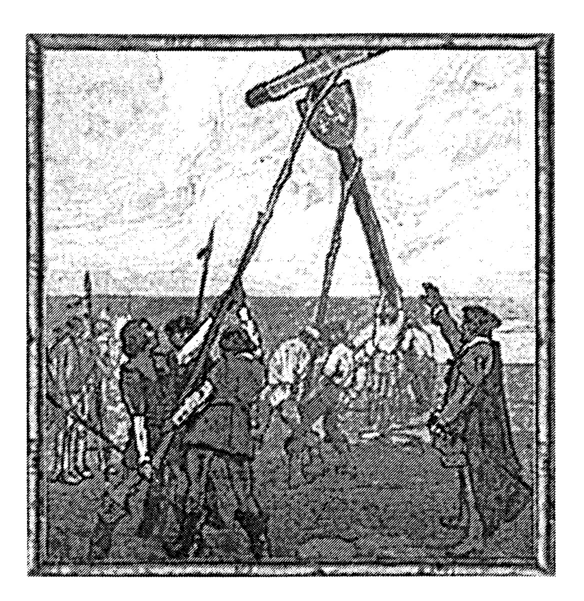

Рис. 3. Жак Картье устанавливает крест с французским гербом, 1534 г.

приказанию <...> порождает надежду на будущее распространение Нашей Святой Веры и Ваших владений и Наихристианнейшего имени».[67]

В начале 40-х годов XVI в. Франциск I нанес еще один удар по испано-португальской монополии. Во-первых, в августе 1540 г. он официально разрешил своим подданным совершать плавания «в Индии».[68] Во-вторых, в том же 1540 г. он поручил Картье, собиравшемуся третий раз посетить Канаду, не просто продолжить исследования и поиск новых земель, но и основать в уже открытых им землях французскую колонию![69] Правда, спустя год король несколько скорректировал свое решение и, вместо того чтобы действовать напрямую за счет казны, предпочел передать права на освоение и эксплуатацию Канады своему вассалу. 15 января 1541 г. фаворит Франциска I Ж.-Ф. де Ля Рок, сьёр де Роберваль получил королевский патент, дающий ему титул «Вице-короля и наместника», а также права феодального собственника «Норумбеги, Канады, Ошелаги, Сагене, Ньюфаундленда, Бель-Иля, Карпэна, Большого залива и

[67] Ibid.

[68] *Trudel M.* Histoire de la Nouvelle France. T. I: Les vaines tentatives, 1524–1603. Montréal, 1963. P. 132.

[69] A Collection of Documents Relating to Jacques Cartier and the Sieur de Roberval / Ed. by H. P. Biggar. Ottawa, 1930. P. 128–140.

Баккалаоса», иными словами — всей канадской территории, которая к тому времени была известна французам.[70] О каких-либо границах земель, находящихся под управлением Роберваля, в патенте не говорилось. Новоиспеченный вице-король получал право «присоединять <...> чужие страны <...> мирным путем или силой оружия», захватывать города, замки и поселения и т. п. Король, правда, сделал оговорку о том, что права Роберваля распространяются только на те заморские земли, которые «не находятся во владении какого-либо христианского государя <...> в особенности наших дражайших и возлюбленных братьев — императора и короля Португалии».

И в 1540, и в 1541 гг. главной целью предприятия провозглашалось распространение католицизма среди дикарей-язычников. Однако вся информация о третьей экспедиции Картье и экспедиции Роберваля (1542–1543), особенно вкупе с тем фактом, что последний был фанатичным протестантом, свидетельствует о том, что спасение душ индейцев отнюдь не являлось их приоритетной задачей. Надо полагать, что о религиозно-миссионерских задачах было упомянуто для того, чтобы в глазах испанцев (а также папы) французские колониальные предприятия предстали в наиболее благоприятном свете.

Все вышеперечисленные акции французского правительства, и в том числе французские колониальные предприятия начала 1540-х годов, вызвали беспокойство Карла V, усмотревшего в них явную угрозу испано-португальской монополии на заморские земли. Осенью 1540 г., узнав о том, что Франциск I разрешил своим подданным посещать «Индии», император заявил, что этим французский король нарушил условия перемирия в Ницце (1538), где оба они взаимно гарантировали неприкосновенность владений друг друга. В письме своему послу в Лиссабоне Карл V прямо заявил, что если Франциск I не отменит своего решения и если французские корабли выйдут в море, это будет иметь для французов самые тяжелые последствия. Он также писал о необходимости совместных действий Испании и Португалии для защиты их общих интересов.[71]

Как только послу Карла V в Париже стало известно о том, что Картье начал подготовку третьей экспедиции, он потребовал от французских властей прекратить все приготовления. Однако коннетабль Франции герцог де Монморанси заявил, что Картье собирается «совершать открытия» в краях, которые не принадлежат ни Испании, ни Португалии. На это посол раздраженно заметил, что Картье может плыть туда, куда захочет, и что, по его сведениям, он, скорее

---

[70] Ibid. P. 178–185.

[71] Charles-Quint à son ambassadeur pres le roi du Portugale. Lettre non datée mais de l'automne de 1540 // Ibid. P. 108.

всего, направляется не открывать новые земли, а грабить испанцев и португальцев.[72]

В ноябре 1540 г. Карл V писал кардиналу Толедо о необходимости «остановить Картье». Для его перехвата император предлагал направить объединенную испано-португальскую эскадру, которая должна была топить все французские корабли, направляющиеся к «Индиям», а их экипажи сбрасывать в море.[73] Сразу же обратим внимание, что все это должно было делаться несмотря на то, что Карл V и Франциск I в это время находились в мире, а Картье действовал не самостоятельно, а по приказу своего государя.

В этой ситуации французские власти заняли следующую позицию. Во-первых, как уже мы видели, Франциск I и его приближенные на официальном уровне постоянно подчеркивали, что их подданные не собираются конкурировать с пиренейцами в тех регионах, которые последние уже прочно включили в орбиту своей экспансии; сферой действия французов являются лишь «ничейные» т. е. либо полностью неосвоенные, либо вообще неизвестные земли. Таким образом Париж фактически выступил как сторонник принципа «реального владения» (или «эффективного занятия»), в дальнейшем получившего широкое распространение. Во-вторых, Франциск I, продолжил критику как самих притязаний пиренейцев, так и тех правовых оснований, на которых эти притязания базировались.

Так, когда в конце 1540 г. испанский посол заявил французскому королю, что его подданные не должны посещать «испанские владения», Франциск I ответил, что под таковыми он подразумевает только земли, которые населены испанцами и находятся под их защитой; а что касается испанских притязаний, основанных на праве первооткрытия, то, по словам короля, «пройти мимо и бросить беглый взгляд — не значит получить право владения». Кроме того, Франциск I заявил о своем непризнании папского раздела мира, так как независимо от того, имел ли папа право совершать такой раздел или нет, ни король Франции, ни другие христианские государи не были приглашены в нем участвовать, и следовательно для них он не имеет обязательной силы.[74] Чуть позднее (или в конце 1540 или в самом начале 1541 г.) другой испанский представитель — командор ордена Алькантры услышал от Франциска I знаменитую фразу о том, что он хотел бы взглянуть на «завещании Адама», так как не понимает, на каком основании испанский и португальский короли делят мир,

---

[72] L'ambassadeur d'Espagne à Charles-Quint, le 8 ou 19 août 1540 [?] // Ibid. P. 135.

[73] Charles-Quint au cardinal de Tolède. 11 au 13 novembre 1540 [?] // Ibid. P. 140–143.

[74] L'ambassadeur d'Espagne en France à Charles-Quint, le 27 déc. 1540 // Ibid. P. 169–171.

не выделяя доли ему — их «брату», для которого «солнце светит так же, как и для других».[75]

Позиция, занятая Франциском I, имела еще одну важную особенность. Французский король считал, что события, происходящие за пределами Европы, не должны влиять на европейскую политику. Зимой 1540–1541 гг. он сделал еще одно важное заявление, адресованное испанцам. «Разве отправка туда [в Канаду. — *Ю. А.*] моих кораблей равнозначна объявлению войны и противоречит моей дружбе с Его Величеством [Карлом V]?», — удивленно спрашивал Франциск I.[76] Такая позиция явно перекликалась с отмеченной нами выше важнейшей особенностью испано-португальского подхода к колониальной сфере, когда заморские земли выделялись в сферу действия особых, отличных от действующих в Европе установлений. Именно на основе этих идей в последующие годы была сформулирована так называемая Доктрина двух сфер.

* * *

Несмотря на громкие заявления, каких-либо решительных действий по пресечению французской колониальной активности Карл V в тот момент так и не предпринял, ограничившись отправкой испанских агентов во французские порты, сбором информации о странах, открытых Картье, и разведывательным рейсом капитана А. де Сеа, закончившимся безрезультатно.

Безусловно, в наибольшей степени это было связано с тем, что во-первых, предпринятая французами в начале 1540-х годов попытка основать в Северной Америке постоянное поселение завершилась полным провалом, и повторять ее в Париже не собирались; во-вторых, регион, где пытались действовать подданные Франциска I, находился очень далеко от основных зон испанской экспансии и не сулил его обладателю больших богатств.

Однако показательным было и то, что Карл V не получил поддержки ни со стороны папского престола, ни со стороны португальского правительства, хотя и к тому и к другому он неоднократно обращался в надежде организовать совместный дипломатический демарш или силовую акцию, направленную против французов.[77] Конечно, военное и морское могущество Испании надежно ограждало ее «реальные» владения от любых посягательств со стороны какой-либо третьей державы; но все же можно констатировать, что, хотя к середине 40-х годов XVI в. французам не удалось закрепить-

---

[75] Le cardinal de Tolède à Charles-Quint. 27 janv. 1541 // Ibid. P. 190.

[76] Цит. по: *La Roncière Ch. de.* Op. cit. Paris, 1931. P. 159.

[77] См.: *Trudel M.* Op. cit. P. 133–135.

ся в Западном полушарии (англичане в это время еще не ставили таких задач), сама по себе испано-португальская монополия на колониальные захваты и прежде всего ее «идейные основы» были заметно поколеблены. Уже были сформулированы новые подходы к международно-правовому статусу колониальной экспансии, отличные от «александрийско-тордесильясских» установок.

«Доктрина двух сфер» и фактическая легализация английской и французской колониальной экспансии

Не слишком удачный для Франциска I исход его четвертой войны с Карлом V (1542–1544) заставил его существенно сократить свою активность в заморских землях. Правда, на мирных переговорах в Крепи-ан-Лаоннэ между французами и испанцами было заключено секретное соглашение о том, что первые откажутся от попыток основать колонии в обеих Индиях, но зато получат право торговать в испанских владениях.[78] Однако испанская сторона вскоре отказалась от этого соглашения и в 1547 г. вынудила французское правительство официально запретить своим подданным посещать заморские колонии Мадрида.[79]

Поворотным моментом в принятии нового подхода к колониальным проблемам можно считать франко-испанские переговоры в Като-Камбрези (1559). Во время этих переговоров французские представители в очередной раз подняли вопрос о свободе торговли и мореплавания, а также о правах других держав на экспансию в незанятых пиренейцами регионах. Испанцы, не желая, как и прежде, идти на уступки и в то же время понимая, что они не могут пресечь все попытки проникнуть в свои владения, предложили такой компромисс — из мирного договора будут убраны все упоминания об Индиях, но неофициально державы условятся, что, если французские корабли появятся в Западном полушарии, испанцы будут их атаковать, но это не должно рассматриваться как нарушение мира между двумя монархами и тем более как casus belli.[80]

Таким образом, в международном праве появилась уже упоминавшаяся нами Доктрина двух сфер, отделявшая заморские земли от «основной» европейской политики. В то же время следует подчеркнуть, что, хотя в соответствии с Доктриной двух сфер разного рода конфликты и инциденты, происходившие в колониях между

[78] European Treaties... Vol. 1. P. 204–205.
[79] Ibid. P. 206–207.
[80] Ibid. P. 220–221.

подданными различных держав, не должны были влиять на отношения метрополий, это, во-первых, отнюдь не исключало обратного воздействия — европейской политики на колониальную (неизвестно, как развивались бы события, если бы мир в Като-Камбрези был победным для французов); во-вторых, полностью снять прямое влияние также было невозможно.[81]

В рамки Доктрины двух сфер в целом укладываются события последующих десятилетий, связанные с французской (а до середины 1580-х годов — и с английской) заморской активностью. Прежде всего, это две попытки французских гугенотов основать колонии на побережье современных штатов Южная Каролина и Флорида (экспедиции Ж. Рибо и Р. де Лодоньера). Организованные при активной поддержке адмирала Г. де Колиньи, они носили, скорее, «полуофициальный» характер (лидер гугенотов явно рассчитывал, что эти колониальные предприятия принесут пользу и выгоду прежде всего его единоверцам). В то же время обе экспедиции сопровождались церемониями вступления во владение территориями, на которых высаживались французы. Открытым в ходе экспедиций рекам, мысам и т. п. были присвоены имена, которые должны были служить символом французских притязаний. Например, реки американского юго-востока получили названия «Сена», «Сомма», «Луара», «Шаранта», «Гаронна», «Жиронда».[82]

Однако история «французской Флориды» оказалась достаточно короткой. Первое колониальное предприятие Ж. Рибо (1562–1563) потерпело крах в силу внутренних причин. Вторая попытка, организованная совместно Ж. Рибо и Р. де Лодоньером (1564–1565), была крайне жестоко пресечена испанской карательной экспедицией П. Альвареса де Менендеса (1565). Тот, в свою очередь, стал жертвой ответной акции французов, организованной в 1568 г. гугенотом капитаном Д. де Гургом, мстившим за гибель соотечественников и собратьев по вере. Масла в огонь, безусловно, подлило то обстоятельство, что конфликт носил ярко выраженную конфессиональную окраску. Так, Менендес утверждал, что он вешал людей Рибо и Лодоньера не за то, что они были французами, а за то, что они были еретиками.

Этот обмен ударами не остался без внимания Парижа и Мадрида. Испания сразу же объявила себя пострадавшей стороной. Уже в ноябре 1565 г. испанский посол во Франции Ф. д'Алава заявил протест по поводу проникновения подданных Карла IX во владения Его Католического Величества. Аналогичные претензии были предъявлены

---

[81] *Davis K. G.* The North Atlantic World in the Seventeenth Century. Minneapolis, 1974. P. 25.

[82] *Gaffarel P.* Histoire de la Floride Française. Paris, 1875. P. 357.

французскому послу в Мадриде сьёру де Форкёво. Последнему Филипп II объявил, что он «не желает, чтобы французы вили гнездо в непосредственной близости от его владений». Испанский король также заявил, что собирается применить силу (на самом деле она уже была применена), чтобы изгнать французов из Флориды.[83]

Французская сторона (тогда еще ничего не знавшая об устроенной Менендесом резне) утверждала, что ее колонисты находятся на территории, которая не принадлежит Испании. Карл IX заявил д'Алаве: «Я не вижу серьезных препятствий, чтобы лишать меня того [места], где мои подданные провели столь долгое время и установили мои гербы <...> без всяких помех». В то же время французский король заверил посла, что он немедленно примет самые суровые меры, если кто-то из его людей нанесет испанцам хотя бы малейший ущерб.[84] Все это было повторено в официальной ноте, врученной д'Алаве. Однако помимо этого там отмечалось, что со стороны Испании «неразумно» мешать подданным французского короля совершать плавания и обустраиваться в местах, «которые были открыты сто лет тому назад его подданными и которые с тех пор в подтверждение и в память об открытии, сделанном французами, называются землей и берегом бретонцев».[85]

Таким образом, впервые для обоснования своих прав на эксплуатацию Североамериканского континента официальный Париж стал апеллировать к «праву первооткрытия». Аргумент был выбран весьма удачно — названия «Земля бретонцев», «Мыс бретонцев» и т. п. в то время получили достаточно широкое распространение и присутствовали на многих географических картах. Правда, относились они не к флоридскому побережью, а к гораздо более северным районам (к началу XVII в. имя «Бретонский мыс» окончательно закрепилось за вторым по величине островом залива Св. Лаврентия, Кейп-Бретоном). Однако в данном случае французы просто следовали примеру испанцев, часто «распространявших» те или иные названия на огромные территории (так, на многих испанских картах XVI в. все известное европейцам восточное побережье Северной Америки до Ньюфаундленда, а иногда и до полярного круга обозначалось словом «Флорида»). Конечно, как мы уже отмечали, приоритет французов в открытии Ньюфаундленда, Кейп-Бретона и Атлантического

[83]См.: Forquevaulx à Catherine de Medicis (le 3 novembre 1565) // Lettres et papiers d'estat ou sont contenus les affaires particulières de divers royaumes sous la négociation faicte en Espagne pres du Roy Catholique Philippe d'Autriche par le sieur de Forquevaulx ambassadeur du Roy Très-Chrétienne Charles Neufviesme. Paris, 1875. P. 410; Forquevaulx au Roy (le 5 novembre 1565) // Ibid.

[84]Charles IX à Forquevaulx (le 28 novembre 1565) // Ibid. P. 412–413.

[85]Note du Charles IX en réponse à celle de l'Ambassadeur d'Espagne // Ibid. P. 413.

побережья Канады в целом не является доказанным (первое документально подтвержденное плавание относится к 1506 г.), но в то же время имеется множество разного рода косвенных свидетельств, позволяющих говорить о том, что этот регион вполне мог быть известен западнофранцузским рыбакам еще в доколумбову эпоху.[86]

Известие о кровавой расправе, учиненной испанцами над людьми Рибо, вызвало возмущение при дворе Карла IX. Однако испанский посол в соответствии с инструкциями из Мадрида заявил, что во всем случившемся виноват не кто иной, как адмирал Колиньи, опрометчиво отправивший своих людей в испанские владения, за что те и поплатились. То же самое Форкёво услышал от Филиппа II, который, правда, добавил, что сожалеет о случившемся. Однако французский посол продолжал требовать наказания Менендеса и его людей, которые напали на подданных французского короля, действовавших на основании инструкций Адмирала Франции. Обмен жалобами продолжался до лета 1567 г., но так ни к чему и не привел (в определенной степени это послужило стимулом для действий де Гурга).

Данный инцидент продемонстрировал Франции и всей Европе непреклонность Филиппа II и его решимость защищать от любых посягательств даже самые дальние подступы к своим владениям, тем более если угроза им исходила от «еретиков». В то же время резня во Флориде практически никак не сказалась на общем состоянии франко-испанских отношений, в полном соответствии с Доктриной двух сфер.

60-е — середина 80-х годов XVI в. были временем наиболее широкого применения Доктрины двух сфер в международных отношениях. Прежде всего это было связано с началом эпохи английского морского разбоя, постепенно превратившегося в грандиозную необъявленную войну против испанских судов и испанских колоний. Основным театром боевых действий в этой войне являлись морские просторы и берега Нового Света. При этом между Лондоном и Мадридом официально сохранялся мир, а происходившее в это время ухудшение англо-испанских отношений, приведшее в итоге к настоящей большой войне между Елизаветой I и Филиппом II, было вызвано в первую очередь сугубо европейскими сюжетами (участие испанцев в заговорах с целью свержения Елизаветы с престола, поддержка Лондоном восставших Нидерландов, ирландские дела, казнь Марии Стюарт и т. д.) и лишь во вторую — с деятельностью английских «морских псов». Не случайно их лозунгом были слова «никакого мира за линией», означавшие, что елизаветинские джентльмены удачи действовали (по крайней мере первоначально и «официаль-

[86]См. подробно: *Акимов Ю. Г.* Очерки... С. 32–34.

но») только за пределами Европы, и поэтому их предприятия (так же как и ответные действия испанцев) до поры до времени слабо отражались на отношениях Лондона и Мадрида.

Даже после знаменитого плавания Дрейка в ответ на многочисленные протесты Филиппа II Елизавета и ее советники предпочитали отмалчиваться, делая вид, что не произошло ничего серьезного и тем более могущего повлиять на отношения двух держав. Когда испанский посол Б. Мендоса непосредственно обратился к королеве, требуя возмещения ущерба, нанесенного в ходе рейда «Золотой лани», Елизавета I, не дав немедленного ответа, под разными предлогами стала просто избегать личных встреч с ним. Ее министры, к которым обращался Мендоса, переводили разговор на ирландские и т. п. дела, намекая, что предприятие Дрейка является лишь своего рода компенсацией за тот урон, который наносят Англии действия испанцев. Только спустя почти год (но не позднее конца 1585 г.) государственный секретарь Уолсингем заявил испанскому послу, что официальный ответ подготовлен Тайным советом и скоро будет ему вручен. Однако факт передачи данного документа Мендосе никак не зафиксирован. В то же время в «Анналах» Кэмдена приводится заявление, адресованное послу. Там, в частности, говорилось следующее: «Испанцы навлекли на себя это зло [имеются в виду действия английских пиратов. — *Ю. А.*] из-за своей собственной несправедливости по отношению к англичанам, которых они, действуя против человеческого закона (contra ius gentium) исключили из торговли с Западными Индиями. Королева не признает того, что ее подданные и подданные других монархов не допускаются в Индии на основании того, что испанцы имеют на них права на основании дара Римского Понтифика, за которым она не признает никакого преимущества <...> не говоря уже о власти наделять испанского короля Новым Светом как фьефом. <...> Это пожалование того, что не принадлежит жалователю, и это воображаемое право собственности не может удерживать других государей от ведения торговли в этих районах или создания колоний в местах, не заселенных испанцами. Подобное действие никоим образом не нарушает закон наций, так как притязание без владения (praescriptio sine possessione) не имеет силы. Более того все вольны совершать плавания по этому обширному океану, ибо море и воздух находятся в общем пользовании для всех. Ни одна нация или частное лицо не имеют прав на океан; и природа вещей, и общее употребление не позволяют кому-либо захватывать их».[87]

[87] *Camden.* Annales Rerum Anglicarum et Hibernicarum, regnate Elizabetha ad annum salutis M.D.LXXXIX. Londini, M.DC.XV. P. 309.

Данный текст, скорее всего, представляет собой либо запись устного заявления (вербальной ноты), сделанного Мендосе, либо содержание документа, подготовленного Тайным советом, но по какой-то причине не переданного испанцам.[88] Однако так или иначе здесь мы имеем дело с первым случаем, когда английское правительство официально (или, по крайней мере, полуофициально) предельно ясно сформулировало свою позицию по поводу тех аргументов, которыми испанцы обосновывали свои притязания на исключительное положение в морской и колониальной сфере. С точки зрения Елизаветы I и ее советников лишь «реальное владение» и «эффективная оккупация», а никак не «простое» открытие и тем более не папское пожалование, давало право на те или иные заморские территории. В колонизации и эксплуатации «ничейных» земель в Новом Свете могли участвовать все европейские державы; фактически провозглашался принцип открытого моря.

С критикой испанских и португальских притязаний выступали и подданные Елизаветы I. В последней трети XVI — начале XVII в. в Англии появилась целая плеяда авторов, являвшихся одновременно исследователями, идеологами и пропагандистами колониальной экспансии (Р. Хэклуйт младший, Дж. Ди, С. Пёрчес и др.). Непосредственные участники и организаторы заморских предприятий (в том числе Х. Гилберт, К. Холл, У. Рэли, Дж. Смит) также неоднократно выступали с разного рода памфлетами и сочинениями.

Затрагивающие весьма широкий круг проблем данные произведения (а также работы аналогичного плана, публиковавшиеся во Франции) представляют для нас интерес с нескольких точек зрения, включая обоснование притязаний на те или иные заморские территории, внешнеполитический аспект колониальной экспансии и т. п. Однако сейчас нам следует отметить, что их авторы подвергли резкой критике установления Александрийских булл и правомочность пап совершать земельные пожалования за пределами Европы. Так, Р. Хэклуйт неоднократно указывал на несправедливость папского «раздела мира», утверждая, что папа может передавать другим державам только право обращать язычников того или иного региона в христианство.[89] В пятитомной эпопее С. Пёрчеса данному вопросу отведен целый раздел, озаглавленный «Порицания означенной буллы Папы Александра».[90] При этом Пёрчес подчеркивал, что

---

[88] См.: *Cheyney E. P.* International Law under Queen Elizabeth // The English Historical Review. 1905. Vol. XX, No 80. October. P. 660.

[89] См.: The Original Writings and Correspondence of Two Richard Hakluyts: In 3 vols / Ed. by E. Taylor. Vol. II. London, 1935. P. 423–424.

[90] *Purchas S.* His Pilgrims in Five Books. The Second Book. London, 1625. Chap. I. § 6. P. 18.

он борется только против папы, которого он называл «дьявольским викарием», но «не против прав испанской короны» на те земли, которые действительно находятся в ее владении «без этой буллы».[91]

В последние десятилетия XVI в. англичане организовали ряд колониальных предприятий, к которым имело непосредственное отношение правительство. В силу целого комплекса причин (периферийное положение по отношению к основным зонам колониальной активности пиренейцев, сохранявшиеся в течение достаточно долгого времени надежды найти залежи драгоценных металлов и обнаружить «северо-западный проход» в Тихий океан, относительная близость к Европе и т. п.) местом действия большинства из них стала Северная Америка. Именно здесь 23 июля 1577 г. было сделано «первое заокеанское приращение к Британской империи».[92] Его автором был Мартин Фробишер, который в ходе своей второй экспедиции к «Мета Инкогнита» высадился на острове Локс-Ленд (у южной оконечности Баффиновой земли) и организовал там церемонию вступления во владения всеми открытыми им землями, которые он считал «оконечностью Азии».[93]

С точки зрения своих соотечественников Фробишер имел полное право поступать таким образом, так как он являлся представителем Компании Катая, получившей королевскую хартию 17 марта 1577 г., и был облечен полномочиями «Великого Адмирала всех морей и вод, стран, земель и островов как Катая, так и других стран и мест, которые он откроет». Сама Компания получила «навечно» право «совершать плавания <...> во все моря, воды, острова, земли, страны etc., отплывая от Англии на север, запад или юг <...> и находить любые моря, воды, острова, земли, области, страны, провинции и другие места, которые до этого времени <...> были неизвестны».[94]

Вслед за Фробишером в 1578 г. королевский патент, предоставлявший его обладателю весьма широкие полномочия в сфере колонизации, получил сэр Хэмфри Гилберт, а в 1584 г. практически аналогичный документ был выдан сэру Уолтеру Рэли. В феврале 1585 г. право основать колонию было предоставлено брату сэра Хэмфри — Адриану Гилберту. Все эти документы увидели свет в тот период, когда Англия и Испания еще не находились в состоянии войны и поддерживали дипломатические отношения.

---

[91] Ibid. P. 20.

[92] The Cambridge History of the British Empire: In 8 vols. Vol. I. The Old Empire: From the Beginning to the 1783. Cambridge, 1929–1959. P. 103.

[93] Описание церемонии см.: *Morison S. E.* Op. cit. P. 523.

[94] Articles of Grant from the Queen's Majesty to the Company of Kathai (March 17, 1577) // The Three Voyages of Martin Frobisher in Search of a Passage to Cataia and India by the North-West / Ed. by R. Collinson. London, 1867. P. 111–112.

В соответствии с предоставленными им правами и полномочиями Гилберт и представители Рэли в ходе своих экспедиций проводили церемонии «официального» вступления во владение определенными территориями. В первом случае церемония состоялась в августе 1583 г. в бухте Сент-Джонс на Ньюфаундленде, во втором — летом 1584 г. — на печально знаменитом острове Роаноке.

Реакция испанцев на действия Фробишера, Гилберта и Рэли была достаточно вялой. Мадрид стремился главным образом к сбору информации о направлениях английской экспансии, будучи во всех случаях больше всего озабочен тем, чтобы конкуренты не обосновались в непосредственной близости от важнейших центров его владений. Неудивительно, что из всех английских колониальных предприятий конца 70-х — первой половины 80-х годов XVI в. наибольшее беспокойство Филиппа II и его министров вызвали попытки создания поселения на Роаноке, предпринятые Рэли в 1585–1586 и в 1587 гг. В Мадриде было решено отправить туда карательную экспедицию. Намечавшаяся на 1588 г. операция против английских поселенцев не была осуществлена только потому, что предназначенные для нее войска и корабли были включены в состав Армады.[95] Как отметил видный британский специалист по истории эпохи открытий Д. Б. Куин, «только благодаря серии роковых случайностей они [испанцы. — *Ю. А.*] не стерли с лица земли колонию на Роаноке и не основали сами сильное поселение в Чесапикском заливе».[96]

По сравнению с ситуацией, имевшей место в Англии, колониальная активность французского правительства в 70–80-е годы XVI в. была существенно ниже (что, безусловно, в первую очередь было связано с теми внутренними проблемами, с которыми в это время столкнулась Франция). В Париже не делали никаких резких заявлений в адрес испанцев, но в то же время не собирались отказываться от притязаний на земли, открытые Веррацано и Картье. Подтверждением этого могут служить «Полномочия», предоставленные Генрихом III бретонскому дворянину маркизу де Ля Рошу 3 января 1578 г. Согласно этому документу маркиз назначался «губернатором, наместником и вице-королем так называемых Новых Земель (ès-dites Terres-Neufves) и других стран, которые он захватит и завоюет у варваров».[97] Трудно точно сказать, какие именно территории были переданы де Ля Рошу, поскольку слово «Terres-Neufves», в современном французском языке обозначающее Ньюфаундленд,

---

[95] *Davis K. G.* Op. cit. P. 9.

[96] *Quinn D. B.* Some Spanish Reactions to Elizabethan Colonial Enterprises // Transactions of the Royal Historical Society. 5th Series. 1951. Vol. 1, No 6.

[97] Commission au marquis de La Roche, le 3 janvier 1578 // Documents inédits sur le Canada / Communiqué par A. Ramé. Deuxième série. Paris, 1867. P. 8.

в то время служило названием всего северо-восточного побережья Канады, посещавшегося французами. Однако нам важно отметить, что в любом случае речь шла о землях в Новом Свете (кстати, в 1598 г. де Ля Рош получил еще один патент аналогичного содержания[98]).

На наш взгляд, вышеприведенные официальные и неофициальные заявления, а также хартии и патенты английского и французского правительства свидетельствуют о том, что к 70–80-м годам XVI в. по обе стороны Ла-Манша отношение к испано-португальской монополии на колониальные захваты в целом и в Новом Свете в частности, существенно изменилось. Позиция Мадрида и тем более папские установления уже не рассматривались как непреодолимое препятствие для заморских предприятий, впрочем, пока еще не слишком удачных.

Однако окончательно вопрос о том, быть или не быть английской и французской колониальной экспансии, был разрешен только в конце 80-х — 90-е годы XVI в. Это произошло в Английском канале и на полях сражений во Франции и Нидерландах, где был положен предел гегемонистским и универсалистским устремлениям Филиппа II. В то же время следует учитывать, что, хотя Испании был нанесен весьма чувствительный удар, ее могущество было еще достаточно велико, и отказываться от своих притязаний, в том числе и в колониальной сфере, Мадрид отнюдь не собирался (ситуация не вынуждала его к этому). В силу этих (и ряда других) причин мирные договоры, заключенные между Францией и Испанией (1598) и Англией и Испанией (1603), носили компромиссный характер как в целом, так и применительно к колониальным сюжетам.

Что касается колоний, то в момент подписания Вервенского договора (1598) представители Филиппа II и Генриха IV договорились, что «за линией» сохранятся традиционные правила игры (т. е. будет применяться Доктрина двух сфер), но неофициально испанцы закроют глаза на действия французов в Северной Америке.[99] Более острая дискуссии по колониальным проблемам развернулась при подготовке Лондонского договора между Яковом I и Филиппом III. Английские представители заявили, что готовы признать права испанцев только на те территории, которые находятся в «реальном владении» Мадрида, но категорически против того, чтобы делать это по отношению к «незанятым» землям в Америке.[100] После долгих деба-

[98] Патент 1598 г. см.: *Lescarbot M.* Histoire de la Nouvelle France. Paris, 1609. P. 434-436.

[99] *Trudel M.* Histoire de la Nouvelle France. T. II: Le Comptoir, 1604–1627. Montréal; Paris, 1966. P. 6.

[100] *Parry J. H.* The Age of Reconnaissance. Cleveland; New York, 1963. P. 186.

тов было решено, что из договора будут убраны все упоминания об Индиях.[101] Такое положение, видимо, устраивало обе стороны, так как каждая из сторон трактовала это умолчание по-своему. Испанцы считали, что официально Лондон хотя бы на словах признает их притязания и действует только в соответствии с Доктриной двух сфер; англичане, наоборот, не чувствовали себя связанными какими-либо обязательствами.

На рубеже XVI–XVII вв. во Франции, а спустя несколько лет в Англии начался новый мощный всплеск интереса к заморским предприятиям. Именно он и положил начало систематической колонизации Североамериканского континента этими державами. Испания на практике не препятствовала основанию английских и французских поселений, хотя основание Джеймстауна и вызвало протест Мадрида. Совет по делам Индий даже рассматривал вопрос об организации экспедиции для выдворения английских поселенцев, однако в итоге испанцы решили не вмешиваться.[102] В то же время официальный Лондон и Париж все более открыто заявляли о своем неприятии базирующихся на «александрийско-тордесильясских» установках притязаний Мадрида на весь Новый Свет. Так, в 1613 г. Мария Медичи в письме к Якову I прямо заявила, что Франция не признает королей Испании «королями и сеньорами Индий и Америки» (этот факт был сразу же отмечен послом Филиппа III в Лондоне).[103]

Таким образом к началу XVII в. Северная Америка (по крайней мере к северу от Флориды) окончательно превратилась в регион, фактически открытый для экспансии других европейских держав.

* * *

К началу XVII в. Мадрид de facto признал за другими европейскими державами право на колониальную экспансию и владение колониями в незанятой испанцами части Нового Света. Папский раздел Земного шара утратил свое значение, став достоянием истории. В своем знаменитом трактате «О праве войны и мира», впервые опубликованном в 1625 г., Г. Гроций подверг резкой критике тот порядок, при котором «церкви принадлежали права, простиравшиеся на народы неведомой до тех пор части света». Ссылаясь на свидетельства Евангелия, слова апостола Павла и Иоанна Златоуста, Гро-

---

[101] European Treaties... Vol. I. P. 256.

[102] См.: *Wright I. A.* Spanish Policy towards Virginia // American Historical Review. 1920. Vol. XXV. P. 448–479.

[103] Текст письма и комментарий посла к нему см.: Carta de María de Médicis a Jacobo I de Inglaterra, sobre una presa // Documentos inéditos para la historia de España: 4 t. T. III. Madrid, 1936–1945. P. 182.

ций доказывал, что церкви не может принадлежать светская власть (в том числе и над язычниками).[104]

В то же время к началу 1600-х годов англичане и французы осознали, что применяемая в своих крайних формах («никакого мира за линией») Доктрина двух сфер порождает определенный правовой вакуум, препятствующий нормальному развитию морской торговли и колоний.[105] Золотой век «безудержного, всеобщего и ежедневного» (по словам Хэклуйта) пиратства подошел к концу,[106] уступив место более организованной экспансии. Однако добившись от пиренейцев пропуска к «колониальному пирогу», англичане и французы унаследовали от них традицию подходить с разной меркой к событиям, происходящим в Европе и за ее пределами. Выработанная в ходе борьбы с притязаниями испанцев и португальцев на колониальную монополию, Доктрина двух сфер продолжала применяться (хотя и не повсеместно, и не в чистом виде) и после крушения этих притязаний еще в течение достаточно долгого времени.

Североамериканский континент в правоустанавливающих документах английских и французских колоний

По мере развития английской и французской экспансии в Северной Америке обе державы выдвигали собственные притязания на те или иные районы этого континента. Эти притязания отнюдь не соответствовали реальной ситуации и расстановке сил, рассмотренным нами в главе I, однако отражали взгляды и представления современников и оказывали большое влияние (в том числе и на принятие политических решений).

Официальным выражением этих притязаний являлись колониальные хартии и патенты, издание которых, как правило, предшествовало любому официальному колониальному предприятию и в которых, в частности, перечислялись земли, передававшиеся той или иной колонии. Английские короли выдавали своим подданным хартии (charter), пожалования (grant), патенты (patent), полномочия (commissions). Хартии обычно получали колониальные компании; пожалования и реже патенты — лорды-собственники; полномочия обычно предоставлялись губернаторам колоний (различного статуса). Французское правительство жаловало патенты или патентные письма (lettres patentes) либо полномочия (commissions), иногда

[104] *Гроций Г.* О праве войны и мира. М., 1994. С. 531–532.
[105] См.: *Cheyney E. P.* Op. cit. P. 671–672.
[106] См.: *Штокмар В. В.* Очерки по истории Англии XVI века. Л., 1957. С. 93.

встречались и хартии (charte). Основное различие между английскими и французскими документами подобного рода заключалось в том, что если первые были установлениями исполнительной власти, то вторые являлись законодательными актами.[107]

Первые английские и французские колониальные пожалования появились еще в конце XV–XVI вв. Мы уже рассматривали документы, адресованные Дж. Каботу и его сыновьям (1496), Робервалю (1541) и Компании Катая (1577), а также упоминали о хартиях и патентах Гилберта (1578), де Ля Роша (1578 и 1598), Рэли (1584). Все эти пожалования носили либо условный, либо спекулятивный характер (их владелец становился собственником тех земель, которые он мог открыть, захватить и т. п.). Границы жалуемых территорий либо вообще никак не определялись, либо определялись весьма условно. Так, в документах Гилберта и Рэли говорилось, что после основания в выбранном ими месте поселения, все прилегающие земли в радиусе 200 лье также должны были стать их владением.[108]

Как известно, никому из вышеперечисленных путешественников и колонизаторов не удалось основать в Северной Америке постоянного поселения (а Кабот вообще не ставил перед собой такой задачи), однако их хартии и патенты послужили, с одной стороны, образцом для новых пожалований, а с другой — основой последующих притязаний (конечно, наряду с факторами).

В дальнейшем ситуация с хартиями и патентами стала еще более запутанной. На протяжении XVII — начала XVIII в. по обе стороны Ла-Манша было издано несколько десятков подобных документов. Если попытаться соотнести их положения с географической картой, мы столкнемся с весьма странной и противоречивой картиной.

В ряде английских колониальных хартий и патентов шла речь о передаче их владельцам огромных горизонтальных полос территории, ограниченных лишь с севера и с юга и тянущихся через весь Североамериканский континент от Атлантического океана на востоке до Тихого океана («Южного моря») на западе. Правда, в то время считалось, что расстояние до него гораздо меньше, чем оно есть на самом деле; однако в любом случае его еще никто себе не представлял, так же как не представляли, что́ именно находится на этом пространстве.

---

[107] См.: *Mourre M.* Dictionnaire encyclopédique d'histoire: 8 t. T. V. Paris, 1986. P. 2756.

[108] Патент Гилберта и хартию Рэли см. соответственно: Sir Humphfrey Gylberte and his enterprise of colonization in America... Together with annotations and a Memoir by Rev C. Slafter // The Prince Society publications. Vol. XXIX. Boston, 1903 (reprint 1967). P. 95–102; The Federal and State Constitutions... Pt 2. P. 1379–1382.

Из пожалований, изданных в интересующий нас период, к числу «трансконтинентальных» относилось как минимум восемь.

Во-первых (и во-вторых), Вторая и Третья хартии Вирджинии (1609 и 1612). В части, касающейся определения границ колонии, они были идентичны друг другу — в обеих речь шла о пожаловании полосы, проходящей от Атлантического побережья (участка, расположенного на расстоянии 200 миль к северу и 200 миль к югу от мыса Комфорт) через весь континент «от моря и до моря <...> к западу и северо-западу».[109] Многие американские историки понимают это выражение так, что южная граница колонии шла строго с востока на запад приблизительно вдоль 35-й параллели, а северная — под углом (т. е. на северо-запад, пересекая Великие озера).[110] Заметим, что таким образом охватывается максимально возможная территория, в том числе и те земли, которые в дальнейшем стали предметом споров и конфликтов между англичанами и французами.

В-третьих, патент Совета Новой Англии (1620), получившего «все земли, материк, страны и края в Америке», расположенные между 40° и 48° СШ «через континент от моря и до моря».[111]

В-четвертых, хартия Компании Массачусетского залива (1629), которая стала собственником территорий, простирающихся «через континент от Атлантического <...> океана на востоке до Южного моря на западе». Их южная и северная границы должны были идти сначала на расстоянии трех миль к югу от реки Чарлз и трех миль к северу от реки Мерримак соответственно, а затем — вдоль параллелей.[112]

В-пятых, нереализованный патент сэра Роберта Хита на «Провинцию Каролана» (1629). Хит получил «регион или территорию <...> в части Америки между 31° и 36° СШ».[113]

В-шестых, хартия Коннектикута (1662), которая включала «полосу» между южной границей Массачусетса, заливом Наррагансетт, морем на юге и «Южным морем» на западе.[114]

Наконец, в-седьмых, и, в-восьмых, хартии Каролины (1663 и 1665). Первая из них в части, касающейся определения границ жалуемых территорий, повторяла вышеупомянутый патент Хита (все

---

[109] См.: The Federal and State Constitutions... Pt 2. P. 1893–1908.

[110] См., напр.: Atlas of the Historical Geography of the United States / Ch. O. Paullin and J. K. Wright. Washington; New York, 1932. Plate 42; *Savelle M.* A History of Colonial America / Revised by R. Middlekauff. New York; Chicago; San Francisco, 1964. P. 82, Map 4.

[111] См.: The Federal and State Constitutions. Pt. 1. P. 928–932.

[112] См.: Ibid. Pt. 1. P. 932–942.

[113] См.: The Colonial Records of North Carolina: In 2 vols / Collected and ed. by W. L. Saunders. Vol. 1: 1662 to 1712. Raleigh, 1886. P. 3–5.

[114] См.: The Federal and State Constitutions. Pt. 1. P. 252–257.

земли между 31° и 36° СШ);[115] во второй границы предыдущего пожалования были раздвинуты до 29° СШ на юге и до 36°30′ СШ на севере.[116]

Кроме того, с точки зрения некоторых исследователей (Г. Ланкто[117]), аналогичный характер носила также хартия «Компании предпринимателей и колонизаторов городов Лондона и Бристоля для колонии или поселения на Ньюфаундленде» (1610), которой были пожалованы «все страны и острова, обычно называемые Ньюфаундлендом, которые расположены между сорок шестым градусом северной широты и пятьдесят вторым градусом той же широты».[118] Правда, большинство специалистов все же склоняется к тому, что компания получила только сам остров Ньюфаундленд.[119]

В совокупности все вышеперечисленные пожалования, многократно пересекаясь друг с другом, охватывали огромное пространство между 29-й и 48-й параллелью (или даже 52-й, если учитывать положения хартии Ньюфаундлендской компании), включающее не только практически всю основную территорию нынешних США, но также значительную часть канадской (к югу от 48-й либо от 52-й параллели) и даже небольшой участок мексиканской территории (см. карту 2).[120] А если сюда прибавить территории, пожалованные в 1670 г. Компании Гудзонова залива (все побережье одноименного залива и все земли, расположенные в бассейнах впадающих в него рек[121]), то сфера английских притязаний охватывает и бóльшую часть канадского севера.

Французские патенты были не менее масштабными. Генрих IV первым пожаловал своему подданному «трансконтинентальную полосу» североамериканской территории между 40° и 46° СШ (патент сьёра де Мона (1603)).[122] В 1627 г. огромное пространство «от Флориды до Полярного круга» и от Ньюфаундленда до Великих озер, вместе со всем бассейном реки Св. Лаврентия было передано Ком-

---

[115]См.: Ibid. Pt. 2. P. 1382–1390.

[116]См.: Ibid. Pt. 2. P. 1390–1397.

[117]*Lanctot G.* Histoire du Canada: 3 t. Montréal, 1960–1966. T. I: Des Origines au Régime Royal, 1663. P. 377.

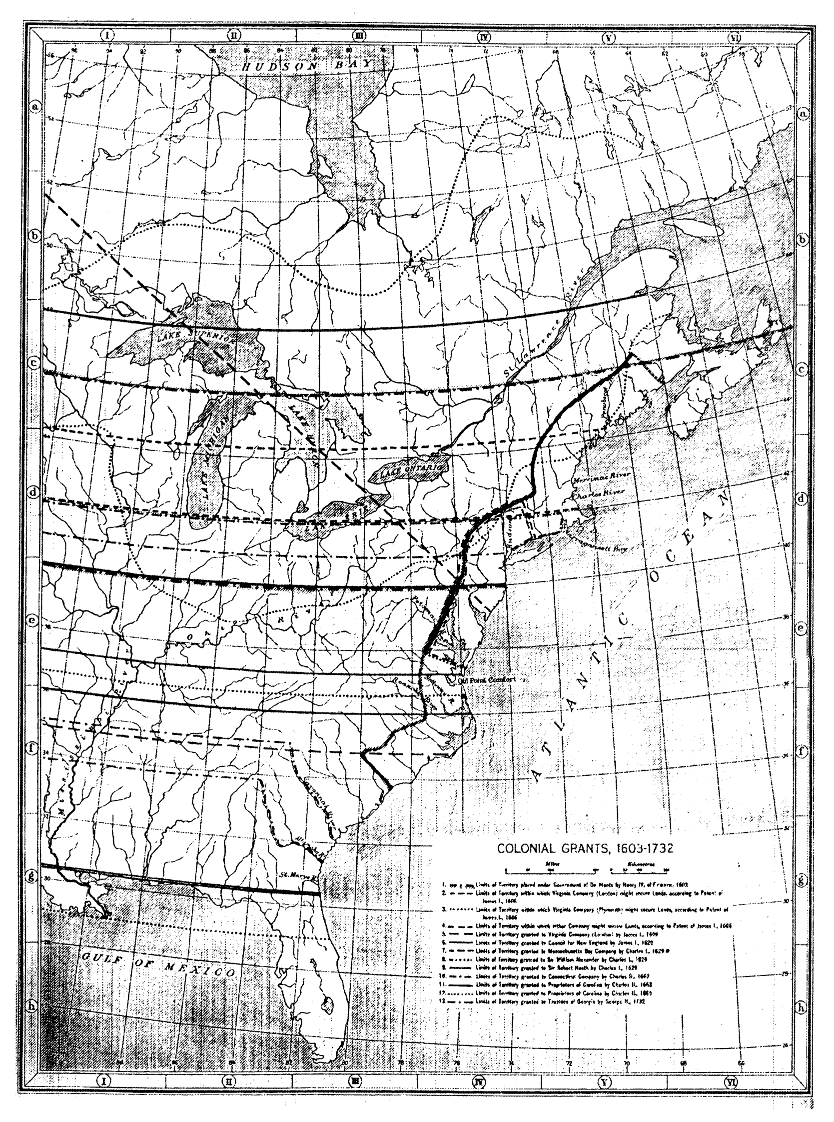
[118]Select Charters of Trading Companies, A. D. 1530–1707 / Ed. by C. T. Carr. New York, 1913 (repr. 1970). P. 51–62.

[119]См., напр.: *Cell G. T.* English Enterprise in Newfoundland, 1577–1660. Toronto; Buffalo, 1969. P. 60; *Andrews Ch. M.* The Colonial Period of American History: In 4 vols. Vol. 1. New Haven, 1934. P. 304.

[120]См., напр.: Atlas of the Historical Geography of the United States. Pl. 42.

[121]*Rich E. E.* The History of the Hudson's Bay Company: In 2 vols. Vol. 1. London, 1858. P. 53–54.

[122]См.: Collection de Manuscrits contenants lettres, mémoires et autres documents historiques relatifs à la Nouvelle France, recueillis aux Archives de la Province de Québec ou copies à l'étranger: 4 t. Québec, 1883–1885. T. I. P. 44–46.

Карта 2. Крупнейшие («трансконтинентальные») английские и французские колониальные пожалования в Северной Америке

пании Новой Франции (также известной как Компания ста участников), остававшейся феодальным собственником всех французских владений в Северной Америке до 1663 г.[123] В 1664–1674 гг. всей се-

[123]См.: Edits, ordonnances royaus, déclarations et arrêts du Conseil d'Etat du Roi, concernant le Canada: 3t. T. I. Québec, 1854. P. 7–8.

верной частью этого континента «до Вирджинии и Флориды» распоряжалась Компания Западных Индий.[124]

В то же время следует отметить, что французы использовали линии параллелей для установления пределов своих пожалований реже, чем англичане, да и в целом у последних в XVII — начале XVIII вв. границы были определены относительно более четко. На наш взгляд, это было связано с двумя обстоятельствами.

Первое состояло в том, что англичане, как правило, стремились к тому, чтобы пожалование предшествовало основанию колонии, так как согласно действовавшему в Англии обычному праву, английские подданные не могли от своего имени вступить во владение какой-либо территорией, пусть и расположенной за пределами страны. Все, что они тем или иным образом приобретали, они приобретали для короны. Соответственно, для того чтобы их действия считались законными, было необходимо, чтобы им предшествовало пожалование, исходящее от Короны как верховного собственника всех земель.[125]

Во Франции ситуация была несколько иной. Там тоже только королевская власть, будучи источником права, могла передать своим подданным какую-либо территорию и сделать их таким образом ее законными владельцами. Однако при этом считалось, что завоевание может предшествовать пожалованию, основанием для которого оно при определенных условиях является. Именно «право завоевания» при Старом Порядке превращало колонии в собственность суверена.[126]

Второй момент заключался в том, что в отличие от англичан французы придерживались принципа, согласно которому открытие какой-либо реки (естественно с вступлением во владение этой рекой) автоматически обеспечивает права на весь ее бассейн, границей которого является водораздел.[127] Это подтверждается тем, что во всех французских пожалованиях и т. п. документах, относящихся к Северной Америке, обязательно упоминается о реке Св. Лаврентия и системе Великих озер. С точки зрения французов это означало, что они являются законными собственниками всей прилегающей страны. Например, полномочия губернатора и наместника Новой Франции Монманьи (1645) распространялись на «провинции, орошаемые

---

[124]См.: Ibid. P. 40–48.

[125]См.: *Egerton H. A.* A Short History of British Colonial Policy: 7th ed. London, 1924. P. 17.

[126]См.: *Gonidec P.* Droit d'Outre-mer: 2 t. T. I. Paris, 1959. P. 42–43; см. также: *Girault A.* Principes de colonisation et de législation coloniale. 2 t. T. I. Paris, 1894. P. 136.

[127]*Savelle M.* Op. cit. P. 207.

водами реки Св. Лаврентия и других рек, которые в нее впадают, и тех мест, которые орошаются их водами в Новой Франции». Патентные письма его коллег — губернаторов д'Аржансона (1657) и Мези (1663) содержали практически идентичные фразы о том, что их власть распространяется «на всем протяжении упомянутой реки Св. Лаврентия в Новой Франции, сопредельных островах и землях по обе стороны названной реки и других рек, которые впадают в нее до ее устья».[128]

Тот факт, что англичане и французы придерживались различных точек зрения по вопросу определения границ своих владений, был замечен еще в начале XVII в. Так, в официальном заявлении английского правительства французскому послу, сделанном еще в 1617 г., говорилось, что территории Северной Америки, расположенные между 36° и 45° СШ, пожалованы «с востока на запад, от одного моря до другого; и в случае, если представители другой нации высадятся к северу от 45° и по какой-нибудь реке, озеру или по суше проникнут к югу, чтобы основать поселения за нашей спиной, то для наших губернаторов будет законным сопротивляться, изгонять и применять силу по отношению к любому, кто предпримет такую попытку».[129] Естественно, французы не могли согласиться с такой постановкой вопроса, особенно после того, как они проникли в бассейн Миссисипи и вышли «в тыл» английских владений.

Сразу же отметим, что понятие «граница» в Новом Свете трактовалось совершенно иначе, чем в Старом. В Европе пограничные линии между государствами формировались в течение длительного времени, приобретая, по выражению Ф. Броделя, характер «складок местности»; в рассматриваемый нами период они становились все более четкими (примером может служить демаркация франко-испанской границы в соответствии с условиями Пиренейского договора 1659 г.).[130] В то же время в колониях они носили крайне условный характер (единственная попытка провести на местности какое-либо подобие размежевания между английскими и французскими владениями имела место только в 1749 г.).

---

[128]См.: Lettres patentes de Gouverneur de la Nouvelle France, en faveur au Vicomte d'Argenson du 26 janvier 1657 // Mémoires des Commissaires de Sa Majesté Très-Chrétienne et de ceux de Sa Majesté Britannique sur les possessions et les droits respectifs des deux Couronnes en Amérique: 3 t. T. II. Amsterdam, 1755. P. 517–518; Lettres patentes du Roi, qui établissent le sieur de Mézy, Gouverneur pour trois ans dans l'entendue du Fleuve Saint-Laurent dans la Nouvelle France <...> Du premier mai 1663 // Ibid. T. II. P. 522–523.

[129]Nouveaux Documents sur Champlain et son époque. Vol. I: 1560–1622 / Rec. et publiés par R. Le Blant et R. Baudry. Ottawa, 1967. P. 326.

[130]См.: *Бродель Ф.* Что такое Франция? Пространство и история. М., 1994. С. 272–273.

Помимо вышеперечисленных «трансконтинентальных» пожалований, в Англии и во Франции издавались хартии и патенты, владельцы которых получали относительно более скромные по размерам участки. Они имели самую различную конфигурацию и часто пересекали те или иные «полосы», вклинивались в них и т. п. Границы этих пожалований также могли быть установлены достаточно четко (хартии Мэриленда (1632), Мэна (1639), Провиденса (1643) и т. д.), а могли быть и весьма неопределенными (например «Провинция Лакониа», пожалованная Дж. Мэйсону и Ф. Горджесу в 1629 г.). Дополнительные сложности и путаница создавались в случаях, когда компании или лорды-собственники, пользуясь часто предоставлявшимся им правом субинфеодации, уступали кому-либо часть пожалованных им территорий.

Особенно часто в различных пожалованиях фигурировали те или иные участки Атлантического региона Канады и Ньюфаундленда, где пересекались интересы различных участников колонизационного процесса, представлявших обе державы. При этом издание новых хартий и патентов далеко не всегда приводило к изменению конкретной обстановки.

Так, в 1616 г. полуостров Авалон (юго-восточная оконечность Ньюфаундленда) приобрел У. Воан, который вскоре уступил одну часть своих владений лорду Фолкленду, а другую — Дж. Кэлверту (впоследствии первому барону Балтимору), однако ни один, ни другой, ни третий практически не занимались колонизацией острова и не оказали заметного влияния на события, происходившие там в 10–20-е годы XVII в.[131]

Специалисты по-разному комментируют ситуацию с пожалованиями. Например, Ч. М. Эндрюс, говоря о путанице в английских хартиях и патентах, утверждает, что она была порождена безграмотностью и халатностью чиновников, готовивших эти документы: «Разве кто-то из королевских юристов или служителей канцелярии когда-нибудь просматривал старые патенты при составлении новых или хотя бы изучал географию региона, которым они так легко распоряжались».[132] Другой американский исследователь, У. И. Уошбёрн, считает, что это было связано, с одной стороны, со средневековой английской традицией раздачи спекулятивных пожалований, идущей еще от эпохи завоевания Уэльса и Ирландии, а с другой — с тем, что монархи и другие жалователи не ощущали ответственности за свои действия. По его словам, «королям ничего не стоило дать все, вот они и давали все».[133]

[131] См. подробно: *Акимов Ю. Г.* Очерки... С. 73–74.
[132] *Andrews Ch. M.* Op. cit . Vol. 1. P. 323.
[133] *Washburn W. E.* The Moral and Legal Justifications for Dispossessing the Indi-

На наш взгляд, процитированные выше суждения несколько упрощают ситуацию, хотя и то и другое отчасти справедливо. Но также важно подчеркнуть, что хартии и патенты имели двойную направленность: внутреннюю и внешнюю. Внутренняя действительно отражала специфику колониальной экспансии той или иной державы. В данной связи издание в Англии множества пересекающихся друг с другом пожалований можно объяснить и аргументами Эндрюса и Уошбёрна, и спецификой английского права, и относительно большим числом участников колонизационного процесса, преследовавших свои собственные цели и оказывавших определенное давление на правительственных чиновников, которые, в свою очередь, шли им на уступки, не слишком задумываясь о последствиях. Кроме того, со временем сами колонисты (прежде всего в Новой Англии) стали «подправлять» хартии в свою пользу. В 1680 г. Эдвард Рэндольф заметил по поводу претензий бостонцев: «...они присвоили себе свободу провозглашать такие границы, которые им удобны или соответствуют их интересам, не переставая никогда претендовать на весь регион, который им подходит».[134]

Однако все хартии и патенты были рассчитаны еще и на внешнее употребление. Разрешая создание колонии на какой-либо территории и подтверждая законность действий подданных того или иного монарха в глазах как их соотечественников, так и представителей других стран, эти документы являлись свидетельством притязаний соответствующей державы на определенные (или неопределенные) пространства. Еще в Первой хартии Вирджинии (1606) Яков I разрешил создание двух колоний «в той части Америки, которую обычно называют Вирджиния и в других краях и территориях в Америке, *также принадлежащих нам* [курсив мой. — *Ю. А.*]».[135] Можно предположить, что, передавая своим подданным огромные территории, Лондон и Париж стремились заявить таким образом о своих притязаниях на них.

В то же время в дальнейшем и правительства обеих держав и их подданные зачастую весьма скептически относились к хартиям и патентам, издававшимся в других странах. Так, еще в середине XVII в. Э. Джонсон писал, что «голландцы, шведы и французы, находящиеся по разные стороны от них [жителей Новой Англии. — *Ю. А.*] также склонны выдвигать притязания на земли, на которые они не имеют

---

ans / Seventeenth-Century America: Essays in Colonial History / Ed. by J. M. Smith. Chapel Hill, 1959. P. 16, 18.

[134] Randolph's Report to the Council of Trade (1680) // Documents Relative to the Colonial History of the State of New York: In 15 vols / Ed. by E. B. O'Callaghan and B. Fernow. Vol. III. Albany, 1853–1887. P. 941.

[135] The Federal and State Constitutions. Pt. 2. P. 1889.

никаких прав, за исключением тех, что содержатся в ими же составленных бумагах».[136]

В колониальных пожалованиях встречались и откровенные передергивания. Так, в патенте Совета Новой Англии говорилось, что королю «доподлинно было сообщено различными <...> добрыми подданными, которые в течение многих прошлых лет посещали те берега и земли между 40 и 48°, что там нет никаких других подданных какогэ-либо другого христианского монарха или государства, [имеющих] какие-либо полномочия от своих сюзеренов, лордов или государей [и] действительно владеющих какими-либо из упомянутых земель или краев в силу каких-либо прав, притязаний, интересов или полномочий».[137]

Здесь Яков I откровенно грешил против истины. За время его царствования Франция неоднократно заявляла о своих притязаниях на территории Североамериканского континента, расположенные между 40 и 46° СШ, в особенности на Акадию (см. раздел II), не говоря уже о том, что с 1608 г. существовало поселение Квебек, а на полуострове Новая Шотландия в районе мыса Нэгр в это время продолжали находиться французские поселенцы во главе с Ш. де Ля Туром. Однако это не помешало английскому королю включить в состав владений Компании Новой Англии все атлантическое побережье США к северу от Нью-Джерси и побережье Атлантических провинций Канады до бухты Шалёр со всеми прилегающими островами (Кейп-Бретон, Принца Эдуарда и др.), а также долину реки Св. Лаврентия и прилегающие территории.

Обоснование английских и французских притязаний на Северную Америку

Нарушая установления папских булл и Тордесильясского договора, английские и французские правители в то же время постоянно подчеркивали, что они ни в коем случае не собираются посягать (по крайней мере, открыто и официально) на те территории за пределами Европы, которые активно эксплуатировались пиренейцами и/или находились под их непосредственным контролем (т. е. где существовали их поселения, фактории, форты, миссии, или где местное население в той или иной форме признавало их власть). Таким образом, постепенно стала получать распространение идея о том, что только «реальное владение», может дать европейской державе право на заморские земли.

[136] Johnson's Wonder-Working Providence. P. 219.

[137] The Federal and State Constitutions. Pt. 1. P. 928–932.

Наиболее четко эта мысль была сформулирована в вышеупомянутом заявлении советников Елизаветы I испанскому послу, жаловавшемуся на проникновение английских «морских псов» во владения Мадрида. Там подчеркивалось, что единственным основанием для обладания заморскими землями служит факт основания там поселений и совершения открытий, зафиксированный в географических названиях: «Испанцы не имеют никакого права владеть им [Новым Светом. — *Ю. А.*], за исключением того, что они основали там несколько поселений и дали названия рекам и мысам».[138]

И англичане, и французы всеми правдами и неправдами прежде всего стремились доказать, что именно им принадлежит приоритет в открытии восточного побережья Северной Америки. В многочисленных работах о путешествиях и исследованиях, выходивших по обе стороны Ла-Манша, реальные факты нередко переплетались с вымыслом, который, в свою очередь, с одной стороны, был связан с многочисленными легендами, окружавшими всю эпоху Великих географических открытий, а с другой — с явным политическим «заказом». В Англии это было характерно не только для авторов многочисленных памфлетов на заморские темы, активно выпускавшихся с конца XVI в., но и для таких авторитетных специалистов, как Хэклуйт, Ди и Пёрчес. В своих произведениях они не только пропагандировали реальные достижения английских мореплавателей (Дж. и С. Каботов, Дж. Рута, Р. Хора, М. Фробишера и др.), но и извлекли на свет Божий фантастическое средневековое предание об уэльском принце Мадоке, якобы совершавшем плавания в какую-то страну на запад еще в XII в.[139] В то же время английские историки и географы стремились по возможности умолчать о путешествиях, совершенных представителями других держав. Признавая приоритет французов в открытии залива и реки Св. Лаврентия, они часто не упоминали об экспедиции Веррацано, первой посетившей Атлантическое побережье нынешних США.[140] Так, капитан Эдвард Хейс, автор памфлета, увидевшего свет в начале 1600-х годов, убеждал своих соотечественников в том, что «французы лишь снова посетили те места, которые раньше были открыты английской нацией, узурпировав наши права и дав имена странам, рекам, бухтам, мысам и утесам, как будто

[138] См.: *Camden* Op. cit. P. 309.

[139] См., напр.: Dr. John Dee Lists English Claims in North America, 1578 // English Colonization of North America / Ed. by L. B. Wright and E. W. Fowler. New York, 1968. P. 15–16; *Hakluyt R.* The Principal Navigations, Voyages and Traffiques of English Nation: In 12 vols / Ed. by W. Raliegh. Vol. III. Glasgow, 1903. P. 217.

[140] См., напр.: English Historical Documents: In 12 vols / Gen. editor D. C. Douglas. Vol. IX: American Colonial Documents to 1776 / Ed. by M. Jensen. New York, 1969. P. 23.

они первыми нашли их».[141] В адресованном Ф. Сидни предисловии к своему трактату «Различные путешествия...» Р. Хэклуйт младший прямо писал, что «не нужно откладывать время овладения этими странами [Америкой. — *Ю. А.*], тем более, что они по праву принадлежат нам [англичанам. — *Ю. А.*]».[142]

В свою очередь, французские авторы также стремились доказать, что честь открытия Североамериканского континента (и особенно его северной части, включая Ньюфаундленд и прилегающую к нему Большую банку) принадлежит их соотечественникам. При этом они также часто смешивали достоверные факты и сомнительные предположения. Первый хронист Новой Франции М. Лекабро в своей очень обстоятельной и в целом объективной работе, впервые увидевшей свет в 1609 г., утверждал, что «название Ньюфаундленд не ново, поскольку, по воспоминаниям многих людей, жители Сен-Мало, Ля-Рошели, Гавра, Онфлёра и других приморских городов в течение вот уже нескольких веков совершали путешествия в этот район для ловли трески».[143] П. Бержерон в 1630 г. так говорил об Атлантическом побережье Североамериканского континента: «Нормандцы и бретонцы первыми нашли эти земли, и с самых давних пор они торговали с дикарями».[144] В выпущенной в середине XVII в. книге Э. де Клейрака утверждалось, что острова Ньюфаундленд и Кейп-Бретон были открыты гасконцами еще за сто лет до плавания Колумба, т. е. где-то в конце XIV в.[145]

Со временем эти и подобные им аргументы стали использоваться представителями английских и французских властей в полемике о правах на те или иные районы Североамериканского континента. Так, в 1686 г. губернатор колонии Нью-Йорк Томас Донган в письме к наместнику Новой Франции маркизу Денонвилю безапелляционно заявил, что, «прежде чем король — Ваш Государь — стал претендовать на Канаду, все индейцы вплоть до Южного моря находились под английским господством».[146] В петиции, направленной руководством Компании Гудзонова залива английским представителям в комиссии уполномоченных, собравшихся после окончания Войны Аугсбургской лиги для урегулирования территориальных споров между двумя державами в Северной Америке, говорилось: «Мы апеллиру-

[141] *Haies E.* A Narrative of the Expedition of Sir Hemphry Gylbert. London, [s. a.]. P. 4.

[142] *Hakluyt R.* Divers Voyages... // The Original Writings and Correspondence of Two Richard Hakluyts. Vol. I. P. 175.

[143] *Lescarbot M.* Histoire de la Nouvelle France. Paris, 1609. P. 209.

[144] *Bergeron P.* Histoire de la navigation. Paris, 1630. P. 117.

[145] *Cleirac E., de.* Us et coustumes de la Mer. Bordeaux, 1647. P. 151.

[146] Governor Dongan to M. de Denonville, 26th July 1686 // Documents Relative to the Colonial History of the State of New York. Vol. III. P. 460–461.

ем ко всем подлинным старинным и современным картам и ко всем историческим сочинениям и книгам по космографии. Если это было бы необходимо, мы могли бы пойти дальше и показать, что британцы *за много столетий* до союза Англии и Уэльса [курсив мой. — *Ю. А.*] совершали путешествия в эти северные страны [речь идет о побережье Гудзонова залива. — *Ю. А.*]».[147] В то же время французы по ходу заседаний той же комиссии уполномоченных заявили, что еще в 1504 г. (!) племена Лиги ирокезов якобы признали себя их поданными.[148]

Мы видели, что, критикуя аргументы, выдвигавшиеся Мадридом и Лиссабоном, англичане и французы на официальном уровне постоянно подчеркивали, что они ни в коем случае не собираются посягать на те территории за пределами Европы, которые активно эксплуатировались испанцами и португальцами и/или находились под их непосредственным контролем (т. е. где существовали их поселения, фактории, форты, миссии или где местное население в той или иной форме признавало их власть). Иначе говоря, с одной стороны, по обе стороны Ла-Манша признавалась идея о том, что только «реальное владение» может дать европейской державе право на заморские земли. С другой стороны, англичане (а в несколько меньшей степени и французы) зачастую обосновывали свои собственные притязания на Североамериканский континент всего лишь «простыми» открытиями и символическими актами вступления во владение (имевшими место в ходе экспедиций Дж. Кабота, Фробишера, Гилберта, Амадаса и Барлоу), за которыми не последовало никаких «реальных» действий. Французский историк Э. Лабулэ раздраженно отмечал, что Англия, пользуясь принципом «реального владения» в своих столкновениях с Испанией, «никогда не признавала его во всех своих столкновениях с Францией на американской почве».[149]

Поскольку в течение полутора веков существование в Северной Америке владений Лондона и Парижа было фактом, с которым, несмотря на все доказательства и хартии, приходилось считаться, большое значение имел вопрос о территориях, занимаемых английскими и французскими колониями, и границах между ними. В дальнейшем мы подробно рассмотрим переговоры и дискуссии по этому поводу, а пока отметим, что обе стороны всегда стремились доказать, что они «реально» занимают и контролируют как можно боль-

[147] Hudson Bay Company to the Lords Commissioners. June 5, 1699 // Calendar of State Papers. Colonial Series. Vol. XVII: America and West Indies, 1699, Also Addenda, 1621–1698. London, 1908. P. 271–273. No 494.

[148] См.: Sovereignty of the King of France over the Iroquois (1698) // Documents Relative to the Colonial History of the State of New York. Vol. IX. P. 689.

[149] *Лабулэ Э.* История Соединенных Штатов: В 3 т. Т. I. СПб., 1870. С. 55.

шую территорию и преуменьшить размеры владений соперника. Так, английский автор XVIII в., стремясь преуменьшить сферу влияния французов в Северной Америке, писал: «Разве мы найдем Новую Францию и Луизиану вне пределов досягаемости больших пушек фортов на реке Св. Лаврентия и Миссисипи?».[150] В свою очередь, во французском справочнике для моряков, изданном во второй половине XVII в., говорилось: «... под именем Канада мы [французы. — *Ю. А.*] понимаем Новую Бретань, Сагене, собственно Канаду, Акадию, Страну Гуронов, Страну Ирокезов, Новую Шотландию, Новую Англию, Новые Нидерланды».[151]

Важным средством пропаганды истинных и мнимых достижений той или иной державы на колониальном поприще и одновременно наглядным свидетельством ее притязаний служили географические карты (рис. 4), которые порой изображали не реальную ситуацию (хотя бы в том виде, в котором это можно было сделать с учетом географических знаний того времени), а такую картину, какую хотели увидеть их авторы. Конечно, многие картографы искренне стремились к объективности, однако в данном случае нас интересуют не они, а как раз их более пристрастные и/или политически ангажированные коллеги.

Чаще всего авторы карт манипулировали с названиями, имеющими не только географический, но и явный политический смысл — «Вирджиния», «Новая Шотландия», «Новая Франция», «Канада» и т. п. Так, на некоторых английских и голландских картах XVII — начала XVIII в. названия «Канада» и/или «Новая Франция» помещались только на правом берегу реки Св. Лаврентия, тогда как «английские» названия покрывали всю остальную часть континента. Такую картину можно увидеть на картах С. Пёрчеса (1625), Р. Дадли (1646), Дж. Ли (1685), Х. Молла (1715) (см. карту 3).[152] Название «Вирджиния» зачастую (особенно в первой половине XVII в.) распространялось на всю Северную Америку к северу от Флориды (карты Де Лаэ (1625), Меркатора (1633), Блаэ (1640)).[153]

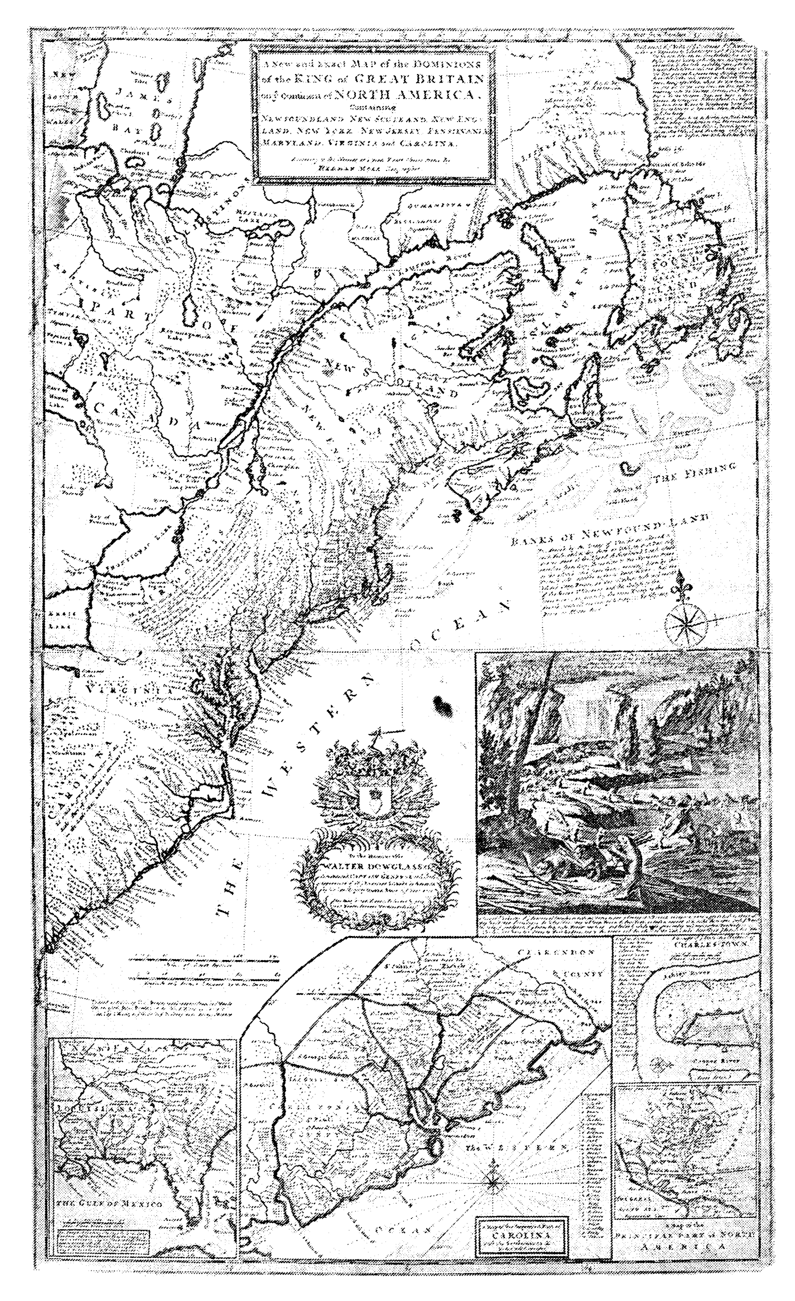
Другое «говорящее» название «Новая Британия», изначально относившееся к северной оконечности Лабрадора, на некоторых картах стало перемещаться к югу, охватывая весь полуостров (иногда

[150] *Salmon T.* Modern History or the Present State of All Nations. Vol. XXXI: Being the Fourth Volume of America. London, 1738. P. 557.

[151] *Dassie.* Description générale des costes de l'Amérique. Rouen, 1677. P. 250.

[152] Карту Пёрчеса см.: Association of Canadian Map Libraries — Association des Carthotèques Canadiennes. Canada Historical Maps — Canada cartes historiques. Ottawa, 1980. Facsimile No 11; карты Дадли, Ли и Молла см.: The New World // Hargrett. Rare Books and Manuscript Library. Rare Map Collection // URL: http://www.libs.uga.edu/darchive/hargrett/maps

[153] См.: The New World...

Карта 3. Северная Америка, карта Хермана Молла (1715)

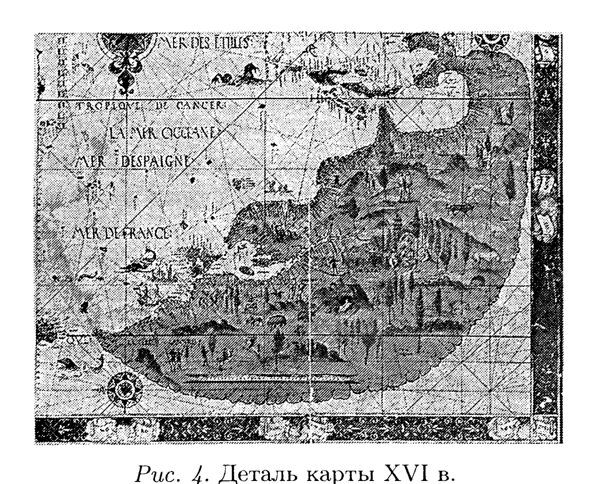

Рис. 4. Деталь карты XVI в.
с изображением Северной Америки.
На карте видна надпись «Море Франции» — Mer de France (север находится внизу)

Карта 4. Северная Америка, карта Хондиуса (1640)

вплоть до залива Св. Лаврентия). Это хорошо видно при сравнении в целом очень достоверной и объективной (для своего времени) карты Хондиуса (1640; см. карту 4), а также карт Шагена (1671), Сенекса (1710) и др.[154]

Авторы французских и «профранцузских» карт, наоборот, стремились максимально сократить размеры английских владений и соответственно расширить пределы территорий, считающихся, пусть и на бумаге, владениями Парижа. Хотя вплоть до 1670–1680-х годов французы имели весьма смутное представление о том, что́ именно находится за Великими озерами, на картах Н. Сансона (1650), П. Дю Валя (1653), Ф. Дю Крё (1660), Висхера (1680) практически все внутреннее пространство Североамериканского континента включалось в состав владений Парижа, тогда как «Вирджинии» отводилась узкая прибрежная полоса (особенно у Висхера).[155] Такая картина стала еще более распространенной после того, как французы на практике начали освоение долины Миссисипи. И хотя на рубеже XVII–XVIII вв. французские поселения долины реки Св. Лаврентия и форты в Луизиане были практически никак не связаны друг с другом и между ними простирались колоссальные массивы неосвоенной территории, на картах Г. Делиля (1703), Л. Аннепена (1704), Сансона (1705) и даже на упоминавшейся нами английской карте Сенекса (1710) «Канада»/«Новая Франция»/«Луизиана» граничат с Флоридой и Новой Мексикой.[156]

Следует также учитывать, что на всем протяжении XVII в. и в Европе и в самих колониях имелись весьма смутные представления о реальной протяженности североамериканского континента, его истинных очертаниях и географии его внутренних районов. Известия о новых открытиях распространялись медленно (а иногда не распространялись вообще), в результате чего многие ложные представления продолжали спокойно существовать даже после того, как они были опровергнуты на практике. Так, европейские географы и картографы долгое время были убеждены, что массив суши, расположенный между Флоридой и Калифорнией (существование которого было доказано еще испанскими экспедициями середины XVI в.), резко сужается где-то под 40° СШ, после чего Северная Америка представляет собой лишь неширокий перешеек, омываемый с запада «Южным морем» (или «Морем Веррацано»), являющимся зали-

---

[154] См.: Ibid.

[155] Карту Сансона см.: *Wheat C. I.* Mapping the Trans-Mississippi West: In 3 vols. Vol. I: The Spanish Entrada to the Louisiana Purchase, 1540–1804. San Francisco, 1957. P. 26–27; карты Дю Валя и Дю Крё см.: Canada Historical Maps — Canada cartes historiques. Facsimile No 19, 29; карту Висхера см.: The New World...

[156] См.: The New World...

вом Тихого океана.[157] Открытие французами системы Великих озер и территорий, расположенных к югу и западу от них (в том числе открытие Миссисипи и ее крупнейших притоков) свидетельствовало о том, что североамериканский континент в умеренных широтах не столь узок, как предполагалось. Однако в Англии результаты путешествий Долье де Кассона, Галинэ, Сен-Люссона, Перро, Жолье, Маркетта, Ла Саля и др. поначалу остались незамеченными. Уже упоминавшийся нами Уильям Блэтуэйт (фактический руководитель секретариата «Лордов торговли» в 1675–1696 гг. и член Совета по торговле и колониям в 1696–1700 гг.) пользовался картой Северной Америки из выпущенного в 1650 г. памфлета Э. Уильямса «Торжествующая Богородица, или Полностью и истинно оцененная Вирджиния», где Тихий океан был показан сразу за Аппалачами.[158]

Безусловно, некоторые современники отдавали себе отчет в том, что действительность отличается от положений колониальных хартий и что надпись на географической карте вовсе не обеспечивает контроля над той или иной территорией. Так, еще капитан Джон Смит в своем «Описании Вирджинии» отмечал, что «Вирджиния — это страна в Америке, которая находится между 34° и 44° СШ. Ее границей на востоке является Великий Океан. На юге лежит Флорида, на севере — Новая Франция. Что касается запада — там пределы неизвестны». Далее он уточнял, что «та часть, в которой поселились англичане <...> находится на 37, 38 и 39°».[159] Еще более наглядным примером может служить процитированное выше замечание Э. Джонсона, констатировавшего, что соседями жителей Новой Англии являются французы, голландцы и шведы, но при этом отказывавшегося признавать за ними какие-либо права на занимаемые ими земли.

* * *

Неверные представления об истинных размерах и очертаниях Североамериканского континента; притязания на территории огромной протяженности, на которые еще не ступала нога европейца; споры о том, кто первым посетил Новый Свет (или какую-то его часть) и достаточно ли этого для того, чтобы владеть им; принцип реального владения и Доктрина двух сфер — все это накладывало отпечаток на представления современников о той ситуации, которая имела ме-

[157] См., напр.: *Fiske J.* Old Virginia and Her Neighbours: In 2 vols. Vol. 1. London, 1897. P. 60–61.

[158] America in European Consciousness, 1493–1750 / Ed. by K. O. Kupperman. Chapel Hill; London, 1995. P. 11.

[159] Description of Virginia and Proceedings of the Colony by Captain John Smith, 1612 // Narratives of Early Virginia, 1606–1625 / Ed. by L. G. Tylor. New York, 1959 (reprint). P. 80.

сто в Северной Америке и вокруг нее. Все эти элементы (к которым следует прибавить внутренние установления метрополий) не образовывали четкой системы, но представляли сложный и пестрый конгломерат, состоящий из различных «пластов», отдельные из которых выдвигались на первый план в какой-либо конкретной ситуации. При этом представители различных европейских стран далеко не всегда понимали и принимали взгляды и поведение друг друга. В рассматриваемую нами эпоху различия между самими жителями Старого Света, проявлявшиеся в том числе в их подходах к тем или иным проблемам, были еще очень сильны. Как отметила П. Сид, «каждая страна приносила в Новый Свет <...> свои собственные политические идеи, политическую практику и т. п.», при этом то, что было очевидно для одних, далеко не всегда было понятным и приемлемым для других.[160]

Совершая первые шаги на колониальном поприще, борясь с монополистскими устремлениями пиренейских держав в сфере заморской экспансии, англичане и французы выработали свой собственный подход к вопросу о международно-правовом статусе земель, расположенных за пределами Европы. Безусловно, в процессе своего формирования этот подход испытал определенное влияние испанских и португальских установлений. Точно так же, как и пиренейцы, англичане и французы считали, что индейцы не имеют никаких законных прав (по крайней мере политических) на земли Нового Света; и Лондон и Париж стремились «закрыть» свои колониальные владения для представителей других держав; по обе стороны Ла-Манша выдвигались притязания, носившие ярко выраженный спекулятивный характер.

Однако самым важным было то, что в английском и во французском правосознании начала XVII в. заморские земли занимали особое положение. С одной стороны, на них не распространялись установления, действовавшие в Европе, с другой — события, происходившие «за линией», рассматривались отдельно от межгосударственных отношений. В то же время каких-либо обоюдно признанных норм (наподобие папских булл или Тордесильясского договора) или «правил игры» для Нового Света у англичан и французов в то время еще не было. Их выработка происходила по мере развития экспансии двух держав и нарастания межколониального соперничества, которое в значительной степени и стимулировало этот процесс.

---

[160] *Seed P.* Ceremonies of Possession in Europe's Conquest of the New World, 1492–1640. Cambridge, 1995. P. 3, 10.

Раздел II

Колониальные конфликты, споры, контакты: англо-французские отношения в Северной Америке в первой половине XVII в.

Глава 1. ПЕРВЫЕ СТОЛКНОВЕНИЯ И ИХ МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕЗОНАНС

Англо-французские отношения и Северная Америка в конце XVI — начале XVII в. Рейды Арголла (1613 г.)

На протяжении бо́льшей части XVI в., совершая свои первые робкие и не всегда верные и удачные шаги на колониальном поприще, Англия и Франция не рассматривали друг друга как конкурентов в сфере заморской экспансии. Определенная взаимная настороженность стала проявляться только в последние десятилетия XVI в. в связи с активизацией английской, а в определенной степени и французской колониальной экспансии в Северной Америке.

Первоначально это сводилось лишь к словам. Так, Р. Хэклуйт младший в предисловии к опубликованному им в 1580 г. тексту донесения Ж. Картье о его втором путешествии к Канаду заявлял, что англичане должны увидеть в рассказе французского путешественника не только «то, что побудит [их] <...> установить торговые сношения с тамошними жителями, но также основать колонию в каком-либо удобном месте и таким образом овладеть этой страной».[1] В знаменитом «Рассуждении о колонизации Запада» Хэклуйт, не называя прямо возможных противников англичан, подчеркивал необ-

[1] Dedication of Florio's «Cartier» // The Original Writings and Correspondence of Two Richard Hakluyts: In 3 Vols / Ed. by E. Taylor. Vol. I. London, 1935. P. 164–165. (Doc. No 29).

ходимость всемерно усиливать обороноспособность поселений, которые, по его мнению, должны были быть основаны в Новом Свете: «Имея укрепления там <...> мы [англичане. — *Ю. А.*] сможем препятствовать проникновению туда подданных других государей».[2]

Когда в начале 1580-х годов французы организовали несколько разведывательных плаваний к берегам Атлантического региона Канады, планируя основать там поселение (экспедиции Этьена Белленже), Хэклуйт расценил это как угрозу английским интересам. В октябре 1583 г. он находился во Франции (в составе английского посольства) и активно занимался сбором всевозможной информации о путешествиях и открытиях французов. Он лично встречался с Белленже, который, не подозревая Хэклуйта в каких-либо враждебных намерениях, рассказал ему о своих плаваниях, показал составленную им карту и даже выразил готовность в случае необходимости провести англичан своим маршрутом.[3] Однако Хэклуйт смотрел на дело иначе. В 1584 г. он писал, что его соотечественникам жизненно необходимо опередить французов и закрепить за Англией хотя бы остров Кейп-Бретон. «Если мы не будем укрепляться на Кейп-Бретоне», писал этот неутомимый пропагандист колониальной экспансии, «французы, нормандцы, бретонцы и голландцы или другие народы не только отрежут нас от великого залива Святого Лаврентия, где они уже опередили нас, но лишат нас и Ньюфаундленда, который мы открыли».[4]

Хэклуйт верно подметил, что в последние десятилетия XVI в. район залива Св. Лаврентия уже достаточно активно посещался французскими рыбаками и торговцами, и англичанам было сложно конкурировать с ними. Между подданными двух держав время от времени случались стычки, порой и те и другие не брезговали откровенным пиратством, однако до каких-либо крупных конфликтов, отражавшихся на межгосударственных отношениях Англии и Франции дело не доходило.

Вплоть до самого конца XVI в. единственной акцией англичан, имевшей более или менее четко выраженную антифранцузскую направленность, была экспедиция Чарлза Лэя (1597). Этот практически забытый и, как представляется, недооцененный эпизод ранней американской истории представляет большой интерес по ряду причин (кстати, это была первая серьезная попытка организовать переселение группы религиозных сектантов, так называемых браунистов, из Англии в Северную Америку). Однако нам прежде всего

---

[2]Discourse of the Western Planting // Ibid. Vol. I. P. 274 (Doc. No 46).

[3]См.: Bellenger Etienne // Dictionary of Canadian Biography: In 3 vols. Vol. I: 1000–1700. Toronto; Québec, 1966. P. 87–88.

[4]Цит. по: *Campbell G. G.* History of Nova Scotia. Toronto, 1948. P. 7.

следует отметить, что одной из задач Лэя было противодействие развитию французского (точнее, бретонского, нормандского и гасконского) рыболовного, китобойного и звероловного промысла в заливе Св. Лаврентия.

Лэй принял решение основать поселение на островах Мадлен — небольшом архипелаге в южной части залива Св. Лаврентия. В июне 1597 г. его корабли вошли в бухту Баск-Харбор, но там уже находилось несколько промысловых судов из бретонских и гасконских портов. Рыбаки отнеслись к англичанам вполне лояльно, однако те повели себя вызывающе и даже попытались захватить одно из гасконских судов, заподозрив, что оно могло быть не из французской, а из испанской части Гаскони/Страны басков. За гасконцев вступились другие рыбаки; произошла перестрелка, после чего Лэй согласился вступить в переговоры с капитанами. Однако в итоге из-за надвигавшегося шторма, англичане предпочли ретироваться. В другой бухте, где Лэй попытался бросить якорь, ему также повстречались французы. Еще одна попытка обосноваться на северном берегу залива Св. Лаврентия также закончилась неудачей. После этого Лэй повернул назад. На обратном пути у побережья Ньюфаундленда англичане совершили несколько нападений на французских и испанских рыбаков. В частности Лэй захватил большое рыболовное судно с острова Бель-Иль, мотивируя свои действия тем, что этот остров принадлежал сторонникам Лиги, а значит союзникам испанцев и врагам англичан.

Вскоре после возвращения в Англию Лэй представил Тайному совету записку («Краткую платформу»), где выражал готовность повторить свой рейс в следующем году с тем, чтобы основать поселение на островах Мадлен и «навсегда лишить французов этих островов».[5] Однако правительство не проявило никакого интереса к его проектам. Залив Св. Лаврентия его не привлекал. Каких-либо последствий и тем более международного резонанса события 1597 г. не имели.

В течение ряда лет англичане и французы в Северной Америке практически не соприкасались. Сферы их активности находились на достаточно большом расстоянии друг от друга. Однако в начале 10-х годов XVII в. ситуация изменилась.

В 1613 г. по инициативе Антуанетты де Понс, маркизы де Гершевиль — вдовы парижского губернатора герцога Ляроплфуко-Льянкура была предпринята попытка основать колонию и миссионерскую станцию в Акадии (французы так называли территории

[5] Цит. по: *Quinn D. B.* Leigh Charles // Dictionary of Canadian Biography. Vol. I. P. 451.

нынешних Атлантических провинций Канады: Новой Шотландии, Нью-Брансуика, Острова принца Эдуарда и прилегающую к ним северо-восточную часть штата Мэн). Эту часть французских владений, а также все остальные земли Новой Франции, расположенные к югу от реки Святого Лаврентия, молодая, энергичная, влиятельная и вместе с тем глубоко религиозная вдова получила от сьёра де Мона, владевшего ими на основании патента 1603 г.[6] Снаряженная маркизой де Гершевиль экспедиция, которую возглавил сьёр де Ля Соссэ, в июне того же года прибыла к острову Маунт-Дезерт (штат Мэн), где было решено заложить поселение Сен-Совёр. Французы высадились на берег, разбили лагерь и даже начали распашку земли, как вдруг на горизонте неожиданно появился корабль под английским флагом.

Это был «Трежерер» — 14-пушечный корабль, принадлежавший капитану Семюэлу Арголлу, одному из участников Вирджинской компании, а в будущем помощнику губернатора (deputy-governor) этой колонии, незадолго до этого уже прославившемуся благодаря похищению легендарной Покахонтас. С начала лета Арголл крейсировал у побережья Мэна, очевидно рассчитывая ограбить какое-нибудь французское или испанское судно. Дж. Бэнкрофт пишет, что в Джеймстауне официально объявили, что «Трежерер» отправляется за треской,[7] однако это явно было сказано для отвода глаз. Медленно продвигаясь вдоль побережья Мэна, Арголл на одном островке в устье Кеннебека встретил индейцев, которые знаками сообщили ему, что неподалеку находится какой-то европейский корабль. По часто повторявшемуся слову «норман» Арголл понял, что корабль французский. Утром 2 июля 1613 г. «Трежерер» подошел к Маунт-Дезерту, и вскоре англичане увидели четыре белые палатки и небольшое судно, стоявшее на якоре в бухте. Арголл немедленно отдал приказ готовиться к бою.

На берегу появление англичан вызвало смятение. Несколько человек поспешили на «Жонас» (так назывался французский корабль), но они не успели поднять якорь. Пользуясь попутным ветром, «Трежерер» надвигался прямо на них. В ответ на крики и сигналы французов англичане открыли огонь из пушек и мушкетов. Французы не стреляли, так как на их корабле не было канонира. По свидетельству очевидца событий французского миссионера отца Пьера Бьяра, находившийся на «Жонасе» иезуит брат дю Тэ попы-

[6] О передаче части земель Новой Франции маркизе см. подробнее: *Jones E.* Gentlemen and Jesuits: Quests for Glory and Adventure in the Early Days of New France. Toronto; Buffalo; London, 1986.

[7] *Bancroft G.* History of the United States of America from the Discovery of the Continent: In 6 vols. Vol. I. New York, 1882. P. 105–106.

тался выстрелить из носового орудия, но промахнулся. После этого «Трежерер» подошел к «Жонасу» вплотную и взял его на абордаж, несмотря на отчаянное сопротивление находившихся там французов (трое из них были убиты).[8] После этого оставшиеся на берегу сдались без сопротивления, полагая, что произошло какое-то недоразумение.[9] Сразу же подчеркнем, что Англия и Франция в тот момент находились в мире.

Захватив французский корабль, Арголл первым делом проник в адмиральскую каюту и вытащил из находившегося там сундучка с бумагами королевский патент и другие правоустанавливающие документы колонии, оставив все остальное нетронутым. После этого он, как пишет Бьяр, «с отменной учтивостью», заявил Ля Соссэ, что земли, на которые высадились его люди, на самом деле принадлежат англичанам, и поинтересовался, по какому праву французы появились здесь. Ля Соссэ возразил, что эти территории являются владением Франции, а он сам имеет необходимые полномочия своего монарха. Английский капитан попросил показать эти документы. С «Жонаса» был доставлен сундучок Ля Соссэ, но никакого патента там, естественно, не оказалось. Арголл, резко сменив тональность, закричал: «Итак, вы нас дурачили! Вы говорили, что имеете патент от своего короля и не можете это подтвердить. Вы — разбойники и пираты! Вы — заслуживаете смерти!».[10]

Англичане в буквальном смысле этого слова обобрали своих пленников до нитки, отняв у них не только все имущество, но и часть одежды. Правда, в итоге Арголл, очевидно, поняв или почувствовав, что зашел слишком далеко, сменил гнев на милость и отпустил половину французов. Однако другую половину он взял с собой в Джеймстаун, где их жизнь снова оказалась висящей на волоске. Губернатор Вирджинии сэр Томас Дэйл не на шутку встревожился из-за появления французов на североамериканском побережье и заявил, что все захваченные Арголлом «пираты» должны быть повешены. Такой поворот событий оказался неожиданным для самого Арголла. Он попытался умерить гнев губернатора, объясняя, что дал слово сохранить жизнь всем своим пленникам, но Дэйл был непреклонен. В этой ситуации Арголл проявил великодушие и извлек на свет божий патент и письмо французского короля, правда, приврав

---

[8] См. отчет Бьяра: The Jesuit Relations and Allied Documents: In 73 vols // Ed. by R. G. Thwaites. Vol. III. Cleveland (Ohio), 1896–1901. P. 279–283.

[9] См. официальный отчет о захвате корабля: Rapport de Charles Fleury, maître du Jonas, sur la prise de son navire par Argall // Nouveaux Documents sur Champlain et son époque. Vol. I: 1560–1622 / Rec. et publiés par R. Le Blant et R. Baudry. Ottawa, 1967. P. 152–153.

[10] The Jesuit Relations and Allied Documents. Vol. IV. P. 9–11.

при этом, что его пленники якобы сами не знали об их существовании.[11]

Вскоре после этого Дэйл собрал совет, который постановил, что, поскольку на основании королевских хартий англичане имеют право на все территории Северной Америке, расположенные к югу от 46° 30′ СШ, оттуда следует изгнать всех чужестранцев. Эта задача была поручена Арголлу, все предыдущие действия которого получили единодушное одобрение вирджинской администрации, несмотря на то что район, где он действовал и собирался действовать дальше, находился вне юрисдикции Джеймстауна.

Осенью 1613 г. с двумя кораблями Арголл снова подошел к острову Маунт-Дезерт, где его люди снесли крест, поставленный французами, и на его месте водрузили свой собственный. Затем англичане остановились у острова Сент-Круа (место первого французского поселения в Акадии в 1604–1605 гг.). Поскольку поживиться там было нечем, англичане ограничились тем, что разрушили, как могли, строения, возведенные его основателями де Моном и Шампленом, и отправились дальше.[12]

1 ноября 1613 г. их корабли вошли в гавань Пор-Руайяля. В форте никого не было: возглавлявший в тот момент колонию Жан де Бьенкур (сын феодального собственника Пор-Руайяля Жана де Путренкура) с несколькими спутниками отправился к индейцам, а остальные колонисты ушли работать на поля, расположенные за фортом на берегах небольшой речки Экий. Не встретив никакого сопротивления, англичане высадились на берег, проникли в поселение, забрали там все, что представляло хоть какую-нибудь ценность, включая дверные петли и засовы, после чего подожгли его. Они скололи со стоящего рядом с фортом большого камня выбитый на нем французский герб и имена основателей колонии. После этого люди Арголла на лодках поднялись до того места, где французы собирали урожай. При виде англичан безоружные колонисты разбежались и спрятались в окрестных холмах. Захватчики уничтожили их посевы и перестреляли весь скот. Когда через несколько дней в форт вернулся Бьенкур, англичане уже собирались покидать Пор-Руайяль. Бьенкур попытался организовать сопротивление и устроить Арголлу засаду, однако тот действовал крайне осторожно. Через парламентера Бьенкур и Арголл договорились о встрече один на один, которая, однако, ни к чему не привела. Во время беседы, протекавшей весьма бурно, к ним неожиданно подошли несколько индейцев

---

[11] *Parkman F.* France and England in North America: In 2 vols. Vol. 1: Pioneers of France in the New World; The Jesuits in North America; La Salle and the Discovery of the Great West; The Old Régime in Canada. New York, 1983. P. 233.

[12] The Jesuit Relations and Allied Documents. Vol. IV. P. 35–37.

и на ломанном французском языке сказали им, что они как представители «одного бледнолицего племени» не должны враждовать, и предложили им помириться.[13]

Известие о нападении на Сен-Совёр и Пор-Руайяль вызвало поток жалоб в Лондон. По просьбе маркизы де Гершевиль адмирал Франции герцог де Монморанси 18/28 октября 1613 г. обратился к Якову I с официальным протестом по поводу действий Арголла. В этом документе говорилось, что он напал на подданных французского короля, которые совершенно законно находились «в стране Канада, называемой Новой Францией». Монморанси требовал отпустить всех французов, еще остававшихся в английском плену, а также выплатить компенсацию маркизе де Гершевиль, потерявшей на этом деле более 100 000 ливров. Кроме того, в письме упоминалось о том, что Новая Франция существует уже более 40 лет, и в связи с этим французское правительство настоятельно просило английского короля, чтобы его совет или Вирджинская компания «соблаговолили объявить и объяснить, докуда распространяются границы и пределы упомянутой страны Вирджинии».[14]

Через некоторое время английское правительство передало послу Франции Бюиссо официальный ответ, где говорилось, что Арголл действовал «по приказу губернатора нашей колонии», будучи облечен всеми необходимыми полномочиями и имея соответствующие документы. В ответе также было указано, что захваченный им корабль и поселения находились к югу от 45° СШ, т. е. на территории английской колонии. В компенсации мадам де Гершевиль было отказано.[15] Правда, позднее английская сторона согласилась отправить на родину всех французов, которые еще оставались в Вирджинии.[16] Аналогичную позицию занял и сэр Томас Эдмондс, посол Якова I при французском дворе. Он прямо заявил французам, что они претендуют на страны, которые были открыты англичанами ценой «большого труда и затрат», и что таким образом их требования противоречат «обычаям и практике всех наций».[17] Недовольная таким поворотом

[13] [*Purchas S.*]. Purchas, His Pilgrims in Fife Bookes. T. IV. London, 1625. P. 1808.

[14] Lettre du duc de Montmorency, amiral de France, au roi d'Angleterre, concernant l'attaque d'Argall // Nouveaux Documents... Vol. I. P. 305; см. также: H. de Montmorency, Admiral of France, to the King James. October 18/28, 1613 // Calendar of State Papers. Colonial Series. Vol. I: 1574–1660. London, 1860. P. 15.

[15] Nouveaux Documents... Vol. I. P. 326.

[16] *Lanctot G.* Histoire du Canada: 3 t. T. I: Des Origines au Régime Royal, 1663. Montréal, 1960. P. 100.

[17] Sir Thomas Edmondes to James I, January 2, 1613 / January 12, 1614 // The Genesis of the United States: A Narrative of the Movement in England, 1605–1616. Which Resulted in the Plantation of North America by Englishmen: In 2 vols / Ed. by A. Brown Boston; New York, 1897. Vol. I. P. 677–678.

событий мадам де Гершевиль отправила в Лондон Ля Соссэ в качестве своего личного представителя, но ему удалось добиться только возвращения «Жонаса».[18]

Позднее Арголл и его помощник Тёрнелл составили пространную записку, где доказывали справедливость своих действий по «защите нашей собственности, наших границ и территории, данной нам <...> Его Величеством за много лет до того, как французы ступили на территорию Канады».[19]

Ряд авторов полностью оправдывает действия Арголла и администрации Вирджинии. В частности, Ч. М. Эндрюс пишет, что они «были справедливы с точки зрения этики того времени и практики, принятой среди колониальных держав». С точки зрения американского историка, задача вирджинцев состояла в том, чтобы не допустить продвижения французов на территорию, пожалованную Вирджинской компании, и избавиться от всякого неприятельского присутствия поблизости. По мнению Эндрюса, «в результате его [Арголла. — *Ю. А.*] действий английские поселения в Америке были избавлены от французской угрозы более чем на полвека. После 1616 г. Вирджиния была в безопасности от агрессии со стороны как Испании, так и Франции».[20]

Эндрюс прав в том смысле, что действительно после этого в течение долгого времени Вирджиния не участвовала в межколониальных конфликтах. Однако с остальными его утверждениями нельзя полностью согласиться в силу ряда обстоятельств.

Во-первых, хотя еще с конца XVI в. побережье Мэна посещалось английскими моряками, никаких поселений англичанами там создано не было. В 1607 г. Плимутской Вирджинской компанией была предпринята попытка основать колонию в устье реки Сагадахок (колония Пофэма); однако уже в 1608 г. ее поселенцы вернулись назад. Таким образом, пользуясь излюбленным оборотом составителей английских колониальных хартий, можно сказать, что ни в каком «реальном владении» со стороны англичан эти территории не находились.

Во-вторых, можно отметить еще один любопытный момент. В конце 1600-х — начале 1610-х годов английские рыбаки и торговцы продолжали появляться у берегов Мэна. В 1611 г. два английских корабля напали на французское судно капитана Плястрие. Возмущенный этим инцидентом Бьенкур отправился к устью Сагадахока,

---

[18] *Charlevoix P. F. X., de.* Histoire et description générale de la Nouvelle France: 3 t. T. I. Paris, 1744. P. 139.

[19] См.: Nouveaux Documents... Vol. I. P. 326–328.

[20] *Andrews Ch. M.* The Colonial Period of American History: In 4 vols. Vol. I. New Haven, 1934–1936. P. 149.

полагая, что он там встретит англичан и заявит им официальный протест (Бьенкур не являлся губернатором, но имел звание «вице-адмирала Западного моря и его берегов», что давало ему право выступать в качестве представителя французских властей). Однако он обнаружил лишь покинутый форт. 28 октября 1611 г. неподалеку от него на берегу реки Бьенкур установил крест с геральдическими лилиями в знак подтверждения французских прав на эти земли.[21]

В-третьих, действия Арголла были небезупречны даже с точки зрения английских законов. Подчеркнем еще раз, что в тот момент Лондон и Париж не воевали друг с другом. Золотые времена елизаветинских «морских псов» миновали, и принцип «никакого мира за линией» начинал отходить в прошлое. Нападение на подданных дружественной державы в мирное время могло быть расценено как пиратство. Не случайно вышеупомянутый капитан Тёрнелл, который вел захваченный французский корабль в Англию, всерьез опасался, что его могут обвинить в пиратстве его же соотечественники.[22] Этого не произошло в значительной степени из-за слабости французских протестов.

В-четвертых, ни Франция, ни тем более жители ее колоний не имели никаких агрессивных намерений в отношении Вирджинии, которых следовало бы опасаться.

Поэтому, оценивая это событие, с которого собственно и начинается полоса англо-французских конфликтов в Северной Америке, мы можем отметить следующее. Конфликт произошел в районе, где пересекались направления английской и французской колониальной экспансии, и был вызван стремлением английских колонистов закрепить за собой как можно большую территорию в Северной Америке. Реакция обеих метрополий на это событие была весьма слабой. Однако Лондон в целом одобрил действия своих поселенцев, тогда как в Париже не приняли никаких практических мер для защиты французских интересов в Северной Америке. Даже протест по поводу нападения на подданных французской короны в мирное время был заявлен не по инициативе властей, а по инициативе маркизы де Гершевиль. Однако это было обусловлено вовсе не тем, что, как выразился британский историк XIX в. Дж. Дойл, «Франция была не в состоянии отомстить за зло, причиненное ее колонистам».[23] Сил и средств у Парижа было вполне достаточно. Просто погрязшему

---

[21] The Jesuit Relations and Allied Documents. Vol. II. P. 30–34, 46. См. также: *Trudel M.* Histoire de la Nouvelle France: 3 t. T. II: Le Comptoir, 1604–1627. Montréal; Paris, 1966. P. 108.

[22] *Parkman F.* Op. cit. Vol. 1. P. 238.

[23] *Doyle J. A.* The English in America: Virginia, Maryland and the Carolinas. London, 1882. P. 199

в интригах двору Марии Медичи была в общем безразлична судьба крошечной французской миссии в далекой стране, которая с его точки зрения явно не стоила того, чтобы из-за нее осложнять отношения с Англией.

По поводу всей истории с рейдами Арголла против Акадии Ф.-К. Гарно писал: «Это бедствие имело гибельные последствия и для отдаленной и слабой колонии Французской бухты [залива Фанди, т. е. Акадии. — *Ю. А.*], и для всего королевства. Интриги и насилие, которые при Марии Медичи и ее министре Кончини пришли на смену примирительной политике покойного короля, докатились даже до бедных хижин Пор-Руайяля и вторично разрушили их».[24] Можно понять чувства патриарха франко-канадской национальной историографии, однако нам следует отметить еще один момент. Позиция, занятая правительством Марии Медичи, напрямую вытекала из Доктрины двух сфер, которой оно руководствовалось.

В то же время такая пассивность французского правительства, без сомнения, не осталась не замеченной англичанами и в значительной степени способствовала росту их агрессивных намерений. Тем более, что уже на этом этапе жители английских колоний заявили о себе как об активной и самостоятельной силе.

В дальнейшем, во второй половине 10-х — первой половине 20-х годов XVII в. англичане и французы в Северной Америке практически не соприкасались друг с другом. В значительной степени это было связано со спадом французской колониальной активности в Северной Америке, в особенности, в Атлантическом регионе, т. е. в зоне, где пересекались интересы двух колониальных держав.

В эти годы североамериканские сюжеты попадали в орбиту англо-французских отношений лишь эпизодически. В 1623 г. у берегов Акадии побывала экспедиция, отправленная сэром Уильямом Александером, шотландским аристократом, который в 1621 г. стал феодальным собственником территорий, расположенных к северу от Новой Англии (между рекой Сент-Круа, океаном и заливом и рекой Св. Лаврентия, т. е., по сути, той же Акадии), пожалованных ему под названием Новая Шотландия. В связи с этим в 1624 г. французский посол в Лондоне граф де Тийер заявил о том, что англичане, таким образом, нарушают права собственника Акадии Бьенкура (последний унаследовал Пор-Руайяль и прилегающие к нему территории после гибели своего отца в 1615 г.), и потребовал, чтобы Яков I запретил своим подданным тревожить французских поселенцев.[25]

---

[24] *Garneau F.-X.* Histoire du Canada: 2 t. 5-e éd. T. I. Paris, 1913. P. 65.

[25] Memorial of Count de Tillières, French Ambassador in England to [Sec. Conway]. (? April) 1624 // Calendar of State Papers. Colonial Series. Vol. I. P. 60.

В ответ англичане выразили удивление и заметили, что все территории в Северной Америке, расположенные между 40° и 48° СШ, принадлежат им в силу открытия Кабота, патентов Гилберта и Рэли и хартий Якова I, тогда как французы являются собственниками территорий, открытых Картье и Шампленом. Отрицая права Бьенкура, англичане в то же время заявили, что «были бы рады» провести с ним переговоры.[26] Сразу же отметим противоречие, содержавшееся в ответе английской стороны, где не учитывалось, что бóльшая часть открытой Картье и осваиваемой французами долины реки Св. Лаврентия, расположена к югу от 48-й параллели.

Данные демарши не получили дальнейшего продолжения. Североамериканский континент на несколько лет выпал из поля зрения английских и французских политиков и дипломатов. Однако полемика по вопросу о правах двух держав на те или иные территории в Северной Америке была продолжена их подданными, более заинтересованными в данных сюжетах, чем их правители. Так, один из основателей Квебека «отец Новой Франции» С. де Шамплен (рис. 5), который в первой трети XVII в., несомненно, был самым сведущим в колониальных делах человеком во Франции, в своей «Третьей книге о путешествиях» писал, что англичане на основании хартий Вирджинии не могут претендовать на земли вплоть до 45° СШ, так как там есть оговорка о том, что эти земли не должны находиться во владении какого-либо христианского государя, а «во время издания этих писем [т. е. хартий. — *Ю. А.*] король Франции на самом деле реально владел территорией по крайней мере до 40° СШ <...> и об этом знали все <...> Так почему же они [англичане. — *Ю. А.*], находясь на 36-й или на 37-й [параллели] должны продвигаться до 45-й, а не мы, будучи, как они признают, на 46-й, не спустимся до 37-й».[27]

Рис. 5. Самюэль де Шамплен

Действительно земли, расположенные между 40° и 46° СШ с 1603 г., входили в состав владений де Мона, а в 1604–1605 гг. сам

[26] Answer to the Memorial of Mons. de Tillières (? April) // Ibid. Vol. I. P. 61.

[27] *Champlain S. de* Œuvres de Champlain: 3 t. / Présenté par G.-E. Giguère. T. III. Montréal, 1973. P. 324–325.

Шамплен подробно исследовал и нанес на карту все Атлантическое побережье США от границы с Канадой до мыса Код.[28] Однако, поскольку французы по разным причинам не закрепились к югу от Нью-Брансуика, все заявления Шамплена имели лишь историческое значение.

Англо-французская война 1627–1629 гг. и Северная Америка

В 1627 г. между Англией и Францией началась война, которую часто называют «Гугенотской», так как она была связана с осадой Ля-Рошели и политикой, проводившейся кардиналом Ришелье по отношению к французским протестантам. Инициатива разрыва исходила от Англии, а, точнее, от герцога Бэкингема, влияние которого на Карла I в этот период достигло своего апогея. Наоборот, Ришелье (это признают и английские историки) стремился как можно дольше сохранять мир с Англией.[29]

В научной литературе можно встретить различные варианты ответа на вопрос, почему герцог стремился к этой войне. С одной стороны, отмечается его недовольство тем, что французское правительство не позволило армии Мансфельда высадиться в Кале и двинуться на выручку Палатината через свою территорию. Безусловно, важную роль играло и объективное стремление оказать поддержку своим единоверцам (хотя те и не просили его о помощи), а также опасение наметившегося в то время франко-испанского сближения. С другой стороны, ряд исследователей отмечает, что англо-французская война 1627–1629 гг. была вызвана не только объективными, но и субъективными причинами, включая историю с ухаживанием Бэкингема за Анной Австрийской во время его пребывания в Париже в 1625 г. и попытки герцога наладить контакты с противниками Ришелье.[30] При этом некоторые английские авторы честно признают, что с точки зрения здравого смысла «сложно объяснить, почему Бэкингем хотел вести войну с Францией».[31]

В то же время уже упоминавшийся нами американский историк М. Сейвелл обращает внимание на то, что одной из причин войны 1627–1629 гг. была амбициозная колониальная политика, кото-

[28] См., напр.: *Bishop M.* Champlain: The Life of Fortitude. Toronto, 1964.

[29] См.: *Watson D. R.* The Life and Times of Charles I. London; Prescot, 1972. P. 48.

[30] См.: *Davies G.* The Early Stuarts, 1603–1660: 2nd ed. Oxford, 1959. P. 64–65; *Brice K.* The Early Stuarts, 1603–1640. London, 1994. P. 51; *Bowle J.* Charles I: A Biography. Boston; Toronto, 1975. P. 102.

[31] *Carton Ch.* Charles I: The Personal Monarch. London; Boston; Melbourne; Henley, 1983. P. 91.

рую как раз в это время провозгласил Ришелье и которая «вызвала тревогу и ревность в Англии». Исследователь полагает, что эта война была «коммерческой и колониальной, так же как и религиозной».[32]

Не вдаваясь в полемику по вопросу о соотношении субъективных и объективных причин в происхождении данной войны, посмотрим, как в конце 20-х годов XVII в. англичане и французы вели себя по отношению друг к другу в интересующем нас регионе, как это отражалось на отношениях Лондона и Парижа, и проверим, насколько был прав М. Сейвелл.

Объявив войну Франции, правительство Карла I сразу же начало активно раздавать своим подданным каперские патенты, дающие легальную возможность нападать на французские корабли в любых точках земного шара. Один из таких патентов получил лондонский судовладелец Джарвис Кёрк, решивший организовать экспедицию для захвата французских постов в Акадии и на реке Св. Лаврентия. Кёрк, который долго жил в Дьеппе и поддерживал контакты со многими французскими коммерсантами, был хорошо осведомлен о положении дел в североамериканских владениях Франции и надеялся легко достичь своих целей.

Рис. 6. Дэвид Кёрк

Вместе с несколькими компаньонами он снарядил три небольших судна, которые летом 1628 г. появились в устье реки Св. Лаврентия. Разграбив и предав огню факторию на мысе Турмант и захватив корабль с провиантом, направлявшийся к Квебеку, они подошли к «столице» Новой Франции. Узнав о приближении неприятеля, возглавлявший колонию Шамплен срочно мобилизовал всех поселенцев на оборонные работы, рассчитывая, правда, скорее на внешний эффект этого мероприятия. Командир английской эскадры Дэвид Кёрк (сын Джарвиса) (рис. 6) предложил французам сдаться, утверждая, что «с Божьей помощью рано или поздно» он все равно захватит поселение. Однако, несмотря на угрозы и браваду Кёрка, утверждавшего, что его эскадра состоит из 18 кораблей, Шамплен ответил гордым отказом.[33]

Твердость лидера французской колонии, а также естественная неприступность Квебека несколько охладили пыл английских капе-

---

[32] *Savelle M.* The Origins of American Diplomacy: The International History of Angloamerica, 1492–1763. New York; London, 1967. P. 43.

[33] *Champlain S., de.* Op. cit. Vol. III. P. 1159–1163

ров. Кёрк не решился пойти на приступ, а предпочел брать форт измором, прекрасно понимая, что Шамплен и его люди полностью зависят от поставок продовольствия, боеприпасов и других предметов первой необходимости из Франции.

Весной 1628 г. Компания Новой Франции (Компания ста участников), незадолго до этого ставшая феодальным собственником всех североамериканских владений Парижа, снарядила четыре корабля, которые должны были доставить в долину реки Св. Лаврентия 400 колонистов, а также большое количество разного рода товаров. Командующим этой флотилией был назначен один из участников компании Клод де Рокемон. 8 мая 1628 г. его суда покинули Францию и уже в начале июня достигли залива Св. Лаврентия, где их поджидал Кёрк, имевший к тому моменту в своем распоряжении пять хорошо вооруженных кораблей. 18 июня англичане напали на тяжело нагруженные транспорты Рокемона, который после десятичасовой артиллерийской дуэли согласился спустить флаг при условии, что он и все его люди будут отпущены назад во Францию. Понимая, что теперь Шамплен до следующей весны не получит никакой помощи из метрополии, Кёрк решил вернуться домой.

Известие о капитуляции Рокемона вызвало глубокое разочарование членов Компании Новой Франции и ярость короля и королевского совета. Кёрки был публично объявлены врагами королевства и заочно приговорены к смертной казни. В Париже на Гревской площади были сожжены их чучела.[34] Однако ни поглощенное европейскими проблемами правительство, ни потерявшая значительную часть своего имущества компания не смогли в тот момент предпринять никаких решительных шагов для того, чтобы помочь Шамплену и его людям, находившимся в критическом положении, и защитить колонию от повторного нападения.

Зимой 1628–1629 гг. Кёрки готовили новую экспедицию против Квебека. Кроме того, они установили контакт с вышеупомянутым феодальным собственником Новой Шотландии сэром Уильямом Александером, который после долгих проволочек весной 1628 г. отправил в свои владения первую партию колонистов, основавших на месте покинутого к тому времени французами Пор-Руайяля поселение, названное ими Чарлзфорт. Поначалу Александер расценил действия Кёрков как нарушение своих прав и обратился с жалобой к королю. Однако, получив официальный ответ, что они действовали с разрешения монарха и от его имени, решил не вступать с ними в конфликт, а, наоборот, заручиться их поддержкой.

---

[34] *Kirke H.* The First English Conquest of Canada with Some Account of the Earliest Settlements in Nova Scotia and Newfoundland. London, 1871. P. 66–67.

Александер совместно с Керками и несколькими другими коммерсантами организовал Шотландско-Английскую компанию для торговли на реке и в заливе Св. Лаврентия (Scottish and English Company for trade in St. Lawrence). 4 февраля 1629 г. новоиспеченная компания получила королевскую хартию, предоставлявшую ей монополию на торговлю с Канадой, право захватывать французские и испанские корабли, уничтожать вражеские форты, а также «основать колонию в пределах упомянутого залива и реки [Св. Лаврентия. — *Ю. А.*]».[35]

Весной 1629 г. к берегам Акадии и Канады отправилось сразу несколько английских экспедиций. Одна, под руководством сына Уильяма Александера Уильяма Александера младшего, взяла курс на Чарлзфорт. Другая, состоявшая из восьми судов, которыми командовали Дэвид Кёрк и его дядья Томас и Луис, двинулась в залив Св. Лаврентия. Вместе с Кёрками к берегам Северной Америки шли еще два корабля и транспорт, на которых находились колонисты, набранные Джеймсом Стюартом-оф-Киллейтом, пятым лордом Очилтри, разорившимся аристократом, который решил основать (по соглашению с другим феодальным собственником этих мест Робертом Гордоном-оф-Лочинваром) свою собственную колонию на острове Кейп-Бретон.

Сразу же отметим один очень важный момент. 24 апреля 1629 г. Англия и Франция заключили между собой перемирие в Сузе, прекратившее состояние войны между ними. Флотилия Кёрков покинула Англию 5 апреля, и, следовательно, им не было известно о прекращении боевых действий. Однако ряд авторов полагает, что Кёрки вполне могли узнать об этом от рыбаков в заливе Св. Лаврентия, куда они прибыли во второй половине июня и где они оставались до середины июля, занимаясь торговлей с индейцами, прежде чем Льюис и Томас Кёрк направились к Квебеку.[36]

19 июля 1629 г. Шамплен получил письмо, где ему предлагалась почетная капитуляция. Не получив никаких подкреплений из Франции, не имея ни пороха, ни продовольствия, он после совета со своими помощниками решил согласиться на английские условия и 20 июля сдал форт Льюису Кёрку. По условиям капитуляции все находившиеся в Квебеке французы должны были быть доставлены во Францию вместе с определенной частью своего имущества (рис. 7).[37]

---

[35] Commission to Sir William Alexander and Others. February 4, 1629 // Royal Letters, Charters, and Tracts, Relating to the Colonization of New Scotland and the Institution of the Order of Knight Baronets of New Scotland, 1621–1638 / Ed. by D. Laing. Edinbourgh, 1867. P. 47.

[36] См., напр.: *Armstrong J. W. C.* Champlain. Toronto, 1987. P. 245.

[37] Условия капитуляции см.: *Champlain S., de.* Op. cit. Vol. III. P. 1224–1227.

Рис. 7. Шамплен покидает Квебек, 1629 г.

В начале июля лорд Очилтри со своими людьми на острове Кейп-Бретон соорудил форт Розмер (он находился в бухте Пор-о-Бален, расположенной неподалеку от Авр-оз'Англе, где в следующем веке был построен Луисбур). Считая весь остров законным владением британской короны, Очилтри повел активную борьбу с «нарушителями» границ английских владений и стал захватывать французские рыболовные суда.

Таким образом, к середине лета 1629 г. англичане практически полностью вытеснили французов из Акадии и Канады. В заливе Св. Лаврентия Кёрки захватили множество французских рыболовных судов, а также направлявшийся в Квебеку корабль Эмери де Каэна, одного из руководителей Компании Монморанси (предшественницы Компании Новой Франции). В руках французов оставалась лишь крохотная фактория на мысе Нэгр, в которой находился фактический собственник и правитель французской Акадии Шарль де Ля Тур со своими немногочисленными соратниками. Однако он к тому времени уже вступил в контакт с шотландцами из Чарлзфорта,

а осенью заключил официальное соглашение с Александером младшим.[38]

Нельзя сказать, что во Франции в тот момент полностью забыли о Северной Америке. Весной 1629 г. Компания ста участников снарядила четыре транспорта, которые должны были доставить Шамплену столь необходимые ему боеприпасы и продовольствие. Еще одно небольшое судно было снаряжено иезуитами. Помня о поражении Рокемона, Ришелье отдал приказ командору Изаагу де Разийи с шестью военными кораблями сопровождать суда компании. Однако к тому моменту, когда флотилия была готова выйти в море, война с Англией официально закончилась, и эскадру Разийи было решено перебросить к побережью Марокко.[39] Корабли компании потратили почти полтора месяца, безрезультатно ожидая ее прибытия, и снялись с якоря только 26 июня. В августе они достигли берегов Северной Америки, где попали в сильнейший шторм и потеряли друг друга из виду.

Два корабля добрались до залива Св. Лаврентия, где командовавший ими капитан Жубер, узнав от рыбаков о капитуляции Квебека, решил возвращаться назад. Судно иезуитов 24 августа потерпело крушение у берегов Акадии, при этом часть экипажа погибла. Корабль капитана Шарля Даньеля направился к восточному берегу острова Кейп-Бретон (судьба еще одного корабля неизвестна) и остановился в большой бухте Сент-Анн. От встреченных им рыбаков, индейцев и своих собственных разведчиков Даньель узнал, что неподалеку находится форт, построенный людьми лорда Очилтри. Хотя Даньелю было известно о мире с Англией, он решил в отместку за действия Кёрков напасть на этот форт. В своем донесении он писал: «Полагая своим долгом помешать сему милорду продолжать узурпировать страну, принадлежащую королю моему сюзерену [я] приказал приготовиться 53 вооруженным людям с осадными лестницами, чтобы атаковать этот шотландский форт».[40] 18 сентября Даньель стремительной атакой захватил и разрушил Розмар, взяв в плен Очилтри и бо́льшую часть его гарнизона. Французы переправили своих пленников в бухту Сент-Анн, где было построено небольшое укрепление (форт Сент-Анн). Оставив там гарнизон и большое

---

[38] Существуют различные точки зрения насчет действий Ля Тура в конце 1620-х — начале 1630-х годов; см., напр.: *Lauvrière E.* La tragédie d'un peuple: histoire du peuple acadien de ses origines à nos jours: 2 t. Paris, 1922–1923; *Couillard-Després A.* Charles de Saint-Etienne de La Tour Gouverneur, lieutenant-général en Acadie et son temps, 1593–1666. Arthabaska, 1930.

[39] *Mounier R.* L'homme en rouge ou la vie du cardinal de Richelieu (1585–1642). Paris, 1992. P. 330.

[40] Relation du Voyage fait par le Capitaine Daniel de Dieppe, en la Nouvelle France, la présente année 1629 // *Champlain S., de.* Op. cit. Vol. III. P. 1282.

количество боеприпасов, оружия и снаряжения, Даньель 5 ноября отправился во Францию. Он доставил туда Очилтри, который сразу же обратился к правительству Франции и Адмиралтейству Дьеппа с жалобой на «варварские и вероломные» действия Даньеля, требуя компенсации в 20 тыс. фунтов.[41] В итоге Очилтри отпустили восвояси, однако все его протесты оставили без внимания.[42]

Тем временем еще в конце октября в Англию вернулись корабли Кёрков. Вместе с ними туда же прибыл и Шамплен. Он немедленно обратился к находившемуся в Лондоне чрезвычайному послу Франции Шатонёфу, убеждая его в необходимости добиваться возвращения Канады и Акадии. Шамплен передал послу все имевшиеся у него документы (отчеты о своих путешествиях, записки и т. п.), а также карту, чтобы «заставить англичан увидеть открытия и владения, которые французы приобрели в <...> Новой Франции раньше, чем англичане».[43]

В декабре Шамплен получил возможность вернуться во Францию. Там он развил активную деятельность, убеждая правительство и членов Компании ста участников ни в коем случае не отказываться от североамериканских владений. С ним были согласны не все. Когда вопрос о возвращении Канады и Акадии обсуждался в королевском совете, часть его членов высказалась против этого, утверждая, что, потеряв «эти скалы», Франция не понесет больших убытков, так как из-за холодного климата и огромных размеров североамериканские владения все равно невозможно заселить, не ослабляя королевство. При этом в качестве примера приводились Испания и Португалия, лишившиеся в ходе колонизации Нового Света значительной части своего населения. В то же время их оппоненты утверждали, что Канада — это страна со здоровым климатом и плодородными землями; что для ее освоения на первых порах будет достаточно небольшого количества колонистов; что промысел трески у ее берегов уже сам по себе способен обогатить королевство, а, кроме того, является отличной школой для французских моряков; что прекрасные канадские леса могут обеспечить необходимыми материалами все французские верфи; и, самое главное, что, только закрепившись в Канаде, Франция не даст англичанам чрезмерно усилиться в Северной Америке.[44] В конце концов, французское правительство все же

[41] См.: [Lord Ochiltree's Information] // Royal Letters, Charters, and Tracts, Relating to the Colonization of New Scotland... P. 54–55.

[42] См.: *Le Jeune L.-M.* Dictionnaire général de biographie, histoire, littérature, agriculture, commerce industrie et des arts, sciences, mœurs, coutumes, institutions politiques et religieuses du Canada: 2 t. T. II. Ottawa, 1932. P. 376.

[43] *Champlain S., de.* Op. cit. P. 1279.

[44] *Charlevoix P. F. X., de.* Op. cit. T. I. P. 173–174.

решило добиваться возвращения своих североамериканских владений. Помимо вышеприведенных доводов свою роль здесь сыграли колониальные прожекты Ришелье, которые активно поддерживали Шамплен и родственник кардинала, член Компании Новой Франции Изааг де Разийи, а также то обстоятельство, что после вероломных, с точки зрения французов, действий Кёрков для Людовика XIII возвращение Канады стало вопросом чести.

В тексте соглашения в Сузе не содержалось никаких упоминаний о колониях, однако там говорилось о том, что все «призы», захваченные после заключения перемирия, должны быть возвращены в течение двух месяцев.[45] Французская сторона понимала под этим словом не только корабли и товары, но и колонии. В таком духе были составлены инструкции кардинала французским дипломатическим представителям в Лондоне, где говорилось о том, что необходимо «требовать возвращения Канады и всех товаров и кораблей, захваченных у французов с момента заключения мира».[46]

Исходя из этого, Шатонёф, а затем сменивший его в феврале 1630 г. ординарный посол маркиз Фонтене-Марёй требовали вернуть Франции Квебек и посты в Акадии (о том, что Даньель уже выбил шотландцев с Кейп-Бретона, в Европе еще не было известно). В первые месяцы 1630 г. английскому правительству было направлено пять меморандумов, касающихся Северной Америки.[47]

Карл I и его министры в целом не возражали против возвращения Квебека. В беседе с Шатонёфом государственный секретарь виконт Дорчестер признал, что Кёрки захватили этот пост после подписания перемирия. В то же время англичане заняли довольно жесткую позицию в отношении Акадии, утверждая, что, поскольку в момент появления людей Александеров и Очилтри ни в Пор-Руайяле, ни на Кейп-Бретоне французов не было, ни о каком захвате, а следовательно, и возвращении не может быть и речи.[48] В начале 1630 г. король неоднократно получал заверения от шотландских властей, что колонизация Новой Шотландии вполне законна.[49]

Однако затем король изменил свою позицию. Это было связано с тем, что в ходе англо-французских переговоров всплыл очень

---

[45]Текст перемирия в Сузе см.: European Treaties Bearing on the History of the United States and its Dependencies: In 4 vols // Ed. by F. G. Davenport. Vol. I. Washington, 1917– 1937. P. 300–304.

[46]Цит. по: *Dionne N.-E.* Samuel Champlain, fondateur du Québec et père de la Nouvelle France: 2 t. T. II. Québec, 1891–1906. P. 214.

[47]*Champlain S., de.* Op. cit. Vol. III. P. 1280.

[48]*Trudel M.* Histoire de la Nouvelle France: 3 t. T. III. La seigneurie des Cent-Associés, 1627–1663. Pt. 1. Les événements. Montréal, 1979. P. 46.

[49]См., напр.: *Reid J. G.* Acadia, Maine and New Scotland: Marginal Colonies in the Seventeenth Century. Toronto; Buffalo; London, 1981. P. 38.

важный лично для Карла I вопрос о приданом королевы Генриэтты, половина которого (400 тысяч ливров) оставалась невыплаченной. Король Англии в то время находился в весьма затруднительном положении (в 1629 г. он распустил парламент, призвавший население не платить налогов). Карл I, безусловно, не слишком беспокоился о судьбе шотландских поселенцев в Чарзфорте, и справедливости английских притязаний на Североамериканский континент. Просто он, с одной стороны, не хотел осложнять отношений с влиятельным аристократом Александером, а с другой — сильно нуждался в деньгах и стремился извлечь из переговоров с французами максимальную выгоду лично для себя. Именно этими обстоятельствами можно объяснить дальнейшие шаги короля.

В феврале 1630 г. Карл I заявил, что он намерен вернуть Канаду и Акадию французам.[50] Узнав об этом, Государственный совет Шотландии обратился к королю с призывом не уступать Новую Шотландию. По словам его членов, это лишь нанесло бы ущерб чести короля, репутации его родного королевства и благу его подданных, заинтересованных в этом деле.[51] Правительству в очередной раз была направлена записка, где перечислялись английские открытия в Северной Америке, и особо подчеркивалось, что притязания англичан были признаны Ля Туром. В итоге делался вывод о том, что «права короля на Новую Шотландию основываются на [фактах] открытия, обладания оной его подданными, изгнания оттуда французов и переходе [к нему] владения Ля Тура».[52]

В этой ситуации Карл I повел себя по отношению к Александерам, Кёркам и их компаньонам так, будто ничего не произошло, и даже начал обсуждать с ними вопрос о дальнейшем расширении Шотландско-Английской компании.[53] Он также написал письмо Александеру младшему, где благодарил его за труды.[54]

В начале 1630 г. англо-французские переговоры по поводу заморских сюжетов были прерваны, и еще целый год вопрос о судьбе североамериканских владений Парижа оставался открытым. Англичане продолжали удерживать Канаду и Акадию. Шотландско-Английская компания получала крупные барыши от торговли пуш-

---

[50] Answer for Five Several Memorials Presented by the French Ambassador to the Lords Committees for Foreign Affairs. Feb. 1, 1630 // Calendar of State Papers. Colonial Series. Vol. I: 1574–1660. P. 107.

[51] The Council of Scotland to the King. Sept. 9, 1630. Holyrood House // Ibid. Vol. I. P. 119–120.

[52] Reasons Alleged by the Scottish Adventurers in Defence of King's Right and Title to Port Royal and the whole of Canada e&. Sept. 9, 1630. Holyrood House // Ibid. Vol. I. P. 120.

[53] *Le Jeune L.-M.* Op. cit. T. I. P. 47.

[54] *Reid J. G.* Op. cit. P. 37–38.

ниной. Правда, Компания ста участников летом 1630 г. отправила несколько своих судов для промысла в заливе Св. Лаврентия, а также послала подкрепления Шарлю Ля Туру в Акадию, не зная о его измене.

Такая ситуация была в значительной степени связана с тем, что после заключения договора в Сузе, как отмечает Ч. Картон, англо-французские отношения в целом «оставались странными». Обмениваясь любезными письмами, стороны затягивали выполнение своих обязательств.[55] В то же время важно отметить, что французские политики не рассматривали вопроса о колониях отдельно от других спорных проблем, а также не разделяли проблему возвращения Квебека и постов в Акадии–Новой Шотландии. В конце 1630 г. Шатонёф, занявший к тому времени пост канцлера, заявил, что «вопрос о Пор-Руайяле неотделим от других вопросов».[56]

Контакты между английскими и французскими дипломатами возобновились в январе 1631 г.[57] К началу лета обе стороны были готовы пойти на сделку и обменять Квебек и Пор-Руайяль на оставшуюся часть приданого. 12 июня 1631 г. английский король подтвердил это в письме своему официальному представителю при дворе Людовика XIII сэру Айзеку Уэйку.[58] Под давлением Карла I акт на передачу Пор-Руайяля 4 июля 1631 г. был скреплен большой печатью Шотландии. При этом, приказывая Александеру эвакуировать колонию, король отмечал, что необходимо разрушить все возведенные там постройки и оставить страну «полностью пустынной и незаселенной», какой она была до прибытия туда шотландцев.[59]

Поскольку подданные Карла I не спешили выполнять его приказы, Ришелье решил прибегнуть к демонстрации силы. Он отдал приказ Изаагу де Разийи и Раймону де Ля Ральду принять командование двумя эскадрами и изгнать англичан из французских владений. Разийи должен был направиться в Акадию, де Ля Ральд — в Квебек. Под воздействием военных приготовлений французов, а в еще большей степени под воздействием все острее ощущавшихся финансовых затруднений Карл I наконец пошел на заключение мирного договора, который был подписан 29 марта 1632 г. в Сен-Жермен-ан-Лэ. Согласно этому документу «Его Наихристианнейшему Величеству» возвращались «все земли, занятые англичанами в Новой Франции,

[55] *Carton Ch.* Op. cit. P. 172.

[56] Цит. по: *Reid J. G.* Op. cit. P. 38.

[57] См.: *Flassan de.* Histoire générale et raisonnée de la diplomatie française: 4 t. 2-e éd. T. III. Paris, 1811. P. 5.

[58] Charles I to Sir Isaak Wake, 12 June, 1631 // Report on Canadian Archives for 1884. Ottawa, 1884. P. LX.

[59] Charles I to Sir William Alexander (1631) // Rapport sur les archives publiques du Canada pour l'année 1912. Ottawa, 1912. P. 47–50.

Акадии и Канаде» в том состоянии, в каком они находились на момент появления там англичан. Передача территорий должна была состояться не позднее лета. Кроме того, в договоре было оговорено, что все корабли и товары, захваченные после заключения перемирия, также будут возвращены своим прежним владельцам, либо те получат за них компенсацию.[60] Однако в договоре не содержалось абсолютно никаких упоминаний о границах передаваемых владений, а также о правах той или иной державы на какие-либо территории в Новом Свете!

12 июня 1632 г. Карл I отдал окончательное распоряжение о передаче Квебека, Чарзфорта и всех остальных постов в Акадии и Канаде французам, «как захваченных силой оружия после заключения мира».[61] Александеру, Кёркам и их компаньонам пришлось подчиниться. Правда, Александер написал королю письмо, где просил его пересмотреть условия договора с Францией, заявляя, что возвращение Новой Шотландии и других территорий в Северной Америке будет означать наличие постоянной опасности для англичан на этом континенте.[62]

Таким образом, Франция смогла дипломатическим путем добиться от английского правительства возвращения колоний, захваченных его подданными во время войны. Безусловно, это было связано с ситуацией, сложившейся в Европе. Англичане не смогли помешать взятию Ля-Рошели, а дальнейшее продолжение войны с Францией, при том, что Лондон в то время находился в состоянии войны с Испанией, представлялось бесперспективным и опасным, особенно если учесть непростую ситуацию, складывавшуюся в самой Англии.

Однако нам следует подчеркнуть, что, объявляя войну, правительство Карла I вовсе не ставило перед собой задачи нанести удар по французским позициям в Америке. Захват Канады Кёрками оказался для него полной неожиданностью, которая осложнила переговоры с французами, хотя в итоге позволила английскому королю извлечь определенную выгоду и поправить свое финансовое положение. Колебания, имевшие место в 1630–1632 гг., были вызваны тем, что Карл I стремился «сохранить лицо» перед своими подданными, которые были действительно заинтересованы в удержании французских владений. Впрочем, эту заинтересованность также не следует

---

[60] Текст договора см.: European Treaties... Vol. I. P. 315–323.

[61] The King to Sir William Alexander, Robert Charton, and William Berkeley, Commissioners for Canada. June 12, 1632. Greenwich // Calendar of State Papers. Colonial Series. Vol. I. P. 151.

[62] См.: Minute [by Sir Wil. Alexander] of Some Points Considerable for the King's Service, with Respect to the Possession of New Scotland by the French at This Time. [June 16] 1632 // Ibid. Vol. 1. P. 152.

преувеличивать. На наш взгляд, Ч. М. Эндрюс явно сгущает краски, когда пишет, что «Карл I сделал больше, чем просто пожертвовал Пор-Руайялем и Квебеком. Своей сделкой с Ришелье, которая встретила сильную оппозицию в Англии, он нарушил волю своей нации, негодовавшей из-за того, что он пренебрег тем, что она считала истинными интересами Англии и таким образом отдалил тех людей, которым было суждено стать лидерами парламентской партии в борьбе, которая должна была начаться. Договор в Сен-Жермен-ан-Лэ, который положил конец амбициозным планам Александера, усилил позиции Франции на земле Америки так, что они не могли быть сокрушены в течение 130 лет. Подписание этого договора было больше, чем просто актом нелояльности по отношению к его шотландским подданным <...> Это было свидетельство неспособности Карла как Короля Англии понять колонизаторские устремления английского народа, для которого основание колоний в Новом Свете уже становилось одним из главных интересов в его развивающейся национальной жизни».[63]

Вряд ли корректно выводить происхождение Английской революции из уступок, сделанных Карлом I при подписании договора в Сен-Жермен-ан-Лэ, как это, по сути, делает Эндрюс. Безусловно, можно понять горечь англосаксонских авторов по поводу того, что король легко отдал французам «колонии, которые более века спустя Англия снова была вынуждена завоевывать с необъятными расходами денег и сил».[64] Однако нам представляется более взвешенной точка зрения Э. П. Ньютона, который, говоря о передаче французам Квебека и Пор-Руайяля в 1632 г., отметил, что «со стороны широких слоев общества» было проявлено «мало заинтересованности» к этому событию; «лишь Кёрки и их компаньоны громко возмущались несправедливостью». Как пишет Ньютон, «на самом деле для Англии было невозможно сохранить свои завоевания без опасности нового разрыва с Францией, которого Карл ни в коем случае не желал. Плохо продуманная и плохо проводимая внешняя политика поставила Англию в худшую позицию, в которой она была вынуждена столкнуться с соперничеством других колониальных держав».[65] Действительно, возвращение Канады французам не вызвало сколько-нибудь серьезной отрицательной реакции в Англии. Здесь на периферий-

[63] *Andrews Ch. M.* Op. cit. Vol. I. P. 319.

[64] *Kirke H.* Op. cit. P. 84. Почти то же самое по этому поводу писал Ф. Паркмен, упрекавший Карла I в том, что тот «за мизерную сумму <...> обеспечил Великобритании и ее колониям век кровопролитных войн» (см.: *Parkman F.* Op. cit. Vol. I. P. 323).

[65] The Cambridge History of the British Empire: In 6 vols. Vol. I. Cambridge, 1929. P. 155.

ном направлении колониальной экспансии решающее слово принадлежало правительству, которое легко принесло интересы небольшой группы колонизаторов в жертву своим собственным интересам.

Исходя из этого, нам представляется, что считать англо-французскую войну 1627–1629 гг. «коммерческой и колониальной», как это делает М. Сейвелл, все же нельзя. Эта война была вызвана сугубо европейскими и к тому же весьма субъективными причинами. Коммерческие и колониальные проблемы были привнесены в нее в определенной степени случайно, став для Карла I неожиданной помехой, а никак не важным достижением. То же самое можно сказать и о французской стороне.

В то же время следует отметить, что договор в Сен-Жермен-ан-Лэ был первым англо-французским соглашением, где затрагивались не только европейские, но и североамериканские сюжеты, причем, что особенно важно, последние рассматривались наравне с первыми. Кроме того, вернув французам их заокеанские владения, англичане или, по крайней мере, английское правительство, тем самым официально признало за Францией (насколько искренне — это другой вопрос) права на земли Атлантической Канады и долины реки Св. Лаврентия. Это было сделано, не взирая на то, что значительная часть этих территорий формально (в соответствии с положениями ряда хартий и патентов) входила в состав английских колоний и/или фигурировала среди территорий, на которые англичане претендовали по праву открытия.

* * *

Несмотря на то что события, рассмотренные нами в данном разделе, были достаточно слабо связаны друг с другом и происходили на фоне принципиально различной ситуации в англо-французских отношениях, они, несомненно, имеют ряд общих черт. В обоих случаях (рейд Арголла и нападение Кёрков) в качестве агрессора выступали подданные английского короля. Также в обоих случаях это были предприятия частных лиц, которые действовали, опираясь на более или менее явную поддержку представителей официальных властей различных уровней (или просто выполняли их приказы). При этом само лондонское правительство независимо от того, было ли оно изначально в курсе ситуации или нет, всегда вставало на защиту своих подданных, оправдывая их действия, но при этом не желало идти дальше дипломатических демаршей и заботилось прежде всего о своей собственной выгоде.

Французская исследовательница Э. Марьентра́ отметила, что «во время этих первых столкновений с французскими поселенцами интересы колонистов [английских. — *Ю. А.*] и лондонских торговцев

совпадали».[66] На наш взгляд, данное утверждение требует одного очень существенного уточнения — определенная заинтересованность в борьбе против французского присутствия на Североамериканском континенте имелась в то время лишь у небольшой группы английских купцов и судовладельцев и у нескольких представителей еще только формирующейся колониальной верхушки.

Французские колонисты, подвергшиеся внезапному нападению противника, располагавшего превосходящими силами, в обоих случаях не могли оказать серьезного сопротивления (правда, следует помнить, что помимо всего прочего французские поселения действительно были еще очень слабы). Позиция же официального Парижа по отношению к действиям Арголла весьма существенно отличалась от той, которую он занял в деле с Кёрками. Если в первом случае французское правительство действовало весьма вяло, демонстрируя очень слабую заинтересованность в защите своих подданных и их интересов в Акадии (о своих интересах, оно, видимо, вообще не задумывалось), то во втором, — наоборот, проявило большую активность, добившись за столом переговоров возвращения того, что было потеряно в ходе военных действий, руководствуясь при этом не столько интересами подданных, сколько собственными политическими расчетами и соображениями престижа. Такое различие было непосредственно связано с особенностями развития французского абсолютизма и спецификой его колониальной политики, которые мы уже отмечали в первом разделе (и более подробно рассматривали в других работах[67]). Можно сказать, что именно это различие в позиции французских властей в конечном итоге и определило развязку обоих конфликтов (позиция английского правительства и в первом и во втором случаях была примерно одинаковой).

Конечно, в первые десятилетия XVII в. зарождающиеся американские колонии являлись и для английского, и для французского правительства проблемами третьестепенной важности и практически не влияли на отношения Лондона и Парижа (кстати, в целом рассматривавших тогда друг друга чаще как союзников и партнеров, а не как противников). В то же время большую роль в рассматриваемых нами сюжетах играли субъективные факторы. Тем не менее именно с событий 1613–1632 гг. колониальные проблемы и колониальные конфликты попадают в орбиту англо-французских межгосударственных отношений, где сначала эпизодически, а затем постоянно они будут фигурировать последующие сто тридцать лет.

---

[66] *Marientras E.* Nous, le peuple: Les origines du nationalisme américain. Paris, 1988. P. 128

[67] См., напр.: *Акимов Ю. Г.* Очерки ранней истории Канады. СПб., 1999. С. 127–128.

Глава 2. АКАДИЯ, КАНАДА И НОВАЯ АНГЛИЯ в начале 30-х — конце 50-х годов XVII в.

В истории отношений англичан и французов в Северной Америке (да и англо-французских отношений в целом) временной отрезок с начала 30-х — до конца 50-х годов XVII в. характеризовался определенной неустойчивостью. В последнее десятилетие правления Ришелье и Карла I, а затем при Мазарини и Кромвеле Лондон и Париж не раз меняли свою позицию и по отношению друг к другу, и по отношению к своим заморским владениям, в которых в это время также происходили весьма важные изменения. В то же время применительно к сюжету нашего исследования эти два с лишним десятилетия отличаются определенным внутренним единством и могут быть рассмотрены в рамках одного раздела.

Акадия — Новая Шотландия в 1630-е годы: позиция метрополий и пограничные стычки

С момента нападения Арголла на Сен-Совёр и Пор-Руайяль территория, называвшаяся французами Акадией, а англичанами — Новой Шотландией, стала ареной почти непрекращающихся столкновений между подданными двух держав, в которых участвовало множество действующих лиц. Наиболее активным игроком в этом регионе стали быстро развивающиеся колонии Новой Англии, стремившиеся максимально укрепить свои позиции за счет слабой, малонаселенной, а с конца 1630-х годов еще и раздираемой острыми внутренними коллизиями французской Акадии. Определенную заинтересованность в Новой Шотландии проявляли английские власти. Свидетельством последнего может служить весьма странная позиция, занятая английским королем сразу же после подписания договора в Сен-Жермен-ан-Лэ.

С одной стороны, в июле 1632 г. управлявший Квебеком Томас Кёрк с санкции английского правительства официально передал форт представителям французских властей, а в декабре того же года были эвакуированы шотландские колонисты из Чарлзфорта–Пор-Руайяля. С другой стороны, Карл I продолжал вести себя так, будто и Новая Шотландия и территории, прилегающие к заливу и реке Св. Лаврентия (т. е. Канада), оставались соответственно шотландскими и английскими владениями.

14 июня 1632 г., т. е. через два дня после издания распоряжения об оставлении всех захваченных у французов постов в Северной Аме-

рике, Уильяму Александеру был пожалован вызывающий титул виконта Канады! При этом король заявил: «Виконт <...> может иметь от Нас полное подтверждение in verbo principus, что Мы не намерены отказываться от Наших притязаний в какой-либо части этих стран [т. е. в Канаде и Новой Шотландии. — *Ю. А.*]».[68] Александеру было также выплачено 10 тыс. фунтов, причем с оговоркой, что эти деньги не являются платой за его владения, права, титулы и привилегии в Новой Шотландии, но представляют собой лишь компенсацию его затрат.[69] 15 августа 1632 г. Карл I обратился ко всем членам основанного им же за семь лет до этого ордена рыцарей-баронетов Новой Шотландии с заверениями о том, что Новая Шотландия будет продолжать существовать, несмотря на то, что «колонию недавно пришлось *временно* [курсив мой. — *Ю. А.*] ликвидировать по условиям договора, который мы заключили с Францией».[70]

11 мая 1633 г. Александер и его компаньоны по Шотландско-Английской компании получили от короля патент на торговлю «на реке и в заливе Канады и всех прилегающих территориях <...> бобровыми шкурами и другими мехами» сроком на 31 год,[71] хотя в это время всякая английская торговля в заливе Св. Лаврентия прекратилась. В довершение всего 22 апреля 1635 г. Совет Новой Англии пожаловал Александеру «территорию Новой Англии от реки Сент-Круа <...> вдоль морского побережья до Пемакида и выше по реке Кеннебек до страны, называемой Канада»[72] (до этого южной границей его владений была река Сент-Круа).

После подписания мира в Сен-Жермен-ан-Лэ и ликвидации шотландского поселения в Чарзфорте–Пор-Руайяле сами Александеры перестали интересоваться колониальными предприятиями, требовавшими вложения крупных средств, которыми они не располагали (впрочем, это не мешало старшему Александеру продолжать называть себя королевским наместником Новой Шотландии как минимум вплоть до 1636 г.). Однако создается впечатление, что Карл I и его министры, будучи вынуждены уступить Канаду и Акадию–Новую Шотландию французам и получив от этого определенные выгоды, в то же время хотели создать какие-либо поводы или, лучше сказать,

---

[68]Цит. по: *Brebner J. B.* New England's Outpost: Acadia before the Conquest of Canada. New York, 1927. P. 26.

[69]Ibid. P. 26–27.

[70]Цит. по: *Reid J. G.* Op. cit. P. 39.

[71]Patent to Sir Wil. Alexander and Others, for Sole Trade to the River and Gulf of Canada, and All Places Adjacent, for Beaver and All Other Skins and Wool, for Thirty-one Years. May 11, 1633 // Calendar of State Papers. Colonial Series. Vol. I. P. 165.

[72]Grant of the Council for New England to William Lord Alexander. April 22, 1635 // Ibid. Vol. I. P. 204.

«зацепки», которые в будущем, при удобном случае, позволили бы заявить о своих правах на эти территории. Прежде всего это относилось к Новой Шотландии, где на руку королю несомненно играло то обстоятельство, что она формально являлась не английской, а шотландской колонией, что создавало дополнительные и весьма широкие возможности для маневра.

Вышеперечисленные действия Карла I и его приближенных были вызваны несколькими причинами. Во-первых, король не хотел чрезмерно осложнять отношения с теми кругами в Англии и Шотландии, которые были заинтересованы в продолжении экспансии в этом регионе, и стремился представить свои действия как вынужденное и временное отступление; во-вторых, в Лондоне считали, что французы не смогут предпринять сколько-нибудь значительные усилия по колонизации Акадии–Новой Шотландии, в результате чего эти территории останутся «свободными» и «незаселенными». Наконец, в-третьих, следует помнить обо всем характере правления Карла I, отличавшегося непоследовательностью и непостоянством и готового ради собственной выгоды и спокойствия совершать противоречивые поступки, особо не задумываясь об их последствиях. Нам важно отметить, что поведение короля, его министров и советников носило, в целом, провокационный характер, подготовив и возделав почву для будущих конфликтов. Некоторые специалисты, например К. Я. Буркхарт, отмечают, что в договоре в Сен-Жерменан-Лэ «Франция и Англия признали друг за другом колониальные владения на Североамериканском континенте».[73] На наш взгляд, с этим утверждением вряд ли можно согласиться, как в свете вышеизложенных фактов, так и учитывая дальнейшее развитие событий.

В течение 1630-х годов французам удавалось удерживать свои позиции в Атлантическом регионе. В декабре 1632 г. в расположенную на океанском побережье полуострова Новая Шотландия бухту Ля-Эв прибыл командор Изааг де Разийи, назначенный Ришелье верховным наместником всех французских владений в Новом Свете (правда, фактически его власть распространялась только на Акадию; Канадой руководил Шамплен). Разийи торжественно принял управление страной, по поводу чего в «Газете» Ренодо было сообщено, что «эта часть Америки снова вернулась в мирное владение французов, которым она принадлежит с давних пор».[74]

В этот период под французским контролем (хотя и достаточно номинальным) находилась вся территория современной Новой Шотландии и Нью-Брансуика, а также северо-восток Мэна. Южной гра-

[73] *Burckhart C. J.* Richelieu: 3 t. Trad. de l'allemagne par C. Dhorbais. T. I. Paris, 1975. P. 198.

[74] Gazettes. 1633. P. 71.

ницей Акадии считалась река Кеннебек. В то же время еще в 1628 г. Совет Новой Англии выдал патент на небольшой участок, расположенный в долине этой реки (приблизительно между Вулвичем, Топшемом и рекой Уэссерансет), группе влиятельных колонистов и купцов из Плимута, которые построили там небольшую факторию. В последующие годы плимутцы основали торговый пост к северу от Кеннебека в устье реки Пенобскот, т. е. теперь уже не на границе, а непосредственно на территории Акадии.[75] Кроме того, в 1631 г. Айзек Эллертон один из «отцов-пилигримов», превратившийся к тому времени в торговца и афериста, еще севернее в районе Мачайаса (современный Ист-Мачайас, штат Мэн) основал свою собственную факторию.[76]

В сентябре 1632 г. шотландцы из Чарзфорта напали на факторию Сент-Мари, принадлежавшую Шарлю Ля Туру (возможно, это было связано с тем, что к тому времени он порвал контакты с Александером и его людьми). Нападавшие разграбили склад мехов, предназначенных для отправки во Францию, разорили и осквернили часовню, а находившихся в Сен-Мари людей Ля Тура увезли в английские колонии.

Ля Тур, узнав об этом, в отместку организовал налет на факторию Эллертона, разорил ее и взял в плен находившихся там служащих. Нападению подверглась и фактория плимутцев на Пенобскоте (последняя, правда, не была уничтожена).[77] Через некоторое время Эллертон лично явился к Ля Туру и потребовал объяснений и возмещения причиненного ему ущерба. Однако тот заявил хозяину фактории, что англичане не имеют никаких прав на территории, расположенные к востоку от Кеннебека, и отказал в какой-либо компенсации.[78] В то же время подобные действия не мешали Ля Туру, все это время занимавшему весьма независимое положение в Акадии, поддерживать коммерческие связи с английскими и новоанглийскими купцами и судовладельцами.

Плимутцы продолжали торговать на Пенобскоте еще несколько лет — до тех пор пока на их присутствие в пределах французских владений не обратил внимания Разийи. В августе 1635 г. он отправил

[75] См.: *Palfrey J. G.* History of New England During the Stuart Dinasty: 2 vols. Vol. I. Boston, 1858. P. 337.

[76] См.: *Слезкин Л. Ю.* У истоков американской истории: Виргиния, Новый Плимут, 1606–1642. М., 1978. С. 281.

[77] Bradford's History of Plimouth Plantation, 1606–1646 / Ed. by W. T. Davis. New York, 1908. P. 292; об этом инциденте см. также: Narrative and Critical History of America: In 8 vols / Ed. by J. Winsor. Vol. IV: French Explorations and Settlements in North America and Those of Portuguese, Dutch and Swedes, 1500–1700. Boston; New York, 1882–1884. P. 143.

[78] См.: *Le Jeune L.-M.* Op. cit. T. II. P. 95.

в устье Пенобскота (французы называли эту реку Пентагоэ) вооруженное судно под командованием своего помощника Шарля д'Онэ. Именем короля Франции д'Онэ захватил факторию, служащие которой не оказали ему никакого сопротивления. Согласно «Истории поселения в Плимуте» Уильяма Брэдфора, нападавшие «угрозами и посулами» заставили англичан продать им все имевшиеся там товары по цене, которую назначали сами покупатели. Когда руководитель фактории Томас Уиллет заговорил о стоимости строений фактории, д'Онэ заявил, что они находятся на земле, которая принадлежит другому монарху и о плате за них не может быть и речи. Однако он позволил англичанам погрузиться в шлюпку и отправиться в Плимут и, кроме того, пообещал Уиллету заплатить за то имущество, которое принадлежало англичанам и которое они не могли увезти с собой.[79]

Власти Плимута решили отбить факторию. Не имея в своем распоряжении крупных сил, они наняли для этой операции некого капитана Гёрлинга, владельца 300-тонного судна «Хоуп». В случае успеха он и его люди в качестве вознаграждения должны были получить 700 фунтов бобровых шкурок. Гёрлингу было поручено изгнать французов из захваченной ими фактории, стараясь при этом избегать кровопролития; в случае, если они сдадутся сразу же, он также должен был отдать им «справедливую часть» товаров и имущества. Вместе с Гёрлингом в поход отправился «капитан» колонии Майлз Стэндиш с отрядом из 20 бойцов милиции, в распоряжении которого также имелось небольшое судно.[80]

Экспедиция плимутцев окончилась неудачей. Несмотря на то что в фактории на Пенобскоте находилось всего 18 французов, нападавшие побоялись идти на штурм.[81] По словам Брэдфорда, Гёрлинг, не посоветовавшись со Стэндишем (хотя в соответствии с данной ему инструкцией он обязан был это сделать), ограничился обстрелом с дальней дистанции, не причинившем противнику никакого вреда. Истратив все имевшиеся у него запасы пороха и не имея возможности их пополнить, он бесславно вернулся в Плимут.[82]

В этой ситуации, не рассчитывая на собственные силы и в то же время не желая так легко сдавать от свои позиции, Брэдфорд и другие руководители колонии решили обратиться за помощью к пуританам Массачусетса. В начале осени из Плимута в Бостон было направлено официальное письмо с просьбой об оказании помощи людьми, оружием и денежными средствами, необходимыми для

[79] Bradford's History... P. 318.
[80] Ibid. P. 319.
[81] См.: Narrative and Critical History of America. Vol. IV. P. 144.
[82] Bradford's History... P. 319–320.

борьбы с французами. В письме также говорилось об опасности, исходящей от французов, которые укрепляют свои позиции на границах английских владений и, «кажется, станут плохими соседями для англичан».[83] Однако Массачусетс не спешил вступаться за плимутцев. Сначала бостонские власти заявили, что они в принципе были не против заключить соглашение и предоставить требуемые подкрепления, но для этого необходимо, чтобы к ним прибыли представители Плимута, имеющие полномочия от своего губернатора (письмо от 9/19 октября 1635 г.). Когда же Брэдфорд в срочном порядке направил в столицу Массачусетса двух своих людей, снабдив их всеми необходимыми бумагами, руководители пуританской колонии заявили, что они находятся в сложном положении, у них нет денег и поэтому они «вынуждены разочаровать» плимутцев. Губернатор Уинтроп и его коллеги лишь посоветовали им обратиться за помощью к другим английским колониям (письмо от 16/26 октября 1635 г.).[84]

Брэдфорд раздраженно писал, что Массачусетс не только не помог Плимуту в его конфликте с французами, но, наоборот, некоторые бостонские торговцы снабжали их провизией, порохом и свинцом, «до тех пор пока они видели в этом возможность для получения выгоды». С точки зрения губернатора Плимута, англичане, прежде всего в лице жителей Массачусетса, сами оказывали наибольшую поддержку французам, не только поставляя им все необходимое, но сообщая им обо всем, что происходило в английских колониях. Брэдфорд также указывал на то, что французы «все больше и больше наседают на англичан», а также сбывают оружие и боеприпасы индейцам, что представляет «большую опасность для англичан, которые остаются открытыми и незащищенными».[85]

Л. Ю. Слезкин, упоминающий в своей монографии об англо-французских столкновениях на Пенобскоте и связанных с ними событиях, полагает, что Брэдфорд «затаил на массачусетсев обиду» и поэтому «сгущал краски», обвиняя их в продаже французам оружия.[86] Однако последнее действительно имело место. Несколько торговцев из Бостона являлись постоянными коммерческими партнерами Ля Тура, а, кроме того, некоторые английские купцы и судовладельцы (и из Массачусетса и из самой Англии) торговали напрямую с индейцами Атлантического региона, сбывая им ружья и заряды в обмен на меха.[87] В последующие десятилетия продажа англичанами оружия индейцам будет неуклонно возрастать, что во время

[83] Ibid. P. 320.
[84] Ibid. P. 320–321.
[85] Ibid. P. 321–322.
[86] *Слезкин Л. Ю.* Указ. соч. С. 295.
[87] См., напр.: *Reid J. G.* Op. cit. P. 95.

Войны короля Филиппа (1675) обернется для Новой Англии большими неприятностями.

Что касается позиции, занятой властями Массачусетса, то здесь можно согласиться с Л. Ю. Слезкиным, который полагает, что она объяснялась, во-первых, разногласиями и конкуренцией двух английских колоний, уже наметившейся в то время, а во-вторых, тем, что бостонцам было выгоднее иметь соседями не соотечественников, а иностранцев, которых впоследствии можно было бы «на законном основании» изгнать с занятой ими территории.[88]

Надо сказать, что бостонские власти с самого начала относились к французам весьма настороженно. Еще в 1633 г., когда в «Граде на холме» было получено известие о том, что французы водворились в Акадии, «губернатор <...> созвал в Бостоне своих помощников, проповедников, капитанов и некоторых других влиятельных людей, чтобы посоветоваться что следует сделать для <...> безопасности, учитывая, что французы, будучи папистами, вполне могут оказаться плохими соседями».[89]

Кроме того, следует помнить, что если официальный Лондон в тот период в целом не рассматривал колонизацию Новой Англии как внешнеполитическую акцию, имеющую четкую антифранцузскую направленность, то его подданные рассуждали несколько иначе. Среди знаменитых «Доводов в пользу колонизации Новой Англии» на первом месте стояло утверждение о необходимости создания в Северной Америке протестантского оплота «против Царства Антихриста, которое иезуиты стремятся возвести повсюду в мире».[90] Подобные заявления имели не только религиозный, но и политический смысл. Под определение «Царство Антихриста» вполне подходила Новая Франция — ближайшее к Новой Англии место, где господствовал католицизм (а также иезуиты).

Другое дело, что Бостон был еще недостаточно хорошо осведомлен о реальных силах и возможностях французов и не спешил вступать с ними в конфликт. Кроме того, и это, пожалуй, наиболее существенно, жители новорожденной колонии Массачусетской бухты еще как следует не разобрались в окружавшей их ситуации и не осознавали, какие выгоды сулит проникновение на север или, как в то время говорили в Новой Англии, в «Восточные края». Однако менее чем через десять лет изменившаяся обстановка заставила пуритан пересмотреть свое отношение к соседям.

---

[88]См.: *Слезкин Л. Ю.* Указ. соч. С. 295.

[89]Winthrop's Journal History of New England: In 2 vols / Ed. by J. K. Hosmer. Vol. 1. New York, 1908. P. 97.

[90]См.: Consideration for the Plantation in New England // Hutchinson Papers: In 2 vols / Ed. by W. H. Whitmore and W. S. Appleton. Vol. 1. Albany, 1856. P. 27.

Массачусетс и междоусобица в Акадии

В первой половине 1640-х годов жителям Массачусетса впервые пришлось сформулировать свое отношение к событиям, происходившим в расположенной по соседству колонии другой европейской державы. Во французской Акадии вспыхнул междоусобный конфликт. Власть в колонии оспаривали друг у друга уже упоминавшиеся нами Шарль д'Онэ и Шарль де Ля Тур. Первый считался преемником скончавшегося в конце 1635 г. командора Разийи и в дальнейшем был официально назначен королевским губернатором и наместником Акадии; второй утверждал, что он является наследником феодального собственника колонии Бьенкура, и также добивался признания своих прав со стороны французских властей. Штаб-квартирой д'Онэ был заново отстроенный им Пор-Руайяль; основная база Ля Тура находилась в форте Сен-Жан, расположенном в устье одноименной реки (сейчас Сент-Джон, провинция Нью-Брансуик). Стычки между двумя соперниками начались еще в конце 30-х годов XVII в., однако силы, имевшиеся в распоряжении каждого из них, поначалу были примерно равны, а для того чтобы одержать победу, им обоим надо было искать себе помощников и союзников. Д'Онэ сделал ставку на метрополию и в конце концов добился от правительства аннулирования всех полномочий Ля Тура, а затем и распоряжения о его аресте. В свою очередь, последний, будучи акадийским «старожилом» и хорошо представляя себе истинную степень заинтересованности французского правительства в коллизиях, происходящих в отдаленной колонии, решил опереться на поддержку своих торговых партнеров из числа как купцов и судовладельцев западнофранцузских портов (прежде всего Ля-Рошели, где у него имелся постоянный торговый представитель), так и предпринимателей Новой Англии.

Со своей стороны, жители стремительно развивающего Массачусетса и соседних с ним английских колоний со второй половины 1630-х годов резко активизировали свое проникновение на территории, формально входившие в состав французских владений. Больше всего их привлекали изобилующие рыбой отмели у восточного побережья полуострова Новая Шотландия, а также возможность приобретения крупных партий мехов у индейцев Атлантического региона (абенаки, микмаков, малеситов и др.).[91] Как раз в это время происходило становление новоанглийского рыболовного промысла, о значении которого мы уже упоминали (см. раздел I, глава 1). Рыбаки

[91] См., напр.: *Bailyn B.* The New England Merchants in the Seventeenth Century. Cambridge; London, 1979. P. 78, 101.

из Массачусетса быстро узнали о сезонных миграциях трески, перемещающейся каждую весну к берегам Новой Шотландии, и стали ежегодно проводить там по несколько месяцев.[92]

Тогда же некоторые купцы из Бостона установили торговые контакты с Ля Туром, который сам активно занимался пушным промыслом и был заинтересован в сбыте имевшихся у него мехов, а кроме того располагал хорошо налаженными связями с индейцами. Главными коммерческими партнерами Ля Тура в этот период были Эдвард Гиббонс и Томас Хокинс.

Однако находившийся в очень непростом положении Ля Тур стремился развивать не только торговые, но и политические контакты с Новой Англией. В ноябре 1641 г. в Бостон прибыл его помощник гугенот из Ля-Рошели Николя Гарго. У него не было никаких бумаг, подписанных Ля Туром, но он привез письмо командира пограничного английского форта Пемакид (на территории штата Мэн) Эйбрехэма Шёрта, который был лично знаком с Ля Туром и подтвердил, что Ля Рошетт действительно является его представителем.

В столице Новой Англии посланец Ля Тура, которому, кстати, был оказан весьма теплый прием, предложил заключить договор между Массачусетсом и Акадией (т. е. фактически владениями Ля Тура), который состоял бы из трех пунктов. Согласно первому, торговля между двумя колониями должна была вестись свободно, без пошлин и без каких-либо иных ограничений; второй предполагал оказание англичанами помощи Ля Туру в захвате фактории на Пенобскоте, контролировавшейся д'Онэ; третий касался возможности для Акадии получать необходимые ей английские товары от торговцев Массачусетса.[93] Однако бостонские власти отказались от заключения какого-либо договора военно-политического характера, формально сославшись на то, что у Ля Рошетта нет для этого официальных полномочий, хотя заявили о своей готовности заключить торговое соглашение с Ля Туром.[94] Такое соглашение было им, безусловно, выгодно, причем в гораздо большей степени, чем французам.

Хотя данный проект не был реализован, для нас он представляет большой интерес как пример отношения колониальных лидеров к окружавшим их реалиям. Ля Тур (в тот момент еще отнюдь не порвавший с Францией) предлагал своим соседям заключить договор, условия которого шли вразрез с рядом фундаментальных принципов колониальной и внешнеэкономической политики французского абсолютизма!

---

[92]См.: *McFarland R.* A History of New England Fishery. New York, 1911.
[93]Winthrop's Journal... Vol. 2. P. 43.
[94]Ibid.

В октябре 1642 г. в Новую Англию прибыл новый представитель Ля Тура. Это был Жак Летан — один из ближайших помощников и соратников. При себе он имел послание Ля Тура, адресованное губернатору Уинтропу, и «полное комплиментов» английским властям. В письме Ля Тур открыто просил власти Массачусетса оказать ему помощь в борьбе против д'Онэ.[95]

В ходе визита, чтобы привлечь симпатии бостонцев, Летан и прибывшие с ним французы посещали протестантские богослужения и вели долгие почтительные беседы со старейшинами колонии, пытавшимися растолковать им основы пуританского вероучения. Однако власти Новой Англии и на сей раз решили не вмешиваться в конфликт, происходивший в Акадии, и ответили вежливым отказом. Правда, пребывание Летана и его людей в Бостоне все равно принесло большую пользу Ля Туру. За время своего визита они смогли продать привезенные ими с собой меха и закупить товары, жизненно необходимые их патрону, в том числе оружие и боеприпасы.

Как видим, Массачусетс поначалу занял достаточно осторожную позицию, предпочитая не вмешиваться в конфликт Ля Тура и д'Онэ. В то же время смута в Акадии была, безусловно, на руку англо-американцам. Она осложняла положение соседней колонии, поглощая силы обоих соперников, и позволяла жителям английских колоний бесконтрольно эксплуатировать природные ресурсы Акадии.

Весной 1643 г. ситуация в Акадии обострилась. Д'Онэ, получив наконец из Франции подкрепления, блокировал форт Сен-Жан. Однако Ля Туру удалось выскользнуть из своей осажденной цитадели и добраться до корабля, на котором он тотчас же отправился в столицу Новой Англии.

Появление Ля Тура в Бостоне произошло весьма эффектно. 12/22 июня 1643 г. в бостонскую гавань вошел большой вооруженный корабль под французским флагом. На подходе к городу люди Ля Тура заметили лодку, в которой находилась женщина с детьми. Один из спутников Ля Тура, ранее бывавший в Бостоне, узнал в ней жену Эдварда Гиббонса. Ля Тур решил засвидетельствовать ей свое почтение и приказал спустить шлюпку. Увидев приближающихся к ней вооруженных незнакомцев, миссис Гиббонс перепугалась и поспешила к берегу, где попала прямо в губернаторский сад. Вслед за ней причалила шлюпка Ля Тура, и губернатор Массачусетса Джон Уинтроп (рис. 8), прогуливавшийся там со своим семейством, неожиданно для себя столкнулся лицом к лицу с Шарлем де Сент-Этьеном де Ля Туром. Ля Тур, не мешкая, объявил Уинтропу, что его старинный враг д'Онэ хочет захватить его форт, и он прибыл умолять

[95] Ibid. P. 84.

Рис. 8. Джон Уинтроп старший

помочь ему вернуться в его владения. Очевидно, слегка ошеломленный Уинтроп ответил, что он не может сказать ничего определенного, до тех пор пока не посовещается с другими должностными лицами колонии, и предложил Ля Туру отправиться в город.[96]

Надо сказать, что внезапное появление Ля Тура в саду губернатора, а вооруженного иностранного судна — на бостонском рейде вызвало в столице Новой Англии очень сильную тревогу. Ее жители стали спешно вооружаться, чтобы идти на выручку губернатора, который, как они опасались, мог быть схвачен французами. Бостон, состоявший в то время из нескольких десятков домов, окружавших Дом собраний («Meeting House»), был совершенно не готов к обороне. Показательно, что когда корабль Ля Тура, проходя мимо бостонской цитадели, отсалютовал ей, там не нашлось никого, чтобы сделать ответный выстрел. Как достаточно самокритично писал Уинтроп: «...здесь Бог дал нам случай заметить нашу собственную слабость, так как если бы у Ля Тура были в отношении нас дурные намерения, то он имел для их осуществления такую возможность, какую, как мы надеемся, ни он, ни кто-либо другой не будет иметь когда-либо еще».[97]

[96] Ibid. P. 105–106.
[97] Ibid. P. 106.

На следующий день губернатор собрал заседание, на котором присутствовали высшие чиновники колонии и депутаты колониальной ассамблеи. Ля Тур предъявил им два письма: одно — от вице-адмирала Франции, второе — от агента Компании Новой Франции (Компании ста участников), где он именовался королевским наместником в Акадии. С точки зрения специалистов первый документ, скорее всего, был подлинным (очевидно, письмо было написано в тот момент, когда приказ об аресте Ля Тура еще не был издан, либо о нем еще не было известно чиновникам), а второй — поддельным.[98] После того как собравшиеся ознакомились с этими бумагами, Ля Тур обратился к ним с подчеркнуто скромной просьбой — помочь ему проникнуть в его собственный форт.

Власти Массачусетса оказались в известной растерянности, так как в ноябре 1642 г. д'Онэ прислал в Бостон письмо, к которому была приложена копия официального распоряжения об аресте Ля Тура.[99] В конце концов, собравшиеся заявили, что они не могут решать вопрос о предоставлении какой-либо помощи Ля Туру без участия представителей других колоний — членов конфедерации Новой Англии, однако позволяют ему нанимать в Массачусетсе корабли, вербовать наемников и т. п.[100] Ля Тур также получил разрешение присутствовать на очередных учениях бостонской милиции и даже принял в них участие с отрядом своих солдат, которые поразили англичан своей прекрасной выучкой. Французов радушно принимали в домах губернатора и других лидеров колонии, а в воскресенье, когда Уинтроп пригласил Ля Тура посетить богослужение, в его честь был даже выставлен почетный караул.

Однако часть жителей Массачусетса негативно восприняла появление людей Ля Тура, среди которых были как гугеноты, так и католики, в «Граде на холме». Особо фанатичные пуритане заявляли, что «паписты» принесут только беды, и «в Бостоне прольется много крови».[101] Многие упрекали губернатора за то, что он разрешил Ля Туру нанимать бойцов и фрахтовать суда. В обстановке всеобщего возбуждения Уинтроп снова созвал совет, на котором помимо членов магистрата присутствовали также и религиозные лидеры колонии. На обсуждение были вынесены два вопроса. Первый: «Позволительно ли христианам помогать идолопоклонникам и как далеко могут заходить контакты с ними?» и второй: «Не будет ли опасным для

---

[98] См.: *Parkman F.* Op. cit. Vol. 1. P. 1087 (и прим.); *Garneau F.-X.* Op. cit. T. I. P. 191 (прим. 28).

[99] См.: *Palfrey J. G.* Op. cit. Vol. II. P. 145.

[100] Winthrop's Journal... Vol. 2. P. 107.

[101] Ibid. P. 109.

нашей колонии, если он [Ля Тур. — *Ю. А.*] получит от нас помощь против д'Онэ?».[102]

Это заседание можно назвать первыми в американской истории дебатами по внешнеполитическим вопросам. Мнения присутствующих разделились. Каждая сторона аргументировала свои соображения ссылками на тексты Священного Писания, в особенности почитаемого пуританами Ветхого Завета. Противники каких-либо контактов с французами приводили в качестве своих аргументов гибель Иосии в битве с фараоном Нехао, когда царь Иудеи хотел преградить египтянам путь в столицу Ассирии [4 Цар. 23: 29–30]; пророчество, адресованное царю Амасии, что тот победит, если не будет пользоваться услугами наемников [2 Пар. 25: 6–12]; неудачу Иосафата, когда он соединился с Охозией для строительства кораблей [2 Пар. 20: 35–37] и множество других примеров.[103] Безусловно, религиозный фанатизм и нетерпимость к «папистам и идолопоклонникам» оказывали в тот период очень большое влияние как на внутреннюю жизнь Новой Англии, так и на отношение ее жителей к окружающему миру. В то же время за пышными цитатами скрывались вполне логичные и обоснованные опасения ответного нападения французов. Не следует забывать, что в это же самое время в Англии шла война короля с парламентом, причем армия парламента, сторону которого приняла Новая Англия, терпела поражение за поражением. В колонии опасались, что поглощенная собственными проблемами метрополия не сможет оказать ей помощь в случае возникновения внешней угрозы.

В свою очередь, сторонники оказания поддержки Ля Туру — губернатор, бостонские купцы и судовладельцы — также нашли в Библии немало примеров, подтверждающих их правоту. В частности, была процитирована притча Иисуса о Самарянине [Лк. 10: 25–37], слова апостола Павла, призывавшего творить добро всем [Гал. 6: 10], свидетельства Иезекиля об активной торговле Израиля и Иудеи с Тиром [Иез. 27: 17] и Неемии о том, что у него за столом сидели представители других народов [Неем. 5: 17]. Было упомянуто также, что царь Соломон поддерживал торговые и дружеские отношения со многими государствами и принимал в Иерусалиме царицу Савскую [3 Цар. 10: 1–10; 2 Пар. 9: 1–14, 20–28].[104] Кроме того, губернатор и его сторонники заявили, что переговоры с Ля Туром вполне допустимы, так как он является законным наместником французского короля, с которым Англия находится в мире. Среди аргументов в пользу Ля Тура также фигурировали рассуждения о том, что тор-

[102] Ibid.
[103] Ibid. P. 109–112.
[104] Ibid. P. 113–115.

говля с ним выгодна Массачусетсу, что в случае если в конфликте в Акадии возьмет верх д'Онэ, то он будет гораздо более опасным соседом для бостонцев, наконец, что европейские государства, находясь в мире друг с другом, часто позволяют соседям вербовать наемников среди своих подданных.[105]

В итоге действия Уинтропа были одобрены большинством присутствовавших. Как отметил Г. Л. Осгуд, несмотря на то что в Бостоне прекрасно понимали всю деликатность сложившейся ситуации, стремление «получить выгоду от флибустьерской экспедиции в восточные края» оказалось сильнее.[106]

Пользуясь этим решением, Ля Тур смог 30 июня/10 июля заключить сделку с вышеупомянутыми Гиббонсом и Хокинсом. Последние взяли на себя обязательство предоставить ему четыре судна с 50 матросами и 38 пушками сроком на два месяца. Было оговорено, что эти суда должны были совершить плавание до форта Сен-Жан с тем, чтобы помочь Ля Туру водвориться в принадлежащем ему форте. Общая сумма сделки составила 940 фунтов. В качестве залога Ля Тур передал своим кредиторам права на форт Сен-Жан со всем находящимся там имуществом.[107] Кроме того, Ля Тур лично завербовал еще 15 матросов и 68 бойцов, которые должны были получать по 40 шиллингов в месяц. Он также обещал, что между участниками операции будет разделена вся захваченная добыча.[108]

Тем временем информация о Ля Туре и происходящих в Бостоне событиях распространилась по всему Массачусетсу и соседним английским колониям, где она также вызвала неоднозначную реакцию, всколыхнув и без того наэлектризованное общественное мнение. Многие считали, что Уинтроп нарушил Статьи конфедерации Новой Англии.[109] В то же время наряду с обвинениями идеологического и политического порядка (оказание помощи католикам — «идолопоклонникам», провоцирование нападения со стороны д'Онэ и т. п.), звучали и упреки в том, что Уинтроп своими действиями продвигал торговые интересы бостонцев в ущерб жителям других поселений Новой Англии.[110] Безусловно, здесь свою роль сыграло то обсто-

---

[105] Ibid.

[106] *Osgood H. L.* The American Colonies in the Seventeenth Century: In 4 vols. Vol. I. New York; London, 1904. P. 411.

[107] Текст соглашения см.: *Couillard-Després A.* Op. cit. P. 481–483.

[108] *Lanctot G.* Op. cit. T. I. P. 286; см. также: Historical Collections Consisting of State Papers and Other Authentic Documents: In 2 vols / Ed. by E. Hazard. Vol. I. Philadelphia, 1792–1794. P. 499.

[109] См.: *Tyler L. G.* England in America, 1580–1652. New York; London, 1904. P. 307.

[110] См.: *Ward H. M.* The United Colonies of New England, 1643–1690. New York; Washington; Hollywood, 1961. P. 92.

ятельство, что внутренняя жизнь Новой Англии в это время была наполнена непростыми коллизиями, связанными с конфликтами светских и духовных властей, противоречиями между отдельными членами Конфедерации и т. д.

4/14 июля 1643 г., т. е. уже после того как состоялся вышеупомянутый диспут, Уинтроп получил письмо от членов магистрата и церковных старшин Ипсуича, к которым присоединился ряд влиятельных лиц Новой Англии. Автором этого документа, известного как «Ипсуичское письмо» был, скорее всего, Натаниэл Уард.[111] Послание подписали также Ричард Солтонстол, Саймон Брэдстрит, Джон Нортон, Натаниэл Роджерс и др. В письме говорилось, что действия губернатора, во-первых, плохо согласуются с принципами международного права; во-вторых, не ясно какие преимущества от этого получит колония; в-третьих, колония помогает Ля Туру не из милосердия, но из корысти, что само по себе греховно и недопустимо; в-четвертых, этот случай касается Англии и Франции, но не Массачусетса, который в то же время рискует навлечь на себя гнев короля Франции; в-пятых, если д'Онэ не будет полностью разбит, колония будет втянута в бесконечные столкновения, а «тот, кто погибнет при этом, испытает страшные мучения».[112]

«Ипсуичское письмо» встретило резкую отповедь Уинтропа. Он назвал его «непозволительным действием», которое угрожает единству конфедерации. Губернатор заявил, что если его сосед попал в беду, то его долг — помочь ему. Он также подчеркнул, что есть большое различие между разрешением нанимать солдат и суда и открытым вступлением в вооруженную борьбу. «Я покажу, что эта борьба между Ля Туром и д'Онэ прямо касается нас [Новой Англии. — *Ю. А.*]; и, во-первых, с точки зрения долга, так как наш бедствующий сосед просит нашей помощи; Божественное Провидение и его собственное хорошее мнение о нашем милосердии привело его к нам <...> неужели в этом случае мы должны разбираться, где справедливость в столкновении между ними? <...> не более чем это сделал бы любой человек, если он видит у своих ног соседа, над которым нависла смертельная угроза — он сначала спасет его какой бы ни была причина».[113]

14/24 июля 1643 г. Ля Тур покинул Бостон, имея в своем распоряжении пять судов и вспомогательный шлюп, на которых находилось в общей сложности 270 матросов и солдат при 50 орудиях. Руководство английскими кораблями осуществлял лично Томас Хокинс. В начале августа эскадра благополучно достигла форта Сен-Жан,

[111] См.: *Palfrey J. G.* Op. cit. Vol. II. P. 154–155 (и прим. 4).
[112] Цит. по: *Parkman F.* Op. cit. Vol. 1. P. 1089.
[113] Hutchison Papers... Vol. I. P. 136–147.

который все еще находился в осаде. При приближении столь внушительных сил д'Онэ предпочел не вступать в схватку, где он рисковал оказаться меж двух огней, и поспешил ретироваться в Пор-Руайяль. Форт Ля Тура был деблокирован, и миссия его английских наемников была выполнена. Однако Ля Тур вовсе не хотел останавливаться на достигнутом и решил без промедления напасть на цитадель своего соперника. Видимо, он расценил отступление д'Онэ как проявление слабости, а кроме того, хотел максимально эффективно использовать имевшихся у него людей и суда.

На следующий день Ля Тур появился в бухте Пор-Руайяля (по морю расстояние между Сен-Жаном и Пор-Руайялем немногим более 70 км). Однако там, вместо того чтобы с ходу броситься на врага, он отправил к д'Онэ парламентеров — четырех англичан. Очевидно, Хокинс и капитаны английских судов заявили ему, что по условиям соглашения они не должны участвовать в каких-либо операциях помимо снятия осады с Сен-Жана.

Некоторые англосаксонские авторы, в частности Г. Л. Осгуд, утверждают, что такое поведение англичан было продиктовано тем, что они якобы хотели прежде всего урегулировать конфликт между Ля Туром и д'Онэ. В этой связи упоминается о письме Уинтропа, находившемся у Хокинса и адресованном д'Онэ, где говорилось о том, что капитанам английских кораблей приказано «не пытаться предпринимать что-либо, что противоречит законам справедливости или добрососедства».[114] Однако нам, во-первых, неизвестно, ни о каких инструкциях, данных капитанам кораблей, участвовавших в этом предприятии, а во-вторых, буквально через несколько дней англичане оказались участниками инцидента, явно свидетельствовавшего о том, что у них вряд ли были слишком мирные намерения в отношении д'Онэ. Скорее всего, Хокинс и другие капитаны просто побоялись и/или не захотели ввязываться в боевые действия, которые, с одной стороны, могли быть чреваты большими потерями и непредсказуемыми политическими последствиями, а с другой — не были оплачены, тогда как их больше всего интересовала выгода, что, как мы видели выше, признает и Г. Л. Осгуд.

Со своей стороны, Д'Онэ, несмотря на всю сложность своего положения (ведь он не знал о настроениях англичан), проявил твердость. Он отказался распечатывать доставленное парламентерами письмо Ля Тура под тем предлогом, что на нем значилось, что оно написано королевским наместником Акадии, тогда как Ля Тур к тому времени был уже лишен этого титула. Д'Онэ показал англичанам

---

[114] См., напр.: *Osgood H. L.* The American Colonies in the Seventeenth Century. Vol. I. P. 411.

оригинал королевского приказа об аресте Ля Тура и передал им копию этого документа. Он заявил, что не будет вступать с ним ни в какие переговоры, но будет строго следовать имеющимся у него королевским инструкциям. По словам парламентеров, в Пор-Руайяле царило смятение, однако все находившиеся в форте, не исключая священников, были полны решимости защищаться.[115]

Ля Тур, не ожидавший такого поворота событий, попытался уговорить англичан высадиться и пойти на штурм, но за ним последовало лишь несколько десятков человек из числа тех бойцов, которых он нанял лично. Вместе с группой людей Ля Тура они переправились на берег и начали опустошать окрестности Пор-Руайяля, грабить дома поселенцев и т. п. Они хотели укрепиться на стоящей неподалеку от форта мельнице, но д'Онэ направил туда отряд солдат и приказал открыть по нападавшим огонь из пушек. В итоге после небольшой стычки англичанам пришлось вернуться на корабли.[116]

Поняв, что захватить Пор-Руайяль ему не удастся, Ля Тур вместе со всей флотилией решил возвращаться в Сен-Жан. На обратном пути ему повстречался принадлежавший д'Онэ пинасс с большим грузом пушнины, шедший в Пор-Руайяль из фактории на Пенобскоте. Пинасс был захвачен, а меха, стоимость которых составляла около 8 тыс. ливров, стали добычей Ля Тура и англичан, которые, как заметил Дж. Хэнней, «не желая воевать с врагами Ля Тура, были не прочь пограбить их, если чувствовали себя в полной безопасности».[117]

Английские корабли и наемники вернулись в Бостон в конце августа. Дж. Уинтроп записал в своем «Журнале», что отчет об их действиях был для него «печальным» и «неприятным», но чем была вызвана эта печаль, он не пояснил.[118] Возможно, чувства губернатора были связаны с обрушившимся на него шквалом критики (Ипсуичское письмо и т. п.), а возможно с тем, что результаты экспедиции оказались не совсем теми, которых он ожидал. Д'Онэ сохранил свои силы и свои позиции, а, кроме того, убедился, что его соперник пользуется явной поддержкой Массачусетса, а, как известно, друг моего врага — мой враг. Вместе с тем, если считать, что главная цель Уинтропа заключалась в том, чтобы подлить масла в огонь происходящей в Акадии междоусобицы, то следует признать, что это ему неплохо удалось.

---

[115] *Hannay J.* The History of Acadia from Its First Discovery to Its Surrender to England by the Treaty of Paris. St John, 1879. P. 161.

[116] Récit par les religieux capucins // Archives des Colonies. Série C^{11}D. Régistre I; см. также: *Lanctot G.* Op. cit. T. I. P. 286–287.

[117] *Hannay J.* Op. cit. P. 161.

[118] Winthrop's Journal... Vol. 2. P. 136.

После событий августа 1643 г. ситуация в Акадии оставалась сложной. Благодаря поддержке из Бостона Ля Тур в значительной степени восстановил свои позиции и получил возможность продолжать борьбу с соперником. Для окончательной победы ни тому ни другому не хватало сил, и осенью 1643 г. оба решили попытаться получить поддержку из метрополии. Поскольку Ля Тур имел достаточно веские основания для того, чтобы не встречаться с представителями властей, он отправил во Францию свою жену — Франсуазу-Мари, надеясь, что, во-первых, она сможет получить какую-либо помощь от его ля-рошельских компаньонов, а во-вторых, используя свои артистические способности (в молодости мадам Ля Тур была актрисой), постарается оправдать и обелить своего мужа в глазах французских чиновников. Что касается д'Онэ, то он предпочел хлопотать о своих делах лично.

В конце 1643 — начале 1644 г. остававшийся в Сен-Жане Ля Тур продолжал поддерживать очень тесные, хотя и не столь официальные, как раньше, контакты с Уинтропом и близкими к нему купцами и предпринимателями Новой Англии, заинтересованными в акадийских делах. Одного из них, некого Уорнертона Ля Тур в начале 1644 г. подговорил напасть на принадлежавшую д'Онэ факторию в устье реки Пенобскот, уверяя, что она слабо защищена. Добравшись до нее, англичане не решились атаковать саму факторию, но зато вместе с людьми Ля Тура отправились грабить располагавшуюся неподалеку ферму. Однако и там они натолкнулись на упорное сопротивление. Хотя ферма была сожжена, а находившиеся там люди взяты в плен, нападавшие также понесли значительные потери. Было убито несколько англичан, в том числе и их командир Уорнертон.[119]

К лету 1644 г. ситуация вокруг Акадии стала меняться. Во Франции д'Онэ смог «переиграть» мадам Ля Тур и добиться от правительства Анны Австрийской нового распоряжения об аресте и привлечении к ответственности своего соперника. С этими документами, а также новыми поселенцами и подкреплениями он вернулся в Пор-Руайяль. В то же время Ля Тур получил весточку от своей жены, сообщавшей ему, что на помощь из Франции рассчитывать не стоит, а наоборот надо готовиться к решающей схватке с д'Онэ.[120]

В такой ситуации Ля Туру ничего не оставалось делать, как снова отправиться в Бостон. Со свойственным ему авантюризмом он круто изменил линию поведения и предстал перед пуританами в совсем ином обличье, чем год назад. Если в 1643 г. Ля Тур назы-

[119] Ibid. P. 180.
[120] Ibid. P. 178.

вал себя «французским наместником», демонстрировал документы, подписанные вице-адмиралом Франции, и говорил о союзе между Акадией и Новой Англией, то теперь, очевидно, больше не надеясь оправдать свои действия в глазах парижских властей, он заявил властям Массачусетса о том, что его форт расположен на землях Новой Шотландии, пожалованных Яковом I и Карлом I сэру Уильяму Александеру, который, в свою очередь, передал их его отцу Клоду де Ля Туру в качестве фьефа, что подтверждается документом, скрепленным Большой печатью Шотландии. Ля Тур также заявил, что он сам является баронетом Новой Шотландии и владеет своими землями и титулом уже около 30 лет.[121]

Однако за год, прошедший с момента первого появления Ля Тура в Бостоне, в Новой Англии произошли определенные изменения. Во-первых, другие колонии–члены Конфедерации Новой Англии осудили Массачусетс за то, что помощь Ля Туру была оказана без их ведома. 5 сентября 1643 г. уполномоченные конфедерации постановили: «Никакая юрисдикция внутри конфедерации не позволяет никаким добровольцам отправляться в военный поход против любого народа, где бы то ни было без приказа и распоряжения уполномоченных».[122] Тем самым фактически подчеркивалось, что именно конфедерации, а не властям отдельных колоний, принадлежит право принимать внешнеполитические решения.

Во-вторых, в 1644 г. благоволивший французскому авантюристу Уинтроп оставил свой пост (не в последнюю очередь из-за событий, связанных с Ля Туром). Кресло губернатора занял Джон Эндикотт, выступавший против оказания помощи Ля Туру (рис. 9). Еще в 1643 г. в своем письме Уинтропу он, с одной стороны, одобрял его действия и признавал, что «пока Ля Тур и д'Онэ будут противостоять друг другу, они будут ослаблять друг друга», а это, безусловно, выгодно Новой Англии; однако, с другой стороны, он отмечал, что «если Ля Тур возьмет верх, он будет нам [Массачусетсу. — *Ю. А.*] плохим соседом, и я опасаюсь, что мы получим мало радости, имея дело с этим французом-идолопоклонником».[123]

Встреча Ля Тура и Эндикотта была достаточно прохладной. Несмотря на то что в отличие от своего предшественника Эндикотт хорошо говорил по-французски, договориться с ним Ля Туру не удалось. Правда, губернатор не дал ему категорического отказа. Он заявил, что передаст вопрос о предоставлении помощи Ля Туру на

---

[121] Ibid. P. 181–182.

[122] Records, &c of Commissioners of the United Colonies // Historical Collections... / Ed. by E. Hazard. Vol. II. Philadelphia, 1974. P. 13, 26.

[123] John Endicott to John Winthrop, July 26, 1643 // Winthrop Papers: In 5 vols Vol. IV. Boston, 1929–1947. P. 394–395.

Рис. 9. Джон Эндикотт

рассмотрение собрания Уполномоченных конфедерации Новой Англии. Однако поскольку было хорошо известно, что другие члены конфедерации не поддерживают «интервенционистскую» политику бостонских купцов, надежд на принятие решения благоприятного для Ля Тура было немного.

Тем не менее на собрании уполномоченных, как и в прошлый раз, разгорелись бурные дебаты. Некоторые участники собрания даже склонялись к тому, чтобы оказать содействие Ля Туру. В их аргументации сочетались соображения морально-этического порядка (милосердие и сострадание к попавшему в беду соседу) и соображения безопасности (имелось в виду, что внутренний конфликт ослабляет потенциальных противников Новой Англии). Однако из-за того, что на заседании присутствовали не все старшины и члены магистратов, было решено отложить принятие окончательного решения на неделю. Спустя семь дней после жаркой дискуссии на тему «Позволительно ли истинным христианам помогать антихристианам?» и «Не нанесет ли это ущерба безопасности?» было принято достаточно неожиданное решение: направить официальный запрос к д'Онэ для выяснения его позиции, а пока не предпринимать никаких активных действий.[124] Руководители Конфедерации также еще раз косвенно осудили действия Уинтропа, заявив, что только они могут давать разрешение вербовать наемников для войны с кем бы то ни было.[125]

[124] *Osgood H. L.* Op. cit. Vol. I. P. 413.
[125] Ibid.

В послании к д'Онэ, составленном членами собрания, высказывались претензии по поводу рассмотренного нами выше инцидента 1635 г., а также по поводу заявления д'Онэ о том, что его люди будут нападать на все английские суда, которые попытаются проникнуть севернее Пентагоэ. В то же время руководители Новой Англии писали следующее: «...хотя наши люди, которые в прошлом году отправились на помощь Ля Туру, делали это без всякого официального поручения от нас, если будет доказано, что они нанесли [д'Онэ. — *Ю. А.*] какой-либо ущерб, о котором мы даже не знали, мы восстановим справедливость». Под текстом послания стояли подписи восьми членов магистрата. Оно было адресовано «Господину д'Онэ, рыцарю, наместнику короля Франции в Акадии и в Пор-Руайяле». К письму была приложена копия изданного незадолго до этого приказа губернатора и совета Массачусетса, где жителям этой колонии запрещалось чинить всякое насилие по отношению к французам и голландцам, за исключением тех случаев, когда это делалось в целях самообороны.[126]

Положение Ля Тура стало практически безвыходным. Ему, правда, стремился помочь явно благоволивший к нему Дж. Уинтроп, который после вынесения вышеупомянутого решения написал письмо лорду Форбсу, надеясь получить поддержку для Ля Тура от шотландских властей.[127] 9/19 сентября Ля Тур покинул Бостон. Хотя на сей раз его визит был не слишком удачен, ему были устроены торжественные проводы с орудийным салютом и почетным караулом.[128]

После возвращения в Сен-Жан Ля Тур написал бостонским властям благодарственное письмо, где, с одной стороны, всячески поносил своего противника д'Онэ, а с другой — подчеркивал, что Массачусетс оказывал ему помощь на основании «права нейтральных стран помогать воюющим сторонам».[129] Т. е. в глазах Ля Тура и Акадия и Массачусетс имели те же права, что и суверенные государства.

Тем временем д'Онэ решил последовать примеру своего соперника и попытался установить дипломатические отношения с Бостоном. Но в отличие от Ля Тура, стремившегося любой ценой получить от англичан помощь, д'Онэ преследовал более скромные цели. Он хотел заключить с Новой Англией хотя бы пакт о ненападении, который позволил бы ему расправиться со своим врагом. В инструкциях французских властей, которые были в курсе произошедшего в Ака-

---

[126]Winthrop's Journal... Vol. 2. P. 182–183.
[127]См.: John Winthrop to Lord Forbes (1644) // Winthrop Papers. Vol. IV. P. 501.
[128]Winthrop's Journal... Vol. 2. P. 194.
[129]Цит. по: *Palfrey J. G.* Op. cit. Vol. II. P. 148.

дии летом 1643 г., говорилось, что д'Онэ не следует предъявлять претензий администрации Новой Англии за ее контакты с Ля Туром, поскольку англичане делали это, будучи уверены, что тот на самом деле является королевским наместником.[130]

В начале октября 1644 г. в столицу Новой Англии прибыл официальный представитель д'Онэ капуцин Франсуа Мари, который, правда, был одет как мирянин (очевидно д'Онэ опасался, что неприязнь английских колонистов к монахам помешает Мари выполнить свою миссию). По прибытии в Бостон посол Акадии вручил Эндикотту свои верительные грамоты и письмо от д'Онэ. Мари также предъявил губернатору королевский приказ, скрепленный большой печатью, в котором Ля Тур объявлялся бунтовщиком и изменником, а д'Онэ предписывалось арестовать его самого и его жену.[131] Во время беседы с Эндикоттом Мари пожаловался на то, что в прошлом году жители Массачусетса помогали Ля Туру и тем самым нанесли большой ущерб французской колонии. Несмотря на это, он предложил заключить договор о мире и дружбе между Акадией и Массачусетсом.

Эндикотт занял позицию аналогичную той, которая была сформулирована в вышеупомянутом письме к д'Оне, и заявил, что все, кто участвовал в экспедиции Ля Тура, не имели никаких официальных полномочий от администрации колонии, ни тем более распоряжения предпринимать какие-либо враждебные действия по отношению к французам. Губернатор также сказал, что в Новой Англии очень сожалели, узнав о случившемся в Акадии.[132] По поводу предложения заключить договор Эндикотт заявил, что решить столь важный вопрос могут только уполномоченные Конфедерации Новой Англии, и попросил посла Акадии изложить свои предложения на бумаге, обещая, что они будут рассмотрены в самое ближайшее время.

Разместившись в доме Томаса Фаула, Мари составил проект мирного договора, а также набросок соглашения о взаимопомощи (имея в виду возможное содействие Бостона в усмирении Ля Тура) и соглашения, которое предполагало отказ договаривающихся сторон от поддержки врагов друг друга. Вскоре состоялась его встреча с уполномоченными Конфедерации. Дискуссия, в ходе которой Эндикотт говорил с Мари по-французски, а остальные — по-латыни, продолжалась полдня. Поначалу англичане предлагали д'Онэ помириться с Ля Туром, но Мари категорически отверг такую возможность и сказал, что, если бы Ля Тур добровольно подчинился королевскому

---

[130] *Parkman F.* Op. cit. Vol. 1. P. 1091.
[131] Winthrop's Journal... Vol. 2. P. 202.
[132] Ibid.

приказу и явился с повинной, ему была бы гарантирована жизнь и свобода, но если он будет схвачен с оружием в руках, он, наверное, лишится головы. В свою очередь, Мари упрекнул бостонцев за то, что они не задержали Франсуазу-Мари Ля Тур, которая незадолго до его приезда появилась в Новой Англии, и заявил, что д'Онэ будет захватывать все корабли, направляющиеся к Ля Туру.

Однако в целом переговоры, очевидно, проходили в достаточно мирной и деловой обстановке, так как вскоре был выработан окончательный вариант договора между Акадией и Конфедерацией Новой Англии. Через три дня после прибытия Мари в Бостон 8/18 октября 1644 г. этот документ был подписан. Договор был составлен на латыни в двух экземплярах (по одному для каждой из стороны). Он был озаглавлен: «Соглашение между Джоном Эндикоттом, губернатором Массачусетса в Новой Англии, и остальными членами магистрата и господином Мари, представителем (delegatum) господина д'Оне, рыцаря, губернатора и наместника Его Величества короля Франции в Акадии, провинции Новой Франции, составленное и заключенное в Бостоне в вышеупомянутом Массачусетсе в восьмой день восьмого месяца 1644 года».[133]

В этом договоре Новая Англия и Акадия заявляли о том, что будут поддерживать мирные отношения, и брали на себя обязательства не допускать враждебных действий своих подданных по отношению друг к другу. Жители обеих колоний могли свободно торговать между собой. Кроме того, был особо оговорен порядок разрешения конфликтов, в случае если таковые возникли бы между англичанами и французами. Договор подлежал ратификации другими колониями — членами Конфедерации Новой Англии и сьёром д'Онэ. Английская (точнее новоанглийская) сторона ратифицировала это соглашение 2/12 сентября 1645 г., а д'Онэ — 28 сентября 1646 г.[134]

При рассмотрении текста этого договора, прежде всего, нужно обратить внимание на то, что в нем нет ни слова ни об Англии, ни об английском правительстве или парламенте, ни об англо-французских отношениях. Упоминается только король Франции и то лишь мимоходом, при перечислении титулов д'Онэ. Стороны, заключившие договор, выступают скорее как суверенные государства, а не как колонии. Из текста следует, что мир должен был соблюдаться между «губернатором, членами магистрата <...> и всеми англичанами в пределах юрисдикции Массачусетса», с одной стороны, и «д'Онэ и всем его народом» — с другой. Как отметил Г. Ланкто, «таким образом, Акадия и Массачусетс заключили международный

---

[133] European Treaties... Vol. I. P. 350–351.

[134] Ibid. P. 347; см. также: Records, &c of Commissioners of the United Colonies // Historical Collections... / Ed. by E. Hazard. Vol. II. P. 53–54.

договор без руководства или совета со стороны обеих метрополий и присвоили себе право, которое Британская Канада приобретет только спустя 150 лет».[135] Столетием раньше Дж. Г. Палфри прокомментировал это так: «Массачусетс <...> решал вопросы войны и мира как государство, независимое от всего мира, за исключением конфедерации, главой которой он был».[136] Не следует, правда, забывать о том, что д'Онэ все же имел инструкции от французского правительства, где ему предписывалось поддерживать мир с англичанами, тогда как позиция Новой Англии в определенной степени была обусловлена событиями, происходившими в то время в ее метрополии, где бушевала гражданская война.

Вскоре после подписания договора Мари вернулся в Акадию, успешно выполнив свою миссию и встретив в Бостоне и Сейлеме вежливый и радушный прием, которого он даже не ожидал.[137] Однако, принимая посла д'Оне и заключая с ним соглашение, бостонцы также полностью не отказывались от продолжения контактов с Ля Туром. Осенью 1644 г. он продолжал получать из Бостона продовольствие и необходимые ему товары, а в декабре того же года Франсуаза-Мари Ля Тур наняла в Новой Англии три судна, которые доставили в Сен-Жан большой груз оружия, пороха и т. п.[138]

В начале 1645 г. д'Онэ, до этого несколько раз пытавшийся уговорить Ля Тура и его людей прекратить сопротивление, вторично осадил Сен-Жан. Незадолго до этого Ля Тур в очередной раз направился в Бостон, надеясь на помощь своих английских компаньонов. Он смог добиться отправки в Сен-Жан судна под командованием некого капитана Графтона с продовольствием и боеприпасами, однако оно было задержано д'Онэ на подходе к форту. У находившегося на борту слуги Ля Тура было обнаружено наряду с письмами его хозяина послание Уинтропа (к тому времени снова занявшего пост губернатора), адресованное мятежникам. Возмущенный тем, что бостонцы, несмотря на только что заключенный договор, продолжают помогать его врагу, д'Онэ объявил капитану, что считает его судно вместе с грузом своим призом. Вся команда во главе с Графтоном была арестована и вместо тюрьмы высажена на небольшом островке неподалеку от берега. Правда, через десять дней их посадили на небольшой пинасс и отпустили восвояси, благодаря чему в Бостоне вскоре узнали о случившемся и о ситуации в Акадии.[139]

---

[135] *Lanctot G.* Op. cit. Vol. I. P. 288.
[136] *Palfrey J. G.* Op. cit. Vol. II. P. 150.
[137] Winthrop's Journal... Vol. 2. P. 203.
[138] *Le Jeune L.-M.* Op. cit. T. II. P. 95–96.
[139] Winthrop's Journal... Vol. 2. P. 225–226.

3/13 апреля 1645 г. состоялось заседание бостонского магистрата, на котором обсуждался вопрос: какие законные действия можно предпринять, чтобы спасти Ля Тура и его форт от д'Онэ. Кроме того, была рассмотрена жалоба владельца захваченного д'Онэ судна.[140]

Принятые на этом заседании решения свидетельствуют о том, что английские поселенцы, несмотря на все свои симпатии к Ля Туру и заинтересованность в максимальном ослаблении д'Онэ, все-таки не хотели сами открыто вмешиваться в происходивший в Акадии конфликт, а были заинтересованы прежде всего в защите интересов своих купцов. В этот момент, когда положение Ля Тура явно было критическим, администрация Новой Англии ограничилась лишь тем, что направила д'Онэ послание, в котором выражала свое возмущение по поводу захвата английского корабля и требовала возмещения ущерба. При этом англичане ссылались на недавно заключенный договор о мире и упрекали д'Онэ в его нарушении.[141]

Тем временем д'Онэ, наконец, решился на штурм и после упорной схватки овладел цитаделью своего соперника. Падение Сен-Жана и «плачевное состояние» Ля Тура стало предметом обсуждения на очередном собрании руководства Массачусетса, однако никаких конкретных решений принято не было. Побежденный и разоренный Ля Тур был не нужен властям Новой Англии; ему пришлось покинуть Бостон, после чего он на несколько лет (но не навсегда) сошел с политической арены.

В свою очередь, д'Онэ было жизненно необходимо заставить власти Новой Англии смириться с произошедшими в Акадии переменами и признать его в качестве единственного и законного хозяина этой колонии. В конце 1645 — начале 1646 г. между Пор-Руайялем и Бостоном шла оживленная переписка. Стороны обменивались взаимными упреками. В столице Новой Англии не могли забыть ареста и конфискации судна, которым командовал Графтон, а д'Онэ составил перечень убытков, понесенных Акадией от англичан, начиная с 1643 г.[142] Кроме того, д'Онэ упрекал бостонцев за то, что они торговали с Ля Туром и тем самым оказывали ему поддержку даже тогда, когда им было официально сообщено о том, что он не является губернатором и подлежит аресту. На это власти Новой Англии отвечали рассуждениями о свободе торговли, однако в итоге обе стороны все же согласились начать переговоры. Первоначально бостонцы хотели, чтобы делегации двух колоний встретились в форте на Пенобскоте, однако д'Онэ, будучи не в состоянии взять на себя расходы по орга-

[140] Ibid. P. 225–226.
[141] Ibid.
[142] Ibid. P. 247–248.

низации переговоров, предложил, чтобы они, как и в прошлый раз, состоялись в столице Массачусетса.

20/30 сентября 1646 г. в Бостон пришла барка под французским флагом, на которой находился уже хорошо знакомый жителям Новой Англии Франсуа Мари и некий господин Луи. Они были встречены представителями администрации и офицерами колониальной милиции и в сопровождении почетного караула направились к Уинтропу, который приветствовал их на пороге своего дома. Поскольку французские посланцы прибыли в «Город на холме» в воскресенье, которое пуритане называли «шабатом» и целиком посвящали религиозным церемониям, им было предложено провести этот день в резиденции губернатора, куда для их «развлечения» были доставлены все оказавшиеся под рукой французские и латинские книги.[143]

На следующий день начались официальные переговоры. С английской стороны кроме губернатора Уинтропа в них участвовали также Уильям Хоторн и Дэниэл Денисон. Мари и Луи сразу же напомнили англичанам о «великих несправедливостях и обидах», которые были нанесены Акадии капитаном Хокинсом и его людьми, помогавшими Ля Туру. Их партнеры по переговорам заявили, что власти Новой Англии не имеют никакого отношения к этим событиям, так как они не давали Хокинсу ни разрешения, ни тем более приказа совершать подобные действия; они лишь позволили Ля Туру набирать добровольцев, будучи введены в заблуждение официальным письмом Вице-адмирала Франции, которое он им представил. Кроме того, английская сторона заметила, что в прошлом году это обстоятельство не помешало д'Онэ заключить мир с Бостоном. Мари же заявил, что подписанное соглашение никак не связано с вопросом о компенсации за причиненный ущерб, общая сумма которого составляет 8 тыс. фунтов.

Спор по этому поводу продолжался два дня. Французы сказали, что они не настаивают на названной ими цифре и согласны на самую скромную компенсацию при условии, что англичане хотя бы частично признают свою вину. В итоге стороны условились, что каждая из них принимает возражения другой стороны по поводу предъявленных претензий, которые таким образом снимаются, но поскольку экспедиция капитана Хокинса действительно нанесла ущерб французам, администрация Новой Англии, чтобы загладить вину своего соотечественника, отправит д'Онэ какой-нибудь подарок. Соглашение было быстро подписано, и уже 28 сентября состоялась торжественная церемония проводов акадийских посланцев. В качестве подарка они увезли с собой богато украшенный паланкин, принадле-

[143] Ibid. P. 286.

жавший вице-королю Мексики, который английские корсары незадолго до этого захватили в Вест-Индии и преподнесли Уинтропу, а тот, в свою очередь, передарил эту красивую, но бесполезную вещь д'Онэ.[144]

Междоусобица в Акадии стала достаточно серьезным вызовом для Массачусетса. Развернувшиеся в колонии дебаты об отношении к конфликту Ля Тура и д'Онэ заставили ее руководителей, а отчасти и население впервые самостоятельно сформулировать свою позицию по вопросу, касающемуся подданных другой державы. Иными словами, Массачусетс и Конфедерация Новой Англии в целом должны были выступить в качестве участника международных отношений (актора). Однако нельзя сказать, что жители «Города на холме» были втянуты в события, происходившие в соседней французской колонии против своей воли. Рассмотренные нами события середины 1630-х годов показали, что в том случае, когда Массачусетсу было невыгодно совершать какие-либо внешнеполитические акции, он их и не совершал, да и вообще никак не реагировал на то, что происходило на его границах. В данном случае бостонцы сразу же проявили интерес к Ля Туру. Другое дело, что, во-первых, этот интерес был далеко не всеобщим, а во-вторых, он далеко не полностью совпадал с теми задачами, которые пытался решить Ля Тур, обращаясь к англичанам.

Относительно того, чем был обусловлен этот интерес, мнения специалистов расходятся. Э. Баффинтон делает упор на политический аспект, подчеркивая, что главная задача Уинтропа состояла в том, чтобы «сохранить баланс сил в Акадии».[145] В свою очередь, Дж. Т. Адамс называет поведение губернатора Массачусетса «скромным вкладом в дипломатию доллара», подчеркивая, что он руководствовался прежде всего экономическими интересами.[146] О стремлении колонистов к сиюминутной выгоде от сомнительных операций писал Г. Л. Осгуд, слова которого мы уже цитировали. Сам губернатор Уинтроп, как мы видели, объяснял свои действия соображениями морали, утверждая, что он из милосердия оказывает помощь попавшему в беду соседу. Наконец, не следует забывать о том, что среди людей Ля Тура было немало гугенотов, а он сам постоянно демонстрировал свой интерес и уважение к протестантизму (насколько это было искренним — другой вопрос).

На наш взгляд, поведение администрации Массачусетса по отношению к акадийским делам определялось несколькими факторами

[144] Ibid. P. 284–286.

[145] *Buffinton A. H.* The Isolation Policy of Colonial Massachusetts // New England Quarterly. 1928. Vol. I, No 2 (April). P. 168.

[146] *Adams J. T.* The Founding of New England. Boston, 1921. P. 232.

политического, экономического, идеологического и гуманитарного свойства. Безусловно, очень большую роль играло стремление губернатора и связанных с ним купцов и судовладельцев к экономическому проникновению во французские владения, а также к получению дивидендов от торговли с Ля Туром. Против этого в Новой Англии не возражал никто. Однако как только встал вопрос о более активном (пусть и завуалированном) участии представителей английских колоний в поддержке Ля Тура, настроения резко изменились. Уинтропу пришлось столкнуться с серьезной оппозицией, что, с нашей точки зрения, было вызвано прежде всего тем, что жители Новой Англии не желали подвергать себя малейшему риску и осложнять отношения с д'Онэ, тем более в условиях, когда в старой Англии положение парламента, сторону которого они держали, было весьма сложным. Таким образом, соображения безопасности перевесили стремление к достижению экономической и политической выгоды. Хотя Уинтроп и его окружение были не прочь поддержать равновесие сил в Акадии и сохранить такого ценного торгового и политического партнера, как Ля Тур, было ясно, что большинство жителей Массачусетса и тем более всей Новой Англии не поддержат никакие силовые акции, которые могут иметь нежелательные последствия.

В то же время события середины 1640-х годов, несомненно, показали рост заинтересованности Массачусетса к расширению сферы своего экономического и политического влияния за счет соседних французских владений. В Бостоне внимательно следили за развитием ситуации в Акадии и пытались воздействовать на нее в своих интересах в том случае, если не опасались за последствия. Это относится как к контактам с Ля Туром, так и к попыткам примирить Ля Тура и д'Онэ (в начале переговоров с Мари) в тот момент, когда дело Ля Тура уже было проиграно.

Несмотря на то что ситуация в Англии в то время была весьма непростой, там также сохранялся интерес к событиям в Акадии. В самый разгар дискуссий в английских колониях Совет Новой Англии даже предоставил администрации Массачусетса полномочия, необходимые для покупки форта Сен-Жан у Ля Тура. В случае, если бы сделка не состоялась, по мнению членов Совета, Бостон должен был хотя бы постараться не допустить перехода форта к д'Онэ.[147]

Таким образом, можно сделать вывод, что, совершая свои самые первые шаги на внешнеполитической арене, Массачусетс прежде всего стремился к продвижению своих интересов, максимально избегая любого риска.

---

[147] См.: European Treaties... Vol. I. P. 348.

Что касается Ля Тура и д'Онэ, то их поведение было в значительной степени обусловлено той ситуацией, в которой оказалась Акадия, фактически брошенная на произвол судьбы правительством Анны Австрийской и Мазарини. Не следует забывать, что конфликт между двумя лидерами колонии был если не спровоцирован, то, по крайней мере, многократно усилен теми нелепыми ошибками, которые были допущены французскими властями, сразу не разобравшимися в ситуации, сложившейся в Акадии. При этом, как мы уже писали, независимость (а соответственно и элементы внешнеполитического суверенитета) Акадии были «независимостью слабости»[148] или независимостью пренебрежения к делам этой маленькой колонии, которая и в дальнейшем (причем не по своей воле) будет оставаться ареной англо-французского соперничества в Северной Америке.

Миссия Дрюйета. Первая попытка заключения договора между Новой Англией и Новой Францией

В середине XVII в. почти одновременно с событиями, рассмотренными нами в предыдущем параграфе, завязались первые дипломатические контакты между Новой Англией и Канадой. Хотя в данном случае определенные шаги навстречу делали обе стороны, цели англичан и французов и степень их заинтересованности друг в друге изначально были различными. Массачусетс и остальные члены Конфедерации Новой Англии заботились прежде всего о своих коммерческих интересах. Революция и гражданская война в Англии не только резко ослабили связь метрополии и ее североамериканских колоний, но и сказались на отношениях между самими колониями, расколов их на два лагеря. Торговля Новой Англии, являвшейся последовательной сторонницей парламента, с державшими сторону короля Вирджинией и островами Вест-Индии оказалась под угрозой. Отношения Бостона с Новыми Нидерландами также были весьма непростыми (прежде всего из-за пограничных споров). В этой ситуации власти Новой Англии решили, что французская колония в долине реки Св. Лаврентия может стать для них новым торговым партнером, контакты с которым помогут приспособиться к изменившейся ситуации. В конце 1647 или в начале 1648 г. власти Массачусетса обратились к администрации Новой Франции с предложением заключить торговый договор, который позволил бы наладить коммерческие связи между двумя колониями. Точно не известно, в какой

[148] Подробнее см.: *Акимов Ю. Г.* Очерки... С. 134.

именно форме это было сделано. П. Ф. К. де Шарлевуа, создававший свой труд спустя сто лет после рассматриваемых нами событий, сообщает, что якобы в 1648 г. в Квебеке побывал какой-то «представитель Новой Англии»;[149] однако ни в каких других английских или французских источниках этот факт не подтверждается.[150] В то же время и в Бостоне, и в Квебеке впоследствии признавали, что в указанное время контакты между колониями двух стран на предмет подписания коммерческого соглашения действительно имели место.[151]

В Новой Франции этот демарш был встречен положительно, однако квебекские власти хотели придать контактам с Новой Англией иное содержание. Их интересовала не столько торговля с Бостоном, сколько возможность в какой-либо форме привлечь своих южных соседей к борьбе с ирокезами. В 1646 г. могущественный Союз пяти племен, издавна занимавший враждебную позицию по отношению к гуронам, алгонкинам, монтанье и другим племенам, оказавшимся в орбите французского влияния, начал против них боевые действия, которые вскоре переросли в войну против самой Новой Франции. Масштабы конфликта были таковы, что на карту оказалась поставлена судьба всей колонии в долине реки Св. Лаврентия. Для Новой Франции настали черные дни. Ее сил было явно недостаточно для организации отпора ирокезам. Администрация неоднократно обращалась за помощью к метрополии, однако поглощенному перипетиями Фронды Мазарини было не до заморских проблем.[152] В этой ситуации губернатор Монманьи и его окружение решили использовать предложение своих южных соседей, чтобы попытаться заключить с ними оборонительный и наступательный союз против ирокезов. Предложение об этом содержалось в послании, направленном в Бостон в 1648 г.[153]

Администрация Массачусетса не спешила с ответом. Лишь 16 августа 1649 г. индейцы абенаки доставили в Квебек ее письмо, в котором повторялось предложение, касающееся торгового договора, причем с весьма показательной оговоркой о том, что его положения должны соблюдаться даже в случае разрыва между метрополиями. О военном союзе в письме не говорилось ни слова.[154] Тем не менее

[149] *Charlevoix P. F. X., de.* Op. cit. T. II. P. 6.

[150] См.: *Palfrey J. G.* Op. cit. Vol. II. P. 305.

[151] См.: Records, &c of Commissioners of the United Colonies // Historical Collections... // Ed. by E. Hazard. Vol. II. P. 181–182.

[152] Подробнее см.: *Акимов Ю. Г.* Очерки... С. 106–108, 113–115, 151–152.

[153] *Trudel M.* Histoire de la Nouvelle France. T. III, Pt 1. P. 205.

[154] Об этом письме упоминается в ответном послании квебекского совета к администрации Новой Англии. См.: Lettre du Conseil de Québec aux commissaires de la Nouvelle Angleterre. Québec, le 20 juin 1651 // Collection de manuscrits contenant lettres, mémoires et autres documents historiques relatifs à l'histoire de la Nouvelle-

власти Новой Франции, видимо, расценили сам факт получения ответа из Бостона как приглашение к продолжению переговоров. Свою роль, несомненно, сыграло то обстоятельство, что положение французской колонии в конце 1649 — первой половине 1650 г. становилось все более критическим, и ее администрация была готова использовать любую возможность для получения хоть какой-то реальной помощи.

Можно предположить, что власти Новой Франции надеялись прежде всего извлечь выгоду из традиционно непростых отношений Новой Англии и Новых Нидерландов — главного источника ирокезской мощи в то время. Вместе с тем, для того чтобы убедить жителей английских колоний подключиться к борьбе с ирокезами, в Квебеке рассчитывали использовать тот факт, что Союз пяти племен косвенно угрожал абенаки, проживавшим на границе Акадии и Новой Англии. С этими индейцами поддерживали коммерческие контакты купцы из Плимута, а сама эта колония, как мы указывали выше, претендовала на часть территории Мэна.

В конце лета 1650 г. губернатор Новой Франции Луи де Кулонж д'Айбу поручил иезуиту Габриэлю Дрюйету отправиться в Бостон, чтобы обсудить с властями Новой Англиии возможность заключения военного союза или хотя бы отправки отряда волонтеров для действий против ирокезов, что, с точки зрения администрации Новой Франции, должно было стать условием для подписания торгового соглашения между колониями. Дрюйету были выданы верительные грамоты, позволявшие говорить от имени губернатора.

Выбор д'Айбу был неслучаен. Отец Дрюйет долгое время занимался миссионерской деятельностью в Стране абенаки и завязал там контакты со многими английскими коммерсантами и поселенцами, в том числе с Джоном Уинслоу — главным торговым агентом Плимута в этих местах.

1 сентября 1650 г. Дрюйет в сопровождении одного индейского вождя отправился в Бостон. Они двигались сухим путем и до цели своего путешествия добрались только через три с лишним месяца (8 декабря). Первым человеком, встретившим представителя Новой Франции, был уже хорошо знакомый нам Эдвард Гиббонс. На следующий день в Роксбери произошла встреча Дрюйета с губернатором Массачусетса Томасом Дадли, который принял его «как настоящего посла».[155] Однако на все предложения, просьбы и аргументы Дрюй-

France, recueillis aux Archives de la Province de Québec ou copies à l'étranger: 4 t. T. I. Québec, 1883. P. 127.

[155] Narré du voyage faict pour la mission des Abnaquiois et des connaissances tirés de la Nouvelle Angleterre et des dispositions des magistrats de cette République pour le secours contre les Iroquois le tout par moi Gabriel Druillette de la Compagnie de

ета бостонские власти никак не среагировали. Они лишь вежливо посоветовали ему отправиться в Плимут, уверяя, что там он найдет больше понимания. Дрюйет прибыл туда 21 декабря и в тот же день виделся с Уильямом Брэдфордом, который также встретил его с большим почетом. В своем донесении иезуит ничего не сообщает о содержании их беседы, однако упоминает о том, что ему стало известно через третьих лиц, что губернатор Плимута якобы заявил, что «это вполне справедливо — помочь братьям-христианам, хотя и другого исповедания, в особенности [помочь бороться] против язычников, преследующих христиан».[156] По словам Дрюйета, Брэдфорд пообещал поставить вопрос об оказании помощи французам на ближайшей встрече уполномоченных Конфедерации Новой Англии, а также направил властям Новых Нидерландов письмо с требованием прекратить продажу оружия ирокезам.[157]

Ободренный этим Дрюйет вернулся в Бостон, где еще раз беседовал с Дадли, который, по его словам, сказал ему следующее: «Заверьте господина вашего губернатора, что мы [Массачусетс. — *Ю. А.*] хотим быть его добрыми друзьями <...> какие бы конфликты ни происходили между метрополиями. Я чрезвычайно рад, что губернатор Плимута хочет добиться оказания необходимой вам помощи против ирокезов, я всеми силами окажу ему в этом содействие».[158] Согласно донесению Дрюйета, аналогичное заявление сделал Джон Эндикотт, встреча с которым произошла у него в Сейлеме.[159]

Впрочем, не все собеседники иезуита были настроены таким образом. Дрюйет признает, что Гиббонс, обещая ему свою поддержку, в то же время предупреждал его о том, что «народ Бостона» вряд ли будет склонен воевать с ирокезами.[160]

Очевидно, что в ходе своей миссии Дрюйет услышал прежде всего то, что ему больше всего хотелось услышать. В составленном им вскоре после возвращения «Рассуждении о том, какую помощь против ирокезов можно надеяться получить от Новой Англии» он писал, что есть все основания надеяться на то, что необходимое большинство (три из четырех) колоний Новой Англии выскажется за войну с ирокезами. При этом он ссылался на заинтересованность Плимута (и лично его губернатора) в торговле с абенаки, на стремление Бостона наладить коммерческие контакты с Новой Францией, а также

Jésus // Recueil de pièces sur la Négociation entre la Nouvelle France et la Nouvelle Angleterre ès anneées 1648 et suivantes / Ed. par J. G. Shea. New York, 1866. P. 10.

[156] Ibid. P. 14.

[157] Ibid. P. 14, 21.

[158] Ibid. P. 14.

[159] Ibid. P. 17.

[160] Ibid. P. 16.

на симпатии, которые якобы испытывал к французам губернатор Коннектикута Джон Уинтроп младший. В крайнем случае, по словам Дрюйета, густонаселенные английские колонии могли бы легко собрать отряд добровольцев для похода против ирокезов.[161]

Ободренные такими известиями квебекские власти решили, что настал подходящий момент для заключения договора. 20 июня 1651 г. Дрюйет и член совета колонии Жан Годфруа были назначены «послами губернатора и совета» и наделены полномочиями для переговоров и подписания соглашений «как с губернаторами и магистратами Новой Англии, так и с Верховной палатой уполномоченных и депутатов соединенных колоний».[162] В письме, адресованном «уполномоченным Новой Англии», которое Дрюйет и Годфруа везли с собой, содержалось предложение заключить договор о военном союзе и коммерческое соглашение. При этом квебекские власти, с одной стороны, стремились убедить своих партнеров по переговорам, что ирокезы являются общими врагами англичан и французов, а с другой — увязать торговый и военный аспекты. Ссылаясь на то, что несколько лет тому назад из Бостона поступило предложение об установлении коммерческих контактов, они заявляли: «... мы желали бы установления этой торговли и сердечного и душевного союза между нашими и вашими колониями, но в то же время мы желаем войти с вами в наступательный и оборонительный союз против ирокезов — наших врагов, которые препятствуют нам в этой торговле, или, по крайней мере, делают ее менее выгодной для вас и для нас. Наше представление о том, что ваша обязанность — пресечь дерзость этих дикарей ирокезов, которые убивают сококи и абенаки — ваших союзников; а также возможность для вас извлечь выгоду из этой войны, если мы с вами будем вести ее должным образом — вот две причины, которые побудили нас продолжить сие предприятие с вашими уполномоченными <...> Мы не сомневаемся, что Господь благословит ваше и наше оружие, поскольку оно будет использовано для защиты дикарей-христиан, как ваших, так и наших союзников, против неверных варваров».[163]

Однако красноречие французов не помогло им достичь желаемого результата. Когда в середине лета 1651 г. Дрюйет, Годфруа и сопровождавший их Жан Герен прибыли в Новую Англию, они быстро выяснили, что ни Плимут, ни другие английские колонии не хотят

---

[161] Réflexions touchant ce qu'on peut espéerer de la Nouvelle Angleterre contre l'Iroquois // Recueil de pièces... P. 26–30.

[162] Extrait des registres de l'Ancien Conseil de la Nouvelle France, du vintième jour de Juin 1651 // Ibid. P. 57–58.

[163] Lettre du Conseil de Québec au Commissaires de la Nouvelle Angleterre. (Québec, le 20 juin 1651) // Collection de manuscrits. T. I. P. 127–128.

связывать себя какими-либо обязательствами. Англичане категорически воспротивились идее заключения военного союза, отказались разрешить французам набирать волонтеров в английских поселениях, а также заявили, что не могут пропустить французские войска через свою территорию.[164]

6/16 сентября Уполномоченные Конфедерации направили письмо «Губернатору и Совету Новой Франции», где говорилось, что англичане «не примут участия ни в какой войне, прежде чем они не получат полного и убедительного подтверждения, что это справедливо во всех отношениях и соображениях, и что до этого мир на справедливых условиях был предложен и отвергнут». В этом письме также говорилось, что мохоук и другие племена Лиги не причинили англичанам никакого вреда, но наоборот «показывали свое подлинное уважение к ним»; а что касается просьбы разрешить французским отрядам проходить через территорию Новой Англии, то это, с точки зрения уполномоченных, было невозможно, так как могло «подвергнуть опасности и христиан и других индейцев и некоторые из маленьких английских колоний».[165]

Такая позиция властей Новой Англии была прежде всего обусловлена тем, что война с ирокезами была им не нужна, и они стремились избежать любых действий, которые могли бы вызвать враждебность Союза пяти племен. Выгоды, которые сулила торговля с французскими колониями, не стоили того, чтобы ради них ввязываться в конфликт с могущественным противником. Каких-либо точек соприкосновения с ирокезами у самой Новой Англии не было. Что касается абенаки, то их судьба, по-видимому, не слишком беспокоила англичан, тем более, что они были хорошо осведомлены о деятельности католических миссионеров среди племен этого союза и о профранцузских симпатиях многих из них (столь блестяще проявившихся в дальнейшем). Что касается отношений английских и голландских колоний, то они в это время протекали в мирном русле. В сентябре 1650 г. состоялась встреча губернатора («директора») Новых Нидерлндов Петера Стёйвезанта с уполномоченными Конфедерации Новой Англии, в результате которой был подписан так называемый Хартфордский договор, установивший границу между Коннектикутом и голландскими владениями и снявший значительную часть противоречий между англичанами и голландцами в Северной Америке.[166] В Старом Свете разрыв между Англией и Республикой Соединенных Провинций произошел только в 1652 г.

---

[164] *Trudel M.* Histoire de la Nouvelle France. T. III, Pt 1. P. 206.

[165] Records, &c of Commissioners of the United Colonies // Historical Collections... / Ed. by E. Hazard. Vol. II. P. 182–185.

[166] См.: European Treaties... Vol. 2. P. 4–6.

В конце октября 1651 г. Годфруа вернулся в Квебек. Дрюйет остался в Стране абенаки, откуда он в конце года обратился с отчаянным воззванием к Уинтропу младшему (во время визита в Новую Англию французские посланцы не посетили Коннектикут). В своем письме к нему Дрюйет говорил, что, кроме Бога, ему теперь остается уповать только на поддержку губернатора Коннектикута, которому он от имени администрации Новой Франции предлагал «самые широкие коммерческие преимущества и значительную компенсацию военных расходов за <...> некоторое количество войск для обороны христиан Канады». Дрюйет довольно наивно просил Уинтропа оказать давление на колониальную ассамблею и на уполномоченных Конфедерации Новой Англии. Любопытно отметить, что в этом письме абенаки (от имени которых Дрюйет также выступал) назывались «жителями Новой Англии <...> и клиентами колонии Плимут» (populares Novæ Angliæ <...> et peculiare Coloniæ Pleymythensis clientes).[167] В последующем статус этих индейцев станет объектом ожесточенных дискуссий и конфликтов между англичанами и французами.

Однако это письмо также не возымело никакого воздействия. Новая Англия не была заинтересована в политических контактах с французами, а тем, в свою очередь, были не нужны просто коммерческие соглашения. Из-за различных подходов сторон первая попытка установления отношений между Новой Англией и Новой Францией закончилась неудачно.

В то же время сам факт переговоров между двумя колониями, несомненно, имеет большое значение и дает пищу для размышлений. Во-первых, это было первое самостоятельное внешнеполитическое выступление Новой Франции, которая таким образом заявила о себе как об участнике международных или, по крайней мере, межколониальных отношений. Полномочия Дрюйета и Годфруа в дальнейшем использовались властями Новой Франции в качестве образца для составления подобных документов (например, губернатором Филиппом де Водрёем в 1712 г.[168]).

Конечно, пытаясь получить поддержку со стороны англичан, канадская администрация в известной степени хваталась за соломинку. От колоний Новой Англии было сложно ожидать какого-либо содействия в борьбе с ирокезами. Однако это ясно нам, но, как видим, это совсем не было ясно в Квебеке в 1650 г. В середине XVII в. в Северной Америке французы вовсе не считали своих соседей англичан потенциальными противниками, а, наоборот, пытались даже заклю-

[167] The Jesuit Relations and Allied Documents. Vol. XXXVI. P. 79–81.

[168] См.: Documents Relative to the Colonial History of the State of New York: In 15 vols / Ed. by E. B. O'Callaghan and B. Fernow. Vol. IX. Albany, 1853–1887. P. 7.

чить с ними военный союз. Что касается жителей Новой Англии, то они предпочитали соблюдать нейтралитет в прямо не касавшемся их и серьезно не затрагивавшем их интересы конфликте французов и ирокезов, будучи в то же время заинтересованы в развитии торговых контактов с Квебеком (заметим в скобках, что англичане, отношение которых к индейцам хорошо известно, считали себя в праве указывать французам на необходимость предложить ирокезам «мир на справедливых условиях»).

Важно отметить, что если все предыдущие межколониальные контакты носили в определенной степени случайный характер, будучи обусловленными не столько объективными причинами, сколько субъективными моментами (как, например, в случае с Ля Туром и д'Онэ), то в данном случае и Новая Англия, и Новая Франция действовали вполне осознанно. Можно сказать, что именно в середине XVII в. на политической арене колониальной Северной Америки появляются новые акторы — английские и французские колонии, преследующие свои собственные цели и задачи.

Новый виток борьбы за Атлантический регион

В середине XVII в. Акадия оставалась в центре англо-французского соперничества в Северной Америке. Конфликт Ля Тура и д'Онэ отнюдь не способствовал развитию этой многострадальной колонии. Наоборот, он привел к ослаблению французских позиций в Атлантическом регионе и продемонстрировал эту слабость англичанам. Кроме того, после краткой передышки в колонии вновь возобновилась междоусобная борьба. В 1650 г. при невыясненных обстоятельствах погиб д'Онэ, и Акадия стала предметом споров и конфликтов между вновь появившимся в колонии Ля Туром (который вскоре совершил на первый взгляд совершенно невероятный поступок, женившись на Жанне д'Онэ — вдове своего врага) и кредитором покойного д'Онэ — Эмманюэлем Ле Борнем. При этом и тот и другой стремились заручиться поддержкой влиятельных лиц, тогда как правительство королевы-регентши, как и раньше, либо бездействовало, либо запутывало ситуацию своими противоречивыми решениями.

Не удивительно, что в этой ситуации Акадия стала жертвой английской агрессии, причем абсолютно неожиданной и на сей раз ничем не спровоцированной. В начале 1654 г. по приказу Кромвеля в Америку была отправлена эскадра Роберта Седжуика, перед которой была поставлена задача захвата Новых Нидерландов (с 1652 г. шла англо-голландская война). Однако, придя в Бостон, Седжуик узнал, что 5 апреля 1654 г. Английская республика заключила мир

с Республикой Соединенных Провинций. В этой ситуации администрация Новой Англии без какой-либо санкции Лондона приказала Седжуику напасть на французские поселения в Акадии, цинично рассудив, что необходимо найти какое-то применение его силам, а также собранным в Бостоне отрядам волонтеров, которые должны были участвовать в экспедиции против голландской колонии. То обстоятельство, что Англия и Франция в тот момент не находились в состоянии войны, не смутило бостонцев.

Правда, следует учитывать, что в начале 1650-х годов отношения между Лондоном и Парижем были достаточно сложными. Несмотря на то что с 1650 г. агенты Мазарини начали переговоры с представителями Кромвеля, официально Франция до 1655 г. не признавала Английской республики. В то же время саму Францию сотрясала Фронда, лидеры которой, в свою очередь, пытались заручиться поддержкой англичан в борьбе с кардиналом. По меньшей мере, трижды (летом 1650 г., в октябре 1651 г. и летом 1653 г.) в Лондоне всерьез рассматривался вопрос о вооруженном вмешательстве в происходившие во Франции события.[169] Во Франции находилась английская королевская семья, французские порты служили базой для операций роялистских каперов. На море между англичанами и французами постоянно происходили столкновения. В начале 1654 г. вопрос об объявлении войны Франции еще не снимался Кромвелем с повестки дня, а в инструкциях отправлявшемуся на завоевание Эспаньолы адмиралу Пенну говорилось, что он должен атаковать французские суда, так же как и испанские.[170]

Обо всем этом Седжуик несомненно знал. Впоследствии он открыто заявлял, что нападение на Акадию было предпринято им «для защиты английских интересов и расширения владений Его Превосходительства [Кромвеля. — *Ю. А.*] в западных американских странах».[171]

В начале июля 1654 г., имея в своем распоряжении 4 боевых корабля и более 500 матросов и солдат, Седжуик направился к берегам многострадальной Акадии. Его люди легко захватили слабо защищенный форт Пентагоэ, а уже 14 июля английская флотилия подошла к форту Сен-Жан, где в тот момент находился Ля Тур. Тот, понимая, что соотношение сил явно не в его пользу (в фор-

---

[169] См.: *Поршнев Б. Ф.* Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII века. М., 1970. С. 146–149, 158–163.

[170] *Capp B.* Cromwell's Navy: The Fleet and the English Revolution, 1648–1660. Oxford, 1989. P. 92.

[171] Цит. по: *Фирсова Н. С.* Политика Англии по отношению к ее американским колониям в 1640–60-е гг. // Учен. Зап. Моск. Обл. пед. Ин-та им. Н. К. Крупской. Т. 121, Вып. 5. М., 1965. С. 112.

те Ля Тура по разным оценкам находилось от 70 до 90 человек), попытался завязать переговоры, доказывая, что он всегда являлся верным союзником англичан из «старой» и Новой Англии. Однако на Седжуика это не подействовало и 27 июля Ля Туру пришлось сдаться.

После этого английские корабли направились к Пор-Руайялю. Гарнизон этого главного французского поселения в Акадии насчитывал около 120 солдат, располагавших достаточным количеством оружия и боеприпасов. Кроме того, он мог быть усилен колонистами. У Седжуика, оставившего гарнизоны в Пентагоэ и Сен-Жане, в строю оставалось не более 300 человек. Однако распоряжавшийся в тот момент Пор-Руайялем Ле Борнь действовал крайне пассивно, заботясь главным образом о своем имуществе. Командир французского гарнизона, правда, пытался препятствовать высадке англичан, но потерпел неудачу.[172] В поселении началась паника, и Ле Борнь поспешил вступить в переговоры с противником. 16 августа он вместе с главой миссии капуцинов отцом Леонаром де Шартром и еще несколькими именитыми поселенцами подписал капитуляцию Пор-Руайяля. По ее условиям гарнизону разрешалось покинуть форт со всеми воинскими почестями; жителям гарантировалась возможность свободно исповедовать католическую религию. Сам Ле Борнь получил право вернуться во Францию на своем судне со всем своим имуществом (что он и поспешил сделать).[173]

Водворившись в Пор-Руайяле, англичане начали бесчинствовать в поселении. Нарушив условия капитуляции, они разграбили и сожгли церковь и подворье капуцинов. Отец де Шартр, пытавшийся остановить солдат Седжуика, был убит; остальных монахов англичане выгнали из поселения.

Осенью Седжуик организовал экспедицию против форта Ля-Эв и установил контроль над этим важным постом. В результате Акадия, за исключением ее северного побережья, где находились сеньории и рыболовные станции Николя Дёни, оказалась в руках англичан. В Пор-Руайяле и других акадийских фортах находились их гарнизоны.

Поручив управление завоеванной колонией своему зятю капитану Джону Леверетту (будущему губернатору Массачусетса), Седжуик вернулся в Бостон, а оттуда в конце 1654 г. отправился в Англию. Он

---

[172] См.: *Denys N.* Description géographique et historique des costes de l'Amérique septentrionale. Avec histoire naturel du païs: 2 t. Paris, 1672. T. I. P. 10–11.

[173] Условия капитуляции Пор-Руайяля см.: Capitulation de Port-Royal, du 16 août 1654 // Mémoires des Commissaires de Sa Majesté Très-Chrétienne et de ceux de Sa Majesté Britannique sur les possessions et les droits respectifs des deux Couronnes en Amérique: 3 t. Amsterdam, 1755. T. II. P. 507–511.

получил аудиенцию у Кромвеля, который весьма благосклонно отнесся к действиям своего адмирала. В честь его завоеваний название «Акадия» было дано одному из новых военных кораблей.[174] В это время лорд-протектор стал склоняться к идее заключения мирного договора с Францией и, видимо, полагал, что обладание большей частью Акадии увеличивает шансы англичан подписать соглашение на выгодных для них условиях. Кроме того, Кромвель хорошо понимал, что захваченные Седжуиком посты имеют большое экономическое, а главное, стратегическое значение и поэтому старался по возможности удержать их за Англией.

Со своей стороны, прибывший в это время в Лондон французский посол Антуан де Бордо в ходе переговоров с Кромвелем помимо прочего потребовал возвращения Акадии, утверждая, что захват этой колонии был незаконным. В ответ Кромвель предложил передать вопрос об Акадии вместе с вопросом о возмещении убытков, причиненных английскими и французскими каперами, и вопросом о правах на Ньюфаундленд специальной комиссии. Французская сторона согласилась с этим предложением, считая нецелесообразным затягивать переговоры из-за разногласий такого рода.

В подписанном 3 ноября 1655 г. Вестминстерском договоре содержались следующие статьи, относящиеся к колониям. Статья XXIV предусматривала назначение с каждой стороны трех уполномоченных, которые должны были «рассмотреть, изучить, оценить и ликвидировать <...> захваты и потери и установить и определить компенсации, платежи и возмещение...». Уполномоченные должны были собраться в Лондоне не позднее чем через шесть недель после опубликования текста договора и урегулировать все спорные проблемы в течение пяти месяцев. Если они за это время не успевали прийти к взаимоприемлемому решению, вопросы передавались на арбитраж Гамбурга. В статье XXV было специально оговорено, что вопрос о возвращении захваченных англичанами акадийских фортов также должен быть разрешен уполномоченными или передан на арбитраж, как это предусмотрено в предыдущей статье.[175]

Как видим, правительство Мазарини достаточно спокойно отнеслось к захвату англичанами французских постов и не стало предпринимать никаких усилий, для того чтобы вернуть их. Более того, оно согласилось передать вопрос о судьбе Акадии на рассмотрение уполномоченных, признав, таким образом, его спорный характер. Безусловно, это было связано с тем, что при Мазарини французское государство столкнулось с рядом серьезных внутренних и внешних

---

[174] *Capp B.* Op. cit. P. 92.

[175] European Treaties... Vol. II. P. 45–47.

проблем, не позволявших уделять большое внимание колониальной экспансии, которая была в известной степени пущена на самотек. Колонии, как это было не раз, приносились в жертву интересам «большой» европейской политики.

Что касается Акадии, то и англичане, и французы считали себя ее законными хозяевами. В этой запутанной ситуации наибольшую активность проявил неунывающий Ля Тур. Вместе с Седжуиком он прибыл в Англию, где после долгих мытарств сумел обратить на себя внимание ряда влиятельных лиц и добиться аудиенции у Кромвеля. Ля Тур заявил, что он давно сотрудничал с Александером и имеет титул баронета Новой Шотландии, в то время как французское правительство всегда относилось к нему несправедливо, и что он готов снова перейти на английскую службу.

Кромвель согласился признать Ля Тура баронетом Новой Шотландии при условии, что он будет честно поддерживать англичан, отдаст долги своим бостонским кредиторам, поддерживавшим его в борьбе против д'Онэ, а также заплатит жалование английскому гарнизону в Акадии и будет ежегодно присылать в Лондон 20 бобровых и 20 лосиных шкур.

У Ля Тура не было средств, чтобы выполнить условия Кромвеля, и ему пришлось искать себе компаньонов, которые могли бы выплатить эти суммы. Ему удалось установить контакт с сэром Томасом Темплом (племянником члена Государственного Совета лорда Фиенна) и Уильямом Крауном, выходцем из торгово-промышленных кругов, выдвинувшемся в годы революции. В мае 1656 г. они подали совместную петицию в Государственный совет, и 9 августа им был выдан патент, по которому они становились собственниками территорий, весьма странно обозначенных как «Акадия и часть Новой Шотландии». Как следовало из патента, под этой формулировкой понималась юго-западная оконечность полуострова Новая Шотландия (полуостров был разделен по линии, проходящей от устья реки Мирлигуэш на северо-запад), часть острова Принца Эдуарда, а также полуостров Гаспе, весь Нью-Брансуик и прилегающий к нему северо-восток Мэна, ограниченные с одной стороны линией, проходящей от устья реки Сент-Джордж через континент на северо-запад, а с другой стороны — заливом и рекой Св. Лаврентия.[176]

Заметим сразу, что Государственный совет в данном случае явно нарушил условия только что заключенного англо-французского договора, в котором данные территории фигурировали как спорные.

[176]Traduction informe de la concession faite par Cromwell aux sieurs Charles de Saint-Etienne, qualifyé Baron d'Ecosse, Crowne & Temple, du 9 août 1656 // Mémoires des Commissaires. T. II. P. 511–516.

Правда, никакой совместной комиссии уполномоченных, о которой говорилось в договоре, к тому времени так и не было создано.

Темпл и Краун, оттеснив престарелого Ля Тура на второй план, начали устанавливать контроль над своими новыми владениями. 18 сентября 1656 г. Кромвель приказал передать Темплу все форты в Новой Шотландии вместе со всем находящимся там имуществом.[177] Однако, вступив во владение Акадией, ее новые собственники предпочли обосноваться в Бостоне. Они интересовались главным образом пушной торговлей, которую вели в Акадии их агенты. В конце 1650-х годов Краун отошел от дел, и главную роль в акадийских делах стал играть Темпл.

Во Франции тоже не забывали об Акадии. Ле Борнь, узнав, что его соперник Ля Тур заключил соглашение с англичанами, в конце 1657 г. добился от правительства своего назначения губернатором всей Акадии,[178] что свидетельствовало о том, что Париж все же не хотел отказываться от своих притязаний на эту колонию. Однако, чтобы стать губернатором Акадии не на словах, а на деле, Ле Борню надо было изгнать оттуда англичан. Понимая, что на сколько-нибудь существенную помощь от властей рассчитывать не приходится, он начал действовать самостоятельно, причем сразу на двух направлениях.

В феврале 1658 г. Ле Борнь отправился в Лондон, чтобы потребовать у Кромвеля возвращения своих владений. Одновременно он отправил в Акадию 50 человек под началом своего сына Александра Ле Борнь де Бель-Иля, поручив ему вступить во владение страной. В мае 1658 г. Ле Борнь младший достиг форта Ля-Эв, незадолго до этого восстановленный по приказу Темпла. Стремительной атакой форт был захвачен.[179] Воодушевленный успехом Ле Борнь младший попытался захватить другой форт Темпла, расположенный около Пор-Ля-Тур, но на сей раз потерпел неудачу.

Как только находившемуся в Бостоне Темплу стало известно о появлении в его владениях французов и потере Ля-Эв, он направил туда отряд, который попытался отбить форт. Первая атака была неудачной для англичан, понесших большие потери (был убит их командир Уолсли). Однако в итоге возглавлявший оборону Ля-Эв лярошельский торговец Гильбо (Ле Борня младшего в тот момент

[177] Ordre de Cromwell au Capitaine Leverett de remettre au Colonel Temple les forts de la Nouvelle Ecosse, du 18 septembre 1656 // Ibid. T. II. P. 290–291.

[178] См.: Lettres patentes du Roy <...> au Sr Emmanuel Le Borgne. A Paris, le 20 Novembre 1657 // Collection de manuscrits... T. I. P. 151.

[179] Articles against Mons Laborn, on behalf Colonel Temple, Lieutenent General of New Scotland. Nov. 1658 // Calendar of State Papers. Colonial Series. Vol. I. P. 469, 474.

не было в форте) вступил в переговоры с людьми Темпла и согласился оставить форт при условии, что французам будет позволено увезти с собой все свои меха и товары.[180] Проникнув в форт, англичане отказались соблюдать условия капитуляции и конфисковали все находившееся там имущество. Они захватили в плен раненого Ле Борнь де Бель-Иля и увезли его в Бостон.

Попытки Ле Борня старшего добиться у правительства Кромвеля возвращения захваченных англичанами фортов полностью провалились. Однако он не хотел складывать оружия. Тут ему на руку сыграло наметившееся в это время сближение Англии и Франции. 23 марта 1657 г. в Париже между двумя державами был заключен военный союз, направленный против Испании. Шесть тысяч «железнобоких» Кромвеля помогли Тюренну одержать победу в знаменитом сражении при дюнах и затем добиться сдачи Дюнкерка и Гравелина.

В этой ситуации (очевидно под давлением Компании ста участников) правительство Мазарини сочло возможным поднять вопрос о судьбе Акадии. Уже в январе 1658 г. французскому послу в Лондоне было сообщено о приезде Ле Борня и поручено оказывать ему всяческую поддержку.[181] В октябре того же года де Бордо было сообщено о нападении на Ля-Эв и захвате пленных. От имени Людовика XIV ему были даны инструкции потребовать освобождения Ле Борня младшего и других пленных, возвращения захваченного имущества, а также снова «потребовать возвращения фортов и поселений Пор-Руайяль, Сен-Жан и Пентагоэ, которые [англичане. — *Ю. А.*] не вернули под тем предлогом, что стороны собирались назначить уполномоченных». Де Бордо должен был настаивать на том, чтобы эти форты были переданы под контроль правительства Гамбурга «до тех пор, пока не соберутся упомянутые уполномоченные». Король (точнее его министр) писал: «Я нахожу происшедшее столь противоречащим доброму согласию, которое должно соблюдаться между союзными нациями, что считаю необходимым информировать вас и поручить вам обжаловать это там, где вы находитесь».[182]

В ноябре 1658 г. де Бордо заявил протест по поводу действий англичан в Акадии, нарушения прав Компании ста участников, захвата фортов, насилия над жителями и нарушения их прав, разрушения и осквернения церквей и ареста Ле Борнь де Бель-Иля. Французская сторона требовала оставить французов в их поселениях, дать

[180] *Denys N.* Op. cit. T. I. P. 11.

[181] Le Roi à son ambassadeur en Angleterre. A Paris, le 30 janvier 1658 // Collection de manuscrits. T. I. P. 152.

[182] Le Roi à son ambassadeur en Angleterre. A Paris, le 7 octobre 1658 // Ibid. T. I. P. 153–154.

им возможность свободно торговать с индейцами, вернуть Ле Борню Ля-Эв, освободить пленных, а для разрешения всех остальных вопросов создать особую комиссию.[183]

Встревоженный известием о демарше де Бордо, произведенном на фоне альянса Кромвеля и Мазарини, Темпл в конце декабря 1658 г. писал лорду Фиенну и своим английским компаньонам, что «Новая Шотландия очень важна для Англии», поскольку может поставлять в метрополию прекрасную рыбу, меха, лес, уголь, различные полезные ископаемые. По мнению, Темпла правительству следовало заключить прочный мир с французами, который бы четко разграничил владения держав, либо обеспечить своим колониям эффективную защиту.[184] В то же время из уст капитана Бридона — компаньона Темпла, представлявшего его интересы в Лондоне, прозвучала мысль о том, что французские поселенцы, проживающие в Пор-Руайяле и его окрестностях, должны «подчиниться правительству [Англии. — *Ю. А.*] или покинуть свои фермы».[185] Так впервые была высказана идея об изгнании акадийцев, правда, пока не нашедшая практического применения.

Вопрос о судьбе захваченных англичанами фортов так и не был решен во второй половине 1650-х годов. Союз Мазарини и Кромвеля носил ограниченный характер, являясь типичным «браком по расчету», в котором каждая сторона преследовала свои собственные цели и интересы. Французское правительство, сталкивавшееся в этот период с многочисленными трудностями и заинтересованное в союзе с Англией, совершенно не хотело осложнять и без того непросто складывающиеся отношения с Лондоном, чтобы вернуть далекую колонию. Правительство Кромвеля такая ситуация вполне устраивала.

Но позицию правительств не разделяли их подданные. Проблема Акадии сохранялась. От Мазарини и Кромвеля она перешла к Людовику XIV и Карлу II.

* * *

События, которые мы рассмотрели в разделе II, сами по себе были, может быть, и не слишком масштабными и тем более не казались таковыми современникам. Однако именно с этих небольших инцидентов берет начало грандиозное соперничество англичан и французов в Северной Америке.

[183] Representation by the French Ambassador of the Complaint of the Company of New France in America. London. Nov. 1658 // Calendar of State Papers. Colonial Series. Vol. I. P. 469–470.

[184] Col. Thos. Temple to [Lord Fienes and Company]. Boston [New England]. Dec. 27, 1658 // Ibid. P. 471.

[185] Minutes of Articles Proposed by Capt. Breedon on the Part of Col. Thos. Temple, Lieut. Gen. of Nova Scotia to Lord Fienes and Others. 1659 // Ibid. P. 473–474.

В первой половине XVII в. англо-французское соперничество в Северной Америке сконцентрировалось главным образом в Атлантическом регионе Канады, интерес к которому проявляли не только две колониальные державы, но и стремительно развивающаяся Новая Англия. В значительной степени это было обусловлено спецификой его географического, а также геополитического положения — на границе двух колонизационных потоков и в то же время на периферии колониальных интересов метрополий. Однако в то время ни одна, ни другая сторона еще не обращала внимания на стратегическое значение этого региона, который легко можно было превратить в форпост, базу для наступления на соседние колонии, будь то Канада или Новая Англия. Пока англичане и французы руководствовались здесь соображениями либо экономической выгоды, либо престижа.

Следует обратить внимание и на фактор случайности, столь ярко проявившийся в событиях вокруг Акадии. Рейд Седжуика, столь резко изменивший ситуацию в регионе, был все же изначально направлен Кромвелем против голландцев, а не против французов. Здесь главную роль, на наш взгляд, сыграли находчивость, предприимчивость, решительность, расчетливость, а также известный цинизм властей Массачусетса, умело воспользовавшихся удачным для них стечением обстоятельств. Этому, несомненно, способствовало, то, что бостонцы были, во-первых, хорошо осведомлены о ситуации в Акадии и тех силах, которыми располагали французы в этой колонии, во-вторых, заинтересованы в проникновении в Атлантический регион (что, естественно, было бы существенно легче, если бы он перешел под английский контроль), наконец, в-третьих, не сомневались в том, что их действия, если и не получат поддержки со стороны метрополии, то, по крайней мере, не будут осуждены.

Еще один вывод, который можно сделать из данного раздела, касается того, что уже в 30–40-е годы XVII в. английские и французские колонии начали совершать свои первые самостоятельные внешнеполитические акции, адресованные своим соседям — владениям других стран, т. е. субъектам такого же уровня. Несмотря на то что эти действия, с одной стороны, являлись сугубо эпизодическими, а с другой — зачастую были вызваны случайным и сиюминутным стечением обстоятельств, они все равно свидетельствовали о том, что колонии не просто осознали и сформулировали свои собственные цели и интересы, отличные от целей и интересов метрополий, но начали пытаться отстаивать их, в том числе с помощью внешней политики. Конечно, в первую очередь это следует отнести к Массачусетсу и другим колониям Новой Англии, но, на наш взгляд, в определенной степени это же можно сказать и о Канаде (в Ака-

дии основную роль играл все же субъективный фактор). Формулируя свои внешнеполитические цели и задачи, английские и французские колонисты руководствовались прежде всего соображениями выгоды и безопасности, хотя политические установки и религиозные соображения также оказывали очень большое воздействие на процесс принятия внешнеполитического решения. Кроме того, следует подчеркнуть, что, вступая друг с другом в переговоры, английские и французские колонисты тем самым фактически признавали легитимность друг друга, что было особенно важно в колониальных условиях, где отсутствовали признанные границы, но зато имелись взаимоисключающие территориальные притязания (хотя при этом, что тоже немаловажно, вопрос о границах и о статусе самих владений оставался открытым).

Стоит также обратить внимание и на в целом безразличное отношение обеих метрополий к первым внешнеполитическим акциям их колоний. Ни Кромвель, ни тем более Мазарини не проявляли никакого интереса ни к конфликтам, ни к переговорам Бостона, Квебека и Пор-Руайяля, строго отделяя политику, делающуюся в Старом Свете, от колониальных сюжетов, происходящих «за линией». Последнее подтверждается и тем, что обе стороны вполне спокойно относились к тем действиям друг друга, которые открыто нарушали нормы международного права. Этому безусловно способствовало то, что в 1630–1650-е годы англо-французские отношения в Европе, несмотря на определенную неустойчивость, в целом оставались мирными.

Однако вскоре ситуация начала меняться. Северная Америка медленно, но неуклонно входила в орбиту большой политики.

Раздел III

Колонии и метрополии: дискуссии и конфликты 60–80-х годов XVII в.

Глава 1. ПЕРВАЯ ПОПЫТКА ВТЯНУТЬ КОЛОНИИ В ЕВРОПЕЙСКУЮ ВОЙНУ

Период, который мы рассмотрим в данной главе, был наполнен событиями различного масштаба. На всем его протяжении отношения Лондона и Парижа отличались еще более резкими колебаниями, чем раньше, однако пока еще они не воспринимали друг друга как постоянного противника, а наоборот стремились к сближению. Перипетии англо-французских отношений причудливым образом отразились на ситуации в их колониях, все более громко заявляющих о своих собственных интересах.

Англо-французские отношения 60-х годов XVII в. и Северная Америка

В конце 1650-х — начале 1660-х годов в Англии и Франции произошли серьезные перемены, в конечном счете, оказавшие влияние и на судьбу их американских владений. В конце 1658 г. умер Кромвель; в 1660 г. в Англию вернулись Стюарты. В 1661 г. скончался кардинал Мазарини, и во Франции началось самостоятельное правление Людовика XIV, всерьез претендовавшего на гегемонию в Европе и во всем мире.

В 60-е годы XVII в. англо-французские отношения отличались крайней неустойчивостью. Хотя на всем протяжении этого периода обе державы стремились к сближению, это движение друг к другу шло по столь сложной траектории, что дело дошло даже до объявления войны, в которой, правда, не было сделано ни единого выстрела.

Вскоре после прибытия в Лондон Карл II начал активные поиски союзников. Поскольку пути к сближению с Голландией и Испани-

ей оказались для него закрытыми из-за неприемлемости для англичан условий, выдвигавшихся этими державами (голландцы требовали отмены Навигационного акта, а испанцы — возвращения Ямайки и Дюнкерка), наиболее вероятным союзником оставалась Франция, служившая убежищем Стюартов в годы революции. Первым шагом навстречу Франции стали два династических брака: женитьба самого Карла II на португальской инфанте Екатерине Браганса и брак его сестры Генриетты и герцога Филиппа Орлеанского, брата Людовика XIV.[1] В октябре 1662 г. Карл II к неудовольствию даже многих своих ближайших советников продал Франции Дюнкерк и Мардик, завоеванные Кромвелем у испанцев, мотивируя сделку тем, что содержание этих крепостей стоит слишком дорого.[2]

Параллельно шло обострение англо-голландских противоречий, и в Лондоне все более ясно видели, что новая война с Республикой Соединенных Провинций неизбежна. В этой связи наибольшее опасение у англичан вызывало франко-голландское соглашение о взаимных гарантиях европейских владений, торговых и морских интересов, заключенное еще в апреле 1662 г.[3] С помощью своей сестры умной и обаятельной герцогини Генриетты Орлеанской Карл II пытался добиться более тесного союза с Францией или хотя бы гарантий французского нейтралитета на случай англо-голландской войны.[4] Но Людовик XIV в тот момент не хотел связывать себя какими-либо соглашениями. Французский король сам оказался в достаточно сложном положении. Он не хотел полного разрыва с Карлом II, но и не хотел, чтобы голландцы потерпели поражение от англичан.

Обращаясь непосредственно к Северной Америке, следует отметить, что в этот период здесь, с одной стороны, по-прежнему оставалась нерешенной акадийская проблема, а с другой — наметилась тенденция к расширению зоны англо-французского соперничества, связанная с теми изменениями, которые произошли на политической карте континента.

В 1664 г. англичане захватили Новые Нидерланды, территорию которых незадолго до этого Карл II пожаловал своему брату герцогу Йоркскому. Это событие имело несколько важных последствий. Во-первых, теперь английские поселения тянулись сплошной цепью вдоль всего Атлантического побережья современных США; во-вторых, был положен конец англо-голландскому соперничеству

---

[1] *Эйри О.* Реставрация Стюартов и Людовик XIV от Вестфальского до Нимвегенского мира. СПб., 1896. С. 85.

[2] Там же. С. 86; см. также: *Грин Дж. Р.* История английского народа: В 4 т. Т. III. М., 1892. С. 297.

[3] *Эйри О.* Указ. соч. С. 97.

[4] См.: *Борисов Ю. В.* Дипломатия Людовика XIV. М., 1990. С. 148.

в Северной Америке, которое имело место в 30–50-е годы XVII в. и привлекало к себе внимание Новой Англии; в-третьих, став хозяевами долины реки Гудзон, англичане получали в свои руки единственный легко доступный «трансконтинентальный» путь в Канаду; наконец, в-четвертых, они унаследовали голландский пушной промысел, а вместе с ним хорошо налаженные контакты с могущественным, воинственным и высокоразвитым племенным союзом ирокезов, контролировавшим южное побережье озера Онтарио, через которое как раз и проходил вышеуказанный путь. Последнее обстоятельство было наиболее важным, так как с самых первых лет существования французской колонии в долине реки Св. Лаврентия ирокезы были ее заклятыми врагами, поскольку они являлись врагами всех племен, которые находились в орбите влияния Квебека. Начатая Лигой в середине 1640-х годов крупномасштабная война против союзных французам гуронов, алгонкинов и монтанье быстро перешла в войну против самой французской колонии, нанеся ей большой урон. К середине 1660-х годов конфликты французов с ирокезами продолжались. В то же время племена Лиги традиционно поддерживали контакты с европейскими поселениями долины Гудзона, в первую очередь с фортом Оранж (Олбани), где они получали от голландских торговцев оружие, боеприпасы, водку и другие европейские товары в обмен на меха. Таким образом, в руках у англичан, ставших преемниками голландцев, оказалось мощное орудие, которое можно было легко использовать в антифранцузских целях.

Наиболее дальновидные французские колониальные чиновники также прекрасно понимали стратегическое значение долины Гудзона для обеспечения безопасности поселений долины реки Св. Лаврентия. Еще в Записке, представленной правительству губернатором Новой Франции П. Дюбуа д'Авогуром (1661–1663), говорилось о том, что следует напасть на ирокезов с тыла, поднявшись по Гудзону.[5]

В 1666 г. знаменитый интендант Новой Франции Жан Талон в письме к Кольберу выдвинул план приобретения североамериканских владений голландцев в результате сделки, которую он советовал им навязать после окончания второй англо-голландской войны. С точки зрения Талона, «если бы Король, примиряя Голландию с Англией, настоял на возвращении первой Новых Нидерландов и в дальнейшем нашел возможность вести переговоры с Соединенными Провинциями <...> он бы смог добиться приемлемых условий, и эта страна, которая для них не столь существенна, усилила бы Короля, который приобрел бы два доступа в Канаду, что дало бы францу-

[5]См.: Mémoire de Du Bois d'Avogour au Ministre, le 4 août 1663 // Bulletin des recherches historiques. 1930. Vol. 36. P. 12–23.

зам всю пушнину севера, которая пока приносит выгоду англичанам, связанными через Манхеттен и Оранж с ирокезами, которые в этом случае были бы поставлены под контроль Его Величества, а сверх того это позволило бы нанести удар, когда это Ему заблагорассудится, и держать Новую Англию замкнутой в ее пределах».[6] Эти слова лишний раз подтверждают правоту знаменитого историка и философа А. Дж. Тойнби, заметившего, что приобретение Нью-Йорка, возможно, спасло жителей Новой Англии от уничтожения.[7]

Возвращаясь к вопросу об Акадии, нужно отметить, что положение этой колонии продолжало оставаться сложным. Вокруг нее шла борьба, в которой как с английской, так и с французской стороны участвовало множество заинтересованных лиц. Так, в Англии, кроме Темпла, продолжавшего контролировать ключевые форты в этой колонии, на нее претендовали приближенные Карла II, а также многочисленные наследники Кёрков и Александера.[8] Если раньше противоречащие друг другу решения по поводу Акадии принимались только во Франции, то теперь так стали поступать и по другую сторону Ла-Манша. В 1661 г. с интервалом в полтора месяца английское правительство назначило губернаторами Акадии–Новой Шотландии сразу двух разных людей: Марка Харрисона и Томаса Бридона.[9] Темплу было приказано передать Бридону «форты Его Величества Пентагоэ и Сен-Жан».[10]

В начале 1662 г. неразбериха, царившая в Лондоне вокруг Акадии–Новой Шотландии, увеличилась еще больше за счет очередного демарша, предпринятого французской стороной. Компания ста участников и Ле Борнь, стремившиеся использовать произошедшие в Англии изменения в своих интересах, добились того, что в феврале 1662 г. французский посол граф д'Эстрад потребовал от Карла II

[6]Talon à Colbert, le 13 novembre 1666 // Rapport de l'archiviste de la Province de Québec. 1930/1931. P. 55.

[7]*Toynbee A. J.* A Study of History. Abridgement of Volumes I–VI by D. C. Sommerwell. New York; London, 1947. P. 97.

[8]См., напр.: Petition of Thomas Elliott, one of the Grooms of the Bedchamber, to the King. [July 17] 1660 // Calendar of State Papers. Colonial Series. Vol. I: 1574–1660. London, 1860. P. 484; Petition of Sir Lewis Kirke, John Kirke, and Francis Berkeley, to the Committee for Foreign Plantations. [July 19] 1660 // Ibid. P. 484; Petition of Colonel John Blount, and Ladies Mary and Jane Alexander, Daughters of the Late Earl of Stirling, Consering Nova Scotia. 1660 // Ibid. P. 493.

[9]См.: Grant of the Office of Governor of the Countries and Territories Called l'Acadie, and Part of the Country Called Nova Scotia, to Mark Harrison. Aug 6, 1661 // Calendar of State Papers. Colonial Series. Vol. V: America and West Indies, 1661–1668. London, 1880. P. 51. No 151; Grant to Thos. Breedon of London, Mercant, During Life of the Office of Governor of l'Acadie and Part of Nova Scotia. Sept. 23, 1661 // Ibid. P. 57. No 174.

[10]Warrant to Col. Thos. Temple. Dec. 9, 1661 // Ibid. P. 62. No 193.

возвращения Акадии, захваченной англичанами в мирное время.[11] В ответ английская сторона заявила, что права англичан на Акадию основываются на том, что эта территория находится во владениях подданных Британской короны, и, в свою очередь, пожаловалась на враждебные акции Ле Борня.[12]

Несмотря на то что именно в это время Карл II активно искал сближения с Францией, он также прислушивался к мнению своих подданных, заинтересованных в сохранении Акадии под английским контролем. Как заметил по этому поводу британский историк К. Фейлинг, во время аудиенции д'Эстрада король Англии, «одним ухом» слушая аргументы французского посла, «другим ухом обратился к депутациям Новой Англии и гугенотским пасторам».[13] В ход пошли рассуждения о том, что захваченные в 1654 г. у французов форты находятся в той части Новой Шотландии, которая была открыта англичанами и всегда оставалась владением шотландской короны и управлялась Ля Туром, баронетом Новой Шотландии, получившем эти земли от Уильяма Александера.[14] В ответ д'Эстрад излагал французскую версию акадийской истории (открытия бретонцев, экспедиции Веррацано и Картье, патент де Мона и т. д.).[15] Темпл и Комитет по колониям (Committee for Foreign Plantations) в своих многочисленных письмах и обращениях к королю утверждали, что отдавать Новую Шотландию французам «стыдно и необязательно». Наоборот, там следует основать английскую колонию, что позволит более эффективно использовать природные богатства этой страны, а также ликвидировать французскую угрозу другим английским колониям. В одном из этих документов прозвучала даже мысль о том, что необходимо изгнать французов и из Канады![16] Можно сказать, что Темпл был первым английским колониальным деятелем, который обратил внимание на стратегическое значение Атланти-

---

[11] Claim by the French Ambassador in Council for the Restitution of Acadia. Feb. 7, 1662. Whitehall // Ibid. P. 73. No 225.

[12] Answer to the Ambassador of France, or Rather Mons. LeBourne, His Claim to Acadia and Nova Scotia. Feb. 7, 1662. Whitehall // Ibid. P. 73. No 226.

[13] *Feiling K.* British Foreign Policy, 1660–1672. London, 1930. P. 70.

[14] См.: Answer to the French Ambassador's Claim to the Forts and Countries in America (Nova Scotia), Exhibited in the Behalf of the Lord La Tour, Temple, and Crowne, Proprietors. 1662 // Calendar of State Papers. Colonial Series. Vol. V. P. 77. No. 241.

[15] См. также: Extrait de la lettre du Comte d'Estrades au Roi du 13 mars 1662 // Mémoires des Commissaires de Sa Majesté Très-Chrétienne et de ceux de Sa Majesté Britannique sur les possessions et les droit respectifs des deux Couronnes en Amérique: 3 t. T. II. Amsterdam, 1755. P. 545.

[16] См.: Petition of Thomas Temple to the King and Privy Council. [Feb. 26] 1662 // Calendar of State Papers. Colonial Series. Vol. V. P. 77. No 240; The Title of the English to Nova Scotia, and the Commodities it Yields. 1662 // Ibid. P. 78. No 242.

ского региона, его важность для сохранения и укрепления английских позиций в Северной Америке и возможность его использования для борьбы против французов.

В 1662 г. Темплу удалось устранить своих английских конкурентов и закрепить за собой земли в Новой Шотландии, а также получить должность губернатора колонии от Ля-Эв до границ Новой Англии.[17] Правда, в 1664 г. герцогу Йоркскому наряду с другими землями была пожалована территория, расположенная между реками Сагадахок и Сент-Круа и ограниченная Атлантическим океаном и рекой Св. Лаврентия, и, таким образом, владения Темпла (а заодно и французов) были урезаны. Однако никаких конкретных шагов, направленных на освоение этого региона, герцог не предпринимал, сосредоточив свои усилия на долине Гудзона.

Людовик XIV также достаточно живо интересовался колониальной частью переговоров, одобряя действия своего посла. Правда, французский король (очевидно, вспомнив о событиях конца 1620-х — начала 1630-х годов) сразу же заявил, что не пойдет на выплату англичанам каких-либо компенсаций за Акадию.[18] Показательно, что он считал вопрос возвращения этой колонии чисто политическим делом, обусловленным колебаниями внешнеполитического курса Карла II. Людовик XIV писал д'Эстраду: «Я хочу дать ему [Карлу II. — *Ю. А.*] удовлетворение во всем, что в моей власти. Но также справедливо и то, что я не отказываюсь от защиты своих собственных интересов; особенно, если его интересов на самом деле там нет, и им руководит лишь желание помешать мне».[19]

В марте 1665 г. началась вторая Англо-голландская война. Ее начальный этап складывался неудачно для Республики Соединенных Провинций, что вызвало тревогу Людовика XIV. Французский король всеми силами старался склонить воюющие стороны к миру, опасаясь, что поражение голландцев подтолкнет их к союзу с Англией, который помешает ему осуществить его собственные планы в отношении Испанских Нидерландов. В августе 1665 г. Людовик XIV пообещал руководителям Республики Соединенных Провинций, что, если Англия не примет его мирных предложений, он объявит ей войну.

---

[17] См. : Grant to Thos Temple of the Office of Governor of Nova Scotia and Acadie, and Other Parts in America for Life. July 10, 1662 // Ibid. P. 96. No 322; Commission to Thos. Temple for the government of Acadie and Part of Nova Scotia. July 10, 1662 // Ibid. P. 96. No 323; Bounds of Sir Thomas Temple's Patent of Nova Scotia. July 1662 // Ibid. P. 101–102. No 340.

[18] См.: Extrait de la lettre du Roi à M. le Comte d'Estrades, du 4 mars 1662 // Mémoires des Commissaires... T. II. P. 545.

[19] Extrait de la lettre du Roi à M. le Comte d'Estrades, du 18 mars 1662 // Ibid. P. 550–551.

В сентябре 1665 г. ситуация резко изменилась. Умер Филипп IV, и французский король, основываясь на деволюционном праве, готовился предъявить претензии на Испанские Нидерланды, что неминуемо должно было привести к войне с Испанией. Воевать одновременно с испанцами и англичанами Людовик XIV не решился, хотя мысль о войне на два фронта у него была.[20] В итоге он решил использовать войну с Карлом II для того, чтобы под ее прикрытием сконцентрировать свои силы во Фландрии. В то же время Людовик XIV не оставлял надежды на то, что ему удастся помирить Англию и Республику Соединенных Провинций. Вплоть до декабря 1665 г. в Лондоне известный французский дипломат Оноре Куртен вел переговоры с англичанами. Однако недовольство Карла II двойственным поведением французов и нежелание Людовика XIV связывать себя какими-либо конкретными обязательствами привели к срыву переговоров. В январе 1666 г., выполняя союзные обязательства перед голландцами, Людовик XIV объявил Англии войну.

Но, объявив войну, французский король вовсе не собирался воевать с англичанами. Эскадра герцога Бофора, которая должна была соединиться с голландским флотом для совместных действий против англичан, «задержалась» у берегов Прованса и добралась до Ла-Манша только к сентябрю 1666 г., а затем из-за сильной бури укрылась в Бресте и Дьеппе.[21]

Пока англичане и голландцы вели друг с другом ожесточенную морскую войну, а в Лондоне свирепствовала знаменитая «Великая чума», Франция готовилась к захвату Испанских Нидерландов. От Англии Людовику XIV в тот момент требовалось только согласие на эту акцию. В феврале 1667 г. при посредничестве герцогини Генриетты Орлеанской между двумя державами начались тайные переговоры. 11 мая 1667 г. было заключено секретное соглашение, в котором Англия брала на себя обязательство не препятствовать французскому вторжению в Испанские Нидерланды, а Франция обещала прекратить помощь голландцам. В соглашении также шла речь о том, что обе стороны вернут захваченные друг у друга колонии. Сразу же после этого в Мадрид был доставлен знаменитый «Трактат о правах королевы», а армия Тюренна начала кампанию во Фландрии. Англо-голландская война продолжалась еще некоторое время, но после не менее знаменитого, чем чума, прорыва флота де Рёйтера на Темзу, между Карлом II и Республикой Соединенных Провинций начались переговоры. 21/31 июля 1667 г. в городе Бреда был заключен мир

[20]См.: *Lavisse E.* Histoire de la France illustrée. Depuis des origines jusqu'à la révolution: 9 t. T. VII, Pt. 2. Paris, 1900–1911. P. 284–285.

[21]*Борисов Ю. В.* Указ. соч. С. 150–151.

между Англией и Голландией и подписан официальный мирный договор между Англией и Францией.

На фоне этих событий большой европейской политики ситуация в Америке развивалась следующим образом.

Когда Англия и Франция оказались в состоянии войны, Темпл, а также губернаторы Коннектикута и Массачусетса получили из Лондона приказ всеми имеющимися силами атаковать как голландские, так и французские поселения и «привести соседние с ними французские колонии к повиновению Его Величеству».[22]

В Лондоне начали строить большие планы изгнания французов с североамериканского континента. В королевском письме, направленном тогда же губернатору и совету колонии Коннектикут, прямо говорилось, что «сейчас самое благоприятное, чем когда-либо, время, чтобы избавиться от этих беспокойных соседей и захватить французские и голландские острова и колонии и особенно Канаду».[23]

Однако ведущее тяжелую войну с голландцами правительство Карла II не считало американские дела первоочередными. Для осуществления этих прожектов двор не хотел присылать в колонии ни солдат, ни кораблей, ни денег. В вышеупомянутом письме Карла II властям Коннектикута говорилось, что колонии должны действовать только своими силами.[24] В дальнейшем король откровенно писал Темплу, что прислать в Северную Америку какие-либо военные силы метрополия не может, так как все они заняты в Европе, либо направлены для защиты островов Вест-Индии, которым грозит серьезная опасность.[25] Приоритеты английской политики того времени здесь видны очень четко: сначала Европа, потом сахарные острова Карибского моря и только потом Северная Америка.

В этой ситуации наибольшую активность проявил губернатор Нью-Йорка полковник Ричард Николлс. В январе 1666 г. власти Новой Франции начали военную операцию против мохоук, одного из племен Лиги ирокезов. Однако посланный в их страну отряд Реми де Курселя сбился с пути из-за непогоды и вышел к голландскому поселению Корлаэр (будущее Скенектади), расположенному в 25 км от Олбани.[26] Николлс усмотрел в этом нарушение английских прав

[22]The King to Sir Thos. Temple. Whitehall. Feb. 22, 1666 // Calendar of State Papers. Colonial Series. Vol. V. P. 357–358. No 1136.

[23]The King to the Governor and Council of Connecticut. Feb. 22, 1666 // Ibid. P. 357. No 1134.

[24]Ibid.

[25]The King to [Sir Thomas Temple, Governor of Nova Scotia]. 1666 // Calendar of State Papers. Colonial Series. Vol. V. P. 358. No 1137.

[26]The Jesuit Relations and Allied Documents: In 73 vols / Ed. by R. G. Thwaites. Vol. L. Cleveland, 1896–1901. P. 134.

и заявил о том, что французы «вторглись на территорию, принадлежащую Его Высочеству [герцогу Йоркскому. — *Ю. А.*]».[27] В отместку за это Николлс выдвинул идею нападения на Канаду и предложил властям Массачусетса и Коннектикута участвовать в этой акции. «Я <...> не могу представить себе, почему такая замечательная возможность действий против Франции должна быть упущена, когда намерения Его Величества столь положительны», — писал Николлс. С его точки зрения, следовало быстро на лошадях перебросить отряды колониальной милиции в долину реки Св. Лаврентия, используя момент, пока «вся мощь» Канады, «занята столь далеко от дома и <...> оставшиеся французы будут не в состоянии оказать какого-либо серьезного сопротивления».[28]

Однако власти Новой Англии не поддержали эту идею. Администрации Коннектикута и Массачусетса ссылались на то, что их милиция недостаточно обучена, дорог в Канаду, по которым могли бы пройти лошади, нет, а кроме того, высказывали опасение, что на стороне французов выступит большинство индейских племен, через земли которых придется проходить англичанам. Например, в письме Сэмюэла Уиллса говорилось, что «мохоук, с которыми французы сейчас ведут войну, были долгое время закоренелыми врагами индейцев, окружающими нас, поэтому те смогут соединиться с французами (являющимися их большими друзьями) против мохоук и также против нас, если мы будем воевать с французами».[29]

Аналогичные аргументы приводились и в донесениях, отправлявшихся в Лондон. Дж. Уинтроп младший писал государственному секретарю графу Арлингтону, что «после совещания с сэром Томасом Темплом и губернатором и советом в Бостоне, ввиду необходимости хороших кораблей, трудностей сухопутного марша и позднего времени года, было единодушно решено, что в настоящее время ничего не может быть сделано этими колониями в отношении захвата каких-либо мест в Канаде или в ее окрестностях».[30] В том же духе высказывался и Темпл.[31]

---

[27] A Relation of the Governor of Canada His March with 600 Volunteers into the Territories of His Royal Highness the Duke of York in America (February 1666) // Documents Relative to the Colonial History of the State of New York: In 15 vols / Ed. by E. B. O'Callaghan and B. Fernow. Vol. III. Albany, 1853–1887. P. 118.

[28] Colonel Nicolls to the Council of Massachusetts, July the 6th 1666 // Ibid. Vol. III. P. 120.

[29] Samuel Wills to Colonel Nicolls, Hartford, July 11th 1666 // Ibid. P. 120–121.

[30] John Winthrop, Governor of Connecticut, to Sec. Lord Arlington. Boston, New England. Oct. 25 1666 // Calendar of State Papers. Colonial Series. Vol. V. P. 417. No 1295.

[31] См.: Sir Thos. Temple to Sec. Lord Arlington. Boston. March 10, 1667 // Ibid. P. 455. No 1441.

Такая реакция властей Новой Англии вполне объяснима. В то время интересы этих колоний практически не пересекались с Канадой, а большая часть Акадии находилась под контролем англичан. Удар по французским поселениям долины реки Св. Лаврентия был нужен только активно занимавшимся пушной торговлей купцам Нью-Йорка и Олбани, ставших владением Лондона лишь за два года до рассматриваемых событий в результате военной экспедиции, результаты которой еще не были должным образом закреплены с точки зрения международного права. Бостону и Хартфорду было совершенно незачем тратить свои силы и средства ради интересов соседней колонии, которая к тому же вполне могла еще вернуться под контроль своих прежних хозяев.

В отличие от английской стороны правительство Людовика XIV во время войны 1666–1667 гг., наоборот, стремилось избежать расширения зоны англо-французского конфликта и не хотело переносить его в колонии. Губернаторы французских владений получили из Парижа инструкции по возможности поддерживать мир с англичанами.[32] Королевский наместник в Северной и Южной Америке маркиз де Траси направил в английские колонии ряд писем, где он заверял их в своих дружеских чувствах и стремлении к миру, подчеркивая, что французы ведут боевые действия только против враждебных им индейских племен.[33]

Такая позиция французов, безусловно, также оказала влияние на решение, принятое администрацией Новой Англии, которая к тому же знала, что в Квебеке находятся крупные воинские контингенты, присланные туда в 1665 г.

С началом войны английские власти вспомнили о французских жителях Акадии–Новой Шотландии. Английское правительство решило, что несколько сотен акадийских поселенцев должны быть «вырваны с корнем» из американской земли, и приказало им возвращаться во Францию.[34] Однако сделать это во время войны было невозможно, а ее окончание вновь круто изменило судьбу Акадии.

---

[32] *Savelle M.* The Origins of American Diplomacy: The International History of Angloamerica, 1492–1763. New York; London, 1967. P. 92.

[33] См.: Governor Tracy to the Commissaries at Albany, Quebec, 14th July 1666 // Documents Relative to the Colonial History of the State of New York. Vol. III. P. 129–130; Governor Tracy to the Commissaries at Albany, Quebec, 22th July 1666 // Ibid. P. 131; Governor Tracy to Colonel Nicolls, Quebec, April 30th 1667 // Ibid. P. 152–154.

[34] Acte du Roy d'Angleterre. Le 7 février 1668 // Archives des Colonies. Série C^{11}D. Registre X. F. 304.

Договор в Бреда и Североамериканский континент

X статья Бредского мирного договора гласила: «Король Великобритании возвращает Его Наихристианнейшему Величеству страну, называемую Акадия, расположенную в Северной Америке, которой Наихристианнейший Король прежде обладал». За это французы передавали англичанам захваченные во время войны острова Антигуа и Монсеррат, а также английскую часть острова Сен-Кристофер (Сен-Киттс).[35] По поводу этой статьи англо-канадский историк Дж. Хэннэй раздраженно заметил, что, таким образом, «одна из богатейших территорий американского континента была обменена на половину жалкого островка, площадь которого составляла едва ли тысячную долю площади той страны, которую столь неосмотрительно отдали».[36]

Надо сказать, что Карл II первоначально не хотел уступать Акадию, прежде всего потому, что этим он лишал своего брата части его пожалований. Однако стремление к сближению с Францией, которое Карл II считал необходимым условием для продолжения борьбы с Голландией, а также важным фактором для укрепления своих собственных позиций внутри страны, оказалось сильнее.

В ноябре 1667 г. король сообщил Темплу об условиях мира, заключенного с Францией, и о том, что приказ о передаче Акадии будет вручен ему представителем французской стороны. Но здесь Карл II сделал ловкий ход, чем-то напоминающий действия его отца по отношению к Александеру тремя с половиной десятилетиями раньше. С одной стороны, он приказал Темплу точно выполнить все условия договора, с другой — заявил, что тот должен передать французам только Акадию и не отдавать никаких частей Новой Шотландии.[37] Такая постановка вопроса открывала перед Темплом широчайший простор для разного рода спекуляций. Правда, чуть ниже в королевском письме было уточнено, что отдать нужно те посты, которые изначально принадлежали французам и были захвачены англичанами.

14/24 декабря 1667 г. английское правительство получило от французского правительства записку, где говорилось, что Акадия включает в себя «форты и поселения Пентагоэ, мыс Сабль, реку Сен-Жан, Пор-Руайяль, Ля-Эв, Кансо и все, что находится в их

---

[35] European Treaties Bearing on the History of the United States and Its Dependencies: In 4 vols / Ed. by F. G. Davenport. Vol. II. Washington, 1917–1936. P. 132–142.

[36] *Hannay J.* The History of Acadia from Its First Discovery to Its Surrender to England by the Treaty of Paris. St John, 1879. P. 206.

[37] The King to Sir Thos. Temple, Governor of Nova Scotia. Whitehall. [Nov.] 1667 // Calendar of State Papers. Colonial Series. Vol. V. P. 520. No 1638.

окрестностях», простираясь от залива Св. Лаврентия до Вирджинии.[38] Очевидно, на основании этого документа Карл II 31 декабря 1667 г. подписал рескрипт на имя Томаса Темпла, в котором говорилось, что тот должен передать французским представителям «Акадию, которая ранее принадлежала Наихристианнейшему Королю, Пентагоэ, Сен-Жан, Пор-Руайяль, Ля-Эв и мыс Сабль».[39] Весной 1668 г. была выпущена официальная прокламация о передаче Франции Акадии, а после получения из Парижа аналогичного документа о передаче островов Вест-Индии англичанам, вышеупомянутый рескрипт Карла II был передан французскому послу Рювиньи.[40]

Однако очередное изменение обстановки в Европе снова отразилось на ситуации в Северной Америке. Успехи французского оружия в начавшейся в мае 1667 г. Деволюционной войне не на шутку напугали Лондон. 13 января 1668 г. был заключен союз трех протестантских держав: Англии, Швеции и Голландии, направленный против Франции. Не отказывавшийся в принципе от идеи тесного сотрудничества с Людовиком XIV, Карл II требовал у него гарантий и субсидий.

Как известно, французам пришлось отказаться почти от всех плодов блестящих побед Тюренна и 2 мая 1668 г. заключить мир с Испанией, удовлетворившись лишь одиннадцатью пограничными крепостями. Именно в это время в политике Людовика XIV на первый план выдвинулась идея подготовки большой войны с Голландией, войны, в которой главным союзником Франции должен был стать Карл II. Климат англо-французских отношений снова изменился. После резкого охлаждения конца 1667 — первой половины 1668 г. началось постепенное потепление и медленное, осторожное, но неуклонное движение двух держав к сближению. Его кульминационным моментом стало заключение 1 июня 1670 г. секретного Дуврского договора, когда с помощью двухмиллионной субсидии Людовику XIV удалось расчленить Англо-Шведско-Голландский союз и привлечь Туманный Альбион на свою сторону в предстоящей схватке с Голландией.

На фоне этой общей картины англо-французских отношений конца 1660-х — начала 1670-х годов более понятными становятся события, происходившие в это время вокруг Акадии.

---

[38]French Memorial, Being Brief Extracts of Documents Explaining the Business of l'Acadie. Dec. 14/24, 1667 // Ibid. P. 525. No 1644.

[39]The King to Sir Thomas Temple. Whitehall. Dec. 31, 1667 // Ibid. P. 528. No 1654.

[40]См.: Declaration of the King Concerning l'Acadie. 1668 // Ibid. P. 549. No 1700; Proclamation of the King Concerning the Cession of Acadie, Cayenne, &c to the French. 1668 // Ibid. P. 550. No 1701.

1 августа 1668 г. Карл II отправил Темплу приказ не передавать управляемых им территорий французам до поступления дальнейших распоряжений из Лондона.[41] В то же время осенью 1668 г. из Франции в Северную Америку прибыл официальный представитель Людовика XIV и Компании Западных Индий Мурийон дю Бур, которому было поручено добиться выполнения тех статей договора в Бреда, которые касались Акадии. Вместе с ним находился Александр Ле Борнь де Бель-Иль, который был назначен своим отцом управляющим его владениями.

9 октября 1668 г. они достигли Пор-Руайяля. Поскольку Темпла там не было, Мурийон дю Бур направился к нему в Бостон для выполнения всех формальностей, связанных с передачей колонии, оставив Ле Борня младшего управлять Пор-Руайялем. 20 октября Мурийон встретился с Темплом и предъявил ему документ, подтверждающий его полномочия, а также письмо Карла II от 31 декабря 1667 г. и копию статей X и XI Бредского договора.[42]

Темпл в тот момент еще не получил вышеупомянутого письма от короля, где ему было приказано не передавать Акадию французам. Это письмо, по свидетельству самого Темпла, пришло 10 ноября,[43] тогда как его переговоры с Мурийоном дю Буром шли с 20 октября по 6 ноября.[44] Однако Темпл знал о переменах в политике Лондона, а, кроме того, просто не желал расставаться со своими владениями и вместо выполнения формальностей вступил с французским представителем в дискуссию о том, какие именно земли подразумеваются под словами «Акадия» и «Новая Шотландия». Он утверждал, что к Акадии относятся только мыс Сабль и Ля-Эв (т.е. южная, или, точнее, юго-западная оконечность полуострова Новая Шотландия), а все побережье залива Фанди и соответственно Пор-Руайяль, Пентагоэ и Сен-Жан входят в состав Новой Шотландии (охватывающей, таким образом, весь Атлантический регион).[45] Он также заявил Мурийону дю Буру протест по поводу захвата Ле Борнем Ля-Эв в 1658 г. и сказал, что французы еще не передали Англии Ан-

[41]The King to Sir Thomas Temple, Governor of Nova Scotia. Aug. 1, 1668 // Ibid. Vol. V. P. 600–601. No 1815.

[42]См.: [M. de Morillon Du Bourg] to the Western Company of France. Boston. Nov. 9, 1668 // Calendar of State Papers. Colonial Series. Vol. V. P. 622–623. No 1868; Réponse du Chevalier Thomas Temple du 6/16 novembre 1668 à la demande faite de la Nouvelle Ecosse, pour le Roi de France, par M. de Bourg // Mémoires des Commissaires... T. II. P. 302.

[43]Sir Thos. Temple to the Lords of Council. Boston. Nov. 24, 1668 // Calendar of State Papers. Colonial Series. Vol. V. P. 626–627. No 1877.

[44]См: Mémoires des Commissaires. T. II. P. 302.

[45]См.: [M. de Morillon Du Bourg] to the Western Company of France. Boston. Nov. 9, 1668 // Calendar of State Papers. Colonial Series. Vol. V. P. 622–623. No 1868.

тигуа, Сен-Киттс (Сен-Кристофер) и Монсеррат.[46] В итоге Темпл отказался передавать Акадию, «до тех пор, пока не станет известна дальнейшая воля Его Величества касательно пределов Акадии и Новой Шотландии».[47]

Французский чиновник, очевидно, не ожидавший такого поворота событий, растерялся и решил вернуться во Францию. Тем временем Темпл, получивший августовское письмо Карла II, обратился к английскому правительству с пространным посланием, в котором помимо рассказа о переговорах с французским представителем, изложил свою точку зрения на ситуацию в регионе. Повторяя аргументы, высказанные им Мурийону дю Буру, он утверждал, что Акадия это лишь малая часть Новой Шотландии, которая, в свою очередь, простирается от Великой реки Канада (река Св. Лаврентия) до Новой Англии. Он также напоминал, что Пенобскот (Пентагоэ) является частью Новой Англии и находится на территории Нового Плимута. Далее шли рассуждения о богатстве этой колонии, ее насущных потребностях, перечислялись заслуги самого Темпла, его трудности и т. д.[48] Компаньон Темпла Краун также направил королю записку, в которой говорилось о законности английских притязаний на Акадию.[49]

Однако, несмотря на сочувствие, которое встретили эти рассуждения у многих членов английского правительства (в особенности у Арлингтона, горячего противника сближения с Францией), Акадия ускользала из рук Темпла и Крауна. Дело было не только в том, что Пор-Руайяль уже фактически находился под контролем французов, так как там остался Ле Борнь де Бель-Иль. Главные события, оказывавшие решающее влияние на судьбы этой колонии, происходили в Старом Свете. Благодаря усилиям хрупкой герцогини Генриетты Орлеанской климат англо-французских отношений стремительно улучшался. И если реакция на заявление, сделанное по поводу Акадии французским послом в Лондоне Кольбером де Круасси 8 марта 1669 г., была достаточно вялой, то его повторная жалоба (6 августа) немедленно принесла результат. В тот же день Карл II издал распоряжение, где приказывал Темплу передать французам Акадию,

---

[46] Mémoires des Commissaires. T. II. P. 303–304.

[47] Ibid. P. 304.

[48] Lettre du Chevaier Thomas Temple aux Lords du Conseil du 24 novembre 1668 // Ibid. T. II. P. 298–302; Sir Thos. Temple to the Lords of Council. Boston. Nov. 24, 1668 // Calendar of State Papers. Colonial Series. Vol. V. P. 626–627. No 1877.

[49] См., напр.: Premier extrait d'un Mémoire de Guillaume Crowne Ecuyer... // Mémoires des Commissaires... T. II. P. 278–279; The Case of William Crowne, Esq., Proprietor in Part of Nova Scotia or l'Acadie. 1668 // Calendar of State Papers. Colonial Series. Vol. V. P. 596–597. No 1809.

включая Пентагоэ, Пор-Руайяль, Сен-Жан, Ля-Эв и мыс Сабль.[50] После этого летом 1670 г., наконец, состоялась официальная передача колонии. Акадия снова стала французской.

Договор в Бреда и последовавшая за ним передача Акадии французам являются важной вехой в развитии англо-французских отношений и англо-французского соперничества в Северной Америке. Первая попытка втянуть колонии в европейскую войну, предпринятая Карлом II, закончилась неудачей по ряду причин. Среди них прежде всего следует отметить желание Лондона действовать руками жителей своих колоний, а не силами регулярной армии и флота, натолкнувшееся, в свою очередь, на весьма сдержанную позицию, занятую властями Новой Англии. Кроме нее ни одна другая провинция Английской Америки в тот момент не обладала ни экономическим, ни военным потенциалом, необходимым для нанесения удара по Новой Франции. Свою роль, безусловно, сыграло и стремление французов соблюдать нейтралитет в Америке.

Отсутствие у английских колоний, прежде всего Новой Англии, большого наступательного пыла, стремление вести войну преимущественно силами метрополии и/или индейцев, а самим ограничиваться лишь обороной собственной территории и присылкой вспомогательных отрядов, — также достаточно характерная черта англо-французского соперничества в Северной Америке в XVII — начале XVIII в.

Ряд специалистов отмечает, что договор в Бреда был поворотным моментом в политике Англии, главным соперником которой становилась не Голландия, а Франция,[51] и что именно с войны 1666–1667 гг. берет начало «реальная конфронтация Англии и Франции за колониальное господство в Америке».[52] На наш взгляд, эти авторы несколько торопят события и переносят в 60-е годы XVII в. реалии более позднего времени. Англо-голландское соперничество (в том числе и в колониях) продолжалось и после подписания договора в Бреда, в то время как англо-французский конфликт, хотя его сфера и расширялась, еще некоторое время продолжал носить ограниченный характер.

[50] Ordre définitif de Charles II Roi d'Angleterre, au Chevalier Temple pour la reddition de l'Acadie, du 6 août 1669 // Mémoires des Commissaires... T. II. P. 313–318.

[51] См., напр.: *Williamson J. A.* A Short History of British Expansion: The Old Colonial Empire: In 2 vols. Vol. 1. London, 1930. P. 269.

[52] *Savelle M.* Op. cit. P. 93.

Глава 2. РАСШИРЕНИЕ ЗОНЫ КОНФЛИКТА: 70-е — первая половина 80-х годов XVII в.

С начала 1670-х годов англо-французские отношения в Северной Америке вступают в новый этап своего развития, связанный прежде всего с расширением зоны конфликта между подданными двух колониальных держав. В то же время 70-е и большая часть 80-х годов XVII в. были временем мирных отношений Лондона и Парижа, что, однако, не означало полного отсутствия трений между ними и чередования периодов потепления и охлаждения по отношению друг к другу.

В начале 1670-х годов Карл II продолжал проводить политику, направленную на поддержание союза с Францией, несмотря на довольно сильную оппозицию как в парламенте, так и среди своего окружения. В декабре 1671 г. и в феврале 1672 г. между Лондоном и Парижем были заключены два официальных договора о дружбе и союзе, служившие прикрытием секретного Дуврского договора 1670 г. В это время английский король считал своим главным противником Голландию, третья война с которой началась в марте 1672 г. Меньше чем через месяц в войну вступил Людовик XIV, поставивший перед собой цель полностью уничтожить Республику Соединенных Провинций. Громкие победы французской армии на суше, в результате которых голландцы действительно оказались в критическом положении, вызвали тревогу всей Европы, не исключая и английского союзника Короля-Солнца. Стремление Карла II сохранить свободу рук (в том числе ввиду ожидавшихся изменений в судьбе Испании и ее колониальной империи) и перемены, произошедшие в самой Голландии, где к власти пришел его племянник Вильгельм Оранский, в свою очередь также всеми силами старавшийся вывести Англию из войны, привели к тому, что в феврале 1674 г. англичане и голландцы подписали Вестминстерский мирный договор. В договоре было предусмотрено возвращение всех колоний, захваченных в ходе войны, и, таким образом, Нью-Йорк, который в августе 1673 г. был взят голландцами, вернулся к англичанам.[53]

Именно после Вестминстерского договора Англия и Голландия из соперников стали превращаться в союзников. В то же время на всем протяжении своего царствования Карл II продолжал поддерживать дружественные отношения с Францией. С одной стороны, это было выгодно лично ему (несмотря на то что английский король нарушил условия англо-французского соглашения в Хеесвике, где обе стороны брали на себя обязательство не заключать сепаратного

[53] European Treaties... Vol. II. P. 229–240.

мира с Голландией, Людовик XIV продолжал выплачивать ему субсидии вплоть до конца 1677 г.), с другой стороны, это обеспечивало Англии определенную свободу маневра во внешней политике.

Англо-французские отношения несколько обострились только в конце 1677 — начале 1678 г., когда Мария Йоркская вышла замуж за Вильгельма Оранского (кстати, приходившегося ей двоюродным братом), после чего Англия и Голландия заключили секретный договор об оборонительном союзе, а Карл II обратился к парламенту с просьбой выделить деньги на войну для защиты Испанских Нидерландов от французских посягательств.[54] Однако завершение франко-голландской войны сняло напряженность в отношениях Лондона и Парижа, а в 1681 г. Людовик XIV заключил новый тайный договор с английским королем.

Преемник Карла II Яков II нуждался в союзе с Францией еще сильнее, чем его брат. Этот союз укреплял его положение внутри страны, недовольной его политикой, а кроме того, служил неплохим источником доходов. При этом английский король надеялся сохранить нейтралитет в случае начала новой европейской войны.

В то же время Людовик XIV, основные внешнеполитические задачи которого лежали в пределах континентальной Европы, также был заинтересован в мире с Англией. В середине 1680-х годов, когда конфликты между англичанами и французами в Северной Америке заметно участились, в Лондоне и Париже возникла идея заключения особого соглашения, которое, на наш взгляд, не совсем справедливо получило название «Договор о нейтралитете в Америке». Но прежде чем рассматривать события, связанные с подготовкой и заключением этого договора, нам необходимо вникнуть в перипетии англо-французских отношений в самой Северной Америке.

Атлантический регион

В 70-е — второй половине 80-х годов XVII в. столкновения между представителями двух колониальных держав происходили уже не в одном, а в трех регионах. К продолжавшимся уже более полувека спорам и конфликтам вокруг Акадии — Новой Шотландии добавились разногласия по поводу границ Канады и Нью-Йорка и статуса Страны ирокезов, расположенной между ними (на южном побережье озера Онтарио и в верховьях Гудзона); кроме того, далеко на севере континента англичане и французы стали оспаривать друг у друга контроль над побережьем Гудзонова залива.

---

[54] См.: Proceedings and Debates of British Parliament Respecting North America. Vol. I–V / Ed. by L. F. Stock. Vol. I. Washington, 1924–1941. P. 412–415.

Начнем с самой старой зоны конфликта — территории современных Атлантических провинций Канады, которая в 1670 г. в очередной раз перешла под власть французов. Надо сказать, что многострадальная Акадия оказалась втянутой не только практически во все англо-французские войны, но также и во франко-голландскую войну. В 1674 г. эта крошечная колония стала жертвой нападения голландских каперов, которым, кстати, помогали некоторые бостонские купцы.

Во время последнего пребывания Акадии — Новой Шотландии под властью англичан (1654–1670) жители Новой Англии стали гораздо активнее, чем в предшествующие десятилетия, пользоваться ее природными богатствами. Рыбаки из английских колоний чувствовали себя на акадийских отмелях настолько уверенно, что перестали пускать туда французов, нападая на их суда, если они отваживались появиться в этих местах. Будучи не в силах тягаться со столь агрессивными и многочисленными конкурентами, французские рыбаки были вынуждены перебраться к северу — в район Кейп-Бретона. В 1681 г. губернатор Новой Франции граф Фронтенак констатировал, что «англичане из Бостона разрушили нашу [французскую. — *Ю. А.*] рыбную ловлю на берегах Акадии».[55]

Французская администрация, не имея возможности воспрепятствовать появлению английских рыбаков у берегов Акадии, пыталась хотя бы установить над ними контроль. В конце 1670-х годов комендант Акадии Ля Вальер начал продавать англичанам лицензии, дающие право на ведение промысла во французских владениях, однако это не имело никакого эффекта.

В феврале 1682 г. под покровительством маркиза Шеври де Вильнёва была организована Компания для постоянной рыбной ловли у берегов Акадии (Compagnie de la pêche sédentaire sur les côtes de l'Acadie). Встревоженные появлением конкурента судовладельцы Новой Англии решили отстаивать свои позиции силой и стали нападать на французские корабли, в том числе используя с этой целью «джентльменов удачи». В 1683 — начале 1684 г. некий буканьер Картер из Сейлема захватил шесть судов из Акадии и угрожал основной базе компании, находившейся в Шедабукту, в то время как другие пираты планировали нападение на Пор-Руайяль.[56] В ответ

---

[55] Цит. по: Histoire des colonies françaises et de l'expansion de la France dans le Monde: 4 t. / Ed. par G. Hanotaux, A. Martineau. T. I: L'Amérique / Par Ch. de La Roncière, J. Tramonds, E. Lauvière. Paris, 1929. P. 210.

[56] Mémoire sur l'Acadie (1682) // Collection de manuscrits contenant lettres, mémoires et autres documents historiques relatifs à l'histoire de la Nouvelle-France, recueillis aux Archives de la Province de Québec ou copies à l'étranger: 4 t. T. I. Québec, 1883–1885. P. 293–294.

на это располагавшая значительным капиталом и большими связями компания добилась от французского правительства распоряжения, запрещающего иностранцам торговать в Акадии и вести промысел у ее берегов. При этом сама компания получила право задерживать нарушителей и конфисковывать их суда. Летом 1684 г. один из руководителей компании Клербо Бержье на фрегате «Сен-Луи» патрулировал акадийское побережье и задержал в общей сложности 8 английских барок, ловивших там рыбу и скупавших меха. Их груз был конфискован, а капитаны арестованы и отправлены в Ля-Рошель, о чем было сообщено английскому правительству.[57]

16 января 1685 г. французский посол направил министрам Карла II записку, в который выражался протест по поводу действий английских рыбаков, которые, «не находя в Новой Англии тех преимуществ, которые есть в Акадии, продолжают ловить рыбу в гаванях, принадлежащих Его Наихристианнейшему Величеству; в результате чего торговля французов там оказалась полностью нарушена».[58] Однако этот демарш не возымел никакого эффекта.

Другим поводом для конфликта между подданными двух держав в Атлантическом регионе стало наметившееся в 70-е годы XVII в. проникновение английских поселенцев в долины рек Сен-Жорж (Сент-Джордж) и Кеннебек, т. е. на территории, расположенные между Акадией и Новой Англией. Формально и англичане и французы считали эти территории частью своих владений, причем у первых они входили сразу в несколько различных пожалований. В то же время сам этот район долгое время оставался практически неосвоенным европейцами, если не считать нескольких небольших факторий, эпизодически возникавших на побережье. Однако в 1674 г. администрация Массачусетса приняла решение о создании здесь нового графства (графства Корнуолл).

Жившие в этих местах племена абенаки, хотя и торговали с бостонскими купцами, находились под сильным влиянием французов прежде всего благодаря активной деятельности католических миссионеров. В середине 1670-х годов отношения индейцев и англичан обострились. Жестокость и притеснения со стороны последних вызвали ответную реакцию абенаки, которые в августе 1676 г. разрушили два небольших английских поселения Каско и Сагадахок. После этого англичане стали уходить обратно, и к концу 1676 г. к востоку

[57] Mémoire de l'Ambassadeur de la France sur l'Acadie. Londres, le 6 novembre, 1684 // Ibid. P. 329–330.

[58] Mémoire de l'Ambassadeur de la France, présenté au Roi d'Angleterre. Le 16 janvier 1685 // Mémoires des Commissaires... T. II. P. 326–327.

от реки Пискатаквы уже практически не осталось жителей.[59] Однако отдельные столкновения англичан с абенаки продолжались до 1678 г., когда власти Новой Англии были вынуждены пойти на заключение мира с этим племенем, признав за ним права на территории к востоку от реки Кеннебек.[60]

Французы не участвовали в этом конфликте, однако успех абенаки, служивших фактически «барьером» для Акадии, был им, безусловно, выгоден. С середины 1670-х годов среди этих индейцев поселился отставной французский офицер барон Ж.-В. Аббади де Сен-Кастэн. Он женился на дочери (по другой версии сразу на двух дочерях) одного из вождей, был принят в племя и жил вместе с ним, занимаясь охотой и торгуя одновременно с английскими и французскими купцами, невзирая на любые запреты каких бы то ни было властей. В то же время его деятельность объективно служила интересам французов, способствуя укреплению их влияния среди абенаки, занимавших столь важную в стратегическом плане территорию. Сен-Кастэн восстановил факторию в устье Пентагоэ, которая стала французским форпостом на Атлантическом побережье. «Объединяя таланты француза и природные качества индейца», он, по словам французского историка XIX в. С. Моро, «более, чем кто-либо, препятствовал экспансии и развитию англо-американских колоний Великого залива [Массачусетса. — *Ю. А.*]», за что заслужил «больше всего проклятий в пуританских хрониках Новой Англии».[61]

Надо сказать, что 1670-е годы стали временем резкого всплеска антифранцузских настроений в колониях Новой Англии, что, несомненно, было связано с резким обострением отношений англичан с индейцами. При этом, хотя французы не имели отношения ни к конфликтам жителей Массачусетса с абенаки, ни тем более к Войне короля Филиппа, в Бостоне всегда были склонны считать их главными виновниками происходившего. Так, в 1676 г. Эдвард Рэндольф, специальный представитель английского правительства в Новой Англии, писал, что «Массачусетс страшно ненавидит французов, с которыми он слишком близко соседствует и из-за которых он несет убытки в торговле; он смотрит на них с явным предубеждением, полагая, что они приложили руку к его последней войне с индейцами».[62] Аналогичную точку зрения высказывал преподобный Инкриз

---

[59] *Rawlyk G. A.* Nova Scotia's Massachusetts: A Study of Massachusetts–Nova Scotia Relations 1603 to 1781. Montreal; London, 1973. P. 40–41.

[60] См.: *Daviault P.* Le Baron de Saint-Castin, Chef Abénaquis. Montréal, 1939. P. 55–61.

[61] *Moreau C.* Histoire de l'Acadie Françoise (Amérique septentrionale). De 1598 à 1755. Paris, 1873. P. 301.

[62] Hutchinson Papers: In 2 vols / Ed. by W. H. Whitmore and W. S. Appleton. Vol. I. Albany, 1856. P. 225.

Мэзер, который утверждал: «Совершенно очевидно, что французская головня разожгла этот несчастливый огонь».[63]

Однако, несмотря на поражение, которое они потерпели в столкновении с индейцами, англичане не отказывались от намерений укрепить свои позиции на подступах к Акадии. Наряду с жителями Новой Англии все больший интерес к этому региону стали проявлять в Нью-Йорке. Как мы уже упоминали, в 1664 г. вместе с долиной Гудзона герцогу Йоркскому были пожалованы территории, расположенные между Кеннебеком и Сент-Круа. В 1674 г. это пожалование было подтверждено. Заметим, что таким образом Карл II, во-первых, явно посягнул на права французов, так как границей Акадии традиционно считалась река Кеннебек, а кроме того, по условиям договора в Бреда, Франции наряду с другими фортами в Акадии передавался форт Пентагоэ, расположенный как раз между устьями Кеннебека и Сент-Круа (соответственно эта территория была признана англичанами частью французских владений). Во-вторых, ограничивались притязания бостонцев, стремившихся продвинуть границы своих владений как можно дальше на север.

Правда, до второй половины 70-х годов XVII в. ни герцог Йоркский, ни его представители в Нью-Йорке не проявляли большого интереса к северной части своих владений. Лишь в конце 1677 г., после того как поражение бостонцев в столкновении с абенаки стало очевидным, губернатор Нью-Йорка Э. Эндрос решил, что настал удобный момент, для того чтобы закрепиться в этом районе.[64] В 1678 г. его людьми в устье Кеннебека «на территории герцога» был построен форт Пемакид (что, кстати, вызвало протесты Массачусетса). В этих местах стали появляться торговцы из Нью-Йорка.

В подписанных 20/30 сентября 1682 г. полномочиях нового губернатора Нью-Йорка Томаса Донгана говорилось, что под его управлением находятся не только территории между Сент-Круа и Пемакидом, но и вся долина Кеннебека «вплоть до реки Канады» (т. е. до реки Св. Лаврентия).[65] В 1683 г. Донган обратился к французам, находившимся, с его точки зрения, во владениях герцога Йоркского, с письмом, где заявлял о том, что они должны уйти за реку Сент-Круа.[66] Однако до середины 1680-х годов крупных столкновений здесь не происходило.

---

[63]Цит. по: *Rawlyk G. A.* Op. cit. P. 43.

[64]См.: Andros to the Committee of Trade and Plantations, November, 1677 // Documents Relative to the Colonial History of the State of New York. Vol. III. P. 256.

[65]Commission of Colonel Dongan to be Governor of New York. September 30, 1683 // Ibid. P. 328–329.

[66]См.: [Dongan] A Messieurs les François qui habitent parmy les Indiens à Pemaquid (1683) // Collection de manuscrits... T. I. P. 308–309.

Надо сказать, что в 1670–1680-е годы некоторые наиболее дальновидные французские колониальные чиновники стали обращать внимание не только на экономическое, но и на стратегическое значение Акадии. Интендант Новой Франции Жак де Мёль писал в одном из своих докладов, что, «обезопасив себя на берегах Акадии и в Пор-Руайяле, французам будет легко разрушить Бостон и другие английские поселения».[67] Однако в Париже на эти заявления пока не обращали внимания.

Граница Новой Франции и Нью-Йорка

В рассматриваемый нами период напряженная ситуация сложилась на границе Новой Франции и колонии Нью-Йорк, в Стране ирокезов. Захват англичанами Новых Нидерландов и последовавший за этим переход в их руки голландского пушного бизнеса сразу же поставили перед ними задачу распространения своего влияния на как можно большие территории, что, в свою очередь, немедленно столкнуло их лицом к лицу с французами, также стремившимися к расширению границ своей мехоторговой империи. С обеих сторон в конфликт были втянуты индейские племена, пытавшиеся в то же время проводить самостоятельную политику, преследуя свои собственные специфические цели и интересы (хотя это им и не всегда удавалось) и по-своему понимая и трактуя европейские международно-правовые нормы. Данное обстоятельство вносило дополнительную сложность в ситуацию.

Наиболее острым был вопрос о границе между английскими и французскими владениями в этом регионе. Поскольку, как мы знаем, никаких определенных и признанных границ в Северной Америке в то время не было, каждая сторона трактовала этот вопрос по-своему. Так, англичане считали, что колония Нью-Йорк простирается до «озера (или реки) Канады», не признавая за французами никаких прав на земли, расположенные к югу от реки Св. Лаврентия и к востоку и югу от Великих озер.[68] В свою очередь, французы в 70-е годы XVII в. совершили ряд крупных открытий в этом регионе. Они проникли в долину Огайо, исследовали побережье озера Мичиган, а в 1673 г. достигли Миссисипи. В 1674 г. при впадении в озеро Онтарио реки Катаракуи (на месте современного Кингсто-

[67] Mémoire touchant le Canada et l'Acadie envoyé par M. de Meules // Nouvelles annales des Voyages et des sciences géographiques. 4e série. 5e année. T. 101 (Anneé 1844. Mars. T. 1).

[68] См.: Sir John Werden to Governor Andros, May 7th 1677 // Documents Relative to the Colonial History of the State of New York. Vol. III. P. 247.

на) ими был основан форт, названный в честь губернатора Новой Франции, — форт Фронтенак, а в 1679 г. знаменитый путешественник Р. Р. Кавелье де Ла Саль соорудил факторию в районе Ниагары. Со второй половины 1670-х годов французские скупщики пушнины уже регулярно появлялись в этих местах.

В такой ситуации для англичан и французов особую остроту приобретал вопрос о позиции Лиги ирокезов, контролировавшей южное побережье Онтарио и верховья Гудзона. Во второй половине 60-х годов XVII в. ирокезы, ранее бывшие союзниками и торговыми партнерами голландцев, стали ориентироваться на сменивших их англичан.[69] Мы позволим себе не согласиться с точкой зрения Э. Х. Кларка и Д. К. Инниса, утверждающих, что ирокезы играли роль барьера, с одной стороны, разделявшего два потока экспансии (сначала французский и голландский, а затем французский и английский), а с другой — препятствующего продвижению англичан в глубь континента. Последнее обстоятельство эти канадские ученые обосновывают тем, что ирокезы стремились сохранить чрезвычайно выгодное для них положение посредников между англичанами и племенами, обитавшими к западу и югу от Великих озер.[70] Нам представляется, что данное утверждение не совсем корректно, так как английская экспансия поначалу сдерживалась не позицией Союза пяти племен, а тем, что пока в ее развитии была заинтересована лишь сравнительно небольшая группа жителей только одной колонии Нью-Йорк, а большинство Английской Америки, да и власти метрополии относились к ней в целом равнодушно. Отсюда и вытекало стремление Нью-Йорка превратить ирокезов в орудие своей политики, что им поначалу также несомненно было выгодно. Однако это неизбежно привело Нью-Йорк к конфликту с французами из Канады, также стремившимися к продвижению на запад.

С конца 1660-х годов власти Нью-Йорка пытались добиться того, чтобы племена лиги признали себя подданными английского короля и герцога Йоркского. В то же время французские миссионеры, возобновившие свою деятельность среди ирокезов после заключения ими мира с Новой Францией, стремились удержать Союз пяти племен хотя бы на нейтральных позициях. Однако иезуиты смогли обратить в католицизм только часть мохоук, которые затем переселились в район Монреаля, став, таким образом, союзниками французов.

---

[69] См.: *Goldstein R. A.* French — Iroquois Diplomatic and Military Relations, 1609–1701. The Hague; Paris, 1969. P. 101.

[70] См.: *Clark A. H., Innis D. Q.* The Roots of Canadian Geography // Canada: A Geographical Interpretation / Ed. by J. Warkentin. Toronto; London; Sydney; Wellington, 1968. P. 30–31.

Весной 1677 г. губернатору Нью-Йорка Э. Эндросу при участии представителей Новой Англии удалось заключить ряд соглашений с Лигой ирокезов, в результате чего были заложены основы Договорной цепи, объединившей англичан, ирокезов и зависимые от них племена. Следует отметить, что создание Договорной цепи не означало того, что ирокезы становятся подданными английского короля; в то же время она не являлась просто военным союзом. Это была сложная иерархическая структура, на верхней ступени которой находился Нью-Йорк, затем шли Союз пяти племен и Новая Англия, а потом племена, зависящие от союза.[71] По крайней мере, именно так понимали Договорную цепь сами ирокезы, хотя английские власти всегда пытались представить ее как свидетельство своего господства над ними.[72]

Используя свое влияние среди ирокезов, власти Нью-Йорка стремились заставить их разорвать всякие отношения с французами. Под давлением англичан ирокезы стали нападать на дружественные французам племена. Осенью 1680 г. сенека напали на поселение иллинойсов; однако в следующем году те при поддержке кискаконов разгромили отряд этого племени Лиги. В начале лета 1682 г. группа молодых ирокезских воинов разграбила французский склад товаров, находившийся неподалеку от форта Фронтенак.

Французы первоначально стремились не допустить того, чтобы на южных границах колонии началась война между индейцами, которая стала бы ненужной помехой для их торговли и для их экспансии. В августе–сентябре 1682 г. граф Фронтенак встретился в Монреале с представителями гуронов, майами и кискаконов и убеждал их помириться с сенека. Однако сменивший Фронтенака на губернаторском посту в октябре 1682 г. Л.-А. Лефевр де Ля Барр склонялся к тому, что следует организовать превентивную экспедицию против ирокезов, чтобы обезопасить рубежи колонии и защитить ее союзников. Кроме того, де Ля Барр таким образом хотел укрепить позиции группы торговцев пушниной, с которой он был связан.

Поскольку ирокезские племена кайюга и сенека продолжали нападать на союзных французам индейцев, а весной 1684 г. даже предприняли попытку захватить факторию Сен-Луи на Иллинойсе, де Ля Барр решил действовать. Перед тем как выступить в поход, он попытался добиться от англичан, чтобы те прекратили оказывать поддержку этим племенам и не поставляли им оружия и боеприпасов. В своем письме к губернатору Нью-Йорка Томасу Донгану де

[71] См.: *Snow D. R.* The Iroquois. Oxford; Cambridge (Mass), 1994. P. 124.

[72] Об особенностях ирокезской дипломатии см.: The History and Culture of Iroquois Diplomacy: An Interdisciplinary Guide to the Treaties of the Six Nations and their League / Ed. by F. Jennings. Syracuse, 1985.

Ля Барр апеллировал к чувству «Христианского единства», которое англичане и французы, по его мнению, должны были продемонстрировать индейцам.[73]

Однако администрация Нью-Йорка не спешила проявлять «Христианское единство». Как справедливо заметил Ф. Дженнигз, Донган понимал, что если сенека (самое западное из племен Лиги) подчинятся французам, то «не будет больше никакой надежды на продвижение англичан на запад».[74] В своем ответном послании де Ля Барру Донган заявил, что нападение на это племя будет рассматриваться как вторжение на английскую территорию.[75]

Следует подчеркнуть, что в инструкциях, полученных Донганом от Карла II летом 1683 г., было четко сказано, что администрации Нью-Йорка следует поддерживать французских колонистов и не допускать по отношению к ним враждебных действий.[76] Об этих инструкциях было известно в Париже. Примерно в это же время Людовик XIV писал де Ля Барру следующее: «...поскольку полковник Донган, назначенный королем Англии губернатором Нью-Йорка, имеет точный приказ от своего короля поддерживать с вами добрые отношения и тщательно избегать всего, что могло бы их нарушить, я нисколько не сомневаюсь, что трудности, которые вы имеете со стороны англичан, в будущем прекратятся».[77]

Однако губернатор Нью-Йорка и его помощники решили максимально использовать сложившуюся ситуацию в своих интересах. Агенты Донгана сообщили ирокезам о готовящемся нападении французов (вполне возможно, несколько преувеличив угрозу). Союз пяти племен обратился к англичанам с просьбой о заключении серии новых договоров, которые были подписаны в конце июля — начале августа 1684 г. (с английской стороны кроме Нью-Йорка в их подписании участвовал Мэриленд). В этих документах ирокезы объявили, что они «передают свои земли и самих себя под защиту Великого герцога Йоркского <...> [и] Великого Сахема Карла, который живет на другом берегу Великого Озера», а также пообещали, что они «не присоединятся сами и не присоединят свои земли к любому другому Правительству, кроме этого». В то же время вожди и сахемы Лиги

[73]La Barre to Dongan, June 15th 1684 // Documents Relative to the Colonial History of the State of New York. Vol. IX. P. 99–100.

[74]*Jennings F.* The Ambiguous Iroquois Empire. The Covenant Chain Confederation of Indian Tribes with English Colonies from its Beginnings to the Lancaster Treaty of 1744. New York; London, 1984. P. 180.

[75]Dongan to La Barre, June 24th 1684 // Documents Relative to the Colonial History of the State of New York. Albany, 1853. Vol. I. P. 100–102.

[76]*Garneau F.-X.* Histoire du Canada: 5-e éd. 2 t. T. I. Paris, 1913. P. 317–318.

[77]Lettre du Roy à Monsieur de La Barre. Fontainbleau, le 5 Aoust 1683 // Collection de manuscrits... T. I. P. 310.

подчеркнули, что ирокезы «являются свободным народом, соединившим себя с англичанами».[78] Тем не менее Донган рассматривал это именно как переход Союза пяти племен в британское подданство, в связи с чем он передал его представителям щиты с изображением герба герцога Йоркского, которые должны были быть установлены в поселениях ирокезов. Эту же точку зрения разделяло английское правительство.

Тем временем поход де Ля Барра против сенека закончился, не начавшись. Собранные им отряды дошли до местечка Анс-де-Ля-Фамин (в районе современного Осуиго, штат Нью-Йорк), где губернатор неожиданно принял решение заключить мир с ирокезами. Такой странный шаг был вызван не только объективными трудностями (среди его людей началась эпидемия какой-то болезни; ощущалась острая нехватка продовольствия и т. п.), но и личной нерешительностью губернатора Новой Франции, больше всего заботившегося о своих собственных коммерческих интересах. Однако самой грубой и непростительной ошибкой де Ля Барра было то, что он заключил мир на условиях, которые были единодушно восприняты как унизительные для французов.[79] В частности, губернатор обещал увести всех своих солдат из Страны ирокезов и прекратить помощь иллинойсам, союзникам французов. При этом посредниками между французами и сенека выступили онондага — одно из племен Лиги.[80]

Ф. Дженнингз называет эти события «бескровным триумфом» и «зенитом ирокезской славы».[81] Действительно, на переговорах с де Ля Барром Союз пяти племен выступил как самостоятельное действующее лицо, независимое от европейцев, а онондага даже считали, что имеющиеся соглашения делают их лидерами некого «племенного союза», объединяющего также Нью-Йорк и Канаду.[82]

В результате бездарных действий де Ля Барра позиции французов в районе, расположенном к югу от Великих озер, были существенно ослаблены, а главное резко упал их авторитет среди традиционно поддерживавших их индейских племен. Возмущение поведением губернатора и в Квебеке, и в Париже было столь сильным, что в начале 1685 г. Людовик XIV отстранил де Ля Барра от должности (отчет о его переговорах с ирокезами было приказано хранить в

---

[78]Цит. по: *Desrosier L.-P.* Iroquoisie: 4 t. T. 3. Québec, 1999. P. 221.

[79]См.: *Lanctot G.* Histoire du Canada: 3 t. T. II: Du Régime Royal au Traité d'Utrecht, 1663–1713. Montréal, 1960–1966. P. 119.

[80]См.: Presents of the Onondagas to Onontio at La Famine, the 5th September 1684 // Documents Relative to the Colonial History of the State of New York. Vol. IX. P. 236–239.

[81]*Jennings F.* Op. cit. P. 186.

[82]См.: Ibid. P. 185.

секрете). Назначенному на его место маркизу Ж.-Р. де Бризе де Денонвилю было поручено «обеспечить спокойствие Канады прочным и устойчивым миром», для чего следовало «укротить гордость ирокезов <...> и дать им понять твердой и решительной политикой, что они будут иметь все основания ужасаться, если не подчинятся тем условиям, которые он соблаговолит им изложить». В инструкциях также говорилось, что новому губернатору следует быть в курсе того, что́ губернатор Нью-Йорка предпринимает для помощи ирокезам и распространения британского господства до берегов реки Св. Лаврентия и также на всю территорию, которая заселена этими индейцами [ирокезами. — *Ю. А.*]». Денонвилю предлагалось «делать все, чтобы поддержать хорошие отношения между французами и англичанами. Но если последние вопреки всем ожиданиям будут подстрекать индейцев и помогать им, с ними следует обходиться, как с врагами, когда они находятся на индейской территории, не предпринимая в то же время ничего на территории, находящейся в подчинении короля Англии».[83]

Имея такие инструкции, Денонвиль сразу же оказался в сложном положении, так как на основании вышеупомянутых договоренностей англичане утверждали, что Союз пяти племен и его земли являются владением герцога Йоркского и короля. Более того, Донган несколько раз заявлял, что те индейцы, которые заключили союзы с ирокезами и, таким образом, признают свою зависимость от них, также автоматически превращаются в подданных Нью-Йорка.

Надо сказать, что инструкции самого Донгана предписывали ему «не давать повода для жалоб губернатору Новой Франции».[84] Однако он открыто пренебрегал ими, получив за это весьма лестные оценки американских историков. Ч. М. Эндрюс писал, что Донган «лучше, чем все его предшественники <...> понимал различные аспекты ситуации с французами и индейцами»;[85] а Г. Л. Осгуд отмечал, что «Томас Донган был первым английским губернатором, который ясно увидел суть событий. Он осознал так же хорошо, как и французы, что ирокезы владеют ключом к ситуации. Они стоят на пути продвижения французов на запад, и их традиционная враждебность является одной из величайших помех этого продвижения. Донган проводил четко определенную политику таким образом, чтобы перевести пушную торговлю с северо-запада, от долины реки Св.

[83]Instructions to M. de Denonville, March 10th 1685 // Documents Relative to the Colonial History of the State of New York. Vol. IX. P. 271–271.

[84]Sir John Werden to Governor Dongan, December 4th 1684 // Ibid. Vol. III. P. 353.

[85]*Andrews Ch. M.* The Colonial Period of American History: In 4 vols. Vol. III. New Haven, 1934–1936. P. 122.

Лаврентия, к Олбани. Это было задумано как контрмера в противовес основанию форта Фронтенак».[86]

В Канаде многие представляли ситуацию не хуже Донгана. Уже упоминавшийся нами интендант де Мёль четко указывал на опасность, исходящую от продвижения англичан на запад: «Если Франция однажды вступит в войну с Англией, колония в Канаде будет полностью окружена с суши, и англичане на этом континенте смогут очень легко стать хозяевами долины реки Св. Лаврентия и за два или три года без труда разрушить усилия многих лет».[87]

Правительство Людовика XIV пыталось опротестовать действия Донгана (особое возмущение в Париже вызывало то, что англичане установили свои гербы в ирокезских селениях). Сеньеле поручил французскому послу в Лондоне заявить, что «эти племена всегда были подданными Франции, с тех пор как их страна была открыта французами, без каких-либо возражений со стороны англичан», а также потребовать от английского правительства дать губернатору Нью-Йорка точные указания, ограничивающие сферу его действий.[88] Однако Лондон не мог серьезно повлиять на позицию Донгана, который продолжал ее отстаивать на словах — в оживленной переписке, завязавшейся у него с Денонвилем, и на деле — всячески поддерживая Союз пяти племен и поощряя индейцев, живущих в районе Великих озер, торговать с англичанами (напрямую или через ирокезов), разрушая, таким образом, коммерческие, а отчасти и политические связи французов.

Донган неоднократно заявлял Денонвилю, что индейцы исстари «торговали с Олбани, Мэрилендом и Вирджинией».[89] Французский губернатор в своих письмах в Нью-Йорк жаловался, что английские «эмиссары среди онондага от Вашего имени говорят всем племенам грабить нас и вести с нами войну»,[90] и требовал объяснений. На это Донган хладнокровно отвечал: «Будьте уверены, сэр, что я не упрашиваю и не подкупаю индейцев, для того чтобы они поднимали оружие и вели войну против Вас; всеми силами я стараюсь удержать в спокойствии этих людей, которые столь склонны к войне, что для ее начала им достаточно одного слова».[91]

---

[86] *Osgood H. L.* The American Colonies in the Seventeenth Century: In 4 vols. Vol. II. New York; London, 1904. P. 426.

[87] Mémoire touchant le Canada et l'Acadie envoyé par M. de Meules // Nouvelles annales... T. 101.

[88] M. de Seignelay to Mr. Barillon, Versailles, March 10th 1685 // Documents Relative to the Colonial History of the State of New York. Vol. IX. P. 269.

[89] Governor Dongan to M. de Denonville, 26th July 1686 // Ibid. Vol. III. P. 460–461.

[90] M. de Denonville to Governor Dongan, 1st October 1686 // Ibid. P. 461–462.

[91] Governor Dongan to M. de Denonville, 1st December 1686 // Ibid. P. 462–463.

В ноябре 1686 г. Денонвиль был вынужден констатировать, что «ирокезы не имеют никакого другого замысла, кроме как разбить всех наших союзников одного за другим, чтобы затем полностью уничтожить нас, и в этом состоит вся политика г-на Донгана и его торговцев».[92] Губернатору Новой Франции оставалось только жаловаться в Париж и готовиться к новой военной операции против ирокезов.

Первые столкновения на канадском севере

Третьей зоной англо-французского конфликта в Северной Америке стало побережье Гудзонова залива, которое на рубеже 1660–1670-х годов почти одновременно попало в сферу интересов двух держав. Вслед за основанием английской Компании Гудзонова залива (1670) и проникновением французов к заливу Джемс (миссия Альбанеля, 1672) между ними началась борьба за контроль над этим регионом, являвшимся источником отборной пушнины, ценившейся в среднем в два раза выше мехов, поступавших из других промысловых районов. Самое активное участие в этой борьбе приняли канадские лесные бродяги П. Э. Радиссон и М. Ш. де Грозейе, служившие попеременно то Франции, то Англии. В 1675 г., не поладив со своими английскими компаньонами, с которыми они в конце 1660-х годов начали эксплуатацию побережья Гудзонова залива, они вернулись на французскую службу, и в 1681 г. снова появились в Канаде. В 1682 г. Радиссон и Грозейе возглавили экспедицию в Гудзонов залив, снаряженную Северной компанией, основанной незадолго до этого французскими купцами. В ходе этой экспедиции они захватили два английских судна и основали факторию Бурбон в устье реки Нельсон (французы называли ее рекой Бурбон). Французское правительство поддержало эти действия своих подданных. В одном из писем, адресованных де Ля Барру, король заявил: «Я вам рекомендую воспрепятствовать таким образом, каким вы сочтете возможным, тому, чтобы англичане обосновались на Гудзоновом заливе, который взят во владение от моего имени много лет назад».[93]

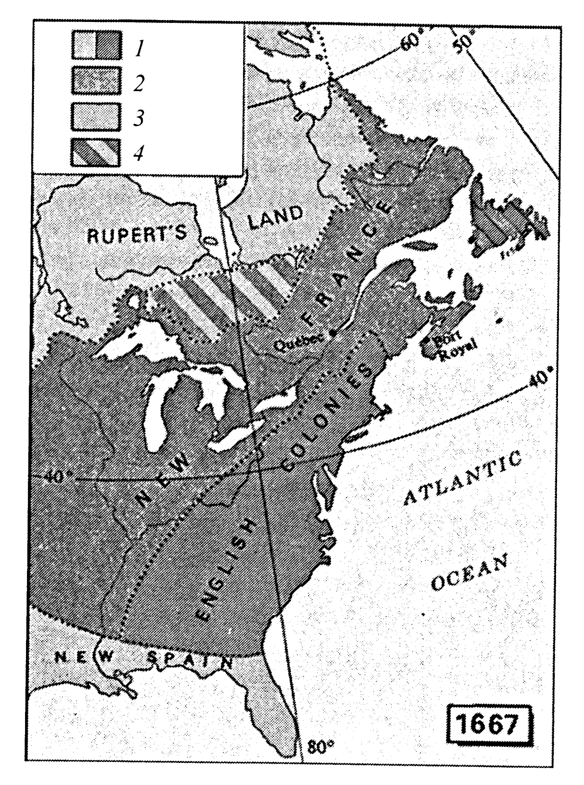
Однако в начале 1684 г. Радиссон и Грозейе снова переметнулись к англичанам, и уже летом 1684 г. Радиссон изгнал своих соотечественников из Бурбона.[94] Компания Гудзонова залива активизировала свои действия в регионе.

---

[92]Memoir, November 8th 1686 // Ibid. Vol. IX. P. 297–298.

[93]Lettre du Roy à Monsieur de La Barre. Fontainbleau, le 5 Aoust 1683 // Collection de manuscrits... T. I. P. 310.

[94]См.: *Nute G. L.* Caesars of Wilderness: Médar Chouard Sieur des Groseillers, and Pierre Esprit Radisson. New York, 1943. P. 144, 153, 186.

Карта 5. Колонии европейских держав в Северной Америке после договора в Бреда (1667)

1 — английские владения; *2* — французские владения; *3* — испанские владения; *4* — спорные территории.

Французы тоже не сидели, сложа руки. В марте 1686 г. Денонвиль отправил из Квебека к Гудзонову заливу отряд под командованием де Труа, который выбил англичан из фортов Монсипи (Хейс), Руперт и Олбани. В последнем, переименованном в Сент-Анн, часть отряда во главе с П. Ле Муаном д'Ибервилем осталась на зимовку. Весной 1687 г. французы продолжали преследовать английские суда, появлявшиеся в заливе. В руках англичан оставался только форт Бурбон (Нельсон), где находился Радиссон.

Противоречия между двумя державами в Северной Америке нарастали как снежный ком (см. карту 5).

Глава 3. ДОГОВОР О НЕЙТРАЛИТЕТЕ В АМЕРИКЕ. АНГЛО-ФРАНЦУЗСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИЙ КОНТИНЕНТ в середине 1680-х годов

Договор об американском нейтралитете

Сложная и неспокойная ситуация в колониях вызывала серьезную озабоченность в Лондоне и Париже. Как мы знаем, Яков II и Людовик XIV были заинтересованы в поддержании мира. В этой ситуации в 1685 г. французский король через своего посла в Лондоне Поля Барийона предложил заключить особое соглашение, которое было бы посвящено спорным коммерческим и колониальным проблемам и отделяло их от европейских сюжетов. Барийон, заручившись поддержкой ряда английских колониальных чиновников, заинтересовал этой идеей Якова II. При этом в качестве прецедента был использован договор о нейтралитете, подписанный английскими и французскими уполномоченными на острове Сен-Кристофер в 1678 г. (так называемый договор в Сидни-Пойнт).[95]

В декабре 1685 г. английский король сообщил специальному представителю Людовика XIV маркизу Ф. Дюссону де Бонрепо, что он хотел бы заключить общее соглашение о нейтралитете, сферой действия которого был бы весь Североамериканский континент. В Париже согласились, и в марте 1686 г. между Барийоном и английскими представителями начались переговоры. Наряду с подготовкой самого соглашения о нейтралитете по ходу этих переговоров был поднят ряд вопросов, касающихся отношений между англичанами и французами в Америке.

В нашем распоряжении имеется очень интересный документ из Архива Министерства иностранных дел Франции, озаглавленный «Замечания по поводу проекта договора, сообщенные английскими уполномоченными».[96] В нем перечислены поправки, предложенные английской стороной к первоначальному проекту договора, подготовленному французами. Его анализ позволяет выяснить, какие вопросы интересовали участников переговоров больше всего. Так, англичане прежде всего настаивали на том, чтобы колониальным губернаторам было запрещено помогать тем индейским племенам, которые воюют с одной или другой державой; они также выступали

---

[95] См.: European Treaties... Vol. II. P. 256–260.

[96] Remarques sur le projet de traité communiqué par les Commissaires Anglois // Archives du ministère des affaires étrangères. Fonds anciens. Correspondance politique. Angleterre. Vol. 160.

за то, чтобы торговым и промысловым кораблям обеих стран было запрещено проникать во владения соседа; кроме того, представители Якова II заявляли о необходимости пресечь практику выдачи официальных документов (патентов, хартий), которые давали бы «право» совершать враждебные действия по отношению к подданным и/или владениям другой державы.[97]

По ходу переговоров англичане также потребовали, во-первых, возмещения ущерба за корабли, конфискованные Клербо Бержье; во-вторых, разрешения для их судов запасаться водой и лесом на побережье французских владений; в-третьих, компенсации за товары, захваченные в 1682 г. в форте Нельсон; в-четвертых, предоставления им доступа к соляным копям на острове Сен-Кристофер; в-пятых, гарантий безопасности от французских каперов.

Барийон и Бонрепо стремились добиться, во-первых, того, чтобы английские корабли перестали торговать и ловить рыбу у берегов французских владений (прежде всего, Акадии); во-вторых, прекращения помощи со стороны английских колоний тем племенам, с которыми воюют французы; в-третьих, урегулирования вопросов, касающихся пушной торговли на берегах Гудзонова залива; в-четвертых, запрещения английским судовладельцам брать каперские патенты у держав, которые ведут войну с Францией; в-пятых, соблюдения и выполнения условий договора в Бреда (это касалось не только Североамериканского континента, но и Антильских островов).

Разрешить такое количество проблем было очень сложно (тем более что по ходу переговоров из колоний в Лондон поступали известия о новых конфликтах). Однако, используя гибкие и обтекаемые формулировки, дипломаты достаточно быстро подготовили текст Договора о нейтралитете, который был подписан 6/16 ноября 1686 г.

В этом документе говорилось, что короли Англии и Франции желают установить «мир, добрососедство и нейтралитѐт в Америке, дабы предотвратить, насколько это будет возможно, всякие раздоры и распри, которые могут зародиться между подданными одного и другого государя в этих странах». В соответствии с этим первая статья договора провозглашала мир «между английской нацией и французской нацией <...> как на море, так и на земле Северной и Южной Америки, на островах, в колониях, фортах и городах». Далее говорилось о том, что подданные двух держав не должны допускать несправедливостей и враждебных действий по отношению друг к другу. В статье IV оговаривалось, что «каждый из названных королей будет владеть и пользоваться всеми владениями, правами и прерогативами в морях, проливах или других водах Америки в тех

[97]См.: Ibid. F. 1.

пределах, которые принадлежат каждому королю по праву и тем же самым образом, как они пользуются ими в настоящее время».

Подданным обеих держав запрещалось торговать и ловить рыбу во владениях другой державы (статья V), однако в случае необходимости их корабли могли свободно заходить в чужие воды (статья VI). Запрещалось «оказывать любую помощь и поддержку дикарям людьми или товарами», если они воюют с одной из держав (статья X). Были также урегулированы вопросы, касавшиеся острова Сен-Кристофер и Каймановых островов (статьи IX и XVI). Статья XVII гласила, что «если между подданными двух Корон возникнут распри и разногласия, мир, установленный этим договором, не будет ни разорван, ни нарушен, но руководители этих колоний или их представители должны будут встретиться друг с другом и урегулировать эти конфликты». В том случае, если за год они смогут разрешить возникшее противоречие, дело должно быть передано на рассмотрение государей.

Самым важным в этом договоре было то, что, согласно статье XVIII, любой разрыв между Англией и Францией в Европе не должен был вести к конфликту в Америке, где подданные двух стран должны были оставаться в таком же положении, «как если бы подобного разрыва в Европе не произошло». В свою очередь, столкновение англичан и французов в Западном полушарии не являлось поводом для войны в Европе. В статье XIX было отмечено, что данный договор не отменяет договор в Бреда и не идет в разрез с его положениями.[98]

По мнению М. Сейвелла, Договор об американском нейтралитете представляет собой «наиболее яркое выражение Доктрины двух сфер», которая долго играла различные роли в международных отношениях, касающихся Америки. По его словам, «необходимость вынудила французское и английское правительство ясно признать Америку как сферу, формально свободную от европейской политики, сферу, которая, как они надеялись, будет также свободна от межколониальных столкновений».[99] С точкой зрения Сейвелла перекликается утверждение французского специалиста по истории международных отношений Г. Зеллера о том, что «это было воздействие просуществовавшего еще некоторое время старинного состояния духа, подразумевавшего, что жители колоний не должны вовлекаться в конфликты, которые могут произойти между метрополиями».[100]

---

[98] European Treaties... Vol. II. P. 319–323.

[99] *Savelle M.* Op. cit. P. 108.

[100] *Zeller G.* Histoire des relations internationales. T. III: Les temps modernes. Pt 2: De Louis XIV à 1789. Paris, 1955. P. 74.

На наш взгляд, значение договора состоит не только, да и не столько в этом. Он не снял противоречий между англичанами и французами на Североамериканском континенте (как и во всем Западном полушарии) и не ослабил имеющуюся напряженность. Меньше чем через три года после подписания Договора об американском нейтралитете колонии Лондона и Парижа оказались втянутыми в войну, которая началась между их метрополиями. Однако этот документ продемонстрировал, что Северная Америка (а подавляющее большинство статей договора относилось именно к этому континенту) превратилась в фактор, занимающий весьма значительное, хотя и особое место в отношениях Англии и Франции. Сам факт подготовки и заключения такого договора показал, что Лондон и Париж больше не могли просто игнорировать американские сюжеты, как они это делали раньше. Англо-французское соперничество в Западном полушарии вступало в новую фазу.

Новые конфликты

Как мы уже отметили, большого практического значения договор 1686 г. не имел. Во всех трех рассматривавшихся нами выше регионах во второй половине 80-х годов XVII в. продолжались конфликты между англичанами и французами, и везде наиболее остро стоял вопрос о границе.

Английские промысловые суда продолжали посещать Акадийское побережье, несмотря на то что в 1688 г. в колонию прибыл фрегат французского королевского флота «Фрипон», который начал нести патрульную службу у ее берегов и задержал несколько барок из Бостона. Последнее, кстати, вызвало протесты англичан, которые обратились с жалобой к лорду Престону, послу Якова II в Париже.[101]

Кроме того, во второй половине 1688 г. пираты из Массачусетса напали на факторию в Шедабукту, захватили находившееся там судно Компании для постоянной рыбной ловли и ограбили все склады, где, в частности, хранились запасы продовольствия, предназначенного для французских гарнизонов.[102] Убытки французов составили 12 тыс. ливров. Как писал в одном из своих отчетов губернатор Ака-

[101]См.: Documents Relative to the Colonial History of the State of New York. Vol. III. P. 579.

[102]См.: Pillage faict par les Anglois de la Nouvelle Angleterre (1688) // Collection de manuscrits... T. I. P. 428–429; Mémoire touchant les prises qui ont esté faictes par les anglois de la Nouvelle Angleterre le 10 à 15 aoust, 1688 // Ibid. P. 429–431.

дии А. де Фриш де Менваль, действия англичан свидетельствуют о том, что «они очень хотят получить Акадию».[103]

Менваль был прав. В Бостоне и Нью-Йорке все громче звучали призывы к захвату французских владений на севере. Это позволило бы английским колонистам стать единоличными собственниками богатейших рыбных промыслов у берегов Акадии, разом решить проблему спорных пограничных территорий и обезопасить себя от индейских племен Нью-Брансуика и северной части Мэна. Англичане серьезно опасались упоминавшегося нами выше Сен-Кастэна, присутствие которого среди абенаки было залогом того, что эти индейцы останутся союзниками французов. Несколько раз англичане пытались привлечь его на свою сторону. В 1686 г. Сен-Кастэну предложили принести присягу Якову II, намекнув, что в таком случае он легко может получить Пентагоэ с прилегающими территориями в качестве ленного владения.[104] Поскольку Сен-Кастэн отказал англичанам, они перешли от слов к делу. В конце 1686 г. агенты Донгана напали на его факторию и разграбили ее. На следующий год набег повторился. Когда англичанам стало известно, что Сен-Кастен с отрядом абенаки направился в Канаду, чтобы принять участие в походе против ирокезов, организованном Денонвилем, сам губернатор доминиона Новая Англия сэр Эдмунд Эндрос в апреле 1688 г. появился у Пентагоэ и лично руководил операцией по разрушению крошечной фактории непокорного барона.[105]

Эта акция имела результат, совершенно обратный тому, которого от нее ожидали. В ответ на это, в общем-то ничем не спровоцированное, нападение абенаки под руководством Сен-Кастэна вступили на тропу войны с англичанами.

Безусловно, разрушение Пентагоэ было лишь поводом, причины конфликта лежали глубже. На протяжении всех 1680-х годов отношения абенаки и англичан оставались достаточно напряженными, так как последние не выполняли условия договора 1678 г. (не присылали индейцам обещанного зерна, нарушали границы их охотничьих и рыболовных угодий и т. п.). Кроме того, в это время английские поселенцы вновь стали появляться на индейских землях.[106]

---

[103] *Baudry R.* Des Friches de Menneval // Dictionnaire biografique du Canada. T. II: 1701–1740. Toronto; Québes, 1969. P. 190.

[104] *Cerbelaud Salagnac G.* Abbadie de Saint-Castain // Ibid. T. II. P. 6.

[105] Randolph to Povey, June 2 1688 // Edward Randolph; Including His Letters and Official Papers from the New England, Middle and Southern Colonies in America, with Other Documents Relating Chiefly to the Vacating of the Royal Charter of the Colony of Massachusetts Bay, 1676–1713: In 7 vols / Ed. by R. N. Toppan and A. Th. C. Goodrich. Vol. IV. Boston, 1899 (reprint — New York, 1967). P. 224–225.

[106] См.: *Belknap J.* The History of New Hampshire: In 2 vols. T. I. Philadelphia, 1812. P. 196.

В конце весны 1688 г. Сен-Кастэн и абенаки начали совершать набеги на пограничные английские поселения. Летом того же года они сожгли небольшую деревушку Каско. Англичане начали спешно укреплять свои позиции и строить форты на границе. Зимой 1688–1689 гг. Эндрос предпринял поход в Страну абенаки, однако индейцы умело избегали столкновений, и англичанам пришлось ограничиться уничтожением нескольких поселков, оставленных их жителями. В 1689 г., когда в английские колонии пришло известие сначала о Славной революции, а затем о готовящемся вступлении в войну против Франции (см. раздел IV), абенаки продолжали нападения. В июне воины Сен-Кастэна неожиданным ударом захватили деревню Довер, а два месяца спустя осадили форт Пемакид, который 15 августа 1689 г. капитулировал.

Тем временем в Канаде губернатор Денонвиль, который, по словам Г. Ланкто, «больше не верил в то, что обращение Двора к королю Англии может покончить с интригами Нью-Йорка»,[107] летом 1687 г. выступил против сенека. 13 июля авангард французов под командованием губернатора Монреаля Л.-Э. де Кальера на границе Страны ирокезов нанес поражение отряду воинов сенека. Индейцы стали спешно покидать свои деревни и прятаться в лесах. Они пытались устроить засаду, но люди Денонвиля были начеку. Французы сожгли несколько поселений, уничтожили находившиеся там запасы и сорвали английские гербы, установленные агентами Донгана. 19 июля Денонвиль объявил о вступлении французов во владение территориями сенека.[108] Однако после этого он не стал преследовать противника и не пошел в районы проживания других племен Лиги, а вернулся в форт Фронтенак. Оттуда он направился к Ниагаре, укрепил находившуюся там факторию и повторно объявил о вступлении во владение всеми прилегающими к ней территориями, которые были открыты французами в 70-е годы XVII в.[109]

Результаты этой, на первый взгляд весьма успешной, операции оказались достаточно скромными. Она, безусловно, укрепила авторитет французов среди союзных им племен и французские позиции в районе озер Онтарио и Эри; наиболее воинственному племени Лиги ирокезов был нанесен ощутимый удар. Однако сила противника не была уничтожена, и мир заключен не был. Сложившаяся ситуация напоминала только что рассмотренный нами случай с Эндросом и абенаки.

Сенека достаточно быстро восстановили свои поселения, продол-

---

[107] *Lanctot G.* Op. cit. Vol. 2. P. 138.

[108] French Conquest of Seneca Country // Documents Relative to the Colonial History of the State of New York. Vol. IX. P. 334.

[109] Established of the French at Niagara // Ibid. P. 335.

жая в то же время вести «малую войну» против французов и подстрекая к этому другие племена Союза, которые в целом оставались враждебно настроенными по отношению к жителям долины реки Св. Лаврентия. Отчасти в этом были виноваты сами французы. Еще до начала похода Денонвиля в форте Фронтенак по инициативе интенданта Шампиньи было захвачено в плен и впоследствии отправлено на средиземноморские галеры 95 индейцев онондага, прибывших для переговоров.[110] Такой акт вероломства укрепил враждебность к французам со стороны всех племен Лиги ирокезов.

Летом 1687 г. между англичанами и французами произошел еще один инцидент. Английские торговцы дважды пытались проникнуть в Мишилимакинак (факторию, расположенную на северном берегу пролива Макино, соединяющего озера Гурон и Мичиган). Они хотели установить коммерческие контакты с приходившими туда индейцами оттава, которые были союзниками французов, но последние оба раза задерживали англичан и конфисковывали их товары.[111] Вполне возможно, что эти действия англичан были продиктованы не только стремлением расширить сферу торговых связей, но и желанием вбить клин между оттава и французами.

Всем этим не преминул воспользоваться Донган. В сентябре 1687 г. он написал Денонвилю откровенно издевательское письмо, где недвусмысленно намекал на возможность выступления англичан против французов. Губернатор Нью-Йорка заявил: «Мне жаль, что г-н Денонвиль столь быстро забыл приказы, которые он получил от своего Государя — жить в мире с подданными английского короля, но я нахожу, что воздух Канады оказывает странное воздействие на тела всех тамошних губернаторов». Донган протестовал по поводу того, что «г-н де Денонвиль вторгся на территории короля Англии с враждебными намерениями», и предупреждал, что если он получит соответствующий приказ от своего государя, то его отряды «могут оказаться в Квебеке так же быстро, как французы могут достичь Олбани».[112]

Как видим, Донган и Денонвиль по-разному трактовали Договор о нейтралитете, продолжая проводить свою собственную политику. Однако если французы были озабочены сохранением мира на границах своих владений, то англичане, наоборот, были заинтересованы в том, чтобы сохранить напряженность в регионе, которая позволила

---

[110] *Lanctot G.* Op. cit. Vol. 2. P. 139.

[111] См.: *Perrot N.* Mémoire sul les mœurs, coustumes et religion de l'Amérique septentrionale / Publié par R. P. J. Tailhan. Leipzig; Paris, 1864 (reprint — 1968). P. 141.

[112] Governor Dongan to M. de Denonville, 9th September 1687 // Documents Relative to the Colonial History of the State of New York. Vol. III. P. 472–475.

бы им укрепить там свое политическое влияние и коммерческие связи. Стараясь как можно прочнее привязать ирокезов к Нью-Йорку, Донган продолжал поставлять им оружие. При этом англичане стремились представить себя главными защитниками интересов Союза пяти племен перед лицом французов.

Однако у могущественной Лиги ирокезов были и свои собственные интересы, которые она пыталась отстаивать. Объективно ирокезам была нужна не война с французами, а то, чтобы последние не препятствовали их торговле с англичанами (в том числе и посреднической). Поэтому в 1688 г. Союз пяти племен согласился начать переговоры с Денонвилем, который предложил им заключить хотя бы договор о нейтралитете. Правда, Донган, узнав об этом, тут же обратился к ирокезам с письмом, где содержались инструкции относительно того, на каких именно условиях следует заключать мир с французами.[113]

В июне 1688 г. представители кайюга, онейда и онодага прибыли в Монреаль. На переговорах с губернатором Новой Франции они потребовали возвращения всех пленных ирокезов. Денонвиль обещал это сделать, после чего ирокезские послы поставили свои тотемные знаки под декларацией, где говорилось, что они являются единственными собственниками своих земель и не признают их хозяевами ни французов, ни англичан.[114]

Однако эта акция не привела к существенному изменению обстановки на границе. Дело осложнялось тем, что союзные французам индейцы были категорически против любых соглашений своих бледнолицых друзей с ирокезами и всячески старались расстроить их контакты. Летом 1688 г. один из вождей гуронов Кондиаронк (или Крыса) организовал настоящую провокацию, напав в районе Осуиго на группу ирокезских послов, возвращавшихся из Монреаля, и представив дело так, как будто он действовал по распоряжению Денонвиля.[115] Довольный своим поступком, Кондиаронк заявил: «Я убил мир».[116]

Правда, до лета 1689 г. крупных столкновений на границах Нью-Йорка, Новой Франции и Страны ирокезов не происходило. Английские колонии были заняты внутренними проблемами, вызванными известиями о переменах, произошедших в метрополии; Новая Фран-

[113]Propositions of Governor Dongan to Five Nations, 8 February 1687/88 // Ibid. P. 533.

[114]Declaration of Neutrality by Three of the Iroquois Nations. Montreal, 15th June, 1688 // Ibid. Vol. IX. P. 384.

[115]*La Hontan L.-A. de Lom d'Arce, baron de.* Voyages dans l'Amérique septentrionale: 2 t. T. I. La Haye, 1705. P. 165–171.

[116]*Belmont F. Vachon, de.* Histoire du Canada. Québec, 1840. P. 29.

ция, по словам современника, «была усыплена напрасной надеждой на мир».[117] Однако этой надежде не суждено было сбыться.

Во второй половине 1680-х годов столкновения между англичанами и французами продолжались и в районе Гудзонова залива. Летом 1688 г. туда, на сей раз морским путем, снова прибыл д'Ибервиль, который активно занялся скупкой пушнины в форте Сент-Анн. В сентябре к форту подошли два судна Компании Гудзонова залива, которые попытались блокировать французов. Однако англичанам не удалось заставить их сдаться. Зимой, когда среди англичан, находившихся на скованных льдом кораблях, началась цинга, они сами были вынуждены капитулировать перед Ибервилем. Летом 1689 г. французы захватили еще одно английское судно, появившееся в заливе.

Переговоры английских и французских уполномоченных (1687 г.)

В 1687 г. американские проблемы в очередной раз стали предметом обсуждения английских и французских дипломатов. Поскольку Договор о нейтралитете не разрешил всех противоречий между двумя державами и после его подписания в Новом Свете продолжались конфликты между подданными Якова II и Людовика XIV, было решено собрать уполномоченных двух стран для окончательного урегулирования спорных вопросов.

Уполномоченные встретились в Лондоне в мае 1687 г. Французскую сторону представляли уже известные нам посол Барийон и маркиз де Бонрепо, английскую — государственный секретарь граф Р. Сандерленд, граф Мидлтон и лорд Годольфин. Свою работу они начали с заключения соглашения, по условиям которого «всем частным лицам, командирам и губернаторам колоний, островов, земель и стран, которые находятся во владении двух королей в Америке, полностью запрещалось осуществлять какие-либо враждебные действия против подданных одного из названных королей или нападать на них». Нарушитель должен был понести наказание и полностью возместить нанесенный ущерб. Соглашение должно было действовать до 1/11 января 1689 г.; в дальнейшем стороны могли продлить его.[118]

Одним из главных предметов дискуссии были права двух стран на район Гудзонова залива (отчасти это было вызвано тем актив-

[117] *La Hontan L.-A. de Lom d'Arce, baron de.* Op. cit. T. I. P. 271.

[118] Traité provisionnel concernant l'Amérique entre le Roi de France et le Roi d'Angleterre. Conclu à Whitehall, le 1/11 décembre 1687 // Mémoire des Commissaires... T. II. P. 89–92.

ным давлением, которое оказывала Компания Гудзонова залива на английское правительство), также осуждались ставшие традиционными проблемы, касающиеся подданства ирокезов, границ Акадии и Новой Англии, конфликтов на Антильских островах и т. п.

Англичане начали с протестов по поводу действий отряда де Труа. На это французские представители заявили, что это был всего лишь ответ на незаконный захват англичанами форта Бурбон в 1684 г. Однако уполномоченные Якова II считали, что в тот раз англичане взяли лишь то, что принадлежало им по праву, подчеркивая при этом, что они первыми открыли этот регион. Барийон и Бонрепо не согласились с этим и выдвинули свои контраргументы, доказывая приоритет французов.[119]

Поскольку дискуссия быстро зашла в тупик, французские уполномоченные предложили компромиссный вариант. Англичане возвращают французам форт Бурбон–Нельсон; те, в свою очередь, передают англичанам фактории, взятые де Труа; между владениями двух держав, а точнее, двух компаний: Компании Гудзонова залива и Северной компании, устанавливается граница. Однако это предложение вызвало протест у руководства Компании Гудзонова залива, заявившего, что «кажется странным и неприемлемым со всех точек зрения, что французские уполномоченные предлагают компании ее собственность, которую они взяли силой, в обмен на другую часть ее собственности, на которую французы никогда не имели никаких прав».[120] Английские торговцы были категорически против любого раздела, утверждая, что их компания разорится, если французы получат часть территории на побережье Гудзонова залива или им будет позволено скупать там пушнину, и тогда «торговля, имеющая столь огромное значение для нации, будет потеряна».[121] Тогда Бонрепо предложил, чтобы английская сторона сама разделила спорное побережье на две части, из которых французы выбрали бы себе одну, однако англичане не пошли и на это.

Относительно Акадии французские дипломаты настаивали на том, чтобы англичане прежде всего строго выполняли условия договора в Бреда, не тревожили французские поселения и не вторгались на французскую территорию.[122]

«Ирокезский вопрос» также вызвал жаркую дискуссию уполномоченных. Барийон и Бонрепо представили мемориал, где утвер-

[119] Цит. по: *Savelle M.* Op. cit. P. 109.
[120] Mémoire des Commissaires... T. II. P. 70.
[121] Ibid. P. 71.
[122] Memorials, etc, between the French Ambassador and English Commissioners about New York Affairs // Documents Relative to the Colonial History of the State of New York. Vol. III. P. 506.

ждалось, что ирокезы еще со времен Шамплена признали себя подданными Франции; кроме того, в 1665–1666 гг. все ирокезские племена заключили договоры с вице-королем де Траси, по условиям которых они поставили себя под защиту Его Наихристианнейшего Величества, а когда некоторые из них восстали против короля, их выступления были подавлены. Французские дипломаты также требовали от англичан выполнения условий Договора о нейтралитете в Америке, статья III которого запрещала оказывать любую поддержку племенам, воюющим с одной из стран.[123]

Англичане отстаивали ту точку зрения, что ирокезы с момента подписания ими договора 1684 г. стали подданными английского короля, а их территория соответственно является частью его владений. По поводу ущерба, нанесенного французам в результате враждебных действий Союза пяти племен, англичане заявили, что ирокезам было приказано возместить его.[124]

В итоге уполномоченные пришли к выводу, что им следует собраться еще раз, чтобы урегулировать вопрос о границах между английскими и французскими колониями, расписавшись, таким образом, в своем собственном бессилии. Дипломаты ограничились тем, что договорились издать декларацию, предписывающую подданным двух держав в Америке воздерживаться от враждебных действий по отношению друг к другу. Этот документ был подписан 1/11 декабря 1687 г.[125] Было также оговорено, что новая встреча состоится в Лондоне в январе 1689 г., а пока стороны соберут информацию по вопросу о правах, границах и т. п.

Однако новая встреча уполномоченных не состоялась. В 1688 г. ситуация в Англии и во всей Европе резко изменилась. Славная революция прогнала с английского трона профранцузски настроенного Якова II. Вместо этого ревностного католика, стремившегося к максимальному упрочению абсолютизма как в самой Англии, так и в ее колониях, владыкой Туманного Альбиона стал стадхоудер Нидерландов Вильгельм Оранский — протестант и заклятый враг Людовика XIV. Две сильнейшие морские державы того времени, еще недавно бывшие соперниками, оказались связаны личной унией. Во внешней политике это означало, что Англия не просто отказалась от союза с Францией, но вступила в войну, которую с 1688 г. вела против Франции созданная по инициативе Вильгельма Оранского Аугсбургская лига.

---

[123] Ibid. P. 507–508.

[124] Ibid. P. 508.

[125] Instrument for Preventing Acts of Hostility in America. December 1/11, 1687 // Ibid. P. 505.

Перемены, произошедшие в Европе, носили принципиальный характер и неизбежно должны были сказаться и на ситуации в колониях. Это почувствовали не только в Лондоне, но и в Париже. Так, в начале 1688 г. Людовик XIV делал ставку на переговоры с англичанами и дал Денонвилю инструкции «проделать возможно более тщательное исследование прав, которые доказывают, что французы являются собственниками этих мест [спорных территорий. — *Ю. А.*]».[126] Однако 1 мая 1689 г. король писал губернатору и интенданту Новой Франции, что англичане собираются объявить войну Франции, их враждебность возрастает и надеяться на переговоры и соглашения бесполезно.[127]

Опасения Людовика XIV были совершенно оправданными. 7/17 мая 1689 г. король Вильгельм и королева Мария объявили Франции войну, в которой оказались задействованы и колонии.

* * *

Подводя итоги раздела III, можно отметить, что в 60–80-е годы XVII в. происходило не только расширение зоны конфликта между англичанами и французами в Северной Америке. Наряду с этим множился состав участников англо-французских отношений на этом континенте и увеличивалась степень их самостоятельности. Если на протяжении всех предшествующих периодов конфликты, происходившие в колониях, были либо отголоском событий, происходивших в Европе, и соответственно рассматривались в контексте европейских проблем, либо были вообще никак не связаны со Старым Светом, то теперь они превратились в отдельный аспект отношений Лондона и Парижа, что показало заключение специального Договора о нейтралитете в Америке. В то же время в силу специфики колониальной политики Англии и ситуации, сложившейся в английских колониях, последние все чаще выступали как самостоятельные (в рамках Североамериканского континента) действующие лица на международной арене.

За те три четверти века, которые отделяют рейд Арголла от вступления Англии в Войну Аугсбургской лиги, англичане и французы добились заметных успехов в своей колониальной экспансии. В то же время наметились основные точки соприкосновения, пере-

[126] Memoir to Serve for Instruction to the Marquis de Denonville, Governor and Lieutenant-General of New France, Respecting the Information to be Given on the Subject of the Differences between the French and English Relative to the Title to the Countries in North America. 8th March 1688 // Ibid. Vol. IX. P. 371.

[127] Mémoire du Roi au Srs Marquis de Denonville et de Champigny. A Versailles, le 1er May, 1689 // Collection de manuscrits... T. I. P. 448.

сечения интересов двух колониальных держав, регионы, которые на протяжении последующих десятилетий будут находиться в эпицентре их борьбы; также определился состав участников конфликта, их цели и интересы. Английские, а в определенной степени и французские колонии, сделали первые самостоятельные шаги на локальной внешнеполитической арене.

Вплоть до конца 80-х годов XVII в. Лондон и Париж за редким исключением стремились к мирным отношениям и даже союзу друг с другом. Разрывы между ними носили эпизодический характер и не приводили к крупномасштабным войнам. Отношения между подданными двух держав в Северной Америке были гораздо более напряженными, чем отношения Англии и Франции в Европе. В то же время уже в этот период англичане и жители их колоний стали выдвигать пока еще достаточно аморфные, но весьма масштабные планы полного подчинения владений соперника. Мы вряд ли можем согласиться с тезисом Х. Пэкхэма о том, что «военный опыт первых англо-американцев был ограничен обороной границ на протяжении более чем 80 лет: с 1607 по 1689 г.».[128] Изложенные выше факты свидетельствуют о том, что эта «оборона» часто бывала весьма активной и носила наступательный, экспансионистский характер.

В 70–80-е годы XVII в. англо-французский конфликт или, точнее, конфликты в колониях достигли такого масштаба и степени остроты, что стали угрожать межгосударственным отношениям, в связи с чем и было принято решение о заключении специального договора, не разрешившего имеющихся колониальных проблем, но отделившего американские сюжеты от европейских и не допустившего влияния первых на вторые.

Это еще раз подтверждает приведенный нами в разделе I тезис о том, что в рассматриваемый период для правительств обеих стран колониальная экспансия в Северной Америке стояла далеко не на первом месте. Однако, поскольку сами колонии были достаточно слабы для того, чтобы оказывать определяющее воздействие на политическую ситуацию, складывающуюся на Североамериканском континенте, решающее значение имела все же позиция метрополий. Вот почему находящийся на подъеме французский абсолютизм мог в целом успешно отстаивать свои позиции в Северной Америке, тем более в ситуации, когда в Англии шла гражданская война, или когда там правили Стюарты, искавшие союза с Людовиком XIV. Примером этого служит договор в Сен-Жермен-ан-Лэ и еще в бóльшей степени договор в Бреда.

---

[128] *Peckham H. H.* The Colonial Wars, 1689–1762. Chicago; London, 1964. P. 1.

Однако изменения, произошедшие на берегах Туманного Альбиона в результате Славной революции вкупе с дальнейшим прогрессом его североамериканских колоний и все бóльшим сопротивлением, которое встречали в Европе гегемонистские устремления Людовика XIV, открыли новый этап в англо-французском соперничестве в Северной Америке.

Раздел IV
Североамериканский театр военных действий в период войны Аугсбургской лиги (1689–1697 гг.)

Глава 1. ОТ СКЕНЕКТАДИ ДО КВЕБЕКА: ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В 1689–1690 гг.

Подходы правительств и планы их подданных

Война Аугсбургской лиги (другие названия: Девятилетняя война, Война Великого союза и Война за Пфальцское наследство) началась в 1688 г. как локальный конфликт из-за притязаний французского короля на территорию курфюршества Пфальц (Людовик XIV выступил защитником интересов своей невестки Елизаветы-Шарлотты, дочери курфюрста Карла, умершего в 1685 г.). Однако она очень быстро приобрела общеевропейский размах, так как на пути амбициозной политики французского короля, стремившегося к установлению своей гегемонии в Европе, встала мощная коалиция Голландии, Испании, Австрии, Савойи и ряда германских государств.

Непосредственное отношение к сюжету нашего исследования Война Аугсбургской лиги приобрела 7/17 мая 1689 г., когда к антифранцузской коалиции присоединилась Англия, где незадолго до этого свершилась Славная революция, круто изменившая внешнюю политику страны. В результате колонии стали одним из театров боевых действий против французов, которые теперь рассматривались как главные враги и конкуренты Англии не только ее торговцами и колонизаторами, но и правительством.

В декларации о вступлении в войну, изданной королем Вильгельмом и королевой Марией, в качестве причин впервые фигурировали американские сюжеты. Во-первых, французы обвинялись в том, что

они вторглись на Ньюфаундленд, где они «не так давно <...> брали лицензии у английских губернаторов <...> и платили за них деньги в знак признания того, что только одна английская корона имеет право на этот остров»; но затем стали посягать «на упомянутый наш остров, торговлю и рыболовство наших подданных», действуя как враги. Во-вторых, говорилось, что французы вторглись на принадлежащие англичанам острова в Карибском море, а также завладели «территориями в провинции Нью-Йорк и на Гудзоновом заливе <...> захватив наши форты, предав огню дома наших подданных, присвоив их имущество и товары». В-третьих, французскому королю вменялось в вину то, что, совершая враждебные действия, «в это же самое время он через своих министров вел в Англии переговоры о заключении договора о нейтралитете и добрососедстве в Америке».[1]

Как видим, правительство Вильгельма III уже в начале войны официально заявляло о своих притязаниях на весь Ньюфаундленд, а косвенно — и на все побережье Гудзонова залива, хотя ни один из этих регионов никогда не находился под английским контролем полностью. Положения этой декларации ясно показывают, какие именно районы Нового Света интересовали Лондон больше всего. Характерно, что в этом документе не была упомянута Акадия — Новая Шотландия, где, как мы помним, между подданными двух держав также происходили весьма острые столкновения.

Однако главной целью английского правительства в начавшейся войне, несомненно, было сохранение европейского равновесия путем ослабления Франции, а также защита протестантизма, а отнюдь не борьба за расширение заморских владений.[2] Колонии рассматривались в Лондоне как сугубо второстепенный театр военных действий, куда никто не собирался перебрасывать крупные силы.

Вскоре после объявления войны состоялось заседание лордов торговли, на котором, в частности, обсуждалась ситуация в Северной Америке. В итоге было вынесено следующее решение: первое — отправить военный корабль к берегам Ньюфаундленда для борьбы с французскими рыбаками; второе — назначить нового губернатора, который возглавил бы одновременно Новую Англию, Нью-Йорк и Нью-Джерси; третье — дать лордам-собственникам инструкции по поводу организации обороны их владений. Кроме этого было высказано абстрактное пожелание правительству предпринять в Северной Америке какие-либо наступательные действия против французов.[3]

---

[1]The London Gazette. N 2452. From Thursday May 9 to Sunday May 13, 1689.

[2]См., напр.: История Европы: В 8 т. Т. 4: Европа нового времени (XVII–XVIII века). М., 1994. С. 208–209.

[3]См.: *Guttridge G. H.* The Colonial Policy of William III in America and West India. Cambridge, 1922. P. 46.

Как мы помним, во второй половине 1680-х годов отношения между англичанами и французами в Северной Америке обострились. К тому моменту, когда известие о начале войны между метрополиями пришло в Америку, на границах их колоний уже фактически велись боевые действия (правда, пока, в основном, силами индейцев). Абенаки тревожили рубежи Новой Англии, а ирокезы нападали на французские поселения.

Представители английской и французской колониальной администрации отдавали себе отчет в том, что набеги индейцев в значительной степени вызваны подстрекательством их европейских партнеров и покровителей. В первую очередь это относилось к той разрушительной «малой войне», которую вели против индейских союзников Новой Франции племена Лиги ирокезов, щедро снабжавшиеся англичанами оружием и боеприпасами и рассматривавшиеся ими в качестве главного инструмента своей оборонительной и наступательной политики. В свою очередь, в Квебеке понимали, что, до тех пор пока не будут установлены более или менее четкие и взаимно признанные границы между английскими и французскими колониями, а Союз пяти племен не перестанет получать моральную и материальную поддержку из Нью-Йорка, Канада, находясь постоянно в состоянии военной тревоги, будет лишена возможности нормально развиваться, а пушной промысел, составляющий основу ее экономики, попадет в руки англичан.

В ситуации, когда ни карательные операции против ирокезов, ни переговоры с ними, ни уступки им не приносили желаемого результата, но только разжигали их враждебность, единственным действенным средством, с точки зрения французов, оставалось нападение непосредственно на колонию Нью-Йорк, главный источник военной и политической мощи Союза пяти племен (как мы помним, мысли о целесообразности установления французского контроля над долиной Гудзона высказывались и в предшествующие десятилетия д'Авогуром и Талоном). План такой операции был разработан в январе 1689 г. губернатором Монреаля Л.-Э. де Кальером, находившимся в это время в Париже. В записке, направленной тогдашнему морскому министру Ж.-Б. Кольберу де Сеньеле, он совершенно справедливо указывал на то, что «недавняя революция в Англии изменит лицо американских дел», в связи с чем «становится необходимым принять полностью новые меры для обеспечения безопасности Канады перед лицом большой угрозы, которая нависла над ней».[4]

[4]Project of the Chevalier de Callière, Governor of Montreal and Commanding by commission the Troops and Military of Canada, On the Present state of the Affairs of that Country. January 1689 // Documents Relative to the Colonial History of the State of New York: In 15 vols / Ed. by E. B. O'Callaghan and B. Fernow. Vol. IX.

Кальер совершенно справедливо замечал, что не следует ожидать того, что колония Нью-Йорк останется верной Якову II, поскольку большинство ее населения составляют протестанты; скорее всего, она признает Вильгельма III, а это будет означать, что ее власти «не только будут подстрекать ирокезов продолжать войну против нас, но даже присоединятся к ним» для того, чтобы уничтожить французскую пушную торговлю, а затем попытаться приобрести всю Канаду.

Чтобы избежать «этих несчастий», Кальер предлагал опередить англичан и немедленно организовать экспедицию, которая должна была двинуться из Канады к Олбани, взять его с хода, а затем направиться к Нью-Йорку, куда к тому времени должны были подойти два французских фрегата, чтобы захватить город комбинированной атакой с моря и с суши. Для осуществления своего замысла Кальер рассчитывал использовать регулярные войска, уже имеющиеся в Канаде, и отряды колониальной милиции (из метрополии он просил прислать только 400–450 человек). В его записке было детально рассчитано количество боеприпасов и продовольствия, которые потребуются французским войскам во время похода, причем особо подчеркивалось, что это не потребует больших дополнительных расходов. Вся операция должна была быть осуществлена в июле–сентябре 1689 г.

Кальер был убежден, что эта экспедиция «сделает Его Величество абсолютным хозяином всех ирокезов, которые получают из этой колонии [Нью-Йорка. — *Ю. А.*] оружие и амуницию для ведения войны против нас <...> и которых мы сможем разоружить и установить среди них такие порядки, которые будут угодны Его Величеству».[5] В свою очередь, это должно было позволить французам установить контроль над другими индейскими племенами, захватить в свои руки всю пушную торговлю на Западе, распространить среди аборигенов, которые окажутся под двойным давлением (из Канады и из долины Гудзона), католичество, обезопасить французский рыболовный промысел. Наконец, по словам Кальера, захват Нью-Йорка «даст Его Величеству одну из лучших гаваней в Америке, доступную почти во все времена года (за исключением одного месяца) для очень легкой навигации», а также «одну из лучших стран в Америке с более благодатным климатом, нежели Канада, откуда можно будет получать различные продукты и товары, полезные для подданных Его Величества».[6]

На тот случай, если бы жители колонии Нью-Йорк остались верны Стюартам, Кальер предлагал сообщить о готовящейся операции

Albany, 1853–1887. P. 404.

[5] Ibid. P. 404–405.

[6] Ibid. P. 405–406.

Якову II и добиться от него издания приказа, адресованного властям Олбани и Нью-Йорка и предписывающего передать эти форты французам для того, чтобы не допустить их перехода в руки узурпатора Вильгельма. Соответственно, если бы они отказались исполнить волю своего законного государя, у французов были все основания заставить их подчиниться силой.

Записка заканчивалась выводом о том, что предлагаемая операция является «единственным средством обеспечить безопасность Канады, прочно утвердить религию, торговлю и власть короля во всей Северной Америке».[7]

В дальнейшем Кальер продолжал настаивать на своем предложении. Месяц спустя он писал Сеньеле, что если король не желает осуществлять эту операцию, пока война с Англией официально не началась, то все равно к ней следует готовиться, чтобы начать действовать сразу же после объявления войны. Кальер указывал на то, что в любом случае хотя бы локальный «разрыв между нашей колонией и колонией Нью-Йорк неизбежен вследствие того, что англичане из этой колонии продолжают помогать ирокезам вести войну против нас». Кроме того, по его мнению, военные приготовления могли хотя бы немного устрашить Союз пяти племен.[8]

Двор достаточно пассивно отнесся к идее Кальера. В Версале признавали, что администрация Нью-Йорка не соблюдала условий договора о нейтралитете и не выполняла инструкций Якова II. Однако, поскольку разрыв с Англией еще не произошел, губернатору Новой Франции Денонвилю было приказано ограничиться активной обороной колонии и по возможности потеснить ирокезов. Правительство обещало в случае объявления войны «изучить» план Кальера, но вместе с тем сразу заявляло, что на его осуществление могут быть выделены дополнительно только очень незначительные средства.[9] В дальнейшем Людовик XIV откровенно писал губернатору и интенданту Новой Франции, что «самое верное средство — сокрушить ирокезов одним ударом, имея трех- или четырехтысячное войско, однако сейчас не время думать об этом; силы Его Величества слишком заняты в различных местах, и в современном положении нет ничего более важного и более необходимого, чем немедленно заключить мир с ирокезами, так как Его Величество не расположен брать на себя какие-либо расходы для продолжения этой войны». Для того

---

[7] Ibid. P. 407–408.

[8] Memoir of Chevalier de Callière to My Lord the Marquis de Seignelay. February 1689 // Documents Relative to the Colonial History of the State of New York. Vol. IX. P. 411–412.

[9] См.: Observations on the Project of Attack on New York. Versailles, 24th April 1689 // Ibid. P. 415.

чтобы склонить ирокезов к миру, король даже обещал освободить их соплеменников, отправленных рабами на галеры. В то же время Денонвилю и Шампиньи было приказано в случае начала войны не только обороняться, но и атаковать, не допуская утверждения англичан в районе Великих озер.[10]

Эти документы наглядно показывают, что подход французского правительства к колониальной экспансии в Северной Америке не претерпел сколько-нибудь существенных изменений. Возможность нанести удар по английским колониям, которую Кальер называл «прекрасной» и «исключительной», сколько-нибудь серьезно не заинтересовала ни самого Людовика XIV, ни его министров. При этом, на наш взгляд, заявлениям о том, что между Англией и Францией еще сохраняется мир, в условиях, когда Версаль четко заявил о своем непризнании перемен, произошедших в результате Славной революции по ту сторону Ла-Манша, не следует придавать большого значения. Хорошо известно, что вопросы правомерности и законности тех или иных действий очень мало волновали Короля-Солнце, когда дело касалось его интересов, что прекрасно продемонстрировал захват Страсбурга, артиллерийская бомбардировка Генуи, оккупация Кёльна и Пфальца и многие другие акции.

В то же время французская колониальная администрация находилась в условиях, когда она не могла действовать самостоятельно. Поэтому, несмотря на то что все руководители Новой Франции сходились на том, что напасть на Нью-Йорк необходимо, без санкции Версаля никаких шагов в этом направлении они не предпринимали, да и не могли предпринять. В результате в первой половине 1689 г. французы в Северной Америке вели себя в целом достаточно пассивно. За их интересы сражались, в основном, их индейские союзники, в первую очередь абенаки. Единственной акцией квебекской администрации, имевшей важное политическое значение, было повторное провозглашение французского суверенитета над территориями, расположенными между озером Мичиган и верховьями Миссисипи, осуществленное 8 мая 1689 г. Николя Перро.[11]

Тем временем в английских колониях происходили большие перемены. Под влиянием известий о революционных событиях в метрополии жители Новой Англии выступили против ненавистного им

[10] Louis XIV to Messrs. de Denonville and de Champigny. Versailles, 1st May 1689 // Ibid. P. 416–417.

[11] См.: Records of the Taking Possession, in His Majesty's Name, of the Bay de Puants, of the Lake and Rivers of the Outagamis, and Maskoutins, of the river Yiskonche, and that of the Mississippi, the country of the Nadouesioux, the rivers Ste Croix and St Peters, and other places more remote. 8th of May 1689 // Ibid. Vol. IX. P. 418.

губернатора, пытавшегося насадить в Америке абсолютистские порядки. В апреле 1689 г. Эндрос был отстранен от власти и взят под стражу. Доминион Новая Англия фактически прекратил свое существование, и в колониях была восстановлена прежняя форма правления. Однако, несмотря на такой крутой поворот во внутренней жизни английских поселений, их внешняя политика, наоборот, осталась прежней, с той только разницей, что теперь она приобрела еще большую агрессивность. Впервые из уст официальных и влиятельных лиц стали звучать заявления о необходимости захвата всех французских владений, а не только спорных территорий. В начале 1689 г. Эдвард Рэндольф сообщал правительству, что «более тысячи индейцев готовы обрушиться на французов, как только начнется война», и добавлял, что следует также иметь под рукой солдат и военные корабли, «чтобы изгнать французов с континента» (см. карту 6).[12]

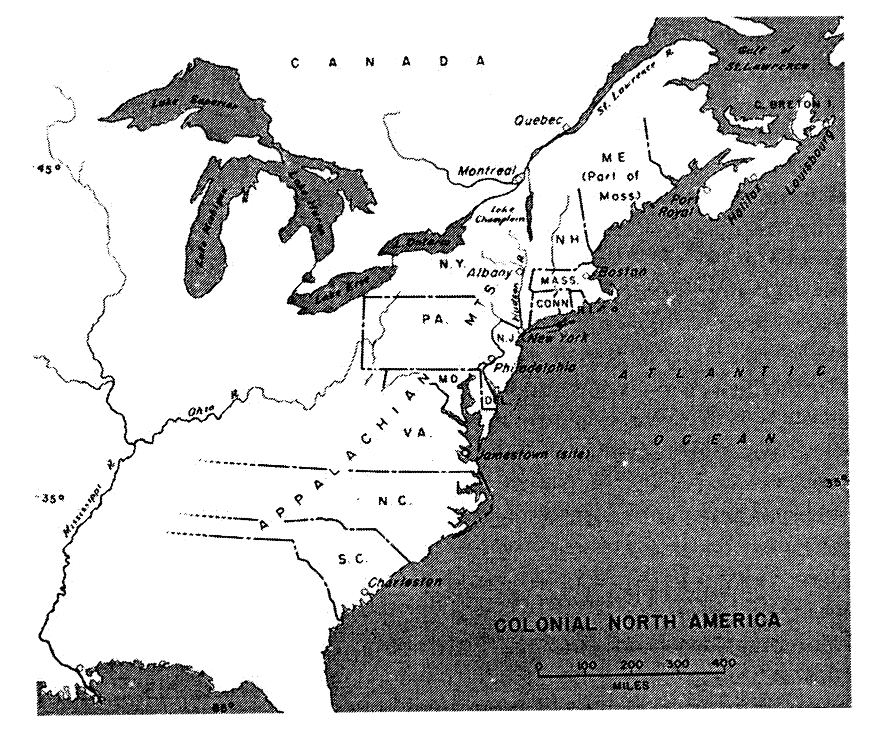
Колониальные администрации были хорошо осведомлены о планах Вильгельма III. Уже в апреле 1689 г. король сообщил губернаторам о своем намерении начать войну с Францией.[13] В июне в Америке было получено официальное сообщение об объявлении войны. В Америке она получила еще одно название: Война короля Вильгельма. Теперь ничто не мешало англичанам направить всю мощь ирокезов не только против индейских союзников Новой Франции и ее торговых коммуникаций (как это было раньше), но и непосредственно против французских поселений. Летом 1689 г., несмотря на сложную ситуацию, сложившуюся в самой колонии Нью-Йорк в связи с захватом власти Джекобом Лейслером, торговцы из Олбани щедро снабдили воинов Союза пяти племен ружьями, свинцом и порохом и даже пообещали, что в скором времени они сами присоединятся к ним для решительных действий против французов. В начале августа 1689 г. заправилы пушного бизнеса Фредерик Филипс и Стефанус Ван Кортланд сообщали Уильяму Блэтуэйту, что племена Союза, «услышав о войне между Англией и Францией, собрались немедленно напасть на жителей Канады»,[14] чтобы, как говорилось в другой депеше Филипса и Ван Кортланда (Фрэнсису Никольсону), отомстить французам за все прошлые обиды и несправедливости.[15]

[12] Calendar of State Papers. Colonial Series. Vol. XIII: America and West Indies, 1689–1692. London, 1901. No 1.

[13] Journal of Lords of Trade and Plantations. April 26, 1689 // Calendar of State Papers. olonial Series. Vol. XIII. P. 32. No 90.

[14] Цит. по: *Eccles W. J.* Frontenac: The Courtier Governor. Toronto, 1965. P. 196–197.

[15] См.: *Desrosier L.-P.* Iroquoisie: 4 t. T. 4. Québec, 1999. P. 33.

Карта 6. Колониальная Северная Америка (около 1689 г.)

Английские колонии обозначены следующими сокращениями: *ME* — Мэн (в то время его территория входила в состав Массачусетса); *N.H.* — Нью-Гемпшир; *MASS.* — Массачусетс; *CONN.* — Коннектикут; *R.I.* — Род-Айленд; *N.Y.* — Нью-Йорк; *PA* — Пенсильвания; *N.J.* — Нью-Джерси; *DEL.* — Дэлавер; *MD.* — Мэриленд; *VA.* — Вирджиния; *N.C.* — Северная Каролина; *S.C.* — Южная Каролина.

5 августа 1689 г. когда в Новой Франции еще не знали о начале «большой» войны с англичанами, крупный (по разным оценкам — от 1100 до 1500 человек) отряд воинов Лиги обрушился на поселение Ля Шин, расположенное неподалеку от Монреаля. 24 человека было убито на месте во время атаки, более 50 было захвачено ирокезами, учинившими затем зверскую расправу со своими пленниками, бóльшая часть которых также погибла (некоторые были съедены).

После этого ирокезы, не предпринимая крупных операций, стали постоянно тревожить французских поселенцев мелкими рейдами, грабя и разоряя фермы, уничтожая посевы, угоняя скот и т. п. Для такой малонаселенной колонии, как Канада, эта тактика была особенно разрушительна. К началу осени 1689 г. положение Канады стало очень тяжелым. В этой ситуации губернатор Денонвиль предпочел уйти в «глухую» оборону и даже приказал эвакуировать

форт Фронтенак, открыв тем самым англичанам и ирокезам дорогу к Великим озерам и Верхней стране.

С началом войны против Англии в Версале правительство вспомнило про план де Кальера. Еще в апреле 1689 г. Людовик XIV принял решение заменить Денонвиля на посту губернатора Новой Франции испытанным ветераном Фронтенаком. 7 июня 1689 г. ему были даны инструкции немедленно отправиться в Канаду. Сразу же по прибытии силами имеющихся в колонии войск и колониальной милиции он должен был предпринять атаку на Олбани, а затем с помощью двух кораблей королевского флота захватить Нью-Йорк. После оккупации английских поселений предполагалось изгнать оттуда всех протестантов, переправив их в Массачусетс или Пенсильванию, оставив там только католиков, которые присягнут Людовику XIV.[16]

Операцию предполагалось осуществить в конце лета — начале осени 1689 г., однако Фронтенак смог прибыть в Квебек только 12 октября, когда начинать операцию уже было слишком поздно (тем более учитывая сложное положение колонии), и было решено перенести ее на начало лета следующего года. Забегая вперед, следует сказать, что в июле 1690 г. Фронтенаку было объявлено, что «текущие дела, которыми Его Величество занят в настоящее время, не позволяют послать в Канаду каких-либо дополнительных подкреплений или думать об экспедиции против Нью-Йорка, предложенной в прошлом году».[17] В результате план Кальера остался только на бумаге.

В то же время Фронтенак, надеясь на свой авторитет среди аборигенов, попытался добиться заключения мира с Союзом пяти племен, используя в качестве парламентеров ирокезов, вернувшихся с галер. Однако индейцы, обещав рассмотреть мирные предложения «Старого Ононтио» (в те годы они так называли Фронтенака), продолжали рейды против французов. В ноябре последовали нападения на поселения Ля Шене и Иль-Жезю, расположенные в нескольких милях к северу от Монреаля. Кроме того, другие индейские племена, видя возросшую мощь и агрессивность Лиги ирокезов, стали искать ее дружбы и покровительства, выходя, таким образом, из сферы влияния Новой Франции.

В конце января 1690 г. в Онондага состоялся Большой совет Лиги. Восемьдесят сахемов и вождей выслушали речь представителей Фронтенака, призывавшего их к миру; затем они дали слово послан-

[16] Memoir to Serve as Instruction for Count de Frontenac Respecting the Expedition Against New York, 7th June 1689 // Documents Relative to the Colonial History of the State of New York. Vol. IX. P. 422–426.

[17] Louis XIV to Count Frontenac and M. de Champigny, Versailles, 14th July 1690 // Ibid. Vol. IX. P. 452.

цу из Олбани, который передал им слова мэра Питера Скайлера, советовавшего индейцам «заткнуть уши» и не слушать речи Ононтио. После этого начались дебаты, бóльшая часть участников которых, выступала за то, чтобы поддержать «брата Кидера» (так ирокезы называли Скайлера) и рассматривать «Старого Ононтио» и всех французов как врагов. При этом вожди и сахемы Лиги высказали идею о целесообразности объединения сил английских колоний для осуществления совместного нападения на Новую Францию. «Братья, огонь нашего совета горит в Олбани. Мы не пойдем встречаться с Ононтио в форт Фронтенак. Мы будем держать замкнутой старую цепь мира с Корлаэром [колонией Нью-Йорк. — *Ю. А.*], и мы будем воевать с Ононтио <...> Брат Киншон [Рыба, т. е. колонии Новой Англии. — *Ю. А.*], мы слышали, что ты собираешься послать солдат против восточных индейцев; но мы советуем тебе теперь, когда мы все объединены против французов, обрушиться на них разом. Подрубите корень: когда срублен ствол, все ветви падают вместе с ним <...> Смелей, Корлаэр! Смелей, Киншон! Идите на Квебек весной; захватите его, и вы поставите вашу ногу на шею французов и всех их друзей».[18]

Однако, как это бывало во все времена, жизнь вносила в планы свои коррективы.

Три рейда Фронтенака

В начале 1690 г. губернатор Новой Франции решил перенести военные действия на территорию противника и нанести удар непосредственно по английским поселениям. Можно предположить, что таким образом Фронтенак рассчитывал решить сразу несколько задач: во-первых, заставить англичан думать о собственной обороне и несколько ослабить поддержку, оказываемую ими Союзу пяти племен; во-вторых, произвести впечатление на ирокезов, которых он все еще надеялся склонить к миру; в-третьих, поднять боевой дух французских поселенцев и их индейских союзников.

Хотя в Квебеке прекрасно знали, что основным каналом, по которому к ирокезам поступает оружие, боеприпасы и европейские товары, является Олбани, центр английской пушной торговли, Фронтенак решил организовать три отдельных рейда, которые должны были отправиться из Монреаля, Квебека и Труа-Ривьера, против пограничных английских поселений, вместо того чтобы объединить

[18]Цит. по: *Colden C.* The History of Five Indian Nations in Canada, which are Dependent of the Province of New York in America, and are the Barrier between the English and French in That Part of the World. London, 1747. P. 105–112.

все имеющиеся у него силы и попытаться захватить этот в то время еще сравнительно небольшой форт. В результате жертвой нападения французов и их индейских союзников стала почти беззащитная деревня Скенектади, расположенная на берегу реки Мохоук в 15 милях к северо-западу от Олбани, поселение Сомон-Фоллс (Нью-Гемпшир), находившееся на берегу океана неподалеку от Портсмута, и форт Лойял, построенный по приказу бостонских властей в бухте Каско на месте поселения, разрушенного индейцами абенаки летом 1688 г.

Первым в самом начале февраля 1690 г. выступил отряд из Монреаля, которым командовали Николя д'Айбу де Мантэ и Жак Ле Муан де Сент-Элен. В этой экспедиции приняли участие представители многих известных семей канадских мехоторговцев: Ле Муанов (в том числе прославившийся впоследствии Пьер Ле Муан д'Ибервиль и его младший брат Жан-Батист Ле Муан де Бьенвиль), Ле Бер, Репентиньи и др. Всего в отряде насчитывалось около 200 человек, почти половину из них составляли индейцы.

После тяжелого зимнего перехода в метель 8/18 февраля они достигли Скенектади (большинство жителей этого селения были голландцами, и французы часто называли его Корлаэр или Корлар по имени его основателя Ван Курлера). Дождавшись вечера, канадцы и их индейские союзники ворвались в поселок, жители которого явно совершенно не ожидали нападения (они даже не запирали на ночь ворота, ведущие внутрь палисада). Во всех английских отчетах об этом событии подчеркивается крайняя жестокость, с которой действовали атаковавшие. Мэр Олбани Петер Скайлер весьма красноречиво утверждал, что «никакое перо не может описать и никакой язык не может рассказать <...> о тех зверствах, которые были допущены».[19] Однако ни Скайлер, ни авторы других «свидетельств» не присутствовали в Скенектади в тот роковой день и черпали информацию из третьих рук.

Сравнивая данные английских и французских источников, следует признать, что во время ночной атаки было убито около 60 жителей поселка, а еще 110–120 человек (из них тридцать индейцев мохоук) попало в плен.[20] Почти все строения были разрушены или сожжены. Французы пощадили только дом Джона Сандер Глена, который не раз выручал их соотечественников, оказавшихся в руках ироке-

---

[19]Schuyler to the Concil of Connecticut, 15 Feb. 1690 // O'Callaghan E. B. Documentary History of the State of New York. Vol. I–IV. Vol. I. Albany, 1849–1851. P. 307.

[20]См.: Ibid. P. 297–312; Relation de Monsegniat, 1689–1690 // Collection de manuscrits contenant lettres, mémoires et autres documents historiques relatifs à l'histoire de la Nouvelle-France, recueillis aux Archives de la Province de Québec ou copies à l'étranger: 4 t. T. I. Québec, 1883. P. 488–492.

зов. С пленными нападавшие поступили относительно мягко. Они отпустили восвояси всех индейцев, заявив, что воюют не с ними, а с англичанами, а также оставили на пепелище около 60 женщин, детей и стариков. После этого, погрузив добычу на захваченных в Скенектади лошадей, французы быстро ушли, уведя с собой в Канаду 27 мужчин и подростков. Власти Олбани, в тот же день получившие известие о нападении, попытались организовать преследование противника силами индейцев, к которым присоединилось полтора десятка добровольцев, но они не смогли ничего сделать.

Через несколько дней после нападения на Скенектади первые лица Олбани: Скайлер, Вессел и Ван Ренселаэр отправили властям Массачусетса слезное послание, где, с одной стороны, жаловались на свое крайне сложное положение, а с другой стороны, призывали к нападению на французские владения. «Дорогие соседи и друзья, мы должны сообщить вам, что никогда самый бедный народ в мире не был в состоянии более худшем, чем мы сейчас <...> мы полностью полагаемся на вас и не сомневаемся, что вы примите это дело близко к сердцу и весной сделаете все необходимые приготовления, чтобы напасть на Канаду с моря».[21]

Почти одновременно с монреальцами де Манте и Сент-Элена из Труа-Ривьера выступил небольшой отряд Франсуа Эртеля. Почти три месяца 24 канадца и 25 индейцев медленно пробирались на юго-восток. 27 марта/6 апреля под покровом темноты они напали на поселение Сомон-фоллс. Несмотря на то что оно было не только окружено бревенчатой стеной, но даже имело сторожевые башни, гордо называвшиеся «фортами», нападавшим удалось легко проникнуть внутрь, так как англичане не выставляли караулов, считая, что им не угрожает никакая опасность. Внезапность принесла успех французам. Около 30 англичан было убито в схватке, более 50 попало в руки нападавших (поначалу их всех приняли за индейцев, так как люди Эртеля были одеты и раскрашены так же, как и их индейские союзники).

Власти в Портсмуте пытались организовать преследование уходящего на север неприятеля и послали вдогонку отряд милиции. На Вустер-ривер англичане почти настигли Эртеля; от французов их отделяла только река. Однако сильный огонь противника не позволил им переправиться на другой берег.

Отряд Эртеля остановился в одной из деревень абенаки на реке Кеннебеке. Там он и его люди узнали о приближении отряда сьёра Рене Робино де Порнёф. Этот третий по счету отряд, состоявший из

[21]Цит. по: *Parkman F.* France and England in North America: In 2 vols. Vol. 2. New York, 1983. P. 161.

50 французов и 60 абенаки из миссии Сен-Франсуа, выступил из Квебека еще в январе, но двигался очень медленно, периодически делая остановки для охоты. В середине мая Порнёф, наконец, прибыл на Кеннебек, где к нему присоединилась бо́льшая часть людей Эртеля и много воинов абенаки во главе с Сен-Кастэном и его тестем, вождем Мадокавандо. По данным Коттона Мэзера, которому доверяют многие английские и американские исследователи, в походе Порнёфа принимало участие от 400 до 500 французов и индейцев.[22] Это явно завышенные цифры. На Кеннебеке собралось не более 90 канадских ополченцев, к которым присоединилось около 150 индейцев.[23] Однако этих сил оказалось достаточно для того, чтобы атаковать хорошо укрепленный форт Лойял, располагавшийся на месте современного Портленда (штат Мэн).

15/25 мая отряд Порнёфа подошел к бухте Каско. Правда, застать противника врасплох, как это было в двух предшествующих случаях, французам и индейцам не удалось. Английские поселенцы быстро узнали о приближении вражеского отряда и подняли тревогу. Гарнизон Лойяла насчитывал 70 бойцов, имевших достаточное количество боеприпасов и продовольствия. На стенах форта было установлено 8 больших пушек. Однако английские офицеры никак не могли договориться между собой о том, какую тактику им следует избрать. Комендант Лойяла Сильванус Дэвис утверждал, что следует запереться в форте и ждать нападения, рассчитывая (возможно, вполне обоснованно), что крепкие стены и тяжелые орудия быстро охладят наступательный пыл французов и абенаки, в то время как англичане смогут получить подкрепление из соседних поселений. Его помощник лейтенант Тэддэус Кларк, наоборот, считал, что защитникам следует организовать вылазку и самим напасть на врага. Дисциплина в форте явно хромала, так как Кларк, не подчинившись приказу своего начальника, самовольно организовал вылазку, которая закончилась полным провалом. Его отряд попал в засаду и был почти полностью уничтожен. Из тридцати человек назад вернулось лишь четверо.

После этого 19/29 мая остальные защитники форта были вынуждены капитулировать. Французы подожгли форт и находившееся неподалеку поселение. Часть пленных они отпустили, часть отдали индейцам, часть увели с собой в Квебек.

Рейды Фронтенака способствовали поднятию боевого духа канадцев и получили поддержку со стороны населения Новой Фран-

---

[22] *Mather C.* Magnalia Christi Americana: In 2 vols. Vol. II (Book II, Sect. 11). Hartford, 1820. P. 603.

[23] Relation de Monsegniat, 1689–1690 // Collection de manuscrits... T. I. P. 496–498.

ции. Современники единодушно отмечали «рвение, которое демонстрировала канадская молодежь к тому, чтобы идти против англичан».[24]

Однако эти операции (может быть, за исключением последней) были бессмысленны с военной точки зрения. Все они сопровождались убийствами мирных жителей, другими жестокостями и произвели совсем не такой моральный эффект, на который рассчитывал Фронтенак. Франко-индейские рейды, которые Коттон Мэзер в целом справедливо назвал действиями «наполовину индеанизированных французов и наполовину офранцуженных индейцев», не только посеяли ужас в английских колониях, но и способствовали росту среди их жителей антифранцузских настроений и поддержке решения об организации совместной операции против Новой Франции (правда, само это решение, как мы увидим в дальнейшем, к этому времени уже было принято).

При этом ряд специалистов указывает, что в начале 1690 г. французы упустили реальную возможность нанести удар по Олбани, власти которого не признали находившуюся в то время у власти в Нью-Йорке администрацию Лейслера и имели в своем распоряжении лишь незначительный гарнизон, состоящий из нескольких десятков королевских солдат и отряда милиционеров из Коннектикута.[25] В одном из писем первые лица Олбани, в частности, жаловались, что у них «нет ни губернатора, ни руководителей, ни денег, чтобы организовать какую-либо экспедицию [против французов. — *Ю. А.*], и едва хватает людей, чтобы удерживать город».[26]

Сами англичане давно ожидали нападения на Олбани. Еще в октябре 1689 г. Эдвард Рендольф писал в Лондон, что «французы собираются атаковать Олбани в январе, когда все озера и реки замерзнут. Я не сомневаюсь, что они сделают это, если из Англии не придет приказа предупредить их».[27] Следует отметить, что отряд Ле Муана де Сент-Элена, осуществивший налет на Скенектади, расположенное в непосредственной близости от Олбани, не получал от Фронтенака приказа напасть именно на это поселение. Губернатор лишь предписал совершить диверсию против какого-нибудь английского поста с наименьшим риском и по возможности без потерь. Во время похода офицеры обсуждали план захвата Олбани, однако находившиеся в отряде индейцы заявили, что они не будут участвовать в попытке

[24] Цит. по: *Lorin H.* Le Comte de Frontenac. Etude sur le Canada français à la fin du XVII-e siècle. Paris, 1895. P. 369.

[25] См.: *Leach D. E.* Arms for Empire: A Military History of the British Colonies in North America, 1607–1763. New York; London, 1973. P. 86–87.

[26] Цит. по: *Parkman F.* France and England in North America. Vol. 2. P. 161.

[27] Цит. по: *Eccles W. J.* Canada under Louis XIV, 1663–1701. Toronto, 1964. P. 172.

атаковать казавшийся им таким большим форт столь малыми силами.[28]

В результате этих рейдов граница Новой Англии и Нью-Йорка была охвачена паникой. Сотни людей покидали свои фермы и искали убежища в крупных укрепленных городах. Все единодушно обвиняли французов в варварстве и кровожадности, забывая о том, что вооруженные английскими ружьями и ножами воины Союза пяти племен поступали по отношению к жителям Новой Франции еще более жестоко (как раз в это время очередной жертвой ирокезов стали жители Беканкура; после этого индейцы пытались напасть на Пуант-о-Трамбль и Сорель, но были отбиты).

Ошибкой Фронтенака, возможно, было, во-первых, уже отмеченное выше распыление сил вместо их сосредоточения на главном направлении, а во-вторых, нападение на поселения и форты в Нью-Гемпшире и Массачусетсе, которые имели существенно меньшее отношение к действиям ирокезов, чем Нью-Йорк. Об этом губернатору Новой Франции возмущенно заявил комендант Лойяла С. Дэвис, который был доставлен в Квебек. В ответ на замечание Фронтенака о том, что французы тревожат их поселения, жителям Новой Англии следует винить Нью-Йорк, подстрекающий ирокезов нападать на Канаду, Дэвис заметил, что Бостон и Нью-Йорк — это два различных правительства. «Но одна нация», — ответил губернатор Новой Франции.[29]

Поход на Пор-Руайяль

По несколько иному сценарию развивались события на границе Акадии и Массачусетса. Мы уже говорили о том, что с весны 1688 г. абенаки при активном участии барона де Сен-Кастэна начали нападать на пограничные английские поселения. Так начался период, впоследствии названный Коттоном Мэзером «скорбным десятилетием» (Decennium luctuosum) Новой Англии.[30] Действительно, в 1689 — начале 1690 г. набеги индейцев продолжились, приобретя еще больший размах. Помимо крупных операций вроде нападения на Довер и захвата форта Пемакид, предпринятых летом 1689 г., небольшие группы нападали на отдельные фермы, убивали и захватывали

---

[28] См.: The Livingston Indian Records, 1666–1723 / Ed. by L. H. Leder. Gettysberg, 1956. P. 160.

[29] *Eccles W. J.* Frontenac: The Courtier Governor. P. 227.

[30] Так назывался его памфлет, посвященный событиям этого периода, см.: *Mather C.* Decennium luctuosum: An History of Remarkable Occurrences in the Long War, which New England Hath Had with the Indian Salvages, from the Year 1688, to the Year 1698. Boston, 1699; текст этого памфлета см. также в: Narratives of the Indian Wars / Ed. by Ch. H. Lincoln. New York, 1951.

в плен поселенцев и т. п. Графство Корнуолл пришло в полное запустение, англичане стали покидать этот район.

Набеги абенаки, с одной стороны, и рейды, организованные Фронтенаком, — с другой, вызвали серьезное беспокойство в Новой Англии. Организовать эффективную оборону в обстановке, когда противник действовал малыми отрядами, внезапно появлялся и столь же быстро исчезал в непролазных дебрях пограничных лесов, было очень сложно. Власти и общественность Массачусетса были убеждены, что враждебность абенаки вызвана не их агрессивной политикой по отношению к аборигенам, а происками французов. Губернатор колонии Саймон Брэдстрит сообщал в Лондон, что абенаки «несомненно подстрекаются французами», которые снабжают их боеприпасами.[31] Мэзер на страницах вышеупомянутого памфлета отмечал, что еще во времена Эндроса индейцы нападали на жителей Новой Англии, так как «французы подстрекали их к этому».[32]

Однако при всей внешней схожести с ситуацией, имевшей место на границе Канады и Нью-Йорка, обстановка, сложившаяся на рубежах Акадии и Массачусетса, была, по сути, принципиально иной. Парадокс состоял в том, что абенаки, наводившие ужас на английские поселения, получали оружие и боеприпасы главным образом не у своих французских друзей, а у бостонских торговцев. Просто объективно интересы абенаки в тот момент совпадали с интересами французской администрации, имевшей в своем распоряжении очень ограниченные ресурсы, для того чтобы противостоять агрессии Бостона по отношению к Акадии. На рубеже 80–90-х годов XVII в. в этой колонии насчитывалось не более тысячи поселенцев, а гарнизон ее «столицы» Пор-Руайяля состоял из 70 солдат. В этой ситуации единственной защитой Акадии являлся союз с индейцами.

Канадский исследователь Дж. А. Равлык утверждает, что в 1689 г. «бóльшая часть жителей Новой Англии не хотела войны, в особенности войны с индейцами», которая не отвечала их интересам. При этом он особо подчеркивает, что английские рыбаки и торговцы также стремились избежать столкновения, которое повредило бы их деятельности.[33]

На наш взгляд, с этим трудно согласиться. Коммерсанты и промысловики из Массачусетса были как раз больше всего заинтересованы в нанесении удара по Акадии, так как именно они в первую очередь страдали от действий французской администрации этой ко-

---

[31] Bradstreet to Lords of Trade. October 26, 1689 // Calendar of State Papers. Colonial Series. Vol. XIII. P. 167.

[32] Narratives of the Indian Wars. P. 187.

[33] См.: *Rawlyk G. A.* Nova Scotia's Massachusetts. A Study of Massachusetts–Nova Scotia Relations: 1603 to 1781. Montreal; London, 1973. P. 57–58.

лонии, стремившейся закрыть им доступ к отмелям у ее побережья и к ее пушным ресурсам. Это подтверждают как английские, так и французские свидетельства (например, петиция рыбаков Сейлема к властям Массачусетса[34] или донесения губернатора Акадии Менваля[35]), а главное, это подтверждают последующие события.

Безусловно, и французская колониальная администрация, и французское правительство совершали ошибки, однако следует ли считать ошибкой, как это делает Равлык, патрулирование берегов Акадии и захват английских рыболовных судов, нарушавших границы французских владений? Канадский историк называет это «проявлением <...> имперских замыслов» французов, что, в конечном итоге, привело к нападению на Акадию.[36]

На это можно заметить, что все французские колониальные предприятия в Северной Америке, по сути, были проявлением «имперских замыслов» Парижа, о чем мы уже не раз упоминали. В этом-то и заключался один из парадоксов колониальной экспансии французского абсолютизма, когда амбициозные планы установления контроля над целым континентом осуществлялись крайне непоследовательно, ничтожными силами; кроме того, в этом было одно из ее главных отличий от колониальной активности Англии.

Однако, говоря об Акадии, следует признать, что в Массачусетсе давно думали о нападении на эту колонию. Это позволило бы разом решить ряд проблем: во-первых, покончить с враждебностью «восточных» индейцев; во-вторых, получить в свои руки важный в экономическом отношении регион. Существовали еще соображения стратегического плана, но они больше интересовали все же Лондон, а не Бостон. В свете изменений, произошедших в метрополии, начавшаяся война с Францией давала шанс осуществить этот замысел. Дополнительным стимулом (не имеющим никакого отношения к деятельности французских патрулей) было то, что бостонская администрация в тот момент была крайне заинтересована в том, чтобы каким-то образом продемонстрировать свою лояльность Вильгельму и Марии, от которых она хотела добиться восстановления старой хартии Массачусетса.[37]

Бостонская администрация приняла решение о наступательных действиях против Акадии уже в конце 1689 г. 16/26 декабря колониальная ассамблея единодушно высказалась за организацию набора

---

[34]См.: *Phillips J. D.* Salem in the Eighteenth Century. Boston, 1937. P. 24.

[35]См.: Observation sur l'estat présent de l'Acadie (1688) // Collection de manuscrits... T. I. P. 472–473.

[36]См.: *Rawlyk G. A.* Op. cit. P. 60–61.

[37]Об этом см., напр.: *Miller P.* The New England Mind from Colony to Province. Boston, 1966. P. 149–172.

волонтеров для того, чтобы «привести Акадию <...> к повиновению Их Британским Величествам».[38] Следует обратить внимание на то, что это произошло еще *до того*, как власти Новой Франции начали осуществлять рейды против английских поселений!

Зимой 1689–1690 гг. в Массачусетсе шла активная подготовка к предстоящей операции, которой руководил специальный комитет, состоящий из семи богатейших торговцев и владельцев рыболовных судов, наиболее сильно заинтересованных в захвате Акадии. Так как колония испытывала финансовые затруднения, значительную часть средств вложили сами члены этого комитета (наибольшую активность проявил известный торговец Джон Нельсон). За это администрация пообещала им долю в имуществе, которое предполагалось захватить в результате операции, и привилегии в эксплуатации природных богатств завоеванных территорий. Командование экспедицией было поручено сэру Уильяму Фипсу, уроженцу колонии, возведенному в рыцарское достоинство и прославившемуся в результате успешного захвата испанского «серебряного» галеона (рис. 10).

Рис. 10. Уильям Фипс

Готовящаяся внешнеполитическая акция получила солидное идеологическое обоснование в проповедях и сочинениях знаменитого Коттона Мэзера, который представлял ее как религиозное действо, и призывал своих сограждан принять в ней активное участие: «Не может называться жителем Новой Англии тот, кто в такое время, как сейчас, не рискнет всем во имя Избранного Народа, которому причинили боль». Мэзер утверждал, что война в Северной Америке — это битва между Христом и сатаной, в которой Массачусетс, естественно, сражается на стороне Христа. Он уверял, что, если французы будут разбиты, «Золотой Век придет на это место».[39]

[38] E. Prout Statement. December 16 1689: In 8 vols // The Documentary History of the State of Maine. 1st Series / Ed. by J. P. Baxter. Vol. V. Portland, 1897. P. 19.

[39] *Mather C.* The Present State of New England. Boston, 1690. P. 32–36.

С точки зрения Мэзера, французская угроза имела глубокое религиозное значение. Он писал: «Вопрос, который сейчас стоит перед нами, вкратце таков: или мы рискнем всем, с надеждой сохранить всё, или мы будем пытаться сохранить всё, и тогда наверняка потеряем всё <...> Кто на стороне Бога? <...> Кто за Иисуса, против сатаны и кто за истинную христианскую, протестантскую религию, против папизма и язычества».[40] Мэзер призывал жителей Новой Англии: «Давайте не будем терять времени <...> Разумная предусмотрительность теперь требует этой экспедиции, и все сходятся в этом мнении».[41]

Сразу же бросается в глаза, что с точки зрения Мэзера захват Акадии был необходим исключительно для обеспечения безопасности Массачусетса и торжества протестантизма. При этом он не упоминал ни об экономических факторах, ни об интересах метрополии.

Однако теория не очень хорошо сходилась с практикой. Жители Массачусетса не спешили проявлять религиозное рвение и добровольно вставать под знамена Фипса. 80 бойцов из его отряда дезертировали перед началом операции.[42] Чтобы набрать необходимое количество солдат администрация колонии пообещала, что участники экспедиции получат половину всех трофеев, захваченных у врага (за исключением оружия и боеприпасов).[43] Так что, несмотря на все красноречие Мэзера, поход против Акадии, изначально имел, как справедливо заметил Дж. Б. Бребнер, «характер <...> чисто грабительской операции».[44]

Дальнейшие события полностью подтвердили это. 23 апреля / 3 мая 1690 г. из бостонской гавани вышли семь кораблей, вооруженных 78 орудиями, с 736 солдатами и матросами на борту. Захватив форт Пентагоэ, покинутый к тому времени Сен-Кастэном, и разрушив несколько домов французских рыбаков в устье реки Пассамакоди, флот Фипса 9/19 мая вошел в бухту Пор-Руайяля (рис. 11).

Французские дозорные заметили приближение неприятеля и успели поднять тревогу. Поселенцы поспешили укрыться в городке. Однако в целом положение столицы Акадии было крайне сложным. Ее гарнизон насчитывал всего 70 солдат. Использовать жителей было невозможно, так как большинство молодых мужчин находилось далеко в лесах или на прибрежных полях, а самое главное их было

[40] Ibid. P. 38.

[41] Ibid. P. 45.

[42] См.: Journal of Benjamin Bullivant. May 19, 1690 // Calendar of State Papers. Colonial Series. Vol. XIII. P. 264.

[43] Payment of Soldiers, March 20 1690 // The Documentary History of the State of Maine. 1st Series. Vol. V. P. 60–61.

[44] *Brebner J. B.* New England's Ontpost: Acadia before the Conquest of Canada. New York, 1927. P. 50.

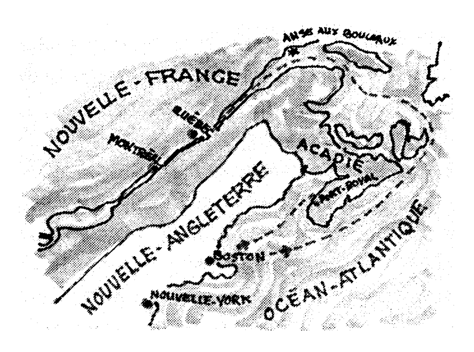

Рис. 11. Маршрут экспедиций У. Фипса против Пор-Руайяля и Квебека, 1690 г.

просто нечем вооружить. Вдобавок укрепления Пор-Руайяля также находились отнюдь не в полной боевой готовности. Незадолго до начала войны было решено их перестроить, и к тому моменту пришедший в полную негодность старый форт был уже разобран, но новый вал и стены еще не были закончены.

В этой ситуации губернатор Акадии А. де Фриш де Менваль решил, что сопротивление столь внушительным силам бесполезно, и как только англичане предложили ему вступить в переговоры, угрожая в случае сопротивления предать все окрестности огню и мечу, он сразу же отправил к ним своего представителя аббата Л. Пёти для обсуждения условий капитуляции. Явно обрадовавшись, что ему не придется сражаться, Фипс согласился отпустить солдат Менваля в Квебек, сохранить поселенцам их имущество и не покушаться на свободу вероисповедания. Однако он потребовал, чтобы все казенное имущество и вся собственность Компании для постоянной рыбной ловли (товары, военное снаряжение, боеприпасы, пушки и т. д.) были переданы англичанам.[45] Пёти принял эти условия, хотя не подписал с Фипсом никаких документов. Командующий категорически отказался это сделать, гордо заявив, что слова английского генерала вполне достаточно. На следующий день 11/21 мая на борт «Сикс френдз» флагманского корабля бостонской эскадры прибыл Менваль и другие представители французской администрации. Фипс еще раз повторил им свои условия, после чего было заключено устное соглашение о капитуляции.

Высадившись на берег и увидев, как на самом деле слаб французский гарнизон, и в каком состоянии находятся укрепления Пор-Руайяля, Фипс и его люди, видимо, пожалели о слишком мягких

[45] *Phips W.* A Journal of the Proceedings in the Late Expedition to Port-Royal. Boston, 1690. P. 3–6.

условиях капитуляции. Под тем предлогом, что несколько французских солдат якобы хотели ограбить склад товаров, принадлежавших Компании для постоянной рыбной ловли, Фипс приказал запереть весь гарнизон в церкви, а самого Менваля посадил под домашний арест, нарушив тем самым свое «слово английского генерала» (его несколько извиняет лишь то, что никаким «английским генералом» он не был). После этого бостонские ополченцы начали самый откровенный грабеж поселения, продолжавшийся в течение 12 дней. Они опустошали дома и склады, отбирали у поселенцев имущество и даже одежду, уничтожали их скот. Не желая отставать от своих подчиненных, Фипс забрал себе весь скарб французского губернатора, включая скатерти, полотенца и ночные колпаки.[46]

Пуритане, конечно же, не могли остаться равнодушными к католическому храму Пор-Руайяля. 12/22 мая Фипс в своем журнале сделал такую запись: «Сегодня утром <...> мы срубили крест, обыскали и ободрали церковь, снесли алтарь, разломали их иконы».[47]

Совершив эти «героические деяния», Фипс собрал жителей Пор-Руайяля и окрестных ферм и заставил их присягнуть королю Вильгельму и королеве Марии, угрожая в противном случае сжечь их дома.[48] Для поддержания порядка им был создан совет из шести наиболее состоятельных и знатных людей колонии. После этого, не разместив в Пор-Руайяле никакого гарнизона (никто из его людей не захотел оставаться в Акадии), Фипс вернулся в Бостон.

Пока основные силы англичан еще находились в Пор-Руайяле, Фипс отправил 8-пушечный корабль «Мэри» под командованием известного картографа и корсара Киприэна Саутека на захват других французских поселений в Акадии. Его главной целью был форт Сен-Луи (Шедабукту), база Компании для постоянной рыбной ловли, основного конкурента бостонских торговцев и рыбаков. По пути Саутек высадился на мысе Сабль и сжег находившуюся там деревню дружественных французам индейцев, а также разрушил маленькое рыбачье поселение в бухте Ля-Эв. Ни в первом, ни во втором случае англичане не встретили никакого сопротивления и надеялись легко захватить и Сен-Луи. Однако крошечный форт неожиданно оказался крепким орешком, и лишь после ожесточенной схватки четырнадцать его защитников согласились на почетную капитуляцию.

На наш взгляд, экспедиция против Акадии принесла весьма скромные результаты. Конечно, бостонцы нанесли сильный удар по своим конкурентам. Практически все французские рыболовные

---

[46]См.: An Account of the Silver and Effects which Mr. Phips Keeps Back from Mr. Meneval // Massachusetts Historical Society Collection. 3rd Series. Vol. I. P. 115.

[47]*Phips W.* Op. cit. P. 8–9.

[48]Ibid. P. 11.

станции и фактории, использовавшиеся для торговли с индейцами, были разрушены. В этой связи показательно, что англичане не тронули акадийские поселения, расположенные в глубине залива Фанди, жители которых занимались земледелием и не являлись соперниками бостонских купцов и судовладельцев.

Однако в политическом и военно-стратегическом плане англичане добились очень немногого. Поскольку ни в Пор-Руайяле, ни в других фортах Фипс не оставил гарнизонов, французы вскоре восстановили контроль над Акадией, — говорить о ее завоевании нельзя. Что касается абенаки, то их позиция также не изменилась, а их политические и военные контакты с французами не были нарушены (центром франко-индейских связей такого рода всегда был Квебек, а не Пор-Руайяль). Фактически англичане просто отомстили за рейды против своих поселений; при этом их не слишком смущало то обстоятельство, что мирные акадийцы не имели к этим акциям никакого отношения.

Delenda est Canada, 1690 г.

Подготовленный и осуществленный бостонцами налет на Акадию был сугубо локальной акцией и не мог серьезно изменить ситуацию на континенте. В северных и центральных английских колониях постепенно все более четко осознавали, что сосредоточием французской мощи и соответственно главным источником угрозы для англичан является Канада, т. е. поселения долины реки Св. Лаврентия — ядро Новой Франции и главная база французской экспансии.

С начала 1690 г. ряд представителей администраций и торгово-предпринимательской верхушки Нью-Йорка, Массачусетса, других колоний Новой Англии начинает все более активно пропагандировать идею крупномасштабной комбинированной операции против Квебека, которая была так ярко и красочно расписана сахемами Лиги ирокезов. Но если раньше эта идея высказывалась главным образом отдельными наиболее экспансионистски настроенными колониальными чиновниками, то теперь набеги индейцев и организованные Фронтенаком рейды против английских поселений, несомненно, способствовали ее распространению и популяризации.

После нападения на Скенектади о необходимости предпринять решительные действия против французов заявил Джекоб Лейслер.[49] В Бостоне поддержали его предложение. 25 марта 1690 г. Брэдстрит писал Лейслеру, что в Массачусетсе идут приготовления к экспеди-

---

[49] См.: *Ward H. M.* Colonial America, 1607–1763. Prentice Hall, 1991. P. 258.

ции против Акадии, которая в случае успеха «будет способствовать осуществлению операции против Канады». Однако бостонский губернатор особо подчеркнул, что эта акция должна быть осуществлена «совместными усилиями и мерами всех администраций колоний Его Величества».[50]

Для обсуждения данного вопроса в конце апреля — начале мая 1690 г. в Нью-Йорке состоялась встреча представителей Массачусетса, Коннектикута, Плимута и Нью-Йорка. Администрации других северных и центральных колоний, приглашенных на эту встречу, своих делегатов не прислали. Пенсильвания и Вирджиния под разными предлогами просто отказались участвовать; власти Мэриленда пообещали выделить сто человек для любой совместной антифранцузской акции, которая будет запланирована, а руководство Род-Айленда наоборот заявило, что ни для какой наступательной операции людей не даст, но может помочь деньгами.

После небольшой дискуссии собравшиеся пришли к выводу о необходимости комбинированного нападения на Новую Францию — с суши и с моря. Предполагалось, что объединенные силы пяти колоний совместно с воинами Лиги ирокезов предпримут наступление на Монреаль, через «коридор» река Гудзон — озеро Шамплен — река Ришелье, в то время как морская экспедиция, которую поручалось организовать Массачусетсу, атакует Квебек. При этом было условлено, что колонии не будут запрашивать никакого специального разрешения у правительства метрополии и соответственно не будут просить у нее никакой поддержки.

Правда, при всех рассуждениях о важности и значимости готовящейся операции английские колонии решили выделить для ее осуществления весьма скромные силы. Отряд, который должен был выступить к границам Новой Франции из Олбани, по плану должен был насчитывать всего 855 бойцов[51] (притом, что население только участвовавших в акции колоний превышало 100 тыс. человек). Командование этой миниатюрной объединенной армией было поручено представителю знаменитой семьи Уинтропов майору Фитц-Джону Уинтропу (сыну Джона Уинтропа младшего и внуку Джона Уинтропа старшего).

В сложном положении оказался Массачусетс, на который было возложено осуществление второй части плана. Как и в случае с Акадией, у его администрации не было средств, которые можно было бы пустить на военные расходы, однако теперь на помощь частных лиц рассчитывать не приходилось. Отчасти это было связано с тем, что

[50] Bradstreet to Leisler. March 25th, 1690 // The Documentary History of the State of Maine. 1st Series. Vol. V. P. 66.

[51] *Peckham H. H.* The Colonial Wars, 1689–1762. Chicago, 1964. P. 33.

операция против Акадии, с экономической точки зрения, не оправдала себя, и коммерсанты, вложившие в нее деньги, понесли значительные убытки (расходы превысили доходы на 3 тыс. фунтов);[52] отчасти — с тем, что Квебек и Новая Франция в тот момент представляли существенно меньший коммерческий интерес для торговцев и судовладельцев Массачусетса, и готовящаяся акция в отличие от предыдущей имела для этой колонии, скорее, политический характер.

Еще до майского собрания в Нью-Йорке власти Массачусетса впервые за всю историю колонии решили обратиться за помощью к метрополии. В конце марта Брэдстрит и его совет отправили послание графу Шрусбери с просьбой прислать в Бостон оружие и боеприпасы, столь необходимые для готовящейся операции. Об этом же хлопотали и некоторые другие влиятельные лица колонии. Однако время шло, а никакого ответа из Лондона не поступало. В итоге администрации Массачусетса пришлось брать необходимые средства в долг.[53]

По поводу операции против Квебека К. Мэзер впоследствии писал, что она «была, несомненно, величайшей акцией, которую когда-либо предпринимала Новая Англия». Ее необходимость он доказывал следующим образом: «Канада является главным источником страданий Новой Англии. Там основная сила французов, там индейцы главным образом снабжаются боеприпасами, оттуда исходят группы людей, которые, объединившись с дикарями, варварски убивают множество невинных жителей Новой Англии, без какого-либо повода с их стороны, за исключением того, что Новая Англия признала короля Вильгельма и королеву Марию, которые, как они [французы. — *Ю. А.*] говорят, являются узурпаторами; и как Катон не мог произнести ни одной речи в сенате, не заключив Delenda est Cartago, так и все, кто переживает о безопасности этой страны [Новой Англии. — *Ю. А.*], делают общий вывод — Канада должна быть покорена!».[54]

Призывы Мэзера и успех Фипса в Акадии вкупе с леденящими душу рассказами о жестокостях французов и индейцев способствовали определенному росту антифранцузских настроений в Массачусетсе. Победоносный Фипс, которого администрация без колебаний назначила главнокомандующим и «генералом», объявил призыв волонтеров. Всем участникам похода была обещана богатая добыча.

---

[52] *Rawlyk G. A.* Op. cit. P. 69; см. также: *Guttridge G. H.* Op. cit. P. 50.

[53] *Parkman F.* Op. cit. Vol. 2. P. 179–180.

[54] *Mather C.* Pietas in Patriam: the Life of His Excellency Sir William Phips knight // Mather C. Magnalia Christi Americana. Vol. 2. (Book II, Sect. 11) P. 167–178.

Как заметил Паркмен, «среди добродетелей Новой Англии не было смирения», и поэтому «всем казалось грехом сомневаться, что Господь дарует победу избранному им народу».[55] Однако, несмотря на призывы и посулы, нужного количества добровольцев набрать все равно не удалось, и властям пришлось прибегнуть к нажиму на поселенцев.

Столь активные действия массачусетской административной и религиозной верхушки в период подготовки операции против Канады были вызваны не только их экспансионистскими устремлениями и ненавистью к французам-католикам, но также и сугубо внутренними проблемами, с которыми в тот момент сталкивался Массачусетс. Среди последних следует отметить приобретавший все большую остроту вопрос о колониальной хартии, аннулированной в 1684 г. В этой ситуации, как говорил Инкриз Мэзер, ради восстановления старых порядков жители Новой Англии были готовы сделать короля Вильгельма «императором Америки».[56]

В Бостоне все приготовления были закончены к середине июля. Четыре больших корабля и тридцать транспортных судов приняли на борт более 2300 человек. Однако отплытие задержалось почти на месяц из-за того, что администрация все надеялась дождаться помощи из метрополии. Лишь 9/19 августа, когда дальнейшее ожидание становилось небезопасным из-за приближения сезона осенних штормов, армада Фипса подняла якоря. Накануне была выпущена специальная прокламация, призывающая жителей Новой Англии должным образом настроиться на предстоящее богоугодное дело. Был объявлен день поста и покаяния. В колонии, по свидетельству Коттона Мэзера, «череда молитв творилась не переставая».[57]

К тому моменту, когда массачусетсские корабли отошли от острова Нантаскет и взяли курс на север, операция на сухопутном театре боевых действий уже закончилась, фактически так и не начавшись. Отряд Ф.-Дж. Уинтропа собирался с еще большим трудом, чем экспедиционный корпус Фипса. В конечном счете, своих бойцов (всего 600–650 человек) прислали только Нью-Йорк и Коннектикут. Среди ирокезов, на которых возлагалось столько надежд, свирепствовала эпидемия оспы. Три из пяти племен вообще отказались присылать своих людей, остальные были представлены несколькими десятками мрачных и угрюмых воинов.

В конце июля Уинтроп выступил из Олбани к границам Канады с тем, чтобы в соответствии с общим планом заставить французов

[55] *Parkman F.* Op. cit. Vol. 2. P. 180.
[56] Цит. по: *Barnes V. F.* The Rise of William Phips // The New England Quarterly. 1928. Vol. I, No 3. July. P. 292.
[57] *Mather C.* Pietas in Patriam. P. 171.

разделить свои силы между Монреалем и Квебеком. Он дошел до места впадения Вуд-Крик в озеро Шамплен, но там был вынужден остановиться, так как его положение было очень сложным. Среди английских ополченцев также началась эпидемия оспы. В отряде не хватало продовольствия. Между бойцами из разных колоний происходили конфликты (правда, еще более серьезные конфликты происходили между бойцами из Нью-Йорка: часть из них была за Лейслера, часть — против). Кроме того, англичане оказались не в состоянии справиться с теми трудностями, которые возникли во время перехода по дикой местности. Например, они очень слабо представляли себе, как строить каноэ, которых у них не было и без которых их дальнейшее продвижение было просто невозможно.

В такой ситуации Уинтроп решил отказаться от дальнейшего наступления и отдал приказал возвращаться в Олбани. Правда, перед этим помощник Уинтропа капитан Джон Скайлер, 13/23 августа собрав остававшихся в строю ополченцев и индейцев (всего около 150 человек), совершил бросок к окрестностям Монреаля. Там он напал на поселение Ля-Прери, расположенное на левом берегу реки Св. Лаврентия, разорил его и ушел, захватив несколько десятков пленных. Как видим, англичане, которые до этого неоднократно обвиняли французов в том, что те ведут войну «диким» и «трусливым» способом, сами воспользовались точно такой же тактикой.

Взбешенный провалом операции Лейслер приказал арестовать Уинтропа, однако под давлением бойцов его отряда, угрожавших бунтом, был вынужден освободить его.[58] Надо сказать, что поведение самого Лейслера во всей истории, связанной с походом против Канады, было достаточно странным. Он громче многих других заявлял о необходимости этой операции, но его вклад в ее подготовку и осуществление оказался весьма скромным. В июне 1690 г. «революционное правительство Нью-Йорка» официально заявило, что оно пришлет в Бостон три военных корабля для участия в морской операции;[59] но это обещание не было выполнено. Впоследствии именно Лейслера обвиняли в провале атаки на Монреаль. Никольсон писал Лордам торговли в ноябре 1690 г.: «...наступление на Канаду по суше провалилось, поскольку Лейслер не обеспечил полковника Уинтропа каноэ и продовольствием, как он это обещал».[60]

Известие об отступлении отряда Уинтропа было получено в Бо-

[58] *Guttridge G. H.* Op. cit. P. 51.

[59] The Revolutionary Government of New York to the Earl of Shrewsbury. June 23, 1690. New York // Calendar of State Papers. Colonial Series. America and West Indies. Vol. XIII. P. 285–286. No 955.

[60] Lieutenant-Governor Nicholson to the Lords of Trade // Ibid. P. 339–340. No 1164.

стоне 18/28 августа, когда массачусетская эскадра уже была в пути. И в то время как Фипс надеялся на то, что его противнику придется разделить свои силы, Фронтенак, наоборот, получил возможность стянуть все имеющиеся у него войска к Квебеку, что он и сделал, как только узнал (сначала от индейцев из Акадии, а затем и от французских моряков) о приближении англичан.

К счастью для французов, еще весной 1690 г. по приказу Фронтенака столица Новой Франции была обнесена дополнительной полосой частокола с каменными редутами. При первом же известии о приближении неприятеля по приказу городского старшины сьёра Прово началось строительство траншей и баррикад, которые должны были закрыть подступы к Квебеку.

На рассвете 6/16 октября с борта своего флагмана Фипс увидел квебекскую цитадель, высящуюся на неприступной скале. В «нижнем» городе были установлены батареи, которые могли простреливать все подходы со стороны реки. Правда, соотношение сил было в пользу англичан. В распоряжении Фронтенака имелось около тысячи солдат из отдельных рот морского министерства и колониальная милиция, всего около 2 тыс. бойцов, тогда как у Фипса было как минимум на 300 человек больше. Вместе с тем абитаны Новой Франции отнюдь не собирались оставаться пассивными зрителями происходящего. Английская агрессия вызвала первый за всю историю Французской Канады патриотический подъем среди ее жителей.

В своем пастырском послании квебекский епископ Сен-Валье призвал жителей колонии бороться с англичанами, которые являются «врагами не только нас, французов, но врагами нашей веры и нашей святой религии».[61] О настроениях канадцев (это слово тогда уже было достаточно широко распространено) наглядно свидетельствует следующий эпизод. Поднимаясь по реке Св. Лаврентия, англичане попытались организовать высадку в районе Ривьер-Уэль, но были отбиты местными жителями, которых возглавил их кюре Пьер де Франшвиль.[62] Впрочем, в некоторых других местах бостонцам удалось ограбить несколько ферм и захватить полтора десятка пленных (главным образом женщин и детей).

Перед началом боевых действий Фипс отправил Фронтенаку письмо, где предлагал ему сдаться и избежать кровопролития. Свое появление под стенами Квебека Фипс объяснял так: «...не столько

[61] Lettre pastorale de Mgr de St-Vallier // 1690: Sir William Phips devant Québec. Histoire d'un siège / Ed. par E. Myrand. Montréal, 1925. P. 111.

[62] Les Annales de l'Hôtel-Dieu de Québec, 1636–1716. Composées par les Rév. Mères J.F. Juchereau de St. Ignace et M. A. Duplessis de Ste. Hélène anciennes Religieuses de ce Monastère / Ed. par Dom A. Jamet. Québec, 1939 (Réimpression en facsimillé — 1984). P. 249.

война между коронами Англии и Франции, но разрушения, произведенные французами и дикарями, находящимися под вашим командованием и поощряемыми вами, над подданными Их Величеств в Новой Англии и их имуществом без всякого повода с их стороны, обязали их предпринять эту экспедицию для их собственной безопасности и удовлетворения».[63] В этом письме Фипс называл себя «верховным главнокомандующим всеми войсками Их Величеств в Новой Англии на море и на суше», хотя никаких официальных полномочий от Вильгельма и Марии он не имел.

Английскому парламентеру, доставившему это письмо к пристани, завязали глаза и повели к губернатору, выбрав для этого самый замысловатый маршрут, который только смогли придумать. Всю дорогу вокруг него вертелось несколько человек, изображавших якобы сильную толчею на улицах, по которым он проходил. Квебекские дамы, вышедшие посмотреть на такое забавное зрелище, со смехом кричали англичанину, что он, наверное, игрок в жмурки — Колен Майар.[64]

Когда парламентера, наконец, привели в цитадель и сняли с его глаз повязку он с изумлением увидел, что находится в большой ярко освещенной зале, а напротив него стоят все высшие офицеры и руководители Новой Франции во главе с губернатором. Присутствовавшие на этой встрече французы специально оделись так хорошо и богато, как только смогли: «золотые и серебряные галуны, ленты, плюмажи, пудра и шитье — ничего не было забыто». Однако, по свидетельству современников, более всего англичанина поразило то, что окружавшие его лица выражали не страх, а радость, и «их воинственный вид его совсем озадачил».[65]

Фронтенак заявил английскому парламентеру, что он не признает короля Вильгельма и считает принца Оранского узурпатором. Он также заметил, что жителям Массачусетса не следует удивляться тому, что французы предпринимают против них враждебные действия, так как король Франции взял под защиту законного короля Англии, которого он готов вернуть на трон силой оружия, а ему, королевскому губернатору, приказано «вести войну в этих краях против людей, которые подняли мятеж против своего законного государя».[66]

Губернатор Новой Франции язвительно заметил: «Даже если бы ваш генерал предложил мне более снисходительные условия и если

[63] Это письмо не сохранилось, и о его содержании известно из свидетельств современников, которые передают его не совсем одинаково; см. различные варианты: 1690: Sir William Phips devant Québec. Histoire d'un siège. P. 26, 46, 80.

[64] Les Annales de l'Hotel-Dieu de Québec. P. 250.

[65] Ibid.

[66] См.: 1690: Sir William Phips devant Québec. Histoire d'un siège. P. 27.

бы у меня появилась мысль принять их, неужели он думает, что эти храбрые господа, — с этими словами он показал на окружавших его людей, — дадут свое согласие и посоветуют мне довериться человеку, который нарушил свое соглашение с губернатором Пор-Руайяля, с мятежником, который пренебрег обязанностями по отношению к своему королю и забыл обо всех милостях, которые он от него получил...».

В ультиматуме Фипса французам давался на размышление один час, и парламентер робко спросил Фронтенака, когда он напишет что-нибудь в ответ. Тот усмехнулся и сказал: «Я не заставлю вас ждать так долго. Вашему генералу ответят жерла моих пушек»[67] (рис. 12).

Рис. 12. Памятник графу Фронтенаку в Квебеке

Грозный вид квебекской цитадели и гордый ответ Фронтенака несколько обескуражили Фипса. Очевидно, он и его бойцы надеялись, что в Канаде повторится такая же ситуация, как в Акадии. Целый день английский главнокомандующий совещался со своими офицерами, и только 8/18 октября бостонцы начали действовать. В районе Бопора был высажен десант — 1400 бойцов, которыми командовал помощник Фипса Джон Уолли. В течение последующих трех дней (9/19–11/21 октября) англичане пытались начать наступление и форсировать реку Сен-Шарль, отделяющую их от Квебека, но всякий раз наталкивались на упорное сопротивление канадских ополченцев, которые вели по нападавшим огонь из всевозможных засад и укрытий, быстро перемещаясь с места на место и оставаясь практически неуязвимыми. Несущие большие потери люди Уолли проклинали «бандитов», воюющих «не по правилам», но поделать ничего не могли. 11/21 произошла особенно жаркая схватка. Отчаянная атака англичан была отбита, и они стали отступать в свой лагерь. Неожиданно из Квебека донеслись удары колокола, которые люди Уолли приняли за сигнал к вылазке, после чего организованное отступление превратилось в беспорядочное бегство.

Сам Фипс, очевидно, достаточно плохо представлял, что именно ему следует предпринять. Вместо того чтобы оказать огневую поддержку действиям десанта, он развернул свой флот на реке на-

[67] См.: Ibid.

против Квебека и начал обстреливать город. Однако бостонские артиллеристы не отличались особой меткостью и не смогли причинить французам сколько-нибудь существенного вреда. По приказу епископа Сен-Валье на шпиле квебекского собора была установлена икона Святого Семейства, которая должна была защитить столицу Новой Франции. По ней было выпущено множество ядер, но ни одно из них не попало в цель, что было истолковано французами как чудесное знамение.[68] По этому поводу Паркмен заметил, что гораздо бóльшим чудом было бы то, если бы англичанам удалось ее сбить.[69]

Ответный огонь французских батарей доставил нападавшим существенно более серьезные неприятности. Уже 8/18 октября выстрел Ле Муана де Сент-Элена снес грот-мачту флагманского корабля «Сикс френдз» вместе с адмиральским штандартом. Несколько отчаянных молодых канадцев тут же спустили каноэ и выловили драгоценный трофей, который впоследствии был торжественно помещен в главном соборе Квебека. Перестрелка продолжалась два дня, после чего Фипс был вынужден отвести свои корабли на безопасное расстояние, так как их командиры (зачастую являвшиеся одновременно владельцами кораблей) заявили, что не хотят больше подвергаться опасности.

В то же время Фипс не смог наладить взаимодействие с находившимся на берегу отрядом Уолли, который испытывал острую нехватку боеприпасов и продовольствия. У англичан не было теплой одежды, и они жестоко страдали от канадских холодов. По некоторым данным среди людей Фипса началась эпидемия оспы (по крайней мере, он сам всячески подчеркивал это в своем отчете[70]). В ночь с 11/21 на 12/22 октября злополучный десант был эвакуирован, 14/24 октября стороны обменялись пленными, а 15/25 октября английский флот взял курс на Бостон (на обратном пути он попал в сильный шторм, и несколько кораблей затонуло).

Столь бесславно закончившаяся операция обошлась Массачусетсу в 50 тыс. фунтов. Потери убитыми, замерзшими и умершими от болезней по наиболее объективным оценкам составили от 500 до 600 человек (при этом сам Фипс говорил о 30, его оппоненты — о 1000).[71] Вернувшиеся наемники представляли собой жалкое зрелище. По сви-

---

[68] Les Annales de l'Hotel-Dieu de Québec. P. 254–255.

[69] *Parkman F.* Op. cit. Vol. 2. P. 200.

[70] См.: 1690: Sir William Phips devant Québec. Histoire d'un siège. P. 33.

[71] Различные данные о потерях Массачусетса см.: *Lanctot G.* Histoire du Canada: 3 t. T. II: Du Régime royale au traité d'Utrecht, 1663–1713. Montréal, 1963. P. 121; 1690: Sir William Phips devant Québec. Histoire d'un siège. P. 34; Calendar of State Papers. Colonial Series. Vol. XIII. No 1373.

детельству современника, многие из тех, кто смог добраться до Бостона, умерли вскоре после возвращения.[72]

Колония была в шоке. В случившемся усматривали жест Провидения. К. Мэзер заявил, что Небеса разгневались на Новую Англию за проявленную пуританами непозволительную терпимость к англиканству. Он также сравнивал неудачу Фипса с поражением израильтян-эфраимитов от филистимлян во время исхода из Египта и говорил, что для взятия Квебека «время еще не пришло». По его словам, «в этом деле было допущено слишком много поспешности», а кроме того, «его участники уделяли недостаточно внимания божественному совету и присутствию», запятнав себя грабежом и прочими недостойными поступками.[73] Впрочем, другие считали, что поражение вызвано более земными причинами, в частности ошибками командиров.[74] Совершенно очевидно, что Фипс действовал в целом крайне вяло и непоследовательно, хотя сам он утверждал, что, если бы не холода и болезни среди его людей, он взял бы Квебек за два–три дня.[75]

На наш взгляд, независимо от того, чем была вызвана неудача Фипса, она прежде всего продемонстрировала администрации и общественности Массачусетса, что в отличие от Пор-Руайяля Квебек является для нее слишком крепким орешком, самостоятельно справиться с которым она не в состоянии, несмотря на многократное превосходство в численности населения и материальных ресурсов. Хотя, конечно, неизвестно, как могли повернуться события, если бы отряд Уинтропа все же достиг цели, и Новой Франции пришлось бы вести борьбу на два фронта.

После того как английские корабли покинули реку Св. Лаврентия, Фронтенак немедленно обратился в Париж с предложением осуществить, наконец, давно задуманное и немедленно напасть на английские колонии, считая, что наступил самый подходящий момент нанести удар по Новой Англии и Нью-Йорку. 12 ноября 1690 г. он писал Сеньеле: «Теперь Монсеньер, поскольку Король одержал триумф над своими врагами и на море и на суше, и поскольку он является хозяином моря, не сочтет ли он полезным отправить какую-нибудь из своих эскадр, чтобы покарать заносчивость этих <...> старых парламентариев из Бостона и Манхеттена [т. е. Нью-Йорка. —

[72]См.: Abstract of a Letter from Mr Samuel Myles, Minister at Boston. December 12, 1690 // Calendar of State Papers. Colonial Series. America and West India, 1689–1692. P. 368–369. No 1239.

[73]*Mather C.* Pietas in Patriam. Vol. 2. P. 172.

[74]*Leach D. E.* Arms for Empire. P. 99.

[75]См.: Relation de Phips // 1690: Sir William Phips devant Québec. Histoire d'un siège. P. 33.

Рис. 13. Французская медаль в честь победы под Квебеклм, 1690 г.

Ю. А.], поразить их в самом их логове и сделать себя хозяином этих двух городов». Фронтенак также добавлял, что «это было бы также истинное и, может быть, единственное средство закончить войну в Канаде, поскольку после этого можно будет без труда полностью подчинить ирокезов, напав на сам источник зла и вырвав его с корнем».[76]

Однако Версаль был в тот момент слишком занят европейскими проблемами и проигнорировал мнение умудренного опытом губернатора Новой Франции. К тому же в 1690 г. умер Сеньеле, которому было адресовано предложение Фронтенака. Пришедший на его место Луи Фелипо де Поншартрен был поглощен подготовкой экспедиции в Ирландию. Правда, Людовик XIV отметил победу в Америке. Были отслужены благодарственные молебны, появились сообщения в «Газете», отличившиеся канадские ополченцы получили награды. Король приказал отчеканить серебряную медаль. На аверсе был отчеканен его профиль и титул; на реверсе были изображены женщина и бобр (женщина символизировала Францию, бобр — Канаду); у ее ног текла река Св. Лаврентия. Надпись на медали гласила: «FRANCIA IN NOVO ORBE VICTRIX, KEBECA LIBERATA, M DC XC» («Франция — победительница в Новом Свете, Квебек освобожден, 1690»)[77] (рис. 13).

[76] Lettre du Gouverneur de Frontenac au Ministre (le 12 novembre 1690) // Rapport de l'Archiviste de la Province de Québec. 1927/1928. P. 43.

[77] 1690: Sir William Phips devant Québec. Histoire d'un siège. P. 110.

Глава 2. ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В 1691–1697 гг.: ЖЕЛАЕМОЕ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ

После 1690 г. англичане и французы в Северной Америке не осуществляли крупных операций друг против друга. В то же время вплоть до самого окончания войны и Лондон, и Париж продолжали вынашивать планы нанесения сокрушительного удара по владениям соперника, однако все попытки претворить эти планы в жизнь по тем или иным причинам терпели крах. Однако все это время подданные двух держав продолжали бороться друг с другом в «конфликтных зонах», список которых пополнился за счет Ньюфаундленда, точнее, его побережья и прилегающих отмелей.

Канада и Нью-Йорк: война ирокезов

После того как угроза столице Новой Франции миновала, боевые действия в Северной Америке продолжали вести лишь индейские союзники двух держав. Французам в этой ситуации по-прежнему приходилось уделять внимание южному или ирокезскому «фронту», откуда исходила наибольшая угроза для их поселений. Стремясь заставить Союз пяти племен распылить свои силы, канадские власти активизировали свои контакты с племенами, враждебно настроенными по отношению к Лиге. Еще в конце августа 1690 г. в Монреале состоялась встреча Фронтенака с представителями гуронов, ниписингов, кри и оттава, которые обещали выступить против ирокезов.

В свою очередь, в 1691 г. мэр Олбани Питер Скайлер попытался взять реванш за прошлогоднюю неудачу. С отрядом ополченцев и ирокезов (всего 420 человек) он совершил бросок к границам Новой Франции и попытался снова атаковать Ля-Прери — южный форпост Монреаля. Однако канадские милиционеры совместно с оттава и могиканами отбили нападение. Скайлер заявил, что он нанес противнику колоссальный урон, уничтожив 200 неприятельских бойцов,[78] однако, по другим оценкам, потери французов и их союзников были существенно меньше и составили 47 человек.[79]

Эта акция в очередной раз продемонстрировала англичанам, что Канада, несмотря на всю свою слабость, отнюдь не является легкой добычей, и действия против нее требуют концентрации сил всех английских колоний. Осознав это, в июле 1691 г. губернатор Нью-Йорка Генри Слаутер обратился к администрациям Вирджинии, Мэриленда, Пенсильвании, Западного Джерси, Коннектикута,

---

[78] См.: Major Peter Schuyler's Journal of His Expedition to Canada (1691) // Documents Relative to the Colonial History of the State of New York. Vol. III. P. 805.

[79] *Lanctot G.* Op. cit. T. II. P. 165–166.

Род-Айленда и Массачусетса с просьбой принять участие в защите Олбани, которое, по его словам, являлось «единственным оплотом и гарантией безопасности всех колоний Его Величества на американском континенте». Слаутер также предложил другим колониям организовать совместный фонд, на средства которого можно было бы «нанять людей <...> чтобы, если возможно, воспоминание о французах было изгнано из Америки». По его словам, «это могло быть легко осуществлено сердечным союзом между нами».[80]

Власти других колоний в своем большинстве в принципе соглашались с идеями Слаутера, но не спешили вкладывать средства в операции, которые с их точки зрения были необходимы и выгодны прежде всего Нью-Йорку. Весьма показателен ответ администрации Коннектикута, заявившей, что вопрос о «средствах для обеспечения безопасности интересов Его Величества в этих провинциях и подавлении врага <...> заслуживает тщательного рассмотрения», однако при этом фактически отказавшейся от какого-либо участия в совместных действиях, ссылаясь на сложное положение и непомерные расходы. В ответном послании из Хартфорда говорилось: «Мы не в состоянии снабдить наших солдат боеприпасами и продовольствием, чтобы они могли покинуть пределы нашей колонии; тех, которые у нас есть, едва хватает для нашей обороны. Мы не сомневаемся, что ваша собственная колония имеет достаточное количество людей <...> которые могут быть использованы для гарнизона в Олбани. Поскольку вы говорите о ваших огромных расходах, мы также могли бы рассказать вам о своих, но это не сделает их меньше. Вы ведете значительную торговлю, которая дает вашим людям возможность компенсировать их расходы, но у нас ее почти нет».[81]

Власти Мэриленда, в свою очередь, открыто заявили, что, согласно Хартии их колонии, милиция не может покидать ее пределы, и что Нью-Йорку следует обращаться за помощью не к их небольшой провинции, а к Вирджинии или Пенсильвании.[82]

В такой ситуации нью-йоркской администрации приходилось действовать одновременно по двум направлениям: во-первых, просить метрополию о содействии (как военном, так и политическом); во-вторых, стараться продолжить борьбу с французами руками Союза пяти племен.

---

[80] Governor Sloughter to the Governors of the Several Provinces. Fort William Henry, 11th July 1691 // Documents Relative to the Colonial History of the State of New York. Vol. III. P. 785.

[81] Governor and Council of Connecticut to Governor Sloughter. Hartford, July 14th, 1691 // Ibid. P. 786–787.

[82] См.: Maryland Committee to Governor Sloughter, July 29 1691 // Ibid. P. 788–789.

Что касается обращений в Лондон, то еще в самом начале 1692 г. нью-йоркский главнокомандующий майор Ричард Инголдсби направил правительству слезное послание с просьбой оказать давление на другие колонии, уверяя, что объединение сил Нью-Йорка, Коннектикута, Восточного и Западного Джерси позволило бы не только обеспечить их оборону, но и «нанести удар французам в самое сердце».[83]

Позиция правительства Вильгельма и Марии была следующей. С одной стороны, в 1692 г. оно не считало необходимым проведение наступательных операций на границах Нью-Йорка. Это видно из инструкций нового губернатора этой колонии Бенджамина Флетчера, выданных ему в начале марта 1692 г. В этом пространном документе содержался всего один абзац, посвященный военным вопросам, в котором говорилось о необходимости строительства укреплений в Олбани и Скенектади, «чтобы предупредить вторжение французов и индейцев из Канады». Ни о каких активных действиях там не упоминалось.[84] Правда, год спустя Лондон несколько изменил свою позицию и прислал в Бостон эскадру, надеясь, что с ее помощью колонии смогут предпринять новое нападение на Канаду. Однако ставший к тому времени губернатором Массачусетса Фипс фактически сорвал эту операцию (см. «Экспедиция Уилера», с. 294 и сл.).

С другой стороны, английское правительство было не прочь использовать силы своих колоний для борьбы с французами на Североамериканском континенте. В первую очередь оно, солидаризируясь в данном вопросе в администрацией Нью-Йорка, пыталось заставить северные и центральные колонии принять участие в обороне его границ. На время войны Флетчер был назначен главнокомандующим объединенными силами милиции ряда колоний, которые должны были предоставить в его распоряжение определенное количество бойцов: Массачусетс — 350, Вирджиния — 250, Мэриленд — 160, Коннектикут — 120, Пенсильвания — 80, Род-Айленд — 48. По замыслу Лондона, колонии должны были также оказать Нью-Йорку определенную финансовую поддержку. В королевском послании к Фипсу говорилось: «...мы находим разумным и необходимым, что нашим колониям и провинциям Новой Англии, Вирджинии, Мэриленда, Пенсильвании следует оказывать помощь и содействие <...> губернатору и главнокомандующему <...> провинции Нью-Йорк».[85] Правительство считало, что, получив такую поддержку, Нью-Йорк

[83]См.: Commander-in-Chief and the Council to Lord Nottingham (8th January 1691/92) // Ibid. Vol. III. P. 812–813.

[84]См.: Instruction to Benjamin Fletcher, Esquire, Governor of New York (7th March 1691/92) // Ibid. P. 818–823.

[85]The Queen to Sir William Phips (11th October 1692) // Ibid. P. 855–856.

сможет, как говорилось в одной из депеш, «нападать на врага и беспокоить его на суше и на море».[86]

Флетчер оказался бессилен выполнить данные ему поручения. По его словам, оборона вверенной ему колонии находилась в плачевном состоянии и исправить положение своими силами он не мог. Впрочем, надо сказать, что многие английские колониальные губернаторы не жалели черной краски для описания ситуаций, с которыми им приходилось сталкиваться по прибытии к месту назначения, стремясь, таким образом, оказать давление на правительство, продемонстрировать свое служебное рвение и «подстраховаться» на случай каких-либо претензий.

Однако самым главным было то, что, несмотря на приказы из метрополии, соседи не спешили объединять свои силы с силами Нью-Йорка и/или оказывать ему какую-нибудь другую помощь. Флетчер докладывал в Лондон, что в ответ на все его просьбы Восточный Джерси прислал 248 фунтов, а Пенсильвания ограничилась лишь «добрыми пожеланиями».[87] Некоторые колонии заявили, что назначение верховного главнокомандующего противоречит их хартиям, и обратились с соответствующими жалобами к метрополии. Дело дошло до генерального атторнея, который заявил, что во время войны это допустимо, однако колонии продолжали фактически саботировать решение правительства. Всеми правдами и неправдами их администрации стремились удержать контроль над милицией в своих руках.

Особенно непримиримой была позиция Массачусетса. Когда представитель Флетчера прибыл к Фипсу, тот сразу же завел с ним разговор о том, что с начала войны Новая Англия несет большие расходы, ее жители обнищали и т. п. Когда же Фипс услышал, что Нью-Йорк рассчитывает на его содействие, он пришел в ярость и воскликнул: «Я не отправлю ни одного человека и не дам ни единого фартинга для помощи Нью-Йорку — и чудовищно даже предполагать, что я сделаю это». Фипс также отказался прислать представителей Массачусетса в Нью-Йорк для обсуждения совместных действий против французов.[88]

Позднее в своем официальном письме к Флетчеру Фипс привел список причин, объясняющих его позицию. В этом списке фигурировали, во-первых, эпидемия, поразившая Массачусетс; во-

[86] The King to the Governor Fletcher (23 February 1692/93) // Ibid. Vol. IV. P. 12.

[87] Governor Fletcher to Mr. Blathwayt (New York, 8th March 1692/93) // Ibid. P. 13.

[88] Chidley Brooke to Governor Fletcher. August 2, 1693. Boston // Calendar of State Papers. Colonial Series. Vol. XIV: America and West Indies, 1693–1696. London, 1903. P. 137. No 486.

вторых, большие потери, которые понесла колония во время войны; в-третьих, необходимость держать гарнизон в форте Пемакид (на границе с Акадией); в-четвертых, угроза нападения французов и индейцев с моря и с суши. Однако из текста видно, что самой главной причиной, несомненно, были два следующих момента, очень неприятные для Фипса и очень болезненно им воспринятых. Первый — то, что командование милицией Коннектикута, которое раньше осуществлял Фипс, было передано губернатору Нью-Йорка. Второй — переход в руки Флетчера управления Пенсильванией (он управлял этой колонией в 1693–1694 гг., когда У. Пенн был временно лишен своих прав лорда-собственника). Фипс откровенно заявил Флетчеру: «...если бы коннектикутская милиция осталась под моим командованием, я мог бы в соответствии с желанием Вашей Светлости дать приказ усилить ваши посты людьми оттуда, как я раньше намекал; но обстоятельства этого дела изменились, теперь этого невозможно ожидать». Относительно Пенсильвании он высказался еще более резко, заметив, что, после того как эта колония оказалась в руках Флетчера, стало «гораздо менее разумным ожидать содействия от этой провинции [Массачусетса. — *Ю. А.*] для поддержки Олбани».[89]

Очевидно, такое поведение Фипса объяснялось не только определенной ревностью к Флетчеру, сосредоточившему в своих руках бóльшую власть, чем он (хотя субъективный момент ни в коем случае не следует сбрасывать со счетов, тем более зная о чрезвычайно грубом, резком и задиристом характере губернатора Массачусетса[90]), но и тем, что в Бостоне действительно искренне считали помощь соседней колонии ненужным и бесполезным делом. В то же время события осени 1690 г. убедили Фипса, что Канаду можно захватить только при наличии очень существенной помощи со стороны метрополии, рассчитывать на которую не приходилось.

Кстати, последнюю мысль Фипса разделял и его нью-йоркский коллега. Осенью 1693 г. Флетчер писал в Лондон, что, для того чтобы улучшить положение колонии Нью-Йорк, «не остается никакого другого средства, кроме как прислать эскадру и сухопутный контингент, чтобы следующим летом захватить Канаду, построить каменный форт в Олбани и содержать там четыре роты за счет короля». Исходя из собственного горького опыта, Флетчер дал весьма выразительное определение отношениям между различными английскими колониями, заявив, что «помыслы и интересы этих маленьких учти-

[89]Sir Willam Phips to Governor Fletcher (Boston, September 18, 1693) // Documents Relative to the Colonial History of the State of New York. Vol. IV. P. 67–68.

[90]См., напр.: *Barnes V. F.* Phippius Maximus // The New England Quarterly. 1928. Vol. I. No 4.

вых колоний на континенте расходятся так сильно, как у турок и христиан».[91]

Наиболее осведомленные круги в правительстве метрополии разделяли последнюю оценку Флетчера. В заявлении Лордов торговли говорилось: «Его Величество в этих частях Америки имеет достаточное количество подданных для того, чтобы изгнать французов из Канады, но они так разделились на отдельные маленькие провинции и столь разобщены, что могли оказать очень малую помощь друг другу и вовсе не расположены делать это в будущем».[92]

Вторая часть традиционной политики властей Нью-Йорка, а именно активное использование ирокезов, также постепенно становилась все менее эффективной в связи с переменами, происходившими в позиции Союза пяти племен. Индейцы постепенно стали осознавать, что англичане, несмотря на все свои заявления о братстве и дружбе с ними, стремятся переложить на них основную тяжесть борьбы с Новой Францией, в которой Лига несет большие потери, сражаясь сразу на многих фронтах как против самих французов, так и против их многочисленных индейских союзников.

Еще летом 1691 г., когда Слаутер обратился к ирокезам с очередным воинственным посланием, заявив: «Вы должны держать врага в постоянной тревоге», один из вождей мохоук прямо спросил: «Почему ты не сказал, "мы будем держать врага в постоянной тревоге"».[93] Во время встреч с представителями нью-йоркской администрации вожди и сахемы Лиги призывали ее к активным совместным действиям: «Брат Корлаэр, внемли тому, что мы сейчас скажем тебе, мы находимся в очень тяжелом положении в этой стране и никак не можем покорить французов без помощи из Англии, поэтому мы умоляем тебя написать твоему великому господину королю Англии, чтобы он прислал большие корабли с большими пушками, чтобы захватить Канаду, что мы тогда легко осуществим».[94]

Индейцы упрекали англичан в том, что по их вине проливается много крови, так как действия осуществляются малыми группами. Кроме того, они обратили внимание на то, что, «хотя Вирджиния, Мэриленд и Новая Англия являются членами Договорной цепи, об их действиях ничего не слышно».[95]

---

[91] Governor Fletcher to the Committee of Trade (New York, 10th November 1693) // Documents Relative to the Colonial History of the State of New York. Vol. IV. P. 73.

[92] Цит. по: *Parkman F.* Op. cit. Vol. 2. P. 293.

[93] *Colden C.* Op. cit. P. 112.

[94] Answer of the Five Nations to Governor Sloughter's Address // Documents Relative to the Colonial History of the State of New York. Vol. III. P. 776.

[95] См.: Propositions of the Senecas and Mohawks at the Albany and the Answer Thereunto (4th September 1691) // Ibid. P. 806–807.

Правда, пока еще ирокезы продолжали вести войну, неся при этом все бóльшие потери. В феврале 1692 г. они потерпели поражение в районе острова Тонихата от отряда сьёра де Бомона, а летом того же года их поселения подверглись серии набегов со стороны западноалгонкинских племен. Воины Лиги пытались продолжать тревожить границы Канады, однако там они все чаще встречали отпор, как показал знаменитый эпизод с нападением на усадьбу сьёра де Вершер, 14-летняя дочь которого Мари-Мадлен вместе с несколькими людьми смогла отбить атаку большого отряда индейцев.

Со своей стороны, французы постепенно стали переносить боевые действия на территорию противника. В начале 1693 г. отряд д'Айбу де Мантэ совершил рейд против поселений мохоук, в ходе которого были уничтожены три индейские деревни. После этого в 1693–1694 гг. ирокезы, несмотря на противодействие администрации Нью-Йорка, начали зондировать почву для мирных переговоров с французами, которые тем временем постепенно восстанавливали утраченные позиции в районе Великих озер. Летом 1695 г., получив небольшие подкрепления из Франции, Фронтенак отдал приказ заново отстроить форт у истока реки Св. Лаврентия, названный его именем. Наконец, в 1696 г. губернатор Новой Франции смог предпринять давно планировавшийся им большой поход против ирокезов. Несмотря на преклонный возраст, он лично возглавил двухтысячную армию, состоящую из канадских милиционеров, французских солдат и индейцев. В августе 1696 г. его основные силы переправились на южный берег озера Онтарио и, поднявшись по порожистой реке Осуиго, вышли к поселениям онондага, находившимся в самом центре Страны ирокезов. В это же время другой отряд под командованием Ф. де Водрёя вторгся в районы проживания онейда.[96]

Хотя, как и во время предыдущих кампаний, больших сражений не происходило, поскольку ирокезы покидали свои деревни, материальный и моральный урон, нанесенный им в результате этого похода, был очень значителен. Разрушение их поселений, уничтожение находившихся там запасов, а главное, тот факт, что враг проник в самое сердце земель могущественного Союза пяти племен, произвели большое впечатление и на гордых ирокезов, и на другие индейские племена этого региона. Забегая вперед, можно сказать, что эта операция, безусловно, очень сильно способствовала тем изменениям во внешнеполитической ориентации Лиги ирокезов, которые произошли на рубеже XVII–XVIII вв.

---

[96]Описание этой кампании см: Mémoire sur le Canada, 1682–1712 // Collection de manuscrits... T. I. P. 598–600.

Ирокезы продолжали посылать к англичанам вампумы, все еще надеясь подвигнуть их к совместным решительным действиям против французов, однако наряду с призывами к отмщению в их заявлениях начинали звучать и мирные нотки. В сентябре 1696 г. представители Лиги заявили Флетчеру: «Мы стали небольшим народом, и нас стало намного меньше в результате войны. Если люди Вирджинии, Мэриленда, обоих Джерси, Коннектикута и Новой Англии, которые все прилагали руки к нашей Договорной цепи, соединятся с жителями этого места [Нью-Йорка. — *Ю. А.*], мы готовы идти и вырвать с корнем наших врагов из Канады». В то же время они просили губернатора передать королю следующее: «Мы маленький народ, а у него — большой народ и много каноэ с великими ружьями; мы желаем, чтобы ты написал ему, чтобы он знал, что если он не пришлет их, чтобы уничтожить Канаду <...> до следующего раза, когда деревья станут зелеными <...> тогда пусть он даст нам знать, что мы можем заключить для себя мир навсегда или на время».[97]

Изменение обстановки на границе вызвало тревогу в Лондоне. Английское правительство считало, что «абсолютно необходимо удержать эти Пять племен в сфере интересов Его Величества, чтобы сохранить эти колонии».[98] Однако власти Нью-Йорка не спешили на помощь своим индейским союзникам. Флетчер лишь забрасывал власти метрополии просьбами о подкреплениях и боеприпасах.[99] В колонии, по свидетельству администрации, не было не только ружей и пушек, но даже знамен для фортов.[100] Никаких активных действий Нью-Йорк так и не предпринял. В дальнейшем индейцы неоднократно жаловались на поведение Флетчера в последние годы Войны Аугсбургской лиги. Его преемнику графу Белломонту они прямо заявили, что Флетчер пренебрегал их интересами, что, заметим, объективно шло во вред самим англичанам. Так, он даже не отдал приказа разрушить укрепления форта Фронтенак в то время, пока там не было французов.[101]

Впрочем, последствия этого сказались уже после окончания войны.

---

[97] Journal of Governor Fletcher's Visit to Albany. September, 1696 // Documents Relative to the Colonial History of the State of New York. Vol. IV. P. 237–238.

[98] Order in Council Referring Certain Papers Back to the Lords of Trade. At the Council Chamber in Whitehall the 20th day of August 1696 // Ibid. Vol. IV. P. 170.

[99] См.: Governor Fletcher to Mr. Blathwayt (New York, September 18th 1696) // Ibid. Vol. IV. P. 204–205.

[100] См.: Memorial of Messrs. Brooke and Nicolls Relating to the Defense of New York (13 November 1696) // Ibid. P. 244.

[101] См.: Earl of Bellomont to the Board of Trade (16 September 1698) // Ibid. P. 366.

Экспедиция Уилера

После провала 1690 г. власти Массачусетса продолжали строить грандиозные планы изгнания французов из Северной Америки. У. Фипс несколько раз заявлял о необходимости осуществления новой операции против Квебека во время своего пребывания в Лондоне зимой 1691–1692 гг. Он убеждал короля и адмиралтейство в том, что завоевание Канады обезопасит промысел у берегов Ньюфаундленда, позволит англичанам установить контроль над пушной торговлей, даст им прекрасный источник корабельного леса, защитит границы их владений от индейцев.[102] Вильгельм III и его министры благожелательно выслушивали пламенные речи Фипса, однако до конца 1692 г. они не предпринимали никаких попыток изменить ситуацию в Северной Америке, предоставив при этом колонистам возможность действовать на свой страх и риск. Однако без поддержки метрополии Фипс не решался предпринимать какие-либо серьезные шаги. Можно предположить, что, несмотря на все его заявления, неудача 1690 г. произвела на него очень сильное впечатление, и он не хотел еще раз испытывать судьбу.

Тем временем в 1692 г. англичане нанесли тяжелое поражение французскому флоту в сражении при Ла Уге. После этого на море французы отказались от линейной тактики, перейдя к рейдерству. Основное же их внимание было теперь еще в большей степени, чем раньше, сконцентрировано на сухопутных операциях. В результате отпала реально существовавшая в течение трех первых лет войны угроза французского (точнее франко-якобитского) десанта в Англию. В этой ситуации Лондон счел возможным выделить небольшую часть своих военно-морских сил для активных действий в Новом Свете.

В конце 1692 г. Уильям Блэтуэйт представил королю и правительству «предложения для разрушения французских колоний в Америке», а уже в марте 1693 г. в Карибское море была отправлена эскадра, состоящая из восьми кораблей, под командованием сэра Френсиса Уилера, которому было приказано захватить Мартинику и Гваделупу, а затем прибыть в Бостон и, соединившись с силами колониальной милиции, напасть на французские поселения в Канаде. Блэтуэйт писал Инкризу Мэзеру: «Для вас еще никогда не было такого случая приложить ваши лучшие убеждения, а для народа Новой Англии проявить свое религиозное рвение и любовь к своему королю и стране».[103]

[102] См.: *Barnes V. F.* The Rise of William Phips // The New England Quarterly. 1928. Vol. I, No 3. July. P. 292.

[103] Цит. по: *Barnes V. F.* Phippius Maximus. P. 544–545.

Правительство метрополии надеялось, что Уилер сможет «атаковать французов на реке Канады [т. е. на реке Св. Лаврентия. — *Ю. А.*], разрушить города и поселения, которые там принадлежат врагу, и завладеть ими». Фипсу, ставшему к тому времени губернатором Массачусетса, был отправлен приказ подготовить людей (2 тыс. милиционеров и/или волонтеров), провизию и вспомогательные суда к прибытию эскадры. Его нью-йоркскому коллеге Флетчеру было поручено поддерживать с ним контакт и оказывать поддержку.[104]

Переход Уилера через Атлантику затянулся, а кроме того, на Антильских островах среди английских моряков началась эпидемия, которая вывела из строя до половины личного состава эскадры. Отказавшись от нападения на Мартинику и Гваделупу, Уилер направился в столицу Новой Англии, полагая, что там уже собраны войска для экспедиции против Канады.

Однако, когда в начале июня 1693 г. 12 английских кораблей с 650 солдатами и матросами на борту вошли в бостонскую гавань, они встретили там совсем не такой прием, на который рассчитывали. Фипс сразу же заявил Уилеру, что он не получал никаких официальных распоряжений о подготовке экспедиции против Канады, а без этого он ничего не может предпринять. Власти Массачусетса были больше всего обеспокоены тем, чтобы эпидемия, которая все еще продолжалась среди людей Уилера, не перекинулась в колонию, и запретили им сходить на берег.[105]

Месяц спустя командир эскадры сообщил Фипсу, что ситуация на его кораблях пришла в норму: солдаты и матросы поправились, корабли готовы к походу, на них достаточно боеприпасов и продовольствия. Уилер знал, что согласно правительственному плану, в экспедиции должно было принять участие 4 тыс. бойцов (2 тыс. из колоний и 2 тыс. из метрополии), причем на подготовку колониальных войск выделялось четыре месяца, а все предприятие должно было начаться не позднее 1 июля. Однако он просил Фипса высказать свое мнение относительно того, возможно ли еще атаковать Квебек или какое-нибудь другое место на реке Св. Лаврентия или на Ньюфаундленде.[106] Губернатор ответил следующее: «Мы полагаем, что вы не настолько сильны, чтобы захватить Квебек, кроме того, время года слишком позднее, чтобы организовать нападение с суши и

[104] The King to the Governor Fletcher (23 February 1692/93) // Documents Relative to the Colonial History of the State of New York. Vol. IV. P. 12.

[105] См.: Minutes of the General Assembly of Massachusetts. June 12, 1693 // Calendar of State Papers. Colonial Series. Vol. XIV: America and West Indies, January 1693 – 14 May 1696. London, 1903. P. 118. No 410.

[106] Sir Francis Wheeler to Governor Sir William Phips. July 8, 1693 // Ibid. P. 124. No. 441.

помочь вашей атаке». С точки зрения Фипса, наиболее подходящим объектом для нападения в этой ситуации являлся Плезанс — главный опорный пункт французов на Ньюфаундленде.[107]

Однако Фипс не собирался помогать Уилеру в этом деле. Когда тот обратился к властям Массачусетса с просьбой выделить хотя бы 400 человек, которые могли бы принять участие в операции против Плезанса, ему было отказано и в этом. Губернатор заявил, что колониальная хартия запрещает ему посылать милицию за пределы страны без ее собственного согласия или согласия ассамблеи, которая в данный момент распущена. Фипс также утверждал, что он занят подготовкой экспедиции против индейцев, которая требует вложения больших сил и средств, а кроме того, по его словам, колонисты все еще опасались эпидемии, свирепствовавшей на кораблях.[108] Позиция Фипса была согласована им с советом колонии, который предварительно ознакомился с вышеизложенным ответом Фипса. В протоколе заседания, состоявшегося 26 июля, было записано: «Письмо сэра Френсиса Уилера, требовавшего 400 человек для нападения на Плезанс, было прочитано, и ответ, показывающий неспособность [колонии] выделить этих людей, — одобрен».[109]

В итоге Уилеру пришлось покинуть Бостон, так и не получив никаких подкреплений от властей Массачусетса. Это тем более удивительно, что за несколько дней до ухода эскадры Фипсу из Нью-Йорка была доставлена копия письма Блэтуэйта, где говорилось о планах правительства.[110] Надо сказать, что нью-йоркская администрация вообще проявила больше интереса к приходу английской эскадры и планировала помочь Уилеру,[111] хотя в итоге никаких конкретных шагов также не предприняла. Что касается эскадры, то она отправилась на Ньюфаундленд, однако ее поход закончился безрезультатно.

Вскоре, после того как корабли Уилера подняли паруса, Фипс направил в Лондон пространное послание, где он оправдывал свое поведение, заверяя членов правительства, что сам он «глубоко опечален из-за потери возможности захватить Канаду».[112]

Исследователи по-разному оценивают вышеописанные события. Некоторые американские историки просто умалчивают о них

---

[107]Governor Sir William Phips to Sir Francis Wheeler. July 12, 1693. Boston // Ibid. P. 128–129. No. 452.

[108]Governor Sir William Phips to Sir Francis Wheeler. July 27, 1693. Boston // Ibid. P. 133. No. 475.

[109]Minutes of Counsil of Massachusetts. July 26, 1693 // Ibid. P. 133. No. 474.

[110]Фипс лично признал это; см.: Governor Sir William Phips to the Earl of Nottingham. Boston, September 11, 1693 // Ibid. P. 156. No 545.

[111]См., напр.: Minutes of Counsil of New York. July 17, 1693 // Ibid. P. 131. No 460.

[112]Governor Sir William Phips to the Earl of Nottingham. Boston, September 11, 1693 // Ibid. P. 156. N 545.

или упоминают вскользь как о малозначащем инциденте (так, Ф. Паркмен ни в одной из своих монографий не написал об этом ни слова). Биографы Фипса обычно воздерживаются от комментариев, ограничиваясь лишь констатацией фактов.[113]

На наш взгляд, летом 1693 г. англичане и жители их колоний упустили очень неплохую возможность нанести удар по своим соперникам. Если бы властям Массачусетса удалось собрать хотя бы такое же количество бойцов, как за три года до этого, то, учитывая, что Уилер имел более 400 солдат, нападающие вполне могли бы получить заметный численный перевес над защитниками Квебека, так как часть сил французов постоянно была задействована на южных и западных рубежах Канады. Кроме того, в состав эскадры Уилера входило восемь боевых кораблей королевского флота (тогда как в 1690 г. у Фипса было только четыре судна, которые можно было считать военными), что обеспечило бы англичанам преобладание на море.

Постоянно циркулировавшие слухи о готовящемся новом нападении держали в напряжении французскую колониальную администрацию. Так, в одной из депеш, отправленной из Квебека в Париж в 1691 г., говорилось: «...доподлинно сообщено, что они [англичане. — *Ю. А.*] готовятся снова предпринять атаку с большими силами с моря и с суши»; далее речь шла о том, что Фипс якобы собирает для этой цели пятитысячное войско.[114] Летом 1692 г. Людовик XIV приказал эскадре К. де Дигуана дю Пале крейсировать у берегов Канады, чтобы предотвратить возможное нападение на колонию с моря[115] (по ходу этого плавания было осуществлено несколько небольших диверсий против английских рыболовных станций на Ньюфаундленде). Однако в 1693 г. французское правительство не направило никаких дополнительных сил в свои заморские владения. В значительной степени это было связано с достаточно сложной ситуацией, сложившейся для него на европейских театрах боевых действий.

Столь пассивное (если, конечно, не давать ему более резких оценок) поведение Фипса и всей администрации Массачусетса было вызвано несколькими причинами. Во-первых, провал 1690 г., очевидно, действительно произвел очень сильное впечатление на Фипса. После этого, оставаясь на словах сторонником активных действий, на деле

[113] См.: Dictionary of American Biography: In 22 vols. Vol. VII. London; New York, 1931. P. 551–552; см. также: *Stacey C. P.* Phips // Dictionnaire biographique du Canada. Vol. I: 1000–1700. Toronto; Québec, 1966. P. 558.

[114] Memoir on the Present State of Canada, and the aid required to be extended to it for its preservation (1691) // Documents Relative to the Colonial History of the State of New York. Vol. IX. P. 508.

[115] См.: Ponchartrain à Frontenac, le 23 juillet 1692 // Rapport de l'Archiviste de la province de Québec. 1927/1928. P. 103–104.

он предпочитал придерживаться самой осторожной тактики, понимая, что, помимо прочего, любая оплошность может стоить ему губернаторского кресла. Во-вторых, бостонские власти четко осознавали, что, несмотря на пламенную агитацию проповедников, далеко не все жители колонии горят желанием отправляться в опасный поход, основную выгоду от которого получат явно не они (колонистов было гораздо легче сподвигнуть на какие-нибудь локальные оборонительные мероприятия). Массачусетская верхушка также опасалась волнений или даже восстания в колонии, которое вполне могло произойти в случае новой крупной неудачи. В начале 1690-х годов в колонии сложилась кризисная ситуация, высшей точкой которой стали печально известные процессы ведьм. Поражение Фипса было, конечно, отнюдь не единственной и тем более не главной причиной кризиса (скорее, одним из поводов), однако еще в 1690 г. властям пришлось пережить немало неприятных минут, когда вернувшиеся из похода волонтеры буянили в Бостоне и кричали: «Боже, благослови короля Вильгельма, Боже, благослови Эндроса, и пусть будут прокляты все эти пустоголовые администрации!».[116] Конечно, никто в Массачусетсе в принципе не возражал против нападения на Квебек и/или перехода Канады под власть англичан, однако идти ради этого на риск в тот момент были готовы очень немногие.

Наиболее негативную реакцию вышеописанные события вызвали у властей Нью-Йорка. Флетчер возмущенно жаловался правительству метрополии на поведение Фипса и заявил, что безрезультатный уход эскадры Уилера «шокировал наших индейцев».[117]

На «Акадийском фронте»: война Массачусетса и абенаки

Ситуация в Атлантическом регионе и вокруг него как всегда отличалась крайней сложностью. После рейда в Пор-Руайяль администрация Массачусетса решила, что теперь она имеет полное право рассматривать территорию Акадии — Новой Шотландии в качестве своего законного владения. В июне 1691 г. группа бостонских коммерсантов, во главе с уже упоминавшимся нами Джоном Нельсоном предложила на свои средства построить в Пор-Руайяле новый форт и содержать там гарнизон, за что им должна была быть предостав-

[116]См.: Journal of Benjamin Bullivant of Affairs in New England from the Date of Sir Edmund Andros Departure // Calendar of State Papers. Colonial Series. Vol. XIII. P. 265. No 885.

[117]Governor Fletcher to Earl of Nottingham. October 5, 1693. New York // Ibid. Vol. XIV. P. 169. No 603.

лена монополия на торговлю во всей Акадии. Бостонские власти согласились с этим и назначили одного из компаньонов Нельсона полковника Эдварда Тинга комендантом Пор-Руайяля и губернатором Новой Шотландии.[118]

Таким образом, администрация Массачусетса фактически самостоятельно аннексировала территорию французской колонии, не дожидаясь каких-либо санкций из Лондона. Правда, правительство метрополии поддержало ее притязания. В новой Хартии Массачусетса, изданной в 1691 г., «территории, называемые Акадией или Новой Шотландией», а также все пространство, расположенное между ними и Новой Англией, было присоединено к этой колонии.[119] Но этот документ был доставлен в Бостон только в мае 1692 г.

Однако установить контроль над Акадией англичанам не удалось. Еще в июне 1690 г. спустя всего несколько дней после ухода эскадры Фипса, в разоренный Пор-Руайяль прибыл корабль из Франции, на борту которого находился помощник Менваля Жозеф Робино де Вильбон. Правда, он не рискнул оставаться в «столице» Акадии (возможно опасаясь нового появления англичан) и решил отправился в небольшой форт Жемизик (или Жемсег), расположенный на реке Сен-Жан, надеясь, что оттуда он сможет совместно с индейцами предпринять какие-либо ответные действия против бостонцев. Однако это ему не удалось, так как его единственный корабль вскоре был захвачен английскими каперами, после чего Вильбону пришлось покинуть Акадию и через Квебек отправиться во Францию.

Поскольку Менваль находился в английском плену, Людовик XIV 7 апреля 1691 г. назначил Вильбона «комендантом Акадии».[120] Относительно восстановления Пор-Руайяля Людовик XIV заявил, что «нынешняя ситуация в Европе делает это невозможным»,[121] но зато предоставил в распоряжение Вильбона небольшой военный корабль, много боеприпасов и подарков для абенаки, силами которых предполагалось вести борьбу с англичанами. Последняя, с точки зрения французского правительства, представляло собой важнейший аспект деятельности администрации Акадии. В королевской инструк-

---

[118] См.: Acadia at the End of the Seventeenth Century: Letters, Journals and Memoirs of Joseph Robineau de Villebon, Commandant in Acadia, 1690–1700 and Other Contemporary Documents / Ed. by J. C. Webster. St John, 1934. P. 200.

[119] Хартию Массачусетса 1691 г. см.: The Federal and State Constitutions, Colonial charters and other Organic Laws of the United States: In 2 Pts / Comp. by B. P. Poore. Pt 1. Washington, 1877. P. 947.

[120] Instruction au sieur de Villebon, commendant à l'Acadie. Au camp devant Mons, le 7 avril 1691 // Collection des manuscrits... T. II. P. 45–47.

[121] См.: Mémoire du Roi à Frontanac (le 7 avril 1691) // Rapport de l'Archiviste de la province de Québec. 1927/1928. P. 55.

ции, присланной Вильбону весной 1692 г., говорилось: «Поскольку Вашей главной задачей является беспрерывная война с англичанами, Ваша основная забота должна состоять в том, чтобы отвлечь французов, которые находятся с Вами, от всех других занятий <...> чтобы они были воодушевлены только желанием искать выгоду от борьбы с врагами. Мне не надо ничего Вам рекомендовать столь настоятельно, кроме того, чтобы Вы использовали все Ваши способности и благоразумие, для того чтобы абенаки не занимались ничем, кроме войны, и сделали так, чтобы война стала для них выгодней, чем охота».[122]

В конце сентября 1691 г. Вильбон вернулся в Пор-Руайяль и официально объявил о своем вступлении во владение этим поселением и всей Акадией от имени Людовика XIV. Однако по тем же причинам, что и год назад, он не захотел оставаться в Пор-Руайяле и отправился в Жемизик. На пути туда у устья реки Сен-Жан Вильбону удалось захватить повстречавшийся ему английский корабль, на котором, как выяснилось, находился новоиспеченный английский губернатор Акадии — Новой Шотландии Эдвард Тинг, а также Джон Нельсон и Джон Олден. Последнего Вильбон отпустил в Бостон с тем, чтобы тот уговорил власти Новой Англии произвести обмен пленными, а Нельсон был отправлен в Квебек для переговоров с Фронтенаком. В столице Новой Франции, воспользовавшись предоставленной ему свободой передвижения, Нельсон развил активную шпионскую и диверсионную деятельность, информируя Бостон о планах французов и пытаясь подослать наемных убийц к ненавистному для англичан предводителю абенаки Сен-Кастэну. В конце концов, Фронтенак отправил его во Францию, где тот просидел некоторое время в Ангулемском донжоне и получил свободу только накануне заключения Рисвикского мира, в подготовке которого ему довелось принять участие в качестве эксперта по североамериканским вопросам.

Несмотря на то что французам удалось восстановить контроль над Акадией, их положение там в целом оставалось достаточно сложным. Не имеющая сильных фортов и гарнизонов колония в любой момент снова могла стать легкой добычей англичан. Мирные безоружные акадийцы, занимавшиеся земледелием на плодородных прибрежных маршах залива Фанди, предпочитали соблюдать нейтралитет в непрекращающихся англо-французских конфликтах. Единственной надеждой французской колониальной администрации оставались абенаки.

---

[122] Lettre du Roy au sieur de Villebon. A Versailles, Avril 1690 // Collections de manuscrits... T. II. P. 82–83.

Здесь сложилась парадоксальная ситуация. Абенаки нуждались в европейских товарах, и часть их племенного объединения, видя несостоятельность французов как торговых партнеров, была склонна если не к союзу, то хотя бы к поддержанию мира с англичанами. Однако предельно жесткая политика властей Новой Англии по отношению к индейцам привела к тому, что, поддерживая торговые контакты с некоторыми бостонскими купцами, абенаки продолжали воевать на стороне французов, а порой и вместо французов на акадийском театре боевых действий (кстати, последние прекрасно знали об этой торговле, но были абсолютно уверены в том, что она никак не повлияет на настроения индейцев[123]).

Ненависть абенаки к англичанам была столь сильна, что в Квебеке во время переговоров с Фронтенаком их вожди заявили, что они будут сражаться с англичанами, даже если им придется, как их далеким предкам, делать наконечники своих стрел из костей животных.[124] Ф. Паркмен, упоминая об этом эпизоде, считает, что абенаки просто «страстно жаждали английской крови» в силу своей дикости.[125] Однако, на наш взгляд, причиной этому была вовсе не дикость индейцев, а та массовая и действительно дикая охота за индейскими скальпами, которая как раз в это время разгорелась в английских колониях и которая как нельзя лучше характеризует всю индейскую политику англо-американцев.

В начале Войны Аугсбургской лиги (в английских колониях ее называли Войной короля Вильгельма) в Массачусетсе за скальп взрослого мужчины платили 50 фунтов, за скальп женщины или ребенка — 10 фунтов.[126] При этом никто никогда не разбирался, действительно ли это скальп представителя враждебного племени или нет. Добыча этих кровавых трофеев была прибыльным делом, которым занимались даже женщины и дети. В анналы американской истории вошел случай с Ханной Дастен и Мэри Нэф, которые были захвачены группой абенаки и ночью бежали от них, предварительно убив и оскальпировав двух воинов, трех скво и семерых детей.[127] В Новой Франции отношение к скальпам было несколько другим. Правда, тогда там их тоже покупали, но за сравнительно небольшую сумму — 10 экю, в то время как за живых пленников платили

[123] См., напр.: Nouvelles de l'Acadie // Ibid. P. 127.
[124] См.: *Parkman F.* Op. cit. Vol. 2. P. 252.
[125] Ibid.
[126] *Leach D. E.* Arms for Empire. P. 107.
[127] Об этом эпизоде упоминают Мэзер, Хатчинсон и другие хронисты Новой Англии. См., напр.: *Mather C.* Decennium luctuosum... P. 263–266.

в два раза больше.[128] Позднее квебекская администрация и вовсе отказалась от этой практики (см. раздел VI, главу 1).

Безусловно, французы использовали сложившуюся ситуацию прежде всего в своих собственных интересах. Другое дело, что их интересы в тот момент объективно в значительной степени совпадали с интересами самих индейцев.

Зимой 1691–1692 гг. абенаки продолжали совершать набеги на пограничные английские поселения. Большую роль в этих акциях играл Сен-Кастэн и появившийся в Стране абенаки в конце 80-х годов XVII в. миссионер Л.-П. Тюри. 5 февраля 1692 г. индейцы напали на деревню Йорк, где ими было убито по разным оценкам от 50 до 148 жителей. В июне того же года они совместно с несколькими канадцами попытались захватить прибрежное поселение Уэллс. Однако здесь атака была отбита, и нападавшие были вынуждены ретироваться, разорив окрестности и угнав скот англичан.[129] Кроме таких по тогдашним американским меркам достаточно крупных операций, абенаки, действуя небольшими отрядами, постоянно нападали на отдельные фермы. Именно в результате этих налетов англичанам наносился наибольший урон. Всего за 1690–1692 гг. в Массачусетсе и Нью-Гемпшире было уничтожено около 200 ферм.[130]

В 1692 г. Фипс решил принять меры для обеспечения безопасности восточных рубежей колонии от нападений французов и индейцев. В начале лета 1692 г. он отправил в долину Кеннебека отряд Бенджамина Чёрча, который разорил несколько селений абенаки. Эмиссары Фипса посетили также беззащитный Пор-Руайяль и объявили его жителям, что в соответствии с королевской хартией Массачусетса Акадия является частью этой колонии. Они также пытались склонить поселенцев выступить против французов или хотя бы против индейцев, но верные своим принципам акадийцы отказались сделать это и заявили, что не будут противодействовать англичанам, если те не причинят им зла, но сами останутся нейтральными. Жители Пор-Руайяля резонно заметили, что если они провозгласят себя союзниками бостонцев, то немедленно подвергнутся нападению индейцев.[131]

Во время своего пребывания в Лондоне Фипс убедил короля и правительство в необходимости восстановить форт Пемакид. Вильгельм и Мария издали соответствующий указ, но не дали ни средств, ни людей. Все расходы взяла на себя колония. В начале 169 г. губернатор лично руководил строительством, которое обошлось в 20 000

[128] *Lanctot G.* Op. cit. T. II. P. 166.
[129] См.: Nouvelles de l'Acadie // Collection des manuscrits... T. II. P. 127.
[130] *Parkman F.* Op. cit. Vol. 2. P. 255 (примечание).
[131] См.: Acadia at the End of the Seventeenth Century... P. 40-41.

фунтов.[132] Форт, получивший новое название Уильям-Генри, построили из камня, что в Америке в то время было большой редкостью. Гордившийся своим детищем Фипс заявил, что «форт является настолько мощным, что может сопротивляться всем индейцам в Америке».[133]

Сильная крепость с большим гарнизоном представляла серьезную опасность для французов. Выдвинутая на самую границу Новой Англии она могла прикрывать продвижение английских войск вдоль побережья для нападения на французские посты, либо для осуществления операций против союзных французам индейцев. Кроме того, Уильям-Генри обеспечивал безопасность английских поселенцев, продвигавшихся на северо-восток, на территорию французских владений. Все это прекрасно понимали не только в Бостоне, но также в Квебеке и в новой штаб-квартире Вильбона в форте Наксуа (Нашваак).

Узнав о том, что англичане начали восстанавливать укрепления в Пемакиде, Фронтенак решил немедленно нанести удар по этому важному пункту и отбросить англичан от границ Акадии. Однако благодаря деятельности вышеупомянутого Джона Нельсона англичане своевременно узнали о готовящемся нападении. Когда осенью 1692 г. французские корабли «Поли» и «Анвьё» под командованием д'Ибервиля, подошли к устью Кеннебека, они обнаружили там не только находящуюся в полной боевой готовности крепость, но и военный корабль, прибывший из Новой Англии. В этой ситуации обычно не терявший присутствия духа д'Ибервиль повел себя нерешительно и к удивлению французских офицеров и огромному разочарованию своих индейских союзников, приказал взять курс на Квебек, мотивируя свое решение слишком большими силами неприятеля и неблагоприятным временем года (приближалось окончание навигации и сезон штормов). По версии же недоброжелателей д'Ибе́рвиля, голоса которых звучали достаточно громко, он побоялся рисковать из-за того, что на борту его корабля находилась его сестра и еще какие-то дамы.

Франко-канадские историки, специально рассматривавшие этот вопрос и проанализировавшие соотношение сил сторон, пришли к выводу что д'Ибервиль в тот момент поступил в целом правильно.[134] Однако они не учитывают того, что пассивностью французов немед-

[132] Canada and Its Provinces: A History of the Canadian People and Their Institutions: In 22 vols / Ed. by A. Shortt and A. Doughty. T. XIII. Pt 1. P. 57.

[133] Governor Sir William Phips to the Earl of Nottingham, Boston, September 11, 1693 // Calendar of State Papers, Colonial Series. Vol. XIV. P. 156.

[134] См., напр.: *Frégault G.* Iberville le conquérant. Montréal, 1944. P. 159–163; *Daviault P.* Le Baron de Saint-Castin, Chef Abénaquis. Montréal, 1939. P. 109–110.

ленно воспользовались их противники. Весной 1693 г. капитан Конверс, отличившийся при обороне Уэллса, с сильным отрядом колониальной милиции отправился к устью реки Сако и построил там еще один каменный форт. Главная цель этой акции заключалась в том, чтобы, продемонстрировав абенаки силу Массачусетса, попытаться склонить хотя бы часть из них к заключению перемирия с англичанами, что сразу же обезопасило бы пограничные поселения. Англичане знали, что индейцы были недовольны действиями д'Ибервиля и находились под впечатлением неудачной попытки захвата Уэллса. Характерно, что при всем этом в Бостоне не надеялись сделать абенаки союзниками в борьбе против французов. Такой задачи даже не ставилось. Администрация Новой Англии стремилась лишь к тому, чтобы обеспечить нейтралитет индейцев в англо-французском конфликте. На какое-то время ей удалось этого добиться. Летом 1693 г. несколько вождей абенаки встретились с Фипсом (который, кстати, лично участвовал в торговых сделках с индейцами) около форта Уильям-Генри и согласились «бросить томагавк в море».[135]

Для французской колониальной администрации выход абенаки из игры означал крах политики, проводившейся ими в этом регионе, вслед за которым неминуемо последовала бы потеря Акадии. В этой критической для них ситуации французы и в Акадии, и в Канаде, и во Франции действовали быстро и решительно, а главное на удивление слаженно. Из метрополии Вильбону были присланы товары и боеприпасы, которые были розданы наиболее воинственно и антианглийски настроенным вождям. С одним из них — Таксесом — Вильбон устроил торжественное братание, не пожалев в качестве подарка для «побратима» своего парадного камзола.[136] Еще двоих вождей он отправил в Версаль, чтобы продемонстрировать им богатство и могущество Франции. В результате доверие абенаки к французам было частично восстановлено, и они были готовы снова сражаться на их стороне.

Говоря о борьбе на «акадийском фронте», следует также упомянуть об операциях, проводившихся у берегов Акадии французскими корсарами. Они стали нападать на английские суда еще в самом начале войны, но наибольшего размаха их деятельность достигла в 1692–1696 гг. Прекрасные акадийские гавани служили им надежным убежищем, расположенным, кроме того, в непосредственной близости от районов, очень часто посещавшихся англичанами. Постепенно Пор-Руайяль и Бобасен превратились в настоящие базы каперов, и молодые жители этих поселений к большому неудовольствию

[135] Treaty of Peace Concluded with the Eastern Indians at Fort Pemaquid, 11 August 1693 // Calendar of State Papers, Colonial Series. Vol. XIV. P. 157.
[136] Canada and Its Provinces. Vol. XIII, Pt 1. P. 57.

местного духовенства пополняли команды находившихся там кораблей.

Каперы, в основном, охотились на корабли, перевозившие более или менее ценные грузы, рыболовные суда интересовали их в меньшей степени (их захватывали главным образом ради получения выкупа за пленных и само судно). В 1692 г. ими было захвачено более двадцати призов. В этих операциях особо отличился корабль, которым командовал Пьер Мезонна́ по прозвищу Капитан Батист, захвативший во второй половине 1692 — начале 1693 г. девять английских судов.[137] В марте 1693 г. администрация Массачусетса отправила к побережью Акадии три военных корабля, чтобы «преследовать и атаковать» французских корсаров.[138] Однако действия последних продолжались и, несмотря на ряд потерь, даже приобрели еще больший размах. Например, в 1695 г. капитан Франсуа Гион (или Гайон) захватил девять призов, в том числе английский фрегат.[139] После этого рыбаки из Массачусетса, видя неэффективность действий своей администрации, начали переговоры с Вильбоном, предложив ему продавать им лицензии на промысел у берегов Акадии, которые обезопасили бы их от французских каперов.[140]

В 1694 г. возобновилась «малая война» абенаки и французов против англичан. Лейтенанту К.-С. де Вильё с помощью Таксеса и миссионера отца Биго удалось собрать отряд из 250 индейских воинов, с которыми он 27 июля напал на поселение Ойстер-ривер (сейчас Дарем, штат Нью-Гемпшир). Шестьдесят домов было сожжено, более ста человек убито и взято в плен (существуют различные мнения относительно точного числа жертв). Несколько дней спустя абенаки атаковали соседнюю деревню Гротон, которая также была сожжена. Часть скальпов, снятых с убитых англичан, была отправлена в Квебек как доказательство доблести индейских воинов.

Эта небольшая операция имела очень важное значение для французов. Она показала, что абенаки будут продолжать набеги на границы Новой Англии, что, в свою очередь, неизбежно будет вызывать ответную реакцию англичан, а значит, столь нежелательный для французов мир будет нарушен. 19 сентября 1694 г. Вильбон откровенно заявил в своем письме Л. де Поншартрену: «Этот удар [нападение на Ойстер-ривер. — *Ю. А.*] чрезвычайно важен и выгоден, поскольку он прервал все мирные переговоры между нашими

---

[137] Acadia at the End of the Seventeenth Century... P. 39; см. также: Dictionary of Canadian Biography. Vol. II: 1701–1740. Toronto; Québec, 1969. P. 449.

[138] См.: Southack's Instructions. March 31, 1693 // The Documentary History of the State of Maine. 1st Series. Vol. V. P. 379.

[139] Dictionary of Canadian Biography. T. II. P. 271.

[140] *Rawlyk G. A.* Op. cit. P. 79.

индейцами и англичанами. Англичане в отчаянии от того, что те убивают даже детей в колыбелях».[141] Эти бесстрастные, граничащие с цинизмом строки дают ясное представление о тактике, применявшейся французами в Акадии, где они, почти не имея собственных сил, полностью зависели от абенаки.

Уместно задать вопрос: а не совершили ли французы роковую ошибку, подталкивая абенаки к набегам на английские фермы и способствуя, таким образом, росту агрессивных, антифранцузских и антииндейских настроений в Новой Англии, являвшейся ведущим «игроком» в данном регионе? Ведь силы и ресурсы Массачусетса и Акадии были совершенно несоизмеримы. Эта разница могла бы быть компенсирована за счет активной политики метрополии, но Наихристианнейший король и его министры не спешили вкладывать средства и/или предпринимать что-либо для укрепления французских позиций в Атлантическом регионе, предпочитая действовать руками индейцев. За многие десятилетия соседства с французами бостонцы не раз имели возможность убедиться в этом.

На наш взгляд, войну французов и абенаки против английских поселенцев можно было бы посчитать бессмысленной саму по себе (как, впрочем, и многие другие вооруженные столкновения), если рассматривать ее только в контексте истории Массачусетса и/или Акадии. Однако французское правительство вовсе не считало бессмысленной возможность нанести хоть какой-нибудь удар по позициям своих противников в Новом Свете (хотя, возможно, в Париже в то время достаточно слабо представляли специфику отношений, существовавших между английскими колониями и их метрополией). Кроме того, по расчетам французских колониальных чиновников набеги индейцев должны были заставить англичан сконцентрировать свои усилия на обороне границ и таким образом обезопасить другие французские владения от возможного нападения.

Зная конечный результат англо-французского соперничества в Северной Америке, можно, конечно, рассуждать о том, что если бы французы поддерживали мир с англичанами, а не натравливали бы на них абенаки, то, быть может, судьба Акадии (да и всей Новой Франции) могла сложиться иначе. Однако не следует забывать и о том, что, с одной стороны, угроза, нависшая над пограничными английскими фортами и деревнями, была в значительной степени не только причиной, но и удобным поводом для вытеснения французов из этой части Северной Америки, которая привлекала бостонских купцов своими неисчерпаемыми природными ресурсами, а англий-

[141] Résumé d'une lettre de monsieur de Villebon au ministre. Au Port Royal, le 19 septembre (1694) // Collection de manuscrits... T. II. P. 158.

ские власти — своим чрезвычайно важным стратегическим положением. С другой стороны, как мы уже говорили не раз, вся французская колонизация Северной Америки была порождена имперской политикой абсолютистского государства, которая также неизбежно приводила к новым конфликтам с другими державами.

Война на Акадийском фронте была неизбежна и даже по-своему необходима каждой из сторон. Правда, если к «партии войны» в английских колониях принадлежали представители различных социальных групп — и поселенцы, и купцы, и администрация, то на французской стороне война была нужна только чиновникам, выполнявшим распоряжения Версаля. При этом единственной реальной силой, на которую могли рассчитывать французы, были воины абенаки, что также являлось следствием политики французского правительства, стремившегося создать в Америке огромную империю, но всегда занятого делами Старого Света, поглощающими львиную долю его сил и средств.

От «глобального» вопроса о характере и движущих силах колониальной политики Англии и Франции в Северной Америке следует отделить другой, более частный, вопрос — о методе и тактике военных действий. Многие английские авторы с негодованием пишут о разрушительных и, с военной точки зрения, бесполезных набегах французов на мирные пограничные поселения. Но, во-первых, не следует забывать, что именно англичане и голландцы, а не французы начали использовать индейцев (Лигу ирокезов) для сведения счетов со своими европейскими конкурентами. Во-вторых, французы в Северной Америке объективно были далеко не столь сильны, как англичане, и, несмотря на все грандиозные планы, просто не располагали силами для проведения крупномасштабных операций, подобных экспедиции Фипса. В-третьих, англичане также всеми силами поощряли ирокезов совершать набеги на границы Новой Франции.

Что же касается вопроса об эффективности этих рейдов в военном отношении, то здесь ситуация была не столь однозначной, как представляется на первый взгляд. Конечно, подорвать могущество Массачусетса эти булавочные уколы не могли, однако они заставляли бостонскую администрацию держать на границе сильные гарнизоны. В то же время для других, более слабых, английских колоний, в частности Нью-Гемпшира, набеги индейцев имели гораздо более серьезные последствия. Так, уже к весне 1696 г. эта колония оказалась в столь плачевном положении, что там не было даже продовольствия для солдат, и его приходилось просить у бостонцев.[142]

---

[142] *Van Deventer D.* The Emergence of Provincial New Hampshire: 1623–1741. Baltimore; London, 1976. P. 68.

Ф. Паркмен упрекает французов в жестокости и кровожадности, говоря, что англичане во время нападения на Пор-Руайяль и Бобасен не убивали мирных жителей, а ограничивались только «цивилизованным» грабежом. На это можно заметить, что в тех случаях, когда война велась руками индейцев, она всегда принимала крайне жестокие формы. И нападения абенаки на англичан и нападения ирокезов на французов действительно сопровождались кровопролитием. Когда же против англичан действовали французы, они вели себя точно так же, как и их противники, в соответствии с обычаями ведения войны того времени. Кстати, именно французами была введена в обиход практика, когда захваченные индейцами пленники (в первую очередь женщины и дети) выкупались и становились полноправными членами франко-канадских семей.

Наконец, следует отметить, что некоторые англо-саксонские авторы часто манипулировали данными, стремясь выставить французов в наименее привлекательном свете. Так, Ф. Паркмен, подробно описывая нападение на Ойстер-ривер, заявляет о том, что индейцы и французы убили 104 человека и еще 27 взяли в плен.[143] Очевидно, знаменитый историк пользовался данными из донесения Вильбона, который докладывал своему начальству о 100 убитых и 60 пленных.[144] Однако другие исследователи, в том числе и американские, утверждают, что жертв было гораздо меньше. Дж. Белкнап, в частности, приводит данные о том, что в Ойстер-ривер погибло 14 человек.[145]

В середине 1690-х годов отношения англичан с абенаки продолжали ухудшаться. В 1695 г. заменявший уехавшего в Лондон Фипса лейтенант-губернатор Уильям Стаутон обратился к индейцам с письмом, в котором упрекал их в том, что они нарушили мир, заключенный с Массачусетсом, и напоминал об их соплеменниках, находящихся в Бостоне в качестве заложников. После этого небольшая группа наиболее миролюбиво настроенных абенаки отправилась в Уильям-Генри для переговоров. Однако комендант форта Паско Чабб приказал своим солдатам напасть на пришедших. Несколько индейцев было убито, а остальные, в том числе вождь Эгеремет, взяты в плен. Ф. Паркмен абсолютно справедливо отметил, что это «гнусное вероломство» было «игрой в пользу французов».[146]

Как раз в это время французы начали готовить новую экспедицию против Уильям-Генри. Естественно, вышеописанный инцидент

---

[143] *Parkman F.* Op. cit. Vol. 2. P. 264.
[144] См.: Acadia at the End of the Seventeenth Century... P. 55, 57.
[145] *Belknap J.* The History of New Hampshire: In 2 vols. Vol. I. Philadelphia, 1812. P. 217.
[146] *Parkman F.* Op. cit. Vol. 2. P. 273.

был использован ими для того, что привлечь к операции максимально возможное количество абенаки, которые должны были стать ее ударной силой, так как все войска и милиция Новой Франции в это время были заняты на «ирокезском направлении».

В 1696 г. д'Ибервиль прибыл в Акадию с двумя кораблями и 25 солдатами. Там к нему присоединились Вильбон, Сен-Кастэн и де Вильё с индейцами и бойцами акадийских гарнизонов. 14 августа армия д'Ибервиля, насчитывавшая в общей сложности до 500 солдат, матросов и индейцев появилась под стенами Уильям-Генри. За два года до этого де Вильё, одетый и раскрашенный как индеец, побывал внутри форта и составил его план. На первый взгляд Уильям-Генри представлял собой мощную крепость, возвышавшуюся на скалистом берегу. На его 20-футовых стенах было установлено 60 орудий. Гарнизон, состоящий из сотни солдат, имел все необходимое, для того чтобы выдержать долгую осаду. Но у Уильям-Генри были и слабые места, на которые указал де Вильё. Форт можно было легко обстреливать с суши. Поэтому французы сразу же начали перевозить на берег мортиры и пушки со своих кораблей. Перед началом осадных работ д'Ибервиль предложил англичанам сдаться, на что Чабб гордо ответил, что не пойдет на это, «даже если весь океан покроется французскими кораблями, а вся земля индейцами».[147]

Французы быстро установили свои батареи и начали обстрел, а Сен-Кастэн передал Чаббу записку, в которой предупреждал его, что если англичане будут слишком долго упорствовать, то никто не сможет удержать индейцев от расправы над защитниками форта, несущими к тому же ответственность за нападение на людей Эгеремета.[148]

Это предупреждение вкупе со все усиливающейся канонадой возымело действие на английских солдат, которые потребовали у своего командира, чтобы тот вступил в переговоры. 16 августа 1696 г. форт капитулировал. Ибервиль обещал сохранить жизнь солдатам гарнизона и отправить их в Бостон при условии, что из английского плена будут отпущены все французы и их союзники-индейцы. Он сдержал свое слово, хотя французам стоило немалых усилий сдержать индейцев, требовавших мести, так как в форте было обнаружено несколько истощенных до последней крайности абенаки, которых англичане держали в цепях.

17–18 августа пушки Уильм-Генри были перевезены на французские корабли; ружья и боеприпасы розданы индейцам, а сам форт,

---

[147] *Charlevoix P. F. X. de* Histoire et description générale de la Nouvelle France: 3 t. T. II. Paris, 1744. P. 179.

[148] Ibid.

призванный служить символом могущества Массачусетса и прочности английских позиций в этом регионе, разрушен.

Уничтожение английской крепости на Пемакиде, да еще осуществленное так легко, было крупной удачей французов и вызвало серьезную озабоченность у их противников, явно не рассчитывавших на то, что Уильям-Генри сдастся почти без боя. Его комендант Чабб после возвращения из французского плена был даже арестован бостонскими властями и просидел несколько месяцев в тюрьме (впоследствии его выследили и убили мстившие ему абенаки).[149]

Горя желанием взять реванш за падение Уильям-Генри, осенью 1696 г. бостонцы организовали карательную экспедицию против французов и абенаки, главной целью которой был грабеж поселений и добыча скальпов. Отряд майора Бенджамина Чёрча, состоявший из 300–400 ополченцев и нескольких десятков индейцев, появился в устье Пентагоэ, где англичане безрезультатно пытались найти Сен-Кастэна. Оттуда они двинулись в залив Фанди и разорили мирное неукрепленное поселение Бобасен, несмотря на то что местный сеньор Жакоб Буржуа показал англичанам хранившееся у него еще с 1690 г. письмо Фипса, в котором тот обещал не нападать на эту деревню при условии, что ее жители не будут поднимать оружия против англичан.[150] Чёрч заявил акадийцам, что они должны почувствовать то, что «чувствуют бедные англичане» и велел передать их правителям, что если нападения индейцев на Новую Англию будут продолжаться, он приведет в Акадию «сотни дикарей <...> которые будут убивать, скальпировать и угонять в плен всех французов в этих местах».[151] После этого Чёрч отправился к устью реки Сент-Джон (Сен-Жан), однако не решился атаковать форты Жемизик и Наксуа, не желая, по его собственным словам, «повторять экспедицию в Канаду»,[152] и вернулся в Бостон.

В это же время в столице Новой Англии был организован другой отряд, которым командовал полковник Джон Хэторн. Сразу по возвращении Чёрчу, несмотря на его неудовольствие, было приказано соединиться с Хэторном и напасть на форт Наксуа, главную военную базу французов.

18 октября англичане появились под стенами французского форта, где уже знали о готовящемся нападении. Вильбон немедленно собрал и вооружил всех жителей окрестных ферм, а миссионер отец Симон привел отряд абенаки. Защитники встретили англичан интенсивным огнем, который не прекращался даже ночью (французы

[149] *Mather C.* Magnalia Christi Americana. T. II. P. 633.
[150] *Charlevoix P. F. X. de* Op. cit. T. II. P. 181.
[151] The History of Philip's War / Ed. by S. G. Drake. Boston, 1827. P. 232–233.
[152] Ibid. P. 233–234.

стреляли на свет костров). Не ожидавшие такого упорного сопротивления ополченцы Чёрча и Хэторна начали роптать, и их командиры, понимая, что без долгой осады взять Наксуа невозможно, были вынуждены дать приказ отступить.[153]

После этого до конца войны обе стороны уже не предпринимали каких-либо крупных операций в этом регионе. Правда, администрация Массачусетса продолжала просить короля «милостиво соизволить» построить и содержать за счет метрополии форты в Пор-Руайяле и в устье реки Сент-Джон, которые, по ее мнению, должны были стать «величайшей уздой для врага».[154]

Операции на Ньюфаундленде и на побережье Гудзонова залива

В ходе Войны Аугсбургской лиги чрезвычайно динамично развивались события на побережье Гудзонова залива, которое неоднократно переходило из рук в руки. Основными участниками борьбы за этот регион, где в тот момент европейцами было основано всего лишь несколько крошечных непостоянных факторий, были с английской стороны Компания Гудзонова залива, с французской — Северная компания и администрация Новой Франции. В то же время достаточно большую заинтересованность в делах региона проявляли правительства метрополий. В 1689–1690 гг. Людовик XIV несколько раз писал администрации Новой Франции о необходимости должным образом защитить торговую деятельность Северной компании и изгнать англичан из форта Нельсон.[155]

1 марта 1689 г. «командующим всеми постами на Северном море» (т. е. на Гудзоновом заливе) был назначен Пьер Ле Муан д'Ибервиль.[156] В июле 1690 г. он отправился туда с тремя небольшими судами, на которых находилось всего 80 человек. Первоначально он намеревался атаковать форт Нельсон, но, подойдя к нему, д'Ибервиль увидел большой английский военный корабль, прибывший для защиты этого ключевого пункта. Тогда д'Ибервиль решил напасть на небольшую факторию Северн (или Нью-Северн), построенную англичанами в 250 милях от Нельсона. Стремительным ударом он захватил английский пост и, возможно, остался там на зимовку (рис. 14).

---

[153] См.: Acadia at the End of the Seventeenth Century... P. 89–94.

[154] См.: *Rawlyk G. A.* Op. cit. P. 83–84.

[155] См., напр.: Mémoire du Roy au Gouverneur de Frontenac et à l'intendant Bochart de Champigny. 14 juillet 1690 // Rapport de l'Archiviste de la province de Québec. 1927/1928. P. 34.

[156] *Frégault G.* Iberville le conquérant. P. 144.

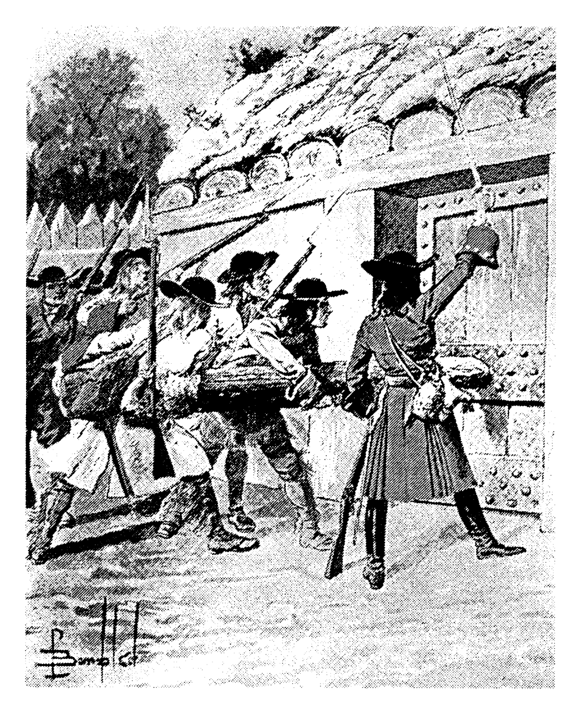

Рис. 14. Взятие французами английского форта на побережье Гудзонова залива

Относительно развития событий на побережье Гудзонова залива в 1691–1692 гг. существуют различные мнения. Некоторые авторы утверждают, что какой-то французский отряд в 1691 г. напал на форт Нельсон, комендант которого, не желая, чтобы имеющаяся там пушнина и товары достались врагу, сам поджег строения форта. После этого французы ретировались, а англичане в 1692 г. заново с большим размахом отстроили факторию.[157] Другие считают, что в 1691–1692 гг. никакого нападения не было, и англичане все это время продолжали удерживать Нельсон.[158]

В любом случае известно, что 15 июня 1692 г. Вильгельм III назначил Джеймса Найта губернатором и комендантом всех фортов на берегах Гудзонова залива и дал ему приказ изгнать оттуда французов.[159] Летом 1692 г. с четырьмя кораблями, снаряженными Компанией Гудзонова залива, Найт отправился в ее владения. Посколь-

[157] См., напр.: Canada and Its Provinces. Vol. I. Toronto, 1913. P. 180–181.

[158] См., напр.: *Potier B.* Le Moyne d'Iberville, Pierre // Dictionnaire biographique du Canada. T. II: 1701–1740. P. 409.

[159] *Rich E. E.* The History of Hudson's Bay Company: In 2 vols. Vol. I. P. 346.

ку зиму 1692–1693 гг. он и его люди провели не в Нельсоне, а на небольшом островке неподалеку от него, можно предположить, что все-таки правы те специалисты, которые считают, что в 1691 г. имело место нападение на этот форт, в результате чего он сильно пострадал (иначе, как объяснить, почему англичане во главе с губернатором зимовали за его пределами в наспех построенных времянках).

В июне 1693 г. Найт отправился к форту Олбани–Сент-Анн, где, по его расчетам, должны были находиться французы, чтобы выбить их оттуда. Однако сражения не получилось, так как этот пост был практически покинут; там находилось лишь несколько лесных бродяг, не оказавших никакого сопротивления. После этого Найт остался в Олбани, очевидно, считая его более привлекательным и удобно расположенным, чем Нельсон, где он оставил своего помощника Бейли.

Тем временем во Франции д'Ибервиль добился у Л. де Поншартрена разрешения на организацию новой экспедиции в район залива. 11 июля 1694 г. д'Ибервиль прибыл в Квебек с двумя кораблями. Погрузив на них 110 канадских ополченцев, он отправился на север. 24 сентября французы осадили форт Нельсон и после трехнедельной осады вынудили его гарнизон сдаться. Перезимовав в захваченном форте, осенью 1695 г. д'Ибервиль вернулся в Ля-Рошель, оставив в Нельсоне–Бурбоне гарнизон под командованием сьёра Ля Форе. Однако англичане продолжали удерживать Олбани–Сент-Анн.

На следующий год обмен ударами был продолжен. На сей раз успех сопутствовал англичанам. В конце августа 1696 г. капитан Уильям Аллен отбил у французов форт Нельсон–Бурбон, захватив 20 тыс. находившихся там бобровых шкурок. В нарушение условий капитуляции Ля Форе и его люди были увезены в Англию, где их четыре месяца держали в тюрьме.

Самые крупные столкновения в этом регионе произошли, когда война уже близилась к концу, и в Европе полным ходом шли мирные переговоры. Летом 1697 г. обе стороны направили в Гудзонов залив значительные силы, надеясь нанести решающий удар по противнику. Компания Гудзонова залива снарядила три военных корабля, которые должны были защитить форт Нельсон и по возможности перехватить суда д'Ибервиля, который к тому времени был уже хорошо известен англичанам. По выражению англо-канадского историка Т. Дж. Маркуиса, «имя этого француза было источником столь великого ужаса для англичан в заливе, как имя Дрейка для испанцев во времена правления Елизаветы».[160]

Сам д'Ибервиль в 1696 — начале 1697 г. провел ряд операций на

[160] Canada and Its Provinces. Vol. I. P. 181.

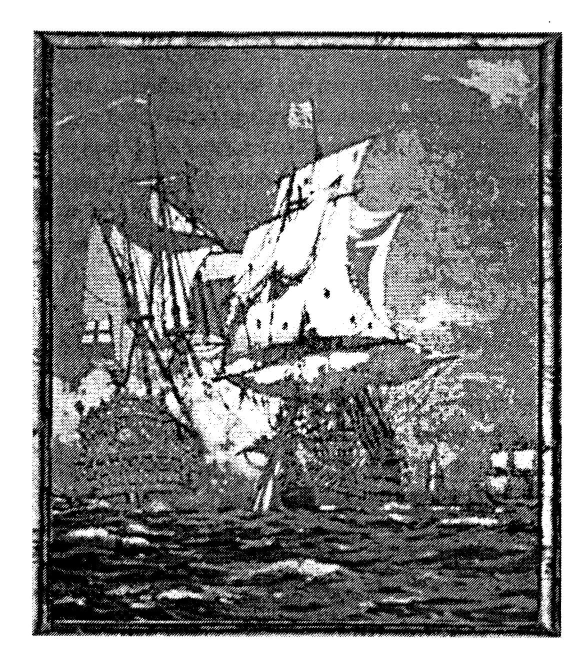

Рис. 15. Бой корабля «Пеликан» с тремя английскими кораблями

Ньюфаундленде, о которых мы расскажем чуть ниже. Первоначально он планировал летом 1697 г. завершить завоевание острова и напасть на те посты, которые еще оставались в руках англичан. Однако в Париже было принято решение нанести удар по английским постам в районе Гудзонова залива и восстановить французский контроль над этим регионом прежде, чем будет подписан мир. В морском министерстве считали, что если англичане будут удерживать форт Нельсон–Бурбон в тот момент, когда кончится война, «нога француза никогда снова не ступит туда и это не так уж и плохо получать лучшую в мире пушнину, или, по крайней мере, лишить ее англичан».[161]

Для этой цели в Северную Америку было отправлено пять разнотипных судов под командованием Ж. Ле Муана де Сериньи, одного из братьев д'Ибервиля. В конце мая он прибыл в Плезанс. Погрузив на корабли отряд ополченцев и индейцев д'Ибервиль, назначенный руководителем всей экспедиции, в июле взял курс на Гудзонов залив. На пути к форту Нельсон в забитом льдом даже летом Гудзоновом проливе французские корабли потеряли друг друга из виду (один из них потерпел крушение). Как раз в это время там проходила англий-

[161] Цит. по: *Eccles W. J.* Canada under Louis XIV, 1663–1701. P. 197.

ская эскадра, также направлявшаяся в залив, которая обстреляла один из французских кораблей. Однако льды не дали противникам сблизиться. Развязка наступила чуть позже.

4 сентября д'Ибервиль на 44-пушечном флагманском корабле «Пеликан» подошел к форту Нельсон. На следующий день на горизонте появилась английская эскадра, состоящая из 52-пушечного «Хемпшира», 36-пушечного «Дэринга» и 32-пушечного «Хадсон Бэя». Д'Ибервиль был вынужден принять неравный бой, в ходе которого, умело маневрируя, ему удалось одержать блестящую победу. Один английский корабль был захвачен, другой потоплен, третий бежал! (рис. 15).

После этого французы начали осаду форта Нельсон, который сдался только 13 сентября. Таким образом, к концу войны французы удерживали ключевой пост в Гудзоновом заливе, хотя небольшой английский гарнизон продолжал оставаться в Олбани. При этом следует отметить, что обе конкурирующие компании, английская и французская, понесли крупные убытки и заметно снизили свою активность.

* * *

Еще одним театром боевых действий в ходе Войны Аугсбургской лиги стал Ньюфаундленд — место богатейших рыбных промыслов, где издавна соседствовали английские и французские рыбаки. Подданные двух держав признавали друг за другом традиционные права на те или иные участки побережья и старались не нарушать неофициальных границ, установившихся много десятилетий назад. Восточное побережье острова было сферой влияния англичан, которые основали там множество крошечных рыболовных станций, крупнейшая из которых находилась в бухте Сент-Джонс.

Французы обосновались на южном побережье острова. Центром их поселений была бухта Плезанс (англичане называли ее Пласеншиа). В 60-е годы XVII в. там был построен одноименный форт, в котором размещался небольшой гарнизон. Последующие два десятилетия были временем наивысшего расцвета французского трескового промысла у берегов Ньюфаундленда. Ежегодно к острову приходило около 300 французских судов (у англичан — не более 80), на которых было занято до 20 тыс. человек.

В ходе Войны Аугсбургской лиги, признавая экономическую и стратегическую важность Ньюфаундленда, английское и французское правительства тем не менее не предпринимали никаких активных действий для укрепления своих позиций на острове. Морское министерство Франции вообще предпочитало решать все проблемы,

связанные с Ньюфаундлендом, с помощью торговцев из западнофранцузских портов. На протяжение семи лет (с 1691 по 1697 г.) Л. де Поншартрен заключал с теми или иными из них соглашения о поставках (за их счет) на остров продовольствия, оружия, боеприпасов и прочих вещей, необходимых для содержания французского гарнизона (включая жалованья для губернатора и офицеров), в обмен на торговые привилегии и возможность использовать для частных целей военные корабли королевского флота.[162] Неудивительно, что в этой ситуации основными участниками борьбы за Ньюфаундленд с обеих сторон наряду с немногочисленными гарнизонами, стали рыбаки и каперы двух стран.

Боевые действия на острове начались в феврале 1690 г., когда английский капер Херман Уильямсон внезапно напал на Плезанс. Промысловый сезон еще не начался, и у побережья не было рыбаков, которые могли бы прийти на помощь французскому гарнизону. В результате форт был разграблен и разрушен. По выражению Шарлевуа, «после этой экспедиции <...> гарнизон и жители Плезанса находились в таком положении, как будто их после кораблекрушения выбросило на пустынный берег».[163] На следующий год в отместку за это нападение французские каперы из Сен-Мало сожгли несколько английских рыболовных станций на восточном побережье острова.

В 1691 — начале 1692 г. французы под руководством нового губернатора Плезанса Ж.-Ф. де Момбетона де Бруйяна восстановили и усилили укрепления форта, который в сентябре 1692 г. снова подвергся нападению. Коммодор Френсис Гиллэм (Уильямс), возвращавшийся из Вест-Индии, попытался изгнать французов из Плезанса. Пять английских кораблей подвергли форт сильной бомбардировке, выпустив по нему до двух тысяч ядер, однако французы не дрогнули. Хотя у них не хватало зарядов и на каждый их выстрел приходилось шесть–семь английских, они смогли серьезно повредить адмиральский корабль нападавших. После этого Гиллэм решил высадить десант и взять Плезанс штурмом, но эта попытка была отбита Бруйяном, несмотря на то что в его распоряжении имелось всего полсотни солдат и 120 ополченцев, присланных капитанами рыболовных судов, которых возглавил находившийся в это время на Ньюфаундленде барон де Ля Онтан, впоследствии прославившийся своими книгами о Новой Франции. Англичане разорили рыболовную станцию в районе Пуант-Верт и удалились. Любопытно, что в это самое время неподалеку от Плезанса в бухте Сидни находилась

---

[162] Об этом см. подробнее: *Pritchard J.* «Le Profit et la Gloire»: The French Navy's Alliance with Private Enterprise in the Defence of Newfoundland, 1691–1697 // Newfoundland Studies. 1999. Vol. XV, No 2. P. 161–175.

[163] *Charlevoix P. F. X., de.* Op. cit. T. II. P. 75.

упоминавшаяся выше эскадра Дигуана дю Пале, однако по какой-то причине она не смогла подойти к французскому форту. По некоторым данным, Дигуан дю Пале в это время пытался атаковать Сент-Джонс, но потерпел неудачу.[164]

В конце лета 1693 г. нападение повторилось. У стен Плезанса появилась многострадальная эскадра Уилера, о визите которой в Массачусетс мы уже рассказывали. 28 августа его корабли начали обстрел форта, однако, в свою очередь, сами попали под перекрестный огонь французов, установивших батареи на разных сторонах бухты. Начавшийся шторм, от которого было негде укрыться, заставил Уилера ретироваться, несмотря на то что в его распоряжении имелись весьма внушительные (по сравнению с Бруйяном) силы. Правда, в отместку на обратном пути он уничтожил рыбачий поселок на острове Сен-Пьер и захватил два французских рыболовных судна.

Со своей стороны Бруйян неоднократно предлагал организовать экспедицию для уничтожения рыболовных станций противника. В 1693 г. он направил Л. де Поншартрену составленный им план нападения с моря на английские поселения на Ньюфаундленде, для чего просил прислать два фрегата.[165] Однако средства, отпускавшиеся на флот, были в тот момент столь сильно урезаны, что министр не мог выделить и этого. В целом, как мы уже отмечали, французский гарнизон на Ньюфаундленде в это время существовал исключительно благодаря каперам, с которыми заключало сделки морское министерство.

В 1694 г. стороны продолжили обмен ударами. Во Франции на деньги герцога де Граммона была организована большая каперская экспедиция (к ней присоединились также баскские и малуинские корсары), целью которой были действия против английских поселений и против английских рыболовных судов, промышлявших треску на ньюфаундлендских отмелях. Однако разношерстной французской эскадре, которой командовал протеже герцога капитан Пьер де Сен-Клер, не удалось добиться сколько-нибудь заметных успехов. Французы решили атаковать хорошо укрепленное английское поселение в Ферриленде, но один из их больших кораблей 36-пушечный «Эгль» сел на мель, и вместо штурма Сен-Клеру пришлось организовывать спасательные работы. Все это время англичане, которых возглавлял капитан Уильям Холман, вели огонь по нападавшим и нанесли их эскадре значительный урон. Д. У. Прауз всячески превозносит заслуги Холмана и утверждает, что его людям удалось захва-

[164] См.: *Baudry R.* Mombeton de Brouillan, Jean-François de // Dictionary of Canadian Biography. Vol. II. P. 479.

[165] См.: Projet pour l'exécution sur les establissements des anglois de l'isle de Terreneuve // Archives des Colonies. Série $C^{11}C$. Régistre I. F. 230–231.

тить два французских корабля,[166] однако большинство исследователей не разделяют его точки зрения.[167]

После этого Сен-Клер попытался напасть на Сент-Джонс, но там вход в гавань преграждали мощные чугунные цепи, прорваться через которые французы не смогли.[168] Вдобавок не все участники экспедиции горели желанием броситься в бой. Команды каперских кораблей были не прочь пограбить плохо вооруженных рыбаков, но отнюдь не горели желанием штурмовать хорошо укрепленный форт. В середине октября эскадра Сен-Клера бесславно отправилась назад, ограничившись захватом нескольких небольших судов. Ситуация на острове практически не изменилась.

Однако французы и в «старой», и в Новой Франции не оставляли надежд завладеть Ньюфаундлендом. Герой Французской Канады Ибервиль начиная с 1692 г. неоднократно предлагал изгнать англичан с острова. Оригинальность его плана состояла в том, что он считал наиболее целесообразным напасть на английские поселения зимой, когда там остается меньше всего людей и не с моря, а с суши, откуда они не ожидают нападения.[169] В то же время Бруйян продолжал отстаивать идею атаки с моря. В конце 1695 г. Поншартрен решил объединить оба этих плана и с помощью малуинских корсаров, канадских ополченцев и гарнизона Плезанса организовать комбинированную атаку на английские поселения. Корабли, которые должны были участвовать в операции, снарядил и снабдил всем необходимым крупнейший судовладелец Сен-Мало Ноэль Даникан сьёр де л'Эспин (или л'Эспин-Даникан). Сухопутные силы должен был привести д'Ибервиль, также обеспечив их за свой счет. За это участникам операции полагалась соответствующая доля добычи и призов, которые предполагалось захватить.

Несмотря на то что инструкции д'Ибервилю и Бруйяну были выданы 31 марта 1696 г., операция началась только в первых числах сентября, когда на Ньюфаундленд, наконец, прибыли корабли из Сен-Мало. Не дожидаясь Ибервиля, который был занят на «Акадийском фронте», Бруйян с каперами и рыбаками дважды пытался атаковать Сент-Джонс с моря, но оба раза был вынужден отступить. Правда, в промежутке между двумя этими атаками французы захватили поселение Бей-Буллз. С точки зрения Бруйяна, главная

[166] *Prowse D. W.* A History of Newfoundland from the English, Colonial and Foreign Records. London, 1896. P. 212.

[167] См., напр.: *Taillemite E.* Saint-Clair Pierre de // Dictionary of Canadian Biography. Vol. II. P. 590; *Pritchard J.* Op. cit. P. 166–167.

[168] См. подробнее: *Janzen O. U.* New Light on the Origins of Fort William at St John's Newfoundland, 1693–1696 // Newfoundland Quarterly. Vol. LXXIII, No 2 (Fall 1987). P. 24–31.

[169] См.: *Frégault G.* Iberville le conquérant. P. 210.

причина неудач заключалась в том, что каперы не хотели рисковать своими судами. В ответ на претензии губернатора командир каперской эскадры заявил, что «эти корабли не принадлежат королю». Бруйян также жаловался, что малуинцы были «храбры, но недисциплинированы», а их начальники «почти всегда больше искали своей собственной выгоды, чем славы короля».[170]

Правда, 1 октября каперы и солдаты совместными усилиями взяли Ферриленд, а затем захватили и разорили поселки Риньюз, Фермез и Экуафорт. Часть находившихся там английских судов смогла ускользнуть, однако некоторые все же попали в руки французов или были уничтожены (среди последних был даже один фрегат королевского флота).

После этого Бруйян, не довольный исходом операции, вернулся в Плезанс. Туда же в середине октября после завершения вышеописанной операции против Пемакида прибыл д'Ибервиль с тремя кораблями и небольшим отрядом солдат и канадских ополченцев. На военном совете д'Ибервиль и Бруйян приняли решение атаковать англичан только с суши. В конце ноября, разрушив по дороге несколько английских селений, французы подошли к Сент-Джонсу. Им навстречу был послан английский отряд, который 28 ноября был разбит. Французы подошли к Сент-Джонсу, захватили укрепления в его предместье, после чего сам форт 30 ноября сдался без боя. Поселение было сожжено, а все его жители отправлены в Англию. Уничтожив еще несколько английских постов в окрестностях Сент-Джонса, Бруйян вернулся в Плезанс.

В то же время д'Ибервиль суровой зимой 1696–1697 гг. с небольшим (124 человека) отрядом канадцев на снегоступах прошел вдоль всего восточного побережья Ньюфаундленда и изгнал англичан почти из всех их станций, самыми крупными из которых были Порт-Грейв, Харбор-Грейс и Олд-Перликен. Как писал современник, «канадцы посеяли панику в сердцах врагов, которые думали, что нападавшие на них должны быть демонами, раз они могут идти на приступ через непроходимые снега».[171] Д'Ибервилю не удалось захватить только остров Карбониар, представлявший собой естественную крепость. Кроме того, в руках англичан осталась станция в Бонависта. В марте 1697 г. д'Ибервиль вернулся в Плезанс, ожидая прибытия подкреплений из Франции, с которыми он надеялся завершить завоевание острова. Однако, как мы знаем, из Парижа пришел приказ атаковать англичан на побережье Гудзонова залива.

---

[170] Brouillan à Pontchartrain. Le 12 octobre 1696 // Archives des Colonies. Série F^3. Régistre LIV. F. 358–359, 360 v.

[171] Цит. по: *Lanctot G.* Op. cit. Vol. II. P. 247.

Зимняя кампания 1696–1697 гг. нанесла огромный урон англичанам. Было сожжено и разрушено 27 рыболовных станций, захвачены десятки судов. Людские потери составили около 200 человек убитыми и как минимум 700 пленными. В то же время она послужила для Лондона тревожным сигналом. Боясь окончательно потерять Ньюфаундленд, англичане стали спешно укреплять свои позиции на острове. В 1697 г. Ньюфаундлендский конвой был усилен дополнительной эскадрой. Командование этими силами было поручено Дж. Норрису (в будущем известному адмиралу), который также должен был доставить на остров отряд полковника Дж. Гибсона. В общей сложности на Ньюфаундленд было направлено до 2 тыс. солдат и моряков. Летом 1697 г. Норрис подошел к разрушенному Сент-Джонсу (французы не оставили в нем никаких гарнизонов) и высадил там людей Гибсона, которые немедленно взялись за восстановление форта.

У французов не было сил воспрепятствовать этому. Своей главной задачей в отношении Ньюфаундленда Л. де Поншартрен считал удержание имеющихся поселений. В инструкциях маркиза де Немона, эскадра которого в это время направлялась к берегам Северной Америки, говорилось лишь о том, что среди прочего он должен обеспечить сохранение Ньюфаундленда, так как «это место представляется <...> весьма важным, поскольку оно обеспечивает <...> очень доходную и очень значительную коммерцию». Де Немон должен был не допустить английского нападения на Плезанс и напасть на вражескую эскадру, если она появится у берегов французских владений.[172]

Однако когда 18 августа французские корабли подошли к гавани Сент-Джонса, там уже находился Норрис. По непонятным причинам оба адмирала воздержались от сражения, и осенью отправились обратно в Европу. Вместе с Норрисом вернулась и значительная часть отряда Гибсона. Правда, в Сент-Джонсе было оставлено 300 человек под командованием майора Т. Хэндесайда, однако до конца войны он не предпринимал никаких активных действий, а после подписания Рисвикского мира бо́льшая часть его людей сразу же была отправлена в Англию.

Таким образом, несмотря на многочисленные попытки, ни одной из сторон не удалось в корне изменить ситуацию на Ньюфаундленде, хотя в целом позиции англичан (в первую очередь английских рыбаков) были существенно ослаблены и, чтобы их восстановить, им потребовалось немало времени.

---

[172]См.: Instructions à Monsieur le Marquis de Nesmond. A Versailles, le 21 avril 1697 // Collection de manuscrits... T. II. P. 263–264.

Последние прожекты

Как мы уже упоминали, на всем протяжении войны и в самой Англии, и в ее колониях продолжали циркулировать идеи о необходимости завоевания Канады, которое рассматривалось как наилучшее средство обеспечения безопасности североамериканских владений Лондона. Так, 12 сентября 1696 г. на заседании Комитета по торговле и колониям обсуждался вопрос «о мерах, подходящих для охранения спокойствия Нью-Йорка от вторжений французов» и делался вывод, что «первая из них — взятие Канады». Далее говорилось, что нападение следует осуществить комбинированной атакой с суши и с моря, предварительно сконцентрировав в Нью-Йорке все силы, необходимые для этой операции. Вместе с тем, рассматривая этот вопрос, Совет постановил, что если «*в колониях* [курсив мой. — *Ю. А.*] возникнет намерение атаковать Канаду», из Англии может быть прислано лишь небольшое количество людей, однако основная часть должна быть взята из колоний, где «один Массачусетс насчитывает 10 тыс. человек, способных носить оружие», и «вместе с Род-Айлендом и Коннектикутом легко сможет выставить полторы тысячи бойцов».[173] Это решение прекрасно иллюстрирует подход английского правительства к боевым действиям в Северной Америке в ходе Войны Аугсбургской лиги. Несмотря на то что на седьмом году войны чиновники метрополии, тем более непосредственно занимающиеся делами колоний, должны были представлять чего можно и чего нельзя от них ожидать, Лондон все равно не считал необходимым предпринимать какие-либо значительные усилия и брать на себя инициативу для того, чтобы нанести решающий удар по противнику и радикально изменить расстановку сил в регионе.

Если английское правительство ограничилось дискуссиями, то в Версале под самый конец войны все же было принято решение осуществить давно задуманный проект и напасть на Бостон и Нью-Йорк, о чем многократно говорили французские колониальные чиновники. В январе 1697 г. помощник Л. де Поншартрена Ж.-Б. де Ланьи, курировавший канадские дела в морском министерстве, разработал план операции, целью которой должны были стать два крупнейших центра английских колоний. В соответствии с этим планом сильная эскадра, состоящая из 11 крупных военных кораблей и 4 вспомогательных судов под командованием маркиза Андре де Немона, должна была отправиться к Ньюфаундленду, чтобы перехватить англий-

[173] Proceedings of Board Respecting New York Memorial. At a Meeting of His Majesty's Commissioners for Trade and Plantations. Whitehall, September 12th 1696 // Documents Relative to the Colonial History of the State of New York. Vol. IV. P. 185.

ские корабли, которые, как ожидалось, могли там появиться летом 1697 г. Затем де Немону предписывалось перейти к устью Пентагоэ, где к этому времени уже должен был находиться Фронтенак с полутора тысячами солдат и ополченцев из Канады. Предполагалось, что там соберется также отряд абенаки. Взяв их на борт, эскадра должна была следовать в Бостон, захватить его, после чего двинуться к Нью-Йорку. Все жители этих мест должны были быть отправлены в Англию.[174]

Операция была тщательно спланирована. При ее разработке де Ланьи использовал сведения, полученные им от офицеров, воевавших в Северной Америке: д'Ибервиля, Водрёя, а также побывавшего в бостонском плену Менваля. Были вычерчены планы городов и побережья Новой Англии, продуманы отдельные детали. В частности, атаку Бостона предполагалось провести с двух сторон: основные силы с артиллерией должны были высадиться в районе Дорчестера, а вспомогательный отряд из индейцев и ополченцев — на Ноддлайленде.[175]

В инструкциях де Немону король подчеркивал значение его действий: «Вы достаточно хорошо понимаете важность этого завоевания <...> Я не хочу, чтобы Вы ограничивались только взятием этой столицы Новой Англии. Мое намерение таково, чтобы Вы проследовали вдоль берега до Пескадуэ [Паскатауэй-харбор. — *Ю. А.*], разрушая все поселения англичан; и чтобы войска высадились и, не подвергая себя слишком большой опасности, на таком расстоянии, как это возможно <...> разрушили все места, через которые они пройдут таким образом, чтобы враг не смог там вновь появиться долгое время».[176] Относительно Нью-Йорка в этом документе говорилось, что в случае удачного исхода экспедиции против Новой Англии, если останется продовольствие и боеприпасы и будет достаточно времени до окончания навигации, следует атаковать Манхеттен. «Вы сослужите мне приятную службу, если сможете осуществить это второе предприятие», — писал Людовик XIV.[177] Главная цель операции была сформулирована королем следующим образом: «Я жду от Вас защиты Ньюфаундленда, сохранения Канады в моем владении и полного разрушения двух вражеских провинций».[178]

---

[174]См.: Mr. de Lagny to M. de Ponchartrain. Plan of an Expedition against Boston and Manhattan, presented to the Minister, Paris 20th January 1697 // Ibid. Vol. IX. P. 659–662.

[175]См.: Mémoire sur l'entreprise de Baston. A Versailles, le 21 avril 1697 // Collection de manuscrits... T. II. P. 268–273.

[176]Instructions à Monsieur le Marquis de Nesmond. A Versailles, le 21 avril 1697 // Ibid. P. 265.

[177]Ibid. P. 266.

[178]Ibid.

21 апреля 1697 г. де Немон получил приказ как можно быстрее выходить в море. В конце мая известие о готовящейся операции и королевские инструкции были получены в Квебеке.[179] Администрация Новой Франции стала спешно готовить экспедиционный корпус, а также приводить в боевую готовность укрепления своей столицы, так как не исключалось и новое нападение англичан. Несмотря на преклонный возраст, Фронтенак решил лично возглавить канадские и французские войска, которые должны были участвовать в походе против Бостона (в соответствии с планом он должен был командовать всеми операциями на суше, а де Немон — на море).

Однако, как это было не раз в истории англо-французского соперничества в Северной Америке, на ход истории повлияла плохая погода. Из-за штормов де Немон добрался до Ньюфаундленда только 24 июля. Там он простоял больше месяца, в надежде перехватить английскую флотилию, возвращающуюся из Гудзонова залива, но к тому времени она уже прошла. 8 сентября де Немон сообщил в Квебек, что теперь слишком поздно предпринимать какие-либо активные действия, и что он возвращается в Европу.[180] Для французов единственный положительный эффект от трансатлантического рейса эскадры де Немона заключался в том, что известия о готовящемся нападении нагнали страху на англичан и облегчили действия д'Ибервиля на побережье Гудзонова залива, о которых мы уже рассказывали.

Глава 3. КОЛОНИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НА МИРНЫХ ПЕРЕГОВОРАХ

Последние столкновения между англичанами и французами в Северной Америке в ходе Войны Аугсбургской лиги происходили в то время, когда в Европе уже полным ходом шли мирные переговоры, на которых обсуждалась в том числе и судьба колониальных владений Лондона и Парижа.

На пути к Рисвикскому миру

Контакты между Францией и членами Великого Союза происходили почти с самого начала войны. Так, еще в 1691 г. Людовик XIV

[179]См.: Mémoire du Roy pour le Gouverneur de Frontenac et l'intendant Bochart de Champgny. A Versailles, le 27 avril 1697 // Rapport de l'Archiviste de la province de Québec. 1928/1929. P. 328–335.

[180]См.: Lettre du Gouverneur de Frontenac au ministre (le 15 octobre 1697) // Ibid. P. 339.

пытался вывести из войны Испанию, а в 1693 г. уже обе стороны стали предпринимать попытки мирного зондажа, причем со стороны антифранцузской коалиции наибольшую заинтересованность в прекращении войны проявили англичане.[181] Вильгельму III мир был необходим прежде всего для укрепления своих позиций внутри страны; Людовика XIV волновала судьба испанского наследства. Контакты между французами и представителями Великого союза шли одновременно по нескольким каналам (через Данию, Венецию, Швецию). Наибольший резонанс имела миссия известного французского дипломата Ж.-А. де Мема графа д'Аво ко двору шведского короля Карла XI.

В мирных предложениях, изложенных д'Аво в Стокгольме, речь шла главным образом о судьбе различных спорных территорий в Европе (Людовик XIV рассчитывал, что уступки, предложенные им некоторым участникам антифранцузской коалиции, будут способствовать ее расколу). Что касается колониальных проблем, то они упоминались лишь в части, посвященной урегулированию споров между Францией и Голландией и между Францией и Англией.

Для отношений Парижа и Лондона самым сложным вопросом было признание прав Вильгельма Оранского на английский престол, чему отчаянно противился Людовик XIV. В остальном он не выдвигал к Англии никаких претензий, кроме возвращения заморских владений, захваченных в ходе войны. «Что касается английских дел, то здесь Его Королевское Величество уязвлено в лице короля Великобритании [имеется в виду Яков II. — *Ю. А.*]; Его Наихристианнейшее Величество не сомневается, что король Швеции и сам Император предложат какой-либо выход, чтобы устранить это разногласие; а сверх того Наихристианнейший Король не имеет к Англии никаких притязаний прямых или косвенных, за исключением того, что он требует возвращения земель и островов в Америке, захваченных у него во время войны», — говорилось в заявлении, сделанном д'Аво.[182] Вильгельма III такая постановка вопроса, естественно, не устраивала, однако Людовик XIV продолжал стоять на своем, надеясь, что разрешение противоречий между Францией и другими членами антифранцузской коалиции заставит англичан согласиться на какой-то компромисс. 5 ноября 1693 г. Аво получил из Версаля очередное письмо, где говорилось: «Не может быть никаких других

[181] См.: *Lagrelle A.* Notes et documents sur la paix de Ryswick. Lille, 1894. P. 4–5.

[182] Mémoire présenté à la Cour de Suède par Monsieur le Comte d'Avaux Ambassadeur de Sa Majesté Très-Chrétienne, contenant des conditions de Paix à l'égard de l'Espagne, Etats Généraux des Provinces-Unies des Pays-Bas, Evêché de Liège &c // Actes et mémoires des négociations de la paix de Ryswick: 2 t. T. I. La Haye, 1707. P. 39–40.

сложностей в скорейшем заключении доброго мира, кроме тех, которые касаются интересов короля Англии [Якова II. — *Ю. А.*] и принца Оранского [Вильгельма III. — *Ю. А.*], и я не сомневаюсь, что, когда будут урегулированы все остальные различия, король Швеции сможет найти необходимое примирение, чтобы помешать этому конфликту нарушать покой всей Европы».[183]

Неудивительно, что в такой ситуации в конце 1693 г. под нажимом Вильгельма III переговоры были прерваны. Здесь мы позволим себе не согласиться с Ф. Г. Дейвенпорт, которая в своих комментариях утверждает, что в этот момент «близко к сердцу англичане принимали два вопроса: признание Принца Оранского королем Англии и благоприятное разрешение колониальных конфликтов».[184] Первый для них был все же гораздо важнее.

В последующие два года контакты между французами и их противниками продолжались. Для отношений Лондона и Парижа наибольшее значение имели секретные переговоры, которые представители Людовика XIV Н.-О. де Арле де Боннёй и Ф. де Кальер (родной брат губернатора Монреаля и будущего губернатора Новой Франции Л.-Э. де Кальера) вели с голландским дипломатом Э. ван Вееде лордом Дикведтом сначала в Маастрихте, а затем в Утрехте.

К 1695 г. Людовик XIV, наконец, согласился на признание Вильгельма. Это вытекало из содержания секретных статей мирного договора, проект которого в июне был передан голландцам Арле де Боннёем и Кальером.[185] По поводу интересующих нас сюжетов в этом документе говорилось следующее: «Вышеназванные господа — полномочные представители в том, что касается Англии, также согласны, что торговля с этим королевством будет восстановлена в том виде, как это было до войны, и что англичане возвратят то, что они захватили на островах и на континенте Америки в течение этой войны согласно перечню, который подпишет каждый из названных полномочных представителей».[186]

В то же время в 1695 г. французские послы в нейтральных странах (д'Аво в Швеции и Бонрепо в Дании) опубликовали «Записку, касающуюся условий мира, предложенных союзникам королем Франции». В ней критиковались непомерные притязания союзни-

[183]Le roi Louis XIV à M. le comte d'Avaux. Le 5 Novembre 1693, à Marly // Négociations de monsieur le comte d'Avaux ambassadeur extraordinaire à la cour de Suède, pendant les années 1693, 1697, 1698, publiées par <...> J. A. Wijnne: 4 t. T. I. Utrecht, 1882. P. 465–466.

[184]European Treaties Bearing on the History of the United States and its Dependencies: In 4 vols / Ed. by F. G. Davenport. Vol. II. Washington, 1917–1937. P. 354.

[185]См.: Les grands traités du règne de Louis XIV: 3 t / Ed. par H. Vast. T. II. Paris, 1893–1899. P. 155.

[186]Цит. по: *Legrelle A.* Op. cit. P. 49.

ков и превозносились «умеренные» условия мира, выдвигавшиеся Королем-Солнце. Там, в частности, говорилось: «Неужели Принц Оранский хочет чего-то еще, кроме как быть королем Англии? И что он может желать, когда Наихристианнейший Король требует лишь возврата того, что Англия захватила у него на островах и континенте Америки, и предлагает восстановить договоры, которые были разрушены этой войной».[187]

Однако контакты были возобновлены только в 1696 г., когда война уже сильно истощила противников, а среди участников антифранцузской коалиции наметился раскол (в июне 1696 г. Савойя заключила сепаратный мир с Францией). Вильгельм, которому якобитский заговор и попытка высадки франко-якобитского десанта показали известную шаткость его положения, был одним из наиболее активных сторонников прекращения войны. Под давлением английского короля активизировались контакты французских дипломатов с голландцами. Через посредничество вышеупомянутого лорда Диквелта и бургомистра Амстердама Я. Борееля Великий пенсионарий Республики Соединенных Провинций А. Хейнсиус смог договориться с Арле де Боннёем и Кальером о созыве мирного конгресса с участием всех воюющих держав, а также Швеции, которая должна была выступить в качестве посредника. В предложенных французами предварительных условиях будущего мира колониальные проблемы не упоминались, однако, по свидетельству современников, уже на этой стадии переговоров начались острые дискуссии о судьбе побережья Гудзонова залива.[188]

9 мая 1697 г. в поместье Вильгельма III в небольшом голландском селении Рисвик (правильнее Рейсвейк), неподалеку от Дельфта собрались представители Англии, Франции, Испании, Швеции и нескольких Германских государств. Интересы Людовика XIV отстаивали уже упоминавшиеся нами Арле де Боннёй и Кальер, а также граф Л. де Вержюс де Креси. Вильгельм III отправил на конгресс графа Пемброка, виконта Вильерса, барона Лексингтона и сэра Дж. Уильямсона.

Между дипломатами (находившимися в разных помещениях и общавшимися друг с другом через шведского посредника) сразу же начались дискуссии как принципиального, так и чисто протокольного характера, грозившие затянуть переговоры на неопределенно долгое время. В этой ситуации Вильгельм III, чтобы ускорить заключение мира, решил установить прямые контакты с французами, от которых он хотел прежде всего добиться признания себя королем Англии и

---

[187] Mémoire touchant les Conditions de Paix, offertes aux Alliez par le Roi de France (1695) // Actes et mémoires des négociations de la paix de Ryswick. T. II. P. 62–63.
[188] См.: European Treaties... Vol. II. P. 355.

прекращения поддержки якобитов. Поскольку Людовик XIV отстаивал идею заключения мира на условиях сохранения status quo ante bellum, то применительно к Англии это означало, что она должна вернуть все захваченные ею форты на побережье Гудзонова залива (операция д'Ибервиля еще только планировалась), отказаться от каких-либо притязаний на Акадию, а также вернуть французам их половину острова Сен-Кристофер, которая была оккупирована англичанами в ходе войны.

В июне состоялось несколько тайных встреч фаворита Вильгельма III Виллема Бентинка графа Портленда с французским главнокомандующим во Фландрии маршалом герцогом Л.-Ф. де Буффлером. В ходе этих встреч, наконец, удалось урегулировать главный спорный вопрос о признании Вильгельма III королем Англии. Это позволило начать подготовку текста англо-французского мирного договора, о чем было сообщено дипломатам двух стран, находящимся в Рисвике.

Первоначальный проект договора был составлен Мэтью Прайором, английским секретным агентом в Гааге, и передан французам 18 июля через барона Лилиероота, шведского представителя и посредника в Рисвике. Он предусматривал прекращение военных действий «во всех без исключения точках земного шара»; ряд его пунктов имел непосредственное отношение к колониям. Так, в статье VII говорилось о том, что обе стороны должны возвратить все территории, захваченные друг у друга во время войны, с оговоркой, что это не касается «тех мест, которые принадлежали <...> королю Великобритании и которые французы захватили во время мира, непосредственно предшествовавшего настоящей войне». Последняя фраза явно касалась побережья Гудзонова залива (а также некоторых владений в Африке), которое англичане не хотели уступать. К колониям также относились положения статьи IV, предусматривающей, что обе стороны берут на себя обязательства предоставить удовлетворение за все несправедливые действия, совершенные по отношению к подданным друг друга до начала войны.[189]

В своем ответе, который они представили 9 августа, дипломаты Людовика XIV высказались против процитированной выше оговорки, содержащейся в статье VII. По поводу притязаний Компании Гудзонова залива они заметили, что англичане в 1696 г. нарушили условия капитуляции форта Нельсон–Бурбон и сами должны возмещать ущерб французскому коменданту. По мнению французской стороны, вопрос о правах на этот форт следовало решить после за-

[189]Projet de Messieurs les Ambassadeurs d'Angleterre pour le Traité de Paix avec la France, présenté au Médiateur le 8/18 Juillet 1697 // Actes et mémoires des négotciations de la paix de Ryswick. T. II. P. 191–192.

ключения мира, передав его либо на арбитраж, либо на рассмотрение комиссии уполномоченных. Кроме того, Арле де Боннёй, Кальер и Вержюс де Креси выдвинули идею заключения отдельного договора, касающегося колоний (по типу соглашения 1686 г.), условия которого также могли бы быть согласованы после заключения мира.[190] Можно предположить, что французы не хотели, чтобы американские проблемы осложняли и без того напряженные переговоры.

Поначалу Вильгельм III настаивал на данной оговорке, хотя и соглашался передать спорные вопросы на рассмотрение уполномоченных, которые после заключения мира должны были собраться для подготовки англо-французского торгового договора. Нежелание отказываться от притязаний на побережье Гудзонова залива не в последнюю очередь было связано с давлением, оказываемым на правительство руководством компании Гудзонова залива.

Кстати, в это же время к лондонским властям обратился вернувшийся из французского плена Джон Нельсон. Он пытался привлечь внимание Вильгельма III и его министров к Новой Шотландии. В поданной им записке Нельсон подробно перечислял все вехи истории этой колонии, рассуждал о правах англичан на эту территорию, которая включена в Хартию Массачусетса и умолял ни в коем случае не отдавать ее французам.[191] Однако этот демарш остался без ответа. Более того, в конце августа Вильгельм III согласился с идеей передачи всех колониальных проблем на рассмотрение комиссии уполномоченных. Английский король торопился заключить мир, так как срок, установленный французской стороной для рассмотрения ее мирных предложений, истекал, а тем временем в Рисвик приходили известия о новых победах армий Людовика XIV на суше и на море. В этой ситуации, как заметил Дж. Б. Уолф, «Вильгельм III нашел для себя легким отказаться от поддержки притязаний Империи на Страсбург, а также согласиться на возвращение всех колониальных завоеваний».[192]

28 августа 1697 г. Вильгельм III писал Портленду: «Что касается Гудзонова залива <...> Вы знаете инструкции, которые я Вам дал <...> это не должно препятствовать заключению мира».[193] В результате к 16 сентября в английский проект была добавлена статья, ко-

[190] См.: *Saint-Léger A. de, Sagnac Ph.* La prépondérance française. Louis XIV (1661–1715). Paris, 1944. P. 377.

[191] Mémoires des Commissaires... T. II. P. 330.

[192] *Wolf J. B.* The Emergence of the Great Powers, 1685–1715. New York, 1951. P. 50.

[193] William III to the Earl of Portland. Dieren, August 28, 1697 // Letters of William III, and Louis XIV, and of Their Ministers; Illustrative of the Domestic and Foreign Policy of England from the Peace of Ryswick to the Accession of Philip V of Spain, 1697 to 1700: In 2 vols / Ed. by P. Grimblot. Vol. I. London, 1848. P. 100.

торая предусматривала назначение после войны специальных уполномоченных, которые должны были разобрать вопрос о Гудзоновом заливе. Французская сторона согласилась с такой формулировкой.

Рисвикский мир и Северная Америка

20 сентября был последовательно заключен мир между Францией и Республикой Соединенных Провинций, Францией и Испанией, Францией и Англией (последний уже в ночь с 20 на 21). По условиям статьи VII англо-французского договора обе стороны должны были возвратить друг другу «все страны, острова, крепости и колонии, в каких бы частях света они ни находились», которыми они владели до объявления войны. Передача должна была произойти в течение 6 месяцев с момента ратификации договора обеими сторонами.

Статья VIII гласила: «Согласовано, что будут назначены с одной и с другой стороны уполномоченные для изучения и оценки обоюдных прав и притязаний, которые каждый из названных сеньоров королей может иметь в тех пунктах и местах на Гудзоновом заливе, которые французы захватили во время последнего мира и которые были снова взяты англичанами в ходе настоящей войны и должны были быть возвращены под власть Его Наихристианнейшего Величества в силу предыдущей статьи; так же как капитуляция, подписанная англичанами с комендантом форта Бурбон во время его последнего взятия, которое имело место 5 сентября 1696 г., будет выполнена в соответствии со своей формой и содержанием; имущество, о котором там упоминается, незамедлительно возвращено, комендант и другие лица, захваченные в упомянутом форте, незамедлительно отпущены на свободу, если этого еще не сделано, и спорные вопросы, которые могли бы возникнуть в ходе выполнения условий упомянутой капитуляции вместе с оценкой той части вышеупомянутого имущества, которая больше не существует, будут рассмотрены и урегулированы вышеупомянутыми уполномоченными, которые также будут наделены полномочиями для ведения переговоров об определении границ и пределов стран, уступаемых или возвращаемых с одной и с другой стороны в соответствии с предшествующей статьей и об обменах, которые могут быть там произведены по обоюдному согласию Его Наихристианнейшего Величества и Его Британского Величества; и с этой целью вышеупомянутые уполномоченные будут назначены с одной и с другой стороны сразу же после ратификации настоящего договора, соберутся в Лондоне через три месяца, считая от дня вышеупомянутой ратификации, и будут должны полностью урегулировать все вышеупомянутые разногласия в течение шести месяцев

со дня их первого заседания, после чего пункты и статьи, по которым они придут к соглашению, будут одобрены вышеупомянутым сеньором Наихристианнейшим Королем и Королем Великобритании, чтобы вступить в силу и быть исполненными так же, как если бы все они содержались в настоящем договоре».[194]

Таким образом, Акадия признавалась французским владением; англичане сохраняли свои посты на Ньюфаундленде. Вопрос о принадлежности Гудзонова залива оставался открытым.

* * *

Оценивая роль Североамериканского театра военных действий в ходе Войны Аугсбургской лиги, М. Сейвелл заявил, что в то время как в Европе военные действия были вялыми и нерешительными и сосредоточились главным образом на границах, «самые серьезные сражения войны имели место в Америке».[195] С нашей точки зрения, американский историк не прав. На основании анализа событий и фактов, рассмотренных и изложенных в данной главе и в четвертом разделе в целом, можно сделать вывод о том, что на всем протяжении войны 1689–1697 гг. и для Англии и для Франции североамериканские колонии были второстепенным театром боевых действий.

В ходе Войны Аугсбургской лиги главными задачами Вильгельма III были защита завоеваний Славной революции, а также его собственных прав на английский престол, обеспечение безопасности Нидерландов и восстановление равновесия сил в Европе, нарушенного (с его точки зрения) чрезмерно усилившейся и выдвигавшей непомерные притязания державой Короля-Солнца. Со своей стороны, Людовик XIV, столкнувшийся почти со всеми крупными европейскими государствами, объединившимися против Франции, стремился удержать завоевания и «присоединения» предшествующих десятилетий, продолжить политику «исправления» французских границ, подготовить почву для благоприятного решения вопроса об испанском наследстве. Непосредственно в отношении Англии политика Версаля строилась на довольно призрачных надеждах вторичной реставрации Стюартов и включения Туманного Альбиона в число своих союзников.[196]

При этом и для англичан, и для французов (а также для других участников войны) основным полем битвы оставалась Европа и

[194] European Treaties... Vol. II. P. 360–365.

[195] *Savelle M.* The Origins of American Diplomacy: The International History of Angloamerica, 1492–1763. New York; London, 1967. P. 112.

[196] См. подробно: *Thomson M. A.* Louis XIV and William III, 1689–1697 // English Historical Review. 1961. Vol. LXXVI, No 298. January. P. 37–59.

прилегающие к ней воды. Франция была окружена плотным кольцом врагов и вела боевые действия одновременно в Нидерландах, на Рейне, в северной Италии и в Испании, т. е. почти по всему периметру своих границ. Англия должна была считаться с угрозой французского или франко-якобитского десанта, которая была вполне реальной, учитывая расстановку сил, имевшую место на море. Черчилль был не прав — поражение при Ла Гуге (1692) отнюдь не было «Трафальгаром XVII в.»[197] и не подорвало морской мощи Франции. Другое дело, что Людовик XIV, на которого продолжали оказывать влияние идеи Лувуа, не использовал имевшиеся у него возможности, стремясь прежде всего уничтожить ненавистных ему «Господ торговцев» из Нидерландов.

Имея в Северной Америке очень незначительные воинские контингенты (400 солдат в Нью-Йорке у англичан и около 1000 — у французов), ни Лондон, ни Париж в течение всей войны не перебрасывали за океан крупных соединений сухопутных сил, ограничиваясь небольшими пополнениями для гарнизонов. По подсчетам У. Дж. Эклза, за 1689–1697 гг. французское правительство прислало в Северную Америку всего 615 солдат.[198] Англичане направили еще меньше. Единственным исключением здесь может считаться малорезультативная и очень краткая экспедиция Норриса–Гибсона на Ньюфаундленд, где было задействовано 2 тыс. чел. Правда, обе державы несколько раз направляли в свои североамериканские колонии достаточно сильные эскадры (Уилера, де Немона, отчасти Уильямсона), однако все равно 85–90% состава военно-морских флотов Англии и Франции было в то время задействовано в европейских водах.

На наш взгляд, применительно к событиям 1689–1697 гг. более важен другой вопрос. Британский историк Д. К. Ричтер заметил: «Когда Англия вступила в Войну Аугсбургской лиги, североамериканский конфликт перешел в англо-французскую имперскую схватку».[199] В той или иной форме эту точку зрения разделяют и другие исследователи, в том числе Х. Пэкхэм, Дж. Ратледж, Г. Луи-Жарэ.[200]

Действительно, после Славной революции Лондон и Париж превратились в непримиримых противников, и последующие сто с лишним лет прошли под знаком англо-французского противоборства, ко-

---

[197] *Churchill W. S.* A History of the English-Speaking Peoples: In 4 vols. Vol. III: The Age of Revolution. London, 1957. P. 14.

[198] *Eccles W. J.* Frontenac: The Courtier Governor. P. 268.

[199] *Richter D. K.* Native Peoples of North America and the Eighteenth-Century British Empire // The Oxford History of British Empire: In 5 vols. Vol. II. Oxford; New York, 1998. P. 354.

[200] См., напр.: *Louis-Jarais G.* L'Empire Français d'Amérique, 1534–1803. Paris, 1938. P. 188–189.

торое развернулось буквально на всех широтах и оказало огромное влияние на развитие не только Старого, но и Нового Света. Однако, несмотря на это, нам все же представляется неправомерным экстраполировать результаты англо-французского соперничества и/или их значимость на его ход, тем более в начальной стадии. В период Войны Аугсбургской лиги Вильгельм III и Людовик XIV сражались отнюдь не за морское и тем более не за колониальное преобладание. Да, мы видели, что обе державы строили грандиозные прожекты захвата заморских владений соперника, однако ни та, ни другая не спешила выделять силы и средства для их претворения в жизнь.

В Лондоне на протяжении всей войны полагали, что английские колонии, население которых к концу XVII в. более чем в 17 (!) раз превосходило население Новой Франции, вполне могут не только самостоятельно позаботиться о своей обороне, но и вести наступательные операции силами колониальной милиции. Версаль помимо колонистов надеялся также на индейцев, рассматривая их одновременно как основную ударную силу, а также как барьер против англичан.

Если колониальная политика Людовика XIV в последние десятилетия XVII в. не претерпела существенных изменений (разве что стала еще более амбициозной и авантюристической и в то же время более хаотичной), то Славная революция повлекла за собой определенные изменения в подходах Туманного Альбиона к заморским сюжетам. Однако они проявились не сразу, и поэтому не следует переоценивать непосредственного воздействия событий 1688 г. на конкретные шаги, предпринимавшиеся или, скорее, не предпринимавшиеся Лондоном на колониальном поприще. Ведь, как справедливо заметил современный британский историк Б. П. Ленман, «Вильгельм III высадился в Англии не для того, чтобы немедленно заняться колониальными проблемами».[201]

В целом в период правления Вильгельма и Марии подход к заморским владениям не претерпел существенных изменений. Управление делами колоний осталось в руках тех же чиновников, что и при Якове II.[202] Более того, активное вовлечение Англии в европейские дела, и прежде всего в борьбу с Людовиком XIV, в определенной степени отвлекло внимание правительства от колониальных проблем. Поэтому можно сказать, что Славная революция явилась, скорее, необходимым предварительным условием будущего взлета Британской империи, но должны были пройти десятилетия, прежде чем это условие смогло реализоваться.

---

[201] *Lenman B. P.* Colonial Wars and Imperial Instability, 1688–1793 // The Oxford History of British Empire. Vol. II. P. 152.

[202] См.: *Sosin J. M.* English America and Imperial Inconstancy: The Rise of Provincial Autonomy, 1696–1715. Lincoln; London, 1985. P. 6, 20.

Разрыв, произошедший между Лондоном и Парижем в 1689 г., вряд ли воспринимался современниками как начало «Второй Столетней войны». Ведь до этого в течение длительного периода отношения между Англией и Францией развивались в достаточно мирном русле. Несмотря на конфессиональные и политические различия, обе державы не раз совместно выступали как против католической монархии Габсбургов, так и против протестантской Республики Соединенных Провинций. Должно было пройти несколько десятилетий для того, чтобы неоднородный английский правящий класс увидел во французах главных соперников и конкурентов в различных сферах и областях (в том числе в колониальной) и осознал, что именно Франция, а не Голландия или Испания, выражаясь словами Дж. Блэка, является «естественным и необходимым» врагом Англии. То же самое, даже еще в большей степени относится к французам, которые долгое время вообще не могли понять, почему именно они вызывают такую ненависть по другую сторону Ла-Манша, и считали, что это связано с некими «природными свойствами» жителей Туманного Альбиона.[203]

На наш взгляд, оценивая значение боевых действий в колониях в период Войны Аугсбургской лиги, многие авторы смешивают понятия «имперский» и «тотальный». Война 1689–1697 гг. между Англией и Францией была тотальной войной в том смысле, что она затронула не только территории противоборствующих держав и прилегающие к ним воды, но и их заморские владения. При этом вряд ли можно полностью согласиться с мнением французского специалиста по истории международных отношений Г. Зеллера, утверждавшего, что идея ведения «тотальной войны» принадлежала правительству Вильгельма и Марии.[204] Людовик XIV и его министры также не стремились изолировать североамериканские колонии от участия в войне, и ответственность за несоблюдение условий Договора об американском нейтралитете 1686 г. лежит на обеих сторонах. На наш взгляд, со стороны французов эта война была даже «более тотальной», чем со стороны англичан. Это было связано прежде всего с тем, что Новая Франция была гораздо более послушным орудием в руках Версаля, чем английские колонии в руках Лондона. В то же время последние, обладавшие гораздо большей степенью самостоятельности и вынашивающие собственные экспансионистские интересы, в ходе войны получили прекрасную возможность их реализовать.

Однако своими силами английские колонии не смогли радикально изменить ситуацию на Североамериканском континенте. Это бы-

---

[203] См.: *Frégault G.* La Guerre de la Conquête. Montréal; Paris, 1955. P. 18.

[204] *Zeller G.* Histoire des relations internationales. T. III: Les temps modernes. Pt 2: De Louis XIV à 1789. Paris, 1955. P. 74.

ло вызвано рядом причин как объективного, так и субъективного свойства, которые мы отметили выше. В свою очередь, провал квебекской экспедиции 1690 г. и последующие события привели к тому, что среди правящих кругов даже наиболее сильных и агрессивно настроенных колоний укоренилось убеждение, что завоевание Канады и изгнание французов из Северной Америки невозможно без решающей поддержки со стороны метрополии и объединения сил всех владений Лондона на континенте.

Однако мы также видели, что в то время еще далеко не вся Английская Америка считала взятие Квебека и борьбу с Новой Францией жизненной необходимостью. Одни английские колонии вообще не участвовали в конфликте, другие заботились только об обороне своих границ, и лишь в Нью-Йорке и Массачусетсе определенные слои были заинтересованы в наступательных действиях. В то же время именно этот антифранцузский настрой, имевшийся у части англо-американцев, совпав с антифранцузской политикой Лондона, придал колониальному конфликту определенный «имперский характер» или «имперское измерение». Однако, по нашему мнению, Войну Аугсбургской лиги следует считать скорее подготовительной фазой англо-французского имперского конфликта в Северной Америке. Конечно на рубеже 1680–1690-х годов ситуация в Старом и Новом Свете существенно изменилась по сравнению с той, которую мы наблюдали на протяжении большей части XVII столетия. Но совпадение векторов внешнеполитических интересов Лондона и его колоний отнюдь не означало их слияния или хотя бы взаимодействия. Для этого потребовались многие десятилетия, и в этом смысле лишь Семилетнюю войну можно считать полностью «имперским конфликтом». Пока же колонии обменивались ударами и наносили друг другу ущерб, не зная, насколько оправданными окажутся их жертвы и усилия, так как исход войны решался в Европе. В то же время не подлежит сомнению и то, что результат боевых действий на североамериканских фронтах все же оказал определенное влияние на решения, принятые в Старом Свете, но касающиеся судеб Нового Света. Иначе говоря, взаимосвязь конфликта в Европе и конфликта в Северной Америке несомненно была, хотя отнюдь не жесткая и не линейная.

Несмотря на то что в ходе войны на суше французы добились заметных успехов, а на море военные действия завершились вничью, Людовик XIV пошел на определенные уступки своим противникам, стремясь не только быстрее добиться мира, но и расколоть противостоящую ему коалицию. И то и другое было необходимо стареющему Королю-Солнцу, для того чтобы в максимально благоприятном для себя ключе решить становящийся все более остро вопрос об испан-

ском наследстве. Этим же объясняется его согласие на восстановление status quo в колониях и создание Комиссии уполномоченных, несмотря на то что к концу войны французы удерживали большинство спорных районов.

Историки до сих пор ведут дискуссии о том, кто больше выиграл в результате Войны Аугсбургской лиги и Рисвикского мира.[205] Вряд ли можно говорить о поражении Людовика XIV, доказавшего, что Франция в одиночку может противостоять всей Европе. Однако, несмотря на ряд выигранных сражений, общей победы Король-Солнце все же не одержал. Антифранцузская же коалиция ценой огромных усилий добилась лишь восстановления «равновесия сил».

Но, на наш взгляд, нельзя утверждать, что Рисвикский договор мог дать Европе лишь краткую передышку перед новой войной. Наоборот, многие ведущие державы надеялись на долгий период мира и среди них были измученная многочисленными войнами Франция и переживающая непростой период становления новой политической системы Англия (не случайно после Рисвикского мира между Людовиком XIV и Вильгельмом III наметилось сближение, хотя и оказавшееся непродолжительным).

В Северной Америке в ходе войны 1689–1697 гг. ни одной из сторон не удалось сколько-нибудь существенно изменить ситуацию. Договор, заключенный в Рисвике, также не разрешил всех проблем, относящихся к англо-французским отношениям в колониях. По-прежнему оставались открытыми вопросы о границах между Канадой и Нью-Йорком, Акадией и Массачусетсом, о подданстве Союза пяти племен, о принадлежности побережья Гудзонова залива. Не добившись своих целей силой оружия, метрополии и их колонии попытались взять реванш за столом переговоров различного уровня, происходивших в Старом и Новом Свете после подписания общего мира. Кроме того, дальнейшее развитие английской и французской экспансии в глубь континента привело к появлению на рубеже веков новых точек соприкосновения, новых очагов конфликта. В результате в течение нескольких лет, отделяющих Войну Аугсбургской лиги от Войны за испанское наследство, интересующий нас регион продолжал оставаться одновременно и ареной и объектом напряженной борьбы между англичанами и французами. Как отметил известный британский историк Х. Э. Эгертон, «с точки зрения колониальной политики, Война Аугсбургской лиги имела значение всего лишь как пролог к драме, которая последовала за ней».[206]

---

[205] Ср., напр.: *Thomson M. A.* Op. cit.; *Wolf J. B.* Op. cit.

[206] *Egerton H. E.* A Short History of British Colonial Policy: 7th ed. London, 1924. P. 115.

Раздел V

Переговоры и конфликты в мирное время (1697–1702 гг.)

Глава 1. «ИНДЕЙСКИЙ ВОПРОС» В АНГЛО-ФРАНЦУЗСКИХ ОТНОШЕНИЯХ НА РУБЕЖЕ XVII–XVIII вв.

В ходе войны 1689–1697 гг. ни одной из сторон не удалось сколько-нибудь существенно изменить ситуацию в Северной Америке. Договор, заключенный в Рисвике, также не разрешил всех проблем, относящихся к англо-французским отношениям в колониях. По-прежнему оставались открытыми вопросы о границах между Канадой и Нью-Йорком, Акадией и Массачусетсом, о подданстве Союза пяти племен, о принадлежности побережья Гудзонова залива. Не добившись своих целей силой оружия, метрополии и их колонии попытались взять реванш за столом переговоров различного уровня, происходивших в Старом и Новом Свете после подписания общего мира. Кроме того, дальнейшее развитие английской и французской экспансии в глубь континента привело к появлению на рубеже веков новых точек соприкосновения, новых очагов конфликта.

Окончание войны между англичанами и французами отнюдь не означало автоматического прекращения боевых действий со стороны их многочисленных индейских союзников. Заключение мира с аборигенами было связано с многочисленными трудностями и конфликтами.

Неравносторонний треугольник: Нью-Йорк — Новая Франция — Лига ирокезов

Имеющий солидную историю вопрос о статусе и о внешнеполитической ориентации Союза пяти племен традиционно представлял наибольший интерес для Канады и Нью-Йорка. В то же время в последние десятилетия XVII в. его значение все больше осознавали в Лондоне и Париже, а также в колониях Новой Англии.

Война с французами и союзными им племенами нанесла огромный урон Лиге ирокезов. Ее военная мощь была существенно ослаблена. Если по оценкам современников в 1689 г. Союз пяти племен мог выставить в общей сложности до 2800 воинов, то к концу XVII в. — лишь около 1300.[1] В результате прямых военных потерь, а также голода, эпидемий и т. п. за короткий период численность ирокезов сократилась более чем в два раза, несмотря на то что их семьи пополнялись за счет усыновления пленных. Особенно сильно пострадали племена онейда и мохоук.[2]

После окончания «большой» войны между англичанами и французами Союз пяти племен продолжал вести войну на западе с коалицией оджибва, оттава, гуронов и потоватоми, которые в 1698–1699 гг. нанесли ирокезам ряд поражений и вынудили уступить часть их охотничьих угодий. Кроме того, Лига враждовала с рядом других племен, находившихся в орбите французского влияния (иллинойсами, майами и др.). Справедливости ради надо отметить, что далеко не все эти конфликты были вызваны подстрекательством бледнолицых или являлись следствием их территориальной экспансии. Истоки вражды между некоторыми племенами восходят еще к доконтактной эпохе. Другое дело, что европейское оружие, пришедшее на смену лукам и стрелам, сделало межплеменные войны гораздо более кровопролитными и губительными для их участников.

Еще в 1696 г. после похода Фронтенака часть ирокезов пыталась вступить в переговоры с французами. Однако эта попытка ни к чему не привела, так как Союз пяти племен настаивал на том, что он заключит мир с французами и будет продолжать вести войну против их индейских союзников; кроме того, ирокезы продолжали удерживать захваченных ими пленных. Со своей стороны, Фронтенак занял жесткую позицию и заявил ирокезским послам: «Скажите вождям, что если они останутся дома и будут поднимать шум по пустякам, я сделаю так, что они возопят еще больше. Пусть они приведут ко мне всех пленных, французов и индейцев, и заключат договор, в котором примут участие все мои дети, иначе они [ирокезы. — *Ю. А.*] снова узнают силу моего томагавка».[3]

---

[1] Number of the Inhabitants of the City and Country of Albany and of the Five Nations of Indians and River Indians. 19th April 1698 // Documents Relative to the Colonial History of the State of New York: In 15 vols / Ed. by E. B. O'Callaghan and B. Fernow. Vol. IV. Albany, 1853–1887. P. 337–338.

[2] *Jennings F.* The Ambiguous Iroquois Empire: The Covenant Chain Confederation of Indian Tribes with English Colonies from its Beginnings to the Lancaster Treaty of 1744. New York; London, 1984. P. 206.

[3] Цит по: *Parkman F.* France and England in North America: In 2 Vols. Vol. 2. New York, 1983. P. 303.

В то же время англичане продолжали проводить по отношению к Лиге свою традиционную подстрекательскую политику. Осенью 1697 г. власти Олбани сообщали Флетчеру: «Мы полагаем, что следует вложить в головы этих индейцев [ирокезов. — *Ю. А.*] такие понятия, которые позволят сохранить их горячими в войне, благодаря чему Канада будет в тревоге из-за их замыслов этой зимой».[4]

В апреле 1698 г. в Нью-Йорк, наконец, прибыл новый губернатор этой колонии граф Белломонт, который также должен был возглавить администрацию Массачусетса и Нью-Гемпшира. На время войны Белломонт назначался также верховным главнокомандующим милицией Коннектикута, Род-Айленда, Западного и Восточного Джерси.[5] Впрочем, реализовать последние полномочия он не успел. Вскоре после его приезда в колонии пришло известие о заключении мира.

В связи с этим в конце мая 1698 г. Белломонт направил в Квебек бывшего мэра Олбани Петера Скайлера и голландского пастора Годфри Деллиуса. Они привезли с собой всех французских пленных, находившихся в Нью-Йорке, и передали Фронтенаку копию мирного договора, а также письмо Белломонта. В этом письме содержалась просьба отпустить «всех подданных короля: и христиан и индейцев», остававшихся во французском плену, а также обещание, что ирокезам, которые являются «подданными британской короны», будет приказано доставить в Нью-Йорк всех пленных французов, которые затем будут отправлены в Канаду.[6] Кроме того, Скайлеру и Деллиусу было поручено обсудить перспективы восстановления свободной торговли между английскими и французскими колониями, а также добиться того, чтобы Фронтенак заставил своих индейских союзников прекратить войну с ирокезами.[7]

Заявление о том, что ирокезы являются подданными английской Короны, естественно вызвало протест Фронтенака. Он объявил Скайлеру и Деллиусу, что он отпустит всех англичан, «но что касается индейцев, он не может принять решение освободить их, до тех пор пока представители Пяти наций не придут заключать свой мир, в соответствии с тем обещанием, которое они дали ему через своих представителей». Кроме того, Фронтенак заметил, что ирокезы

---

[4]Messrs. Schuyler, Dellius and Wessels to Governor Fletcher (N. Albany, 28th September 1697) // Documents Relative to the Colonial History of the State of New York. Vol. IV. P. 295.

[5]См.: Commission for the Earl of Bellomont (18 June 1697) // Ibid. P. 266.

[6]Earl of Bellomont to Count de Frontenac. New York. 22nd April 1698 // Ibid. 338–339.

[7]См.: Instructions to Coll. Peter Schuyler One of the Members of His Majesty Council and Mr Dellius Minister at Albany to be Observed by Them in Their Negotiations with the Count Frontenac Governor General of Canada // Ibid. P. 340–341.

«всегда находились под французским управлением», что в течение сорока лет и даже дольше в их стране находились французские миссионеры и гарнизоны, что индейцы зовут его своим отцом, что англичане совсем недолго владеют этой страной, и что в тексте мирного договора нет никакого упоминания об индейцах.[8]

На это представители Нью-Йорка возразили: «...англичане всегда мирно пользовались правами над Пятью Нациями, а миссионеры были терпимы англичанами просто в силу снисходительности; и что касается гарнизонов, мы [англичане. — *Ю. А.*] полагали, что это были лишь служители миссионеров, защищавшие их от возможных нападений со стороны индейцев <...> что касается владения, то оно не было долгим в руках англичан, но раньше оно принадлежало голландцам, которые передали его англичанам со всеми своими правами и привилегиями и невозможно отрицать того, что Пять наций находились в зависимости от голландцев <...> что касается упоминания о них [ирокезах. — *Ю. А.*] в статьях мирного договора, мы полагаем, что в этом не было необходимости, поскольку они являлись подданными короля Англии; иначе все подданные каждого государя должны были бы быть упомянуты <...> что касается слова *отец*, прилагаемого к графу де Фронтенаку, то это лишь комплимент, которому они [ирокезы. — *Ю. А.*] научились у иезуитов».[9]

Фронтенак сказал, что при такой постановке вопроса они с Белломонтом никогда не придут к соглашению и что лучше всего передать этот вопрос на рассмотрение монархов. По поводу ирокезов губернатор Новой Франции добавил, что «если они не придут к нему заключать мир, он знает дорогу в их страну, он пойдет и принудит их сделать это».[10]

В таком же духе было выдержано ответное послание Фронтенака к Белломонту, где говорилось следующее: «Я не могу понять, как вы могли дать инструкции этим господам [Скайлеру и Деллиусу. — *Ю. А.*] просить освободить ирокезов, которых мы держим у себя, обещая возвратить мне всех французов, которых удерживают они». Фронтенак резко заявил, что ирокезы должны заключить с ним мир сами, а Белломонту «бесполезно <...> утруждать себя вмешательством в это дело, так как это дети, ослушавшиеся своего отца, которые непрерывно в течение долгого периода были подданными королевского владения [т. е. Новой Франции. — *Ю. А.*], даже до того как англичане взяли Нью-Йорк и голландцев <...> миссии, которые мы имеем среди них более 40 лет, гарнизоны, которые мы

---

[8]Report of Messrs. Schuyler and Dellius' Negotiations in Canada. New York, 2nd July 1698 // Ibid. P. 349.

[9]Ibid. P. 348–349.

[10]Ibid. P. 350.

держим в их деревнях, их дети, которых они отдают нам <...> и многие другие обстоятельства являются самыми достоверными доказательствами, что они всегда были под защитой короля. Я имею столь точные приказы на сей счет, что не могу преступить их, до тех пор пока не получу новых инструкций, и до тех пор пока короли, наши господа, сами или через своих уполномоченных <...> не придут к соглашению касательно сложностей, которые имеются здесь».[11]

Позиция, занятая Фронтенаком объясняется достаточно просто. В 1696 г. он нанес ирокезам сильный удар и хотел воспользоваться результатами своей победы. Предупреждения и угрозы Белломонта он, видимо, не считал серьезными. Ведь англичане, которые во время войны боролись руками ирокезов с французами и при этом постоянно заверяли племена Лиги в своей дружбе, не помогли своим союзникам — партнерам и «братьям» по Договорной цепи, когда Фронтенак обрушил на их поселения всю мощь Новой Франции! Вряд ли англичане стали бы воевать ради Союза пяти племен после заключения мира.

В итоге Скайлер и Деллиус добились лишь освобождения пленных англичан, находившихся в Новой Франции (при этом некоторые пленные категорически отказались возвращаться и заявили, что они останутся с французами). Фронтенак также пообещал посланцам Белломонта, что индейские союзники Новой Франции прекратят всякие враждебные действия против всех английских колоний.

Во время своего пребывания в Квебеке Скайлер установил контакты с заправилами французского пушного бизнеса, с которыми он договорился о поставках мехов в Олбани в обмен на английские товары.[12] Так было положено начало торговым связям Монреаля и Олбани, которые в дальнейшем оказали весьма существенное влияние на позицию, занятую администрацией Нью-Йорка на начальном этапе Войны за испанское наследство.

13 августа 1698 г. Белломонт написал Фронтенаку новое письмо, где сообщал, что он встречался с ирокезами, которые заверили его в том, что они остаются под английским покровительством и жаловались на враждебные действия союзных французам индейцев. Английский губернатор с издевкой заявил: «Пять наций индейцев всегда считались подданными английской короны, что может быть продемонстрировано всему миру вескими и достоверными доказательствами, которые, как видно из вашего письма от 8 августа с. г., мне было бы совершенно бесполезно приводить, поскольку в этом письме вы ясно говорите мне, что имеете столь точные приказы о

[11]Count Frontenac to the Earl of Bellomont. Quebec, June 8, 1698 // Ibid. P. 343.

[12]Schuyler Peter // American National Biography: In 24 vols. Vol. 19. New York, 1999. P. 461.

подчинении Пяти наций индейцев, что не можете преступить их, пока не получите других». Белломонт высказывал свое удивление по поводу намерения французов продолжать войну, когда уже заключен мир, и уверял, что он хранит интересы своего короля глубоко в сердце и не позволит «подвергать его народ малейшим обидам». Губернатор Нью-Йорка также обвинил Фронтенака ни мало ни много в развязывании Войны Аугсбургской лиги, заявив следующее: «Поступки и враждебные действия ваших людей по отношению к нашим индейцам перед последней войной были *главной причиной* [курсив мой. — *Ю. А.*] того, что король объявил войну Франции». В заключение Белломонт объявил, что готов ответить «силой на силу», и что он снабдил ирокезов оружием, дабы они были в состоянии защитить себя, и пообещал оказать им помощь в любое время.[13]

Спустя несколько дней, узнав от своих агентов, что французы угрожали ирокезам новым нападением в случае, если они не придут заключать мир, Белломонт составил новое, гораздо более резкое послание, где заявил, что он отдаст приказ своему помощнику отправиться к индейцам с отрядом королевских войск, чтобы противостоять возможным враждебным действиям французов. Кроме того, английский губернатор объявил Фронтенаку: «Я вооружу каждого человека в провинциях, которые находятся под моим управлением, чтобы дать вам отпор и ответить на урон, который вы нанесете нашим индейцам».[14]

В тот же день Белломонт действительно дал приказ капитану Джону Ненфену оказать в случае необходимости поддержку ирокезам силами его роты и милиции Олбани и Скенектади.[15]

Однако резкость Белломонта не произвела большого впечатления на губернатора Новой Франции. В конце лета 1698 г. Фронтенак наконец получил известие о заключении мира из Версаля. В статье VIII Рисвикского договора говорилось о назначении уполномоченных для решения спорных вопросов, относящихся к колониям, и Фронтенак использовал это, чтобы охладить пыл английского губернатора: «Мне кажется, милостивый государь, что, прежде чем разговаривать со мной в таком тоне, как Вы делаете в ваших последних письмах от 13 и 22 августа, которые я только что получил <...> Вам следует подождать решения этих уполномоченных и не думать о прекращении дела уже начатого». В то же время Фронтенак подчеркнул, что вопрос о мире с Союзом пяти племен — «это дело, ко-

[13] Earl of Bellomont to Count Frontenac. New York, August 13, 1698 // Documents Relative to the Colonial History of the State of New York. Vol. IV. P. 367–368.

[14] Earl of Bellomont to Count Frontenac. New York, August 22, 1698 // Ibid. P. 369.

[15] См.: Instructions to Captain John Nanfan (Fort William Henry, August 22, 1698) // Ibid. P. 369–370.

торое надо рассматривать отдельно от договоров о мире и дружбе, недавно заключенных королями нашими государями», так как помимо прочего ирокезы обещали заключить мир с Новой Францией еще до окончания войны между англичанами и французами. Он также парировал заявления Белломонта, отметив: «Я достаточно хорошо информирован о чувствах ирокезов и знаю, что ни одна из Пяти наций <...> не желает находиться под господством Англии». В заключение престарелый губернатор Новой Франции гордо заявил: «Я полон решимости неуклонно продолжать мой курс, и прошу Вас не пытаться пресечь это, что в Вашем случае обернется бесполезными усилиями, и вся защита и помощь, которую, как Вы объявили мне, Вы уже предоставили и будете продолжать предоставлять ирокезам в нарушение условий мирного договора, не станет для меня причиной большой тревоги, не заставит меня изменить мои планы, но, напротив, будет побуждать меня исполнять их с большим рвением <...> а Вы будете ответственны перед Небом и Вашим королем, так как Вы будете единственным виновником кровопролития, которое последует».[16]

Посланцу Белломонта капитану Джону (Йоханнесу) Скайлеру Фронтенак заметил, что ирокезы называют его отцом, в то время как англичан они называют братьями, что лишний раз свидетельствует о том, что они признают французский суверенитет.

Перед тем как Дж. Скайлер отправился обратно в Нью-Йорк, Фронтенак пригласил его принять участие в торжествах, организованных им по случаю заключения мира в Европе. Во время пиршества губернатор Новой Франции провозгласил тосты за здоровье короля Вильгельма и графа Белломонта, а Скайлер — за здоровье Людовика XIV и Фронтенака.[17] Очевидно, таким образом, губернатор Новой Франции хотел лишний раз дать понять англичанам, что конфликт с ирокезами — это его внутреннее дело, которое не должно влиять на англо-французские отношения.

В результате вокруг ирокезов сложилась достаточно сложная ситуация. Администрация Нью-Йорка всеми силами пыталась удержать их от прямых контактов с французами. Эмиссары Белломонта провели множество встреч с вождями и сахемами Лиги, убеждая их самостоятельно не заключать мира с Новой Францией. Так, представители магистрата Олбани заявили ирокезам: «Мы теперь просим вас, чтобы вы ни прямо, ни косвенно не посылали и не принимали никаких посланцев из Канады, до тех пор пока вы не придете в Ол-

[16] Count Frontenac to the Earl of Bellomont. Quebec, September 21, 1698 // Ibid. Vol. IV. P. 402–403.

[17] См.: Captain John Schuyler's Report of His Journey to Canada, 1698 // Ibid. P. 404–406.

бани и не посоветуетесь с губернатором, что будет способствовать вашему общему благу».[18] Англичане убеждали индейцев, опасавшихся нового нападения французов, что «Великий король» защитит их, а в случае необходимости предоставит их семьям убежище в английских владениях.[19]

Сам Белломонт писал в Лондон, что англичане обязаны поддерживать Союз пяти племен, «иначе эта провинция [Нью-Йорк. — *Ю. А.*] будет находиться в великой опасности <...> если разгорится война», и что он «всеми силами постарается сохранить преданность этих индейцев и не допустить того, чтобы они были совращены французскими посулами или угрозами».[20]

Власти Новой Франции также отстаивали свою точку зрения. Фронтенак в очередном донесении в Версаль назвал претензии Белломонта «химерическими» и утверждал, что «можно надеяться, что ирокезы придут заключать с нами мир <...> хотя это дело еще совсем не закончено».[21]

Безусловно, многое зависело от позиции правительств обеих метрополий, которые в тот момент не были заинтересованы в раздувании конфликта. В октябре 1698 г. недавние противники заключили договор о разделе испанских владений после смерти Карла II Страдальца. В Лондоне и в Париже надеялись, что все проблемы, относящиеся к колониям, будут рассмотрены Комиссией уполномоченных, которая должна была начать свои заседания в 1699 г., и не хотели из-за каких-то племен нарушать хрупкое согласие, установившееся между державами. При этом и английское, и французское правительства полагали, что раз в Рисвике был заключен мир на условиях восстановления status quo, а, кроме того, Людовик XIV признал Вильгельма III законным королем Англии, то в колониях должен действовать договор о нейтралитете 1686 г., который был нарушен, но не был аннулирован.

Весной 1699 г. перед началом работы комиссии (которую мы рассмотрим в главе 3) между английским и французским правительством была достигнута договоренность о том, что, пока в Лондоне будут идти заседания уполномоченных, подданные обеих держав в Америке прекратят всякие враждебные действия по отношению друг к другу, будут удерживать индейцев от нарушения мира, а в слу-

[18] Answer to the Four Nations of Indians Made by the Magistrates of Albany the 16th day of May 1698 // Ibid. Vol. IV. P. 342.

[19] См., напр.: Earl of Bellomont to the Lords of Trade (New York, September 16, 1698) // Ibid. P. 366.

[20] Earl of Bellomont to the Lords of Trade (New York, July 1, 1698) // Ibid. P. 333.

[21] Lettre du Gouverneur de Frontanac au Ministre (le 10 octobre 1698) // Rapport de l'Archiviste de la Province de Québec. 1928/1929. P. 364.

чае необходимости даже объединят свои силы для их усмирения и разоружения. Лондон и Париж обменялись копиями инструкций, которые они дали губернаторам Нью-Йорка и Новой Франции (эти копии были также отправлены в колонии).[22]

Белломонту еще в начале 1699 г. было сообщено, что королю известно обо всех событиях, произошедших в колониях летом и осенью 1698 г., и что «все эти дела будут должным образом рассмотрены, когда прибудут французские уполномоченные для переговоров о границах территорий в Америке».[23] Соответственно администрация Нью-Йорка пока должна была воздерживаться от каких-либо резких действий по отношению к французам. В соответствии с вышеуказанными договоренностями 2 апреля 1699 г. Вильгельм III приказал Белломонту не только поддерживать мир с французами, но и в случае необходимости объединиться с ними для того, чтобы установить спокойствие среди ирокезов.[24]

В свою очередь, Людовик XIV направил 25 марта 1699 г. в Канаду письмо, где сообщалось о назначении уполномоченных и говорилось, что в случае если в колониях происходили столкновения с англичанами, то кто бы ни взял верх, следует оставить все в том состоянии, которое имело место в начале августа 1698 г. Губернатору Новой Франции предписывалось совместно с Белломонтом разоружить ирокезов и привести их к миру. К письму также была приложена копия вышеупомянутого послания Вильгельма.[25]

Это письмо было адресовано графу де Фронтенаку. В Версале еще не знали, что 28 ноября 1698 г. губернатор Новой Франции скончался в возрасте 76 лет, почти 19 из которых (в общей сложности) он возглавлял французскую колонию в Канаде. Известие о его смерти пришло в метрополию только в апреле 1699 г. На место Фронтенака был назначен Л.-Э. де Кальер, долгое время занимавший пост губернатора Монреаля. Ему также было приказано «прекратить всякие враждебные действия между племенами, которые происходят из-за ирокезов, и объединить силы Новой Франции и Новой Англии, чтобы принудить этих дикарей жить в мире и обеспечить его другим племенам, нашим союзникам». В то же время король заметил, что

---

[22] См., напр.: Journal of Council of Trade and Plantations. March 3, 1699 // Calendar of State Papers. Colonial Series. Vol. XVII: America and West Indies, 1699. Also Addenda 1621–1698. London, 1908. P. 85. No. 139; Council of Trade and Plantations to Mr. Secretary Vernon. March 3, 1699 // Ibid. P. 87. No. 146.

[23] Lords of Trade to the Earl of Bellomont (Whitehall, January the 5th 1698/99) // Documents Relative to the Colonial History of the State of New York. Vol. IV. P. 452–453.

[24] *Parkman F.* Op. cit. Vol. 2. P. 316.

[25] Lettre du Roi au Gouverneur de Frontanac (A Versailles, le 25 mars 1699) // Rapport de l'Archiviste de la Province de Québec. 1928/1929. P. 383.

он «с большим удовлетворением прочитал письмо, которое граф де Фронтенак написал графу Белломонту в ответ на письмо, которое он получил от этого графа, и [что он] желает, чтобы господа де Кальер и де Шампиньи держали себя так же достойно, как и упомянутый господин де Фронтенак».[26]

Л.-П. Дерозье считает, что вышеуказанная договоренность Лондона и Парижа была объективно выгоднее администрации Нью-Йорка, так как она могла продолжать удерживать ирокезов в сфере своего влияния, а французы теряли возможность влиять на позицию Союза пяти племен.[27] Однако события в Америке развивались не совсем так, как предполагали в Европе. И английская и французская колониальная администрация трактовала полученные инструкции по-своему. Белломонт, исходя из того, что положения Рисвикского договора должны распространяться на индейцев, продолжал отговаривать ирокезов от заключения сепаратного мира с французами, с которыми он вовсе не собирался объединяться для каких-либо совместных действий против Лиги. В то же время Белломонт пытался убедить Лондон в необходимости укрепить оборону колонии Нью-Йорк и позиции англичан в Стране ирокезов. Он считал, что в Нью-Йорке необходимо держать тысячу солдат регулярной армии,[28] а в районе проживания онодага следует соорудить мощный форт.[29] Однако эти идеи не нашли поддержки у английского правительства. Наоборот, в связи с окончанием войны было принято решение сократить контингент королевских войск в Нью-Йорке с 400 до 200 человек (каждая из четырех рот была уменьшена наполовину),[30] а упомянутый в письме Белломонта форт администрации колонии предлагалось строить на свои собственные средства.[31]

Некоторые представители правящей верхушки английских колоний, заинтересованные в развитии экспансии, предлагали активизировать политические и торговые контакты с ирокезами и другими племенами региона. Роберт Ливингстон даже считал, что англичанам следует выступить в качестве посредников между Лигой

---

[26] Mémoire du Roy aux sieurs de Callière et de Champigny. A Versailles, le 27 mai 1699 // Collection de manuscrits contenant lettres, mémoires et autres documents historiques relatifs à l'histoire de la Nouvelle-France, recueillis aux Archives de la Province de Québec ou copies à l'étranger: 4 t. T. II. Québec, 1883–1885. P. 326–327.

[27] *Desrosiers L.-P.* Iroquoisie: 4 t. T. IV. Québec, 1999. P. 292.

[28] См.: Earl of Bellomont to the Lords of Trade (New York, April 17, 1699) // Documents Relative to the Colonial History of the State of New York. Vol. IV. P. 504.

[29] См.: Earl of Bellomont to the Lords of Trade (Boston, July 22, 1699) // Ibid. P. 532.

[30] См.: Lords of Trade to the Earl of Bellomont (Whitehall, August 21, 1699) // Ibid. P. 545.

[31] См.: Lords of Trade to the Earl of Bellomont (Whitehall, April 11, 1700) // Ibid. P. 631.

и ее противниками на западе.[32] Однако эта идея повисла в воздухе. С окончанием войны и прекращением франко-индейских рейдов большинство населения Нью-Йорка и других английских колоний потеряло всякий интерес к ирокезским делам. От метрополии также вряд ли можно было ожидать сколько-нибудь серьезной поддержки.

В Канаде Кальер продолжал удерживать пленных ирокезов, несмотря на то что летом 1699 г. лейтенант-губернатор Нью-Йорка Дж. Ненфен написал ему письмо, где требовал их освобождения как подданных английской короны, повторяя аргументы Белломонта.[33] Представитель Ненфена также заявил Кальеру, что границы английских владений в Америке простираются «от Пемакида <...> до мыса Флорида», и что англичане приобрели их намного раньше французов.[34] На это губернатор Новой Франции спокойно возразил, что в соответствии со своими инструкциями он будет ждать, пока не закончатся переговоры уполномоченных.[35] Кальер также не слишком старался отговорить индейских союзников французов от войны с ирокезами, скорее всего, сознательно нарушая приказ, пришедший из Парижа.

«Великий мир»

В результате всех описанных выше переговоров и манипуляций в проигрыше оказался Союз пяти племен. Французы отказывались вести переговоры с Нью-Йорком о мире для ирокезов, а Нью-Йорк не позволял ирокезам вести переговоры самостоятельно. В то же время последние продолжали войну с племенами, находящимися в орбите французского влияния, в которой они несли большие потери и терпели поражение за поражением. В сентябре 1699 г. воины западноалгонкинских племен совершили несколько рейдов против поселений сенека.[36] В 1700 г. сахемы Лиги жаловались администрации Нью-Йорка, что «оттава и другие западные индейцы снова убили много наших людей, когда те охотились; все это было сделано по наущению французов, как подтвердили сами упомянутые западные

[32]См.: Memorial of Robert Livingston Recommending a Trade With the Western Indians // Ibid. P. 500–501.

[33]См.: Lieutenant-Governor Nanfan to Governor de Calliere. 3 July 1699 // Ibid. P. 577.

[34]См.: Instructions of Lieutenant-Governor Nanfan to the Messengers to Canada (June 1699) // Ibid. P. 578.

[35]См.: Governor de Callière to Lieutenant-Governor Nanfan. Montreal, 6 August 1699 // Ibid. P. 580.

[36]См.: Message from Onondaga to the Commissioners for Indian Affairs. Albany, 21 September 1699 // Ibid. Vol. IV. P. 597.

индейцы». Ирокезы все более ясно осознавали, что они находятся в безвыходной ситуации: «Сами французы говорят, что они не заберут томагавк из рук оттава, до тех пор пока мы не придем и не покоримся губернатору Канады и не заключим с ним мира, что наш великий брат Корлаэр запрещает нам делать».[37]

Действительно, позиция англичан по отношению к ирокезам оставалась неизменной. Лондонские чиновники и администрация Нью-Йорка исходили из того, что Союз пяти племен представляет собой основную линию обороны этой колонии и одновременно ее главную ударную силу в случае войны с французами (и в метрополии, и в колонии ясно видели, что новый конфликт с ними вполне может разгореться очень скоро). Англичане опасались, что если бы ирокезы вышли из-под их влияния, то тогда Нью-Йорк поменялся бы ролями с Канадой, и не долина реки Св. Лаврентия, а долина Гудзона стала бы главным объектом индейских атак. В то же время англичане подходили к сложившейся ситуации слишком утилитарно, что в итоге обернулось против них. Так, они игнорировали неоднократные просьбы сахемов и вождей Лиги, стремившихся получить от англичан хоть какую-нибудь помощь в борьбе с враждебными им племенами. Естественно, это не способствовало укреплению дружеских чувств ирокезов к «брату Корлаэру».

Этим положением воспользовались власти Новой Франции, которые, проявив большую гибкость, смогли склонить ирокезов к компромиссу. Здесь следует подчеркнуть, что хотя французы неоднократно воевали с ирокезами, они не были заинтересованы в уничтожении Союза пяти племен или вытеснении его с занимаемых им земель. Они лишь стремились обезопасить себя, своих союзников и свои коммуникации. Признание ирокезов французскими подданными само по себе было им не так уж необходимо. Главное заключалось в том, чтобы Лига перестала служить орудием антифранцузской политики Нью-Йорка. Исходя из этого, власти Новой Франции выдвинули идею «нейтрализации» ирокезов и заключения всеобщего мира между всеми индейскими племенами восточной части Североамериканского континента.

Заключить мир с ирокезами было также непросто, как и вести с ними войну. Французы стремились к тому, чтобы в переговорах участвовали все их индейские союзники, которых надо было убедить в том, что подписание договора с Союзом пяти племен не означает того, что они перестают пользоваться покровительством Ононтио. В то же время надо было уговорить ирокезов прекратить войну с пле-

[37] Propositions of the Five Indian Nations to the Commissioners for Indian Affairs. Albany, June 30, 1700 // Ibid. P. 693–695.

менами, которые были их заклятыми врагами с незапамятных времен. Также надо было пресечь попытки администрации Нью-Йорка вмешаться в ход переговоров. На подготовку и предварительные переговоры ушло более двух лет, в течение которых ирокезы, как мы уже упоминали, продолжали воевать со многими соседними племенами, поддерживая при этом контакты с Нью-Йорком.

Однако Кальеру, проявившему себя тонким дипломатом и знатоком индейской психологии, удалось решить все стоявшие перед ним задачи. Он сумел очень ловко отстранить англичан от участия в переговорах, сыграв на гордости ирокезов. Во время встречи с их вождями Кальер изобразил притворное удивление и спросил, как же они осмелились говорить от имени Союза пяти племен, если власти Олбани заявляют, что ирокезы являются их подданными и не в состоянии говорить сами за себя. Уязвленные вожди немедленно ответили, что они сами себе господа и могут вести переговоры так, как они считают нужным. Когда вскоре после этого Белломонт обратился к Союзу пяти племен с требованием передать ему всех пленных французов, сахемы ответили ему резким отказом, заявив: «Мы сами являемся своими хозяевами. Наши пленные принадлежат нам. Мы будем держать их или отдадим их французам, если нам этого захочется».[38] Большую пользу французам принесло вышеупомянутое письмо Вильгельма III Белломонту, копия которого наконец попала в Квебек. Канадские власти сразу же сообщили ирокезам о его содержании. Естественно, те были удивлены и возмущены, узнав, что англичане получили приказ разоружить их, действуя совместно с французами.

В июле 1700 г. в Монреале произошла встреча Кальера с вождями Союза пяти племен, которые согласились освободить пленных французов, если за ними придут люди губернатора.[39] Во время этой и последующих встреч Кальер обращался к индейцам, называя их «детьми», а они его — «отцом».

В конце лета 1700 г. к ирокезам были отправлены французские представители отец Ж. Брюйя, сьёр П. Ле Муан де Марикур и сьёр Л.-Т. Шабер де Жонкер, которые были прекрасно знакомы с обычаями и нравами индейцев, пользовались среди них большим авторитетом и могли оказать на них определенное влияние. Например, когда во время Большого совета Лиги в Онондаге английский представитель попытался запретить ирокезам слушать речи французов, отец Брюйя немедленно спросил собравшихся, не являются ли они

---

[38] Цит по: *Parkman F.* Op. cit. Vol. 2. P. 316.

[39] См.: Conference between Chevalier de Callières and the Iroquois at Montreal, 18th July 1700 // Documents Relative to the Colonial History of the State of New York. Vol. IX. P. 708–711.

собаками англичан или их рабами, раз те смеют им приказывать.

Завершением всех трудов Кальера стало грандиозное собрание представителей тридцати индейских племен восточной части Североамериканского континента от Атлантического побережья до верховьев Миссисипи, которое состоялось в Монреале в конце июля — начале августа 1701 г. Это было событие, не имеющее аналогов в истории колониальной Америки, — настоящий конгресс, в котором участвовало около 1300 индейцев, в течение нескольких дней произносивших длинные речи. Сам Кальер, выражаясь в индейском стиле, заявил: «Я беру все ваши томагавки и другие орудия войны и кладу их вместе с моими собственными в такую глубокую яму, что никто не сможет взять их снова, чтобы нарушить мир, который я восстанавливаю между моими детьми и вами, рекомендуя вам, где бы вы ни встретили друг друга, вести себя как подобает братьям и мирно уживаться во время вашей охоты, чтобы ничто не могло нарушить этот мир <...> Я приглашаю вас выкурить Трубку Мира, которую я начну первым и съесть мясо и выпить похлебку, которую я приказал для вас приготовить, чтобы я как хороший и добрый отец мог получить удовольствие видеть всех моих детей собравшимися вместе».[40]

4 августа 1701 г. в присутствии губернатора и всех высших чиновников Новой Франции 38 вождей поставили свои тотемные знаки под текстом договора, в котором провозглашалось установление всеобщего мира, хранителями которого и арбитрами в межплеменных конфликтах становились французы. При этом ирокезы брали на себя особое обязательство соблюдать нейтралитет в случае войны между англичанами и французами.[41]

Существуют различные оценки этого события. Ф. Паркмен утверждал, что «это было лишь перемирие и притом весьма сомнительное», которому не стоит придавать большого значения.[42] С точки зрения У. Дж. Эклза, ирокезы таким образом признали свое поражение в почти вековой схватке с французами за контроль над западной мехоторговлей.[43] Канадский историк-марксист С. Б. Райерсон, наоборот, считал, что это был дипломатический успех ирокезов, которые смогли устраниться от участия в губительной для них англо-

[40] Ratification of the Peace Concluded in the Month of September Last Between the Colony of Canada, Its Indian Allies and the Iroquois, in a General Meeting of the Chiefs of Each of These Nations Convoked by Chevalier de Callières Governor and Lieutenant-General for the King in New France. At Montreal the 4th of August 1701 // Ibid. Vol. IX. P. 722.

[41] См.: Ibid. P. 723–725.

[42] *Parkman F.* Op. cit. Vol. 2. P. 318.

[43] *Eccles W. J.* Canada under Louis XIV, 1663–1701. Toronto, 1964. P. 244.

французской борьбе.[44] Д. Э. Лич подчеркивал, что это было «серьезное дипломатическое поражение для Англии».[45]

Ф. Дженнингз полагает, что договор был выгоден и ирокезам и французам, а в определенной степени и жителям колонии Нью-Йорк, так как таким образом устанавливался мир на ее границах, сохранявшийся в ходе Войны за испанское наследство.[46]

На наш взгляд, выход ирокезов из игры, безусловно, был объективно прежде всего на руку французам. Суверенитет англичан над Союзом пяти племен превратился в фикцию. Теперь англичанам было гораздо сложнее заставить их вести войну на два фронта, в то время как французы, сохраняя союз с множеством индейских племен, могли использовать их в борьбе против англичан. В результате во внутренних районах Североамериканского континента (к югу и западу от Великих озер) баланс сил изменился в пользу Франции. Не случайно современник отметил: «...отдельный мир, заключенный с ирокезами в 1700 г., который стал всеобщим в 1701 г. <...> дал королю явное и неоспоримое превосходство в Канаде над всей Новой Англией [имеется в виду вся английская Америка. — *Ю. А.*]».[47]

В свою очередь, это изменение баланса сил было одним из условий дальнейшего развития французской экспансии в глубь континента. Нью-Йорк, единственная английская колония, которая могла составить конкуренцию французам, была лишена не только важнейшего источника своей военной мощи, своей линии защиты и нападения, но и возможности дальнейшего продвижения на запад. Это позволило французам на какое-то время опередить здесь англичан (правда, в дальнейшем, это привело к новым столкновениям). В любом случае это событие оказало очень большое влияние на дальнейший ход англо-французского соперничества в Северной Америке.

Следует подчеркнуть, что французские колониальные чиновники, и прежде всего губернатор де Кальер, в данном вопросе проявили не просто гибкость, но и значительную самостоятельность. Губернатор Новой Франции отступил от инструкций Версаля и, не дожидаясь решения уполномоченных, нашел компромисс, который устраивал и французов, и ирокезов.

«Великий мир 1701 г.» стал одной из наиболее колоритных и в то же время светлых страниц истории колониальной Америки в целом и

---

[44]См.: *Райерсон С. Б.* Основание Канады: Канада с древнейших времени до 1815 года. М., 1963. С. 164–165.

[45]*Leach D. E.* Arms for Empire: A Military History of the British Colonies in North America, 1607–1763. New York; London, 1973. P. 120.

[46]*Jennings F.* Op. cit. P. 211.

[47]Projets contre la Nouvelle Angleterre (1701) // Collection de manuscrits... T. II. P. 381.

ранней истории Канады в частности. По сей день в Стране кленового листа его рассматривают как образец гармонии между европейскими переселенцами и индейцами, которых принято называть «первыми нациями». Летом 2001 г. в Монреале состоялись торжества, посвященные 300-летнему юбилею этого события.[48]

Массачусетс, Акадия и абенаки

Война Аугсбургской лиги не привела к сколько-нибудь существенным изменениям в самой старой зоне англо-французского конфликта в Северной Америке. Вскоре после прекращения боевых действий Массачусетс и Акадия столкнулись со ставшими традиционными проблемами, касающимися английского рыболовства у берегов французских владений, пограничных споров и отношений с абенаки. Кроме того, несмотря на то что Рисвикский мир восстановил status quo в колониях, и Акадия была признана французским владением, никаких изменений в хартию Массачусетса (где, как мы помним, территории Атлантических провинций Канады были отнесены к юрисдикции Бостона) внесено не было.

Уже в начале 1698 г. рыбаки из Бостона, Сэйлема, Марблхеда и других английских поселений снова стали появляться на отмелях у Акадийского побережья. Английские торговцы возобновили прекратившуюся во время войны коммерческую деятельность во французских поселениях. Со своей стороны губернатор Акадии Вильбон весной 1698 г. получил из Версаля инструкции придерживаться в отношениях с англичанами условий Договора об американском нейтралитете, до тех пор пока Комиссия уполномоченных не выработает какого-либо иного решения. В то же время ему было предписано не допускать проникновения жителей английских колоний за реку Кеннебек, которую французы традиционно считали границей Акадии.[49]

В сентябре 1698 г. Вильбон пожаловался помощнику губернатора Массачусетса Уильяму Статону на то, что жители этой колонии нарушают границы французских территорий. Он сообщил о данных ему инструкциях, напомнив, что согласно статье V договора о нейтралитете подданным обеих держав запрещается торговать и ловить рыбу во владениях друг друга. Вильбон также предупредил, что если англичане будут претендовать на то, что абенаки являются их подданными, это «может привести к печальным последствиям».[50]

---

[48] См.: http://www.grandepaix.org

[49] См.: Lettre du Ministre à Monsieur de Villebon. A Versailles, le 26 mars 1698 // Collection de manuscrits... T. II. P. 294–296.

[50] Lettre de M. de Villebon au Gouverneur Stoughton. Fort Saint-Jean, le 5 septembre 1698 // Ibid. T. II. P. 304.

В Бостоне не были согласны с такой постановкой вопроса. Промысел у берегов Акадии давно уже стал важной отраслью экономики Массачусетса. В то же время признание границы по Кеннебеку существенно ограничивало возможности хозяйственного освоения «восточных графств» и создавало серьезные проблемы для безопасности колонии в случае войны с французами. В этой ситуации власти Массачусетса стали действовать сразу в нескольких направлениях или, точнее, на разных уровнях.

В ноябре 1698 г. они направили петицию королю, где жаловались на обиды со стороны французов и их «беспочвенные и непомерные» притязания, в результате чего, по их словам, страдали интересы не только колонии, но и метрополии. Бостонцы просили Вильгельма III утвердить английский суверенитет над спорной территорией в долине Кеннебека и обеспечить его добрым подданным «мирное использование ими их старинных и несомненных привилегий на лов рыбы в морях у берегов Акадии или Новой Шотландии».[51] Очевидно, в Бостоне хорошо понимали, что Вильбон является лишь скромным исполнителем воли Версаля, и, для того чтобы добиться принципиального решения проблемы, надо действовать на самом высоком уровне.

Однако власти Массачусетса не отказывались и от прямых контактов с губернатором Акадии. В том же ноябре 1698 г. вернувшийся к тому времени из Европы Джон Нельсон посетил Вильбона в форте Сен-Жан. О содержании этой встречи нам ничего не известно, но, видимо, она была достаточно продуктивной, так как после нее Вильбон стал закрывать глаза на коммерческую активность бостонцев в Акадии. Это было вызвано как его личной заинтересованностью в торговле с англичанами, так и объективно сложным положением французской колонии, испытывавшей острую нехватку европейских товаров.[52] Тогда же Вильбон, понимая, что имеющихся у него сил явно недостаточно, для того чтобы бороться с английскими рыбаками, предложил продавать им лицензии на право вести промысел на акадийских отмелях и сушить рыбу в специально отведенных для этого местах. По его расчетам, это могло бы приносить 4–5 тыс. ливров в год, которые можно было бы пустить на строительство новых укреплений в колонии.[53]

---

[51]Цит. по: *Rawlyk G. A.* Nova Scotia's Massachusetts: A Study of Massachusetts — Nova Scotia Relations: 1603 to 1781. Montreal; London, 1973. P. 86–87.

[52]См.: Plaintes contre monsieur de Villebon // Collection de manuscrits... T. II. P. 307–308.

[53]См.: Acadia at the End of the Seventeenth Century: Letters, Journals and Memoirs of Joseph Robineau de Villebon, commandant in Acadia, 1690–1700 / Ed. by J. C. Webster. St John, 1934. P. 138–139.

Рассмотрение этого вопроса в Париже затянулось на несколько лет. Лишь в апреле 1700 г. новый морской министр Ж. де Поншартрен заявил, что продажа лицензий англичанам в принципе возможна при условии, что каждое их судно будет брать на борт одного акадийца, чтобы те, таким образом, научились их приемам лова.[54] Скорее всего, такая резкая смена курса была связана с тем, что французское правительство в это время предпринимало попытки сблизиться с Англией и не хотело вступать с ней в конфликт из-за второстепенных проблем.

Если вопросы, касающиеся рыбной ловли и торговли, были более или менее урегулированы, то вопросы о границе и о статусе абенаки оставались открытыми. В мае 1699 г. в Бостон прибыл уже известный нам граф Белломонт, совмещавший посты губернатора сразу в трех колониях. Он сразу же обратил внимание на пограничную и индейскую проблему.

Надо сказать, что после окончания войны французское правительство существенно уменьшило количество боеприпасов и других товаров, присылавшихся для индейцев, а также значительно сократило средства, выделявшиеся на подарки вождям. Так, если в 1698 г. на это было выделено 4 тыс. ливров,[55] то в 1699 г. — только 450 ливров.[56] Кроме того, французы допустили еще один промах, никак не оговорив при заключении мира вопрос, касающийся освобождения из английского плена их индейских союзников, что вызвало недовольство абенаки.[57]

Воспользовавшись этой ситуацией, а также активизировавшимися после прекращения боевых действий торговыми контактами индейцев с англичанами, бостонские власти с начала 1699 г. стали уговаривать абенаки заключить с ними отдельный мирный договор. Внешне здесь в определенной степени повторилась ситуация, имевшая место с ирокезами, с той лишь разницей, что англичане и французы поменялись ролями. Губернатор Вильбон всеми силами старался не допустить прямых переговоров индейцев с англичанами, считая, что абенаки должны вести их через его посредничество. В своем донесении в Версаль он сообщал: «Я велел отцам иезуитам, которые ведут там миссионерскую деятельность, объявить всем вождям, чтобы они не вели никаких переговоров с ним [Белломонтом. — *Ю. А.*],

[54] Lettre du Ministre à Monsieur de Villebon. A Versailles, le 9 avril 1700 // Collection de manuscrits. T. II. P. 334–335.

[55] Présents des sauvages de l'Acadie (1698) // Ibid. P. 291–292.

[56] Lettre du Ministre à Monsieur de Villebon. A Versailles, le 15 avril 1699 // Ibid. P. 316; см. также: Resumé d'une lettre du sieur de Villieu au Ministre. Le 20 octobre 1700 (Note du Ministre) // Ibid. P. 337.

[57] См.: Lettre de Monsieur de Frontenac au Ministre. A Québec, le 17 octobre (1698) // Ibid. P. 310.

и что они должны ему сказать, что если он имеет что-нибудь им предложить, он может обратиться ко мне, после чего я сообщу им, что они должны делать».[58]

Однако, несмотря на противодействие французов, абенаки в 1699 г. заключили договор с англичанами. Важную роль сыграло то обстоятельство, что англичане освободили из плена трех вождей, представив это как жест доброй воли со своей стороны. По условиям этого договора, подписанного в бухте Каско, индейцы должны были соблюдать нейтралитет в случае возникновения нового конфликта между англичанами и французами и не допускать на свою территорию европейских поселенцев. Правда, при этом абенаки не считали, что они разрывают союз с Новой Францией. Они сообщили о готовящемся соглашении Л.-Э. де Кальеру; кроме того, в 1701 г. абенаки как союзники французов приняли участие в церемонии заключения всеобщего мира.

В целом, большинство исследователей признают, что, несмотря на договор 1699 г., французское влияние среди абенаки оставалось очень сильным благодаря миссионерам и лесным бродягам. Как образно высказался по этому поводу Д. Э. Лич, «совершенно очевидно не было никаких достаточных оснований полагать, что, как только сполохи войны снова будут видны в пограничных дебрях Новой Англии, эти индейцы будут долго противиться искушению напасть на какое-нибудь английское поселение, которое подвернется им под руку».[59]

После заключения договора с абенаки Белломонт с целью укрепления и расширения восточных границ Новой Англии предложил построить форт на реке Сент-Круа, который бы позволил ее жителям начать освоение «прекрасной территории протяженностью 190 миль» и отбросил бы французов во внутренние районы Акадии.[60] Однако ни Лондон, ни администрация Массачусетса не захотели выделять на это средства. Более того, несмотря на настойчивые требования Белломонта в колонии даже не смогли найти протестантских проповедников, которые бы согласились отправиться к абенаки, чтобы нейтрализовать влияние французских миссионеров.

Незадолго до начала Войны за испанское наследство у французских колониальных чиновников возникла идея заключения отдельного соглашения между Акадией и Массачусетсом, представляющего

[58] Lettre de Monsieur le Chevalier de Villebon au Ministre. A Fort Saint-Jean, le 27 octobre 1699 // Ibid. T. II. P. 330.

[59] *Leach D. E.* Arms for Empire... P. 118.

[60] См.: Bellomont to Council of Trade and Plantations, July 15, 1700 // Calendar of State Papers. Colonial Series. Vol. XVIII: America and West Indies, 1700. London, 1910. P. 414–415.

своего рода локальный вариант договора 1686 г., которое позволило бы сохранить мир между этими колониями в случае нового конфликта в Европе.

В марте 1701 г. новым губернатором Акадии был назначен Ж.-Ф. Момбетон де Бруйян, ранее командовавший фортом Плезанс (Вильбон скончался в июле 1700 г.). В записке, составленной от имени короля, ему были даны следующие инструкции: «Его Величество находит положительным, чтобы вскоре после своего прибытия в Акадию он [Бруйян. — *Ю. А.*] отправился в Бостон для изложения своего мнения губернатору Новой Англии и использовал эту возможность, чтобы предложить ему договор о союзе и добрососедстве между двумя колониями и дикарями, которые зависят от Акадии; и в случае, если произойдет война в Европе, то все останется в таком же состоянии, как оно есть; разорвать это добрососедство под любым предлогом можно, только предупредив об этом за год». Впрочем, Бруйяну была предоставлена определенная свобода действий. Далее в этом же документе говорилось, что если он «узнает из ситуации на месте и по настроению людей в Акадии, что можно гарантировать себя от нападений англичан и нанести большой ущерб их торговле в Новой Англии, Его Величество полагает целесообразным, чтобы он не предлагал совсем этого договора о добрососедстве».[61]

Как видим, правительство Людовика XIV было готово предоставить своим колониальным губернаторам достаточно большую свободу рук, причем эта свобода была тем больше, чем слабее была колония и соответственно чем меньше она интересовала Версаль.

Прибыв в Акадию в мае 1701 г., Бруйян был неприятно поражен тем плачевным состоянием, в котором находилась эта колония, а также тем, насколько свободно там себя чувствовали английские торговцы, рыбаки и пираты. В одном из своих первых донесений в Версаль он писал: «Мне чрезвычайно обидно видеть этих бостонцев, которые обогащают себя в наших владениях, поскольку основным предметом их торговли является рыба, которую они ловят у наших берегов и затем отправляют во все части света».[62]

Стремясь хоть как-то исправить положение, Бруйян начал возводить новые укрепления в Пор-Руайяле, куда снова была перенесена губернаторская резиденция. Он пытался противостоять проникновению бостонцев во французские владения, однако для этого у него было явно недостаточно сил. Гарнизон Пор-Руайяля насчитывал не

---

[61] Mémoire du Roy au sieur de Brouillan. A Versailles, le 23 mars 1701 // Collection de manuscrits... T. II. P. 332–334.

[62] Цит. по: Canada and Its Provinces: A History of the Canadian People and Their Institutions: In 22 vols / Ed. by A. Short and A. Doughty. T. XIII, Pt 1. Ottawa, 1913–1917. P. 61.

более 200 человек. Корабль, отправленный Бруйяном для патрулирования побережья, был захвачен англичанами, а его командир лейтенант Нёвиллет — убит.[63] Понимая, что в случае войны Акадия может стать легкой добычей могущественного соседа, который к тому же наверняка первым узнает о начале конфликта в Европе, Бруйян счел за благо воспользоваться данными ему инструкциями.

В начале августа 1701 г. он отправил властям Массачусетса пространное письмо, где сообщал о своем назначении и рассуждал о необходимости обеспечить безопасность жителей от «нападений и жестокости индейцев, которые не дышат ничем, кроме крови и всякого рода бесчеловечных и ужасных деяний <...> чему нельзя воспрепятствовать иначе как отдельным договором между вами и нами». Бруйян предлагал, чтобы в случае разрыва в Европе колонии немедленно заключили сепаратное соглашение о перемирии и обратились к властям метрополий с просьбой одобрить его. Далее в письме говорилось: «Если, однако, это предложение <...> не будет соответствовать интересам обеих корон, мы сделаем вам, как и вы, мы надеемся, сделаете нам официальное заявление, прежде чем предпринимать что-либо, что может разрушить наш договор о единстве и взаимопонимании».[64]

Послание Бруйяна пришло в Бостон в тот момент, когда в английской колонии не было ни одного представителя исполнительной власти (в марте 1701 г. умер Белломонт, а спустя четыре месяца скончался его помощник Стаутон). Совет колонии оказался в сложном положении, так как, с одной стороны, его члены не хотели брать на себя ответственность и принимать какое-либо определенное решение, не зная, как к нему отнесется новый губернатор и правительство метрополии; с другой стороны, они понимали, что в случае войны, приближение которой уже ощущалось, границы Массачусетса могут подвернуться нападению французов и индейцев. Однако в итоге они нашли удачный выход из положения. В своем ответном письме они сообщили, что ожидают в скором времени прибытия нового губернатора, который сможет принять окончательное решение по данному вопросу, а пока они обещают Бруйяну следующее: «В то время пока Вы с вашей стороны будете воздерживаться от всяких враждебных действий, мы не будем выступать в качестве агрессоров или предпринимать что-либо, что могло бы нарушить нашу постоянную тишину и спокойствие».[65]

[63] *Parkman F.* Op. cit. Vol. 2. P. 410.

[64] Copy of a Letter from the French Governor of Nova Scotia to the Government of Massachusetts Bay. Port-Royal, August 8, 1701 // Calendar of State Papers. Colonial Series. Vol. XIX: America and West Indies, 1701. P. 470. No 785. II.

[65] Copy of a Letter from the Council of the Massachusetts Bay to the French Gov-

Бруйяну пришлось удовлетвориться таким ответом. Стремясь избегать конфликтов с англичанами, он был вынужден отказаться от своих первоначальных планов и, нарушая данные ему инструкции, по примеру своего предшественника стал смотреть сквозь пальцы на хозяйственную деятельность бостонцев в Акадии. Однако в целом отношения Акадии и Массачусетса оставались сложными. В эксплуатации природных ресурсов соседних французских территорий были заинтересованы относительно широкие слои населения Новой Англии, при этом соотношение сил двух колоний было слишком неравным, и даже абенаки не могли его серьезно изменить. Эти обстоятельства отличали ситуацию, имевшую место на северо-восточной границе английских и французских владений на Североамериканском континенте, от той, что сложилась на рубежах Нью-Йорка и Канады.

Многие в Массачусетсе ждали и желали новой войны. 24 апреля 1701 г. во время праздничной проповеди Коттон Мэзер заявил, что Рисвикский мир был «ветром, пришедшим не с той стороны», и что «должна прийти новая буря, новая война, прежде чем все прояснится в соответствии с нашими чаяниями».[66] В колонии постоянно циркулировали слухи о военных приготовлениях французов и волнениях среди индейцев. Когда война была объявлена, северо-восточная граница немедленно стала театром боевых действий.

Глава 2. НОВЫЙ ВИТОК ЭКСПАНСИИ — НОВЫЕ ЗОНЫ КОНФЛИКТА

В самом конце XVII в. французское правительство, пользуясь краткой мирной передышкой в Европе, предпринимает ряд важных шагов на колониальном поприще, которые резко изменили облик его Североамериканской империи и, возможно, предопределили ее историческую судьбу. Если в 1660–1680-е годы Кольбер, а затем его сын проводили в Северной Америке в целом достаточно осторожный курс, нацеленный прежде всего на развитие компактного французского поселения в долине реки Св. Лаврентия, то после окончания Войны Аугсбургской лиги, на рубеже XVII–XVIII вв. политика Парижа изменила свое направление в сторону дальнейшего расширения французской экспансии. Людовик XIV принял решение основать две новые колонии: одну в Луизиане, другую в районе озера Мичи-

ernor of Nova Scotia. Boston, August 22, 1701 // Ibid. P. 470–471. No 785. III.

[66] Цит. по: *Leach D. E.* Arms for Empire. P. 116.

ган, что означало установление французского контроля над всей территорией Североамериканского континента к западу от Аппалачей и к северу от Мексики.

Сразу же следует отметить, что это решение было продиктовано сугубо политическими соображениями и тесно связано с теми задачами, которые в тот момент стояли перед Францией в Европе. Однако его последствия вышли далеко за рамки Старого Света.

Англичане, французы и низовья Миссисипи

В конце XVII в. долина Миссисипи еще находилась вне орбиты колониальной экспансии европейцев. Попытки испанцев закрепиться на северном побережье Мексиканского залива, предпринимавшиеся еще в первой половине XVI в. (П. де Нарваэс, Э. де Сото и др.), закончились неудачей.

В то же время с конца 1650-х — первой половины 1660-х годов в верховья Миссисипи начали проникать лесные бродяги из Канады. В 1673 г. крупнейшей реки континента достигли отец Ж. Маркет и Л. Жолье, отправленные Фронтенаком на поиски пути, ведущего в Тихий океан. Они проследили все среднее течение Миссисипи от Висконсина до Арканзаса и убедились, что она несет свои воды не на запад, а на юг. В 1682 г. открытие «Отца вод» было завершено Р. Р. Кавелье де Ла Салем, спустившимся по нему до Мексиканского залива[67] (рис. 16).

В 1684 г. Ла Саль с санкции французского правительства предпринял попытку достичь устья Миссисипи морским путем и основать там поселение, однако потерпел неудачу. В то же время нам важно отметить, что во время своего первого путешествия Ла Саль 9 апреля 1682 г. от имени Людовика XIV официально со всеми полагающимися в таком случае церемониями вступил во владение Миссисипи и всей прилегающей к ней страной, которая в честь короля была названа Луизианой. При впадении реки в Мексиканский залив был установлен столб с французским гербом, у подножия которого была помещена свинцовая пластина с надписью «Именем Людовика XIV, короля Франции и Наварры, 9 апреля 1682 г.».[68] Во Франции был опубликован отчет об открытии новой страны в Америке.

[67] О французской экспансии в долине Миссисипи см. подробнее: *Акимов Ю. Г.* Очерки ранней истории Канады. СПб., 1999. С. 170–176.

[68] Relation de Nicolas de La Salle // Mémoires et documents pour servir à l'histoire des origines françaises des pays d'Outre-Mer. Découvertes et établissements des Français dans l'Ouest et dans le Sud de l'Amérique Septentrionale: 6 t. / Ed. par P. Margry. T. I. Paris, 1879. P. 562.

Рис. 16. Рене Робер Кавелье де Ла Саль

С этого момента Миссисипи постепенно стала попадать в поле зрения колониальных чиновников, предпринимателей и авантюристов и в «старой» и в Новой Франции. Уже в середине 1680-х годов интендант де Мёль отмечал: «Я ничуть не сомневаюсь, что, продвигаясь в сторону Вирджинии, а тем более став хозяевами Миссисипи, можно проложить дорогу к Мексике, где можно найти золото».[69] В 1690 г. привлечь внимание французского правительства к делу, начатому Ла Салем, пытался его брат Жан Кавелье.[70] Начиная с 1693 г. основать колонию в устье Миссисипи неоднократно предлагал Анри де Тонти, один из соратников Ла Саля.[71] В 1697 г. проект организации компании для колонизации Луизианы представил другой сподвижник путешественника сьёр де Ремонвиль.[72] В том же году в Канаде идею освоения долины Миссисипи выдвинули сьёр де Лувиньи и Н. д'Айбу де Манте.[73]

При этом если сам Ла Саль, говоря о политическом значении своих предприятий, обычно подчеркивал их антииспанскую направ-

---

[69]Mémoire touchant le Canada et l'Acadie envoyé par M. de Meules // Nouvelles annales des Voyages et des sciences géographiques. T. I. Année, 1844. P. 288.

[70]См.: Mémoires et documents... T. III. P. 586.

[71]См.: Henri de Tonty à Chabart de Villermont, le 11 Septembre 1694 // Ibid. T. IV. P. 3.

[72]См.: Mémoire sur le projet d'établir une nouvelle colonie au Mississippi, 1697 // Ibid. P. 21.

[73]См.: Mémoire pour continuer la découverte des Mines et Etablissements des Espagnols dans le Mexique par le Mississippi. Québec, le 14 octobre 1697 // Ibid. P. 9–18.

ленность, то в большинстве этих проектов делался акцент на том, что создание французского поселения на побережье Мексиканского залива является единственным средством остановить английскую экспансию в глубь Североамериканского континента и сохранить его за Францией (впрочем, не исключалась возможность использовать его и для проникновения в колониальные владения Мадрида). Также подчеркивалось, что ни в коем случае нельзя уступать англичанам контроль над Миссисипи, так как это может иметь фатальные последствия для французских владений. В частности, Жан Кавелье писал, что «если англичане однажды станут хозяевами реки Кольбера [т. е. Миссисипи. — *Ю. А.*], к чему они активно стремятся <...> они сразу же привлекут на свою сторону иллинойсов, оттава и все другие племена, с которыми ведут торговлю французы из Новой Франции».[74]

Пока в Европе шла война, французское правительство не обращало большого внимания на эти предложения. Правда, по утверждению французского историка П. Маргри, в 1697 г. в ходе подготовки Рисвикского мирного договора Людовик XIV дал указание своим представителям на переговорах при обсуждении колониальных вопросов ни в коем случае не упоминать о Миссисипи и открытиях Ла Саля, заявив, что он скоро отправит туда экспедицию, чтобы закрепить этот регион за Францией.[75]

В то же время в Англии также появились планы включения северного побережья Мексиканского залива и бассейна Миссисипи в орбиту колониальной экспансии Лондона. Это было связано с несколькими обстоятельствами. В первую очередь следует отметить быстрое развитие поселений в Каролине, география которой, как отметил американский исследователь В. У. Крейн, «более чем любой другой английской колонии, возможно, за исключением Нью-Йорка, способствовала развитию торговли с индейскими племенами запада».[76] Действительно, Каролина, расположенная у южной оконечности горной цепи Аппалачей, оказалась в условиях, в значительной степени сходных с теми, которые имелись у Нью-Йорка. Она располагала сравнительно легко доступными путями в глубь континента, а ее соседями были высокоразвитые индейские племена юго-востока (крики, чикасо, чокто, чероки и др.), которые могли служить торговыми партнерами англичан, а в случае необходимости стать их союзниками.

В 1670–1680-е годы англичане из Каролины сталкивались главным образом с испанцами, которые в течение долгого времени за-

[74] См.: Ibid. Т. III. P. 586.
[75] *Margry P.* Introduction // Mémoires et documents... T. IV. P. IV.
[76] *Crane V. W.* The Southern Frontier, 1670–1732. Ann Arbor, 1964 (3rd ed.). P. 23.

нимались миссионерской деятельностью среди индейцев, живущих к северу от Флориды. В 1686 г. между подданными Лондона и Мадрида имел место вооруженный конфликт. Однако на исходе XVII в. английские торговцы постепенно стали проникать в долину Теннеси, где они столкнулись с лесными бродягами из Канады. В частности, в 1696 г. до английских поселений добрался и затем осел там некий Жан Кутюр, один из людей Тонти.

Кроме того, англичане пытались развивать свою торговую, а вместе с ней и политическую экспансию не только в северо-западном, но и в юго-западном направлении. Первоначально они еще надеялись найти за Аппалачами мифический залив Тихого океана, идущий от Калифорнии. Затем, чуть лучше познакомившись с географией Североамериканского континента, англичане решили, что следует искать какие-то водные пути, ведущие на запад. Практическим результатом этих поисков стало то, что в 1698 г. коммерсант из Чарльстона Томас Уэлч достиг Миссисипи в районе устья Арканзаса.

В 90-е годы XVII в. в самой Англии также заговорили о необходимости закрепиться на северном побережье Мексиканского залива и в низовьях Миссисипи. В значительной степени это произошло благодаря деятельности Дениэла Кокса старшего, придворного медика Карла II, а впоследствии — королевы Анны. Кокс был участником многих колониальных предприятий того времени, а кроме того, собирателем различного рода географических сведений (зачастую не совсем достоверных), которые вдохновляли его на грандиозные проекты.

В 1690 г. он попытался добиться от правительства пожалования ему всех территорий, расположенных к западу от Вирджинии, Пенсильвании и Нью-Йорка между 36°30′ и 46°30′ СШ «вплоть до Южного моря», т. е. до Тихого океана, утверждая, что когда «этой страной будут владеть англичане <...> торговля французов с индейцами будет полностью разрушена».[77] В этом ему было отказано, но в дальнейшем он сумел каким-то сомнительным образом приобрести права на «провинцию Каролана», пожалованную еще в 1629 г. сэру Роберту Хиту.[78] Патент Хита включал в себя огромную полосу территории Североамериканского континента между 31° и 36° СШ (см. раздел I). При этом Кокса ничуть не смутило, что эти же земли уже были включены в состав Каролины по условиям Хартий 1663 и 1665 гг.

Внимание Кокса привлекли сочинения Луи Аннепена, француз-

[77] Calendar of State Papers. Colonial Series. Vol. XIII: America and West Indies, 1689–1692. London, 1901. P. 251, 761.

[78] См.: *Scull G. D.* Biographical Notice of Doctor Daniel Coxe, of London // Pennsylvania Magazine of History and Biography. 1883. Vol. VII. P. 318.

ского миссионера, участвовавшего в экспедициях Ла Саля и в 1683 г. опубликовавшего отчет об открытии Луизианы, во многом благодаря которому путешественник стал известен при французском дворе. В дальнейшем Аннепен поссорился с Ла Салем и уехал в Нидерланды, где в 1690-е годы установил контакты с англичанами. На него обратил внимание Уильям Блэтуэйт, благодаря которому монах был представлен Вильгельму III. В 1697 г. Аннепен опубликовал новую книгу о своих путешествиях, где утверждал, что он открыл Миссисипи на два года раньше Ла Саля. Это произведение было посвящено королю Англии, которого автор призывал захватить бассейн величайшей реки континента, предлагая провести к ее устью английские суда.[79] По инициативе Кокса книга Аннепена была переведена на английский язык и напечатана в Лондоне.

В 1698 г., опираясь на информацию Аннепена, Кокс выдвинул план создания на северном побережье Мексиканского залива английской колонии, которую он предлагал заселить изгнанными из Франции гугенотами. Он заключил соглашение с их лидерами, маркизом де Ля Мюс и Шарлем де Сайи, которым он «выделил» из своих владений участок размером 500 тыс. акров в районе реки Аппалачикола. Для реализации своего проекта Кокс начал создавать грандиозную колониальную компанию, в которой, по его расчетам, могло состоять более тысячи членов, а капитал должен был составлять 400 тыс. фунтов.

Дошедшие до Версаля сведения о планах Кокса, в которых к тому же фигурировали гугеноты, заставили французское правительство, которое с начала 1698 г. серьезно рассматривало вопрос о необходимости закрепиться в землях, открытых Ла Салем, действовать быстро и энергично. Кроме опасения, что французов могут опередить англичане, важную роль здесь играло также то обстоятельство, что, ожидая перемен в Испании, Людовик XIV стремился занять как можно более прочные позиции на подступах к ее владениям и не допустить их захвата другими державами (в первую очередь, той же Англией). Кроме того, в случае, если бы вопрос о наследстве Карла II Страдальца решился не так, как того желали в Версале, Луизиану как обоюдоострое оружие можно было бы использовать в качестве базы для операций в Мексике.

Поншартрен решил, что наиболее подходящей фигурой для осуществления задуманного предприятия является П. Ле Муан д'Ибервиль, который, по некоторым данным, также выступал с инициативой создания французской колонии на северном побережье

---

[79] См.: *Hennepin L.* Nouvelle découverte d'un très grand Pays situé dans l'Amérique entre le Nouveau Mexique et la Mer Glaciale <...> Le tout dédié à Sa Majesté Brittannique Guillaume III. Utrecht, 1697.

Рис. 17. Высадка французов в Луизиане, 1699 г.

Мексиканского залива.[80] В первой половине 1698 г. знаменитый канадский воин получил приказ возглавить экспедицию к устью величайшей реки Североамериканского континента.

Основание Луизианы. Изменение стратегического направления французской экспансии

Осенью 1698 г. небольшая эскадра Ибервиля вышла в море и в начале 1699 г. достигла бухты Пенсакола, где располагалось маленькое испанское поселение. Оттуда Ибервиль двинулся на запад вдоль берега залива и 2 марта обнаружил один из рукавов дельты Миссисипи (чего не удалось сделать Ла Салю в 1684 г.). В бухте Билокси, являвшейся стратегически важной точкой между устьем Миссисипи и бухтой Пенсакола, Ибервиль основал небольшой форт, получивший название форт Морепа́ (в районе современного Оушен-Спрингз, штат Миссисипи), где им был оставлен гарнизон под командованием сьёра де Соволь (его помощником Ибервиль назначил своего брата Ж.-Б. Ле Муана де Бьенвиля) (рис. 17).

Тем временем Кокс и его компаньоны сумели снарядить два небольших корабля, которые были отправлены на разведку к берегам Мексиканского залива. В конце августа 1699 г. один из этих

[80] О дискуссии по данному вопросу см.: *Frégault G.* Iberville le conquérant. Montréal, 1944. P. 271–273.

кораблей под командованием капитана Бонда появился в устье Миссисипи. Там у одной из излучин реки он столкнулся с несколькими французами под командованием Бьенвиля, которые отправились из форта Морепа́ для исследования этих мест. Соотношение сил было явно не в пользу французов (их было всего пять человек на утлом каноэ против нескольких десятков англичан на вооруженном корабле), поэтому Бьенвиль прибег к хитрости. На вопрос Бонда, действительно ли это Миссисипи, он ответил нет, пояснив в то же время, что эта «совсем другая» река является владением Людовика XIV, а неподалеку находится мощный французский форт и еще несколько поселений. Услышав все это излишне доверчивый англичанин повернул назад.[81] С тех пор за этим местом закрепилось название Тура-л'Англе (Английский поворот), ныне сохранившееся в английском варианте (Инглиш тёрн).

В то же время заявление Бонда о том, что в следующем году он вернется в эти места, чтобы основать здесь английскую колонию, послужило дополнительным аргументом в пользу необходимости укрепления французских позиций в Луизиане. Зимой 1699–1700 гг. Ибервиль во второй раз отправился к устью Миссисипи. На сей раз ему были даны четкие инструкции разрушать все английские фактории и посты, которые он обнаружит между Аллеганскими горами и Миссисипи.[82] В начале 1700 г. он основал в Луизиане еще один пост, получивший название форт Миссисипи, и стал налаживать контакты с местными племенами, которые он рассчитывал использовать для борьбы с англичанами.

Надо сказать, что в 1699–1700 гг. в Версале имелись серьезные колебания относительно целесообразности данного колониального предприятия. С одной стороны, оно требовало больших расходов, с другой — было чревато конфликтом с испанцами, которые очень настороженно отнеслись к появлению Ибервиля на побережье Мексиканского залива и вовсе не собирались сотрудничать с ним (на что он серьезно рассчитывал).[83] Окончательное решение о создании французской колонии было принято Людовиком XIV только весной 1701 г. и было непосредственно связано с событиями, происходившими в Европе. В ноябре 1700 г. Филипп Анжуйский был провозглашен королем Испании, а декларацией 1 февраля 1701 г. за ним и его наследниками были сохранены права на французский престол. С этого момента Людовик XIV стал активно вмешиваться во внутренние

---

[81] *Gayarré Ch.* Histoire de la Louisiane: 2 vols. Vol. I. Nouvelle-Orléans, 1846. P. 69.

[82] *Eccles W. J.* Canada under Louis XIV... P. 247.

[83] О франко-испанских отношениях и франко-испанском соперничестве в этом регионе см.: *Dunn W. E.* Spanish and French Rivalry in the Gulf Region of the United States, 1678–1702, The Beginnings of Texas and Pensacola. Austin, 1917.

дела Испании и ее колониальной империи. В то же время началось формирование антифранцузской коалиции, ведущую роль в которой играла Англия. Приближалась новая общеевропейская война.

Стратегические соображения, уже упоминавшиеся нами выше, а также стремление показать испанцам, что Франция может эффективно защищать их колониальные интересы, были главной причиной того, что Версаль перешел к принципиально новой политике в Северной Америке, имеющей ярко выраженную антианглийскую направленность. 31 мая 1701 г. в письме Кальеру и Шампиньи было объявлено, что «Его Величество принял решение основать поселение в устье Миссисипи», так как «стало неотложной необходимостью положить предел продвижению, начатому англичанами от Каролины до Нью-Йорка в земли, которые лежат между ними и этой рекой».[84]

Тогда же было решено соорудить форт и основать поселение между озерами Эри и Гурон на месте, где еще с середины 1680-х годов существовала небольшая французская фактория. Этот форт должен был способствовать французской колонизации южного побережья Великих озер, а также препятствовать продвижению англичан в этом регионе. Кроме того, он становился связующим звеном между Луизианой и поселениями долины реки Св. Лаврентия. Эту идею в 1699 г. выдвинул известный мехоторговец и авантюрист из Новой Франции Антуан Ломе, вошедший в историю под придуманным им самим звучным дворянским именем де Ля Мот Кадийяк. В записке, направленной графу Морепа́, он писал, что если поселение, основанное в этом месте, будет достаточно мощным, то это позволит «сдерживать ирокезов и англичан или с помощью Монреаля уничтожить их».[85] В 1701 г., несмотря на оппозицию канадских властей и мехоторговцев, Ля Мот Кадийяк на берегу небольшого озера Сент-Клер основал форт, названный им в честь морского министра, — форт Поншартрен. В дальнейшем за этим пунктом закрепилось название Детруа, в искаженном виде (Детройт) сохранившееся по сей день.

Таким образом, развитие французской экспансии в Северной Америке приобрело в глазах правительства четкую антианглийскую направленность. Теперь французские владения в Северной Америке должны были протянуться огромной вертикальной полосой от Гудзонова до Мексиканского залива, и охватить бассейны двух крупнейших рек континента: Миссисипи и Св. Лаврентия, а также систему

[84]Louis XIV to Messrs de Callières and de Champigny. Versailles, 31st May 1701 // Documents Relative to the Colonial History of the State of New York. Vol. IX. P. 721.

[85]Mémoire de La Mothe Cadillac adressé au Compte de Maurepas // Mémoires et documents... T. V. P. 138.

Великих озер. Соответственно они должны были стать барьером для продвижения англичан на запад и удержать их в пределах территории, ограниченной с востока Атлантическим океаном, с запада — Аппалачами и Аллеганами, с юга — испанскими владениями во Флориде, с севера — французской Акадией.

В мае 1701 г. современник заметил по этому поводу: «Поначалу не было видно, чем район Миссисипи мог быть полезен для Франции, посему здесь не собирались основывать ничего слишком значительного, но лишь предоставляли ему возможность медленно развиваться. Но поскольку Испания теперь перешла к детям Франции, представляется необходимым посредством создания колонии на Миссисипи и заключения союза со всеми индейскими племенами, живущими вдоль этой реки, создать преграду против англичан от Бостона до Флориды, или Каролины, как они ее называют; это делается, для того чтобы предупредить их дальнейшую экспансию в этих землях и расширение от одной из этих наций до другой вплоть до испанских колоний, которые они могли бы опустошить, если они продвинуться столь далеко. Соответственно необходимо остановить их и, для того чтобы достичь этой цели, предполагается разместить как можно больше миссий среди всех индейских племен, живущих между Миссисипи и английскими колониями».[86]

Известный канадский историк У. Дж. Эклз указывал, что это было «важнейшее решение, касающееся французской политики в Северной Америке».[87] В ряде своих работ он отстаивал ту точку зрения, что в конце XVII в. в отношении этого континента Людовик XIV перешел к радикально новому курсу, который представлял собой «реальный, хотя и не провозглашенный открыто империализм».[88] С точки зрения Эклза, это была политика «собаки на сене», так как она была продиктована исключительно политическими расчетами и не соответствовала реальным ресурсам и возможностям, которыми Франция располагала в Северной Америке.[89]

Эти утверждения, по нашему мнению, оправданы лишь отчасти. Конечно, вся французская колониальная экспансия в Северной Америке, как мы подчеркивали не раз, была вызвана к жизни неэкономическими соображениями. Однако Эклз не учитывал два важных момента, на которые необходимо обратить внимание.

---

[86] M. Tremblay à M. Glandelet. [Paris], le 28 mai 1701 // Archives du Séminaire de Québec. Sous-série 2.1. Carton O. No 34.

[87] *Eccles W. J.* France in America. Vancouver; Winnipeg; Toronto; Montreal, 1972. P. 102.

[88] *Eccles W. J.* Canada under Louis XIV... P. 240.

[89] Ibid. P. 248–249; см. также: *Eccles W. J.* Frontenac: The Courtier Governor. Toronto, 1965. P. 334–335.

Во-первых, говоря о направлении этой экспансии, надо иметь в виду, что оно было в значительной степени детерминировано географией Североамериканского континента. Жолье, Маркет, Ла Саль и другие французские путешественники, которые исследовали Миссисипи и таким образом сделали возможным основание Луизианы, на самом деле *не ставили* перед собой цели достичь Мексиканского залива. В глубине континента они искали путь к Тихому океану. Однако вопреки расчетам географов того времени размеры Северной Америки оказались больше, чем предполагалось, и ее величайшая река текла на юг, а не на запад. В результате французская экспансия, первоначально шедшая по реке Св. Лаврентия и Великим озерам в западном направлении, миновала водораздел и «повернула» на юг в бассейн Миссисипи. Причем этот «поворот» начался еще в 70–80-е годы XVII в., когда французы появились на Убоше и Иллинойсе и включили живущие там племена в орбиту своего экономического и политического влияния.[90] Таким образом, сама география Северной Америки в определенной степени делала неизбежным столкновение англичан и французов, экспансия которых шла по пересекающимся маршрутам.

Во-вторых, Эклз утверждал, что французам стоило ограничить свою колониальную активность долиной реки Св. Лаврентия, как еще в 1660-е годы предлагал Ж.-Б. Кольбер.[91] Однако это было нереально ни с экономической, ни с политической точки зрения. С одной стороны, логика развития пушного промысла, являвшегося важнейшей отраслью хозяйства колониальной Канады, постоянно требовала включения в орбиту французской мехоторговли новых территорий. С другой стороны, французы вряд ли что-либо выиграли в случае, если бы район Великих озер и бассейн Миссисипи попал под английский контроль, что при определенном стечении обстоятельств вполне могло произойти. Это отнюдь не обеспечило бы безопасности Новой Франции и не способствовало ее экономическому процветанию, а, наоборот, сделало бы и то и другое еще более проблематичным. Как мы увидим чуть ниже, планы английских колониальных чиновников и их заявления на этот счет подтверждали это. В этом смысле также показательно, что в конце войны Аугсбургской лиги Поншартрен старший сделал было попытку резко изменить курс, свернув французскую экспансию на западе (т. е. фактически начать следовать вышеупомянутой схеме Кольбера), однако очень быстро вернулся к прежней стратегии.[92]

---

[90] См., напр.: *Магидович В. И., Магидович И. П.* Очерки по истории географических открытий: В 5 т. Т. III. М., 1982. С. 189–192.

[91] См.: *Eccles W. J.* Frontenac: The Courtier Governor. P. 334–335.

[92] См.: *Parkman F.* Op. cit. Vol. 2. P. 301.

Зная итог англо-французской борьбы в Северной Америке, можно, конечно, утверждать, что в принципе для Франции любой вариант развития ее колониальной империи (и «оборонительный» и «наступательный») был тупиковым — и географические и социально-экономические факторы были против нее. Однако в данном случае, на наш взгляд, действия французов были, во-первых, закономерными, а во-вторых, стратегически оправданными (оценивать их общую правильность / неправильность просто некорректно). Политика широкомасштабной экспансии полностью соответствовала духу и самой сути французского абсолютизма, достигшего при Людовике XIV высшей точки своего развития. Зная характер правления Короля-Солнца, нельзя было ожидать, что он добровольно откажется от огромной территории (к тому же названной его именем), которая в этом случае неминуемо попадала в руки его врагов. В то же время, как это ни парадоксально, но тонкая цепочка фортов и миссий смогла в течение более чем полувека достаточно эффективно противостоять густонаселенным и быстро развивающимся английским колониям, и потребовалось непосредственное и очень существенное вмешательство Лондона, для того чтобы покончить с французским присутствием в Северной Америке.

Все французские колониальные чиновники поддержали идеи Людовика XIV и Поншартрена. Особенно важно отметить мнение губернатора Новой Франции Л.-Э. де Кальера, для которого основание колонии в Луизиане создавало ряд серьезных проблем политического и экономического характера.[93] Однако, несмотря на это, он также признал объективную необходимость данного предприятия. Когда до него дошли слухи из английских колоний о том, что англичане собираются отправиться к устью Миссисипи, он немедленно написал Поншартрену следующее: «Поскольку это благодатная страна, которая может быть полезна в дальнейшем <...> я полагаю, что было бы необходимо опередить их [англичан. — *Ю. А.*] и отправиться морем, чтобы занять устье этой реки, чтобы помешать им войти туда».[94]

Англичане и угроза французского «окружения»

Наша оценка действий французского правительства подтверждается и тем, что продвижение французов в глубь континента вызывало очень серьезное беспокойство властей ряда английских колоний.

[93] См.: *Zoltvany Y. F.* Callières Louis-Hector de // Dictionnaire Biographique du Canada. T. II: 1701–1740. Toronto; Québec, 1969. P. 120–122.

[94] Extrait d'une lettre de M. de Callières au Ministre de la Marine, le 2 mai 1699 // Mèmoires et documents... T. IV. P. 303.

Еще в 1695 г. Фрэнсис Никольсон, возглавлявший в то время администрацию Мэриленда, писал по поводу замыслов Ла Саля: «Я надеюсь, что они [французы. — *Ю. А.*] никогда не смогут осуществить это так, как если это им удастся, и они привлекут на свою сторону индейцев, находящихся за нашей спиной <...> это может иметь фатальные последствия для большинства этих стран [английских колоний. — *Ю. А.*]». Позднее, когда французы уже готовились к броску в устье Миссисипи, он заметил, что «если они поселятся на этой реке, то она и река Канады будут окружать все английские владения здесь».[95] В связи с этим Никольсон считал необходимым активизировать коммерческую деятельность англичан среди индейских племен, живущих между Аллеганами и Миссисипи, основать в этом регионе торговые фактории и даже строить корабли на Великих озерах.

В дальнейшем, когда Никольсон занял губернаторское кресло в Вирджинии, он продолжал выступать сторонником развития английской экспансии (прежде всего торговой) в западном направлении. В 1699 г. влиятельный коммерсант и офицер колониальной милиции Кэдуолледер Джонс представил ему записку, озаглавленную «Улучшение Луизианы и Вирджинии», где предлагал создать специальную компанию для исследования путей, ведущих к Великим озерам, и строительства торговых факторий в этих местах.[96] Поскольку в Вирджинии эти планы не вызвали большого интереса, Никольсон пытался привлечь к ним внимание властей метрополии. Нам важно отметить, что среди его аргументов фигурировало и то, что реализация проекта Джонса позволит создать конкуренцию французской торговле на Западе и остановит дальнейшее продвижение французов в глубь континента.[97] Однако правительственные чиновники скептически отнеслись к этой идее и напомнили Никольсону, что главная отрасль хозяйства Вирджинии — производство табака, а не коммерческая деятельность на Западе.[98]

Одним из первых возможные последствия основания Луизианы и опасности этого события для англичан разглядел Роберт Ливингстон. В середине мая 1701 г. он писал лордам торговли: «...они [французы. — *Ю. А.*] сейчас сооружают значительное поселение в устье великой реки Миссисипи, протяженность которой составляет 600 лиг от западной оконечности Великих озер на севере до окрестностей

---

[95] Цит. по: *Crane V. W.* Op. cit. P. 60–61.

[96] См.: *Jones C.* Louisiana and Virginia improved // Virginia Magazine of History and Biography. 1922. Vol. XXX.

[97] Calendar of State Papers. Colonial Series. Vol. XVII: 1699. Also Addenda, 1621–1698. London, 1908. P. 314.

[98] Ibid.

Мексики. Оттуда они стремятся распространить свои поселения до Канады и таким образом окружить англичан сзади».[99]

Однако в целом власти Нью-Йорка в тот момент испытывали беспокойство не из-за появления Ибервиля на Миссисипи, а из-за изменения позиции Союза пяти племен, что неизбежно поставило перед ними ряд новых проблем. Колония потеряла стратегического союзника, который на протяжении трех с лишним десятилетий являлся ее основной ударной силой и в то же время составлял важнейшую линию обороны. Это было необходимо каким-то образом компенсировать. Еще в конце 1698 г. Белломонт уверенно заявлял Никольсону, что индейцев, проживающих «за Вирджинией и Каролиной», можно легко включить в торговлю с англичанами. И хотя французы уже появились среди них, англичане «безусловно в состоянии отбить их у французов», так как, по его словам, «благодаря нашей близости к ним и численности наших людей мы можем торговать с ними на лучших условиях, чем французы». Белломонт добавлял, что это становится особенно необходимым в связи с тем, что численность ирокезов сокращается, а политика французов состоит в том, чтобы разрушать все, что они не могут вырвать из рук англичан.[100]

Осенью 1699 г. Белломонт выдвинул идею совместных действий Нью-Йорка, Пенсильвании, Мэриленда, Вирджинии и Каролины, которые должны были разработать комплекс мер с целью активизации торговых связей и включения в сферу английского влияния племен чиппева, майами и оттава.[101] Очевидно, что таким образом губернатор надеялся сразу решить ряд вопросов. Во-первых, воздействовать на Союз пяти племен и постараться таким образом сохранить его союз с Нью-Йорком; во-вторых, укрепить обороноспособность английских колоний, и прежде всего Нью-Йорка, на случай конфликта с французами; в-третьих, расширить сферу своего коммерческого влияния; наконец, в-четвертых, не допустить перехода этих племен и занимаемых ими территорий под контроль Новой Франции.

Лондон одобрил этот проект,[102] правда, в силу ряда причин его осуществление не было начато. Тогда администрация Нью-Йорка пыталась предпринять ряд самостоятельных шагов. В июне 1699 г. Кальер сообщил в Версаль, что англичане из Нью-Йорка появились в Стране иллинойсов и утверждают, что все территории к югу от

---

[99] Mr. Robert Livingstone to the Lords of Trade (New York, 13th May 1701) // Documents Relative to the Colonial History of the State of New York. Vol. IV. P. 872.

[100] Governor the Earl of Bellomont to Governor Nicholson. 1698 November 12, New York // Calendar of State Papers. Colonial Series. Vol. XVII. P. 50. No 77. I.

[101] См.: Earl of Bellomont to the Lords of Trade. Boston, October the 20th 1699 // Documents Relative to the Colonial History of the State of New York. Vol. IV. P. 590.

[102] См.: Lords of Trade to the Earl of Bellomont (Whitehall, April 11, 1700) // Ibid. P. 632.

Великих озер принадлежат им.[103] В апреле 1700 г. Р. Ливингстон предложил построить английский форт между озерами Эри и Гурон, чтобы не допустить французов в этот регион, однако, как мы знаем, Ля Мот Кадийяк опередил его. Ливингстон также заявлял, что необходимо как можно скорее направить к индейцам протестантских проповедников и «остановить дьявольскую практику» католических миссионеров.[104] В дальнейшем он неоднократно обращался в Лондон с просьбами о присылке войск и размещении новых гарнизонов на западных границах, так как, по его словам, теперь «канадские индейцы легко могут пройти через Страну ирокезов <...> и разрушить и опустошить благородные и доходные поселения Вирджинии и Мэриленда, так же как и другие колонии».[105]

Несмотря на грандиозные планы и громкие претензии, Нью-Йорку не удалось добиться практически ничего. В значительной степени это было связано с тем, что в самой колонии далеко не все разделяли взгляды губернатора и экспансионистски настроенных мехоторговцев и земельных спекулянтов вроде Ливингстона и Скайлера. В свою очередь, колониальная ассамблея, да и многие жители колонии считали, что, поскольку Нью-Йорк является «краеугольным камнем» всех английских колоний на континенте, в укреплении его обороны должны принимать участие (прежде всего финансовое) и соседние колонии. Однако последние вовсе не торопились с этим.

Единственной серьезной антифранцузской акцией администрации Нью-Йорка был так называемый Акт о передаче (Deed) ирокезов, правда, сами англичане стали использовать его далеко не сразу. Дело в том, что 19 июля 1701 г. Союз пяти племен уступил королю Англии права на охотничьи угодья, расположенные между озером Онтарио и Верхним озером, размером приблизительно 800 на 400 миль, которые они в 40-е годы XVII в. захватили у гуронов в результате «бобровых войн».[106] В дальнейшем англичане стали использовать это для обоснования своих прав на долину Огайо.

Однако на самом деле акт ирокезов не являлся документом, передающим какие-либо права собственности. Как заметил Ф. Дженнингз, с этой точки зрения это был лишь «ничего не сто-

---

[103]См.: Extrait d'une lettre de M. de Callières au Ministre de la Marine, le 2 juin 1699 // Mémoires et documents... T. IV. P. 304–305.

[104]См.: Mr. Robert Livingstone's Report of his Journey to Onondaga, April 1700 // Documents Relative to the Colonial History of the State of New York. Vol. IV. P. 648–652.

[105]Mr. Robert Livingstone to the Lords of Trade (New York, 13th May 1701) // Ibid. P. 872.

[106]См.: Deed from the Five Nations to the King of their Beaver Hunting Ground (July 19, 1701) // Ibid. Vol. IV. P. 908–911.

ящий клочок бумаги».[107] К тому моменту Союз пяти племен уже давно лишился контроля над этими территориями, и, ставя свои тотемные знаки под актом, его вожди, таким образом, лишь предоставляли англичанам возможность отвоевать их для ирокезов в компенсацию за то, что ирокезы приводили другие племена под власть англичан. Можно предположить, что ирокезы пошли на это, желая сделать какой-нибудь дружественный жест в отношении англичан, перед тем как заключить мир с французами и провозгласить нейтралитет. Впрочем, некоторые авторы полагают, что ирокезы, действуя таким образом, пытались столкнуть англичан и французов, считая это выгодным для себя.[108]

Следует подчеркнуть, что построенный французами форт между озерами Гурон и Эри находился почти посередине вышеупомянутой территории, переданной англичанам ирокезами. Однако когда лейтенант-губернатор Нью-Йорка Джон Ненфен пытался уговорить Союз пяти племен напасть на него, ирокезы категорически отказались делать это и предложили англичанам действовать самостоятельно.[109] Таким образом, несмотря на акт, французы, а не англичане закрепились на «охотничьих угодьях» ирокезов, причем без какого-либо противодействия с их стороны.

Появление французов на северном побережье Мексиканского залива вызвало определенные опасения у властей Южной Каролины. Мы уже упоминали о том, что эта колония достаточно активно развивала свою торговую экспансию в южном и западном направлениях. В самом конце 1690-х годов ее губернатор Джозеф Блейк строил планы «прорыва» англичан к Мексиканскому заливу и изгнания испанцев из Пенсаколы.[110] Информация об этом дошла до Ибервиля, который в 1699 г. писал: «Очевидно, что эта нация [англичане. — *Ю. А.*] помышляет о завоеваниях и извлечении выгоды из беспорядков в Испанском королевстве, если они произойдут».[111]

В 1699 г. Блейк отправил экспедицию на запад, проводником которой, как предполагает В. У. Крейн, был переметнувшийся к англи-

---

[107] См.: *Jennings F.* Op. cit. P. 212–213.

[108] См.: *Richter D. K.* Native Peoples of North America and the Eighteenth-Century British Empire // The Oxford History of the British Empire: In 5 vols. Vol. II. Oxford; New York, 1998. P. 354.

[109] См.: Lieutenant-Governor Nanfan to the Lords of Trade. New York, 29th December 1707 // Documents Relative to the Colonial History of the State of New York. Vol. IV. P. 928.

[110] См.: *Dunn W. E.* Op. cit. P. 197–198.

[111] Journal du voyage du chevalier d'Iberville sur le vaisseau du Roi le Renommée, en 1699, depuis le cap Français jusqu'à la côte de Mississipi, et son retour // Mémoires et documents... T. IV. P. 398.

чанам Жан Кутюр.[112] Эта экспедиция прошла через Страну чероки, а затем по рекам Теннеси и Огайо спустилась к Миссисипи. В феврале 1700 г. англичане вторично достигли устья Арканзаса. Встречавшимся им французским лесным бродягам они заявляли, что эти земли принадлежат Англии, подданные которой будут в них торговать. В дальнейшем долина Теннеси действительно довольно быстро попала в орбиту английского влияния, однако другие области стали объектом ожесточенных споров и столкновений.

Прежде всего это касается территорий современных штатов Миссисипи и Алабама, расположенных между Каролиной и зарождающейся Луизианой. Здесь основным торговым партнером и союзником англичан было воинственное племя чикасо, поставлявшее торговцам из Чарльстона рабов. С помощью чикасо англичане включили в орбиту своего влияния значительную часть вышеупомянутой территории.

Ибервиль и его соратники в Луизиане считали необходимым остановить продвижение конкурентов. Используя традиционную канадскую тактику, французы начали устанавливать контакты с местными индейцами, враждебными чикаса, прежде всего с чокто. Кроме того, понимая стратегическое значение Пенсаколы и опасаясь того, что она может попасть в руки англичан, Ибервиль в ряде записок, адресованных Ж. де Поншартрену, предложил добиться ее уступки французам. Так, в июне 1701 г. он писал: «Испанцы никогда не построят форт в бухте Пенсакола, хозяевами которой, в случае если у нас начнется война, вполне могут стать англичане. Было бы желательно, чтобы испанцы согласились бы уступить ее Его Величеству, и чтобы они смирились с тем, что французы основали поселение на реке Мобил, находящейся между ними и Миссисипи, потому что оттуда мы оказываем помощь шакта [чокто. — *Ю. А.*], являющимися могущественной нацией, которую необходимо поддерживать, чтобы они могли победить шикаша [чикасо. — *Ю. А.*], которые являются друзьями англичан, или разорвать их дружбу».[113]

Поншартрен согласился с доводами Ибервиля. Французскому послу в Мадриде герцогу д'Аркуру были даны инструкции выяснить позицию испанского правительства по данному вопросу. Однако Совет по делам Индий, несмотря на давление Филиппа V, категорически отказался уступить Пенсаколу и отверг саму идею любого сотрудничества с французами в колониях, как противоречащую законам Испании.[114] Более того, испанское правительство в специальном

[112]См.: *Crane V. W.* Op. cit. P. 65.

[113]Mémoire sur Mississipi. A Versailles, le 20 juillet 1701 // Mémoires et documents... T. IV. P. 484.

[114]См.: *Dunn W. E.* Op. cit. P. 208–211.

меморандуме заявило, что все побережье Мексиканского залива входит в состав владений «Его Католического Величества», прозрачно намекая на то, что французы не имеют никаких прав на Луизиану.[115]

Однако такая позиция министров его внука только укрепила Людовика XIV в намерении продолжать намеченный курс в отношении Североамериканского континента. В конце сентября 1701 г. Поншартрен писал д'Аркуру по поводу Луизианы: «Его Величество не собирается оставлять ее, поскольку он уверен, что в противном случае англичане не преминут водвориться там».[116]

Незадолго до этого Ибервиль получил инструкции в третий раз отправиться в Луизиану и основать новый более мощный форт в бухте Мобил, расположенной между Пенсакола и устьем Миссисипи. Это место было указано самим Ибервилем. Он упоминал о нем в цитировавшейся выше записке, а также в ряде других документов. Так, в чрезвычайно ценном описании английских колоний в Северной Америке, составленном им в начале 1701 г.,[117] Ибервиль писал: «Мне представляется абсолютно необходимым заложить основы колонии Миссисипи на реке Мобил и соединиться с индейцами, которые там достаточно многочисленны <...> и их вооружить, чтобы они могли бороться с теми [индейцами. — *Ю. А.*], которые держат сторону англичан и заставить англичан уйти обратно за горы, что в настоящий момент легко, так как те еще не столь могущественны к западу от этих гор».[118]

Ибервилю также было приказано изгонять англичан, в случае если он их обнаружит, «как из тех мест, которые относятся к колонии Миссисипи, так и из тех, которые относятся к испанским владениям». Относительно индейцев в инструкциях говорилось, что прежде всего необходимо «привлечь этих дикарей на сторону Его Величества и разорвать связи, которые англичане начали устанавливать с частью из них», посредством союзов, миссий и т. п.[119]

В начале 1702 г. в бухте Мобил было сооружено небольшое укрепление, которое получило название форт Сен-Луи. К этому времени французы уже наладили достаточно прочные связи со многими племенами региона. Они стремились препятствовать деятельности сре-

---

[115]См.: Mémoire de la Junte de Guerre // Mémoires et documents... T. IV. P. 553–568.

[116]Pontchartrain au duc d'Harcourt, le 23 septembre 1701 // Ibid. Vol. IV. P. 571.

[117]Этот документ не датирован, однако содержащаяся в нем информация позволяет отнести его к началу 1701 г. См.: *Frégault G.* Iberville le conquérant. P. 335 (прим. 7).

[118]Mémoire donné par le sieur d'Iberville des côtes, qu'occupe l'Angleterre dans l'Amérique septentrionale, depuis la rivière Saint-Mathieu jusqu'à la rivière Saint-Georges // Mémoires et documents... T. IV. P. 548.

[119]Цит. по: *Frégault G.* Iberville le conquérant. P. 345–347.

ди индейцев английских торговцев и даже несколько раз пытались захватить некоторых из них.[120] В 1702 г., перед самым началом Войны за испанское наследство, благодаря усилиям Тонти и Бьенвиля французам удалось вывести чикасо из орбиты английского влияния и примирить их с чокто (правда, ненадолго).

* * *

С основанием Луизианы, которая изначально рассматривалась в Версале как барьер для английского продвижения в глубь Северной Америки, возникла еще одна зона англо-французского конфликта. Со временем, поскольку англичане начали постепенно проникать за Аллеганы и Аппалачи, а французы намеревались соединить Луизиану и Канаду цепочкой укреплений, эта зона конфликта неминуемо должна была расшириться и слиться с зоной конфликта в районе Великих озер, превратившись в сплошную «линию фронта», тянущуюся почти через весь континент.

Однако применительно к началу XVIII в. можно говорить только об отдельных точках соприкосновения англичан и французов в Северной Америке, к которым теперь прибавился юго-восток современных США. Следует учитывать, что в большинстве английских колоний, а также в правительственных кругах идея продвижения на запад в то время еще не находила широкой поддержки. Примером тому служит крах многих колониальных проектов, в частности, упоминавшегося нами выше проекта Кокса. Английское правительство сочло его слишком рискованным, полагая, что колонию на берегу Мексиканского залива будет очень трудно защищать, а если там поселятся гугеноты, то она будет постоянно находиться под угрозой нападения со стороны как испанцев, так и французов. Был выдвинут и ряд возражений экономического характера.[121] Правда, впоследствии сын Кокса Дэниэл Кокс младший утверждал, что король якобы все же одобрил план его отца, но его реализации помешала начавшаяся Война за испанское наследство.[122]

Сторонниками развития английской экспансии в глубине Североамериканского континента были лишь отдельные представители колониальной верхушки и сравнительно небольшие специфические группы (торговцы пушниной из Олбани, рыбаки из Массачусетса, коммерсанты из Южной Каролины и т. п.), а также некоторые наибо-

---

[120]См.: Lettre de d'Iberville au Ministre de la Marine. Des Bayogoulas, le 26 février 1700 // Mémoires et documents... T. IV. P. 362.

[121]См.: *Crane V. W.* Op. cit. P. 59.

[122]См.: *Coxe D.* A Description of the English Province of Carolana, by the Great and Famous River Meschesebe or Mississippi, Spaniards Called Florida and by the French La Louisiane. London, 1722. P. IV–VII.

лее экспансионистски настроенные политики метрополии. При этом, как справедливо отметил Д. Э. Лич, они явно преувеличивали силу французов и исходящую от них опасность.[123] Действительно, угроза «окружения» английских колоний в то время была скорее потенциальной, чем реальной, до ее реализации было еще очень далеко, да и видели ее отнюдь не все. Однако ситуация на континенте действительно изменилась не в пользу англичан. Не случайно губернатор Каролины Джеймс Мур заметил, что французы во время мира являются даже более опасными для англичан, чем во время войны.[124]

Глава 3. ПЕРЕГОВОРЫ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПО КОЛОНИАЛЬНЫМ ВОПРОСАМ (1699–1701 гг.)

В то время как на рубеже XVII–XVIII вв. в расстановке сил на Североамериканском континенте происходили весьма существенные изменения, связанные с расширением старых и появлением новых зон конфликта, Лондон и Париж пытались урегулировать накопившиеся проблемы путем переговоров. В соответствии с условиями Рисвикского мира в начале 1699 г. в Лондоне начались заседания комиссии уполномоченных двух держав, которые должны были рассмотреть спорные вопросы, касающиеся их владений в Северной Америке. С английской стороны в работе комиссии участвовали фаворит Вильгельма III граф Портленд, а также граф Пемброк, граф Бриджуотер и граф Танкервил;[125] французскую сторону представляли посол Людовика XIV в Англии граф Таллар и специальные уполномоченные д'Эрбо и д'Аргу.[126]

Английские интересы было поручено отстаивать политикам, хорошо знакомым с колониальными реалиями. Поскольку граф Портленд не всегда участвовал в заседаниях, будучи занят выполнением других более ответственных поручений своего короля (в том числе и за пределами Англии), ключевыми фигурами в комиссии с английской стороны стали Дж. Эгертон граф Бриджуотер и Ф. Грей граф Танкервилл, являвшиеся членами Совета по торговле и колониям. Что касается французской стороны, то главная цель миссии

[123]См.: *Leach D. E.* Arms for Empire. P. 121.
[124]*Crane V. W.* Op. cit. P. 75.
[125]Установлено по: Calendar of State Papers. Colonial Series. Vol. XVII. P. 82–83.
[126]См.: Mémoire contenant les lettres de MM. de Tallard, ambassadeur de la France en Anleterre, et d'Herbault, commissaire nommé par le Roy pour le règlement des articles réservé par le traité de Paix de Ryswick // Collection de manuscrits... T. II. P. 293.

К. д'Остена графа Таллара в Лондоне состояла в урегулировании вопроса о судьбе испанского наследства, и он также не принимал активного участия в работе колониальной комиссии. Зато родственник Поншартрена чиновник морского министерства А.-Ф. Фелипо д'Эрбо и его помощник д'Аргу были неплохо знакомы с заморскими сюжетами. В результате дискуссии оказались весьма напряженными.

Позиции и аргументы сторон

Первоначально предполагалось, что уполномоченные будут обсуждать только сюжеты, связанные с Гудзоновом заливом, как это было условлено в Рисвике. Однако, поскольку сразу же после окончания Войны Аугсбургской лиги в колониях снова встал вопрос о суверенитете над ирокезами и вопрос о границе Массачусетса и Акадии, рамки дискуссии было решено раздвинуть.

Позиция английской стороны на этих переговорах хорошо видна из меморандума, подготовленного Советом по торговле в феврале 1699 г., где были изложены основные притязания англичан и приведены подкрепляющие их аргументы.[127] В начале этого документа говорилось, что права англичан на Северную Америку в целом и на спорные территории в частности основываются на праве первого открытия, а в дальнейшем были зафиксированы в ряде пожалований. Были названы пожалование Яковом I той части континента, которая расположена между 40° и 48° СШ «от моря и до моря» в 1620 г. (т. е. патент Совета Новой Англии), патенты сэра Уильяма Александера, Дэвида Кёрка, Томаса Темпла, герцога Йоркского и Хартия Массачусетса 1690 г. Здесь же отмечалось, что в 1632 г. Карл I передал французам «некоторые права» на Канаду, но при этом не отказался от «права собственности» на нее (правда, как следует понимать этот пассаж, явно идущий в разрез с положениями договора в Сен-Жермен-ан-Лэ, не объяснялось).

Далее излагалась позиция по отдельным спорным вопросам. Так, относительно Акадии говорилось, что рыболовный промысел у ее берегов имеет большую важность для Англии, и что «необходимо защитить и поддержать» английские права на рыбную ловлю в этом районе. Также было подчеркнуто, что «старинным рубежом <...> Новой Шотландии является река Сент-Круа <. . . > которая должна

[127] См. два варианта этого документа: Council of Trade and Plantations to Mr. Secretary Vernon. February 17, 1699 // Calendar of State Papers. Colonial Series. Vol. XVII. P. 64–67. No 108; The Lords of Trade to Secretary Vernon (Whitehall, 17 February 1698/99) // Documents Relative to the Colonial History of the State of New York. Vol. IV. P. 475–478.

быть установлена в качестве границы между французами и нами в этих краях», и что ни в коем случае не следует допускать установления границы по реке Сент-Джордж и тем более по Кеннебеку, «как стремятся французы».

По поводу ирокезов в документе было отмечено, что существует множество доказательств того, что они и их страна всегда относились к юрисдикции колонии Нью-Йорк, «вследствие чего мы уже полностью отвергли и предали забвению все французские притязания на какие-либо права на них, которые мы не признаем и которые не имеют для нас веса, так как восходят не далее, чем к 1666 году».

В меморандуме был затронут еще один очень важный вопрос. Его авторы признали необходимость установления границ английских колоний на севере и на западе, отметив, что относительно них в английских хартиях и пожалованиях не содержится никаких упоминаний, в то время как французы, завладев Канадой, поднялись по реке Св. Лаврентия и проникли в район Великих озер, расположенный к северу и западу от колоний Его Величества. Сразу же подчеркнем, что таким образом англичане впервые признали условность и несостоятельность своих притязаний на территории Североамериканского континента «от моря и до моря».

В конце документа высказывались соображения по поводу договора о нейтралитете в Америке, который, с точки зрения его авторов, прекратил свое действие в силу следующих обстоятельств. Во-первых, потому, что французы сами нарушили этот договор. Когда началась война в Европе, они напали на англичан в Америке, а если бы они были заинтересованы в соблюдении договора о нейтралитете, то не должны были этого делать; а поскольку одна из сторон вышла из договора, другая тоже не обязана его соблюдать. Во-вторых, в Рисвикском мирном договоре не было упомянуто о возобновлении Договора об американском нейтралитете, что должно было быть сделано, если бы обе стороны были в этом заинтересованы. Из этого делался следующий вывод: «...несмотря на этот договор, они [французы. — *Ю. А.*] первыми напали и атаковали нас в Америке, что они могут сделать и снова, в то время как мы, полагаясь на силу такого договора, можем оказаться полностью незащищенными и неподготовленными к нападению, как это случилось в тот раз».

Различные группы, связанные с тем или иным направлением колониальной экспансии, также пытались лоббировать свои интересы. Наиболее активно действовала имеющая множество высокопоставленных покровителей Компания Гудзонова залива. Перед началом работы Комиссии уполномоченных ее руководство направило прави-

тельству ряд петиций с требованием защитить законные права англичан на весь район, прилегающий к Гудзонову заливу.[128]

Представление о точке зрения французов по основным спорным вопросам можно получить из специальной инструкции, направленной Таллару и д'Эрбо (в тот момент уже находившимся в Лондоне) 7 июля 1698 г.[129] В этом пространном документе (который до настоящего времени ни разу не рассматривался исследователями) затрагивался практически весь спектр проблем, относившихся к англо-французским отношениям в Северной Америке: принадлежность «Северного» (т. е. Гудзонова) залива и Ньюфаундленда, разграничение владений двух держав на континенте, возмещение ущерба, нанесенного в результате тех или иных операций, статус Лиги ирокезов, торговля между колониями и т. д. Там же поднимался вопрос о возобновлении Договора об американском нейтралитете.

Первым поднимался вопрос о Гудзоновом заливе, который, как говорилось в документе, «полностью принадлежит Его Величеству» на том основании, что якобы еще до 1504 г. баски и бретонцы проникли туда и ловили там рыбу, а в 1656 г. некий Жан Бурдон официально вступил во владение заливом и всем прилегающим к нему регионом, что тогда же было зафиксировано в протоколах Совета Новой Франции. Здесь также утверждалось, что «дикари этого залива сами признали себя подданными короля и вели торговлю с французами; и те, кто от имени Его Величества управляют Новой Францией, всегда отправляли к ним миссионеров, чтобы наставлять их в христианской религии». В подтверждение этого приводилась ссылка на письменное свидетельство иезуита Клода Даблона.

Французская сторона обвиняла англичан в том, что они, воспользовавшись изменой Радиссона и Грозейе, незаконно проникли на побережье Гудзонова залива и основали там свои фактории. «Англичане, всегда заботящиеся о своих интересах, будучи осведомлены о связях и торговле, установившимися между французами и дикарями в Северном заливе, решили их пресечь. С этой целью они в 1662 г. подговорили названных Дегрозелье [Грозейе. — *Ю. А.*] и Радиссона, жителей Канады и подданных Его Величества, которые прибыли в Бостон, а затем в Лондон, где они получили все необходимое для основания поста в глубине этого залива. Англичане, ведомые эти-

[128]См., напр.: Petition of Hudson Bay Company (before March 3, 1699) // Calendar of State Papers. Colonial Series. Vol. XVII. P. 82. No 136.

[129]См.: Mémoire pour servir d'Instruction au Sieur Comte de Tallard et au Sieur Phélypeaux d'Herbaut, conseiller du Roi en ses conseils et sa Cour de Parlement de Metz, intendant de la marine et des armées navales de France, le 7 juillet 1698 // Archives du ministère des affaires étrangères. Fonds anciens. Correspondance politique. Angleterre. Vol. 208. Janvier 1698 — Avril 1699. Dépôt Tallard. Restitué. Autres instructions. F. 20–45.

ми двумя изменниками, сначала обосновались в месте, называемом мыс Конфор, затем они основали посты на реке Немиско, которую они называют Руперт, на реке Монсипи и на реке Шишитеуэ [Черчилл]».[130]

Далее излагались основные события, происходившие на побережье Гудзонова залива в 1670–1680-е годы, при этом все действия французов объявлялись законными и справедливыми, так как они лишь отстаивали свои права и противодействовали английской узурпации. Признавая, что своими действиями обе стороны нанесли ущерб торговле друг друга, французы утверждали, что они понесли от англичан бо́льшие убытки.

После этого подробно разбирались те аргументы, которые могли бы выдвинуть англичане в подтверждение своих прав на Гудзонов залив — плавания и открытия Кабота, Гудзона, Баттона, Фокса и др. Французы (в соответствии с принципом реального владения) утверждали, что действия этих мореплавателей сами по себе не являются достаточным основанием для выдвижения притязаний на побережье залива, так как за ними не последовало ни основания поселений, ни хотя бы установления торговых связей с местными жителями. «Англичане сами согласны с тем, что их воображаемое владение Гудзоновым заливом было прервано и что они начали там торговлю только в 1662 г.». Кроме того, французы справедливо утверждали, что плавание Кабота не имело никакого отношения к Гудзонову заливу, а Генри Гудзон открыл только пролив, названный его именем, но не весь залив.

С точки зрения министров Людовика XIV, «эти доводы и все, что было изложено выше, является достаточно убедительным доказательством того, что французы первыми вступили во владение этим [Гудзоновым. — *Ю. А.*] заливом, и предполагается, что это владение не должно быть прервано, поскольку узурпация, произведенная в мирное время вопреки международному праву и из-за вероломства двух предателей не может дать англичанам никакого права собственности».

Таллару и д'Эрбо поручалось «приложить все усилия, чтобы получить этот [Гудзонов. — *Ю. А.*] залив в полное владение». Однако в случае, «если <...> они найдут это слишком сложным, и если англичане будут настаивать на разделе», они могли предложить провести границу по 55° СШ с условием, что французы получат все территории, расположенные к северу, а англичане — к югу от нее.[131] В этом случае граница прошла бы приблизительно через мыс Генриэтта-

[130] Ibid. F. 20 v.
[131] Ibid. F. 28.

Мария и таким образом в руках французов оказалась бы бо́льшая часть побережья собственно Гудзонова залива, а англичанам достался бы залив Джеймс. Делая это предложение, в Париже исходили из того, что англичане продолжали удерживать форт Олбани, не представлявший с точки зрения французов большой экономической или стратегической ценности, в отличие от форта Нельсон–Бурбон, который они всеми силами хотели удержать (очевидно, не только с точки зрения перспектив развития пушного промысла, но и для продолжения экспансии в западном направлении и поисков северо-западного прохода).

В том случае, если бы англичане настаивали на обмене (Олбани на Нельсон–Бурбон), французские представители должны были им намекнуть, что они не могут гарантировать того, что лесные бродяги из Канады «бессовестные люди, которых не может сдержать власть Короля», не перережут торговые пути, по которым индейцы доставляют пушнину в форт Бурбон.

Про запас французским уполномоченным был оставлен еще один вариант соглашения, предусматривавший уступку англичанам «постов в глубине залива, которые принадлежат французам» (т. е. форта Олбани) за какую-либо территориальную или денежную компенсацию, с условием, что он покроет разницу в убытках.

В самом крайнем случае уполномоченные «в случае, если им не удастся убедить [англичан] принять это последнее предложение», могли «договориться с уполномоченными Его Британского Величества о выполнении статьи VIII Рисвикского мира, определяя с ними границы двух частей Гудзонова залива, французской части — начиная от мыса Генриэтта и земель в глубине [залива] по той же широте, простирающихся на запад до моря, и английской части — от того же мыса до 63-го градуса [северной] широты к северу».[132] Таким образом, французская сторона выдвигала еще один вариант раздела, на сей раз не по горизонтальной, а по вертикальной линии.

Следующий раздел был посвящен разграничению между Канадой и английскими колониями. Вначале было сделано следующее замечание: «Владычество Его Величества над землями Канады — очень старинное, и это можно увидеть у всех авторов, которые писали об этой стране <...> англичане никогда не осмеливались оспаривать власть французов [в Канаде], и разногласия, которые происходили между двумя нациями по поводу этой провинции, касались только границ...». Относительно последних в инструкциях говорилось, что «Канада должна включать все страны, которые были от-

---

[132] Ibid. F. 28 v.

крыты французами и которые постоянно заселены ими. Эти страны простираются на север от озер Онтарио и Эри, земель гуронов и иллинойсов, включая те земли, которые расположены между этими озерами, Рекой иллинойсов и рекой Миссисипи. Что касается стран и владений англичан, то они должны быть ограничены последними поселениями, которые те имеют на сих землях».

Особо подчеркивалось, что англичане «никоим образом не могут претендовать на устье Миссисипи, которым подданные [французского короля. — *Ю. А.*] вступили во владение <...> под командованием покойного сьёра де Ла Саля». Таллару и д'Эрбо следовало помнить, что Миссисипи — «это единственный путь, по которому можно доставлять товары из Луизианы <...> которая станет бесполезной, если Его Величество не будет хозяином устья этой реки». Французским дипломатам под большим секретом сообщалось, что король в скором времени собирается отправить туда корабли, чтобы «подтвердить владение этой страной, которая имеет честь носить его имя».[133]

В третьей части инструкции констатировалась исключительная важность Ньюфаундленда для французской торговли и мореходства. Таллару и д'Эрбо было поручено предложить англичанам за некую компенсацию, содержание которой должно было быть определено в ходе переговоров, уступить Франции весь остров. «Если англичане оставят остров целиком в руках французов, последние останутся единственными хозяевами промысла, который, не требуя никаких приготовлений за исключением сетей, лодок, продовольствия и рабочих рук, дает огромные доходы, занимает бóльшую часть французских матросов и [продукция которого] распространяется по всей Италии, по всей Испании и по всему Леванту».

В случае, если бы англичане отказались пойти на это, французские представители должны были настаивать на разделе Ньюфаундленда. В инструкции было справедливо отмечено, что основным районом английских поселений там является участок восточного побережья острова от мыса Рейс до мыса Бонависта. Там также отмечалось, что англичане стали появляться у северной оконечности острова (у так называемого Пти-Нор), где издавна вели промысел рыбаки из Сен-Мало. Французские дипломаты должны были добиться того, чтобы англичане ни в коем случае не продвигались дальше мыса Бонависта и не вторгались в зону активности малуинцев. Таллару и д'Эрбо было поручено предложить провести раздел Ньюфаундленда по линии, проходящей с юга на север от мыса Рейс через залив

[133] Ibid. F. 40 v.

Консепшн.[134] Однако в этом случае англичанам доставалась лишь юго-восточная оконечность острова — часть полуострова Авалон с Сент-Джонсом, — а основная часть Ньюфаундленда была бы французской. Правда, за исключением бухты Плезанс у того же полуострова Авалон там тогда еще не было поселений, а доступ к Большой банке и другим отмелям при таком разделе для подданных обеих держав был бы примерно одинаковым.

Как видим, правительство Людовика XIV выдвигало весьма существенные притязания, но в то же время оно с самого начала не исключало возможности определенных уступок ради достижения компромисса и урегулирования застарелых и действительно спорных вопросов.

Кроме данной инструкции стоит отметить «Записку о вторжениях англичан на территории Новой Франции», составленной в морском министерстве в 1699 г. В этом документе констатировалось, что все побережье Североамериканского континента «от Французской Флориды и Страны Бостона до Акадии» было впервые открыто французами, которые вступили во владение им. «Но англичане извлекли выгоду из наших Гражданских войн, которые дали занятие оружию наших королей Франциска I, Карла IX и их преемников вплоть до блаженной памяти Людовика XIII и основали свои колонии в этих странах и территориях, прежде открытых по приказу наших королей». Далее шла речь об открытии Ньюфаундленда и Кейп-Бретона нормандцами и бретонцами со ссылками на подтверждающие это документы и последующих французских экспедициях, начиная с Веррацано. Особо подчеркивалось, что Шамплен был первым европейцем, посетившим Страну ирокезов, «которые прежде никогда не слышали об аркебузах <...> использовали только стрелы и каменные топоры»; он воевал с ними, а затем заключил мир и «с того времени территории этих индейцев <...> были включены в пределы Новой Франции».[135]

Напряженные дискуссии

Уполномоченные начали свою работу с рассмотрения вопроса о статусе ирокезов. Обе стороны признавали его сложным, поскольку занимали диаметрально противоположные позиции и ни собирались легко от них отказываться. В письме, отправленном 1 апреля 1699 г., Ж. де Поншартрен сообщал властям Новой Франции, что уполномо-

[134] Ibid. F. 41.

[135] Memoir respecting the Encroachments of the English on the territories of New France. 1699 // Documents Relative to the Colonial History of the State of New York. Vol. IX. P. 701–703.

ченные вряд ли придут к какому-нибудь заключению относительно подданства Союза пяти племен до конца года.[136]

Позиция английских дипломатов была предельно ясной. В Лондоне отдавали себе отчет в том, что если ирокезы будут потеряны, «вся провинция Нью-Йорк будет открыта для нападений французов из Канады».[137] Члены Совета по торговле еще в декабре 1698 г. «покорнейше» докладывали королю, что «для безопасности провинции Нью-Йорк и остальных владений Его Величества в этой части Америки абсолютно необходимо, чтобы Пять наций ирокезов были сохранены и поддержаны в их подчинении королю Англии, как это было прежде».[138]

Английским уполномоченным был передан ряд документов, присланных Белломонтом, которые должны были подтвердить английский суверенитет над Союзом пяти племен и наличие особых связей между ирокезами и англичанами, которые последние унаследовали от голландцев, появившихся в Стране ирокезов намного раньше французов. Как это часто бывало, в этих свидетельствах реальные факты переплетались с вымыслом. Например, в одном из них говорилось, что Договорная цепь существует с 1639 г., а французы впервые установили контакты с Союзом пяти племен только в середине 1640-х годов.[139]

Со своей стороны, французы придерживались точки зрения, аналогичной той, которая была сформулирована Фронтенаком в цитировавшихся нами его письмах к Белломонту и в вышеупомянутой «Записке». Ссылаясь на открытия начала XVI в., они утверждали, что «суверенитет короля над ирокезами — очень старинный и восходит к 1504 г.»,[140] что, конечно, было явным преувеличением.

В то же время инструкции Людовика XIV Таллару и д'Эрбо давали им большую свободу маневра и объективно создавали возможность достижения компромисса. В них говорилось: «Его Величество рекомендует своим уполномоченным <...> употребить все свое старание, чтобы побудить англичан уступить этот суверенитет Фран-

[136] См.: Lettre du Ministre au Gouverneur de Frontenac (1er Avril 1699) // Rapport de l'Archiviste de la Province de Québec. 1928/1929. P. 384.

[137] Report of the Board of Trade on the Affairs of the Province of New York. Whitehall, 19 October 1698 // Documents Relative to the Colonial History of the State of New York. Vol. IV. P. 394.

[138] The Lords of Trade to Secretary Vernon. Whitehall, December 8, 1698/99 // Ibid. P. 436.

[139] См.: Deposition of William Teller as to the Right of the English over the Five Nations (New York, 6th July 1698) // Ibid. Vol. IV. P. 352; см. также: Colonel Bayard's Representation as to the English Right over Five Nations (6th July 1698) // Ibid. P. 353.

[140] Sovereignty of the King of France over the Iroquois (1698) // Ibid. Vol. IX. P. 689.

ции; или объявить эти народы независимыми от обеих корон, по отношению к которым они будут соблюдать нейтралитет; или, наконец, уступить, если абсолютно необходимо, этот суверенитет англичанам при условии, что король Англии будет удерживать эти народы от войны и причинения беспокойства французам и индейцам, которые являются подданными Франции или ее союзниками».[141]

Поскольку переговоры по данному вопросу достаточно быстро зашли в тупик, уполномоченные начали параллельно рассматривать другие сюжеты, однако и здесь им не удалось прийти к взаимоприемлемому соглашению главным образом из-за совершенно негибкой позиции английской стороны, не желавшей идти ни на какие уступки и компромиссы.

Так, говоря о границе между Массачусетсом и Акадией, англичане настаивали на том, что она должна проходить по реке Сент-Джордж, и ни при каких условиях не соглашались отодвинуть ее до Кеннебека. Французская сторона и здесь предложила пойти на компромисс и признать английские права на территорию между реками Сент-Джордж и Кеннебек при условии, что англичане согласятся уступить ее французам в обмен на часть острова Сен-Кристофер, однако английские уполномоченные отвергли этот вариант[142] (см. карту). Более того, англичане заявили, что им должна принадлежать территория вплоть до реки Сент-Круа, при этом они ссылались на то, что она является границей территорий, пожалованных Александеру, а также на факт присутствия в этом районе (между Кеннебеком и Сент-Круа) плимутцев.[143]

Не менее острые дебаты разгорелись по вопросу о статусе побережья Гудзонова залива. Первоначально обе стороны требовали, чтобы за ними были признаны права на весь этот регион. При этом англичане ссылались на то, что они первыми открыли его, а французы — на то, что они первыми основали там поселение (впрочем, последние стремились приписать себе и приоритет в открытии[144]).

За ходом этой дискуссии очень внимательно и пристрастно следило руководство Компании Гудзонова залива. В течение всего времени работы Комиссии они продолжали забрасывать и самих уполномоченных и различные правительственные структуры всевозможными прошениями и петициями. В одних подробно перечислялся

---

[141] Ibid.

[142] См.: Mémoires des commissaires... T. II. P. 335.

[143] См.: Abstract of Papers Relating to the French Title to Penobscot // Calendar of State Papers. Colonial Series. Vol. XVII. P. 258–259. No 470.

[144] См.: French Ambassador's Answer to the Memorial of His Majesty Commissioners, March 17 Relating to Their claim of a title to Hudson Bay // Ibid. P. 205–207. No 370.

ущерб, нанесенный компании французами,[145] в других доказывались права англичан на все спорные территории. Порой представители компании делали и более резкие заявления вроде того, что «французы не имеют никаких прав даже на саму Канаду».[146]

Поскольку при таком подходе никакого соглашения достичь было невозможно, французские дипломаты выдвинули несколько вариантов компромисса, основанного на разделе спорного региона. В первом случае они в соответствии с вышепроцитированными положениями королевской инструкции предлагали провести границу по линии параллели, проходящей через мыс Генриэтта-Мария. Два других варианта напоминали (в несколько модифицированном виде) предложения Барийона и Бонрепо на переговорах 1687 г. (см. раздел III). В обоих из них предлагался раздел побережья залива на две части; граница между владениями двух держав должна была быть установлена по линии меридиана, проходящего через залив Сент-Маргарет. При этом и во втором и третьем варианте решение вопроса о заливе увязывалось с определением многострадальной границы Акадии и Массачусетса. Так, если французы удерживали ту часть побережья Гудзонова залива, где находился форт Бурбон, они соглашались на проведение границы Акадии по реке Сен-Жорж. Если же французам доставалась, как они считали, худшая часть побережья с фортом Олбани, они требовали признать границей Акадии Кеннебек.[147]

В свою очередь, в принципе согласившись с идеей раздела, английские уполномоченные выдвинули контрпредложения, которые были составлены при участии руководителей Компании Гудзонова залива. В их варианте граница должна была проходить по реке Руперт на востоке и по реке Олбани на западе; при этом англичане должны были получить территории, расположенные к северу от этих рек. Таким образом, англичане получали бóльшую часть побережья залива, наиболее богатую пушниной. Французы не согласились на такой неравноценный раздел. В дальнейшем английские уполномоченные, несмотря на сопротивление компании, согласились немного отодвинуть восточную границу (до реки Кэньюз). Относительно «увязки» двух вопросов англичане заявили, что если французы хотят сохранить форт Бурбон, они будут настаивать на проведении границы Акадии по реке Сент-Круа.

---

[145] См., напр.: Hudson Bay Company to the Lords Commissioners. May 22, 1699 // Ibid. P. 241. No 436.

[146] Hudson Bay Company to the Lords Commissioners. June 5, 1699 // Ibid. P. 271–273. No 494.

[147] Copie d'une lettre de M. Vernon Secretaire d'Etat au Lord Lexington, avec les alternatives proposées par l'Ambassadeur de France, pour servir de limites dans l'Amérique entre la France et l'Angleterre du 29 avril 1700 // Mémoires de Commissaires... T. II. P. 335–338.

Тот факт, что на позицию английских уполномоченных оказывали большое влияние различные групповые интересы, не остался незамеченным французами. В одном из писем Таллара в Версаль говорилось, что сьёр д'Аргу получил сведения от одного из членов Совета по торговле (его имени французский посол не назвал) о том, что нежелание английского двора урегулировать спорные вопросы, касающиеся торговли и колонии, «исходит из частных интересов, которые противоречат интересам нации».[148]

Можно предположить, что Комиссия уполномоченных работала не слишком интенсивно, так как до начала Войны за испанское наследство ее члены не смогли прийти к соглашению ни по одному из рассматривавшихся ими вопросов. Они даже не успели начать обсуждение проблем, касающихся Луизианы и побережья Мексиканского залива. Нам неизвестно, какую позицию здесь собирались занять англичане, однако Людовик XIV дал своим уполномоченным четкие инструкции, где говорилось, что «англичане не имеют никаких оснований, для того чтобы претендовать на устье Миссисипи, во владение которым его подданные под командованием покойного сьёра де Ла Саля вступили в 1682 г.». В послании Поншартрена по этому поводу было сказано: «Его Величество считает необходимым напомнить им [уполномоченным. — *Ю. А.*] по этому поводу, что эта река — единственный путь, по которому можно доставлять товары из Луизианы, которая была открыта по приказу Его Величества много лет назад и которая стала бы бесполезной для него, если бы он не был хозяином ее устья». Французским дипломатам поручалось «более активно противостоять англичанам, если они захотят претендовать на устье Миссисипи».[149]

Разрыв дипломатических отношений между Англией и Францией в сентябре 1701 г. положил конец и заседаниям уполномоченных. За более чем два с половиной года работы они так и не смогли достичь каких-либо конкретных результатов. При этом пока в Европе шли дискуссии, в Америке вопрос о статусе ирокезов был решен самими ирокезами.

Говоря об этих переговорах, М. Сейвелл утверждает, что в их ходе ни одна из сторон не стремилась к компромиссу и достижению какого-либо соглашения, ожидая нового раунда столкновений, чтобы разрешить спорные вопросы силой оружия.[150] С этим можно согла-

[148] Count Tallard to Louis XIV. London, May 2 1699 // Letters of William III, and Louis XIV, and of their Ministers; Illustrative of the Domestic and Foreign Policy of England from the Peace of Ryswick to the Accession of Philip V of Spain, 1697 to 1700: 2 vols / Ed. by P. Grimblot. Vol. II. London, 1848. P. 317.

[149] Цит. по: *Margry P.* Introduction // Mémoires et documents... T. IV. P. IV.

[150] См.: *Savelle M.* The Origins of American Diplomacy: The International History

ситься лишь отчасти. Французские дипломаты были готовы пойти на компромисс практически по всем вопросам, однако жесткая позиция, занятая англичанами, полностью исключала такую возможность.

Заседания Комиссии уполномоченных 1699–1701 гг., а также предшествующие встречи английских и французских представителей, собиравшихся для обсуждения американских проблем, показывают специфику тогдашнего видения колониальных сюжетов правительствами обеих метрополий. Уже сам факт организации подобных встреч свидетельствует о том, что Лондон и Париж продолжали рассматривать заморские территории как особую сферу взаимоотношений двух держав, отличную от Европы. Хотя к концу XVII в. Доктрина двух сфер уже не действовала в своем первоначальном виде, ее влияние по-прежнему было достаточно сильно. В это время Североамериканский континент находился еще в процессе своего вхождения в структуру международных отношений, действующую в Европе. Он уже не был изолирован от нее, но еще не стал ее полноценной составляющей. Однако этот процесс развивался в одном направлении, и события последующих десятилетий подтверждают это.

* * *

На рубеже XVII–XVIII вв. в расстановке сил между англичанами и французами в Северной Америке произошел ряд существенных изменений. Заключение «Великого мира» 1701 г. и переход ирокезов к политике нейтралитета обеспечили безопасность южных границ Новой Франции и создали объективную возможность дальнейшего развития французской экспансии в глубь континента, в то время как продвижение англичан в северном и западном направлениях было приостановлено. В то же время основание Луизианы привело к образованию новой зоны англо-французского конфликта на юго-востоке современных США. Кроме того, начало освоения французами долины Миссисипи вкупе с их продвижением в районе Великих озер независимо от того, насколько четкими и продуманными были планы Версаля в отношении данного региона, да и всей Северной Америки, явилось объективной предпосылкой создания французского «барьера», который должен был протянуться через весь континент с севера на юг и с которым неминуемо должны были столкнуться англичане.

В то время как контуры дальнейшего развития французской экспансии были так или иначе намечены (хотя, конечно, ее мощь и организованность не следует преувеличивать), большинство разрозненных английских колоний не имело никаких четких планов свое-

---

of Angloamerica, 1492–1763. New York; London, 1967. P. 120.

го продвижения в глубь континента, а также необходимых условий и потребности в этом. Сильные антифранцузские настроения были распространены лишь среди определенной части колониальной верхушки Нью-Йорка, Массачусетса, Южной Каролины, а также наиболее воинственно настроенных британских колониальных чиновников и торговцев, связанных с Северной Америкой. Кроме того, эти настроения были в значительной степени диверсифицированными. Так, в Нью-Йорке они были антиканадскими, в Массачусетсе — антиакадийскими, а в Южной Каролине — антилуизианскими. В свою очередь, члены Компании Гудзонова залива были заинтересованы в изгнании французов прежде всего из этого региона, а владельцы рыболовных судов из западноанглийских портов — с побережья Ньюфаундленда. При этом все участники процесса колониальной экспансии стремились получить поддержку правительства метрополии, интересы которого, однако, далеко не всегда совпадали с интересами его подданных.

Правда, в английских колониях и в самой Англии в это время уже была озвучена мысль о необходимости объединения. В 1697 г. Уильям Пенн направил Совету по торговле свой знаменитый «План союза»,[151] а в 1701 г. в Лондоне на эту тему был издан анонимный памфлет.[152] Однако эти идеи пока еще не завоевали умы ни по одну, ни по другую сторону Атлантического океана.

В Северной Америке факт заключения Рисвикского мира не изменил отношения подданных двух держав друг к другу, которое в целом осталось в лучшем случае настороженным, в худшем — открыто враждебным. Последующие события также не способствовали этому.

Две колониальные империи на Североамериканском континенте продолжали развиваться каждая по-своему и в своем направлении, но это развитие неминуемо должно было привести их к новым конфликтам. В то же время исход соперничества двух империй отнюдь не был предрешен. Знаменитый английский историк А. Дж. Тойнби, рассуждая на темы «вызова окружения», заметил, что любой, кто взглянул бы на ситуацию в Северной Америке в 1701 г., неизбежно пришел бы к выводу о том, что французы имеют здесь наиболее предпочтительные шансы в борьбе со своими соперниками. «Будущее континента кажется фактически определенным — французы будут победителями!».[153]

---

[151] См.: Mr. Penn's Plan for a Union of the Colonies in America (1697) // Documents Relative to the Colonial History of the State of New York. Vol. IV. P. 296–297.

[152] См.: An Essay upon the Government of the English Plantations on the Continent of America. London, 1701.

[153] *Toynbee A. J.* A Study of History. Abridgement of Volumes I–VI by D. C. Sommervell. New York; London, 1947. P. 97.

Раздел VI

Война за испанское наследство и Северная Америка (1702–1713 гг.)

Глава 1. НОВАЯ ВОЙНА — СТАРЫЕ ПОДХОДЫ

На первом этапе войны, продолжавшемся до конца 1707 г. события в Северной Америке и вокруг нее разворачивались по уже хорошо знакомой нам схеме: стычки в пограничных районах при активном участии индейцев и широкомасштабные проекты, которые по разным причинам невозможно было осуществить.

После короткой мирной передышки, продолжавшейся менее пяти лет, Европа погрузилась в пучину нового грандиозного конфликта, получившего название Война за испанское наследство. Эта война была вызвана не столько самим фактом воцарения в Мадриде Филиппа Анжуйского (такова была воля Карла II Страдальца, с которой следовало считаться), сколько непомерными притязаниями Людовика XIV, попытавшегося воспользоваться данной ситуацией, для того чтобы превратить Испанию вместе со всеми ее владениями в сателлита Франции, не исключая в перспективе возможности объединения двух монархий в рамках личной унии. Угроза такого резкого изменения баланса сил в Европе и во всем мире вызвала протест со стороны традиционных соперников Франции. Правда, поначалу они заняли выжидательную позицию (в апреле 1701 г. Вильгельм III даже признал Филиппа V испанским королем). Однако введение французских войск в крепости «барьера», а также признание Версалем английским королем Якова III — сына скончавшегося 16 сентября 1701 г. Якова II (что являлось открытым нарушением условий Рисвикского мира) сделало разрыв неизбежным. Осенью 1701 г. Англия, Голландия и Австрия (которая сама имела виды на испанское наследство) восстановили Великий союз, а 5/15 мая 1702 г. эти державы объявили войну Людовику XIV.

Основные сражения Войны за испанское наследство, как на суше, так и на море происходили в Европе. В то же время эта война затронула и колонии противоборствующих держав, которые, в

свою очередь, стали обращать большее (по сравнению с предшествующим конфликтом) внимание на заморские театры боевых действий. В значительной степени это было связано с тем, что в ходе войны и Франция и ее противники (в первую очередь Англия и Голландия) стремились добиться закрепления за собой монопольного права на торговлю с испанскими владениями в Новом Свете и в то же время исключить оттуда конкурентов.[1]

Что касается Североамериканского континента, то здесь Война за испанское наследство по сравнению с предшествовавшей ей Войной Аугсбургской лиги также имела ряд новых черт, которые были связаны как с теми изменениями, которые произошли на этом континенте в предшествующий период, так и с определенными поворотами в политике метрополий (прежде всего Лондона). Однако эти черты проявились не сразу.

Начало войны: «великие замыслы» и колониальные реалии

К началу XVIII в. англичане и французы в Северной Америке уже приобрели определенный опыт ведения боевых действий в специфических колониальных условиях; и те и другие достаточно хорошо познакомились с сильными и слабыми сторонами своего противника. Кроме того, обе стороны, как мы показали в разделе V, уже имели определенные стратегические установки в отношении дальнейшего развития своей экспансии и/или представления о стратегических замыслах друг друга. Все это нашло отражение в разнообразных планах операций против владений соперников, которые с началом Войны за испанское наследство (и даже несколько раньше) стали активно выдвигать представители «колониальных кругов» обеих держав, надеясь осуществить их в случае благоприятного стечения обстоятельств.

Во Франции наибольшее количество всевозможных проектов составил «великий канадский воин» П. Ле Муан д'Ибервиль, бóльшую часть своей жизни сражавшийся с англичанами в различных точках Североамериканского континента (рис. 18). Их суть сводилась к тому, чтобы удержать англичан в рамках полосы между Атлантикой и Аллеганами, которые, с его точки зрения, являлись естественной границей между английскими и французскими колониями, а, кроме того, по возможности всячески стараться ослабить противника, нанося удары по жизненно важным центрам его поселений.

---

[1]См.: *Graham G. S.* Empire of the North Atlantic. The Maritime Struggle for North America. Toronto, 1950. P. 83.

Рис. 18. Пьер Ле Муан д'Ибервиль

В мирном 1701 г. Ибервиль побывал в Нью-Йорке и мог поближе познакомиться с ситуацией, имевшей место в английских колониях. В том же году он писал: «Если будет объявлена война между Францией и Англией и не будет никакой надежды на нейтралитет в Северной Америке между двумя коронами, очевидно, что королю будет очень легко завоевать и уничтожить Новую Англию или, по меньшей мере, существенно приблизиться к этому как путем рейдов в эту страну, так и взятием и разорением нескольких городов или хотя бы деревень и поселений». Признавая, что «Новая Англия» (под этим названием он подразумевал все английские колонии на Атлантическом побережье) гораздо более густо населена, чем французские владения, Ибервиль утверждал, что ее народ отличается «особым малодушием, крайней трусостью и не имеет никакого военного опыта», в то время как канадцы «храбры, очень воинственны и неутомимы в походах», что, с его точки зрения, должно было обеспечить успех предприятия.[2]

В 1701 г. Ибервиль также составил «Записку о Бостоне и его окрестностях», где излагал свой план организации рейда против столицы Новой Англии. Ссылаясь на опыт предыдущих кампаний, он утверждал, что отряд французов и индейцев зимой легко может достичь Бостона и захватить его стремительной атакой. После этого, с

[2]Projets contre la Nouvelle Angleterre (1701) // Collection de manuscrits contenant lettres, mémoires et autres documents historiques relatifs à l'histoire de la Nouvelle-France, recueillis aux Archives de la Province de Québec ou copies à l'étranger: 4 t. T. II. Québec, 1883–1885. P. 381–382.

его точки зрения, следовало опустошить окрестности города, чтобы заставить их жителей покинуть свои дома и переселиться в другие колонии. По его словам, «взятие Бостона неминуемо повлекло бы за собой разорение и упадок всей этой страны [Новой Англии. — *Ю. А.*]. Если уничтожить хлебные запасы на Лонг-Айленде, жителям, чтобы выжить, придется перебираться в Пенсильванию; все это значительно ослабит Нью-Йорк и приведет его в такое состояние, когда он ничего не сможет предпринять против нас». Для достижения еще более полных результатов Ибервиль предлагал послать эскадру, которая должна была подвергнуть Нью-Йорк обстрелу.[3] При этом он достаточно самоуверенно заявлял, что ирокезы не придут на выручку англичанам, а, наоборот, присоединятся к нему, узнав, что французский отряд возглавляет Ибервиль и его братья, «которые могут обеспечить <...> доверие этих наций».[4]

После своего возвращения из Луизианы в 1702 г. Ибервиль, будучи серьезно больным, в течение нескольких лет оставался во Франции. В 1702–1705 гг. он составил несколько новых проектов, касающихся борьбы с англичанами в Северной Америке. В отличие от его предыдущих достаточно четких записок эти проекты имели совершенно фантастический характер и были весьма сумбурными. Однако и в них содержались здравые идеи о необходимости укрепления поселений в бухте Мобил,[5] а в записке 1702 г., касающейся Флориды, Ибервиль совершенно четко предвидел, что англичане из Южной Каролины предпримут нападение на Сан-Агустин.[6] К некоторым из этих записок мы еще вернемся, когда будем рассматривать ситуацию, сложившуюся в период Войны за испанское наследство на границе Каролины, Луизианы и Флориды, а пока отметим, что в амбициозные, хотя и абсолютно нереальные планы Ибервиля входило нанесение удара и по другим английским колониям. В частности, он предлагал создать мощную индейскую армию из представителей тридцати племен, которая могла бы «уничтожить поселения в Вирджинии, Мэриленде и Пенсильвании».[7]

---

[3] Mémoire du Sr. d'Iberville sur Baston et ses dépendances (1701) // Archives des Colonies. Série C[11]A. Registre XIX. F. 158–183.

[4] Ibid.

[5] См.: Mémoire de d'Iberville sur le Pays du Mississipi // Mémoires et documents pour servir à l'histoire des origines françaises des pays d'Outre-Mer. Découvertes et établissements des Français dans l'Ouest et dans le Sud de l'Amérique Septentrionale: 6 t. / Ed. par P. Margry. T. IV. Paris, 1879–1888. P. 605.

[6] См.: Suite du mémoire de M. d'Iberville sur la Floride (novembre 1702) // Ibid. P. 580–582.

[7] Mémoire sur l'etablissement de la Mobile et du Mississipi // Ibid. P. 587; см. также: Mémoire sur le pays du Mississipi, la Mobile et les environs, leurs rivières et les peuples qui les habitent et du commerce qui se pourra faire dans cinq ou six années en etablissant ce pays // Ibid. P. 593–607.

В 1702 г. очень четкий и продуманный до мелочей план нападения на Бостон выдвинул барон де Сен-Кастэн, находившийся в то время в метрополии. Он считал, что эту операцию вполне можно осуществить силами, имеющимися в Новой Франции, при условии, что к ним присоединяться еще 500–600 «хороших дикарей». Поздней осенью (после окончания навигации) франко-индейский отряд, собравшись у Кеннебека, должен был незаметно подобраться к столице Новой Англии и захватить ее стремительной атакой, после чего вернуться в Квебек, а затем ранней весной предпринять комбинированную атаку против Нью-Йорка.[8]

Этим и другим подобным планам[9] не суждено было осуществиться. В Европе с каждой новой кампанией положение Франции, сражавшейся на многих фронтах, становилось все более сложным. Наряду с военными неудачами, страна столкнулась с серьезными финансовыми затруднениями и рядом внутренних проблем. В этих условиях правительство не могло себе позволить роскошь без большой необходимости выделять значительные силы для второстепенного театра боевых действий, хотя и сам Людовик XIV, и его министр в принципе не исключали возможности при благоприятном стечении обстоятельств осуществить то, что в одном из писем в Квебек было названо «великим замыслом». Записки Ибервиля, Сен-Кастэна и других авторов остались лежать в архиве морского министерства, хотя, как мы увидим в дальнейшем, их отдельные идеи были использованы Поншартреном младшим при выработке его политики.

В Англии и ее колониях сложилась в целом сходная ситуация. Несколько колониальных чиновников уже в самом начале войны заговорили о необходимости укрепления английских позиций на континенте и изгнания французов из Северной Америки. Так, об этом неоднократно заявлял губернатор Нью-Йорка лорд Корнбери. В 1703 г. обширное послание по тому же поводу направил властям метрополии видный колониальный чиновник Роберт Куэри. В его записке содержался обзор положения английских колоний на континенте (в частности, там были высказаны соображения, касающиеся положения на юго-востоке и политики англичан в отношении испанцев и французов во Флориде и Луизиане). При этом особо подчеркива-

[8]См.: Mémoire sur l'expédition contre Baston par monsiuer de St-Castin (1702) // Collection de manuscrits... T. II. P. 397–398; см. также: Mémoire des choses necessaires à faire trouver à Pescadoué pour le mois d'octobre par le sieur de St-Castin // Ibid. P. 398–399; Mémoire des choses necessaires à faire trouver à Québec pour equiper l'expédition contre la Nouvelle Angleterre par monsieur de St-Castin // Ibid. P. 399–400.

[9]См., например: Premier projet pour l'expédition contre la Nouvelle Angleterre // Collection de manuscrits... T. II. P. 392–393; Second projet pour l'expédition contre la Nouvelle Angleterre // Ibid. P. 393–394.

лось, что безопасность Нью-Йорка, а вместе с ним и всех остальных колоний постоянно находится под угрозой, будучи связана с позицией ирокезов, представляющих собой «очень непостоянный народ, на который нельзя полагаться и который находится под сильным влиянием французов». Куэри возмущенно писал: «Это очень прискорбно, что безопасность столь многих провинций и подданных Ее Величества зависит от переменчивых настроений этих индейцев. Но это именно так и нет никакого способа исправить это, кроме одного, который не только положит конец этой необоснованной зависимости, но также избавит корону и подданных этой провинции от значительных расходов на поддержание войск, укреплений и постоянный подкуп индейцев, что составляет большую часть ежегодных расходов. Этот действенный путь состоит в том, чтобы Ее Величество решила изгнать французов из Канады». С точки зрения Куэри, это можно было осуществить с «большой легкостью» силами 2 тыс. солдат регулярных войск при наличии 10–12 военных кораблей. Расходы на осуществление этого мероприятия были бы покрыты поступлениями от торговли, а также сокращением в дальнейшем расходов на оборону колоний. В заключение Куэри писал, что в случае осуществления этого проекта «весь континент будет находиться в сердечном единстве как один человек».[10]

Однако лондонское правительство, как и в ходе Войны Аугсбургской лиги, не спешило перебрасывать войска за океан, рассчитывая в первую очередь на силы самих колоний. При этом в принципе оно никогда не отказывалось от идеи осуществления этих планов в будущем, однако, будучи поглощено европейскими проблемами (в особенности на первом этапе войны), откладывало их исполнение.

Известие о начале войны было получено в английских колониях в июне 1702 г. При этом далеко не везде оно было воспринято с энтузиазмом. Прежде всего это относилось к Нью-Йорку, оказавшемуся в чрезвычайно сложном положении. Без союза с ирокезами и без помощи со стороны метрополии и других колоний ему было достаточно сложно оборонять свои границы, которые были открыты для нападения из Новой Франции. Подавляющее большинство населения Нью-Йорка не хотело войны. Даже наиболее экспансионистски настроенные торговцы из Олбани, державшие в своих руках весь английский пушной бизнес, не хотели никаких потрясений, так как в это время они смогли наладить чрезвычайно выгодные коммерческие связи с французами, используя в качестве посредников ирокезов-католиков из Каугнаваги. В обмен на дешевые английские

[10] Colonel Robert Quary to the Lords of Trade. New York, June 16, 1703 // Documents Relative to the Colonial History of the State of New York. Vol. IV. P. 1045–1055.

товары они получали первосортные меха, которые доставлялись в Монреаль «дальними индейцами» из северо-восточных областей Канады.

Пожалуй, единственным сторонником войны в Нью-Йорке был новый губернатор этой колонии лорд Корнбери. В начале войны он писал в Лондон, что необходимо воспользоваться моментом и изгнать французов из долины реки Св. Лаврентия. Корнбери утверждал, что это — «единственный способ сохранить весь этот континент». Он подчеркивал, что это предприятие не будет стоить больших затрат, которые к тому же быстро окупятся за счет пушной торговли и экономии на оборонных расходах. Показательно, что Корнбери считал, что основной ударной силой операции против Канады должны стать королевские войска и военные корабли, присланные из метрополии, а колониальная милиция может играть только вспомогательную роль. Губернатор считал, что для успешного осуществления операции потребуется 1500 английских солдат и 8 фрегатов, к которым присоединятся «те, кого мы сможем собрать в этих провинциях» (по расчету Корнбери до 3–3,5 тыс. человек). Говоря о преимуществах, которые даст англичанам осуществление этого проекта, он, помимо прочего, подчеркивал, что они не будут зависеть от индейцев и «смогут делать с ними все, что им вздумается».[11]

В дальнейшем Корнбери регулярно продолжал выступать с подобными предложениями, мечтая прославиться как «Мальборо Северной Америки». Так, в 1703 г. в своем письме Совету по торговле он отмечал: «Я все еще придерживаюсь мнения, что это не сложное дело — изгнать французов из Канады».[12] В 1704 г. Корнбери заявил, что вместо того чтобы тратить деньги на дорогостоящую и оказавшуюся неэффективной операцию против Мартиники и Гваделупы (имелся в виду неудачный поход эскадры Х. Уолкера, 1702–1703 гг.), следует напасть на французские владения в Северной Америке. С его точки зрения, такая кампания стоила бы гораздо дешевле и «принесла бы гораздо большие преимущества короне Англии, чем захват этого острова [Гваделупы. — *Ю. А.*]». Корнбери заявлял: «Чем больше я смотрю на это дело, тем больше нахожу его осуществимым».[13]

Но, как мы уже отметили, власти метрополии пока оставались глухи к подобным призывам. А у самого Корнбери для осуществ-

---

[11]Lord Cornbury to the Lords of Trade. Orange County, September 29, 1702 // Ibid. Vol. IV. P. 977–978.

[12]Governor Lord Cornbery to the Council of Trade and Plantations, June 30, 1703. New York // Calendar of State Papers. Colonial Series. Vol. XXI: America and West Indies, 1 Dec. 1702–1703. London, 1914. P. 519. No 860.

[13]Governor Lord Cornbery to the Council of Trade and Plantations. New York (1704) // Ibid. Vol. XXII: America and West Indies, 1704–1705. London, 1914. P. 307.

ления этих планов не было ни сил, ни средств. Его основное внимание было поглощено заботами не о нападении, а об обороне. В начале войны губернатор с тревогой констатировал, что укрепления Нью-Йорка находятся в «ничтожном состоянии» и легко могут быть захвачены неприятелем.[14] Четыре роты королевских войск, находившиеся в его распоряжении, не имели даже обмундирования. С 1691 г. правительство задолжало им 20 тысяч фунтов.[15] Как и его предшественники Корнбери постоянно обращался к Совету по торговле, Тайному совету и даже парламенту с просьбами прислать в колонию пушки, ружья, порох, свинец и т. п.[16]

В метрополии руководители колониального ведомства, безусловно, прекрасно понимали стратегическое значение Нью-Йорка. В январе 1702 г. Совет по торговле подготовил для Вильгельма III обширный меморандум, содержащий обзор положения английских владений в Новом Свете. Там, в частности, говорилось, что «провинция Нью-Йорк <...> является центром колоний Его Величества на этом континенте». Далее отмечалось, что в случае войны «враг будет очень бдителен и активен и в этих условиях сможет захватить врасплох любую из колоний Вашего Величества, которые столь важны для торговли и благосостояния Англии».[17] В конце апреля этот же документ был передан для ознакомления королеве Анне.[18]

Однако подход Лондона к проблемам обороны североамериканских владений оставался прежним. Основной упор делался на межколониальное сотрудничество. С этой целью еще в апреле 1702 г. Совет по торговле организовал встречу колониальных агентов и нескольких представителей северных колоний, находившихся в то время в Лондоне. На этой встрече речь шла о координации действий в области обороны. Предполагалось, что в случае необходимости Нью-Йорк, Массачусетс и Нью-Гемпшир смогут получить поддержку от Вирджинии, Мэриленда, Пенсильвании, Нью-Джерси, Коннектикута и Род-Айленда.[19]

---

[14] Lord Cornbury to the Lords of Trade (Chear Hill, September 24 1702) // Documents Relative to the Colonial History of the State of New York. Vol. IV. P. 967.

[15] *Pargellis S.* The Four Independent Companies of New York // Essays in Colonial History, Presented to Charles McLean Andrews by His Students. Freeport, 1966 (reprint). P. 107.

[16] См., напр.: Proceedings and Debates of British Parliaments Respecting North America: In 5 vols / Ed. by L. F. Stock. Vol. III. P. 21–22.

[17] Council of Trade and Plantations to the King, Whitehall (January 24, 1702) // Calendar of State Papers. Colonial Series. Vol. XX. America and West India, 1702. P. 41–42. No 55.

[18] См.: Council of Trade and Plantations to the Queen. Repeats State of Defense of the Plantations represented to the King January 24 with Additional Arising from Letters Since Received. April 17, 1702 // Ibid. P. 240–241. No 348.

[19] *Sosin J. M.* English America and Imperial Inconstancy: The Rise of Provincial

В дальнейшем правительство дало инструкции властям центральных колоний оказать содействие Нью-Йорку в укреплении его границ и установило для этого финансовые и людские квоты.[20] Предполагалось, что казна Нью-Йорка дополнительно получит 2650 фунтов для расходов на оборону, а в случае возникновения угрозы нападения каждая колония пришлет туда определенное количество бойцов. Общая численность этих объединенных сил должна была составить 1358 человек. Корнбери был также назначен «главнокомандующим (captain-general) всех сухопутных и морских сил» Коннектикута и обеих Джерси.[21]

Однако, как и в ходе Войны Аугсбургской лиги, практически все колонии саботировали это решение, «изъявляя при этом свою верность и преданность короне», о чем язвительно замечал Корнбери в одном из своих донесений.[22] Правда, часть денег администрации Нью-Йорка все же удалось получить. 300 фунтов (вместо требуемых 650) прислал Мериленд, а 900 фунтов выделил губернатор Вирджинии Никольсон из своих личных средств. Сообщая об этом Совету по торговле, Корнбери с тревогой отмечал: «Ваши превосходительства могут видеть сколь малую помощь мы имеем от наших соседей на континенте в том, что касается денег. Я опасаюсь, что если нам придется обратиться к ним за их людскими квотами, мы получим столь же недружественные ответы».[23]

Тем не менее вплоть до 1708 г. Лондон не обращал особого внимания на эти вопросы. Как отметил Г. Л. Осгуд, усилия британского правительства добиться выполнения квот были очень небольшими, а успех был еще меньшим, чем в период Войны Аугсбургской лиги.[24] Такая реакция правительства была вызвана несколькими обстоятельствами, наиболее важным из которых было то, что, несмотря на все беспокойство Корнбери, никакой реальной угрозы Нью-

Autnomy, 1696–1715. Lincoln; London, 1985. P. 33.

[20] См.: Order of the Queen in Council Relating to the Defense of the Colonies. At the Court at Windsor the 24th of August 1702 // Documents Relative to the Colonial History of the State of New York. Vol. IV. P. 964–965.

[21] Квоты были определены следующим образом: Вирджиния должна была выделить 900 фунтов и прислать 120 чел.; Коннектикут — £450 и 120 чел.; Пенсильвания — £ 350 и 80 чел.; Мэриленд — £ 650 и 160 чел.; Восточное Джерси — £ 250 и 60 чел.; Западное Джерси — £ 250 и 60 чел.; Массачусетс — 350 чел.; Нью-Гемпшир — 40 чел.; Род-Айленд — £ 150 и 48 чел.; Нью-Йорк — 200 чел.; см.: *Bonomi P. U.* The Lord Cornbury Scandal: The Polities of Reputation in British America. Chapel Hill; London, 1998. P. 63, 212–213.

[22] Governor Lord Cornbery to the Council of Trade and Plantations, June 30, 1703. New York // Calendar of State Papers. Colonial Series. Vol. XXI. P. 519. No 860.

[23] Ibid.

[24] *Osgood H. L.* The American Colonies in the Eighteenth Century: In 4 vols. Vol. I. Gloucester, 1958. P. 399.

Йорку все это время не возникало, что, в свою очередь, было связано с позицией французов.

Власти Новой Франции не были заинтересованы в конфликте с Нью-Йорком. В мае 1702 г. Поншартрен проинформировал Кальера об объявлении войны и сообщил, что король полагает целесообразным напасть на англичан и что губернатору предоставляется возможность самому избрать подходящий способ для этого.[25] В этой ситуации некоторые офицеры, в частности, губернатор Монреаля Ф. де Водрёй, предлагали осуществить давно задуманную и напрашивавшуюся операцию и, собрав все имеющиеся силы, напасть на Олбани.[26] Однако Кальер, который за двенадцать лет до этого сам разработал план нападения на колонию Нью-Йорк, считал, что теперь подобная акция была бы невыгодна французам. С одной стороны, это было связано с тем, что до Квебека постоянно доходили слухи о подготовке новой английской экспедиции против столицы Новой Франции. После событий 1690 г. такую возможность исключать было нельзя и соответственно нельзя было распылять и без того достаточно ограниченные силы колонии. С другой стороны, Кальер отдавал себе отчет в том, что рейд против Олбани, остававшегося главным коммерческим партнером ирокезов, неизбежно привел бы к тому, что Союз пяти племен, мир с которым был заключен год назад с таким огромным трудом, снова стал бы сражаться на стороне англичан. Поэтому, стремясь сохранить нейтралитет ирокезов и таким образом обезопасить Новую Францию от повторения событий 1690-х годов, Кальер решил воздержаться от активных действий против Нью-Йорка.

Правительство метрополии одобрило такую позицию. В июне 1703 г. Поншартрен писал губернатору Новой Франции, что «Его Величество отнюдь не желает действий, которые могли бы привести к возобновлению войны с ирокезами и к возгоранию нового конфликта в этой стране».[27]

В августе 1702 г. Кальер провел ряд встреч с ирокезами и получил от вождей Союза пяти племен заверения в том, что они не будут вмешиваться в борьбу между европейцами и не возьмут «ни английского томагавка, ни французского топора».[28] Действительно, пока

---

[25] Pontchartrain à Callières. Le 10 mai 1702 // Archives des Colonies, Série B. Registre XXIII. F. 105.

[26] См.: *Hammang F. H.* The Marquis de Vaudreuil. New France at the Beginning of the Eighteenth Century. Pt. 1: New France and the English Colonies. Bruges; Louvain, 1938. P. 115.

[27] Pontchartrain à Callières. Le 20 juin 1703 // Archives des Colonies. Série B. Registre XXIII. F. 210–211.

[28] Callières à Pontchartrain. Le 4 novembre 1702 // Ibid. Série C[11]A. Registre XX. F. 68.

сами колонии воздерживались от каких-либо враждебных действий по отношению друг к другу, ирокезы также соблюдали мир. В то же время со стороны англичан продолжали предприниматься отдельные попытки уговорить ирокезов расторгнуть договор с французами и снова начать войну против Канады и ее индейских союзников.[29]

В итоге сложилась ситуация, когда и французы в Канаде и англичане в Нью-Йорке объективно не были заинтересованы в эскалации напряженности и разжигании конфликта, в то время как правительства обеих метрополий также не слишком настаивали на ведении ими активных боевых действий. Поэтому, хотя война была объявлена, на границе между этими колониями, в течение долгого времени являвшейся ареной напряженной борьбы, вплоть до 1709 г. сохранялся мир.

Другие английские колонии, и прежде всего Новую Англию, которая, как мы увидим чуть ниже, снова оказалась в эпицентре конфликта, такое положение не устраивало. Из Бостона в Лондон неоднократно направлялись жалобы на то, что «провинция Нью-Йорк никоим образом не помогает против общего врага и не поощряет пять наций (которые находятся в союзе с ними и с нами) к действиям против французов, но, как нам определенно известно, поддерживает сношения и торгует и снабжает продовольствием французских индейцев Канады и восточных районов, которые часто совершают кровавые набеги на нас». Здесь же говорилось, что «кажется чрезвычайно разумным и необходимым <...> чтобы администрации Нью-Йорка были даны указания исполнить ее долг и присоединиться к действиям против врагов Его Величества».[30] Однако правительство вплоть до лета 1708 г. никак не реагировало на подобные заявления.

Принципиально иное положение сложилось в отношениях французов и Массачусетса. В разделе V мы упоминали о том, что в 1701 г. в ответ на предложение губернатора Акадии де Бруйяна заключить договор о нейтралитете совет Массачусетса заявил, что англичане будут воздерживаться от враждебных действий по отношению к французам, пока те будут делать то же самое.

Однако в 1702 г. ситуация в Новой Англии изменилась. В июне в Бостон в качестве нового губернатора прибыл Джозеф Дадли, уроженец Массачусетса, при Стюартах некоторое время занимавший пост председателя совета Доминиона Новая Англия. Во время Слав-

---

[29] См.: *Dunlap W.* History of the New Netherlands, Province of New York and State of New York to the Adoption of the Federal Constitution. Vol. I–II. Vol. I. New York, 1839 (reprint – New York, 1970). P. 258.

[30] Paper from Boston Complaining of the Neutrality of the Five Nations (31 May 1708) // Documents Relative to the Colonial History of the State of New York. Vol. V. P. 42–43.

ной революции он вместе с Эндросом был арестован и отправлен в Англию, однако быстро восстановил там свое положение и продолжил карьеру. Во время своего пребывания в метрополии он сблизился с наиболее агрессивно настроенными английскими колониальными чиновниками (он был личным другом Блэтуэйта). Сразу же после получения известия об объявлении войны он заявил, что жители колоний (Дадли был также назначен губернатором Нью-Гемпшира) должны снарядить несколько военных кораблей «для службы Его Величеству и для нападения на его врагов».[31] Поощряемые губернатором массачусетские каперы стали нападать на французские торговые и рыболовные суда у берегов Акадии и Ньюфаундленда. По сообщению Дадли, уже к 17 сентября 1702 г. они захватили 14 призов,[32] а за последующие три месяца — еще пять.[33]

Действуя таким образом, Дадли рассчитывал не только нанести удар по французскому промыслу, но также пресечь контакты французов и абенаки и удержать этих воинственных индейцев от разрыва договора 1699 г. В письме к государственному секретарю графу Ноттингему, на которое мы уже ссылались, губернатор Массачусетса указывал, что среди французских кораблей, захваченных его каперами, были суда, которые везли боеприпасы и товары индейцам. проживающим на реке Кеннебек.[34] Дадли также пытался убедить Совет колонии и свое лондонское начальство в необходимости восстановления форта Пемакид, что должно было, по его замыслу, укрепить позиции англичан на границах Акадии и продемонстрировать абенаки их могущество.[35] Как и его предшественник, Дадли выступал сторонником активизации торговли с индейцами и считал необходимым обратить их в протестантизм.[36]

Поскольку во второй половине 1702 г. ситуация на границах Массачусетса оставалась стабильной, Дадли стал строить планы нападения на Пор-Руайяль. Он обратился к Совету по торговле с просьбой прислать отряд солдат и хотя бы три-четыре военных корабля, которые, с его точки зрения, могли бы успешно провести данную операцию.[37] Как видим, несмотря на то что в его распоряжении находи-

[31] Minutes of Massachusetts Council. June 30, 1702 // Calendar of State Papers. Colonial Series: America and West Indies. Vol. XX. P. 434.

[32] Dudley to the Council of Trade and Plantations. September 17–19, 1702 // Ibid. P. 592–595.

[33] Governor Dudley to the Earl of Nottingham. December 10, Boston // Ibid. Vol. XXI. 1702–1703. P. 34. N 30.

[34] Ibid.

[35] См.: Dudley to the Council of Trade and Plantations. July 23, 1702 // Ibid. Vol. XX. P. 483.

[36] См.: *Kimball E.* The Public Life of Joseph Dudley. A Study of the Colonial Policy of the Stuarts in New England, 1660–1715. New York, 1911. P. 130.

[37] Dudley to the Council of Trade and Plantations. September 17, 1702 // Calendar

лись ресурсы самой густонаселенной английской колонии, Дадли не захотел идти путем Фипса и рассчитывал лишь на силы метрополии. Это вдвойне удивительно, так как при этом, очевидно, для того чтобы выслужиться перед Лондоном, он собирался отправить две роты волонтеров из Массачусетса в Вест-Индию.[38] Впрочем, отчасти это, видимо, можно объяснить тем, что по сравнению с Фипсом Дадли не пользовался особой популярностью в колонии. Когда он прибыл в Массачусетс, многие проповедники даже заговорили о «торжестве темных сил».[39]

Из действий Дадли в Пор-Руайяле и в Квебеке поняли, что в отличие от Нью-Йорка Массачусетс настроен гораздо более воинственно. Надо сказать, что еще в сентябре Бруйян, отчаянно пытаясь сохранить мир, обратился к Дадли с вежливым письмом, где он просил вернуть захваченные суда, предполагая, что каперы напали на них по ошибке. Однако дальнейшие события убедили его в обратном. В этой ситуации французам надо было принимать ответные меры, которые привели к тому, что Дадли пришлось столкнуться именно с той ситуацией, которой он стремился избежать своими действиями.

Уже в ноябре 1702 г. Кальер принял решение, что Новую Англию не следует оставлять в покое. В своем донесении в Версаль он сообщал, что в соответствии с данными ему инструкциями и исходя из имеющихся в колонии ресурсов он «отправит несколько небольших отрядов против Новой Англии».[40] Иными словами, Кальер, не располагая силами, необходимыми для проведения крупномасштабных операций против Массачусетса, обратился к тактике пограничных рейдов, использовавшейся Фронтенаком в ходе Войны Аугсбургской лиги.

В то же время цели этих рейдов были теперь несколько более широкими. Они должны были держать врага в постоянном напряжении, всячески ослаблять его, заставлять его тратить все имеющиеся у него силы на оборону, удерживая тем самым от наступательных действий, а также оказывать «стимулирующее» воздействие на абенаки и побуждать их к выступлениям против англичан. Надо сказать, что, в то время как английские и американские историки практически единодушно осуждают эту тактику, многие канадские и французские авторы подчеркивают ее «оборонительный» характер,

of State Papers. Colonial Series. Vol. XX. P. 594.

[38] Dudley to the Council of Trade and Plantations. November 10, 1702 // Ibid. P. 709.

[39] *Leder L. H.* America — 1603–1789: Prelude to a Nation. Minneapolis, 1978. P. 97.

[40] Callières to Pontchartrain. November 4, 1702 // Documents Relative to the Colonial History of the State of New York. Vol. IX. P. 739.

а также то обстоятельство, что она с неизбежностью вытекала из реального соотношения сил между колониями двух держав. Как отметил Дж. Ф. Дж. Стэнли, эти рейды «должны были скрыть неспособность Канады предпринять большую атаку против Нью-Йорка или Бостона».[41]

Новая Англия против Акадии и Канады

Боевые действия между англичанами, французами и индейцами на границе Акадии и Массачусетса начались в августе 1703 г.

Первоначально обстановка складывалась благоприятно для англичан. В конце 1702 — первой половине 1703 г. Дадли несколько раз посещал Страну абенаки и вел переговоры с их вождями. Пользуясь тем, что один из главных проводников французского влияния в этом регионе барон Сен-Кастэн в конце 1701 г. уехал во Францию, губернатору Массачусетса и его эмиссарам удалось склонить нескольких вождей к заключению нового мирного договора, который был подписан в Фолмауте 30 июня 1703 г. В ходе церемонии подписания абенаки торжественно заявили, что «как солнце далеко от земли», также их помыслы далеки о того, чтобы разорвать этот мир.[42]

Властям Новой Франции и отцам-иезуитам пришлось немало потрудиться для того, чтобы вернуть расположение своих бывших союзников. Кальер лично обратился к заправилам французской меховторговли с просьбой отправить в селения абенаки большую партию товаров, которые стоили бы не дороже английских. Вождям были сделаны подарки (с началом войны министерство снова увеличило отпускавшиеся на это средства). Миссионеры всеми силами старались убедить свою индейскую паству не доверять англичанам. Это было не слишком сложно сделать, так как сами англичане далеко не всегда дружественно вели себя по отношению к абенаки. В частности, их каперы не только нападали на французские рыболовные суда, но и не брезговали охотой за скальпами, убивая индейцев, занимавшихся промыслом на морском побережье. В Массачусетсе в самом начале войны вражеский скальп оценивался в 40 фунтов[43] (как мы уже говорили, история умалчивает о том, как англичане отличали вражеский скальп от не вражеского).

[41] *Stanley G. F. G.* Canada's Soldiers, 1604–1954: The Military History of an Unmilitary People. Toronto, 1954. P. 47.

[42] Цит. по: *Belknap J.* The History of New Hampshire: In 2 vols. Vol. I. Philadelphia, 1812. P. 264.

[43] См.: *Parkman F.* France and England in North America: In 2 vols. Vol. 2. New York, 1983. P. 369.

В Квебеке понимали, что лучше всего привлечь на свою сторону воинственных индейцев можно, показав им соответствующий пример. С этой целью Водрёй, сменивший на губернаторском посту скончавшегося в мае 1703 г. Кальера, отправил отряд канадских ополченцев для нападения на пограничные поселения в Новой Англии. Этим отрядом командовал А. Ле Нёф де Ля Вальер сеньор поселения Бобасен, горевший желанием отомстить англичанам, разорившим его владения семь лет назад.

В августе 1703 г. люди Ля Вальера, к которым присоединилось несколько абенаки, появились в районе бухты Каско и опустошили прилегающий к ней район вплоть до верховьев р. Коннектикут, нападая на незащищенные фермы и небольшие деревушки. Наиболее сильно пострадали Уэллс, Кейп-Порпойз, Уинтер Харбор, Сако, Спарвинк, Скарборо. Только в форте Каско, где имелся небольшой гарнизон, нападавшие натолкнулись на относительно серьезное сопротивление. По разным оценкам от 130 до 160 англичан было убито и захвачено в плен.

Впрочем, многим пленникам вскоре удалось обрести свободу. Абенаки (да и другие союзные французам индейцы) в то время захватывали людей главным образом ради получения выкупа. В отличие от английских колоний в Квебеке и Пор-Руайяле не платили за скальпы. В разгар войны губернатор Водрёй официально заявил, что это «слишком негуманно» и что гораздо лучше давать индейцам «по десять испанских экю за каждого пленника».[44] Сами англичане подтверждали, что индейцы порой несли захваченных ими пленников на руках, чтобы доставить их в Канаду живыми и невредимыми.[45] В Массачусетсе, как мы знаем, ситуация была иной.

Для французов самым важным результатом этих операций было то, что после них бóльшая часть абенаки встала на тропу войны с англичанами, «будучи готова», по словам Водрёя, «поднять против них топоры». Он также отмечал в своем донесении, что «интересы короля и благо колонии требуют, чтобы абенаки и англичане всегда оставались непримиримыми врагами».[46]

В конце зимы 1704 г. французы осуществили более крупную акцию. В холодную и снежную ночь с 28 на 29 февраля 1704 г. 50 французов и 200 индейцев под командованием Эртеля де Рувиля обрушились на поселение Диарфилд. Около пятидесяти его жителей было убито на месте, более сотни — взято в плен (как всегда в таких

[44] Reponse de Vaudreuil aux Abenakis (1706) // Collection de manuscrits... T. II. P. 459.

[45] См.: *Parkman F.* Op. cit. Vol. 2. P. 385.

[46] Vaudreuil et Beauharnois à Pontchartrain. Le 15 novembre 1703 // Rapport de l'Archiviste de la province de Québec. 1938/1939. P. 16.

случаях существуют различные версии относительно точного числа жертв). В числе захваченных французами и индейцами жителей Дирфилда находился проповедник Джон Уильямс, оставивший детальное описание нападения и нелегкого путешествия в Канаду, в ходе которого многие пленники, среди которых преобладали женщины и дети, погибли от холода и лишений.[47]

Параллельно с этими, по колониальным меркам весьма значительными операциями, индейцы и французы осуществляли и множество мелких набегов. Эти действия, сопровождавшиеся множеством жестокостей, вызывали у жителей Новой Англии панику, держа их в постоянном страхе. Как патетически заявлял Коттон Мэзер, «мы слышим о тех, кто сеет зерно на полях, орошенных кровью, о тех, кто, занимаясь косьбой, сам попадает под косу смерти, о тех, кто пасет своих овец и сам становится жертвенным агнцем».[48]

Помимо тревоги в английских колониях возникало и крепло возмущение и стремление нанести ответный удар. При этом, хотя основная инициатива в организации франко-индейских набегов исходила от квебекских властей, в Массачусетсе, не имея возможности предпринять какую-либо крупную акцию против Канады, решили отыграться на Акадии. Еще в 1703 г. Палата представителей Массачусетса дважды (в марте и в сентябре) обращалась к Дадли с предложением силами колонии организовать операцию против Пор-Руайяля. С точки зрения депутатов, для этого было бы достаточно тысячи волонтеров, которых можно было бы набрать в Массачусетсе. Колония брала на себя расходы на транспорт и провиант, а платой волонтерам должна была служить добыча, которую планировалось захватить в Акадии.[49] Следует подчеркнуть, что эти идеи были выдвинуты до того, как французы и индейцы начали тревожить английские поселения.

Правда, в тот момент Дадли скептически отнесся к предложениям Палаты. Он считал, что набрать добровольцев не удастся, и заявил, что для успешного осуществления подобной операции необходимо иметь хотя бы несколько военных кораблей, которых у Массачусетса не было. Очевидно, губернатор не слишком полагался на силы колонии или не желал идти на риск и брать на себя ответственность за операцию, осуществлявшуюся без ведома метрополии и без ее поддержки.

---

[47] См.: Biographical memoir of Rev. John Williams. Hartford, 1837.

[48] Frontiers Well-Defended. An Essay, to Direct the Frontiers of a Country Exposed unto the Incursions of a Barbarous Enemy, How to Behave Themselves in Their Uneasy Situation? Boston, 1707. P. 4.

[49] *Rawlyk G. A.* Nova Scotia's Massachusetts. A Study of Massachusetts–Nova Scotia Relations: 1603 to 1781. Montreal; London, 1973. P. 94–96.

Дадли несколько изменил свою позицию только после французских рейдов, когда многие в колонии стали обвинять его в бездействии. В марте 1704 г. было принято решение объявить набор 600 волонтеров, для «патрулирования побережья и лесов этих провинций и нападения на восточное побережье Новой Шотландии и Пор-Руайяль». Волонтеры должны были содержать себя самостоятельно, и единственной платой для них, как, впрочем, и для всех остальных жителей Массачусетса являлись вышеупомянутые премии за скальпы.[50]

Однако, несмотря на определенный рост антифранцузских настроений в колонии, добровольцев нашлось немного. За два месяца удалось набрать лишь около 500 человек. Командование этими силами было поручено заслуженному ветерану майору Бенджамину Чёрчу, участнику многих кампаний против индейцев.

Чёрч предлагал сразу атаковать Пор-Руайяль, однако Дадли был против этого. В инструкциях Чёрча (возведенного по этому случаю в звание полковника) говорилось, что он должен напасть на союзных французам индейцев в районе Пассамакуоди, а затем — на акадийские поселения в бухте Мин и на перешейке Шиньекто. Ему и его людям предписывалось «использовать все возможные средства, чтобы сжигать и уничтожать вражеские дома и разрушать дамбы, которые защищают их поля, и наносить им всякий другой вред, какой только возможно, и захватывать пленных».[51]

В конце мая 1704 г. жаждавший мести Чёрч покинул Бостон. Первой жертвой англичан стала фактория Сен-Кастэна в устье Пентагоэ. Все ее постройки был сожжены, а находившиеся там французы и индейцы либо бежали, либо были взяты в плен. Затем англичане направились в бухту Пассамакоди, услышав от индейцев, что якобы там собираются крупные силы французов. На самом деле в этом крошечном поселении никого не было. Сравняв его с землей, бостонцы направились в залив Фанди. 1 июля 1704 г. Чёрч появился в бухте Мин. Бóльшая часть ее жителей поспешила скрыться в окрестных лесах, унося с собой свое нехитрое имущество и угоняя скот. Опустевшие дома были сожжены англичанами, которые заявили, что это — акт возмездия за нападение на Диарфилд. Самые тяжелые последствия для хозяйства акадийцев имело то, что Чёрч приказал разрушить плотины (так называемые абуато), плод их многолетне-

[50] *Leach D. E.* Arms for Empire: A Military History of the British Colonies in North America, 1607–1763. New York, 1973. P. 132.

[51] *Church B.* The History of the Eastern Expeditions of 1689, 1692, 1696, and 1704 / Ed. by H. M. Dexter. Boston, 1867. P. 255.

го труда, позволявшие использовать чрезвычайно плодородные прибрежные земли.[52]

Из бухты Мин Чёрч послал письмо властям Новой Франции, угрожая обрушиться на границы Канады, если не будут прекращены набеги на английские поселения.[53] Тем временем Дадли, по каким-то причинам не желавший того, чтобы Чёрчу досталась слава завоевателя Акадии, послал в Пор-Руайяль пришедшие в то время в Бостон два английских военных корабля и массачусетскую «провинциальную галеру». Их капитанам было дано распоряжение произвести военную демонстрацию и попытаться склонить французов к сдаче.[54]

24 июня / 5 июля (по французским данным 2 июля) английские корабли появились в бухте Пор-Руайяля. Киприэн Саутэк, командовавшей эскадрой, предложил губернатору Бруйяну капитулировать в течение 48 часов, заявив, что в противном случае 1300 солдат и 200 дикарей, имеющихся в его распоряжении, «сожгут все дома и другие постройки, перебьют весь скот, потравят посевы, захватят в плен всех женщин и детей поголовно».[55] Однако, несмотря на угрозы, Бруйян не спешил сдаваться. К моменту появления англичан укрепления Пор-Руайяля были значительно обновлены. Его гарнизон насчитывал около 150 солдат и офицеров. Кроме того, Бруйян сформировал из жителей Пор-Руайяля и его ближайших окрестностей шесть рот милиции, общей численностью 300 человек (часть из них, правда, не имела огнестрельного оружия), а также обратился за помощью к индейцам. Военно-морские силы Акадии составляли два присланных из Франции фрегата и корабли каперов и корсаров, базировавшихся в заливе Фанди.

Спустя девять дней, после того как под стенами Пор-Руайяля появились английские корабли, туда же подошел отряд Чёрча, который, очевидно, тоже не хотел отказываться от своих планов. Однако, несмотря на то, что теперь у англичан было почти четырехкратное преимущество над французами, они не решились пойти на приступ. После нескольких мелких стычек и перестрелки в середине июля английские корабли ретировались. Прежде чем взять курс на Бостон, Чёрч разорил поселение Бобассен и еще некоторое время охотился за скальпами индейцев в районе Пентагоэ.

С точки зрения властей Массачусетса, операция все равно была

---

[52] См.: Ibid. P. 257–280.

[53] *Hutchinson Th.* The History of the Colony of Massachusetts. Bay: In 2 vols. Vol. II. London, 1765. P. 108.

[54] *Church B.* Op. cit. P. 270.

[55] Copie de la lettre des commandants des navires anglais aux habitants du Port Royal // Collection de manuscrits... T. II. P. 419–420.

удачной. В руки англичан попало более ста пленных и большая добыча. И без того не процветающая Акадия оказалась в критическом положении, хотя и осталась в руках французов. Хозяйству этой колонии был нанесен огромный ущерб. В последующие годы акадийцы жестоко страдали от голода, так как их лучшие прибрежные поля оказались под водой.

События мая–июля 1704 г. продемонстрировали крайнюю слабость французских позиций в Акадии. В то же время они объективно свидетельствовали о нерешительности и пассивности Массачусетса, который собственными силами не мог одолеть даже такого исключительно слабого соперника.

Однако, не слишком преуспев в наступательных действиях, англичане смогли неплохо организовать свою оборону. В середине лета 1704 г. Дадли сообщал в Лондон, что в поселениях на границах колонии для защиты от французов и индейцев размещено 1900 ополченцев.[56] Набеги из Акадии и Канады все чаще стали встречать серьезный отпор. Так, в августе 1704 г. провалом закончилась попытка сьёра де Бокура повторить рейд против пограничных английских поселений в районе бухты Каско.

Кроме того, англичане активизировали борьбу с индейцами. Небольшие группы охотников за скальпами начали регулярно прочесывать пограничные леса. Зимой 1704–1705 гг. власти Массачусетса организовали более серьезную карательную акцию. Отряд полковника У. Хилтона, насчитывавший 250 ополченцев, к которым присоединилось два десятка «английских» индейцев, отправился в Страну абенаки. Пройдя на снегоступах почти 100 километров, англичане напали на большое поселение крещеных абенаки в районе Нарантсуака (или Норриджеуока) на реке Кеннебек. Захваченные врасплох индейцы в панике бежали в лес, предоставив неприятелю возможность беспрепятственно уничтожать их жилища и заготовленные на зиму запасы.

Как видим, ситуация в колониях в начале 1700-х годов напоминала ту, которая имела место в предшествующее военное десятилетие. В первую очередь это было связано с тем, что соотношение сил и подходы правительств метрополий, в основном, оставались прежними. Однако колониальных участников конфликта такой расклад устраивал все меньше. Вслед за Нью-Йорком они стали искать новую более оптимальную линию поведения.

[56]См.: Dudley to the Board of Trade. July 13, 1704 // Documentary History of the State of Maine: In 24 vols / Ed. by W. Willis et al. Vol. IX. Portland, 1896–1916. P. 19.

Глава 2. ЗАТИШЬЕ ПЕРЕД БУРЕЙ

«Традиционное» развитие событий в Северной Америке на начальном этапе Войны за испанское наследство побуждало предоставленные сами себе колонии к поиску новых стратегий и тактик, исходя из имеющихся у них ресурсов и тех задач, которые они ставили перед собой. На несколько лет на границах английских и французских владений наступило относительное затишье, однако оно оказалось предвестником бурных событий.

Переговоры Новой Франции и Массачусетса (1704–1706 гг.)

Среди французских колониальных чиновников не было единого мнения по поводу целесообразности и эффективности тактики пограничных рейдов. Их горячим противником был бывший интендант Новой Франции Шампиньи, ставший к этому времени одним из советников Поншартрена младшего. Он считал, что французам не следует провоцировать англичан, так как это может привести к ряду негативных последствий и прежде всего к новому выступлению ирокезов против Новой Франции. С его точки зрения, наиболее подходящим для французов было бы заключение с англичанами соглашения о нейтралитете.[57] Первоначально Поншартрен не был согласен с Шампиньи и одобрил действия властей Новой Франции (скончавшегося в 1703 г. Л.-Э. Кальера на губернаторском посту сменил Ф. де Водрёй). Однако затем он несколько изменил свое мнение, очевидно, прежде всего потому, что прекрасно понимал, что в том сложном положении, в котором находится Франция, она не сможет прийти на выручку своим колониям, в случае если им будет угрожать серьезная опасность.

В королевском послании, отправленном в Квебек летом 1704 г. говорилось: «Если есть уверенность в том, что можно вести войну с англичанами с успехом и что это может привести к разрушению английских колоний умеренными средствами, не вводя Его Величество в новые расходы, это было бы предпочтительнее, но если уверенности в успехе нет, предпочтительным является нейтралитет». Однако поскольку «Слава Короля не позволяет его искать», властям Новой Франции было предложено использовать посредничество миссионе-

[57]Эти замечания Шампиньи высказал в своих пометках на полях цитировавшегося нами выше донесения Водрёя и Боарне Поншартрену от 15 ноября 1703 г. Некоторые авторы, в частности Ф. Паркмен, ошибочно приписывали их самому Поншартрену; см.: *Hammang F. H.* Op. cit. P. 122 (прим. 36).

ров и ирокезов, которые должны были подать англичанам идею заключения соглашения с французами.[58]

Пока это письмо было в пути, ситуация в колониях не оставалась неизменной. К началу 1705 г. «малая война» на границе с Новой Англией несколько утихла. В то же время еще в 1704 г. Дадли, в руках у которого находилось значительное количество французских пленных, направил Водрёю несколько писем. В первом из них, датированном 10 апреля, он высказывал свое возмущение жестокостями французов, которые, по его словам, во время нападения на Диарфилд «нарушили законы христианской религии», и требовал возвращения английских пленных, за что он соглашался отправить часть содержащихся в Бостоне французов в Европу.[59] В послании, отправленном 21 августа, Дадли предупреждал власти Новой Франции: «Если война будет продолжаться, это обяжет меня использовать по отношению к вашим людям методы, отличные от тех, которые я применял до настоящего времени».[60] Однако отправленные через Олбани эти письма не дошли до адресата.

Тогда в декабре 1704 г. Дадли отправил в Квебек двух своих представителей Джона Ливингстона и Джона Шелдена, а также Джона Уэллса, которые доставили Водрёю копии двух вышеупомянутых писем и третье послание Дадли, где наряду с очередными упреками содержалось предложение произвести обмен пленными весной 1705 г. в районе устья Пенобскота.[61]

Водрёй принял посланцев Массачусетса достаточно любезно (Джон Ливингстон жил у него в доме) и немедленно написал ответ Дадли. Губернатор Новой Франции отверг все предъявлявшиеся ему обвинения, заявив, что следует различать действия индейцев и действия французов, которые поступают со своими пленными точно так же, как и англичане, и, в свою очередь, упрекнул бостонцев в жестокостях по отношению к мирным жителям Акадии. Водрёй согласился произвести обмен пленными, выдвинув при этом ряд встречных условий. Кроме того, он заявил Дадли: «Если бы Вы были единственным правителем Новой Англии, как я здесь, я бы не колеблясь принял Ваше слово и был бы даже рад вернуть всех Ваших пленных с господином Ливингстоном; но поскольку у Вас есть совет, мнения членов которого часто расходятся», и где у Вас есть только один

[58] Mémoire du Roi aux MM. de Vaudreuil et de Beauharnois. Le 14 juin 1704 // Archives des Colonies. Série B. Registre XXV. F. 114.

[59] Lettre du Gouverneur Dudley à monsieur le marquis de Vaudreuil. A Boston, le 10 avril 1704 // Collection de manuscrits... T. II. P. 410–411.

[60] Lettre du Gouverneur Dudley à monsieur marquis de Vaudreuil. A Boston, le 21 août 1704 // Ibid. T. II. P. 425–426.

[61] Lettre du Gouverneur Dudley à monsieur le marquis de Vaudreuil. Boston, le 20 décembre 1704 // Ibid. P. 426–427.

голос, Вам не следует обижаться на то, что я прошу гарантий для пленных, которых Вы должны мне прислать».[62]

В мае 1705 г., не дождавшись по непонятной причине реакции Дадли, Ливингстон и Шелден покинули Квебек. Вместе с ними в Бостон отправился представитель Водрёя сьёр де Куртманш, которому кроме ведения дальнейших переговоров с властями Массачусетса было дано конфиденциальное поручение по возможности собрать как можно больше информации о состоянии английских колоний.[63] Относительно обмена пленными Водрёй настаивал на том, чтобы все без исключения пленные французы были привезены в Пор-Руайяль, куда он, в свою очередь, обещал немедленно доставить всех находящихся в Новой Франции англичан.[64]

Дальнейшее поведение Дадли явно свидетельствовало о том, что он прежде всего хотел затянуть переговоры, чтобы таким образом обеспечить, относительное спокойствие на границах Новой Англии в ожидании благоприятного момента для осуществления давно задуманных планов нападения на французские владения. Вместо того чтобы отправить имеющихся у него пленных в Пор-Руайяль, он вступил в дискуссию с Куртманшем относительно судьбы некоего Жана-Батиста, которого англичане обвиняли в пиратстве. Когда этот вопрос был урегулирован, Дадли выдвинул новые предложения, касающиеся процедуры обмена. Он заявил, что наиболее подходящим местом для этого является остров Маунт-Дезерт, где согласно его предложению не позднее 26 сентября должна была состояться встреча английских и французских уполномоченных. Губернатор Массачусетса настаивал также на возвращении 72 жителей Новой Англии, которые, по его сведениям, находились в руках абенаки и других индейских союзников французов. Кроме того, Дадли хотел, чтобы колонии договорились между собой, что они в дальнейшем будут возвращать друг другу всех пленных (не исключая и тех, которые будут захвачены индейцами) в течение двух месяцев. При этом французы должны были доставлять всех попавших к ним в руки англичан в Диарфилд или Уэллс, а англичане — отправлять французских пленников в Монреаль или Пор-Руайяль. Дадли составил проект специального соглашения по этому вопросу, которое было озаглавлено: «Договор, заключенный между находящимися в Америке правительствами провинций Залива Массачусетс и Нью-Гемпшир, с одной стороны, и правительством Канады и сопредельных земель, с

[62] Lettre du monsieur de Vaudreuil au Gouverneur Dudley. A Québec, le 26 mars 1705 // Ibid. P. 428–430.

[63] *Hammang F. H.* Op. cit. P. 127.

[64] См.: Instruction au sieur de Courtemanche (1705) // Collection de manuscrits... T. II. P. 432.

другой, о взаимном возвращении пленных». Он подписал его и передал Куртманшу, надеясь (а, может быть, и не надеясь), что Водрёй подпишет его без дальнейших обсуждений.[65]

Куртманшу была также вручена копия договора, заключенного между губернаторами Мартиники и английских владений на малых Антильских островах. В письме, которое Дадли просил передать Водрёю, было сказано, что этот текст соответствует намерениям губернатора Массачусетса, желающего, чтобы обе колонии «смогли жить в мире, если они не хотят войны».[66] Иными словами, Дадли предлагал заключить сепаратное соглашение о перемирии.

Инструкции Куртманша не предусматривали обсуждения договора о нейтралитете (в тот момент, когда он покинул Квебек, вышеупомянутое письмо из Версаля еще не пришло). Однако, возможно, в разговоре с Дадли он упомянул, что администрация Новой Франции заинтересована в заключении не только соглашения об обмене пленными, но и общего перемирия. А может быть, сам Дадли решил использовать этот вопрос как средство затянуть переговоры и сохранить мир на границах.

При этом сам губернатор Массачусетса в действительности отнюдь не стремился к прочному миру с Новой Францией, а, наоборот, постоянно думал о ее завоевании. Об этом свидетельствуют его письма в Лондон, отправленные в то же самое время, пока велись переговоры с Водрёем. Так, в ноябре 1704 г. Дадли писал секретарю Совета по торговле, что «Квебек и Пор-Руайяль можно легко захватить», и если метрополия пришлет 4 или 5 фрегатов и несколько вспомогательных судов, то он, «видя хорошее расположение своих людей, организует экспедицию, в которой примет участие тысяча или больше человек». По словам Дадли, «это даст Его Величеству действительно великую страну, всю торговлю мехами и рыбой, не говоря уже о строевом лесе и навсегда успокоит индейцев, так как не будет никого по эту сторону от Мексики, чтобы снабжать их оружием и боеприпасами».[67] Аналогичные идеи высказывались губернатором Массачусетса и в других его посланиях. Например, он как минимум дважды писал об этом графу Ноттингему (в апреле и в ноябре 1704 г.).[68]

---

[65]Traité fait et conclu entre le gouvernement des provinces de la Baye de Massachusets et La Nouvelle Hempshire d'une part, et le gouvernement de Canada et ses dépendances tous deux en Amérique pour la restitution des prisoniers des deux costés // Archives Nationales. Série F^3. Registre VIII. F. 380–381.

[66]Lettre du Gouverneur Dudley à monsieur le marquis de Vaudreuil. A Boston, le 4 juillet 1705 // Collection de manuscrits... T. II. P. 435–438.

[67]Governor Dudley to [? Mr. Secretary Hedges]. Boston, New England. Nov. 26, 1704 // Calendar of State Papers. Colonial Series. Vol. XXII. P. 324–325. No 679.

[68]См.: Report on Canadian Archives for 1883. Ottawa, 1884. P. 24.

Рис. 19. Семюэл Ветч

Надо отдать должное Дадли, избравшему, как нам представляется, удачную линию поведения. Его стратегия и тактика были ясны. В ожидании, пока метрополия пришлет силы, необходимые для завоевания Канады, он решил вести переговоры с французами, не собираясь приходить с ними к соглашению по каким-либо серьезным вопросам за исключением обмена пленными. Для этой цели он отправил в Квебек своего младшего сына Уильяма Дадли и капитана Семюэла Ветча. Дадли младший был наделен отцом такими же полномочиями, как и Куртманш.[69] Однако ведущая роль в осуществлении миссии несомненно отводилась другому участнику делегации — Ветчу. Это был друг Дадли старшего — шотландский торговец, незадолго до этого обосновавшийся в Бостоне, человек, связанный с наиболее агрессивно настроенными кругами в колониях (кроме всего прочего, он приходился зятем Роберту Ливингстону), в дальнейшем ставший одним из главных инициаторов и организаторов английских экспедиций против Акадии и Канады. Ветч посещал Новую Францию перед началом войны по своим коммерческим делам и имел определенные связи среди французских торговцев пушниной (рис. 19).

В начале августа 1705 г. в Квебек прибыл английский корабль, на котором находились Куртманш, Дадли младший и Ветч. Появление неприятельского судна, вдобавок нагруженного английскими товарами, явилось неприятным сюрпризом для администрации Но-

[69]Lettre du Gouverneur Dudley à monsieur le marquis de Vaudreuil. A Boston, le 4 juillet 1705 // Collection de manuscrits... T. II. P. 438; см. также: Lettre du sieur Dudley à monsieur le marquis de Vaudreuil, portée par monsieur Dudley fils // Ibid. P. 439.

вой Франции, которая оказалась в затруднительном положении. С одной стороны, по закону Водрёй должен был отдать приказ задержать корабль и конфисковать весь его груз, особенно учитывая то, что Куртманш не имел никаких полномочий приводить англичан в Квебек морским путем; в его инструкциях было четко сказано, что он должен вернуться в Квебек через Олбани (правда, сам Куртманш говорил, что он заболел и не мог передвигаться посуху). С другой стороны, англичане, по крайней мере официально, прибыли для переговоров, в которых французская сторона была очень заинтересована. Позднее Водрёй писал министру, что он бы «не преминул приказать арестовать этот корабль, который был бы таким хорошим призом, если бы мне не помешали переговоры, которые мы уже начали с господином Дадли».[70] В итоге губернатор Новой Франции после некоторых колебаний был вынужден разрешить заход английского корабля в квебекский порт.

Колебания Водрёя были не напрасными. За те три с лишним месяца, которые Дадли младший и Ветч провели в Новой Франции, они, пользуясь предоставленной им свободой и разрешением посетить английских пленных, собрали множество самых разнообразных сведений о ситуации в колонии, и прежде всего о ее военных силах, фортах, укреплениях, численности населения и т. п. Эта информация в дальнейшем была использована при разработке планов операций против французов.

Ветч не забывал и о своих собственных интересах. Несмотря на формальный запрет Водрёя, он выгодно распродал все привезенные им товары и закупил большую партию мехов. Кроме того, он восстановил свои старые контакты с французскими торговцами, что позволило ему и некоторым его компаньонам начать чрезвычайно выгодную контрабандную торговлю с Канадой и Акадией.[71]

Первоначально переговоры Водрёя с представителями Массачусетса касались только обмена пленными. Как и следовало ожидать, губернатор Новой Франции отверг предложения Дадли. Тогда Ветч и Дадли младший стали готовить новый вариант соглашения. Тем временем до Квебека, наконец, добралось королевское послание, где говорилось о возможности заключения перемирия. После этого круг обсуждаемых вопросов заметно расширился.

6 октября англичане представили администрации Новой Франции свой проект межколониального договора. В соответствии с ним должны были быть прекращены все враждебные действия на суше и на море со стороны как Новой Англии и Новой Франции, так и со-

[70] M. de Vaudreuil au Ministre (le 19 octobre 1705) // Rapport de l'Archiviste de la province de Québec. 1938/1939. P. 96.

[71] См.: *Waller G. M.* Samuel Vetch: Colonial Enterpriser. Chapel Hill, 1960. P. 82.

юзных им индейцев. Жители колоний, а также аборигены получали право посещать владения другой державы для торговли, охоты, рыбной ловли и т. п. при наличии у них специальных паспортов, которые должны были выдавать губернаторы. Река Св. Лаврентия вплоть до Квебека, залив Св. Лаврентия и все воды Атлантики от Лабрадора до мыса Код на расстоянии 40 лиг от берега объявлялись зоной, открытой для мореплавания жителей обеих колоний. Стороны должны были освободить всех пленных, находившихся в их руках. Любые попытки индейцев нарушить мир должны были пресекаться властями колоний, а их виновники — понести наказание. Последняя статья предусматривала заключение перемирия на время ведения переговоров.[72]

Со своей стороны Водрёй, в целом согласившись с основной идеей договора, предложил внести в него ряд дополнений и изменений, которые должны были привести его в соответствие с основными принципами французской колониальной политики. В ноябре власти Новой Франции подготовили и передали представителям Дадли свой контрпроект соглашения. Здесь также шла речь о прекращении военных действий между колониями и их индейскими союзниками с момента подписания договора обоими губернаторами, обмене пленными и т. п. Основные отличия контрпроекта Водрёя от документа, цитировавшегося нами выше, касались, во-первых, сферы действия соглашения, а во-вторых, вопросов торговли и рыбной ловли.

Так, пункт 4 предусматривал полный запрет на торговлю между колониями; все товары, привезенные из одной колонии в другую, подлежали конфискации. Пункт 8 запрещал жителям английских и французских колоний ловить рыбу у берегов владений другой державы; суда, нарушившие этот запрет, могли быть захвачены вместе со всем грузом. Относительно индейцев было сказано, что обе администрации должны стараться держать под контролем их перемещения и по возможности выдавать им паспорта для охоты и торговли во владениях другой державы (пункт 9).

Согласно пункту 2 обе стороны брали на себя обязательство ни прямо, ни косвенно не помогать никакой третьей нации вести войну против одной из колоний и не пропускать через свою территорию предназначенные для этого войска и корабли (это касалось как «независимых» индейцев, прежде всего ирокезов, так и европейцев).

Пункт 11 французского варианта договора предусматривал, что сферой его действия является вся территория Новой Франции, т. е. Канада, Акадия, Кейп-Бретон и острова залива Св. Лаврентия

[72] Projet des articles de trêve à conclure entre les gouvernements de la Nouvelle France et de la Nouvelle Angleterre en Amérique // Archives des Colonies. Série C^{11}A. Registre XXII. F. 286–289.

(Ньюфаундленд упомянут не был). В заключение говорилось, что «господин Водрёй предлагает этот договор господину Дадли в ответ на его [договор. — *Ю. А.*] с условием, что он обяжет губернатора Нью-Йорка заключить такой же договор, и будет обязан заставить согласиться [с этим договором. — *Ю. А.*] все остальные администрации <...> настоящий договор будет подписан до конца февраля, иначе господин маркиз де Водрёй аннулирует все свои предложения».[73]

Проект Водрёя был гораздо шире предложений представителей Массачусетса. В случае заключения такого соглашения практически весь Североамериканский континент выходил из войны. По своему характеру документ, составленный администрацией Новой Франции, был близок договору об американском нейтралитете 1686 г. и нес на себе отпечаток Доктрины двух сфер. В то же время и проект соглашения об обмене пленными, составленный Дадли, и проект межколониального договора, подготовленный Ветчем, свидетельствовали об известной самостоятельности Массачусетса в области внешней политики. Показательно, что в отличие от всех французских проектов в них шла речь о соглашении между «правительствами», тогда как французы говорили о «губернаторах» и «колониях». Кроме того, в отличие от Водрёя, имевшего на сей счет королевские инструкции, Дадли вел переговоры по собственной инициативе, даже не ставя в известность правительство метрополии. В данном случае нас не должно смущать то, что эти переговоры были лишь тактическим ходом губернатора Массачусетса. Можно не сомневаться, что если бы он считал это выгодным для себя, он не колеблясь пошел бы на подписание договора с Новой Францией. В подтверждение этого можно привести цитату из письма, отправленного Дадли в Лондон осенью 1706 г., когда переговоры с французами уже были прекращены. В этом письме он снова просил прислать ему «достаточные силы, необходимые для покорения Канады и Новой Шотландии», заявляя (а фактически угрожая), что в противном случае «будет лучше, если Его Величество узнает, что я пойду на перемирие, которое они [французы. — *Ю. А.*] предлагают мне эти два года. Они не могут причинить мне никакого большого вреда, но они вводят меня в бесконечные расходы для охраны границ».[74]

---

[73]Projet du traité à faire entre les deux colonies de la Nouvelle France et la Nouvelle Angleterre suivant les propositions que le Sr. Veche a fait à Monsr. de Vaudreuil gouverneur générale de la Nouvelle France de la part de Monsr. Dudley gouverneur générale de la Nouvelle Angleterre // Ibid. F. 282–285.

[74]Governor Dudley to Mr. Secretary Hedges. Boston. Oct. 8, 1706 // Calendar of State Papers. Colonial Series. Vol. XXIII: America and West Indies, 1706–1708. London, 1916. P. 259–260. No 526.

Предложения Водрёя, доставленные в Бостон в конце ноября 1705 г., были отвергнуты Палатой представителей Массачусетса, которая негативно отнеслась к идее заключения договора с французами. Однако сам Дадли был склонен продолжать переговоры или, точнее, игру в переговоры дальше и даже написал письмо Корнбери, которое, правда, так и не было отправлено.[75] В начале 1706 г. он снова отправил в Квебек Джона Шелдена с письмом, в котором пытался убедить Водрёя, что заинтересован в продолжении контактов.

Однако губернатор Новой Франции уже хорошо понял тактику своего партнера по переговорам. В донесении Поншартрену он отмечал, что письмо Дадли было туманным и из него следовало только то, что губернатор Массачусетса хочет лишь выиграть время. Поэтому Водрёй, по его собственным словам, принял решение действовать таким образом: «поскольку срок, который я установил в своем ответе на его [Дадли. — *Ю. А.*] предложения, вышел, я позволил многим небольшим группам наших дикарей возобновить войну в его владениях, чтобы принудить его согласиться; и я убежден, Монсеньер, что это будет иметь хороший эффект, так как люди в окрестностях Бостона, на которых падает вся тяжесть войны, совершенно желают (как мне сообщили наши пленные, которые вернулись оттуда), чтобы их губернатор принял мои предложения, и я льщу себя надеждой, что Вы их найдете соответствующими вашим намерениям, службе Его Величества и выгоде этой колонии и в особенности Акадии».[76] В начале весны «малая война» против Новой Англии была возобновлена; правда, в течение 1706–1707 гг. французы не предпринимали крупных набегов, ограничиваясь лишь небольшими диверсиями, основную роль в которых играли индейцы.

В то же время контакты между Новой Францией и Новой Англией продолжались. В начале 1706 г. наконец было принято решение произвести обмен пленными (очевидно, определенную роль здесь сыграло давление общественного мнения обеих колоний). Летом 1706 г. этот долгожданный процесс начался. Он проходил в несколько приемов и был завершен только к концу октября, когда последние французы, остававшиеся в Бостоне, были доставлены в Квебек, а английские пленные отправлены в Массачусетс. Кроме того, власти Новой Франции продолжали надеяться на то, что Дадли все-таки, может быть, пойдет на заключение договора о нейтралитете. В частности, в своем ответном послании, отправленном в Бостон

---

[75] *Osgood H. L.* The American Colonies in the Eighteenth Century. Vol. I. P. 419.

[76] M. de Vaudreuil au Ministre (le 28 avril 1706) // Rapport de l'Archiviste de la province de Québec. 1938/1939. P. 102.

в начале лета 1706 г., Водрёй заявлял, что он ждет реакции других английских колоний на его предложения.[77]

Иллюзии на сей счет окончательно развеялись в Квебеке к концу 1706 г., когда там было получено очередное послание Дадли, в котором тот сообщил, что «он находит его [договор. — *Ю. А.*] слишком обременительным и что он не может склонить других губернаторов его принять, как это было предусмотрено в упомянутом договоре». По этому поводу Водрёй писал в Париж, что он и интендант Родó «не сомневались, что господин Дадли, губернатор Новой Англии, не имел ни малейшего желания заключать сей договор». Говоря о предложенном им варианте, руководители Новой Франции заявляли, что они «вовсе не уверены в том, что при таких условиях возможен мир, ибо сьёр Дадли нашел бы возможность развязать войну в этой стране с помощью других губернаторов, которые ему не подчинены» и для которых договор не был бы обязательным.[78]

В тот момент, когда переговоры между колониями о заключении перемирия уже были прекращены, в Квебек пришла очередная депеша из Версаля, где содержалось высочайшее одобрение проекта соглашения, составленного Водрёем, и разрешение губернатору Новой Франции подписать его при условии, что при этом не пострадает «слава короля и честь нации». В этом послании также подчеркивалось, что соглашение обязательно должно охватывать все английские и французские колонии на континенте (включая Ньюфаундленд), а также то, что в нем непременно должно было быть оговорено, что всякая торговля между подданными двух держав строго запрещается.[79]

Очевидно, Ж. де Поншартрен не был абсолютно уверен в том, что колониям удастся прийти к соглашению. В этом же письме он предписывал властям Новой Франции «в случае, если договор о нейтралитете <...> не будет заключен и если сьёр де Сюберказ [губернатор Акадии. — *Ю. А.*] найдет средство предпринять что-либо против английских поселений на берегу Бостона, Его Величество желает, чтобы вы оказали ему помощь, которую он попросит, и в которой он может нуждаться».[80]

Следует отметить, что поведение администрации Новой Франции в ходе переговоров с Массачусетсом вызвало определенные нарека-

---

[77]См.: Lettre de Monsieur de Vaudreuil au Gouverneur Dudley. A Québec, le 2 juin 1706 // Collection de manuscrits... T. II. P. 454.

[78]Lettre de MM. de Vaudreuil et Raudot au Ministre. A Québec, le 3 novembre 1706 // Ibid. P. 461.

[79]Le Roi à MM. de Vaudreuil et Raudot. A Versailles, le 9 juin 1706 // Rapport de l'Archiviste de la province de Québec. 1938/1939. P. 124–127.

[80]Ibid. P. 127.

ния со стороны министра. Прежде всего, это касалось пребывания в Квебеке английского корабля. Поншартрен с недоверием отнесся к информации о болезни Куртманша, которая показалась ему «вызывающей подозрения». С его точки зрения это был лишь предлог для того, чтобы переправить в Новую Францию английские товары.[81] Впоследствии министр сделал замечание Водрёю за то, что в результате его действий англичане получили возможность собрать информацию о состоянии колонии. Он писал: «...было бы также желательно, чтобы господин Дадли не отправлял бы к Вам своего сына <...> визиты подобного рода совсем не годятся, так как служат только для того, чтобы выяснить слабые места колонии». Поншартрен также подчеркнул, что в случае продолжения переговоров следует соблюдать максимум предосторожности.[82]

Впрочем, продолжение переговоров последовало не скоро. Бостон в очередной раз решил попытать счастья на поле брани.

Возобновление военных действий. Атаки на Пор-Руайяль

Летом 1706 г. в Массачусетсе разгорелся крупный скандал. Достоянием гласности стали коммерческие связи группы бостонских торговцев с французами из Пор-Руайяля, куда в обмен на меха они поставляли европейские товары, в том числе порох и ножи. Дело было не только в том, что их деятельность противоречила актам парламента Великобритании, запретившего всякую торговлю с Францией и другими «врагами Ее Величества». Совет колонии и многие ее жители были возмущены тем, что их соотечественники «вкладывают в руки варваров и язычников ножи, которыми те перерезают глотки их женам и детям».[83] Среди этих торговцев был Семюэл Ветч, а также еще ряд близких губернатору лиц. Недругам Дадли это дало повод подозревать и его самого в связях с французами и симпатиях к ним.[84] В ход пошли разговоры о том, что якобы в 1704 г. губернатор специально запретил Чёрчу нападать на Пор-Руайяль.[85]

Совет колонии устроил суд над контрабандистами и приговорил их к штрафу, однако Ветч с позволения Дадли отправился в Ан-

[81] Abregé d'une lettre de monsieur de Vaudreuil, avec les notes du ministre. A Québec, le 19 octobre 1705 // Collection de manuscrits... T. II. P. 449.

[82] Le Ministre à M. de Vaudreuil. A Versailles, le 9 juin 1706 // Rapport de l'Archiviste de la province de Québec. 1938/1939. P. 120–121.

[83] Цит. по: *Waller G. M.* Op. cit. P. 83.

[84] См.: *Osgood H. L.* The American Colonies in the Eighteenth Century. Vol. I. P. 421.

[85] См.: Ibid.

глию, чтобы опротестовать это решение. В итоге Тайный совет объявил, что Совет Массачусетса неправомочен выступать в качестве судебного органа и налагать какие-либо наказания.

Для нас это событие представляет интерес прежде всего потому, что оно стало одной из причин, побудивших администрацию Массачусетса и лично Дадли перейти к новой тактике в отношении французских колоний и в первую очередь Акадии. Под влиянием этого скандала, а также ввиду возобновившейся «малой войны» абенаки на границах Новой Англии и активизировавшихся действий французских каперов у берегов Акадии Дадли принял решение захватить Пор-Руайяль своими собственными силами. В феврале 1707 г. он писал о своем намерении губернатору Коннектикута Ф.-Дж. Уинтропу, заявив, что для успешной атаки французского форта достаточно иметь тысячу человек и два–три военных корабля.[86]

В марте 1707 г. Палата представителей Массачусетса единодушно поддержала решение губернатора и назначила специальный комитет для подготовки экспедиции против Акадии. После определенных колебаний она даже дала согласие на использование в ходе операции не только волонтеров, но и колониальной милиции.[87] Очевидно, для того чтобы поднять боевой дух участников похода и побудить их к более решительным действиям, бостонская администрация увеличила плату за «вражеские» скальпы с 50 до 100 фунтов, о чем было сообщено в газете.[88]

Однако жители Новой Англии были далеко не столь единодушны, как массачусетские законодатели. С одной стороны, учитывая опыт прошлых лет, многие высказывали сомнения в том, стоит ли тратить силы и средства на предприятие, результаты которого могли быть с легкостью перечеркнуты властями метрополии (тем более, что оно осуществлялось без ее ведома) и которое в то же время могло ослабить и осложнить оборону границ. Так, губернатор Коннектикута Ф.-Дж. Уинтроп в ответном письме Дадли предупреждал, что после заключения мира Акадия вполне может быть возвращена обратно французам, тогда как «честь нашего успеха вскоре будет забыта, и нам останется лишь негодовать по поводу того, что мы напрасно проливали нашу кровь и тратили наши деньги». Он также отметил, что «в то время когда мы каждый день находимся в тревоге и ждем нападения вражеских отрядов из Канады, которые беспокоят наши границы, было бы опро-

[86]Dudley to Winthrop, February 10, 1706/7 // Massachusetts Historical Society Collections. Sixth series. Vol. III. P. 367.

[87]Ibid. P. 423.

[88]Boston News Letter. 1707. March 31.

метчиво посылать за пределы страны так много достойных мужчин».[89]

С другой стороны, наиболее агрессивно и антифранцузски настроенные представители колониальной верхушки, считали, что захват маленького и слабого Пор-Руайяля нисколько не изменит расстановки сил на континенте, и высказывались в пользу более серьезных операций. Так, Коттон Мэзер говорил, что это «сомнительная экспедиция» и что надо молить Господа «не вести его народ туда». С его точки зрения это было не богоугодное дело, а всего лишь попытка губернатора обелить себя и своих приспешников. Джон Маршалл отмечал в своем дневнике, что многие в колонии были разочарованы внезапным решением напасть на бедный Пор-Руайяль.[90]

Наконец, многие влиятельные массачусетские коммерсанты, принадлежавшие к «верхам» («topping men») колонии, которые в мирное (а некоторые, как мы видели, и в военное) время извлекали значительные выгоды из торговли с французами, не хотели их лишаться. Их вполне устраивало то положение, при котором Акадия оставалась слабым французским постом, находившимся в сильной экономической зависимости от своих новоанглийских соседей.[91]

В то же время следует отметить, что с военной точки зрения взятие Пор-Руайяля было абсолютно необходимо англичанам. Во-первых, без этого невозможно было осуществлять какие-либо дальнейшие операции против Новой Франции. Во-вторых, как отметил Д. Э. Лич, «логически покорение Пор-Руайяля было первым шагом к устранению франко-индейской угрозы северу Новой Англии».[92]

В марте–апреле 1707 г. в Массачусетсе был сформирован экспедиционный корпус, состоящий из двух полков общей численностью около 1100 человек, подавляющее большинство которых было жителями Массачусетса. Часть из них составляли добровольцы, часть — бойцы колониальной милиции. Основная часть добровольцев была из тех мест, хозяйство которых было связано с рыболовным промыслом у берегов Акадии. Участие других колоний Новой Англии в этом предприятии было минимальным: Род-Айленд выделил 80 человек, Нью-Гемпшир — 60, а Коннектикут вообще не прислал ни одного бойца. Для транспортировки этих сил было собрано 22 судна, которые должны были сопровождать два военных корабля: 24-пушечная массачусетская «провинциальная галера» и 50-пушечный линейный корабль «Дептфорд», прибывший из метрополии. В экс-

[89] Winthrop to Dudley, February 25, 1706/7 // Massachusetts Historical Society Collections. Sixth Series. Vol. III. P. 371.

[90] См.: *Rawlyk A. G.* Op. cit. P. 101.

[91] См.: *Graham G.S.* Op. cit. P. 86.

[92] *Leach D. E.* Arms for Empire. P. 134.

педиции участвовало также около 300 моряков. Верховным главнокомандующим всеми этими силами был назначен полковник Джон Марч — близкий друг губернатора.

Англосаксонские историки в один голос подчеркивают, что выучка и боеспособность англо-американских войск были далеки от совершенства;[93] при этом Ф. Паркмен даже сообщает, что причина этого состояла в том, что учения ополченцев сводились в основном к совместным возлияниям.[94] Также можно встретить и нелестные характеристики Марча, которого многие авторы упрекают в нерешительности и отсутствии организаторских способностей.[95]

Вполне возможно, что колониальная милиция Новой Англии действительно была не слишком хорошо обучена и не отличалась дисциплинированностью, а ее командир не был великим полководцем. Однако находившиеся в Акадии французские войска, даже если они и превосходили англичан по своим боевым качествам, явно многократно уступали им по своей численности. На крошечную Акадию двигалась армада, количественно (всего более 1350 солдат и матросов) равная всему населению колонии от младенцев до стариков! Когда 26 мая/6 июня 1707 г. английские корабли появились в бухте Пор-Руайяля, губернатор Д. Оже де Сюберказ, мобилизовав все свои резервы, смог поставить под ружье не более 300 человек (включая солдат, а также акадийских и канадских ополченцев).

Существуют различные версии того, как развивались события под стенами Пор-Руяйяля в начале лета 1707 г. Данные английских и французских источников здесь очень сильно расходятся.

По версии, которой придерживается большинство французских и франко-канадских историков, рассчитывавшие на легкую победу англичане начали высаживаться на берег неподалеку от форта и тут же принялись грабить окрестные дома. Увидев, что противник ведет себя столь беспечно, Сюберказ отправил против них несколько небольших групп солдат и поселенцев, которые начали обстреливать англичан из засад. Вслед за этим он организовал более серьезную вылазку. Отряд, возглавляемый лично губернатором, обрушился на не ожидавших нападения англичан и нанес им серьезное поражение.[96] После этого англичане начали спешно возводить укрепленный лагерь. 6/16 июня Марч отдал приказ

[93] См., напр.: Canada and Its Provinces: A History of the Canadian People and Their Institutions: In 22 vols // Ed. by A. Shortt and A. Donghty. T. XIII, Pt 1. Toronto, 1913–1917. P. 63.

[94] *Parkman F.* Op. cit. Vol. 2. P. 420.

[95] *Krugler J. D.* March, John // Dictionnaire Biographique du Canada. T. II: 1701–1740. Toronto; Québec, 1969. P. 471–472.

[96] См: *Charlevoix P. F. X. de* Histoire et description générale de la Nouvelle France: 3t. T. II. Paris, 1744. P. 315.

о решающем штурме, однако и на сей раз огонь французских пушек заставил противника отступить. В довершение всего группа английских солдат, отправившихся грабить удаленные фермы, была атакована отрядом абенаки, возглавляемым сыном барона де Сен-Кастэна Бернаром-Ансельмом, который, узнав об угрозе, нависшей над столицей Акадии, поспешил на выручку Сюберказу. После этого и без того невысокий боевой дух англичан окончательно улетучился. Легкой прогулки не получилось. Среди англичан началась паника; они спешно погрузились на корабли и ретировались.[97]

В свою очередь, многие английские, американские и отчасти англо-канадские авторы придерживаются того мнения, что никаких столкновений между англичанами и французами под стенами Пор-Руайяля не было. Английские войска высадились двумя группами с тем, чтобы охватить форт полукольцом. Однако на военном совете 31 мая / 11 июня английские морские офицеры заявили, что нет никакой возможности переправить на берег артиллерию, и настояли на том, чтобы было принято решение снять осаду и отправиться в бухту Мин или на перешеек Шиньекто для захвата других французских поселений. Марч первоначально согласился с этим, но спустя несколько дней изменил свое мнение. 3/14 июня он повторно собрал военный совет и убедил его членов попытаться атаковать форт. Однако после этого никакого штурма предпринято не было. Под влиянием слухов о том, что в форте якобы находится 500 французских солдат и 44 тяжелых орудия, и что на подмогу Пор-Руайялю идет еще 500 кровожадных индейцев, англичане предпочли не рисковать и отступили.

Таким образом, с точки зрения англо-саксонских историков, главной причиной столь быстрого отступления явились разногласия, возникшие между английскими морскими офицерами и командирами колониальных войск, нерешительность Марча и низкий боевой дух массачусетских бойцов, которым, по свидетельству современника, стало казаться, что в их ряды проникла нечистая сила.[98]

Известие о столь бесславном завершении практически не начавшейся операции вызвало возмущение в Новой Англии. Вся колония была охвачена яростью и тревогой. Очевидно, догадываясь об этом, Марч не повел свой флот в Бостон, а остановился в бухте Каско, откуда он послал к Дадли четырех офицеров с донесением о своих действиях. Когда посланцы Марча прибыли в город, их встретила толпа женщин, которые преподнесли им деревянную шпагу и сопро-

[97] См.: Entreprise des anglois contre Acadie. A Port Royal, le 26 juin 1707 // Collection de manuscrits... T. II. P. 464–468.

[98] *Parkman F.* Op. cit. Vol. 2. P. 422.

вождали их на всем пути к губернаторской резиденции, выкрикивая всевозможные оскорбления.

Стремясь как-то исправить положение, Дадли, прекрасно понимавший, что провал Марча, скажется прежде всего на его собственном положении, решил предпринять еще одну попытку. Получив наряду с официальным отчетом, письмо от своего сына, который также принимал участие в этом походе и сообщил отцу все подробности случившегося, губернатор Массачусетса решил, что главной причиной неудачи была пассивность командиров, тогда как в целом у англичан были хорошие шансы на успех. Дадли приказал войскам оставаться в бухте Каско, куда были посланы подкрепления — две роты колониальной милиции, насчитывавшие 100 человек, и еще один военный корабль. Очевидно, не желая смещать Марча и в то же время стремясь снять со своего ставленника часть ответственности, губернатор направил к нему трех членов Совета колонии: полковника Э. Хатчисона, полковника П. Таунсенда и Дж. Леверетта, которые должны были контролировать действия главнокомандующего.

24 июля / 4 августа англичане покинули Каско (за все время стоянки в этой бухте несколько десятков бойцов дезертировало) и 9/20 августа 1707 г. снова появились у Иль-о-Шевр, небольшого островка, расположенного напротив Пор-Руайяля. На следующий день после двух неудачных попыток под огнем французов им удалось высадиться на берег, где они начали возводить укрепленный лагерь. На сей раз англичане действовали более четко в первую очередь благодаря тому, что непосредственное руководство операцией вместо фактически устранившегося от дел Марча осуществлял полковник Френсис Уэйнрайт, способный и энергичный офицер. Однако французы также извлекли урок из июньских событий. Отряды индейцев и ополченцев снова начали нападать на англичан из засад. Тем не менее 20/31 августа англичане пошли на штурм. Но еще на дальних подступах к форту их авангард был атакован индейцами Сен-Кастэна младшего, которых поддержала артиллерия Пор-Руайяля. Однако наступление продолжалось. Стремясь не допустить неприятеля непосредственно к форту, на крепость стен которого он, очевидно, не очень сильно надеялся, Сюберказ приказал делать засеки. Основные силы французов укрылись за этими импровизированными укреплениями и оттуда продолжали обстреливать наступающих. Не ожидавшие такого поворота событий, англичане заколебались. В этот момент им во фланг снова ударили индейцы Сен-Кастэна, усиленные ополченцами под командованием де Ля Булярдри. Схватка закончилась полной победой французов и их индейских союзников. Англичане потеряли несколько десятков человек (как всегда данные сильно расходятся; наименьшая цифра — 17, наибольшая — 120 уби-

тых и раненых). Опасаясь нападения индейцев с тыла, английское командование на следующий день отдало приказ возвращаться на корабли. 24 августа / 4 сентября английский флот ушел из бухты Пор-Руайяля.

В Массачусетсе бойцов встретили проклятиями и насмешками. Колония была в шоке. Никто не мог понять причину случившегося, так как захват Акадии казался всем очень легким делом. Как говорилось в выпущенном по этому поводу памфлете, «если бы армия только встала там и мирно находилась в своем лагере (достаточно далеко от форта), Пор-Руайяль сдался бы через несколько дней».[99] Однако этого не произошло, но, наоборот, колония понесла убытки, общая сумма которых составила 22 тыс. фунтов, не говоря уже о людских потерях.

Одним из главных виновников случившегося, возможно не совсем справедливо, считали Дадли. Дополнительный повод для подозрений дало то, что он выступил против расследования действий руководителей экспедиции, что предлагали некоторые члены Совета колонии.

Нам важно отметить, что крах экспедиций 1707 г., который Г. Л. Осгуд назвал «величайшим фиаско в истории колониальных войн»,[100] произвел сильное впечатление не только на общественность Массачусетса, но также и на администрации всех английских колоний и на власти метрополии. Тот факт, что одна из самых развитых и густонаселенных английских провинций в Америке, имея колоссальный перевес в силах, не смогла захватить крошечный форт в слабой французской Акадии, привел к тому, что и в Лондоне и в его владениях укрепилось мнение, что колонии абсолютно неспособны самостоятельно проводить любые мало-мальски серьезные военные операции и что изгнать французов из Северной Америки или хотя бы нанести им сильный удар можно только с помощью королевских войск.

Глава 3. «СЛАВНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ» И ЕГО КРАХ

После 1707 г. Война за испанское наследство в Северной Америке начала приобретать некоторые новые черты. Это было прежде всего связано с определенным изменением позиции Англии по отношению

[99] The Deplorable State of New England, by Reason of a Covetous and Treacherous Governor and Pusillanimous Counselors // Massachusetts Historical Society Collection. 5th Series. Vol. VI. Boston, 1880. P. 128.

[100] *Osgood H. L.* The American Colonies in the Eighteenth Century. Vol. I. P. 425.

к колониальному театру боевых действий, а также с переменами в межколониальных отношениях.

«Обозрение Канады» — новый английский план действий

Мы уже упоминали о том, что в конце 1706 г. из Бостона в Лондон отправился Семюэл Ветч. Там он стал пропагандировать идею организации экспедиции против Пор-Руайяля и Квебека и полного изгнания французов из Северной Америки. Особенно активно Ветч начал действовать на рубеже 1707–1708 гг., после того как были урегулированы его собственные проблемы, связанные с обвинениями в контрабандной торговле. Планы Ветча были не новы и во многом совпадали с теми проектами, которые выдвигали Корнбери, Дадли, Куэри и их предшественники. Однако Ветч сумел облечь их в привлекательную форму, а главное донести до тех лиц в правительстве, от которых зависело принятие решений по данному вопросу. С точки зрения Ветча, захват Новой Франции должен был стать «славным предприятием», которое следовало осуществить совместными действиями колоний и метрополии.

Ветч утверждал, что французское присутствие на Североамериканском континенте угрожает всем английским колониям и интересам Британской империи в целом. Он указывал, что эта угроза заключается не только в том, что во время войн французы и их индейские союзники нападают на пограничные поселения, грабят, убивают и угоняют в плен их жителей. Наибольшей опасностью он считал то, что французы расширяют свои владения «за спиной Вирджинии, Мэриленда, Пенсильвании и Нью-Йорка» и устанавливают там контроль над индейцами. Особое внимание Ветч уделял Акадии, которая, по его словам, находясь в руках французов, представляла для английских поселенцев такую же опасность, как «Дюнкерк для Англии», прежде всего потому, что служила базой каперов, беспокоящих берега Массачусетса и соседних колоний.[101]

Ветч выдвинул также ряд интересных соображений, касающихся возможного использования территорий, отвоеванных у французов. В частности, он предлагал организовать заселение Акадии шотландцами, утверждая, что климат этого региона вполне соответствует климату их родины.

В первой половине 1708 г. Ветч заметно преуспел в продвижении идеи «славного предприятия». Его поддержало множество влиятельных лиц, принадлежавших к различным группировкам в правитель-

[101] Цит. по: *Waller G. M.* Op. cit. P. 103.

стве и в колониальных кругах. При этом Ветч сумел во многом преодолеть то подозрительное отношение к Новой Англии, которое было присуще многим английским политикам. Он стремился показать, что колония нуждается в поддержке метрополии, которая, в свою очередь, также получит большие преимущества в случае реализации его проекта.

Ветч подготовил записку, озаглавленную «Обозрение Канады. Французские владения на континенте Америки, кратко рассмотренные, с точки зрения их положения, мощи, торговли и численности населения, и более подробно, с точки зрения того, сколь вредоносными они являются по отношению к британским интересам, а также метод как легко удалить их». В этом документе были очень четко изложены все основные аргументы в пользу завоевания французских владений, а также приводился примерный план действий, необходимых для этого. Кроме того, там приводились важнейшие сведения о политическом, экономическом, военном, географическом положении Канады и Акадии, которые несомненно были собраны Ветчем в ходе его пребывания в Новой Франции осенью 1705 г.[102]

В начале говорилось о том, что «всякого мыслящего человека, который знает ценность Британской монархии в Америке <...> не может не удивлять то, что нация, столь могущественная в мореплавании, со столь многочисленными подданными, столь преуспевшими в своей торговле, столь покорно позволяет таким беспокойным соседям, как французы, не только мирно располагаться перед ней, но с рассеянной горсткой людей владеть страной протяженностью более четырех тысяч миль и удерживать между собой и морем всю Британскую империю на континенте Америки».

Далее констатировалось, что присутствие французов существенно затрудняет британскую торговлю в Америке, которая терпит огромные убытки, увеличивающиеся с каждым годом; оно также приводит к тому, что корона и вся страна несут значительные расходы на содержание войск и фортов на границах с ними. Ветч возмущенно писал, что большие суммы тратятся на «подкуп аборигенов для обеспечения их дружбы», поскольку англичане по сути «являются данниками этих бесчеловечных дикарей», которым они платят за их расположение и содействие. После этого шло подробное описание французских колоний, имеющихся там укреплений, гарнизонов и т. п. Приводились даже имена офицеров.

[102] Canada Surveyed. The French Dominions upon the Continent of America Briefly Considered in Their Situation, Strength, Trade, and Numbers, More Particularly How Vastly Prejudicial They are to the British Interest, and a Method Proposed of Easy Removing Them // Calendar of State Papers. Colonial Series. Vol. XXIII: America and West Indies: 1706 — june 1708. London, 1916. P. 41–51.

По поводу английских колоний говорилось, что больше всего от французов страдают Нью-Йорк и Новая Англия. В первом случае это связано с тем, что французы благодаря своим миссионерам «соблазнили значительную часть Пяти Наций, которые так долго были в союзе с короной». Во втором случае — с рейдами французов и их «диких сообщников», для описания которых Ветч не жалел черной краски. Он предрекал, что «ущерб, расходы и убытки (не говоря уже о варварствах и убийствах многих людей), которые терпят англичане на Североамериканском континенте от французов, населяющих тот же самый континент, ежегодно составляют несколько сот тысяч фунтов? и со временем, поскольку французы станут более многочисленными, они должны стать гораздо больше, ибо по своему расположению окружают и удерживают между собой и морем все английские провинции на этом континенте». Ветч указывал на то, что французы опасны еще и потому, что они в отличие от английских поселенцев «предпочитают добывать свой хлеб войной и охотой», а не сельским хозяйством. Автор записки мрачно шутил, что в один прекрасный момент французы могут заставить англичан найти применение их искусству мореплавания, вынудив их покинуть свои владения.

В заключительной части документа излагался план операции по захвату французских владений, которую Веч называл «великим предприятием, столь выгодным для чести и пользы короны и народа Великобритании и ее империи в Вест-Индии и Северной Америке». Он утверждал, что для этого потребуется не более двух батальонов регулярных войск из Великобритании, содержание которых, за исключением провианта и транспорта, будут стоить не больше, чем если бы они находились в Шотландии. Кроме того, в операции должны были быть задействованы те военные корабли, которые обычно конвоируют торговые суда, направляющиеся в Америку. Эти силы должны были соединиться в Новой Англии с тысячью ее лучших ополченцев и отправиться к Квебеку. Тем временем еще 1500 бойцов из Нью-Йорка, Нью-Джерси и Коннектикута при поддержке индейцев должны были двинуться на Монреаль, чтобы захватить его, или, по крайней мере, отвлечь туда часть французских сил из Квебека.

Ветч считал, что после взятия Квебека и Монреаля все остальные французские поселения легко попадут в руки англичан. Трофеи, захваченные в ходе операции, с лихвой компенсируют все расходы, а, кроме того, реализация этого замысла «даст бессчетные преимущества торговле британцев во всей Америке и в особенности сделает их единственными хозяевами торговли мехами, рыбой и мачтовым лесом на всем континенте, а Ее Величество — единственным сувереном Северной Америки, и сотни наций новых подданных будут полно-

стью подчинены ее законам, когда у них не будет ни католических священников, чтобы отравлять их души, ни других соперничающих монархов, чтобы отвращать их от ее интересов. Канада станет благородной колонией, абсолютно соответствующей законам и духу самой северной из северных Британий».

Эта записка, основное содержание которой мы сочли необходимым изложить, имела очень большое значение. Она свидетельствовала о том, что в англо-американских колониальных кругах в это время уже имелось достаточно четкое представление о специфике французской колониальной экспансии в Северной Америке, а также об ее основных направлениях и о стратегических целях французов. Заметим, что, как мы видели, и в Версале, а в определенной степени и в Квебеке ситуацию, имевшую место в британских владениях, представляли достаточно плохо. По крайней мере, все планы операций по изгнанию англичан с континента, строившиеся во Франции и в Канаде, были явно невыполнимы.

Вместе с тем идея изгнания французов с Североамериканского континента достаточно медленно проникала в высшие эшелоны британской политической элиты. Прежде чем получить одобрение королевы и ее министров, Ветч со своим «Обозрением Канады» прошел через различные правительственные инстанции, далеко не везде встречая поддержку. 15 июня 1708 г. записка была передана государственному секретарю Южного департамента графу Ч. Сандерленду. Однако никакой реакции с его стороны не последовало (он даже не передал ее для рассмотрения в Совет по торговле). Это было связано с тем, что Сандерленд безоговорочно поддерживал линию Мальборо и той части вигов, которые считали, что для Англии главной целью войны является максимальное ослабление могущества Франции, которое может быть достигнуто лишь путем нанесения ударов непосредственно по французской территории. Вплоть до 1707 г. кабинет выступал категорически против отвлечения не только сухопутных, но и военно-морских сил Великобритании с Европейского театра боевых действий. Эта точка зрения была блестяще изложена в памфлете Дж. Аддисона, в то время занимавшего пост помощника государственного секретаря, «Современное состояние войны», который был опубликован в конце 1707 г.[103]

Однако подобная стратегия имела свою обратную сторону. С началом войны французские каперы повели активную охоту за торговыми и рыболовными судами своих противников в Атлантике, а также неоднократно совершали налеты на английские, голландские,

[103] См.: *Addison J.* The Present State of the War and the Necessity of an Augmentation, Considered. London, 1707.

португальские колонии. Кроме того, англичане в целом не смогли помешать имевшей огромное значение для обеих бурбонских монархий доставке драгоценных металлов из Испанской Америки, которая осуществлялась под прикрытием французского флота. В ходе осенней сессии 1707 г. этот аспект правительственного курса подвергся критике со стороны палаты общин. Правительство было вынуждено дать обещание скорректировать свою политику и уделить больше внимания колониальным сюжетам.

Что касается Ветча, то после почти полутора месяцев ожидания он сам обратился к членам Совета по торговле (27 июля 1708 г.). Последние не стали выносить какого-либо решения и передали дело государственному секретарю. Вполне возможно, что если бы «Обозрение Канады» снова попало к Сандерленду, то оно было бы положено под сукно. Однако в тот момент Сандерленд отсутствовал, и его функции временно исполнял его коллега государственный секретарь Северного департамента Генри Бойл. Последний заинтересовался проектом и в августе 1708 г. попросил Совет по торговле рассмотреть его еще раз.

Ветч принимал самое активное участие в дискуссиях, происходивших в Совете. В это время его ближайшим сподвижником и единомышленником стал опытнейший администратор Френсис Никольсон, находившийся в то время в Лондоне. Никольсон, как мы уже упоминали, был активным сторонником расширения британской экспансии в Северной Америке и изгнания французов с континента.

После провала двух экспедиций против Пор-Руайяля правящие круги Новой Англии также стали забрасывать Лондон всевозможными просьбами о помощи в борьбе с французами. В конце 1707 г. Дадли направил Совету по торговле «Записку, касающуюся французских поселений в Америке», где говорил о необходимости прислать в колонии две тысячи солдат и пять–шесть фрегатов для нанесения решающего удара по Новой Франции. Дадли повторял (точнее, предвосхищал) многие аргументы Ветча, однако основной упор делал не столько на выгодах, которые может получить Англия от завоевания Канады, сколько на описании угрозы североамериканским владениям Лондона, исходящей от французов и их индейских союзников. Дадли явно преувеличивал мощь Новой Франции, но в то же время верно отметил, что «недавние открытия и торговля французов на реке Миссисипи <...> позволяют окружить все английские колонии от Новой Англии до Вирджинии», что, безусловно, имело бы для них самые негативные последствия.[104] В начале 1708 г. агент

[104] Memorial Referring to the French Settlement in America. November 10, 1707 // Calendar of State Papers. Colonial Series. Vol. XXIII. P. 590–592. No 1186. I.

Нью-Гемпшира в Лондоне Джордж Воан убеждал Совет в том, что «единственный действенный способ обеспечить мир — это вырвать французов с корнем из Канады и Пор-Руайяля, двух гнезд, которые они свили на Американском континенте за спиной англичан».[105] Заклятый враг Дадли — Коттон Мэзер в 1708 г. также поддержал идею нападения на Канаду.[106]

Помимо вышеуказанных обстоятельств такое единодушие было связано с тем, что после английских атак на Пор-Руайяль французы вновь обратились к испытанной тактике пограничных рейдов. В конце августа 1708 г. Ж.-Б. де Сент-Урс Дешайон и Ж.-Б. Эртель де Рувиль начали готовить нападение на Портсмут. Однако союзные индейцы не смогли присоединиться к их отряду из-за свирепствовавшей среди них в тот момент эпидемии оспы (по другой версии, здесь не обошлось без интриг англичан); и поэтому они предпочли не рисковать и вместо этого достаточно хорошо укрепленного пункта атаковать какое-нибудь небольшое поселение. В результате их жертвой стала деревня Хейверхил на реке Мерримак (сейчас штат Массачусетс), расположенная в 30 милях от Бостона. Бóльшая часть ее жителей была захвачена в плен и уведена в Канаду. Появление французского отряда в самом сердце Новой Англии вызвало шок в колонии. Вдогонку Рувилю и Дешайону был послан отряд капитана Эйера. Ему удалось настичь французов, продвигавшихся достаточно медленно из-за большого обоза, однако нападение было отбито, и французы со всей своей добычей благополучно вернулись в Квебек.

В то же время активизировалась деятельность французских каперов, базировавшихся в акадийских гаванях. Администрация Акадии установила со многими из них прочные контакты, что позволяло снабжать колонию, практически лишенную какой-либо поддержки со стороны метрополии, необходимыми европейскими товарами. Пор-Руайяль часто посещал знаменитый Пьер Морпен, прославившийся своими дерзкими операциями на Антильских островах, уже известный нам капитан Батист, а также Рикор, Делакруа, Робино и др. Силы каперов были столь внушительны, что в декабре 1707 г. Сюберказ даже выдвинул идею организовать с их помощью налет на какое-нибудь небольшое прибрежное поселение в Новой Англии.[107] Кроме того, губернатор, а вслед за ним и некоторые другие акадийцы также начали снаряжать и вооружать небольшие суда, которые

---

[105] Vaughan to Council of Trade and Plantations. July 6, 1708 // Ibid. Vol. XXIV: America and West Indies, 1708–1709. London, 1922. P. 22.

[106] *Waller G. M.* Op. cit. P. 104.

[107] *Lauvrière E.* La tragédie d'un peuple: histoire du peuple acadien de ses origines à nos jours: 2 t. T. I. Paris, 1922. P. 149.

нападали на английских рыбаков, продолжавших заниматься промыслом у берегов Акадии.

Все это, несомненно, подогревало антифранцузские настроения в Новой Англии. В то же время администрация и общественность этих колоний все более четко осознавала, что самостоятельно они не могут сколько-нибудь существенно повлиять на ситуацию на континенте. По сравнению с 1690 г. позиция Массачусетса и его ближайших соседей кардинально изменилась. Экспедиции Фипса, помимо всего прочего, были призваны продемонстрировать Лондону не только лояльность Новой Англии королю Вильгельму и ее преданность интересам метрополии, но также ее самостоятельность и самодостаточность. Теперь, после провалов 1704 и 1707 гг., Массачусетс взывал к британскому правительству, подчеркивая свою беспомощность и зависимость от Лондона.

20 октября 1708 г. Палата представителей колонии и бостонская администрация обратились к королеве с петицией, которую можно рассматривать как квинтэссенцию настроений, господствовавших в тот момент среди верхушки колониального общества и представлявших собой разительный контраст с тем, что происходило в Массачусетсе менее чем двумя десятилетиями раньше. Анну умоляли обратить на них ее «королевское внимание» и спасти ее несчастных подданных от атак французских каперов и ужасных набегов на пограничные поселения. В петиции подчеркивалось, что «эта провинция Вашего Величества [Массачусетс. — *Ю. А.*] и провинция Нью-Гемпшир являются барьером, который отделяет другие колонии от сильного врага». По поводу Пор-Руайяля авторы петиции заявляли следующее: «Для нас он является Дюнкерком, он расположен столь удачно и удобно, что может препятствовать всякому плаванию отсюда на восток и обратно; он также является вместилищем каперов, которые могут быстро выскакивать оттуда, чтобы охотиться за призами, а также беспокоить наших рыбаков, в чем мы не раз имели возможность убедиться». Колонисты просили монарха «силами королевских войск напасть на эту страну и вырвать ее из рук французов».[108]

Однако, как мы видели, принятие каких-либо решений британским правительством зависело от ряда факторов, среди которых пожелания колоний отнюдь не являлись первостепенными. Самым важным было то, что в середине — второй половине 1708 г. определенная часть правительства стала склоняться к мысли о необходимости проведения какой-либо крупной операции в колониях. При

[108] Massachusetts General Court to the Queen. October 20, 1708 // Calendar of State Papers. Colonial Series. Vol. XXIV. P. 314–316.

этом речь ни в коем случае не шла о резкой смене курса, но лишь о его некой диверсификации. Основным театром боевых действий оставалась Фландрия, где войска Мальборо уже одержали ряд крупных побед над французами. После битвы при Ауденарде (11 июля 1708 г.) перед союзными армиями, казалось, был открыт путь во Францию. Англичане также укрепили свои позиции в Средиземном море. Другое дело, что, находясь в целом в достаточно благоприятном положении, кабинет мог себе позволить роскошь выделить силы и средства для действий на второстепенном направлении.

Это подтверждает и тот факт, что вигские министры и чиновники под разными предлогами отклонили все остальные проекты, касающиеся организации экспедиций против испанских и/или французских колоний, поступавшие в правительственные канцелярии в течение 1707–1708 гг. (некоторые из них, относящиеся к Ньюфаундленду, мы еще будем рассматривать). Среди них имелись такие, которые были не менее интересными, проработанными, а главное выгодными, чем «Обозрение Канады» (например, проект Томаса Икинза). Нам представляется, что Ветч добился рассмотрения и принятия своего плана не только благодаря достоинствам последнего (хотя это тоже сыграло немаловажную роль), но также с помощью своих личных связей, а отчасти и в силу определенного стечения обстоятельств.

Среди объективных моментов, наряду с вышеупомянутым стремлением кабинета к расширению сферы боевых действий (в том числе и для успокоения общественного мнения страны), важную роль играло и то, что это был удар пусть по «Новой», но все-таки Франции. Кроме морального, это имело и вполне материальное значение, а также политический смысл. Крупная операция против заморских владений Испании могла бы иметь неблагоприятные последствия для отношений Лондона с Австрией, так как в данном случае получалось, что англичане посягают на владения «Карла III» (Габсбургского претендента на испанский престол). В этом смысле гораздо «спокойнее» и выгоднее было нападать на собственно французские владения, которые можно было удержать после успешного окончания войны, тогда как испанские пришлось бы отдать их законному хозяину. Кроме того, операция против Канады была сравнительно дешевой (в значительной степени благодаря активному участию колоний), и в ее проведении были заинтересованы достаточно широкие круги по обе стороны Атлантики.

В пользу Ветча сыграло и то обстоятельство, что «Обозрение Канады» имело определенную прошотландскую направленность (Ветч предлагал отвести отвоеванные у французов территории для шотландской колонизации). Дело в том, что весной 1708 г. французы,

продолжавшие оказывать поддержку Якову III («Старому претенденту»), предприняли попытку осуществить высадку группы его сторонников в Шотландии, где те надеялись поднять мятеж, используя недовольство части населения принятым в 1707 г. актом об объединении с Англией. Хотя эта операция закончилась неудачей, она вызвала тревогу в Лондоне. В этой ситуации правительство считало необходимым предпринять какие-то действия, которые свидетельствовали бы о единстве интересов Англии и Шотландии и были бы выгодны жителям обеих стран. Поэтому активно пропагандировавшаяся Ветчем идея шотландской колонизации завоеванных у французов территорий и участия шотландцев в освоении Североамериканского континента пришлась как нельзя кстати.

В начале ноября 1708 г. Совет по торговле предложил Ветчу разработать детальный план операции против Канады. Уже 17 ноября этот документ был представлен на обсуждение. Ветч утверждал, что Массачусетс, Нью-Гемпшир и Род-Айленд вполне могут выставить тысячу ополченцев, снабдить их провиантом и обеспечить их доставку в район Ньюфаундленда, где они должны были соединиться с силами, отправленными из метрополии. По его мнению, военные приготовления колоний Новой Англии было вполне реально завершить к концу апреля 1709 г. К этому же времени силы центральных колоний должны были собраться в Олбани для марша на Монреаль. Предполагалось, что в боевых действиях на этом участке будет задействовано 1500 солдат и ополченцев (350 человек из Коннектикута, 200 — из Нью-Джерси, 100 — из Пенсильвании, а остальные 850 — из Нью-Йорка, включая знаменитые четыре роты регулярных войск). Ветч также разработал вопросы, касающиеся снабжения войск, назначения командиров и т. п. Особое внимание он уделил вопросу, касающемуся размещения гарнизонов в захваченных фортах и поселениях, с тем, чтобы предотвратить возможные попытки французов отбить их.[109]

1 декабря 1708 г. одобрение Совета по торговле было получено, после чего в течение декабря вопрос об операции против французских владений в Северной Америке был рассмотрен и одобрен Тайным советом. В конце февраля 1709 г. Ветч получил королевские инструкции, где он назначался «полковником <...> и первым помощником того британского офицера, который будет назначен главнокомандующим» экспедиционными силами. Ему было поручено отправиться в Массачусетс и координировать подготовку к операции в

[109] An Explanatory Supplement to Capt. Vetch's Proposal for an Attack upon Quebec and Montreal, Together with the Scheme for raising the Two New Battalions Requested, etc. November 17, 1708 // Calendar of State Papers. Colonial Series. Vol. XXIV. P. 147–150. No 196.

колониях, которую нужно было завершить к середине мая, когда в Америку должна была прийти английская эскадра. В случае успешного проведения запланированной акции Ветч должен был стать губернатором Канады.[110]

Правительство планировало выделить для завоевания Новой Франции пять армейских полков. Общая численность британских сил в Северной Америке должна была составить около 4 тыс. солдат и моряков.

Значение этого решения (несмотря на то что оно не было выполнено), на наш взгляд, очень велико. Впервые за всю историю колониальных войн в Северной Америке правительство Великобритании было готово перебросить значительный контингент регулярных войск за океан для проведения совместно с колониальной милицией и индейцами крупномасштабной операции против французов!

Воодушевленный своим успехом Ветч смотрел еще дальше. Незадолго до своего отъезда из Англии он разработал план дальнейших действий, которые следовало осуществить после завершения «славного предприятия». С его точки зрения, покорив Канаду, англоамериканские войска, усиленные подкреплениями из Вирджинии и Мэриленда, могли бы совместно с милицией из обеих Каролин напасть на Сан-Аугустин — основной опорный пункт испанцев во Флориде. После этого они должны были отправиться на Багамы, а в следующем (т. е. 1710 г.), соединившись с резервами из Нью-Йорка и из метрополии, атаковать Картахену или Порто-Белло. Однако английские министра не разделяли его энтузиазма.

Надежды и разочарования

28 апреля 1709 г. Ветч и Никольсон прибыли в Бостон. В колониях закипела подготовка к решающей схватке со старинным врагом. Наибольший энтузиазм известие о предстоящей операции вызвало в Массачусетсе.

9 мая по этому поводу там была выпущена специальная прокламация и объявлен набор волонтеров. Казна колонии закупала для них оружие и амуницию, которая затем переходила в их личное пользование. Офицерам, собирающимся участвовать в кампании, были обещаны торговые привилегии и земельные участки в завоеванных землях. Как и в годы предыдущей войны, религиозные лидеры ко-

[110] Her Majesty Instructions to Colonel Vetch. March 1, 1709, St. James // Ibid. P. 230–232. No 387.

лонии призывали население к борьбе с «идолопоклонниками из Канады» (такую запись в своем дневнике сделал К. Мэзер).[111]

Правда, несмотря на все усилия администрации и пуританских проповедников, население в целом оставалось достаточно равнодушным к ее призывам и обещаниям. К 20 мая Дадли с большим трудом удалось набрать 900 бойцов, которые составили два массачусетских полка. Среди добровольцев оказалось немало представителей низших сословий, сервентов и даже бывших заключенных, что вызвало определенную тревогу у состоятельной части жителей. Совету колонии даже была подана петиция с жалобой на «неограниченную свободу, которую присвоили себе наши сервенты <...> которые сами записываются на военную службу».[112]

Командирами этих полков были назначены сэр Чарлз Хобби и Уильям Тайлер (будущий лейтенант-губернатор колонии). Под их руководством волонтеры приступили к военным занятиям, и спустя два месяца, как отметил С. Ветч, «по строевой, и по огневой подготовке не уступали королевским войскам».[113]

Массачусетс также выделил продовольствие для отрядов из других колоний. В Бостонской гавани на Ноддлз-айленде стали спешно строить казармы для английских солдат, прибытия которых ожидали в самое ближайшее время.

В мае–июне Ветч и Никольсон совершили поездку по северным и центральным колониям, с тем чтобы проследить, как там идет подготовка к предстоящему «славному предприятию». Более всего их волновала позиция Нью-Йорка, который по плану Ветча должен был сыграть ключевую роль в действиях на южных подступах Канады.

Поскольку эта колония с начала войны практически не участвовала в боевых действиях, придерживаясь по отношению к Новой Франции необъявленного нейтралитета, в Массачусетсе сложилось весьма негативное мнение о ней. Лидеры Новой Англии неоднократно возмущались по поводу эгоистичной, с их точки зрения, позиции Нью-Йорка. Они не раз обвиняли его администрацию в том, что она, заботясь прежде всего о своих торговых интересах, позволяла индейским союзникам французов проходить через ее территорию для нападения на поселения в Новой Англии и снабжала их оружием, которое использовалось против англичан. Более того, по словам Т. Хатчинсона, «порой иму-

---

[111]Cotton Mathers's Diary // Massachusetts Historical Society Collections. Seventh series. Vol. VIII. P. 30.

[112]Цит. по: *Rawlyk G. A.* Op. cit. P. 115.

[113]Vetch to Sunderland, August 2 and 12, 1709 // Calendar of State Papers. Colonial Series. Vol. XXIV. P. 437–438.

щество, награбленное в Нью-Гемпшире, скупали торговцы из Олбани».[114]

Эти обвинения были справедливы лишь отчасти, или, точнее, это была лишь одна сторона медали. Нью-Йорк действительно не подвергался нападениям, а его коммерсанты поддерживали контакты с французами и со многими индейскими племенами. В то же время Нью-Йорк категорически отказывался признать те изменения, которые произошли в политике Союза пяти племен, и не прекращал попыток вернуть ирокезов в орбиту своего политического влияния. В частности, власти Олбани и лично Петер Скайлер неоднократно пытались склонить ирокезов к выступлению, если не против французов, то хотя бы против их индейских союзников.[115]

Тревоги Ветча оказались напрасными. Верхушка Нью-Йорка горячо поддержала готовящуюся операцию. Правда, в мае 1709 г. неожиданно скончался губернатор колонии лорд Лавлейс, с которым Ветч познакомился еще во время своего пребывания в Лондоне и который одобрительно отнесся к его идее, однако лейтенант-губернатор Нью-Йорка Ричард Инголдсби, а также Петер Скайлер, Роберт Ливингстон и другие «экспансионисты» активно включились в подготовку. Значительную роль здесь, безусловно, сыграли личные связи Ветча.

Ассамблея Нью-Йорка ассигновала на военные нужды 6 тыс. фунтов, однако поскольку звонкой монеты в колонии не было, впервые за всю ее историю было решено прибегнуть к выпуску кредитных билетов.

Первоначально предусматривалось, что колониальные войска, действующие на южном направлении, будет возглавлять Лавлейс, однако его неожиданная смерть сделала пост главнокомандующего вакантным. В ходе консультаций Ветча с Р. Инголдсби, губернатором Коннектикута Г. Солтонстоллом и лейтенант-губернатором Пенсильвании Ч. Гукином было принято решение, что этот пост, несмотря на отсутствие у него большого военного опыта, займет Никольсон, а его заместителем будет назначен П. Скайлер.

Участие других колоний в подготовке операции было менее активным. Нью-Джерси и Пенсильвания крайне неохотно выделили требовавшиеся от них суммы, объявив при этом, что это не ассигнования на военные цели, а их дар королеве. Однако в целом, несмотря на определенные проблемы и трения, как отметил Х. Пекхэм, «никогда еще сотрудничество северных колоний не было столь слаженным и энергичным».[116] Г. Л. Осгуд, подчеркивая значение этого события,

[114] *Hutchinson Th.* Op. cit. Vol. II. P. 106.
[115] См.: *Dunlap W.* Op. cit. P. 264.
[116] *Peckham H. H.* The Colonial Wars, 1689–1762. Chicago, 1964. P. 69.

писал, что «в этом деле необычно большое число колоний было объединено в рамках единого плана взаимодействия. Все приготовления были проведены умело и организованно, и будь эта экспедиция осуществлена вовремя и как следует, она, несомненно, принесла бы результат».[117]

К середине мая в Нью-Йорке и Олбани были собраны необходимые полторы тысячи солдат (квоты Нью-Джерси и Пенсильвании были покрыты за счет Коннектикута и Массачусетса, выставивших дополнительные отряды). 24 мая эти войска выступили на север. Они поднялись по Гудзону, в верховьях которого было сооружено два небольших форта для хранения провианта и боеприпасов. В середине июня Никольсон прибыл к войскам и сразу же повел их к озеру Джордж, являющемуся южной оконечностью озера Шамплен, где в районе ручья Вуд-Крик был сооружен укрепленный лагерь и начато строительство лодок и каноэ.

Власти Нью-Йорка приложили немало усилий для того, чтобы в экспедиции приняло участие как можно больше индейцев и прежде всего воинов Союза пяти племен. Уполномоченным по индейским делам было поручено «мобилизовать» ирокезов, для чего были выделены значительные средства. Однако, как заметил Ф. Дженнингз, эти планы выглядели внушительными только на бумаге.[118] Делавары и минисинки категорически отказались участвовать в экспедиции, несмотря на то что англичане угрожали в случае неподчинения натравить на них ирокезов. Что касается последних, то здесь, действуя отчасти посулами, отчасти собственным примером, англичанам удалось уговорить часть воинов Союза пяти племен снова выступить на их стороне. Большое впечатление на ирокезов произвело заявление Эбрехема Скайлера о том, что королева сама поднимает томагавк против французов, и что все английские колонии собираются участвовать в нападении на Канаду. В результате в конце июня к лагерю у Вуд-Крик пришло от 200 до 300 (существуют различные оценки) ирокезских воинов, представлявших все племена лиги, за исключением сенека, которые в тот момент воевали на западе с так называемыми дальними племенами.[119]

К концу июня основные военные приготовления колоний были закончены. В Бостоне и у Вуд-Крик теперь ждали только известия о прибытии британской эскадры и сигнала к выступлению.

---

[117] *Osgood H. L.* The American Colonies in the Eighteenth Century. Vol. I. P. 435.
[118] См.: *Jennings F.* The Ambiguous Iroquois Empire: The Conenant Chain Confederation of Indian Tribes with English Colonies from its Beginnings to the Lancaster Treaty of 1744. New York; London, 1984. P. 257–258.
[119] См.: *Waller G. M.* Op. cit. P. 149.

Тем временем во французских колониях события развивались своим чередом. После рейдов 1708 г. Водрёй не предпринимал никаких сколько-нибудь заметных акций против англичан. Правда, губернатор Монреаля К. де Рамзе предлагал собрать все имеющиеся в колонии силы и осуществить серию новых рейдов против Новой Англии. Он даже написал письмо Поншартрену, где отстаивал свою точку зрения, однако поддержки не получил.[120]

Надо сказать, что определенная пассивность администрации Новой Франции в это время была вызвана не только ограниченностью имеющихся у нее ресурсов и надеждами на то, что ей удастся склонить английские колонии к заключению договора о нейтралитете, но также и тем, что Водрёю постоянно приходилось прилагать значительные усилия для поддержания мира между ирокезами и индейскими союзниками французов и в то же время бороться с английским влиянием среди тех и других. Последняя задача была осложнена еще тем, что из-за кризиса французской мехоторговли и трудностей военного времени Водрёй в отличие от своих предшественников не мог эффективно пользоваться рычагом экономического воздействия на индейцев.

Со своей стороны, англичане стремились вывести племена, обитавшие к югу от Великих озер, из орбиты французского влияния. Используя принцип «разделяй и властвуй», они также пытались по возможности вбить клин между этими племенами и ирокезами, чтобы таким образом снова склонить последних на свою сторону. Осенью 1705 г. Водрёй жаловался Ж. де Поншартрену, что англичане всячески подстрекают ирокезских воинов нападать на оттава.[121] Чтобы предотвратить конфликт между этими крупными племенами губернатору Новой Франции и его представителям пришлось провести ряд встреч с представителями Лиги.[122]

Мы не будем вдаваться в перипетии межплеменных отношений, но лишь подчеркнем, что в целом обстановка на южных и западных границах Новой Франции в первое десятилетие XVIII в. оставалась достаточно нестабильной.[123] Это учитывали и в Париже — летом 1707 г. министр писал Водрёю: «Совершенно очевидно, что в нынешнем неблагоприятном положении Канады ничто не является

---

[120] M. de Ramezay au ministre (1708) // Archives des Colonies. Série C^{11}A. Registre XXIX. F. 14–15.

[121] См.: M. de Vaudreuil to Pontchartrain. Quebec, October 19 1705 // Documents Relative to the Colonial History of the State of New York. Vol. IX. P. 766–767.

[122] См.: Conference between M. de Vaudreuil and the Iroquois (August 1705) // Ibid. Vol. IX. P. 767–769.

[123] См.: *Zoltvany Y. F.* New France and the West, 1701–1713 // Canadian Historical Review. 1965. Vol. XLVI.

столь важным, как поддержание мира со всеми индейцами».[124]

Отношение к англичанам в Версале было иным. В конце 1708 г. Водрёй получил депешу, где ему было приказано активизировать борьбу с ними. Поншартрен писал: «Его Величество недоволен бездействием, в котором Вы остаетесь с такими силами, которые Вы имеете, тем более что это облегчает людям из этой провинции [Массачусетса. — *Ю. А.*] возможность предпринять что-либо против Акадии. Его Величество желает, чтобы Вы отправили отряды в их страну и также, чтобы Вы использовали первую же возможность, которая Вам представится, чтобы отправиться самому атаковать их в их постах».[125] Терпящая поражения метрополия пыталась хоть както отыграться в колониях, однако не выделяла для этого ни сил, ни средств. Впрочем, ее трудно упрекать за это. После кампании 1708 г. положение Франции и так было чрезвычайно тяжелым, а страшная голодная зима 1708–1709 гг. вообще поставила страну на грань катастрофы.

Власти Новой Франции не успели выполнить распоряжение короля. Известия о военных приготовлениях англичан заставили их начать лихорадочно готовиться к обороне. Особое беспокойство у Водрёя вызывала концентрация неприятельских сил на южных рубежах колонии, а также присутствие в их рядах ирокезов, войны с которыми он боялся больше всего. В июле около полутора тысяч солдат, ополченцев и индейцев под командованием де Рамзе стали выдвигаться навстречу армии Никольсона, надеясь захватить англичан врасплох. Однако на берегу озера Шамплен в районе Пуант-аля-Шевлюр французы неожиданно столкнулись с неприятельскими разведчиками. Произошла стычка, и англичане отступили. Однако внезапного нападения не получилось. Между французскими офицерами возникли разногласия. Кроме того, по некоторым данным, индейцы, находившиеся в отряде Рамзе, отказались участвовать в штурме хорошо укрепленного неприятельского лагеря. В итоге было принято решение возвращаться в Монреаль.

Ф. Паркмен подчеркивает, что действия отряда де Рамзе нельзя считать успешными, и делает акцент на тех промахах, которые были допущены французами, которые якобы не смогли ориентироваться в лесу, поддались панике и т. п.[126] На наш взгляд, в данном случае американский историк не совсем прав, так как, по словам самого Водрёя, цель экспедиции Рамзе состояла в том, чтобы «прощупать

---

[124]См.: M. de Pontchartrain to M. de Vaudreuil. Versailles, June 30 1707 // Documents Relative to the Colonial History of the State of New York. Vol. IX. P. 805.

[125]Le ministre à M. de Vaudreuil. A Versailles, le 6 juin 1708 // Rapport de l'Archiviste de la province de Québec. 1939/1940. P. 418.

[126]См.: *Parkman F.* Op. cit. Vol. 2. P. 430.

врага» и по возможности нанести удар по его коммуникациям и магазинам, не вступая с ним в большое сражение.[127] При этом губернатор, который по ряду причин отнюдь не симпатизировал Рамзе,[128] считал его поход вполне удачным.

Тем временем до Квебека стала доходить информация и о концентрации крупных сил в Бостоне, предназначавшихся для атаки на столицу Новой Франции с моря. По словам Водрёя, «все свидетельствовало о том, что вскоре в этой стране начнется очень кровавая война».[129] По приказу губернатора жители селений, расположенных на берегу реки Св. Лаврентия, стали угонять скот и увозить запасы продовольствия в более удаленные районы страны с тем, чтобы ими не смог воспользоваться неприятель. Сами поселенцы также стали перебираться под защиту городских укреплений, которые, к счастью для французов, еще в начале 1700-х гг. были перестроены учеником Вобана инженером Ж. Левассёром де Нере.

Следует отметить, что в распоряжении администрации Новой Франции в тот момент имелись весьма ограниченные силы. В ноябре 1709 г. Водрёй докладывал в Версаль, что численность всего взрослого мужского населения колонии в возрасте от 15 до 70 лет составляла 3800 человек. Кроме того, в Канаде находилось 200 моряков и 350 солдат отдельных рот, не считая небольшого отряда, охранявшего Детройт. К ним можно было прибавить 500 крещеных индейцев. Всего получалось 4850 мужчин, из которых надо было вычесть полторы тысячи самых юных, самых старых, больных, а также тех, кто должен был остаться охранять женщин, детей и имущество. В итоге оставалось 3350 бойцов, из которых тысяча должна была направиться на защиту Монреаля и южных подступов к Канаде, а оставшиеся 2350 человек могли быть использованы для обороны Квебека.[130]

В июле в Квебеке началась паника, вызванная слухами о том, что в заливе Св. Лаврентия рыбаки якобы видели множество английских кораблей и слышали канонаду. Как выяснилось, на самом деле за корабли в тумане были приняты скалы, а «выстрелами» оказались звуки, издававшиеся китами.

Чтобы поднять боевой дух населения колонии и союзных индейцев и в то же время заставить неприятеля отвлечь хотя бы часть сил на оборону, Водрёй приказал Эртелю де Рувилю совершить набег на

---

[127] M. de Vaudreuil au Ministre. A Montréal, le 1-er octobre 1709 // Rapport de l'Archiviste de la province de Québec. 1942/1943. P. 404.

[128] Об отношениях Водрея и Рамзе см.: *Hammang F. H.* Op. cit. P. 153.

[129] M. de Vaudreuil au Ministre. A Québec, le 14 novembre 1709 // Rapport de l'Archiviste de la province de Québec. 1942/1943. P. 426.

[130] Ibid. P. 431.

Новую Англию. Прославившийся своей храбростью и жесткостью Эртелю де Рувиль, получивший к тому времени от индейцев прозвище «Великий воин», снова повел свой отряд в окрестности Диарфилда, где было разорено несколько десятков ферм и захвачено до ста пленных.

Летние месяцы 1709 г. английские и французские колонии провели в ожидании, томительном для одних и тревожном для других. В начале августа в Массачусетсе начали проявлять первые признаки беспокойства по этому поводу. 2 августа Ветч писал Сандерленду, что колониальные войска рвутся в бой и «никакая земная случайность не сможет помешать успеху этого славного предприятия, за исключением слишком позднего прибытия флота». Он напоминал, что «здешняя администрация понесла большие расходы, но она пошла на это с радостью, надеясь в скором будущем избавиться от них навсегда». Ветч утверждал, что если эскадра задержится, это станет последним разочарованием для всех колоний Ее Величества, которые столь искренне и беззаветно выполнили ее королевские приказы, и сделает их гораздо более несчастными, чем если бы подобное начинание никогда не было предпринято». В то же время, признавая безвыходность положения колоний, он писал, что им остается лишь «поститься и молиться о скорейшем и благополучном прибытии флота».[131]

Десять дней спустя Ветч обратился в Лондон с отчаянным призывом: «Я лишь предполагаю поставить вашу светлость в известность, в сколь великой тревоге находятся все верноподданные Ее Величества на этом континенте. Мы молим Господа, дабы флот поспешил».[132]

С каждым днем ожидания в Массачусетсе все громче звучали голоса недовольных. В первую очередь критике подвергались непомерные расходы, а также размещение солдат в домах поселенцев. Совет колонии все более подозрительно относился к Ветчу и назначенным им офицерам, в то время как сам Ветч не мог ничего предпринять.

Еще более тяжелая ситуация сложилась в лагере у Вуд-Крик. Среди солдат Никольсона началась сильнейшая эпидемия дизентерии.[133] Скорее всего, ее причиной были летняя жара, нездоровый климат местности и страшная антисанитария, царившая в лагере. В то же время Шарлевуа (который, кстати, вполне мог встречаться с некоторыми участниками этих событий) утверждает, что эпидемия

---

[131] Vetch to Sunderland, August 2 and 12, 1709 // Calendar of State Papers. Colonial Series. Vol. XXIV. P. 437–438.

[132] Ibid.

[133] См.: *McCully B. T.* Catastrophe in the Wilderness: New Light on the Canada Expedition of 1709 // William and Mary Quarterly. 1954. Vol. XI. July.

была вызвана тем, что все источники питьевой воды в Вуд-Крик были отравлены индейцами, забросавшими их трупами животных.[134]

Ситуация прояснилась только 11 октября, когда в Бостоне было получено письмо из Лондона, датированное 27 июля, где говорилось, что «серьезные причины заставили Ее Величество отложить на время задуманную экспедицию в Канаду». При этом колониям предлагалось, если они сочтут возможным, самостоятельно напасть на Пор-Руайяль, чтобы дать хоть какое-то применение собранным ими силам.[135]

Причины, побудившие правительство метрополии отказаться от задуманного предприятия, с точки зрения политиков того времени, были действительно достаточно весомыми. Антибурбонская коалиция потерпела ряд поражений на Пиренейском полуострове, и войска и корабли, предназначавшиеся для захвата Канады, были направлены в Португалию.

Однако нам важно отметить другое. Как мы помним, английская эскадра, выделенная для участия в операции против Канады, по плану должна была прийти в Бостон в мае, а решение о ее переброске в Португалию было принято в Лондоне лишь 1 июля. Получается, что правительство решило отложить операцию еще весной, однако не удосужилось сообщить об этом колониям. Вышеупомянутое письмо к администрации Новой Англии было написано лишь 4 августа, еще некоторое время оно ждало отправки, а затем больше двух месяцев добиралось до адресатов, так как доставлявший его корабль параллельно выполнял патрульные функции в северной Атлантике.[136] Вот прекрасный пример отношения великой колониальной державы к своим колониям в целом и к колониальному театру боевых действий, в частности!

14 октября в Рехоботе (сейчас Рехобот-бич, Делавэр) Ветч и Никольсон встретились с губернаторами северных и центральных колоний, чтобы обсудить дальнейшие действия и прежде всего возможность и целесообразность осуществления операции против Пор-Руайяля. В ходе встречи Массачусетс, Нью-Гемпшир, Коннектикут и Род-Айленд единодушно высказались за проведение такой операции, чтобы хоть как-то оправдать средства, затраченные на подготовку к неудавшемуся «славному предприятию».

Однако и здесь возникло непреодолимое препятствие. С точки зрения Ветча, Никольсона и всех остальных колониальных руководителей непременным условием успешного осуществления этой операции было участие в ней хотя бы тех английских военных кораблей,

---

[134] *Charlevoix P. F. X. de* Op. cit. T. II. P. 339.
[135] Цит. по: *Parkman F.* France and England in North America. Vol. 2. P. 433.
[136] См.: *Waller G. M.* Op. cit. P. 154–155.

которые в тот момент находились в портах Новой Англии.[137] Но все английские капитаны (за исключением одного) категорически отказались подчиняться приказам колониальных властей без каких-либо указаний из Лондона.[138]

В результате находившиеся в Бостоне и в Вуд-Крик войска были распущены, построенный Никольсоном лагерь сожжен, а администрации занялись подсчетом убытков. По сведениям Джеймса Логана, общая сумма затрат колоний составила от 70 до 80 тыс. фунтов.[139] При этом самые крупные расходы пришлись, естественно, на долю Массачусетса. По данным Совета колонии, они составляли 30 811 фунтов, а вместе с Нью-Гемпширом и Род-Айлендом, за которых фактически тоже платил Массачусетс, — превышали 46 тыс. фунтов.[140]

По словам Д. Э. Лича, развязка событий 1709 г. для жителей колоний оказалась ушатом холодной воды. Американский историк пишет, что после этого они «начали спрашивать себя, как и почему их родина может столь беззаботно относиться к их чаяниям и жертвам».[141]

Вполне возможно, что определенная часть колонистов действительно задавалась подобным вопросом, однако для администрации колоний, на наш взгляд, здесь не было ничего удивительного. Как отметил Дж. Л. Ратледж, по поводу событий 1709 г., «это была часть чрезвычайно пренебрежительного отношения к колониям, которое считалось для них вполне подходящим».[142] Колониальные лидеры, несомненно, хорошо знали об этом отношении метрополии к нуждам колоний, но при этом считали, что поскольку у них нет возможности решить столь важную для них «канадскую проблему» самостоятельно, необходимо действовать в прежнем ключе и искать способ привлечь внимание Лондона к Североамериканскому континенту.

24 октября 1709 г., спустя две недели после получения официального известия об отмене операции, Дадли, Ветч и капитан Муди писали Сандерленду, что жители Массачусетса просят «в следую-

---

[137] См.: Governor Dudley, and Cols. Nicholson, Vetch and Moody to Capts, Thomas Mattews, Mathew Tate, John Clifton, Nocolas Smith, Richard Davis, Commanders of Her Majesty Ships of War (Boston, October 19, 1709) // Calendar of State Papers. Colonial Series. Vol. XXIV. P. 494. No 794. IX.

[138] См., напр.: Capt. Smith to Governor Dudley // Ibid. P. 494. No 794.XI.

[139] *Osgood H. L.* The American Colonies in the Eighteenth Century. Vol. I. P. 430 (прим. 1).

[140] Account of the Charges Accruing for the Intended Expedition to Canada // Calendar of State Papers. Colonial Series. Vol. XXIV. P. 493. No 794. IV.

[141] *Leach D. E.* Arms for Empire. P. 142.

[142] *Rutledge J. L.* Century of Conflict: the Struggle Between the French and British in Colonial America. Toronto, 1956. P. 258.

щем году осуществить задуманную Большую экспедицию или хотя бы отдать приказ об организации экспедиции против Пор-Руайяля, как было задумано раньше».[143] К письму была приложена петиция, адресованная королеве, где руководители колоний «смиреннейше» просили Ее величество обратить на них ее «милостивейшее внимание» и оказать им содействие, «а также воскресить и осуществить намеченное предприятие».[144]

Глава 4. ВТОРОЙ ЭТАП ВОЙНЫ: НОВАЯ ТАКТИКА ИЛИ НОВАЯ СТРАТЕГИЯ?

Хотя события 1709 г. принесли жителям английских колоний сильное разочарование, они вовсе не собирались отказываться от своих замыслов и продолжали оказывать давление на метрополию, позиция которой также видоизменялась (пусть и незначительно, но все же в нужном им ключе). В то же время французы, не имея возможности добиться каких-либо значительных результатов силой оружия, решили прибегнуть к интриге, надеясь расколоть ряды своего противника. Борьба в Северной Америке явно меняла свой характер.

Падение Пор-Руайяля

Пока английские колонии готовились к «славному предприятию» и ждали прибытия кораблей и солдат из метрополии, французы в Акадии продолжали придерживаться своей традиционной тактики малой войны, основной ударной силой в которой были их верные союзники абенаки и каперы, базировавшиеся в Пор-Руайяле и других акадийских гаванях. Только за лето 1709 г., по данным Сюберказа, французы захватили 13 призов. В своем донесении министру он с гордостью заявлял, что каперы «опустошили Бостон».[145] В то же время Водрёй вплоть до конца весны 1709 г. продолжал отправлять к границам Новой Англии небольшие ударные группы, состоящие,

[143] Governor Dudley, Col. Nicholson, Col. Vetch, and Capt. Moody to [? Earl of Sunderland], October 24, 1709. Boston // Calendar of State Papers. Colonial Series. Vol. XXIV. P. 488–489. No. 794.

[144] Address of the Governors of Massachusetts Bay, New Hampshire, Connecticut and Rode Island at a Congresse with Col. Nicholson, Col. Vetch and several members of the Council & Representatives to the Queen // Ibid. P. 491. No 794. II.

[145] Subercase au ministre. Le 3 janvier 1710 // Archives des Colonies. Série $C^{11}D$. Registre VII. F. 70.

в основном, из индейцев и ополченцев. Цель этих набегов состояла главным образом в захвате пленных.[146]

Однако после английских атак 1704 и 1707 гг. ситуация в Акадии была очень тяжелой. Ее основные сельскохозяйственные районы были разорены, а у властей не было никаких возможностей компенсировать затраты и убытки и облегчить положение населения. Связь с метрополией почти полностью оборвалась. Франция практически никак не помогала своей колонии. У администрации колонии не было денег даже на починку форта, и Сюберказу пришлось продать свое столовое серебро, чтобы оплатить ремонтные работы.[147] Снова и снова он отчаянно взывал к Поншартрену, говоря о бедственном положении прекрасной Акадии, которая, по его словам, «никогда еще так сильно не нуждалась в продовольствии и предметах первой необходимости».[148]

Поскольку жители колонии испытывали острую нехватку европейских товаров, им приходилось, несмотря на все запреты, вести торговлю с англичанами. Осенью 1707 г. губернатору пришлось самому нарушить закон и тайком приобрести у бостонских купцов рубашки и чулки для своих офицеров. Королевский секретарь Акадии (эта должность соответствовала должности интенданта) Матьё де Гутен писал Поншартрену, что у жителей колонии не хватает даже топоров и ножей. Он честно признавал, что в Акадии «были бы счастливы, если бы в настоящее время наши враги согласились продолжать снабжать страну предметами первой необходимости в обмен на меха, которые мы имеем в избытке».[149]

Сюберказ, опытный администратор и профессиональный военный, прекрасно понимал всю сложность положения колонии. Он не сомневался, что противник готовит новое нападение на Акадию (губернатор был прекрасно осведомлен о настроениях в Массачусетсе, регулярно получая информацию от пленных, захваченных французскими каперами). Еще осенью 1709 г. он писал, что «англичане из Бостона делают приготовления, чтобы отправиться атаковать нас весной. Они не могут утешиться, упустив свой шанс в этом году», и просил прислать хотя бы 300 человек.[150] Однако из метрополии бы-

---

[146] См.: M. de Vaudreuil au Ministre (A Québec, le 27 avril 1709) // Rapport de l'Archiviste de la province de Québec. 1942/1943. P. 400.

[147] *Baudry R.* Auger de Subercase, Daniel d' // Dictionnaire Biographique du Canada. T. II. P. 38.

[148] Resumé d'une lettre de Monsieur de Subercase au Ministre. A Port Royal, le 19 octobre 1709 // Collection de manuscrits... T. II. P. 507.

[149] M. de Goutin au Ministre. A Port Royal, le 12 décembre 1707 // Archives des Colonies. Série C[11]D. Registre V. F. 72.

[150] Resumé d'un rapport de Monsieur de Subercase au Ministre. A Port Royal, le 7 novembre 1709 // Collection de manuscrits... T. II. P. 508-509.

ло прислано лишь несколько десятков молодых бродяг с парижских улиц под видом рекрутов, и суровое предупреждение, что король вообще откажется от колонии, если она будет оставаться столь обременительной. Весной 1710 г. Поншартрен писал: «Надо надеяться, что англичане, не преуспев в своих попытках захватить Акадию, которые они предпринимали в прошлые годы, решатся вернуться туда только со значительными силами, но поскольку английский двор не в состоянии их отправить, мне представляется, что вам не следует их слишком опасаться; однако важно, чтобы вы всегда находились в состоянии боевой готовности, чтобы не быть захваченными врасплох».[151]

Сюберказ пытался обратиться за помощью к Водрёю, однако губернатор Канады, во-первых, сам находился в достаточно сложном положении, а во-вторых, считал, что его коллега преувеличивает английскую угрозу. Весной 1710 г. в своем донесении в Версаль Водрёй сообщал, что он отправил в Пор-Руайяль партию муки, а также откомандировал туда нескольких офицеров, «что же касается солдат», писал губернатор Новой Франции, «я не могу ему [Сюберказу. — *Ю. А.*] их отправить, и мне не кажется, что он в них сильно нуждается».[152]

Губернатор Акадии мог рассчитывать только на собственные силы, которые, как мы знаем, были крайне незначительны. 1 октября 1710 г., незадолго до падения Пор-Руайяля, Сюберказ отправил во Францию письмо, которое было последним криком отчаяния: «Если мы не получим помощи, у меня есть все основания опасаться возмущения со стороны как жителей, так и солдат. И те и другие обескуражены тем, что они не получают самых необходимых вещей. Я сделаю все, что зависит от меня, но на самом деле, Монсеньер, я прошу Вас поверить, что я не могу сделать невозможное. Я как будто в заточении <...> Вдобавок у меня нет ни су и мой кредит исчерпан. Я задолжал значительные суммы — мне пришлось это сделать, для того чтобы в течение двух лет снабжать гарнизон. Я заплатил все, что мог, продав мою мебель. Я отдам и свою рубашку, но я опасаюсь, что останусь ни с чем, если к нам не придет помощь».[153]

Надо сказать, что сложность ситуации в Акадии понимал не только Сюберказ. В 1702–1703 гг. барон де Ля Онтан — офицер, находившийся в Канаде в 1683–1693 гг., а затем оставивший французскую службу и перебравшийся в Европу, издал три книги, где он довольно

[151] [Pontchartrain] à Mr de Subercaze. A Versailles, le 20 mai 1710 // Archives des Colonies. Série B. Registre XXXII. F. 74–74 v.

[152] M. de Vaudreuil au Ministre. A Québec, le 1er Mai 1710 // Rapport de l'Archiviste de la province de Québec. 1942/1943. P. 443.

[153] Цит. по: *Lauvrière E.* op. cit. T. I. P. 151.

критично описывал внутреннюю жизнь североамериканских владений Парижа. По поводу Акадии там говорилось: «... то, что я знаю об этой стране, убеждает меня в том, что рано или поздно англичане станут ее хозяевами. Аргументы, которые я могу привести по этому поводу, очень правдоподобны <...> Жаль отдавать англичанам страну, мехоторговля и промысел трески которой так их прельщают».[154] Выводы барона оказались совершенно правильными.

Ситуация, сложившаяся в Акадии в конце 1700-х годов, полностью подтверждает известное выражение о том, что беда никогда не приходит одна. В 1709–1710 гг. на несчастную колонию обрушились стихийные бедствия. Лето 1709 г. выдалось на редкость неурожайным. В довершение всего в начале 1710 г. в Акадии разразилась сильная эпидемия какой-то доселе невиданной страшной болезни (судя по описаниям, это была пурпура (болезнь Верльгофа) — действительно довольно редкое заболевание). Только в Пор-Руайяле умерла 1/10 часть жителей. Особенно сильно от этого недуга пострадали абенаки, что помимо всего прочего негативно сказалось на обороноспособности колонии.

Тем временем в Бостоне вернулись к идее нападения на Акадию, которая в конце 1709 г. объединила самые различные слои населения Новой Англии. Ее активными сторонниками оставались Дадли и Ветч, несколько умерившие свои аппетиты после бесславного летнего ожидания, но в то же время стремившиеся хоть как-то реабилитировать себя в глазах сограждан. Кроме того, все больше судовладельцев и коммерсантов из Бостона, Сейлема и других поселений стремились обеспечить себе, как говорилось в одной из их петиций, «свободу рыбной ловли у этих [т. е. акадийских. — *Ю. А.*] берегов и в этих гаванях», а также получить доступ к месторождениям угля и возможность вести заготовку мачтового леса на территории французских владений.[155]

Надо признать, что, несмотря на активные действия французских каперов, масштабы английского (или, точнее, новоанглийского) рыболовного промысла в акадийских водах в период Войны за испанское наследство нисколько не сократились. В январе 1710 г. Сюберказ сетовал по этому поводу: «Мне чрезвычайно больно видеть, как господа бостонцы обогащаются в наших владениях».[156] Рыболовные

---

[154] *La Hontan L.-A. de, Lom d'Arce, baron de.* Mémoires de l'Amérique septentrionale ou la suite des voyages de Mr. le Baron de La Hontan: 2 t. T. II. La Haye, 1706. P. 28.

[155] Address of the Principal Inhabitants and Merchants at Boston, and Other Adjacent Places to the Queen // Calendar of State Papers. Colonial Series. Vol. XXIV. P. 492–493. No 794. III.

[156] *Parkman F.* Op. cit. Vol. 2. P. 411.

суда из Массачусетса, Нью-Гемпшира и других колоний приходили сотнями, и захват даже нескольких десятков из них никак не влиял на ситуацию, но лишь сильнее озлоблял англо-американцев.

Тем временем в метрополии зимой 1709–1710 гг. активную деятельность развили приехавшие туда представители колоний Ф. Никольсон и П. Скайлер. Власти Нью-Йорка сделали ловкий ход: по их предложению вместе со Скайлером в Лондон было отправлено пять индейских вождей, которые должны были помочь привлечь внимание общества и правительства к проблемам колоний. Правда, один из индейцев по дороге умер, однако остальные — один могиканин и трое ирокезов (один из этих троих был знаменитый Тейаногин (Хендрик)) — благополучно добрались до Лондона. Там было объявлено. что это «могущественный император мохоук» и три подвластных ему «короля», которые признают себя подданными Ее Величества и прибыли, чтобы засвидетельствовать ей свое почтение и обратиться с просьбой оказать им помощь против французов. Поскольку никто из вождей не говорил по-английски, Скайлер, выступая в роли «переводчика», мог говорить от их имени все, что считал нужным.

Трюк удался. Появление «американских королей» произвело при дворе настоящий фурор. Индейцам были сшиты специальные костюмы, их возили в дорогом экипаже по столице и ее окрестностям, демонстрируя богатство и могущество Англии. О них упоминали в своих статьях и памфлетах Стил и Аддисон, а голландский художник Б. Верельст написал их портреты (рис. 20). Вождей приглашали к себе аристократы и члены правительства, а спустя некоторое время герцог Шрусбери представил их королеве. Богобоязненная Анна больше всего была озабочена распространением христианства среди индейцев (для рассмотрение этого вопроса даже был создан специальный комитет), однако она благосклонно выслушала и другие «просьбы» вождей, пообещав оказать им содействие.[157]

В целом все получилось так, как рассчитывали Скайлер и его нью-йоркские коллеги. Визит «американских королей» действительно способствовал привлечению внимания правительства к проблемам колоний. Уже в начале года Никольсону удалось убедить министров в необходимости захвата Акадии, что должно было явиться первым шагом к изгнанию французов из Северной Америки, который к тому же можно было осуществить сравнительно небольшими силами. В то же время вигский кабинет не счел целесообразным предпринимать операцию против Канады и направлять в колонии крупные контингенты, так как весной 1710 г. появились слухи о под-

[157]Подробное описание событий, связанных с визитом индейцев в Лондон см.: *Bond R. P.* Queen Anne's American Kings. Oxford, 1952.

Рис. 20. Портрет Тейаногина (Хендрика) — одного из «американских королей», сделанный во время посещения Лондона зимой 1709–1710 гг.

готовке нового вторжения сил Претендента в Шотландию. Кроме того, как мы уже говорили, многие влиятельные вигские политики вообще были против всякого отвлечения английских сухопутных и военно-морских сил из Европы.

18 марта 1710 г. Никольсон был назначен главнокомандующим всеми английскими и колониальными войсками в Северной Америке (в чине бригадного генерала), которые выделялись для атаки на Пор-Руайяль или «любое другое место в этих краях, которое находится в руках неприятеля». Его первым заместителем был назначен Ветч. Для операции было выделено пять военных кораблей и 500 морских пехотинцев, которые должны были соединиться в Бостоне

с колониальными войсками из Новой Англии, набранными в соответствии с квотами, предусмотренными планом 1709 г. Колонии также должны были обеспечить их транспортом, боеприпасами, продовольствием и т. п.

Из-за различных бюрократических проволочек Никольсон смог покинуть Англию лишь в середине мая. В конечном итоге вместе с ним было отправлено всего около 400 бойцов, половину из которых к тому же составляли новобранцы. Однако прибытие даже таких небольших сил вызвало колоссальный подъем в колонии. Легислатура Массачусетса направила королеве специальное послание с благодарностью за то, что «сухопутные и морские силы из Великобритании прибыли, чтобы захватить Пор-Руайяль <...> и таким образом избавить нас от нападений наших злобных соседей французов; <...> это требует нашей самой смиренной признательности, смешанной с глубочайшей благодарностью лучшей из королев, чья врожденная осеняющая нас доброта наполняет Ее королевское сердце, столь чутко прислушивающееся к малейшей просьбе последнего из ее подданных и пристально смотрящее на тех, кто находится в такой дали от царственного трона <...> Новая Шотландия должна быть возвращена в лоно Вашей империи <...> и она впоследствии всегда может оставаться британской колонией».[158]

Правда, как и год назад, администрация колонии столкнулась с определенными трудностями при комплектовании своих батальонов и была вынуждена искать добровольцев среди представителей низших слоев населения. В результате подготовка к операции растянулась на два месяца. Лишь 18 сентября 1710 г. эскадра Никольсона взяла курс на север.

Силы англичан были весьма внушительны. В экспедиции было задействовано 1500 бойцов из Новой Англии, 400 английских морских пехотинцев, а также до 1500 моряков. Общее число участников предприятия составляло около 3400 человек. В их распоряжении имелось шесть военных кораблей (пять английских плюс массачусетская «провинциальная галера») и тридцать транспортных судов.

24 сентября / 5 октября 1710 г. английская армада появилась в бухте Пор-Руайяля и бросила якоря у хорошо знакомого англичанам острова Иль-о-Шевр. На следующий день англичане начали операцию. Войска были переправлены на берег двумя группами. Первая, под командованием Ветча, высадилась севернее, а вторая, под командованием самого Никольсона, — южнее форта, в котором находилось 150 французских солдат (причем значительную часть из них

[158] Massachusetts General Court to the Queen, August 22, 1710 // Calendar of State Papers. Colonial Series. Vol. XXV: America and West Indies, 1710 — June 1711. London, 1924. P. 174.

составляли те самые молодые рекруты, которые были присланы в 1709 г.), а также около 100 ополченцев и несколько десятков индейцев и матросов с каперских кораблей. Всего в рядах армии Сюберказа насчитывалось не более 300 человек. Не сомневавшиеся в своем успехе англичане решили немедленно атаковать форт, однако интенсивный огонь крепостной артиллерии и залпы французов, укрывшихся в домах и за деревьями, быстро охладили наступательный пыл англичан, потерявших за один день несколько десятков человек.

Понимая, что в любом случае на его стороне огромный численный перевес, Никольсон решил не спешить и предпочел перейти к регулярной осаде. Англичане начали возводить укрепления, рыть траншеи и перевозить на берег корабельные пушки. Через несколько дней их батарея начала обстрел Пор-Руайяля. В городке запылали пожары, стали рушиться дома. Испуганные жители стали покидать акадийскую столицу. Несколько солдат дезертировало. Боясь, что остальные бойцы последуют их примеру, Сюберказ не решался организовать вылазку.[159]

Ввиду совершенного безнадежного положения и явного неравенства сил офицеры и представители поселенцев обратились к губернатору с просьбой согласиться на почетную капитуляцию. В таком же духе высказался и собранный Сюберказом военный совет. Правда, еще несколько дней губернатор продолжал героическое сопротивление, главной целью которого, как заметил историк Акадии Э. Ришар, было «спасение чести».[160] Лишь спустя неделю 30 сентября / 11 октября к английскому генералу был отправлен сьёр Ля Парель с просьбой разрешить женщинам и детям покинуть форт.[161] Правильно поняв истинный смысл слов французского посланца, Никольсон, стремившийся избежать лишних жертв, а, кроме того, не знавший истинной численности французского гарнизона и опасавшийся, что на выручку Сюберказу могут прийти индейцы или канадские ополченцы, тут же предложил французам почетную капитуляцию. 1/12 октября огонь прекратился, и полковник Тейлор и капитан Эйберкромби отправились к Сюберказу с письмом от английского главнокомандующего. За сутки условия капитуляции были согласованы и 2/13 октября документ, состоявший из 12 пунктов, был подписан. Условия капитуляции были достаточно мягкими. Французский гарнизон покидал крепость с оружием (в том числе шестью пушками и двумя мортирами), знаменами и барабанным боем и после этого

[159] *Charlevoix P. F. X., de.* Op. cit. T. II. P. 344–345.

[160] *Richard E.* Acadie, Reconstruction d'un chapitre perdu de l'histoire d'Amérique. T. I–III. T. I. Québec, 1916. P. 98.

[161] *Charlevoix P. F. X., de.* Op. cit. T. II. P. 345.

на английских судах должен был быть доставлен в Ля-Рошель или в Рошфор. Поселенцам, живущим в радиусе 3 миль от форта, гарантировалась неприкосновенность личности и имущества, а также свобода вероисповедания. В течение двух лет они могли оставаться в колонии, либо выехать на Ньюфаундленд или в Канаду.[162]

Французский флаг развевался над Пор-Руайялем еще три дня. 6/17 октября 1710 г. состоялась церемония сдачи. Вручая английскому главнокомандующему ключи от форта, Сюберказ не преминул выразить надежду, что следующей весной он нанесет англичанам ответный визит. После этого из форта вышли 149 французских солдат, неделю сражавшихся с двухтысячной армией. По словам Никольсона, даже англичане были опечалены видом своих недавних противников, безусых юнцов, одетых в ужасные лохмотья.[163] Вскоре французский гарнизон, а вместе с ним еще около сотни гражданских лиц (большей частью французских чиновников и членов их семей) был отправлен во Францию, причем Сюберказу, чтобы обеспечить их продовольствием и рассчитаться со своими кредиторами пришлось продать англичанам оставшиеся у него по условиям капитуляции пушки.[164]

Новые хозяева Пор-Руайяля переименовали его в Аннаполис-Ройял (в честь королевы Анны). В захваченном городке был размещен английский гарнизон — 200 британских солдат и 250 бойцов колониальных войск, которыми командовал Ветч, назначенный губернатором Аннаполиса. Поскольку нигде в Акадии больше не было французских войск, захват ее «столицы» по сути дела означал переход всей колонии в руки англичан. Ниже мы подробно рассмотрим значение этого события. Однако в тот момент, поскольку война в Европе продолжалась, и французы, и англичане еще далеко не были уверены, что случившееся необратимо.

В целом, военная кампания 1710 г. в Северной Америке носила достаточно ограниченный характер. Мы видели, что силы, выделенные британским правительством для колониального театра военных действий, были весьма незначительны. Для вигского кабинета захват

---

[162] Article de Capitulation accordé pour la Reddition du Fort de Port Royal de l'Acadie entre François Nicholson, Ecuyer, Général et Commandant-en-chef toutes les forces de Sa Sacrée Majesté Anne, par la Grace de Dieu, Reine de la Grande Bretagne, France et Irlande, Défendresse de la Foi et Monsieur de Subercase, Chevalier de l'Ordre Militaire de St-Louis et Gouverneur pour le Roi du Port Royal, province de l'Acadie // *Le Jeune L.-M.* Dictionnaire générale de biographie, histoire, littérature, agriculture, commerce, industrie et des arts, sciences, mœurs, coutumes, institutions et politiques religieuses du Canada: 2 t. T. 2. Ottawa, 1932. P. 672.

[163] См.: [Nicholson F.] Journal of Colonel Nicholson at the Capture of Annapolis, 1710 // Nova Scotia Historical Society Collection. Vol. I. 1878.

[164] *Charlevoix P. F. X., de.* Op. cit. T. II. P. 346.

Пор-Руайяля представлял собой сугубо второстепенную операцию, которая была предпринята, на наш взгляд, прежде всего для того, чтобы успокоить колонии и определенные круги в самой Британии, разочарованные событиями 1709 г. Хотя результаты этой операции были очень важны и в дальнейшем имели большое значение и для англо-французского соперничества в Северной Америке, и для дальнейшего исторического развития британской империи на этом континенте, в тот момент в Лондоне это осознавали еще очень немногие. Большую радость по этому поводу выражали жители Массачусетса, но они рассматривали захват Пор-Руайяля с точки зрения своих собственных политических и экономических интересов, а никак не в широком имперском контексте.

Следует подчеркнуть, что, несмотря на то что в составе экспедиционных сил Никольсона количественно преобладали уроженцы колоний, современники расценивали эту операцию в первую очередь как успех британского, а отнюдь не новоанглийского оружия. Так, в проповеди, произнесенной английским капелланом Томасом Хескетом в захваченном Пор-Руайяле, текст которой вскоре был опубликован в Бостоне, подчеркивалось, что основную роль в захвате сыграли Никольсон и командир британских морских пехотинцев полковник Ридинг. По словам Хескета, они были избраны Провидением, дабы «укротить Галльскую империю» и захватить место, представляющее столь большую важность для Британии. Перечисляя заслуги английских солдат и моряков, автор проповеди даже не упомянул о колониальных войсках и самих колониях.[165]

Борьба за Акадию не закончена

Захватив Пор-Руайяль, англичане, кроме всего прочего, стали рассматривать его как средство давления на власти Новой Франции. Через несколько дней после капитуляции столицы Акадии Никольсон направил Водрёю послание, где в резких выражениях требовал, чтобы французы и их индейские союзники немедленно прекратили набеги на английские поселения: «Настоящим мы даем вам знать, что в случае, если французы или дикари прямо или косвенно будут предпринимать какие-либо враждебные действия, совершать убийственные жестокости или выказывать любое другое дурное обращение, то по самому первому полученному нами сигналу мы немедленно проведем ту же военную экзекуцию над лучшими представителями вашего народа в Акадии — Новой Шотландии, ныне находя-

[165] *Hesketh Th.* Divine Providence Asserted and Some Objectives Answered a Sermon Preached October the 10th 1710 at Annapolis Royal in America. Boston, 1710.

щимися полностью в нашей власти, с такой же жестокостью, как и ваши индейцы расправляются с нашими людьми». Никольсон также потребовал немедленно возвратить всех пленных англичан, находящихся в Канаде, заявив, что если это не будет сделано до мая следующего года, такое же количество акадийцев будет передано в качестве рабов колонистам или индейцам. О французских пленных при этом умалчивалось.[166]

Водрёй вежливо принял английского представителя Дж. Ливингстона, доставившего письмо, однако категорически отверг все претензии Никольсона. В своем ответном послании губернатор Канады заявил, что он всей душой стремится к миру и что боевые действия продолжаются лишь потому, что английская сторона отказалась заключить договор о нейтралитете. Водрёй писал: «...уже три или четыре года всем известно, сколь я озабочен тем, чтобы прекратить войну, которая никогда не была мне нужна». Относительно пленных он заявил, что их возвращение возможно только на основе взаимности и выразил готовность отправить к англичанам двух своих представителей Рувиля и Дюпюи для переговоров об этом.[167]

Известие о падении Пор-Руайяля вызвало недовольство в Квебеке и в Париже, хотя и во Франции и в Канаде должны были знать о том, насколько слабы позиции французов в Акадии. Поскольку ни канадские, ни тем более французские власти не желали признавать свою вину в том, что произошло, и Поншартрен и Водрёй возложили всю ответственность на несчастного Сюберказа,[168] который по возвращении во Францию даже был вызван в военный суд в Ля-Рошели (правда, никаких негативных последствий для него это не имело).

После потери колонии, нуждами которой метрополия пренебрегала в течение столь долгого времени, во Франции сразу же заговорили об ее огромном экономическом и стратегическом значении и необходимости вернуть утраченное. В декабре 1710 г. Поншартрен писал бывшему интенданту Новой Франции Ф. де Боарне, занимавшему в тот момент пост интенданта Рошфора: «С тех пор как я узнал о потере Акадии, я постоянно думаю о способах ее возвращения. Я уже неоднократно обращал ваше внимание на то, насколько важно вернуть это поселение [Пор-Руайяль. — *Ю. А.*] прежде чем враг сможет там укрепиться. Задача сохранения всех наших североамериканских владений и интересы торговли рыбой требуют этого в равной сте-

[166] Lettre de M. Nicholson à M. le Marquis de Vaudreuil du 11 octobre 1710 // Archives des Colonies. Série C[11]A. Registre XXXI. F. 117–119.

[167] Lettre de M. le Marquis de Vaudreuil à M. Nicholson de 14 janvier [1711] en repondre de la sienne du 14 octobre 1710 // Ibid. Registre XXXI. F. 100–101.

[168] См. напр.: M. de Vaudreuil au Ministie. A Québec, le 25 avril 1711 // Rapport de l'Archiviste de la Province de Québec. 1946/1947. P. 411–412.

пени. Два этих обстоятельства живо беспокоят меня, и я убежден, что губернатор и интендант Новой Франции придерживаются того же мнения».[169]

Однако, поскольку у метрополии в тот момент не было сил, которые можно было бы послать в Акадию, Поншартрен стал изыскивать другие способы исправить положение. В частности, министр предлагал судовладельцам Сен-Мало на свои средства организовать операцию по освобождению Пор-Руайяля, обещая предоставить им за это привилегии в торговле с Америкой. Поншартрен утверждал, что морские силы английских колоний невелики и будут не в состоянии сопротивляться каперам. Он также надеялся, что такая акция, кроме всего прочего, «не допустит осуществления предприятия против Канады, которое в этом году угрожают предпринять англичане из Бостона (и из всех других английских колоний)».[170]

В то же время Поншартрен рассчитывал, что канадские власти смогут отбить столицу Акадии собственными силами. В одном из писем Водрёю он заявлял, что король принял потерю Пор-Руайяля «близко к сердцу» и если губернатор Новой Франции найдет средство его вернуть, «ничто другое не будет более приятно Его Величеству».[171] В целом позиция французского правительства по отношению к Акадии хорошо видна из королевской записки, направленной Водрёю и Родо летом 1711 г., где говорилось, что «потеря Пор-Руайяля значительна сама по себе и может в дальнейшем принести вред Канаде, если дать время англичанам там как следует обосноваться; Его Величеству были предложены различные проекты отбить Пор-Руайяль или основать поселение в Ля-Эв, но их невозможно осуществить в этом году, так как сложно найти средства, необходимые для столь значительного предприятия; следует опасаться и того, что в будущем году мы будем еще менее способны осуществить его из-за того, что враг получит время закрепиться там, и оно станет более сложным и соответственно потребует больших расходов. Его Величество, однако, хранит в своем сердце мысль о том, чтобы вернуть Акадию, и если сьёр де Водрёй с силами, имеющимися в Канаде, сможет с уверенностью в успехе основать поселение в Ля-Эв или в Шибукту, он окажет значительную услугу государству». Водрёю было поручено составить план действий, которые, по его мнению, можно было предпринять против англичан в Акадии, одна-

---

[169]Le Ministre à M. de Beauharnois. Le 24 décembre 1710 // Ibid. Série C[11]D. Registre VII. F. 100.

[170]Moyens de reprendre l'Acadie. St-Malo, le 10 janvier 1711 // Collection de manuscrits... T. II. P. 532–533.

[171]Le Ministre à M. de Vaudreuil. A Marly, le 7 juillet 1711 // Rapport de l'Archiviste de la province de Québec. 1946/1947. P. 416.

ко при этом подчеркивалось, что «это не должно слишком ослаблять Канаду».[172]

Пока в метрополии составлялись планы отвоевания Пор-Руайяля, администрация Новой Франции стремилась сохранить контроль над «неоккупированной» частью Акадии, пользуясь тем, что англичане не предпринимали никаких попыток закрепиться в других пунктах этой колонии. 1 января 1711 г. Водрéй назначил Б.-А. де Сен-Кастэна своим представителем (лейтенантом) в Пентагоэ и на всей незанятой англичанами территории Акадии.[173] Ему было приказано всеми силами сохранять союз с абенаки, всячески препятствовать их контактам с английскими торговцами и постараться организовать новые набеги на английские поселения, а также на Пор-Руайяль–Аннаполис. В то же время он должен был «удерживать подданных короля, которые остались в этой стране в подчинении Его Величеству».[174]

В конце января Сен-Кастэн прибыл в свой родной Пентагоэ и вместе с миссионерами отцом Ля Шасс и аббатом Голеном начал готовиться к новым боям. В результате их усилий весной 1711 г. абенаки, которые к тому времени несколько оправились после эпидемии, снова вышли на тропу войны. Небольшому отряду удалось незаметно для англичан дойти до окрестностей Пор-Руайяля. В месте, ныне называемом Блади-Крик, индейцы напали на отряд, посланный Ветчем для заготовки дров. 20 из 60 английских солдат были убиты в стычке, а остальные попали в плен.

Воодушевленный успехом Сен-Кастэн предложил Водрёю нанести удар по англичанам в зимнее время силами канадской милиции, усиленной французскими отрядами, которые должны были достичь Пор-Руайяля сухим путем.[175] В принципе этот план был вполне осуществим. После английского обстрела укрепления форта пришли в полную негодность, а для их восстановления у его новых хозяев не было ни материалов, ни денег. Во время первой зимовки среди солдат гарнизона начались болезни. Многие бойцы колониальных войск дезертировали. В результате в строю оставалось немногим более ста человек.[176] Кроме того, акадийцы, хотя и не оказывали англичанам открытого сопротивления, относились к захватчикам достаточно враждебно. Они продолжали сохранять верность Людови-

---

[172]Mémoire du Roi à MM. de Vaudreuil et Raudot. A Marly, le 7 juillet 1711 // Ibid. 1946/1947. P. 424.

[173]См.: Commission de lieutenant en pied pour le sieur baron de St-Castin (1711) // Collection de manuscrits... T. II. P. 531–532.

[174]Instruction pour le sieur baron de St-Castin. A Québec, le 18 janvier 1711 // Ibid. P. 531–532.

[175]*Garneau F.-X.* Histoire du Canada: 2 t. T. I. Paris, 1913 (5-e éd). P. 473.

[176]См.: *Richard E.* Op. cit. T. I. P. 102.

ку XIV, надеясь, что англичане, как и в прошлые разы, будут изгнаны.[177] Эти настроения французских поселенцев активно поддерживали представители духовенства, которые, после того как Акадию покинули почти все светские чиновники, в глазах жителей колонии остались единственной законной властью. В свою очередь, англичане видели в их деятельности угрозу спокойствию в завоеванной провинции. В январе 1711 г. по приказу Ветча кюре Пор-Руайяля отец Жюстиньен Дюран и еще пять поселенцев были арестованы прямо в церкви во время службы.[178]

Операция по освобождению Пор-Руайяля была запланирована на лето 1711 г. В июле большой отряд «французских» индейцев из миссии аббата А. Голена появился под самыми стенами «столицы» Акадии, где к нему должны были присоединиться 200 канадских ополченцев под командованием Ш. д'Алуаньи.[179] Однако канадцы не пришли, а сил одних индейцев для осады форта было явно не достаточно.

Водрёй не прислал обещанной помощи, потому что в это время сама Канада находилась в критическом положении, ожидая нового нападения неприятеля. В результате Пор-Руайяль остался в руках англичан, и его дальнейшая судьба решалась за столом переговоров.

Первая попытка заключения франко-американского договора

На заключительном этапе Войны за испанское наследство французы впервые за всю историю своей борьбы с англичанами в Америке сделали попытку использовать в своих интересах разногласия между Лондоном и его владениями. Все началось с того, что еще летом 1709 г., когда в преддверии появления английских экспедиционных сил в колониях обеих держав циркулировало множество самых разнообразных слухов об истинных целях готовящейся операции, несколько французских колониальных чиновников высказали предположение, что английское правительство посылает войска в Америку не для того, чтобы нападать на Квебек, а для того чтобы привести к повиновению свои собственные колонии, и прежде всего Массачусетс, который представляет собой подобие республики. Об этом, в частности, сообщал в Версаль губернатор Плезанса Ф. Патур де Котбель, который, возможно, получил такую информацию от

[177] См.: *Charlevoix P. F. X., de.* Op. cit. T. II. P. 349.
[178] *Lanctot G.* Histoire du Canada. Vol. 2. P. 244.
[179] См.: M. de Vaudreuil au Ministre. A Québec, le 25 octobre 1711 // Rapport de l'Archiviste de la province de Québec. 1946/1947. P. 430–431.

перебежчиков из Сент-Джонса. В своем донесении Ж. де Поншартрену он предлагал сообщить об этом в Бостон и, пользуясь случаем, предложить английским колонистам заключить общее сепаратное перемирие с французами.[180]

Министр с интересом отнесся к этим сведениям и летом 1710 г. дал Водрёю следующие инструкции: «Господин де Котбель сообщил мне, что главная цель сил, собиравшихся англичанами в прошлом году, состояла в том, чтобы восстановить их господство над Бостоном и провинцией Нью-Йорк, так как население этих провинций всегда поддерживает у себя подобие республики, управляемой их советом и не желающей принимать полновластных губернаторов от короля Англии. Это мне кажется вполне правдоподобным, и потому крайне желательно, чтобы Совет в Бостоне был проинформирован о замыслах английского двора. Король, вероятно, даже одобрит идею оказания помощи этому Совету <...> Представляется необходимым расспросить первых лиц этого Совета, чтобы узнать их подлинные чувства, или же, если это возможно, направить их по нужному руслу. Если вы видите какую-либо возможность преуспеть в этом деле, нужно все пустить в оборот, однако без лишней спешки. В этом начинании следует использовать тех лиц, верность и честность которых хорошо известны и которые обладают знаниями, нужными, для того чтобы осуществить эту миссию тайно и благоразумно. Это дело требует большого внимания с Вашей стороны и необходимо вести его с большой аккуратностью и предосторожностью, чтобы не совершить никакого неверного поступка».[181] Письмо аналогичного содержания было отправлено Котбелю.[182]

Хотя информация губернатора Плезанса не соответствовала действительности (как мы знаем, английские войска направлялись в Америку совсем с другими целями) и Поншартрен, таким образом, был введен в заблуждение, из приведенного отрывка видно, что в Версале были не прочь вбить клин между Лондоном и Бостоном. Абсолютистская Франция уже в начале XVIII в. была готова ради достижения своих собственных целей признать независимость английских колоний и их республиканизм и даже оказать им определенное содействие. Знаменитый союз Франции и США периода Войны за независимость, таким образом, имел весьма глубокие корни.

Получив одобрение министра, весной 1711 г. Котбель отправил в Бостон капитана Л. Дёни де Ля Ронда. Официальной целью его мис-

[180]См.: *Parkman F.* Op. cit. Vol. 2. P. 440–441.

[181]Le Ministre à M. de Vaudreuil. A Versailles, le 10 mai 1710 // Rapport de l'Archiviste de la province de Québec. 1946/1947. P. 377.

[182]См.: Lettre du Ministre à M. de Costebelle. A Versailles, le 10 mai 1710 // Collection de manuscrits... T. II. P. 521.

сии являлись переговоры об обмене пленными. В то же время ему было поручено, во-первых, разведать обстановку в столице Новой Англии и выяснить планы противника, а во-вторых, постараться завязать контакты с властями Массачусетса и уговорить их вступить в переговоры с французами на предмет заключения сепаратного мира. В его инструкциях говорилось: «В том, что касается военных операций и планов бостонцев относительно Канады, на завоевание которой шотландцы бросили все свои силы, следует, насколько возможно, внушать, что всякая поддержка, которую народ Бостона будет оказывать, для того чтобы снискать этот успех, может лишь ослабить и впоследствии разрушить непререкаемый авторитет их правительства и отдать их в полную власть английского короля; их же собственные интересы должны, скорее, склонить их к сохранению нейтралитета в отношениях с губернаторами Канады, так как последние никогда не склонятся пред силой оружия, а все их планы в дальнейшем будут лишь раздражать дикарей. Упомянутый сьёр де Ля Ронд может вступить в переговоры и пообещать прекратить всякие враждебные действия со стороны Канады, подразумевая, что бостонцы пообещают со своей стороны сделать то же самое и в будущем не будут давать никакой помощи ни людьми, ни кораблями силам старой Англии и Шотландии, до тех пор пока губернаторы Канады не получат полномочий, необходимых для подписания соглашения о нейтралитете от имени французского короля, поклявшись друг другу прекратить на этот период военные действия с обеих сторон вплоть до окончательного заключения прочного договора о нейтралитете».[183]

Из этого документа следует, что французское правительство дало своим представителям санкцию вести переговоры с Новой Англией фактически как с независимым государством. Более того, в Версале всерьез рассчитывали на то, что бостонские власти открыто выступят против своего монарха.

В дальнейшем Поншартрен продолжал живо интересоваться этим делом. В июле 1711 г., когда до него дошли подробности, касающиеся готовящейся экспедиции Уолкера, он выразил беспокойство относительно того, что момент для переговоров выбран не слишком удачно. Тем не менее Котбелю было сообщено, что король одобрил его действия. От себя министр добавил, что он с нетерпением ждет известия о возвращении посланца и отчета о его действиях.[184]

---

[183]См.: Instructions pour Monsieur de La Ronde, Capitaine d'Infanterie des Détachements de la Marine, envoyé à Baston pour le traité d'echange des prisoniers de guerre des deux differents nations (1711) // Ibid. T. II. P. 538–539.

[184]См.: Lettre du Ministre à M. de Costebelle. A Marly, le 11 juillet 1711 // Ibid. P. 541.

Миссия Ля Ронда закончилась ничем. В тот момент, когда он прибыл в Бостон, там уже находились корабли Уолкера, и вовсю шла подготовка к совместному англо-американскому нападению на Канаду. Администрация Массачусетса заявила, что она не намерена вступать в переговоры об обмене пленными, однако потребовала, чтобы Ля Ронд оставался в Бостоне, с тем чтобы он не смог сообщить своим соотечественникам о военных приготовлениях англичан. Ля Ронд пытался самовольно покинуть Новую Англию, но был задержан и посажен в тюрьму. Хотя он успел уничтожить все свои бумаги, Легислатура Массачусетса заподозрила его в шпионаже и приговорила к повешению. Правда, в итоге для Ля Ронда все закончилось благополучно — после провала экспедиции Уолкера Дадли дал ему возможность бежать.[185]

Несмотря на провал миссии Ля Ронда, сама ее идея получила одобрение французских властей. Спустя год Поншартрен писал Котбелю: «Его Величество одобрил путешествие в Бостон, в которое вы отправили сьёра Дёни де Ля Ронда, и инструкции, которые вы ему дали, несмотря на то что переговоры, которые вы ему поручили, не имели успеха».[186]

Данный эпизод, на наш взгляд, интересен тем, что он дает представление о позиции французского правительства по отношению к английским колониям, которые Версаль был готов рассматривать как потенциально суверенные государства. При этом министров Людовика XIV не смущала ни специфика их политического устройства, ни, что самое главное, отсутствие каких-либо правовых оснований для этого. Помимо всего прочего это позволяет по-новому взглянуть на американо-французские отношения в период подготовки Войны за независимость и на ее начальном этапе. В то же время нам он показывает, что французское правительство не изменило своего отношения к североамериканскому театру боевых действий, предпочитая действовать с помощью интриг, а не военной силы, что в итоге поставило его заморские владения в сложное положение.

[185]См.: *Horton D. J., Pothier B.* Denys de La Ronde, Louis // Dictionnaire biographique du Canada. T. III: 1741–1770. Toronto; Québec, 1974. P.190.

[186]См.: Lettre du Ministre à M. de Costebelle. A Marly, le 27 juin 1712 // Collection de manuscrits. T. II. P. 552.

Глава 5. ЭКСПЕДИЦИЯ УОЛКЕРА

В то время как отношение Версаля к Североамериканскому театру боевых действий на протяжении всей Войны за испанское наследство оставалось практически неизменным, Лондон после нескольких лет колебаний на заключительном этапе войны предпринял попытку радикально изменить ситуацию на континенте.

Лондон: перемены в правительстве, перемены в политике

События, о которых пойдет речь, были непосредственно связаны с теми переменами, которые произошли в английском правительстве летом 1710 г. В июне государственным секретарем Южного департамента был назначен барон (с 1711 г. граф) Дартмаут, а в начале августа правительство возглавил Роберт Харли, позднее ставший графом Оксфордом. Северный департамент перешел к Генри Сент-Джону (в будущем виконту Болинброку). Так на смену вигам, являвшимся убежденными сторонниками продолжения войны, к власти пришли тори, стремившиеся к заключению мира с Францией. К этому их подталкивали как внутренние трудности, с которыми столкнулась Англия, в течение восьми лет несшая на себе основную тяжесть борьбы в Европе, так и обстановка, складывавшаяся на фронтах. Несмотря на все усилия союзников, бóльшая часть Испании оставалась в руках Филиппа V, а все попытки вторжения во Францию заканчивались неудачами. В ходе кампании 1709 г. довольно сомнительная победа при Мальплаке далась союзникам ценой значительных жертв (их потери в два раза превосходили французские). Маршал Виллар не сильно преувеличивал, когда говорил Людовику XIV: «Если Господь окажет нам милость проиграть еще одну такую битву, Его Величество может считать, что враги <...> уничтожены».[187]

Однако торийские лидеры хотели не просто мира с Людовиком XIV. Харли и Сент-Джон стремились к победоносному и выгодному для нации миру. Громкие успехи Мальборо во Фландрии, с их точки зрения, были нужны не столько самой Англии, сколько ее союзникам. Им же была нужна такая победа, которая, во-первых, была бы достаточно крупной и яркой, способной укрепить их позиции внутри страны и затмить или хотя бы оттенить достижения вигов; во-вторых, победа, которая была бы выгодна прежде всего именно самой Англии; в-третьих, победа, которая могла бы позволить им заключить мир на максимально выгодных условиях.

---

[187]Цит. по: *Блюш Ф.* Людовик XIV. М., 1998. С. 648.

В этой ситуации внимание кабинета привлекла Северная Америка. Уже в начале июля 1710 г. Дартмаут обратился к агенту Массачусетса Джеремиа Даммеру с вопросом, можно ли еще успеть предпринять нападение на Канаду в этом году. Даммер сообщил министру, что навигация на реке Св. Лаврентия продолжается как минимум до конца октября, и напомнил об экспедиции Фипса, которая была организована осенью. Будучи активным сторонником «славного предприятия», которое, по его словам, он «хранил в своем сердце», агент Массачусетса выразил готовность лично принять участие в операции, которую, по его мнению, обязательно следовало осуществить в текущем году.[188]

Очевидно, ответ представителя колоний вполне удовлетворил Дартмаута, так как спустя несколько дней правительство (кстати, тогда еще возглавлявшееся Годольфином) приняло решение о переброске крупных сил в колонии. 14 июля 1710 г. виконт (позднее граф) Шэннон был назначен главнокомандующим «всеми сухопутными силами, которые должны быть использованы для покорения Канады и других мест, которыми владеет враг в Северной Америке». Он должен был с пятью полками отправиться из Портсмута в Бостон и соединиться там с войсками Никольсона, собранными для атаки на Пор-Руайяль, а также с силами Нью-Йорка (и те и другие также переходили в его подчинение). Главной целью его экспедиции являлось взятие Квебека, однако в случае, если бы переход через Атлантику затянулся или если бы колонии не выставили своих бойцов, ему было приказано предпринять какую-нибудь другую операцию против французов, какую он сочтет возможным.[189]

Вскоре началась подготовка экспедиционного корпуса и транспортных судов, которые должны были доставить его в колонии. Всего вместе с Шэнноном должны были отправиться 3265 солдат и моряков.[190] Несколько недель эскадра ожидала попутного ветра, однако в конце августа из Лондона пришел приказ отложить отплытие. Дальнейшие перестановки в правительстве вкупе с европейскими проблемами опять отодвинули «славное предприятие» на второй план. Осенью Лондон снова обратил на него внимание, и в начале октября войска Шэннона были даже погружены на корабли, однако из-за плохой погоды они не смогли поднять паруса, а 16 октября в

[188] Mr. Dammer to [? the Earl of Dartmouth]. London, July 6, 1710 // Calendar of State Papers. Colonial Series. Vol. XXV. P. 127–128. No 290.

[189] Her Majesty Instruction for Richard, Viscount Shannon. Kensington, July 13, 1710 // Ibid. P. 134–135. No 302.

[190] Эта цифра выведена нами из данных следующего документа: The True State of the Forces Commanded by the Right Hon. the Lord Viscount Shannon, as they were Embarked. October 14, 1710 // Ibid. P. 231. No 430. I.

связи с изменением обстановки на Пиренейском полуострове было принято окончательное решение не проводить операцию в текущем году.[191]

Ф. Паркмен назвал подготовку экспедиции Шэннона «странным спазмом воинственной энергии», а сам план отправки войск — поздней осенью «абсурдным».[192] Однако, на наш взгляд, эти действия правительства как раз подтверждают отмеченный нами выше переходный характер его политики по отношению к колониальному театру боевых действий.

Тем временем в Лондоне было получено известие о блестящей победе Никольсона в Акадии, а вскоре в столицу прибыл и он сам. Сравнительно легкий захват Пор-Руайяля разжег аппетиты английских колоний, которые стали забрасывать правительство петициями, настаивая на осуществлении «славного предприятия».[193] Дж. Даммер убеждал Совет по торговле «продолжить успех Пор-Руайяля». Он утверждал, что Канада, которую, очевидно под влиянием К. Мэзера, он называл «американским Карфагеном», беспокоит весь «английский континент», тогда как ее завоевание даст большие преимущества Лондону и обогатит его колонии.[194]

Однако решение об организации экспедиции против Квебека было принято не столько под давлением колоний, сколько под воздействием ситуации в Англии и в Европе. В начале декабря 1710 г. союзники потерпели крупное поражение в Испании (капитуляция Стэнхопа при Бриуэге 8 декабря и поражение Штаремберга при Вильявисьосе 10 декабря). В Англии разгоралась «памфлетная война».[195] В этой ситуации в конце 1710 г. Сент-Джон начал зондировать почву для мирного соглашения с французами. Весной 1711 г. начались секретные контакты представителей двух держав.

Предвидя скорое окончание войны, Сент-Джон стремился максимально укрепить английские позиции. С его точки зрения, Канада вполне могла стать сильным козырем на переговорах с Людовиком XIV. Успешная операция в Северной Америке должна была

---

[191] См.: The Walker Expedition to Quebec, 1711 / Ed. and with an Introd. by G. S. Graham. Toronto, 1953. P. 11.

[192] *Parkman F.* Op. cit. Vol. 2. P. 435 (и прим. 2).

[193] См., напр.: Address of the Governor, Council and Representatives of New Hempshire to the Queen. Portsmouth in N. Hempshire in New England. October 23, 1710 // Calendar of State Papers. Colonial Series. Vol. XXV. P. 270. No 491. XIV; Address of the Governor and Company of Rode Island and Providence Plantations to the Queen. November 21, 1710 // Ibid. P. 274–275. No 504.

[194] Jeremy Dummer, Jr. to Lord Dartmouth. January 3, 1711 // Ibid. P. 334–335. No 597.

[195] См.: *Saint-Léger A. de., Sagnac Ph.* La prépondérance française. Louis XIV (1661–1715). Paris, 1944. P. 446–448.

повысить авторитет тори среди торгово-промышленных кругов Англии и у жителей ее колоний, а, кроме того, поднять престиж флота, который в ходе войны оказался на вторых ролях.

В конце 1710 г. Сент-Джон разработал свой собственный вариант операции по захвату Квебека, которую он стал называть «своим любимым проектом». Государственный секретарь утверждал, что в случае успеха Англия получит «огромные и долгосрочные преимущества».[196] В дальнейшем противники Сент-Джона обвиняли его в том, что он активно проталкивал идею квебекской операции, так как хотел нажиться на поставках для экспедиционного корпуса. Прямых доказательств этого нет, однако от подозрений на сей счет историки также не отказываются.[197]

Сент-Джон стремился привлечь на свою сторону других членов кабинета. В январе 1711 г. он писал Харли: «Будьте справедливы, поверьте, что этот проект — это не мое легкомыслие и не мой каприз <...> Это наверняка удастся, если тайна будет сохранена, и если это удастся, Вы за полгода окажете бóльшую услугу Британии, чем министерства, которые были до Вас — за все время своей деятельности. Я надеюсь, что Вы поддержите меня в этом, после того как я уже зашел так далеко».[198]

Однако Харли не спешил поддерживать своего коллегу. Более того он даже пытался (правда, не слишком активно) противодействовать его планам. В этой ситуации на руку будущему виконту Болинброку сыграло то, что в начале 1711 г. Харли из-за ранения на некоторое время устранился от дел, и Сент-Джон получил возможность беспрепятственно претворять в жизнь свои замыслы. Ему удалось привлечь на свою сторону весьма влиятельных людей, в частности активного сторонника «стратегии голубой воды» графа Рочестера и новую фаворитку королевы Анны леди Эбигейл Мэшэм.

Сент-Джон, безусловно, был основным организатором квебекской операции 1711 г. В феврале–марте королева одобрила план Сент-Джона (кстати, основные аргументы в пользу завоевания Канады были почерпнуты им из записок Ветча и других колониальных чиновников). Так, в одном из официальных документов, подготовленных Сент-Джоном и подписанных Анной, говорилось, что французы долго демонстрировали свои воинственные и агрессивные намерения в Америке и в результате «захватили в свои руки почти всю торговлю мехами и пушниной <...> китовым жиром и усом, а также тресковые промыслы, которые являются великой школой их моряков и

---

[196] Цит. по: *Morgan W. Th.* Queen Anne's Canadian Expedition of 1711 // Queen's Quarterly. 1928. Vol. XXXV, No 4. April–June. P. 462.
[197] См., напр.: *Dickinson H. T.* Bolingbroke. London, 1970. P. 13, 85.
[198] Цит. по: *Biddle S.* Bolingbroke and Harley. New York, 1974. P. 196.

столь необходимы и выгодны для всей их торговли <...> они окружили все наши колонии на континенте Северной Америки, посредством чего (если их не остановить) они могут со временем изгнать нас оттуда и присоединить великую империю Северной Америки к французской короне <...> они также через свои поселения на реке Миссисипи будут в состоянии завладеть несколькими богатыми рудниками Мексики и торговлей в значительной части этой страны». Отсюда с неизбежностью следовал вывод о необходимости захвата французских владений.[199]

На завоевание Канады было решено бросить крупные силы. В операции должны были участвовать семь полков британской армии, пять из которых, по выражению Дж. С. Грэхэма, представляли собой «сливки армии Мальборо во Фландрии».[200] В марте к великому неудовольствию герцога они были переправлены в Англию. Там они были погружены на корабли эскадры контр-адмирала сэра Ховендена Уолкера, которому было поручено руководство морскими силами экспедиции. Назначение Уолкера на пост главнокомандующего можно считать политическим, так как оно было обусловлено не столько его боевыми заслугами, хотя он отличился в ряде сражений, сколько его близостью к партии тори и лично Сент-Джону. Еще более политическим был выбор командующего сухопутными войсками. Им стал никогда не блиставший военными талантами, но хорошо известный в придворных кругах Джон Хилл — брат вышеупомянутой леди Мэшэм (урожденной Хилл), произведенный по этому случаю в бригадиры.

Всего в экспедиции участвовало около 5 тыс. солдат и моряков, 15 военных кораблей и 40 транспортных судов. Подготовка операции велась в строжайшем секрете. Правительство делало все возможное, чтобы до последнего момента скрыть истинные цели экспедиции, вплоть до того, что о них даже не было сообщено лордам Адмиралтейства. На корабли Уолкера был погружен лишь трехмесячный запас продовольствия, который обычно брался в том случае, если суда направлялись в Средиземное море. Офицерам было сначала объявлено, что целью предприятия является высадка в южной Франции.

Пока шли приготовления в Англии, Никольсону было поручено провести подготовку к операции в Америке. Как и по планам 1709 г., колонии должны были обеспечить британский экспедиционный корпус продовольствием, выделить войска, предназначенные

---

[199] The Walker Expedition to Quebec, 1711 / Ed. and with an introd. by G. S. Graham. Toronto, 1953. P. 13.

[200] *Graham G. S.* Walker, Sir Hovenden // Dictionnaire Biographique du Canada. T. II. P. 687.

для действий на южных подступах к Канаде, а также вспомогательные силы, которые должны были присоединиться к армии Хилла. Никольсон покинул Портсмут в апреле, но из-за непогоды смог прибыть в Бостон только 8 июня, когда эскадра Уолкера уже находилась в пути. Дадли в очередной раз стал собирать войска, стараясь при этом соблюдать максимум предосторожности, чтобы в Канаде ничего не узнали о предстоящей операции.

21 июня в Нью-Лондоне состоялась встреча Никольсона и губернаторов Новой Англии и центральных колоний. В соответствии с инструкциями британского правительства Нью-Йорк, Коннектикут, Пенсильвания и Нью-Джерси должны были выставить 1400 бойцов для наступления на Монреаль. Воодушевленные известием о том, что на сей раз метрополия действительно собирается предпринять серьезную акцию, все колонии заявили о том, что они готовы выполнить все, что от них требуется. Некоторые даже решили выставить дополнительные воинские контингенты. Исключение, как всегда, составляла Пенсильвания, администрация которой отказалась прислать 200 ополченцев, требовавшихся от нее, но, правда, на этот раз беспрекословно выполнила свои финансовые обязательства.

Как и два года назад, англичане постарались привлечь на свою сторону максимально возможное количество индейцев. Губернатор Нью-Йорка Хантер лично встретился в Олбани с представителями ирокезов, которых он убеждал присоединиться к колониальным войскам. Хантер и находившийся вместе с ним П. Скайлер представляли дело так, что действия англичан продиктованы в первую очередь заботой об интересах Союза пяти племен.

Впоследствии, когда в Новую Англию прибыла эскадра Уолкера, нескольких вождей отправили в Бостон, чтобы они могли посмотреть на стоявшие там корабли и убедиться в серьезности намерений англичан. Ирокезы были приняты Уолкером и Хиллом, которые, как записал в своем дневнике один из британских офицеров, «показали им наши войска и флот и делали все возможное, чтобы внушить им великий замысел королевы и побудить их остаться под ее управлением и стать ее верными подданными, так как эта армия и флот превосходит все, что было раньше».[201] Сам Уолкер отметил в своем журнале: «Я развлекал их [ирокезов. — *Ю. А.*] <...> вином, музыкой и танцами матросов, и они, казалось, были очень довольны этим <...> один из них от имени Пяти Наций обратился ко мне с длинной речью [сказав, что] они давно ожидали того, что они видят сейчас, и что они очень рады, что королева проявила такую заботу о них,

[201] Colonel King's Journal // Walker Expedition to Quebec, 1711. P. 325.

почти полностью отчаявшихся; в то же время они сами станут стараться изо всех сил, надеясь, что на сей раз французы в Америке будут побеждены».[202]

Под впечатлением военной мощи своих бледнолицых братьев, а также щедрых подарков Лига снова встала на тропу войны. До 600 ирокезских воинов присоединилось к англо-американским войскам, собиравшимся в Олбани. Как и в 1709 г., командование силами, действующими на монреальском направлении, было поручено Никольсону. В начале августа он собрал около 1500 ополченцев и 800 индейцев (кроме ирокезов на стороне англичан выступили могикане и некоторые другие племена) и двинулся по хорошо знакомой ему дороге к Вуд-Крик. Несмотря на жару, перебои с водой и другие трудности, армия Никольсона к середине сентября вышла на исходные позиции и ждала сигнала к началу выступления.

Флот Уолкера подошел к острову Нантакет 24 июня. Впервые за всю историю английской колонизации Северной Америки такие крупные силы были переброшены на этот континент. Вместе с солдатами и матросами из Новой Англии, которые должны были присоединиться к экспедиции, общая численность войск, собравшихся в Бостоне, превышала все его население.

Перед британским командованием сразу же возник ряд проблем. Во-первых, огромную армию, вставшую лагерем на Ноддлз-айленде, надо было снабжать. Однако колониальные торговцы стали затягивать поставки и взвинчивать цены, что вызвало ярость Уолкера, в сердцах пригрозившего перенести свою штаб-квартиру в какое-нибудь другое место.[203] Много недоразумений происходило также из-за отсутствия четко установленного курса фунта по отношению к платежным средствам колоний. В середине июля Уолкер и Хилл направили Дадли специальный мемориал, где требовали принять меры и установить умеренные цены на продовольствие и необходимые англичанам товары, а также урегулировать вопрос с обменным курсом.[204]

Перед Уолкером стояла другая, еще более важная проблема. Ему надо было срочно найти опытных штурманов и лоцманов, которые смогли бы провести большие английские корабли в устье реки Св. Лаврентия. В своем «Журнале» Уолкер писал о том, что он несколько раз встречался с мореходами из Новой Англии, однако «ни один из них не внушил [ему] доверия», так как никто не знал как следует

[202] *[Walker H.]* A Journal and Full Account of the Expedition to Canada, as far as Relates to the Conduct of Sir Hovenden Walker, etc. // Ibid. P. 125.
[203] The Walker Expedition to Quebec, 1711. P. 64–65.
[204] Ibid. P. 114.

условий навигации в заливе и на реке Св. Лаврентия и никогда не проводил туда крупные суда.[205]

Впрочем, ко всей информации Уолкера (особенно касающейся морских сюжетов) следует относиться очень осторожно. Все его документы, относящиеся к экспедиции 1711 г., были уничтожены в результате взрыва, произошедшего на его корабле сразу же после возвращения в Англию. «Журнал и полный отчет об экспедиции в Канаду и обо всем, что касается поведения сэра Ховендена Уолкера, etc.», опубликованный им в 1720 г., представляет собой, скорее, произведение мемуарного характера, одной из главных задач которого было оправдать действия Уолкера в глазах современников. В его «Журнале» постоянно упоминаются многочисленные сложности, возникавшие в ходе подготовки экспедиции по не зависящим от него причинам. «Каждый день приносил что-либо неожиданное, и я начал думать, что эта экспедиция окажется сложной и рискованной, не только из-за опасности бухты и реки Св. Лаврентия, но и тех препятствий, с которыми мы столкнулись как в отношении провизии, так и в отношении других необходимых вещей, которые мы надеялись здесь получить».[206]

Вряд ли Уолкер был таким провидцем и заложником обстоятельств, каким он стремился себя представить. Безусловно, проблемы и недоразумения имели место и вызывали раздражение английского командования, которое вдобавок с подозрением относилось к колонистам. В глазах британских офицеров они были «злобными, упрямыми и неуправляемыми». Однако сам адмирал проявил известную пассивность и, смирившись с ситуацией, в итоге пустил дело на самотек.

Вместе с тем среди жителей Массачусетса наряду с энтузиазмом, который вызвало появление войск метрополии, наметился определенный всплеск чувства, которое Дж. С. Грэхэм назвал «колониальным национализмом».[207] Английские военные воспринимались колонистами как чужаки, их поведение вызывало недоумение и насмешки. Солдаты и офицеры колониальных войск очень неохотно подчинялись приказам британских командиров. Множество ополченцев дезертировало, и администрации пришлось принять меры к их розыску. Констеблям было разрешено обыскивать дома, если существовало подозрение, что в них могут прятаться дезертиры. Было также объявлено, что укрывавшие их лица будут под-

[205] См.: *[Walker H.]* Op. cit. P. 110.

[206] Ibid. P. 87.

[207] *Graham G. S.* Walker, Sir Hovenden // Dictionnaire biographique du Canada. T. II. P. 689.

вергнуты штрафу в 50 фунтов или годовому тюремному заключению.[208]

Однако, на наш взгляд, значение трений, имевших место между представителями Старой и Новой Англии в конце июня — июле 1711 г. не стоит преувеличивать. Вряд ли можно согласиться с теми американскими историками, которые рассматривают эти события как своего рода предтечу будущих конфликтов между Лондоном и его Североамериканскими владениями. Так, Д. Э. Лич, утверждает, что «трения в Бостоне между гражданским населением и британскими солдатами сулили будущую болезнь. Несомненно, солнце истории в своем неумолимом движении по небесам времени уже начало отбрасывать тень на поля Лексингтона».[209] На наш взгляд, события лета 1711 г. были лишь очень кратким, хотя и ярким, эпизодом, который не мог оставить заметного следа в колониальном общественном сознании. Другое дело, что общее ощущение и понимание своего собственного бессилия перед лицом достаточно слабого противника и зависимость от военной поддержки со стороны метрополии, которая отнюдь не спешила прийти на помощь своим колониям и не принимала их проблемы близко к сердцу, а, наоборот, неоднократно демонстрировала им свое пренебрежение (не всегда оказывавшееся столь «благотворным»), безусловно, влияло на настроения определенной части колонистов.

Несмотря на все усилия, предпринимавшиеся англичанами и в метрополии и в колониях, их военные приготовления не остались незамеченными в Париже и в Квебеке. Уже 11 марта 1711 г. Поншартрен писал Водрёю: «У меня есть сведения, что англичане замышляют предприятие против Канады, что корабли, которые, как полагают, предназначены для этого, могут отправиться в конце апреля и что на них будет погружено три тысячи человек; хотя эта новость не совсем проверенная, все же важно, чтобы вы были начеку и сделали все, чтобы не быть захваченными врасплох и чтобы сделать их предприятие бесполезным. Я убежден, что вы удвоите ваше внимание, и что вы дадите по этому случаю новые свидетельства вашего рвения и вашей преданности королю». В то же время министр не словом ни обмолвился о какой-либо помощи для Новой Франции в этой связи и лишь сообщил, что летом в Квебек, как планировалось ранее, будут присланы два корабля и некоторое количество рекрутов (точная цифра не называлась).[210]

---

[208] The Walker Expedition to Quebec, 1711. P. 118, 207.

[209] *Leach D. E.* Arms for Empire. P. 147.

[210] Le Ministre à M. de Vaudreuil. A Versailles, le 11 mars 1711 // Rapport de l'Archiviste de la province de Québec. 1946/1947. P. 411.

Водрёй также был неплохо осведомлен о настроениях в английских колониях. В конце апреля 1711 г. он сообщал министру, что «хотя англичане еще не получили никаких новостей из Европы, разные люди в Олбани и других местах говорят, что если только в Англии не произойдет революции, нет никаких оснований сомневаться, что королева должна дать значительный флот господину Никольсону, чтобы осадить Квебек».[211]

Однако такая осведомленность вряд ли облегчала положение администрации Новой Франции. Выше мы приводили данные о силах, имевшихся в распоряжении Водрёя в 1709 г. С тех пор ситуация изменилась не слишком значительно. Единственным действительно положительным моментом было то, что в 1710 г. в Канаду из метрополии было прислано 500 рекрутов, которые были распределены по гарнизонам.[212] Если мы соотнесем эту цифру с данными 1709 г., то увидим, что оборонять Квебек и Монреаль должно было около 3850 солдат, ополченцев и индейцев, тогда как общая численность англо-американских сил, предназначенных для действий на обоих этих направлениях, составляла 14 300 человек! В такой ситуации, как отметил Ф. Хамманг, летом 1711 г. «имелись все основания полагать, что через несколько месяцев французский режим в Канаде прекратит свое существование».[213]

Буря у Иль-оз'Ё

30 июля Уолкер отдал приказ поднимать паруса. Всего от острова Нантакет, где собиралась англо-американская армада, на север отправилось 18 военных кораблей и более 60 транспортных судов. Корпус Хилла был усилен четырьмя батальонами из Массачусетса, Нью-Гемпшира и Род-Айленда, которыми командовал Ветч, а также некоторым количеством индейцев; в результате его общая численность составила 7,5 тыс. бойцов (в экспедиции участвовало также около 4,5 тыс. моряков). 3 августа эскадра обогнула мыс Сабль и спустя десять дней вошла в залив Св. Лаврентия.

Однако здесь Уолкеру пришлось столкнуться с серьезными проблемами. Дело было в том, что навигация в этих местах всегда считалась очень опасной, в особенности для больших кораблей. Французами была разработана целая систему провода судов к Квебеку (кроме того, тяжелые линейные корабли и транспорты практиче-

[211] M. de Vaudreuil au Ministre. A Québec, le 25 avril 1711 // Ibid. P. 414.

[212] См.: Mémoire du Roi à MM. de Vaudreuil et Raudot. A Marly, le 7 juillet 1711 // Ibid. P. 419.

[213] *Hammang F. H.* Op. cit. P. 156.

ски никогда не направлялись в Канаду).[214] Уолкер слышал об этом, однако в Бостоне, как мы помним, ему не удалось найти опытных моряков, знакомых с условиями судоходства на реке Св. Лаврентия. Также безуспешной оказалась попытка английского адмирала подкупить упоминавшегося выше капитана Ля Ронда, находившегося в то время в Массачусетсе, которому Уолкер предлагал 100 тыс. ливров за то, чтобы тот привел английский флот к столице Новой Франции.[215] Правда, в распоряжение Уолкера были предоставлены документы, относящиеся к экспедиции 1690 г., однако они ему мало помогли, так как Фипс руководствовался в своих действиях больше интуицией, чем знаниями, и его флот смог достичь Квебека, в основном, благодаря счастливому стечению обстоятельств.

В результате Уолкеру пришлось вести свою армаду фактически «на ощупь» в туманном и изобилующем многочисленными течениями и отмелями заливе Св. Лаврентия. Оставив самые крупные 80-пушечные корабли в арьергарде и перенеся свой штандарт на 70-пушечный «Эдгар», адмирал 18 августа начал двигаться к устью реки. Неожиданно налетевший шторм отогнал английскую эскадру к восточной оконечности острова Антикости, но 20 августа Уолкер продолжил движение вперед. В сильном тумане его корабли сбились с курса и вечером 23 августа сильным порывом ветра были брошены на скалы у Иль-оз'Ё (Яичных островов), расположенных у левого (северного) берега эстуария реки Св. Лаврентия. Семь больших транспортов с солдатами и одно судно с продовольствием разбились. Из находившихся на них на 1390 человек, погибло около 900. Два дня Уолкер оставался на месте катастрофы, подбирая тех, кому удалось добраться до берега.

25 августа состоялся военный совет, на котором армейские офицеры высказались за продолжение операции, упирая на то, что и после кораблекрушения в распоряжении англичан все равно оставались огромные силы. Однако Уолкер, посовещавшись с капитанами и штурманами эскадры, на которых произошедшая катастрофа, очевидно, произвела более сильное впечатление, и которые явно не хотели брать на себя ответственность за возможные новые инциденты, дал приказ отходить к Кейп-Бретону.[216]

В гавани Порт-Сидни, куда пришли английские корабли, был созван еще один военный совет, на котором обсуждался вопрос о том,

---

[214] См.: *Franck A.* La navigation sur le fleuve Saint-Laurent // Histoire Québec. 2000. Vol. VI, No 2. Novembre. P. 14.

[215] См.: Lettre de monsieur de La Ronde Denys au Ministre. Martinique, le 30 décembre 1711 // Collection de manuscrits... T. II. P. 549.

[216] *Walker H.* Op. cit. P. 131.

стоит ли предпринимать нападение на Плезанс, захват которого мог хотя бы частично компенсировать неудачу на главном направлении. Однако, опасаясь непогоды, приближающихся осенних холодов, того, что у него может не хватить продовольствия на обратную дорогу, а главное — новых катастроф, Уолкер, который ко всему прочему усматривал в инциденте у Иль-оз'Ё жест Провидения, после некоторых колебаний решил возвращаться в Англию. Хилл поддержал его, поскольку не хотел зимовать в Новой Англии и стремился поскорее вернуться ко двору.[217]

Однако злоключения английской армады на этом не закончились. На обратном пути она еще раз попала в сильнейший шторм, а уже в Англии, в Спитхеде, по непонятным причинам взорвался и затонул «Эдгар», флагман Уолкера. В этой катастрофе также погибло несколько сот человек, и именно тогда были уничтожены все бумаги Уолкера.

В XXXI письме к Стелле Дж. Свифт отметил, что известие о неудаче экспедиции (кстати, предсказанное им еще в апреле) пришло в Лондон 6 октября. Писатель, который в то время был очень близок к правительственным кругам и лично к Сент-Джону, дал весьма показательную оценку данному событию: «Боюсь, что мистер Хилл и его адмирал допустили какую-нибудь оплошность, мы, однако же, виним во всем шторм <...> Секретарь [Сент-Джон. — *Ю. А.*] весьма подавлен известием о неудаче Хилла, потому что эта экспедиция была снаряжена по его настоянию, и он возлагал на нее большие надежды».[218] В следующем письме Свифт уже открыто (хотя довольно мягко) порицал «непростительную оплошность» Хилла, созвавшего военный совет, в ситуации, когда «генерал был не должен так поступать».[219]

Английские и американские историки также единодушно осуждают поведение английского командования, обвиняя Уолкера и Хилла в нерешительности и даже в трусости. Учитывая, что в Олбани в полной боевой готовности стояла армия Никольсона, которая, безусловно, могла хотя бы оттянуть на себя часть французских сил, Уолкеру, по их мнению, был практически обеспечен успех, если бы он только смог добраться до Квебека, что было вполне возможно.[220]

Безусловно, опасения Уолкера, касающиеся «непроходимости» реки Св. Лаврентия и суровости канадской осени, были явно преувеличены (заметим, что в Квебеке ожидали нападения вплоть до

[217] См.: *Waller G.M.* Op. cit. P. 228.
[218] *Свифт Дж.* Дневник для Стеллы. М., 1981. С. 215.
[219] Там же. С. 218.
[220] См., напр.: *Leach D. E.* Arms for Empire. P. 151–152.

19 октября, когда там было получено известие о кораблекрушении у Иль-оз'Ё). В то же время, учитывая настрой английского командования и наличие у французов в Канаде большого военного опыта, можно предположить, что, даже если бы флот Уолкера и подошел к столице Новой Франции, военные действия в условиях, существенно отличающихся от европейских, а также осенняя непогода могли заставить его ретироваться. Ведь мы видели, что посредственные служаки Уолкер и Хилл были глубоко равнодушны к тому делу, которое было им поручено, и легко поддались панике. О настроениях Уолкера можно судить по такой, не лишенной определенного мрачного лиризма, фразе: «Сколь же печально лицезреть, среди вод и земель, скованных морозом, погребенных под горами снега, в этом бесплодном невозделанном крае, великое множество бесстрашных солдат, умирающих с голода, влачащих существование, удел которого — смерть, дарующая покой».[221]

19 сентября известие о том, что Уолкер возвращается в Англию, было получено в лагере у Вуд-Крик. По свидетельству присутствовавших, Никольсон в отчаянии сорвал с головы парик и стал топтать его ногами, крича: «Жульничество! Предательство!». Для него случившееся было личной трагедией, крахом его планов. В начале октября он привел свои войска обратно в Олбани и распустил их по домам, наградив отличившихся в походе солдат и офицеров денежными премиями из своих собственных средств.[222]

В целом, в английских колониях многие восприняли неудачу Уолкера так же, как и Никольсон. Победа, казавшаяся столь близкой, в очередной раз ускользнула от них, и Канада, источник постоянной угрозы, по-прежнему оставалась в руках французов. В Новой Англии «плачевный и ужасный отчет о неудаче нашего флота на реке Канады [т. е. на реке Св. Лаврентия. — *Ю. А.*]» вызвал растерянность и недоумение.[223] Семюэл Сьюолл писал в своем дневнике, что, узнав о случившемся, он, как и многие другие, был просто ошеломлен.[224] Ответственность за неудачу жители колоний естественно возлагали на британских офицеров, и прежде всего на Уолкера. О «промахах адмирала» говорил губернатор Вирджинии А. Спотсвуд,[225] анало-

---

[221] *Walker H.* Op. cit. P. 74.

[222] См.: *Buckingham Th.* The Private Journals Kept by Rev. John [i. e. Thomas] Buckingham, of the Expedition Against Canada, in the Years 1710 & 1711. New York, 1825. P. 122–123, 128.

[223] См.: *Waller G. M.* Op. cit. P. 230.

[224] Diary of Samuel Sewall // Massachusetts Historical Society Collections. 5th Series. Vol. VI. P. 322.

[225] См.: The Secret Diary of William Byrd of Westover, 1709–1712 / Ed. by L. B. Wright and M. Tinling. Richmond, 1941. P. 426.

гичной точки зрения придерживались Дадли, Ветч и многие другие колониальные лидеры.[226]

В свою очередь, в метрополии английские офицеры, и прежде всего сам Уолкер, стремясь оправдать себя в глазах правительства и общественного мнения, возложили всю ответственность за провал предприятия на жителей колоний, которые не оказали должного содействия королевским войскам.[227] В Лондоне даже появились слухи, что экспедиция была сорвана группой бостонских купцов, которые занимались контрабандной торговлей с французами и стремились сохранить свои прибыли.[228]

Торийские лидеры, не желая брать на себя ответственность за провал и зная, что Новая Англия всегда симпатизировала их политическим противникам, согласились с доводами Уолкера. Так, Мэтью Прайор отмечал, что неудача произошла «исключительно благодаря скупости или вероломству благочестивой Новой Англии».[229]

В январе 1712 г. Уильям Эшхёрст писал Дадли о «рассуждениях, которые <...> распространяют те, кто хочет оправдать свое собственное недостойное поведение и стремятся снять с себя ответственность, переложив ее на Вас».[230] В таком же духе Эшхёрст высказывался в своем послании к Инкризу Мэзеру, предупреждая его, что в Лондоне «все обвинения в канадских неудачах сыплются на вашу [т. е. колонистов. — *Ю. А.*] голову».[231]

Чтобы оправдать поведение колонистов и отвести от них «скандальные обвинения», Дж. Даммер опубликовал в 1712 г. два памфлета. В Бостоне было выпущено «Письмо благородному лорду по поводу последней экспедиции в Канаду», а в Лондоне — «Письмо к другу в этой стране».[232] Помимо изложения колониальной точки зрения на события 1711 г., в них также рассматривались отношения Англии и ее североамериканских владений. Нам следует обратить внимание на то, что, по мнению Даммера, проблемы в этих отношениях возника-

---

[226] См.: Governor Dudley to Mr. Secretary St. John. Boston, New England. November 13, 1711 // Calendar of State Papers. Colonial Series. Vol. XXVI: America and West Indies, 1711–1712. London, 1925. P. 139–141. No 164.; см. также: The Walker Expedition to Quebec, 1711. P. 40.

[227] См.: *Morgan W. Th.* Op. cit. P. 486.

[228] *Leach D. E.* Arms for Empire. P. 154; см. также: *Osgood H. L.* The American Colonies in the Eighteenth Century. Vol. I. P. 445.

[229] Цит. по: *Waller G. M.* Op. cit. P. 231.

[230] Sir William Asherst to Governor Dudley. Janyary 15, 1712 // Some Correspondence between the Governors and Treasurers of the New England Company in London and the Commissioners of the United Colonies in America, 1657–1712 / Ed. by J. W. Ford. London, 1896. P. 94–95.

[231] Sir William Asherst to Increase Mather. January 31, 1712 // Ibid. P. 96–97.

[232] См.: *Dummer J.* 1) A Letter to a Noble Lord Concerning the Late Expedition to Canada. Boston, 1712; 2) A Letter to a Friend in the Country. London, 1712.

ли в первую очередь из-за того, что метрополия не могла обеспечить колониям эффективной поддержки в их борьбе против французов. Даммер настаивал на том, что правительству необходимо предпринять новую попытку захватить Канаду, как только для этого представится удобный случай.

Надо сказать, что и после провала экспедиции Уолкера в колониях еще теплилась надежда на то, что Лондон предпримет какие-либо активные действия в Северной Америке против французов. В начале 1712 г. Массачусетс и Нью-Гемпшир обратились к королеве с почти идентичными адресами, где содержалась просьба как можно скорее организовать новое нападение на Канаду. Из этих документов видно, что в Новой Англии колонии опасались прежде всего того, что после провала экспедиции Уолкера французы активизируют свои действия против английских колоний. В то же время обе колонии просили королеву милостиво освободить их от выставления отрядов для новой экспедиции (бостонцы мотивировали это тем, что им помимо прочего приходится содержать гарнизон Пор-Руайяля).[233] Сходной по содержанию была петиция совета и ассамблеи Нью-Йорка, которую в ноябре переслал Дартмауту губернатор Хантер.[234] Свой вариант новой англо-американской атаки на Квебек предложил губернатор Коннектикута Г. Солтонстолл.[235]

Однако в это время основное внимание правительства было поглощено уже не военными проблемами, а мирными переговорами. Сам Сент-Джон был, безусловно, огорчен провалом своего «любимого предприятия», но никакого существенного влияния на его планы и действия эта неудача не оказала. Показательно и то, что для Уолкера, а тем более для Хилла и других командиров все случившееся обошлось без последствий (правда, позднее, когда к власти вернулись виги, Уолкер был уволен со службы без сохранения половинного жалования, обычно полагавшегося отставным офицерам).

Некоторые, главным образом американские, авторы склонны ставить на одну доску операцию, планировавшуюся в 1709 г., и экспедицию 1711 г. На наш взгляд, между ними существует принципиальное различие. Первая из них изначально задумывалась как второстепенная акция, предпринимавшаяся в определенной степени от

---

[233] См.: Address of the Governor, Council and Assembly of the Massachusetts Bay to the Queen. Boston, October 17, 1711 // Walker Expedition to Quebec, 1711. P. 369–370; Address of the Governor, Council and Representatives of New Hampshire to the Queen. Portsmouth in New Hampshire. October 30, 1711 // Ibid. P. 371–372.

[234] Governor Hunter to Lord Dartmouth. New York, November 12, 1711 // Documents Relative to the Colonial History of the State of New York. Vol. V. P. 284.

[235] См.: Governor Saltonstall to the Lord High Treasurer. Boston, November 12, 1711 // The Walker Expedition to Quebec, 1711. P. 375.

переизбытка сил метрополии и никак не связанная с магистральной линией ее политики. В то же время экспедиция Уолкера преследовала вполне конкретные политические цели и была тесно связана с внутри- и внешнеполитической ситуацией, сложившейся в тот момент в Англии. Однако нам хотелось бы подчеркнуть, что она также ни коим образом не являлась частью продуманного и более или менее последовательно осуществляемого курса в отношении колоний вообще и Североамериканского континента в частности, но была лишь спонтанным действием, вызванным сугубо европейскими политическими причинами. Мы не можем согласиться с утверждением Дж. М. Уоллера о том, что политика, проводившаяся тори по отношению к колониям в 1711 г., была «предтечей того курса, которым несколько десятилетий спустя так эффективно следовал Питт».[236] Наоборот, действия Сент-Джона принципиально отличались от политики Великого Коммонера, при котором в колониальной политике Лондона действительно произошли важные изменения. Здесь же никакого крутого поворота не было. В отличие от квебекской операции 1759 г., «выстраданной» Питтом и явившейся логическим завершением направленных усилий его кабинета, экспедиция Уолкера была в общем случайной в том смысле, что ее вполне могли направить не в Канаду, а в какое-либо другое место (особенно, если вспомнить, что в это самое время была создана известная Компания Южных морей, активную поддержку которой оказывал Харли).

Наш вывод о сугубо политическом и конъюнктурном характере квебекской операции в определенной степени подтверждается и тем обстоятельством, что после окончания Войны за испанское наследство и падения торийского правительства Харли, не имевшему, как мы видели, к этой акции прямого отношения, были предъявлены обвинения в том, что «опасная и разорительная экспедиция была спланирована и предпринята под предлогом завоевания владений французского короля в Северной Америке, но на самом деле она отвечала его интересам, так как ослабляла союзную армию во Фландрии и рассеивала военно-морские силы королевства»,[237] т. е. еще очень многие в Англии не считали завоевание Канады действительно необходимым предприятием.

Говоря о результатах военной кампании 1711 г. в Северной Америке, следует отметить, что провал экспедиции Уолкера, а также различные подходы к объяснению причин этого провала привели к тому, что Англия и ее колонии в определенной степени оказались дискре-

---

[236] *Waller G. M.* Op. cit. P. 208.

[237] Further Articles of Impeachment of High Crimes and Misdemeanors against Robert Earl of Oxford (July 30, 1715) // The Parliamentary History of England to the Year 1803 / Ed. by W. Cobbett. Vol. VII. London, 1809. P. 114–115.

дитированы в глазах друг друга. В Лондоне крепло убеждение, что колонисты крайне ненадежны и на них не следует рассчитывать при проведении серьезных военных акций. В свою очередь, в колониях также постепенно накапливались негативные эмоции по отношению к метрополии, пренебрегающей интересами своих поселенцев, находящихся в зависимости от нее. Вместе с тем сознание собственного бессилия заставляло колонистов активнее развивать связи друг с другом и искать новые формы и способы взаимодействия.

В то же время объективная информация о соотношении сил Новой Франции и англо-американцев наводит на мысль, что в принципе при более благоприятных погодных условиях, а самое главное при наличии более решительных или честолюбивых командиров Квебек вполне мог бы быть захвачен в 1711 г. Впрочем, его судьба все равно решалась бы на переговорах, и, хотя Людовик XIV был готов пойти на значительные жертвы ради сохранения испанского престола за своим внуком, он вряд ли пошел бы на уступку всей Новой Франции; это подтверждается рядом свидетельств (см. главу 7).

К вопросу о роли североамериканских сюжетов в ходе англо-французских переговоров мы еще вернемся, а пока рассмотрим положение, сложившееся на континенте к концу Войны за испанское наследство.

Два с половиной месяца, с 6 августа по 19 октября 1711 г., Квебек оставался в состоянии боевой готовности, со дня на день ожидая появления неприятеля. На берегах реки Св. Лаврентия были расставлены специальные дозоры, которые при приближении неприятеля должны были немедленно поднять тревогу. В столице Новой Франции постоянно циркулировали самые разные слухи о перемещениях англичан. Напряжение не спало даже после того, как из Монреаля было получено известие об уходе армии Никольсона из лагеря на ручье Вуд-Крик.[238] Лишь прибытие в Квебек корабля из Франции, капитан которого сообщил, что ни в заливе, ни на реке Св. Лаврентия нет ни одного английского судна, позволило канадцам вздохнуть с облегчением. Несколько дней спустя в столице Новой Франции было получено известие о кораблекрушении у Иль-оз'Ё и бесславном уходе английской армады.

Жители колонии восприняли это как настоящее чудо. Вся Новая Франция ликовала и благодарила своих небесных покровителей. Построенный в честь событий 1690 г. собор Богоматери Победы (Notre-Dame-de-la-Victoire) был переименован в собор Богоматери Побед (Notre-Dame-des-Victoires). Впоследствии в Канаде были сложены песни, где высмеивались англичане и возносилась хвала Небесам за

[238]См.: Les Annales de l'Hotel-Dieu de Québec. P. 364.

чудесное избавление от вражеского нашествия. Вот куплет одной из них:

О! Какое счастье для Новой Франции,
Мы больше не опасаемся оружия англичан.
Их планы оскорбили
Святые Небеса,
И дабы не подвергать более бедам французов,
Они сами встали на их защиту.[239]

Несмотря на счастливый для Новой Франции исход событий, связанных с экспедицией Уолкера, ее положение все равно оставалось достаточно сложным. По свидетельству настоятельницы монастыря урсулинок матушки Жюшро, Канада «была лишена почти всего: почти не было пороха, вооружение находилось в очень плохом состоянии, продовольствия было очень мало, и [ей] угрожал голод, поскольку все эти тревоги во многих местах помешали жатве».[240] Метрополия, сама находившаяся в критической ситуации, мало чем могла помочь своей колонии. Вдобавок связь с Европой была затруднена.

В Париже о буре у Иль-оз'Ё узнали раньше, чем в Квебеке. Матушка Жюшро с некоторым удивлением писала о том, что Людовику XIV «это доставило столько радости, как если бы Канада была одной из самых богатых провинций его королевства».[241] В то же время подход французского правительства к североамериканскому театру боевых действий остался прежним. В письмах, которые Водрёй получал из метрополии, содержались инструкции всячески препятствовать коммерческим и тем более политическим контактам абенаки и Новой Англии, а также ирокезов и Нью-Йорка. При этом, в тех же самых письмах Поншартрен сообщал, что из-за сложностей, с которыми сталкивается правительство, оно не в состоянии обеспечить доставку в Канаду товаров, которые требуются для торговли с индейцами.[242]

Наибольшее беспокойство администрации Новой Франции вызывала позиция Союза пяти племен. Еще в апреле 1711 г. Водрёй отмечал, что «война с ирокезами совершенно противоречит интересам колонии».[243] Однако эта война, казалось, неумолимо приближалась. Как мы видели, летом 1711 г. воины Лиги приняли участие

[239] Цит. по: The Walker Expedition to Quebec, 1711. P. 399.
[240] Les Annales de l'Hotel-Dieu de Québec. P. 362.
[241] Ibid. P. 367.
[242] См.: Lettre du ministre à monsieur le marquis de Vaudreuil. A Marly, le 28 juin 1712 // Collection de manuscrits... T. II. P. 553.
[243] M. de Vaudreuil au Ministre. A Québec, le 25 avril 1711 // Rapport de l'Archiviste de la province de Québec. 1946/1947. P. 413.

в неудавшемся походе Никольсона к Вуд-Крик. Ирокезы постоянно поддерживали активные торговые контакты с англичанами из Олбани. Кроме того, большую угрозу для французов представлял союз, заключенный где-то на рубеже 1700–1710-х гг. между ирокезами и утагами (лисами; в отечественной литературе можно встретить их транслитерированное английское название — фоксы; реже французское — рёнар), воинственным племенем, обитавшим в окрестностях форта Детруа (Детройта).

Правда, провал англо-американского наступления на Канаду несколько охладил воинственный пыл ирокезов. Очевидно поняв, что перед ними снова маячит перспектива в одиночку бороться против французов и союзных им индейских племен, они сочли за благо вернуться к политике нейтралитета. Весной 1712 г. Союз пяти племен направил к Водрёю многочисленную делегацию, члены которой признали, что нарушили соглашение 1701 г., принесли свои извинения за то, что они выступали на стороне англичан и попросили возобновить договор о нейтралитете. Хотя губернатор Новой Франции, по его собственным словам, очень мало доверял заверениям в дружбе со стороны ирокезов, он счел за благо перезаключить с ними мир.[244]

Весной 1712 г. почти в то же самое время, когда Лига вела переговоры с французами, ее союзники фоксы вместе с маскутэнами и кикапу начали готовить нападение на Детруа. К счастью, командир форта Ж.-Ш. Рено Дюбюиссон заранее узнал об этом от одного крещеного индейца и смог организовать превентивный удар. 13 мая 1712 г. небольшой отряд французов и союзных им индейцев атаковал поселение фоксов, а на следующий день в местечке Преск'иль уничтожил отряд воинов этого племени. С тех пор в течение нескольких десятилетий фоксы являлись основным противником французов на западе.

Что касается ирокезов, то в последние годы войны они воздерживались от враждебных действий по отношению к французам. Летом 1712 г. англичане пытались уговорить Лигу выступить против «французских» индейцев. Ирокезы начали было подготовку к войне, однако затем передумали и заявили, что не хотят действовать в одиночку.

Фактически с осени 1711 г. боевые действия на Североамериканским континенте между англичанами и французами практически прекратились. Стороны исчерпали свои силы и не хотели продолжать борьбу, когда в Европе уже шли мирные переговоры, на которых и решалась судьба колоний.

---

[244]См.: M. de Vaudreuil au Ministre. A Québec, le 27 juin 1712 // Ibid. 1947/1948. P. 150.

Глава 6. БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА ЮЖНЫХ И СЕВЕРНЫХ ГРАНИЦАХ

Война за испанское наследство затронула не только центр, но и периферию английских и французских владений в Северной Америке. По ходу войны театрами боевых действий стали юго-восток современных США, побережье Гудзонова залива, район Ньюфаундленда. Причем если в последних события развивались по уже достаточно традиционным и известным нам схемам, то борьба на южных границах имела ряд специфических черт, на которых нам необходимо остановиться подробнее.

Американский юго-восток: англичане, французы, испанцы

В период Войны за испанское наследство на юго-востоке Североамериканского континента столкнулись сразу три державы. Кроме английской Южной Каролины, французской Луизианы и многочисленных индейских племен в этом регионе присутствовал еще один игрок — испанская Флорида. Поскольку с 1702 г. Париж и Мадрид стали союзниками, англичанам здесь пришлось воевать на два фронта.

Однако следует сразу же отметить, что соотношение сил все равно было в пользу англичан. Население Южной Каролины в 1700 г. составляло около 5,7 тыс. человек. Оно стремительно росло, и в 1710 г. в колонии насчитывалось уже 10,3 тыс. жителей.[245] В то же время во Флориде в начале XVIII в. было менее тысячи поселенцев, да и в целом эта колония, представлявшая собой лишь несколько небольших военных постов и миссий, находилась в достаточно сложном положении. Ее сельское хозяйство находилось в зачаточном состоянии, и основную часть продовольствия она должна была получать из Новой Испании. Однако в силу ряда причин связи Сан-Аугустина и Мехико не отличались стабильностью. Осенью 1701 г. губернатор Флориды Хосеф де Суньига-и-Серда жаловался в Мадрид, что колония голодает и страдает из-за нехватки самого необходимого, и просил власти метрополии прислать хоть какую-нибудь помощь.[246] Новорожденная Луизиана тогда представляла собой лишь несколь-

[245] U.S. Bureau of Census. Historical Statistics of the United States, Colonial Times to 1970: In 2 vols. Vol. II. Washington, 1975. P. 1168.

[246] *TePaske J. J.* The Governorship of Spanish Florida, 1700–1763. Durham: Duke University Press, 1964. P. 79.

ко крошечных постов, самым важным из которых был Мобиль, где находился небольшой гарнизон.

Кроме того, несмотря на то что Париж и Мадрид стали союзниками, контакты между их колониями (особенно в начале войны) налаживались с большим трудом. В Испании Совет по делам Индий с большим подозрением относился к французскому присутствию в низовьях Миссисипи, и Филипп V не мог повлиять на его позицию. Ситуацию осложняла личная неприязнь губернатора Суньги к французам. Правда, Бьенвиль, которому Поншартрен советовал «избегать всяческих разногласий» с испанцами, сумел наладить прочные контакты с Пенсаколой. В дальнейшем наличие общего врага заставило администрацию Флориды занять гораздо более конструктивную позицию по отношению к Луизиане, хотя трения между подданными двух бурбонских монархий имели место и в дальнейшем.[247]

До начала Войны за испанское наследство конфликты и столкновения между англичанами и испанцами, а также между англичанами и французами на юго-востоке современных США происходили главным образом в пограничных районах, где пересекались их торговые, политические и миссионерские интересы. Непременными участниками этих конфликтов являлись индейские племена, за влияние на которые боролись между собой подданные европейских держав. Сами колонии, разделенные к тому же обширными пространствами «буферных» индейских земель, не приходили в прямое соприкосновение друг с другом.

Однако после 1702 г. столкновения между жителями Южной Каролины, Луизианы и Флориды перешли в новое качество. Подданные враждующих монархий стали стремиться нанести своим соперникам смертельный удар, полностью ликвидировать их присутствие в этой части Североамериканского континента и таким образом обеспечить себе контроль над его внутренними районами.

В начале войны д'Ибервиль подал Поншартрену ряд записок, касающихся ситуации на юго-востоке континента, в которых он доказывал необходимость перехода к активным наступательным действиям против англичан в этом регионе. Он, в частности, говорил о необходимости сооружения фортов на берегах Миссисипи (в устьях Арканзаса, Огайо и Миссури), которые можно было бы использовать в качестве баз для операций против английских колоний.[248] С точки зрения Ибервиля, основной ударной силой в этих операциях должны были стать тридцать индейских племен юго-востока, в отношении которых он выдвинул довольно фантастический проект переселения

---

[247] *Giraud M.* Histoire de la Louisiane française: 4 t. T. II. Paris, 1953–1974. P. 181.

[248] См.: Mémoire sur le pays du Mississipi, la Mobile et les environs. Au bord de la Renommé, le 20 juin 1702 // Mémoires et documents... Vol. IV. P. 593–607.

их в стратегически важные пункты Луизианы.[249] Ибервиль также указывал, что позиции испанцев во Флориде чрезвычайно слабы, и Сан-Аугустин в любой момент может быть легко захвачен англичанами, которые таким образом приобретут прекрасный плацдарм для продвижения в южном и юго-западном направлениях, в регион Карибского моря и в направлении Мексики. По его мнению, единственным препятствием для «тех действий, которые могут предпринять англичане с этого континента», являлась французская колония в Мобиле.[250] В соответствии с планом Ибервиля, кроме защиты французских и испанских колоний, Мобиль мог также служить опорным пунктом для французов и их союзников, «дабы», как говорилось в другой его записке, «обрушиться на английские колонии, напасть на них в нужный момент с тыла и сделать их беспомощными. Также нужно поспешить, прежде чем противник станет непобедимым <...> Безопасность всех французских колоний в Новом Свете делает этот маневр срочным».[251]

Нам нужно обратить внимание еще на один интересный документ, озаглавленный «Проект по поводу Каролины». Автор этого «Проекта», поступившего в морское министерство Франции в конце 1702 г., неизвестен. Мы только знаем, что это точно не Ибервиль, так как на полях этого документа имеются примечания, сделанные его рукой. В «Проекте» говорится об угрозе, которую представляет для французов и испанцев Южная Каролина. Его главная мысль — необходимость быстрейшего захвата этой английской колонии.

С этой целью предлагалось организовать комбинированную атаку на эту колонию с суши и с моря. Отряд, состоящий из 600 испанцев, 300 французов и 100 канадцев, должен был напасть на Чарльстон, в то время как полторы тысячи индейцев из испанских миссий, вооруженные французскими ружьями, должны были произвести диверсию против других английских поселений. В случае успеха операции границы Флориды продвинулись бы на север вплоть до Вирджинии, а французы в качестве компенсации должны были получить Пенсаколу и часть английского имущества, включая рабов. Таким образом, Луизиана обезопасила бы свои рубежи, а, кроме того, смогла бы заключить союз с криками и другими могущественными племенами юго-востока, находившимися в орбите влияния Южной Каролины. В дальнейшем это позволило бы французам уже без помощи испанцев, используя лишь индейцев и канадских ополченцев,

[249] См.: Mémoire sur l'établissement de la Mobile et du Mississipi // Ibid. P. 587–589.

[250] Suite du Mémoire de M. d'Iberville sur la Floride. Novembre 1702 // Ibid. P. 580–582.

[251] *Frégault G.* Iberville le conquérant. Montréal, 1944. P. 374.

вести борьбу против Вирджинии и других английских колоний на Североамериканском континенте.[252]

Со своей стороны, англичане, и в первую очередь наиболее дальновидные и экспансионистски настроенные политики и торговцы Южной Каролины (и других колоний), на рубеже XVII–XVIII вв. постепенно начинали все более отчетливо представлять ту тактическую и стратегическую угрозу, которую несло для них французское присутствие в низовьях Миссисипи. Еще в августе 1701 г. губернатор Южной Каролины Джеймс Мур предупреждал колониальную ассамблею о том, что колония «и во время войны и во время мира <...> безусловно, всегда находится в опасности, под угрозой нападений, не надеясь особенно, что войска ее защитят даже в мирное время. Все это будет длиться до тех пор, пока французы живут так близко от нас <...> достаточно вспомнить о соседстве французов из Канады и жителей Новой Англии».[253] В уже упоминавшейся нами записке о состоянии французских поселений в Северной Америке, составленной в 1707 г. Дж. Дадли, говорилось: «Несмотря на их [французов. — *Ю. А.*] небольшое число, они с помощью своих священников и иезуитов управляют всеми индейцами внутренних районов <...> и благодаря своей торговле и недавнему открытию реки Миссисипи образовали в некотором смысле окружность, охватившую все английские колонии от Новой Англии до Вирджинии».[254] В то же время у коммерсантов и плантаторов Чарльстона имелись и свои собственные агрессивные планы в отношении западных земель, для осуществления которых в первую очередь нужно было покончить с влиянием французов среди индейских племен юго-востока.

Однако на протяжении всей войны и Лондон, и Париж практически не уделяли внимания этому сугубо периферийному региону. Записки Ибервиля и его единомышленников остались лежать без движения. Поглощенному европейскими делами, Ж. де Поншартрену было не до грандиозных заморских проектов. В свою очередь, лондонские министры и лорды-собственники Южной Каролины также не спешили выполнять пожелания небольшой группы чарльстонских торговцев, заинтересованных в развитии экспансии в западном направлении и не принимали близко к сердцу опасения насчет проникновения французов в далекий «тыл» английских поселений.

---

[252]См.: Projet sur la Caroline // Archives des Colonies. Série C^{11}A. Registre XX. F. 224.

[253]Цит. по: *Crane V. W.* The Southern Frontier, 1670–1732. Ann Arbor, 1964. P. 74–75.

[254]Memorial referring to the French Settlement in America // Calendar of State Papers. Colonial Series. Vol. XXIII. P. 590–591. No 1186. I.

Наступление Южной Каролины: походы на Сан-Аугустин и в Страну апалаче

В сложившейся ситуации преимущество было у той стороны, которая не только разрабатывала агрессивные планы, но и имела возможность претворять их в жизнь. Такой стороной была Южная Каролина. Сразу же после получения известия о начале войны в Европе губернатор Мур заявил о необходимости немедленно предпринять нападение на Сан-Аугустин, которое, с его точки зрения, должно было стать первым шагом к изгнанию и испанцев и французов с юго-востока континента. Мур заявил колониальной ассамблее, что «взятие Сен-Аугустина, прежде чем он будет усилен французскими войсками, откроет <...> легкий и простой путь удалить французов <...> из их поселений на южной стороне бухты Апалатиа [т. е. Мексиканского залива. — *Ю. А.*]».[255] Кроме политических и стратегических соображений у Мура имелся и значительный личный интерес к этому делу, так как он надеялся на богатую добычу, а главное рассчитывал, что ему удастся приобрести новых рабов. В этом смысле, как выразился В. У. Крейн, Мур был «типичным англо-американским экспансионистом».[256]

Осенью 1702 г. в Южной Каролине была быстро организована экспедиция против испанцев, в которой участвовало 500 волонтеров и 300 индейцев ямасси (по другим данным 600 волонтеров и 600 индейцев) под командованием полковника Роберта Дэниэла и самого губернатора Мура. Передвигаясь вдоль побережья на небольших судах, в начале октября они буквально смели все испанские миссии к северу от Сан-Хуана, а уже 27 октября подошли к Сан-Аугустину. Англичане легко захватили сам городок, но ничего не могли поделать с замком Сан-Маркос, испанской цитаделью, которую губернатор Суньига хорошо подготовил к обороне. К концу второго месяца осады, проводившейся весьма вяло и неэффективно, к Сан-Аугустину на помощь пришла испанская эскадра из Гаваны, состоявшая из двух больших военных кораблей и двух транспортов. Испанцы блокировали в гавани слабо вооруженные английские суда. В этой ситуации Муру пришлось их сжечь, снять осаду и по суше уходить назад.[257]

Известие об осаде Сан-Аугустина вызвало беспокойство в Версале. Поншартрен опасался, что вслед за этим может последовать

---

[255] *Crane V. W.* Op. cit. P. 75.

[256] Ibid. P. 76.

[257] Отчет об экспедиции Мура см.: Michael Cole to William Blathwait. Carolina, February 8, 1703 // Calendar of State Papers. Colonial Series. Vol. XXI: America and West Indies, 1702–1703. P. 182–183. No 303.

атака на французские посты в Луизиане, а может быть, и «прорыв» англичан к испанским владениям в Мексике и на островах Карибского моря. 7 марта 1703 г. он писал Ибервилю: «Это событие показывает нам необходимость напасть на Каролину или предпринять что-нибудь еще, что может остановить англичан».[258] Неутомимый канадец сразу же предложил министру свои услуги. Он заявил, что необходимо как можно скорее прийти на выручку Сан-Аугустину или отбить его, если неприятель уже завладел им; после этого нужно установить контроль над Пенсаколой, чтобы ни в коем случае не допустить ее перехода в руки англичан. После этого Ибервиль предлагал перейти в наступление и захватить Чарльстон.[259] Поншартрен одобрил проект заслуженного ветерана и поручил ему начать подготовку этой операции.

Тем временем в мае пришло известие о том, что атака на Сан-Аугустин провалилась. В связи с изменением обстановки министр поручил д'Ибервилю отправиться в Луизиану, доставить туда подкрепления и выяснить на месте, что следует предпринять против англичан.[260] Однако по разным причинам приготовления к этой экспедиции затянулись. Сначала корабли, которые должны были отправиться в Луизиану, потребовались для охраны французского побережья, затем отплытие было задержано из-за болезни командующего. В конце концов акция была отложена.

Правда, в Версале помнили о той опасности, которую несло в себе присутствие англичан на юго-востоке континента. В начале марта 1704 г. министр писал д'Ибервилю: «Хорошо было бы уповать на то, что можно изгнать англичан, которые обосновались на побережье Мексиканского залива. Вовсе не следовало бы, чтобы эта нация находилась между испанцами и нами».[261] Известно, что в конце весны 1704 г. составленный д'Ибервилем план совместной франко-испанской операции против Южной Каролины был направлен в Мадрид. Однако с каждой новой военной кампанией положение Людовика XIV и его внука Филиппа V в Европе становилось все труднее, и на решение второстепенных колониальных проблем у них просто не было сил.

В то же время, несмотря на неудачу под Сан-Аугустином, власти Южной Каролины не собирались отказываться от своих агрессивных планов. Они пытались привлечь к ним внимание Лондона, надеясь, как и их коллеги из северных и центральных колоний, на

---

[258] Цит. по: *Frégault G.* Iberville le conquérant. P. 376–377.
[259] Ibid. P. 377–378.
[260] См.: Pontchartrain à Iberville. Le 17 juin 1703 // Mémoires et documents... Vol. IV. P. 632–633.
[261] Цит. по: *Frégault G.* Iberville le conquérant. P. 382.

помощь метрополии. 28 января 1703 г. губернатор и ассамблея направили правительству специальный меморандум, где говорилось о необходимости захвата Пенсаколы и «новой французской колонии» (т. е. Мобиля), заверяя, что «это сделает Ее Величество абсолютной и полновластной госпожой всего континента вплоть до реки Миссисипи <...> и принесет огромные выгоды от торговли пушниной и шкурами в этих местах».[262]

Надо сказать, что идея завоевания испанских владений во Флориде также была не чужда английским колониальным чиновникам. В частности, об этом говорилось в упоминавшейся выше записке Р. Куэри, который заявлял, что, во-первых, необходимо всячески подстрекать индейцев из Южной Каролины к нападениям на испанцев, а во-вторых, следует предпринять атаку на Сан-Аугустин. «Захват этого места», по его словам, «имеет огромное значение не только для Каролины, но и для всех владений Ее Величества на этом материке <. . . > Это положит предел замыслам французов, которые двигаются из Канады и отдаст [англичанам. — *Ю. А.*] внутренние районы всего континента».[263] Сам Мур в марте 1703 г. предлагал организовать новое нападение на Сан-Аугустин.[264]

Поскольку английское правительство не спешило оказывать поддержку Южной Каролине, администрация колонии (в это время Мура на его посту сменил сэр Натаниэл Джонсон) решила действовать своими средствами. Прежде всего англичане стремились подорвать влияние французов и испанцев среди индейских племен юго-востока и разрушить мир, с большим трудом установленный между ними Ибервилем и Бьенвилем.

Уже в первой половине 1703 г. дружественные англичанам крики разорили три испанские миссии: Сан-Хосе-де-Окуйя, Патали и Сан-Франсиско, расположенные в Стране апалаче (в то время так назывался район к северу и северо-западу от полуострова Флорида, включающий в себя долины рек Алабама и Апалачикола с ее притоками). В начале сентября губернатор Джонсон заявил колониальной ассамблее, что крики находятся в чрезвычайно опасном положении, и им угрожают одновременно и французы и испанцы. В ответ депутаты поручили оставшемуся не у дел Муру оправиться к дружественным индейцам и совместно с ними организовать более крупное нападение на Страну апалаче. Однако из-за нехватки средств (после похода на Сан-Аугустин долг колонии составлял 26 тыс. фунтов)

---

[262] Цит. по: *Crane V. W.* Op. cit. P. 77.

[263] Colonel Robert Quary to the Lords of Trade. New York, June 16, 1703 // Documents Relative to the Colonial History of the State of New York. Vol. IV. P. 1048.

[264] См.: Minutes of Council of Jamaica. St. Jago de la Vega. March 11, 1703 // Calendar of State Papers. Colonial Series. Vol. XXI. P. 252. No 438.

ассамблея отказалась финансировать это предприятие, высказав надежду, что, может быть, Муру удастся установить английский контроль над этим районом мирными средствами.

Мур, с одной стороны, хорошо понимавший значение установления английского контроля над племенами, живущими между Флоридой и Каролиной, а с другой стороны, явно стремившийся поднять свой несколько подорванный престиж, в конце 1703 г. на собственные средства организовал экспедицию в Страну апалаче. Правда, в ней приняло участие всего 50 белых волонтеров, но зато к ним присоединилось от тысячи до полутора тысяч индейцев.

Зимой 1703–1704 гг. отряд Мура огнем и мечом прошел по Стране апалаче. Все находившиеся там миссии и поселения дружественных испанцам индейцев были разграблены и уничтожены, многие их жители были убиты и замучены нападавшими. Даже англоамериканские историки признают, что поход Мура «добавил одну из самых черных страниц в историю колониальных войн».[265] Когда возглавлявший оборону миссии Айюбале францисканец Анхель де Миранда согласился сдаться и попросил Мура сохранить жизнь его подопечным, тот ответил, что не может сдержать своих индейцев, и спокойно дал перебить всех защитников этой миссии.[266]

Единственный испанский гарнизон в этом районе находился в форте Сан-Луис. Оттуда навстречу англичанам был послан небольшой отряд капитана Х. Р. де Мексиа, состоявший из 30 солдат и 400 индейцев. В стычке Мур, располагавший более чем двукратным перевесом, нанес поражение испанцам и заставил их отступить. Однако упорное сопротивление Мексиа удержало его от нападения на сам форт Сан-Луис.

В результате этой операции англичане практически покончили с испанским влиянием в Стране апалаче (под контролем испанцев остались только поселения, находившиеся в непосредственной близости от форта Сан-Луис). Сам Мур докладывал, что эта страна «теперь доведена до такого слабого состояния, что она не может ни снабжать Сан-Аугустин продовольствием, ни <...> угрожать нам».[267] Нападавшие захватили богатую добычу, прежде всего в виде серебра из испанских миссий и большого количества пленных (325 взрослых мужчин и множество женщин и детей), значительная часть которых попала на рынок рабов в Чарльстоне. Кроме того, напуганные зверствами англичан и их индейских союзников многие небольшие племена Страны апалаче и ее окрестностей поспешили заявить властям Южной Каролины о своей преданности. Некоторые из них

[265] *Leach D. E.* Arms for Empire. P. 126.
[266] См.: *TePaske J. J.* Op. cit. P. 113.
[267] Цит. по: *Weir R. M.* Colonial South Carolina: A History. Millwood, 1993. P. 81.

были в последующем расселены в нижнем течении реки Саванна, на границах английских владений.

Что касается отношений англичан и французов, то на первом этапе Войны за испанское наследство конфликт между ними сводился главным образом к тому, что и те и другие стремились привлечь на свою сторону племена, обитавшие на территории современных штатов Алабама и Миссисипи, к западу от английских и к северу и северо-востоку от французских поселений.

Как мы помним, в 1702 г. французы смогли примирить своих союзников чокто с проанглийски настроенными чикасо и таким образом несколько укрепить свои позиции. Однако данная ситуация не устраивала Чарльстон. В мае 1703 г. Н. де Ла Саль с тревогой сообщал Поншартрену, что «англичане делают все возможное, чтобы заключить союз с шикаша [чикасо], которые наводят ужас на все другие нации <...> а поскольку французам нечего им дать, они перестали посещать Мобиль».[268] В последующие несколько лет Бьенвиль и его люди отчаянно пытались сохранить хрупкий мир на границах, однако имея в своем распоряжении весьма ограниченные ресурсы бедной и слабой Луизианы им было очень трудно противостоять англичанам. В свою очередь, те всячески старались поссорить с французами и их союзниками как можно больше племен, организовывая самые настоящие провокации. Например, летом 1703 г. подстрекаемые англичанами алабама напали на нескольких людей из Мобиля, прибывшим в их поселение, чтобы купить зерно.

В августе 1705 г. администрации Южной Каролины удалось заключить договор с криками, причем в этом документе (по крайней мере в его английском варианте) говорилось не только о «сердечном союзе» бледнолицых и краснокожих, но также о подчинении этого крупного племенного объединения английской короне. Кроме того, крики обещали администрации Южной Каролины поддержку против французов и испанцев.[269]

Крупным успехом англичан было возобновление вражды между чикасо и чокто, которую они всячески старались раздуть. В начале 1705 г. между этими племенами произошла небольшая стычка, в результате которой в руках чикасо оказалось некоторое количество пленников. Англичане немедленно купили их по максимальной цене и постарались придать это дело огласке. Чокто организовали

---

[268] La Salle au ministre. Mobile, le 20 mai 1703 // Archives des Colonies. Série C^{11}A. Registre XX. F. 395.

[269] См.: The Humble Submission of Several Kings, Princes, Generals, etc. to the Crown of England. London, 1707.

ответное нападение.[270] Правда, зимой 1705–1706 гг. Бьенвилю удалось заставить представителей этих племен выкурить трубку мира в Мобиле, однако весной 1706 г. мир на границах Луизианы был окончательно разрушен. В марте 1706 г. чикасо вступили на тропу войны. Осенью 1705 г. под руководством Томаса Уэлча и еще нескольких торговцев из Южной Каролины они вместе с язу, талапоса, алабама и другими «английскими» индейцами совершили крупномасштабный рейд против чокто, уничтожив несколько поселений и захватив множество пленных, которые немедленно попали на рынок рабов в Чарлстоне.[271] Кроме этого, было организовано множество мелких набегов (уже без участия белых). Их жертвами помимо чокто стали небольшие племена, жившие в районе реки Аппаличикола (апалаче, таваса, чато и др.), которые в результате были вынуждены перебираться ближе к Мобилю. В 1706 г. союзные англичанам индейцы проникли в районы, прилегающие непосредственно к Миссисипи, и напали на племена таэнса и туника, вынудив их откочевать ближе к устью реки, где их прикрывали французские форты.

Стремясь сохранить французское влияние среди индейцев, являвшихся основным барьером Луизианы, Бьенвиль организовал несколько ответных атак. Однако в целом к середине 1700-х годов англичане существенно укрепили свои позиции среди племен юго-востока.

Нападение на Чарльстон

В 1706 г. французы и испанцы предприняли попытку захвата Чарльстона. Однако ни французское правительство, ни администрация Новой Франции не имели к ней никакого отношения.

Инициатива в данном случае исходила от испанских колониальных властей, которые после событий 1702–1703 гг. несколько раз поднимали вопрос об организации нападения на Каролину. В частности, в июле 1704 г. Военный совет (Junta de Guerra) направил соответствующие директивы вице-королю Новой Испании герцогу де Альбукерке, и предложил администрации Флориды наладить с этой целью взаимодействие с Новой Францией (последнее, правда, было высказано только как пожелание, а не как приказ). В тот момент никаких конкретных шагов предпринято не было, но на следующий год новый губернатор Флориды Ф. де Корколес-и-Мартинес получил инструкции совместно с вице-королем и губернатором Кубы разра-

[270] *La Harpe J.-B. Bénard, de.* Journal historique de l'établissement des Français à la Louisiane. Nouvelle-Orléan, 1831 (fév. 1705)
[271] Ibid. (07/01/1706).

ботать план нападения на английские поселения. Нехватка людей и средств и на этот раз не позволила предпринять какие-либо наступательные действия, и в этой ситуации испанцы решили прибегнуть к помощи французских каперов, которые периодически посещали их порты.[272] Еще в 1704 г. тогдашний губернатор Флориды Суньига обсуждал возможность совместного нападения на Чарльстон с неким Франсуа Тристаном.[273]

В середине лета в Сан-Аугустин из Гаваны прибыла эскадра корсара Жака Лефевра, состоявшая из пяти французских каперских кораблей, на которых находился небольшой отряд испанских солдат, выделенный губернатором Кубы (в английских документах фигурирует цифра 800, но она явно завышена). Корколес дал Левефру еще одно вспомогательное судно, несколько лодок и 30 солдат. В Сан-Аугустине к экспедиции присоединилось еще несколько десятков индейцев.

20/31 августа Лефевр взял курс на север. По дороге «Ля Брийянт», один из французских кораблей, на котором находилось 200 солдат и размещался командующий сухопутными силами Арбуссэ (в некоторых источниках его называли «генералом»), отстал от эскадры и был атакован голландским каперским судном. «Ля Брийянт» отбил нападение и продолжил следовать намеченным курсом, однако этот неожиданный инцидент, как оказалось, имел очень большое значение для последующего развития событий.

27 августа / 7 сентября корабли эскадры Лефевра подошли к Чарльстону. Власти Южной Каролины заблаговременно получили информацию о готовящемся нападении и подготовились к обороне. Были усилены городские укрепления, выставлены дозоры. Как только был получен сигнал о приближении неприятеля, администрация объявила военное положение. В Чарльстоне стали собираться отряды милиции.

На следующий день Лефевр, корабли которого бросили якорь у Фолли-Айленда, прислал в город парламентера с предложением сдаться. Узнав, что нападающие дают ему лишь час на размышление, губернатор Джонсон заявил, что ему не потребуется «ни четверти часа, на даже одной минуты», так как он принял решение обороняться.[274]

После того как требование капитуляции было отвергнуто, утром 29 августа / 9 сентября французы и испанцы начали высадку. Однако у нападающих не было ни четкого плана, ни единого командо-

[272]См.: *TePaske J. J.* Op. cit. Durham, 1964. P. 116–117.

[273]См.: Ibid.

[274]An Impartial Narrative of the late Invasion of South Carolina by the French and Spaniards. Aug. 1706 // Calendar of State Papers, Colonial Series. P. 250. No 517. I.

вания. Небольшая группа, появившаяся на Джеймс-Айленде, была немедленно атакована колониальной милицией и была вынуждена ретироваться. Более крупный отряд высадился на перешейке между рекой Уондо и океаном. Солдаты (а скорее всего матросы с каперских судов) начали грабить и жечь дома и склады и непредусмотрительно остались ночевать на берегу, даже не выставив никаких дозоров. Ночью они были атакованы англичанами, которые, захватив нападавших врасплох, частью перебили их, частью обратили в бегство.

Воодушевленные своими успехами, англичане решили организовать нападение на неприятельские корабли и попытаться их поджечь. 31 августа / 11 сентября полковник Уильям Ретт с несколькими небольшими судами и брандером двинулся к франко-испанской эскадре. Однако сражения не получилось. Понеся значительные потери, Лефевр решил больше не испытывать судьбу и дал приказ поднимать якоря.

Через несколько дней, после того как корабли Лефевра покинули Чарльстон, к столице Южной Каролины подошел «Ля Брийянт». Не подозревая о том, что основные силы уже возвращаются обратно к Сан-Аугустину, Арбуссэ приказал бросить якорь в бухте Сиуи-бэй к востоку от города. Оттуда он повел своих солдат к Чарстону, надеясь захватить его неожиданной атакой. Но англичане, воодушевленные своим предыдущим успехом, обрушились на французский отряд в районе Холибаш, окружили его и заставили капитулировать. В это же время другая группа милиционеров напала на стоявший на якоре «Ля Брийянт» и захватила его.

Победа англичан была полной. В их руках оказалось около 300 пленных; кроме того, нападавшие потеряли более 30 человек убитыми. Южная Каролина надежно обеспечила свою безопаснось. Ни у французов, ни у испанцев в этом регионе не было крупных сил, которые можно было бы использовать для нападения на эту колонию, а каперам и небольшим отрядам колониальных войск она была явно «не по зубам».

После 1706 г. англичане из Южной Каролины решили активизировать свои действия и нанести решающий удар по испанским и французским позициям в западной части Флориды и в Луизиане. Летом и осенью 1707 г. англичане, действуя руками своих индейских союзников, дважды пытались захватить Пенсаколу, однако оба раза терпели поражение. В первом случае несколько сотен талапооса, направляемые английскими торговцами, смогли лишь разорить окрестности испанского форта и захватить полтора десятка пленных. Во второй раз атака была организована лучше. Пенсакола была осаждена «по-настоящему», но у индейцев не хватило терпения

довести операцию до конца. В свою очередь, Бьенвиль, узнав об осаде Пенсаколы, поспешил на выручку испанцам. Правда, когда его отряд прибыл к форту, осада была уже снята, однако эта акция продемонстрировала англичанам и индейцам солидарность подданных Людовика XIV и его внука Филиппа V.

Несмотря на неудачи под стенами Пенсаколы, жители Южной Каролины не отказывались от своих агрессивных планов. В ноябре 1707 г. колониальная ассамблея единодушно заявила о том, что «абсолютно необходимо» изгнать французов из Мобиля.[275] К этому времени власти колонии выработали целую программу действий на западе. Ее авторами были уже упоминавшийся нами путешественник и торговец Томас Уэлч и колониальный агент по делам индейцев Томас Нейрн, которого Д. Э. Лич назвал «самым амбициозным и наделенным самым богатым воображением <...> империалистом Южной Каролины».[276] С их точки зрения, прежде всего нужно было постараться привлечь на сторону англичан главных индейских союзников французов (чокто и др.) или хотя бы заставить эти племена соблюдать нейтралитет. С этой целью Нейрн предлагал собрать небольшой отряд английских волонтеров и армию союзных индейцев, которые должны были совершить поход к Миссисипи, а затем подняться по этой реке приблизительно до 36° СШ. Это должно было разрушить все торговые и политические контакты французов с племенами этого региона, изолировать Мобиль и подготовить его захват. Следующим шагом англичан, с точки зрения Нейрна, должно было стать сооружение торговых факторий на реке Теннеси, которые обеспечили бы торговцам из Южной Каролины прочные позиции на подступах к Миссисипи. Хотя сам Нейрн не упоминал об этом, В. У. Крейн отмечает, что в случае реализации этого плана французская программа окружения английских колоний потерпела бы крах.[277]

К «программе окружения» мы еще вернемся, а пока отметим, что реализации этого проекта помешал острый конфликт между Нейрном и губернатором Джонсоном, вызванный сугубо внутренними причинами. Правда, весной 1708 г. Нейрн и Уэлч попытались с помощью подарков, средства на которые были выделены колониальной ассамблеей, склонить профранцузски настроенные племена, жившие в нижнем течении Миссисипи (арканза, турима, таэнса, натчей, часть язу и др.) к союзу с англичанами. Однако их миссия имела лишь относительный успех. Индейцы охотно принимали подарки от англичан и соглашались торговать с ними, но категорически отка-

[275] *Crane V. W.* Op. cit. P. 89.
[276] *Leach D. E.* Arms for Empire. P. 138.
[277] *Crane V. W.* Op. cit. P. 90.

зывались не только участвовать в нападении на Мобиль, но даже соблюдать нейтралитет.

В то же время Бьенвиль, обеспокоенный этой активностью англичан, стал спешно приводить в боевую готовность свои укрепления, а также снова попытался восстановить мир между чокто и чикасо. Понимая, что на помощь от метрополии надеяться особенно не приходится, он обратился к властям Новой Мексики с просьбой прислать ему боеприпасы и товары, необходимые для торговли с индейцами.

Можно только гадать ка́к развивались бы события дальше, если бы в июне 1708 г. Джонсон не арестовал Нейрна, предъявив ему обвинения в якобитских симпатиях и заговоре против королевы. Южная Каролина лишилась своего самого активного индейского агента, и ее экспансионистские планы были на время отложены. Правда, находясь в заключении, Нейрн помимо многочисленных жалоб и петиций в разные инстанции составил пространную записку, где излагал свою точку зрения на перспективы продвижения англичан в глубь Североамериканского континента.

В этой записке, адресованной правительству, Нейрн заявлял, что только Южная Каролина с помощью торговли, равно как и используя другие средства, может остановить расширение владений и сферы влияния французов, которое происходит, с одной стороны, за счет английских, а с другой стороны, за счет испанских колоний. Он указывал, что эта колония занимает исключительно важное стратегическое положение, являясь одновременно границей против французов и против испанцев. В этой связи он считал целесообразным ввести в Южной Каролине королевское управление, так как лорды-собственники, с его точки зрения, пренебрегали нуждами колонии. Следующим шагом должна была стать колонизация тех районов Южной Каролины, которые расположены на границе с испанской Флоридой, а в дальнейшем — продвижение английских поселенцев в Страну апалаче и далее на запад к Миссисипи. Кроме того, Нейрн повторял и развивал свои идеи, касающиеся установления английского контроля над долиной реки Теннеси и сооружения там торговых постов, которые бы позволили нанести удар по французской коммерции. При этом Нейрн выступал сторонником взаимодействия колоний в вопросах обороны. Он писал: «Всем частям английских владений <...> следует полностью поддержать интересы друг друга во всем, что касается нашей общей защиты от французов и их союзников». К записке была приложена карта с целью «дать окончательные пояснения вашей светлости, для того чтобы вы могли составить себе представление о том, какой частью континента мы владеем в сей момент, а какой нет; исходя из этого, ваша светлость сможет так составить статьи мирного договора, дабы Американская Импе-

рия Англии не была необоснованно ущемленной». С точки зрения Нейрна на мирных переговорах англичане должны были настаивать на передаче им Мобиля и признания за ними прав на все территории, которые входят в орбиту их торговых контактов.[278]

Хотя в тот момент правительство не придало большого значения идеям Нейрна, в дальнейшем (в начале 1720-х годов) они были использованы для выработки английской политики по отношению к западным районам континента.

В последние годы войны конфликт между англичанами и французами в этом регионе сводился главным образом к мелким стычкам, основными участниками которых с обеих сторон были индейцы. Лишь в 1711 г. власти Южной Каролины организовали крупномасштабную карательную экспедицию против чокто, в которой приняло участие около 1300 криков, чикасо, коуэта и других дружественных англичанам индейцев, действиями которых руководили Томас Уэлч и капитан Теофилус Хастингз. Чокто, предупрежденные о нападении, заблаговременно покинули свои поселения. Нападающим пришлось ограничиться грабежом и разрушением брошенных деревень.

Однако в целом позиции англичан на подступах к Мобилю и их авторитет среди индейцев продолжали укрепляться, и в Чарльстоне снова стали подумывать об изгнании французов из Луизианы. Весной 1712 г. до Бьенвиля дошли слухи о готовящемся нападении англичан. Приложив все свои дипломатические способности, он сумел восстановить союз с алабама и абихка, оградив, таким образом, ближайшие подступы к Мобилю. Однако по непонятным причинам до конца войны нападения так и не последовало. Параллельно с этим англичане из Южной Каролины продолжали распространять свое влияние на юг — на территории, ранее находившиеся под испанским контролем.[279]

Рассматривая события, происходившие на юго-востоке современных США в годы Войны за испанское наследство, следует признать, что борьба между англичанами из Южной Каролины и французами из Луизианы объективно велась за господство над внутренними районами Североамериканского континента и его стержнем — бассейном Миссисипи (хотя далеко не все современники отдавали себе в этом отчет). И тот факт, что французы, несмотря на свою слабость и крайнюю малочисленность, смогли удержать свои позиции, стал залогом всего последующего развития Луизианы.

В то же время отношение французского правительства к Луизиане в период войны, на наш взгляд, показывает, что у Версаля

[278] *Crane V. W.* Op. cit. P. 93.

[279] См., напр.: *Стартевант У. К.* Из криков в семинолы // Североамериканские индейцы. М., 1978. С. 76–77.

в первое десятилетие XVII в. отсутствовала четко сформулированная и тем более последовательно проводимая политика в отношении внутренних районов Североамериканского континента, включения их в орбиту колониальной экспансии Франции и сдерживания таким образом англичан в пределах полосы между Атлантикой и Аллеганами. Возникновение и развитие Луизианы, а главное продвижение французов в долину Миссисипи и создание в результате этого препятствия для английской экспансии на запад, было не только результатом планомерного выполнения установок Людовика XIV и его министров, но следствием ряда объективных и субъективных причин.

Лондон вообще не имел никакого плана действий в отношении американского юго-востока. Мы не можем согласиться с точкой зрения современного французского специалиста Б. Люгана, который утверждает, что в отношении данного региона англичане и жители Южной Каролины в середине 1700-х годов преследовали следующие три задачи. Во-первых, заключение союзов с индейскими племенами долины Теннеси, включение этих территорий в сферу английского влияния и строительство там линии фортов. Во-вторых, продвижение дальше к Миссисипи с целью создания там постов, что позволило бы прервать связь между Канадой и Луизианой и таким образом изолировать последнюю. В-третьих, организация рейдов и экспедиций за рабами против союзных французам племен, чтобы заставить их перейти на сторону англичан; после чего с помощью индейцев организовать нападение на Мобиль и изгнать профранцузски настроенные племена из низовьев Миссисипи.[280] На наш взгляд, Б. Люган совершенно неоправданно принимает отдельные спорадические акции за часть какой-то продуманной стратегии и смешивает интересы небольшой (меньше, чем в Нью-Йорке и других северных и центральных колониях) группы «экспансионистов», состоящей из торговцев и чиновников, и позицию правительства метрополии (точнее, ее отсутствие). Последнее обстоятельство, и в этот период и в последующем в определенной степени способствовало укреплению французских позиций в долине Миссисипи.

Военные действия на Ньюфаундленде и на побережье Гудзонова залива

В период Войны за испанское наследство на Ньюфаундленде происходили события, очень сильно напоминающие те, которые имели место в ходе предыдущего конфликта. Англичане пытались атако-

[280] *Lugan B.* Histoire de la Louisiane française, 1682–1804. Paris, 1994. P. 64–65.

вать посты своих противников и конкурентов с моря, те отвечали ударами с суши. При этом ни одна, ни другая сторона не смогла полностью вытеснить соперника с острова (хотя, как и в прошлый раз, французы были близки к этому).

Все началось с серии английских атак. В 1702 г. коммодор ньюфаундлендского конвоя Дж. Лик был назначен временным губернатором острова и главнокомандующим находящимися там английскими войсками. В конце августа с сильной эскадрой (пять 50-пушечных линейных кораблей, два 32-пушечных фрегата и два вспомогательных судна) он прибыл в Бей-Буллз. Оттуда он организовал рейд против французских рыболовных станций на побережье, однако ему удалось разорить только крошечное беззащитное поселение в бухте Трепасси. Параллельно с этим другие корабли его эскадры повели настоящую охоту за французскими рыбаками, промышлявшими в районе Большой банки, и к концу октября захватили или потопили 51 судно. Однако Лик не решился нападать на Плезанс и в конце года вернулся в Англию. Со своей стороны, французы, располагавшие на Ньюфаундленде весьма незначительными силами (в 1702 г. они имели там всего 150 солдат), смогли ответить только налетом на станцию в бухте Тринити.

Зимой 1702–1703 гг. английские судовладельцы и торговцы, занимавшиеся «тресковым бизнесом» обратились к правительству с петицией, где доказывали, что «права на этот остров принадлежат Ее Величеству» и просили, во-первых, прислать на Ньюфаундленд два военных корабля для защиты английских рыбаков от возможных французских атак, а во-вторых, предлагали организовать экспедицию для захвата Пласеншии — Плезанса, что, по их мнению, можно было бы легко осуществить, имея восемь–десять военных кораблей и 400–500 гренадер.[281]

В Лондоне прислушались к этой просьбе. В марте 1703 г. приказ атаковать французские посты на Ньюфаундленде получил вице-адмирал Дж. Грейдон. Его эскадра (33 вымпела), с большим трудом собранная на Ямайке, прибыла в район Плезанса в начале августа. Однако на военном совете было принято решение отказаться от операции. Помимо плохого состояния кораблей, болезней среди команд (которые к тому же были недоукомплектованы), определенное воздействие на английских командиров оказали рассказы рыбаков с захваченного ими малуинского судна о том, что будто бы в Плезансе сосредоточены очень крупные силы. Последнее абсолютно не соответствовало действительности. Летом 1703 г. у французов на

[281] Newfoundland merchants to the Council of Trade and Plantations. London, February 11, 1703 // Calendar of State Papers. Colonial Series. Vol. XXI. P. 189–190. No 316.

Ньюфаундленде не было ни одного военного корабля, численность гарнизонов оставалась такой же, как и в прошлом году, а состояние фортов оставляло желать лучшего.

В 1704 г. к активным действиям перешли французы. Губернатор Плезанса Д. д'Оже де Сюберказ (в дальнейшем ставший последним губернатором Акадии) еще с начала войны выдвигал идею нападения на Сент-Джонс. Однако, не имея значительных сил, он вынужден был ограничиваться небольшими рейдами «в канадском стиле» против слабо защищенных английских рыболовных станций на восточном побережье острова. Так, отряд под командованием сьёра де Ля Гранжа атаковал Бонависта, уничтожил находившиеся там дома и сушильни и захватил английский военный корабль, стоявший на якоре в бухте. Сам Сюберказ осенью 1704 г. совершил успешный налет на Бей-Буллз и Петти-Харбор.

В конце 1704 г. в Плезанс из Квебека прибыл небольшой (около 100 человек) отряд ополченцев, и Сюберказ решил попробовать реализовать свой замысел. В начале января, имея в своем распоряжении 450 человек, он выступил в поход. Быстро захватив поселения в Бей-Буллз и Петти-Харбор, французы 31 января подошли к Сент-Джонсу. Они довольно легко и быстро заняли поселение и батареи, прикрывающие вход в бухту, однако не смогли взять английскую цитадель — форт Уильям. Больше месяца Сюберказ простоял под стенами этого укрепления, надеясь, что ему будут доставлены мортиры и боеприпасы, и пытаясь в то же время организовать решающий штурм. Однако ни того, ни другого не произошло, и в начале марта он был вынужден отдать своим людям приказ возвращаться в Плезанс, опасаясь появления английских рыбаков и конвоя. Французские и английские источники совершенно по-разному оценивают соотношение сил и потери сторон в ходе осады. Любопытно, что в одном и том же томе «Канадского биографического словаря» в статье, посвященной Сюберказу, говорится о 380 осаждавших, а в статье, о лейтенанте Дж. Муди, возглавлявшем оборону форта Уильям, о 600; при этом французские потери оцениваются в 200 человек.[282]

Пока шла осада, небольшой отряд, возглавлявшийся канадским офицером Ж. Тестаром де Монтиньи (участником предыдущей компании на Ньюфаундленде под руководством Ибервиля), прошел по восточному и северному побережью острова и разрушил все английские поселения и рыболовные станции вплоть до Бонависта, за исключением одного поста на мысе Карбониар.

---

[282]Ср.: *Baudry R.* Auger de Subercase Daniel d' // Dictionary of Canadian Biography. Vol. II: 1701–1740. Toronto; Québec, 1969. P. 35–39; *Godfrey M.* Moody John // Ibid. P. 486–487.

Несмотря на неудачу под стенами форта Уильям, за неполных три месяца французы нанесли колоссальный ущерб своим противникам. Было захвачено, потоплено или сожжено до 2 тыс. английских рыболовных судов и лодок, до 1 тыс. человек взято в плен (правда, поскольку их было нечем кормить, в Плезанс доставили только 80, остальных отпустили восвояси), общая сумма убытков англичан составила 4 млн ливров.

Однако французы не имели возможности закрепить успех, и англичане довольно быстро восстановили свои позиции (хотя и не в полном объеме — их промысел оказался в глубоком кризисе). Несколько лет на острове сохранялось определенное равновесие. Силы сторон были примерно равны. Обе располагали лишь незначительными гарнизонами, не предназначенными для наступательных действий. Конечно, англичане могли использовать ньюфаундлендский конвой, но это не всегда получалось (помимо всего прочего свою роль играло то обстоятельство, что осенью корабли спешили уйти обратно в Англию до наступления сезона штормов). Французы, в распоряжении которых имелись ополченцы и индейцы, находились в более выгодном положении. Что касается правительств, то ни Лондон, ни Париж не спешили направлять к побережью Ньюфаундленда какие-либо дополнительные силы, хотя по обе стороны Ла-Манша прекрасно понимали экономическое и стратегическое значение острова.

В ходе войны английские купцы, судовладельцы, военные не раз выдвигали проекты организации экспедиций, целью которых было полное изгнание конкурентов с острова и прилегающих отмелей. В октябре 1706 г. такой план выдвинул командир гарнизона Сент-Джонса майор Томас Ллойд. Правительство не поддержало его, и тогда он сам организовал поход против французских рыболовных станций на северном побережье Ньюфаундленда (в районе Пти-Нор). Кроме того, англичане захватили небольшой островок Сен-Пьер.

Кроме Ллойда идею нападения на Плезанс и изгнания французов с Ньюфаундленда активно пропагандировал Мишель де Бёро де Монсегюр — гугенот из Байонны, обосновавшийся в Англии. В октябре 1707 г. ему даже удалось привлечь к ней внимание графа Ч. Сандерленда (хотя, как мы помним, тот прохладно относился к колониальным экспедициям), однако в итоге ничего не было сделано. В дальнейшем в 1708–1709 гг. различные планы, так или иначе касающиеся Ньюфаундленда, неоднократно выдвигал отставной морской офицер Томас Икинз, а также некий Саймон Клемент. Последний в 1709 г. написал трактат, озаглавленный «Размышления о современном состоянии нашей рыбной ловли на Ньюфаундленде», где доказывал, что Англия должна захватить в свои руки весь промысел в

районе Большой банки, для чего необходимо изгнать французов не только из Плезанса, но также из Квебека и Пор-Руайяля. Клемент особо подчеркивал, что если англичане не смогут осуществить это в ходе войны, то следует добиваться уступки им этих мест на мирных переговорах.

Пока англичане строили планы, французы действовали. В июле 1707 г. капитан Дегрэ де Сурдёваль выбил их с острова Сен-Пьер. В 1708 г. в Плезанс прибыло четыре корабля, в том числе фрегат королевского флота «Венюс», а также несколько десятков солдат из Акадии. Решив воспользоваться такой ситуацией, губернатор Ф. Пастур де Котбель сформировал отряд из 170 солдат, ополченцев, рыбаков, матросов, каперов, поселенцев и индейцев. Это пестрое воинство возглавил его помощник лейтенант Жозеф Момбетон де Бруйян, по прозвищу Сент-Овид (племянник Жака-Франсуа Момбетона де Бруйяна). Действуя по уже хорошо отработанной схеме, в разгар зимы французы подошли к Сент-Джонсу, и на рассвете 2 января 1709 г. неожиданно для противника появились у стен укреплений. Фактор внезапности оказался решающим — захваченный врасплох неприятель не оказал серьезного сопротивления. По свидетельству очевидцев, командир гарнизона майор Ллойд выскочил из своего дома в ночной рубашке и бросился на вал, с криком «Огонь, парни!», был ранен и после обмена несколькими выстрелами согласился на капитуляцию.[283]

Однако французы понимали, что их сил явно недостаточно для того, чтобы удержать Сент-Джонс. После некоторых колебаний Пастур де Котбель приказал отряду Сент-Овида возвращаться в Плезанс. Перед тем как уйти, французы частью разрушили, частью сожгли все укрепления Сент-Джонса, вывезли оттуда все пушки и боеприпасы и заставили жителей присягнуть Людовику XIV (на рубеже XVII–XVIII вв. англичане перевезли на Ньюфаундленд группу ирландских католиков, которые охотно переходили на сторону французов). Как и четырьмя годами раньше, французы организовали рейд против мелких английских станций на восточном берегу.

В результате этих операций позиции англичан на Ньюфаундленде были существенно ослаблены. Это не могло не вызывать тревоги в Лондоне (больше всего там были озабочены резким сокращением масштабов английского трескового промысла). Однако, как мы помним, 1709–1711 гг. были временем, когда планировались, а затем и осуществлялись экспедиции против Пор-Руайяля и Квебека, без остатка поглотившие те силы и средства, которые правительство

[283]См.: *Godfrey M.* Lloyd Thomas // Dictionary of Canadian Biography. Vol. II. P. 439.

готово было выделить для колониальных театров боевых действий. Все это время в районе Ньюфаундленда активно действовали только английские каперы, нападавшие на суда французов и грабившие их рыболовные станции. В 1711–1712 гг., когда в Европе уже полным ходом шли мирные переговоры, англичане дважды пытались блокировать Плезанс, однако оба раза Патур де Котбель отбивал эти, в общем довольно робкие, атаки.

* * *

Обстановка на побережье Гудзонова залива в 1702–1713 гг. была гораздо более спокойной, чем в период Войны Аугсбургской лиги. К началу войны англичане удерживали там форт Олбани, а французы — захваченный Ибервилем форт Бурбон. Силы сторон были крайне незначительны. Например, в 1706 г. губернатор Олбани Э. Бил имел в своем распоряжении 27 человек, у его «коллеги» из Бурбона Ж.-Б. Ле Муана де Мартиньи было на три человека больше. Ни торговые компании, ни правительства двух стран не проявляли сколько-нибудь заметного интереса к активным действиям в районе Гудзонова залива.

Единственным незначительным исключением была неудачная попытка французов (или, точнее, канадцев) захватить форт Олбани. В 1709 г. из Квебека на север выступило девяносто ополченцев под командованием Николя д'Айбу де Манте. Однако выбить англичан из этого поста им не удалось. В стычке отряд понес значительные потери (в том числе был убит его командир); много ополченцев погибло на обратном пути от холода и голода. Следует отметить, что эта экспедиция была организована по инициативе и на средства губернатора Водрёя и преследовала не столько военные, сколько коммерческие, если ни сказать грабительские цели (Поншартрен впоследствии резко осудил эту акцию).

Что касается Компании Гудзонова залива, то, хотя она из-за серьезных финансовых затруднений не предпринимала каких-либо действий в регионе, на который она претендовала, ее руководство продолжало активно лоббировать свои интересы в Лондоне. Еще в 1709 г. компания заявила, что направит двух своих представителей «для сопровождения послов Ее Величества», когда будет готовиться мирный договор с Францией.[284] Однако данный сюжет мы рассмотрим в следующем разделе.

---

[284]См.: Council of Trade and Plantations to the Queen. Whitehall, June 2, 1709 // Calendar of State Papers. Colonial Series. Vol. XXIV. P. 323. No 554.I.

Глава 7. УТРЕХТСКИЙ МИР И СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА

Серия соглашений, завершивших Войну за испанское наследство и вошедших в историю под общим названием Утрехтского (1713) и Раштадтского (1714) мира, явилась важной вехой на пути развития многих стран и народов Европы. Она также зафиксировала важные изменения в соотношении сил держав Старого Света, произошедшие в результате войн конца XVII — начала XVIII в., и на многие десятилетия определила новые линии связей и противоречий между ними.[285] Однако целый ряд статей англо-французского договора, подписанного (вместе с четырьмя другими трактатами) в Утрехте 11 апреля 1713 г., имел отношение не только к Европе, но и к предмету нашего исследования. И хотя в ходе мирных переговоров, предшествовавших заключению данного договора, колониальные (по крайней мере североамериканские) проблемы не стояли на первом месте, дискуссии по ним носили весьма напряженный характер, а главное имели чрезвычайно важные долгосрочные последствия, о которых вряд ли задумывались дипломаты начала XVIII столетия.

Североамериканские сюжеты на предварительных мирных переговорах

Дипломатическая история Войны за испанское наследство не менее богата яркими событиями и неожиданными поворотами, чем история боевых действий между противоборствующими группировками, происходивших в ходе этого конфликта в различных точках Старого и Нового Света. Почти на всем протяжении войны между бурбонскими монархиями и участниками Великого Союза поддерживались разного рода секретные контакты и велись переговоры. Первые попытки мирного зондажа были предприняты Людовиком XIV уже в конце 1704 г., после прибытия габсбургского претендента эрцгерцога Карла в Испанию и поражения французов при Бленхейме. Военные неудачи 1705–1706 гг. заставили Короля-Солнце активизировать поиски мирного соглашения. В 1706 г. его представители вели переговоры в Голландии, предлагая союзникам очередной вариант раздела испанских владений между Карлом и Филиппом. Одновременно Людовик XIV пытался расколоть Великий Союз и заключить сепаратный мир с Республикой Соединенных Провинций. Однако

[285] См.: История Европы: В 8 т. Т. 4: Европа Нового времени (XVII–XVIII века). М., 1994. С. 217.

стремительно меняющаяся обстановка на фронтах и диаметрально противоположные позиции сторон каждый раз заводили переговоры в тупик уже на начальной стадии. В целом до конца 1708 г. никаких согласованных мирных проектов выработано не было. Нам также необходимо отметить, что проблемы Североамериканского континента в ходе всех этих переговоров практически не затрагивались.

Крайне тяжелое военное и экономическое положение, в котором оказалась Франция после военной кампании 1708 г., вынудило Людовика XIV пойти на значительные уступки своим противникам. В марте 1709 г. в Голландию с секретной миссией был отправлен президент Большого совета П. Руйе де Марбёф, который согласился с большей частью требований, выдвинутых союзниками, в том числе на удаление Филиппа из Испании, создание «барьера» между Францией и Республикой Соединенных Провинций, передачу Дюнкерка англичанам и т. д. Среди этих требований фигурировала уступка англичанам французских владений на Ньюфаундленде и признание за ними прав на все побережье Гудзонова залива.[286]

Несмотря на всю тяжесть условий, выдвинутых союзниками, в Версале было принято решение продолжать переговоры. 6 мая в Гаагу прибыл государственный секретарь по иностранным делам маркиз де Торси. Тогда же королева Анна официально назначила английскими послами в Голландии герцога Мальборо и виконта Тауншенда, поручив им согласовать условия прелиминарного мира. По поводу Североамериканского континента в их инструкциях говорилось, что они должны добиваться «возвращения» Ньюфаундленда и побережья Гудзонова залива. При этом подчеркивалось, что «справедливые права» англичан на эти районы «имеют столь большое и важное значение для нас и для наших королевств, что мы не можем дать наше согласие на мир, до тех пор пока нам не пообещают возвратить упомянутые страны и места». Послы должны были проследить, чтобы пункт о возвращении Ньюфаундленда и побережья Гудзонова залива был обязательно включен в статьи прелиминарного соглашения.[287]

В ходе переговоров Торси после некоторой борьбы согласился на уступку Ньюфаундленда, но только при условии возвращения французам их владений в Вест-Индии, захваченных англичанами в ходе

[286]См.: European Treaties Bearing on the History of the United States and Its Dependencies: In 4 vols / Ed. by F. G. Davenport. Vol. III. Washington, 1917–1936. P. 136.

[287]Instructions to John Duke of Marlborough, and Charles Viscount Townshend, Appointed Ambassadors Extraordinary and Plenipotentiary. St. James, 2nd May, 1709 // British Diplomatic Instructions, 1689–1789 / Ed. by L. G. Wickham Legg. Vol. II: France, 1689–1721. London, 1925. P. 11.

войны. Вопрос о Гудзоновом заливе он предложил вообще исключить из повестки дня и в дальнейшем передать его на рассмотрение специальной комиссии уполномоченных, которые соберутся после заключения мира.

Однако английские представители и тем более английское правительство не хотели идти ни на какие уступки. Государственный секретарь Генри Бойл писал в Гаагу: «Ее Величество весьма довольна тем, что вы настояли на том, что возвращение Ньюфаундленда и Гудзонова залива должно быть включено в прелиминарии. Но она надеется, что это подразумевает передачу всего Ньюфаундленда со всеми прилежащими к нему островами, а также соглашение о том, что Пласеншиа–Плезанс переходит во владение англичан так быстро, как только возможно». Бойл также подчеркивал, что «Британская корона имеет неоспоримые права на весь Гудзонов залив и Гудзонов пролив, и посему Ее Величество никогда не сможет отказаться от этих притязаний; и нет сомнений, что Ваши Превосходительства предпримут подходящие меры, чтобы получить немедленное удовлетворение в этом вопросе».[288]

В ходе майских переговоров 1709 г. английские, голландские и австрийские дипломаты, видя сложное положение Людовика XIV и его стремление скорее прекратить войну, оказывали достаточно сильное давление на французских представителей, выдвигая новые и ужесточая старые требования. Торси, не желая брать на себя ответственность за разрыв, предложил союзникам составить проект прелиминарного мирного договора. 28 мая 1709 г. состоящие из сорока пунктов «Гаагские прелиминарии» были подписаны Мальборо, Хейнсиусом и принцем Евгением и переданы французам. Среди прочего они предусматривали уступку англичанам Ньюфаундленда (статья XVI), однако относительно Гудзонова залива говорилось, что вопрос о его дальнейшей судьбе будет передан на рассмотрение специальной комиссии.[289]

Причину, заставившую английских дипломатов в данном вопросе отступить от своих инструкций, определить достаточно сложно. Можно предположить, что Мальборо и Тауншенд сочли вопрос принадлежности Гудзонова залива достаточно очевидным и предпочли отложить его до момента подготовки окончательного варианта мирного договора. В любом случае отказываться от своих притязаний на этот регион англичане не собирались. В письме, полученном Мальборо и Тауншендом из Лондона в конце мая 1709 г., говорилось, что, «хотя возвращение Гудзонова залива не включено в статьи прели-

[288] Henry Boyle, Secretary of State, to Marlborough and Townshend. Whitehall, 18th May 1709 // Ibid. Vol. II. P. 12–13.

[289] European Treaties... Vol. III. P. 137–139.

минариев, права Ее Величества на него столь очевидны <...> что Ее Величество будет настаивать, чтобы королевство получило полное удовлетворение в этом вопросе при заключении мирного договора и чтобы все места и колонии, которыми владеют французы в Гудзоновом заливе и Гудзоновом проливе, были переданы англичанам».[290]

Однако условия Гаагских прелиминариев и без того были крайне тяжелыми, а главное унизительными для Франции. Наряду с прочими требованиями державы Великого Союза настаивали на том, чтобы Людовик XIV поднял оружие против своего внука, если тот не откажется от всех притязаний на испанский престол. Это было выше сил Короля-Солнца. Контакты были прерваны; война продолжалась.[291]

Следующий раунд переговоров имел место в марте–июле 1710 г., когда маршал Юксель и аббат Полиньяк встретились с голландскими дипломатами В. Бёйсом и Б.-Я. Ван-дер-Дуссеном в Гертрёйденберге. Французы были готовы выполнить основные требования союзников, касающиеся отказа от всех испанских владений, и были даже согласны выдать им субсидию для ведения войны с Филиппом V, однако, как и в прошлый раз, категорически отказывались участвовать в боевых действиях против него. В свою очередь, голландцы, мстя французам за свои прошлые обиды, отказывались идти на какие-либо уступки и компромиссы, и выдвинули еще одно крайне оскорбительное для Людовика XIV требование — разрешить оккупацию четырех городов во Франции в залог того, что он не будет помогать своему внуку.[292]

В ходе этих переговоров требования, предъявлявшиеся к французам относительно уступок в Северной Америке, оставались прежними. Они должны были отдать англичанам весь Ньюфаундленд с прилегающими отмелями и район Гудзонова залива, а также свою половину острова Сен-Кристофер.[293]

Конференция в Гертрёйденберге также закончилась ничем, за исключением того, что она усилила негативное отношение к голландцам со стороны французского правительства, объявившего их «истинными авторами кровавой войны».[294] В ответ на требование силой изгнать Филиппа V из Испании Людовик XIV заявил, что

[290] Henry Boyle, Secretary of State, to Marlborough and Townshend. Whitehall, 24th May 1709 // British Diplomatic Instructions, 1689–1789. Vol. II. P. 14.

[291] *Sait-Léger A. de, Sagnac Ph.* Op. cit. P. 439.

[292] European Treaties... Vol. III. P. 140.

[293] См.: Henry Boyle, Secretary of State, to Townshend. Whitehall, 30th May 1710 // British Diplomatic Instructions, 1689–1789 // Ed. by L. G. Wickham Legg. Vol. II: France, 1698–1721. London, 1925. P. 21.

[294] Цит. по: *Sait-Léger A. de, Sagnac Ph.* Op. cit. P. 445.

он «предпочитает воевать со своими врагами, а не со своими детьми».[295]

Власти Новой Англии вместе с хорошо известными нам англо-американскими экспансионистами также пытались оказать воздействие на ход переговоров. Получив известие о содержании Гаагских прелиминариев, губернаторы Массачусетса, Нью-Гемпшира, Коннектикута и Род-Айленда совместно с рядом ведущих представителей колониальной верхушки (включая Ветча и Никольсона) в октябре 1709 г. обратились к королеве с петицией, где, помимо ставших к тому времени традиционными просьб о помощи в борьбе против французов, говорилось о необходимости добиваться приобретения владений противника дипломатическими методами. Они, в частности, заявляли: «И если тем временем будут предприняты какие-либо новые попытки примирения, необходимо, чтобы шестнадцатая статья в Прелиминариях [имеются в виду Гаагские прелиминарии. — *Ю. А.*] <...> могла быть расширена таким образом, чтобы она включала Канаду и Новую Шотландию, которые были бы переданы в руки Ее Величества».[296] Однако, как мы видели, правительство и здесь не вняло их просьбам, которые никак не отразились на ходе и содержании переговоров в Гертрёйденберге.

Это, конечно, не означает, что ситуация в Северной Америке волновала только колонистов и их ближайших партнеров и покровителей. Еще в самом начале лета 1709 г. Совет по торговле передал королеве записку, где был сделан обзор ситуации на континенте и излагались английские притязания. В частности, там говорилось о том, что Ньюфаундленд, Новая Шотландия, а также Канада (Новая Франция) являются лишь частями «Новой Британии»,[297] хотя традиционно так в то время называлась только северная часть Лабрадора (см. раздел I, глава 2). Излагая историю открытия и колонизации Северной Америки в нужном англичанам свете, члены совета делали вывод об отсутствии у французов каких-либо «законных» притязаний на их владения. Они также перечисляли те проблемы и трудности, с которыми, по их мнению, столкнулись бы англичане в случае, если Канада осталась в руках их врагов.[298] Несомненно, данная записка была составлена с целью привлечь внимание Анны к колониальным сюжетам и настроить ее в соответ-

---

[295]Цит. по: *Petitfils J.-C.* Louis XIV. Paris, 1995. P. 641.

[296]Address of the Governors of Massachusetts Bay, New Hampshire, Connecticut, and Rhode-Island at a Congress with Col. Nicholson, Col. Vetch and several Members of the Council & Representatives to the Queen // Calendar of State Papers. Colonial Series. Vol. XXIV. P. 491. No 794. II.

[297]Council of Trade and Plantations to the Queen. Whitehall, June 2, 1709 // Ibid. P. 324. No 554. I.

[298]Ibid. P. 325–328.

ствующем ключе, но, надо полагать, большого эффекта не возымела.

В 1709 — первой половине 1710 г. Король-Солнце был готов пойти на максимальные уступки своим противникам, что явилось прямым следствием военных поражений в европейских компаниях и тяжелейшего внутреннего положения Франции. Однако к концу 1710 г. ситуация стала меняться в лучшую для Людовика XIV и его внука сторону. Большее значение имело изменение обстановки в Испании, где после Бриуэги и Вильявисьосы позиции «Карла III» были практически полностью подорваны. Внутри Великого Союза нарастали противоречия. Что же касается англо-французской составляющей конфликта, то здесь в первую очередь следует отметить перемены в британском правительстве, о которых мы рассказывали в главе 5.

Собственно эти перемены и привели к возобновлению контактов. Уже в конце 1710 г. Сент-Джон по неофициальным каналам (через аббата Готье) дал знать французам, что Лондон готов пойти на заключение мира и при этом не будет настаивать на переходе испанского наследства к Габсбургам. Англичане предлагали Торси возобновить переговоры с голландцами, однако Людовик XIV, помня о недавнем унижении в Гертрёйденберге, отказался иметь с ними дело и предложил вести переговоры напрямую.

Завязавшиеся в январе 1711 г. англо-французские контакты первоначально также проходили не слишком гладко. Англия была не просто заинтересована в получении максимально выгодных для себя условий, но также стремилась сохранить хорошие отношения со своими союзниками. Первый вариант мирных предложений, представленный Торси, был отвергнут. Однако смерть императора Иосифа I (17 апреля 1711 г.) и вступление на австрийский престол претендента на испанскую корону эрцгерцога Карла сделали англичан более сговорчивыми. 22 апреля 1711 г. Торси подписал шесть предварительных статей общего характера, после чего в конце июля 1711 г. для обсуждения условий прелиминарного соглашения в Париж был отправлен дипломат и поэт Мэтью Прайор.[299]

Представленные им английские требования касались ряда колониальных сюжетов. Англичане настаивали теперь на уступке им не только Ньюфаундленда, но и Акадии, а также требовали «возвращения» побережья Гудзонова залива. Кроме того, они предлагали, чтобы стороны «сохранили и владели соответственно всеми странами, владениями и территориями в Северной Америке, которыми каждая из этих держав будет владеть в тот момент, когда о ратификации

[299] См.: Brish Diplomatic Representatives / Ed. by D. B. Horn. London, 1932. P. 13.

этого договора будет объявлено в этой части света».[300] Нетрудно догадаться, что таким образом англичане рассчитывали сохранить в своих руках не только Акадию, но и Квебек, куда как раз в тот момент направлялись корабли Уолкера, на успех которого Лондон как мы помним, очень серьезно рассчитывал.

Со своей стороны французское правительство рассматривало самые различные варианты уступок, касающихся Северной Америки. Это, в частности, видно из анонимного меморандума, составленного в середине — второй половине 1711 г. сотрудниками морского министерства.[301] Там, в частности, говорилось, что «если отдать англичанам Ньюфаундленд, Квебек с другими землями, которыми французы владеют в Канаде и сохранить страну, которая расположена вдоль Гудзонова залива, а также Акадию и Кейп-Бретон, Франция на самом деле нашла бы в этих колониях те же самые блага, [заключающиеся] в мехах и свежей и сухой треске, которые она имеет сегодня, но из-за этих изменений [она] столкнулась бы с ситуацией, которую нельзя исправить, поскольку

– во-первых, англичане будут хозяевами страны, граничащей с теми странами, которыми они уже владеют на этом континенте, и они станут тогда слишком могущественными;

– во-вторых, когда они [англичане. — *Ю. А.*] окажутся посреди мест, занимаемых Францией и постепенно найдут общий язык с их обитателями, им будет легко изгнать нас [французов. — *Ю. А.*], поскольку со стороны Гудзонова залива невозможно ни создать значительных поселений, ни построить мощные форты из-за льдов, которые делают навигацию очень сложной и которые позволяют проникать туда только в определенное время, а также потому, что [там] нет наций, с которыми можно было бы объединиться и которые могли бы оказать нам помощь, в результате чего мы бы оказались не в состоянии сопротивляться англичанам;

– в-третьих, англичане получили бы возможность — по реке Сен-Жан и из Бостона — <...> вторгнуться в Акадию, к чему они всегда стремились, по причине того, что там имеются превосходные земли, чего нет в окрестностях Квебека».

Далее констатировалось, что если англичане будут владеть Канадой, «они легко смогут осуществить завоевание Миссисипи <...>

---

[300]См.: Demandes d'Angleterre // Archives du ministère des affaires étrangères. Fonds anciens. Mémoires et documents, Amérique. Vol. 24; см. также: Réponses de la France du 8 octobre 1711, aux demandes préliminaires de la Grande-Bretagne // Mémoires des Commissaires de Sa Majesté Très-Chrétienne et de ceux de Sa Majesté Britannique sur les possessions et les droit respectifs des deux Couronnes en Amérique: 3 t. T. II. Amsterdam, 1755. P. 354.

[301]<Документ без названия> // Archives du ministère des affaires étrangères. Fonds anciens. Correspondance politique, Angleterre. Vol. 237. F. 209–210.

откуда им было бы легко проникнуть в Мексику и мало-помалу стать хозяевами Нового Света».

Отсюда делался следующий вывод: «Все эти доводы заставляют полагать, что необходимо сохранить Канаду в том виде, в каком мы ее имеем вместе с Кейп-Бретоном, а также Акадию; и отдать англичанам остров Ньюфаундленд и берег Гудзонова залива, поскольку мы [французы. — *Ю. А.*] будем в состоянии получить больше пушнины, чем это необходимо для потребления королевства и продолжим ловить треску».

По поводу английского присутствия на побережье Гузонова залива отмечалось, что «поскольку для англичан будет также сложно, как это было бы сложно для нас, создать большие поселения на берегу Гудзонова залива, они не смогут причинить нам [французам. — *Ю. А.*] никакого вреда». Это объяснялось, с одной стороны, тем, что «протяженность земель, которые расположены между этим заливом и Квебеком <...> велика», а с другой — тем, что французы в случае, если бы они все же подверглись нападению, могли бы рассчитывать на помощь индейцев, которые «с давних времен» являются их союзниками и которые «перестанут ими быть, если мы [французы. — *Ю. А.*] перестанем владеть Квебеком».

Говоря кратко, цель французов состояла в том, чтобы удержать Канаду и Акадию; Ньюфаундленд и побережье Гудзонова залива они были готовы отдать англичанам. Таким образом, можно сделать вывод, что министры Людовика XIV с самого начала переговоров были согласны пойти на уступки независимо от той ситуации, которая складывалась в колониях.

Это подтверждает и инструкция, выданная Николя Менаже, отправленному для переговоров в Лондон еще в мае 1711 г.[302] Там прямо говорилось, что «в то время как враги Его Величества требуют от него уступки этих прекрасных мест [имеются в виду Ньюфаундленд и район Гудзонова залива. — *Ю. А.*] они менее всего имеют в виду тем самым обезопасить, как они говорят, свои владения, но [стремятся] сохранить в своих руках средства для нападения на Францию».[303] В то же время признавая, что уступка Ньюфаундленда и побережья Гудзонова залива будет иметь для французов определенные негативные последствия, Людовик XIV, «желая в той мере, в какой это от него зависит, облегчить заключение мира», разрешил Менаже «обе-

---

[302] О его миссии см.: *Rain P.* La diplomatie française d'Henri IV à Vergennes. Paris, 1945. P. 126.

[303] Instruction pour le sieur Mesnager, chevalier de l'ordre de St Michel, deputé au Conseil du Commerce (Fontainebleau, le 3 août 1711) // Recueil des instructions données aux ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution Française. Vol. XXV-2. Angleterre. T. III: (1698–1791). Paris, 1965. P. 88.

щать англичанам уступку Плезанса и всего Ньюфаундленда на следующих условиях: чтобы подданные короля продолжали ловить и сушить треску в части Пти-Нор этого острова, как они это делают в настоящее время; чтобы англичане отказались от всяких притязаний на острова Кейп-Бретон, Сен-Пьер, Сент-Мари; чтобы король сохранил за собой право создавать на этих островах такие поселения и укрепления, какие он сочтет необходимыми; чтобы Пор-Руайяль и его окрестности в Акадии были переданы Его Величеству; <...> наконец, если выяснится к несчастью, что англичане преуспели в деле, которое они собираются предпринять против Квебека, необходимо, чтобы этот город также был возвращен Его Величеству со всеми его окрестностями в Канаде».[304]

В конце лета — начале осени 1711 г. в Лондоне и в Париже велись секретные переговоры, касающиеся условий прелиминарного мира. Британские дипломаты достаточно жестко настаивали на выполнении своих требований, касающихся колоний. Французы согласились на уступку побережья Гудзонова залива, хотя они, конечно, ясно видели большое экономическое значение этого региона.

Но просто уступка теперь уже не удовлетворяла англичан. Кампания Гудзонова залива опять подала правительству ряд записок, где утверждалось, что она изначально имела все права на эти земли, которые были незаконно захвачены французами. Поэтому английским представителям было дано указание настаивать на употреблении по отношению к Гудзонову заливу термина «возвращение» (restitution), а не «уступка» (cession), с тем чтобы в дальнейшем предотвратить появление каких-либо новых притязаний со стороны французов.

Со своей стороны, Торси заявил о неприемлемости вышеупомянутого положения об удержании всех захваченных территорий. Нетрудно было догадаться, что оно было выдвинуто в связи с подготовкой экспедиции Уолкера, на успех которой, как мы знаем, серьезно рассчитывали в Лондоне. Как мы помним, несмотря на все меры предосторожности, это предприятие не осталось тайной для французов. Поэтому Торси сразу же сказал, что даже в случае, если экспедиция Уолкера увенчается успехом, Франция будет настаивать на возвращении Канады.[305]

Острые дискуссии происходили по поводу Ньюфаундленда. Англичане стремились обеспечить себе контроль над всем островом, с тем чтобы полностью избавиться от столь опасной для них фран-

---

[304] Ibid. P. 96.

[305] *Torcy J.-B. Colbert, marquis de.* Mémoires de monsieur de Torcy, pour servir à l'histoire des négociations depuis le traité de Riswick jusqu'à la paix d'Utrecht: 3 t. T. III. London; Amsterdam; Utrecht, 1757. P. 74–76.

цузской конкуренции и французского соседства. Французы же ввиду колоссального экономического, а в определенной степени и стратегического значения трескового промысла стремились всеми силами, ценой разных других уступок сохранить за собой хотя бы право ловить рыбу у ньюфаундлендского побережья. Торси не раз говорил Прайору, что этот промысел является «школой для моряков», для французов так же, как и для англичан. Позднее он заметил герцогу Шрусбери, что «отказаться от рыболовного промысла на Ньюфаундленде — значит довести до нищеты три провинции Франции».[306]

Совет по торговле был категорически против каких-либо уступок, касающихся Ньюфаундленда. В ответ на запрос Сент-Джона по этому поводу его члены заявили, что «если французы сохранят право ловить там рыбу и сушить ее на берегу, они, таким образом, получат те же самые преимущества в торговле сушеной рыбой, что и подданные Ее Величества, и весь смысл обладания возвращенным нам Ньюфаундлендом будет потерян».[307] Совет по торговле также настаивал на необходимости добиваться уступки всей Акадии вместе с островом Кейп-Бретон. Однако французы категорически отказывались отдавать этот остров, который они рассматривали в определенной степени как противовес Ньюфаундленду.[308]

Под влиянием ряда причин, среди которых можно отметить и бесславное возвращение Уолкера (хотя главной причиной, конечно, было стремление Сент-Джона как можно скорее завершить подготовку предварительного соглашения и поставить союзников перед свершившимся фактом), англичане несколько смягчили свои требования. В итоге в Лондонских (или Октябрьских) прелиминариях, подписанных 27 сентября / 8 октября 1711 г., была предусмотрена лишь уступка англичанам Гудзонова залива и Ньюфаундленда (с сохранением за французами права ловить и сушить рыбу на его побережья). Вопрос о судьбе Акадии и Кейп-Бретона должен был быть решен в ходе предстоящей мирной конференции.[309]

Лондонские прелиминарии представляли собой фактически два различных договора, один из которых был открытым, а другой — секретным. В первом речь шла о недопущении объединения Франции и Испании в рамках личной унии, компенсациях для союзников, «барьерах» для Голландии и Австрии и т. п. Второй касался тех усту-

---

[306] Цит. по: *Trevelyan J. M.* England under Queen Anne: In 3 vols. Vol. III: The Peace and the Protestant Succession. New York; London; Toronto, 1948. P. 184.

[307] Цит. по: Ibid. P. 185.

[308] См.: Réponses de la France du 8 octobre 1711, aux demandes préliminaires de la Grande-Bretagne // Mémoires des Commissaires... T. II. P. 344–357.

[309] European Treaties... Vol. III. P. 147–151.

пок, которые Англия получала от Парижа и Мадрида за признание Филиппа V королем Испании.

Нам важно отметить, что на англо-французских переговорах проявилось различное отношение сторон к одним и тем же проблемам. В то время как англичане основной акцент делали на колониальных, в том числе североамериканских вопросах, французы были больше озабочены составом «барьера» и другими европейскими делами. Чтобы добиться более благоприятных условий, касающихся этих вопросов, представители Людовика XIV пошли на ряд уступок в колониях (на которые они были нацелены уже в начале переговоров), что было явно выгодно англичанам.

Правда, на наш взгляд, канадский историк Д. Микелон слишком прямолинейно утверждает, что англичане «рассматривали Новый Свет как компенсацию за их кровавые и дорогостоящие европейские компании»,[310] — победы Мальборо позволили Туманному Альбиону значительно усилить свои позиции также и в Старом Свете. Однако в любом случае следует признать, что Англия оказалась в выигрыше. Не случайно Сент-Джон заявил королеве по поводу лондонских прелиминариев: «Это соглашение содержит больше выгод для королевства Вашего Величества, чем когда-либо было у какой-нибудь другой нации в иные времена».[311]

Конгресс в Утрехте и переговоры Сент-Джона в Париже

В соответствии с условиями предварительного соглашения мирный конгресс открылся в Утрехте в январе 1712 г. Лондонские прелиминарии далеко не полностью устраивали других членов Великого Союза, не подозревавших о наличии у этого соглашения секретных статей, однако под давлением Англии они согласились принять участие в переговорах. В целом в ходе Утрехтского конгресса очень четко проявились те изменения в расстановке сил, которые произошли в Европе за это время. Голландия и Испания отодвигались на второй план, в то время как могущество Англии неуклонно росло, в определенной степени сравнявшись с французским. Не случайно главная задача французских дипломатов в Утрехте состояла в том, чтобы достичь соглашения именно с Англией. На требования других участников антифранцузской коалиции (за исключением Австрии)

---

[310] *Miquelon D.* New France, 1701–1744: «A Supplement to Europe». Toronto, 1987. P. 49.

[311] Цит. по: *Trevelyan J. M.* Op. cit. Vol. III. P. 185.

Людовик XIV не обращал большого внимания, полагая, что англичане, получив нужные им условия, заставят тех присоединиться к соглашению.

Перед началом конгресса представители королевы Анны — Хранитель Малой печати Бристольский епископ Дж. Робинсон и граф Т. Стратфорд — получили инструкции, где говорилось, что применительно к «Северной части Америки» они должны были требовать у французов, во-первых, «возвращения» Гудзонова залива и пролива, обеспечения гарантий безопасности английской торговли в этом регионе, а также компенсации ущерба, который был нанесен французами Компании Гудзонова залива в предшествующие десятилетия. Во-вторых, уступки Пласеншии–Плезанса и всего Ньюфаундленда. В-третьих, того, чтобы «Его Наихристианнейшее величество отказался от всех своих притязаний или прав, из какого предшествующего договора или чего-либо еще они бы ни исходили, на страну, называемую Новая Шотландия и особенно на Пор-Руайяль или Аннаполис-Ройял, который в настоящее время находится в нашем [английском. — *Ю. А.*] владении». Наконец, в-четвертых, описания и установления «наилучшим образом» границ между колониями двух держав.[312]

Как видим, наряду с выполнением условий лондонских прелиминариев англичане выдвинули ряд дополнительных требований.

Французские интересы в Утрехте отстаивали маршал Н. дю Бле маркиз д'Юксель, аббат М. де Полиньяк и Н. Менаже. 2 января 1712 г. Поншартрен направил им специальную записку по поводу колониальных проблем.[313]

Этот документ начинался с категорического заявления о том, что «не дóлжно более ставить вопрос об уступке Новой Франции или зависимых от нее провинций и стран, и мы даже не верим, что английские полномочные представители потребуют этого <...> в любом случае Король желает, чтобы его полномочные представители не слушали на этот счет никаких предложений». Здесь же была сделана оговорка о том, что Юксель, Полиньяк и Менаже «могут согласиться на то <...> чтобы впоследствии обе стороны назначили уполномоченных, наделенных властью урегулировать границы между первыми английскими и французскими колониями и предупредить разно-

---

[312]Instruction de la Reine de la Grande-Bretagne à l'Evêque de Bristol, Garde de Petit Sceau, & au Comte de Stratford, ses Plénipotentiaires, pour traiter de la paix générale, du 23 décembre 1711 // Mémoires des Commissaires... T. II. P. 371–372.

[313]См.: Mémoire concernant les colonies, la commerce et la navigation pour Messieurs les Plénipotentiaires du Roi à Utrecht. A Versailles, le 2 janvier 1712 // Archives du ministère des affaires étrangères. Fonds anciens. Mémoires et documents, Amérique. Vol. 24.

гласия, которые могли бы возникнуть и [установить] союз, который должен существовать между двумя нациями».

В записке подчеркивалось, что англичане не имеют никаких «законных» прав ни на побережье Гудзонова залива, ни на Ньюфаундленд, ни на Акадию, которые всегда принадлежали французам; и, следовательно, речь может идти только об уступках каких-либо территорий, но никак не об их «возвращении».

Тем не менее Поншартрен считал возможным отдать англичанам побережье Гудзонова залива полностью, при условии, что французы получат право совершать плавания в заливе для дальнейших поисков Северо-западного прохода.

По поводу Ньюфаундленда Поншартрен напоминал французским дипломатам, что «англичане часто требовали, чтобы Король уступил им весь остров Ньюфаундленд, и они утверждали, что он полностью принадлежит Англии и что первый француз появился там только вслед за ними, но когда возникла необходимость рассмотреть и обсудить это требование, они никак не могли доказать ни одного из выдвигавшихся ими притязаний». Министр приводил информацию о том, что подданные французского короля посещали Ньюфаундленд еще задолго до англичан; правда, при этом он называл совершенно мифическую дату первого посещения острова французами — 1304 г.!? С точки зрения Поншартрена было «важно, чтобы господа полномочные представители объяснили все эти обстоятельства полномочным представителям Англии и чтобы они довели до их сведения, что справедливо и в то же время выгодно Англии, чтобы две короны оставались владельцами тех мест на Ньюфаундленде, которые каждая из них занимала до войны и которые [каждая] еще занимает в настоящее время». На самом деле, как мы помним, ситуация на Ньюфаундленде к началу 1712 г. отнюдь не напоминала довоенную.

Правда, далее Поншартрен признавал, что ввиду жесткой позиции, занятой англичанами относительно Ньюфаундленда и в свете договоренностей, достигнутых в Лондоне (а еще раньше — в Гааге) его придется уступить «в случае, если французские дипломаты увидят, что данный вопрос может помешать заключению мира или оттянуть его». Однако согласившись на это, Юксель, Полиньяк и Менаже должны были добиваться того, чтобы, во-первых, французам было позволено увезти из Плезанса все военное имущество и разрушить все его укрепления, с условием чтобы англичане в дальнейшем не восстанавливали их и не строили новых укреплений в той части острова, которая будет им уступлена; во-вторых, чтобы на эвакуацию французских подданных из поселений на Ньюфаундленде было дано не меньше двух лет и при этом были бы соблюдены все их

имущественные права; в-третьих, чтобы французам было разрешено ловить рыбу на Большой банке и у побережья острова «так, как они это делали до войны», а также разрешено сушить рыбу на берегу; в-четвертых, чтобы Акадия, включая Пор-Руайяль, была возвращена французам без каких-либо оговорок, и Кейп-Бретон также остался бы в их руках.

Поншартрен выражал надежду, что англичане примут эти условия, так как, по его словам, третье из них было предусмотрено условиями Лондонских прелиминариев, первое — достаточно широко обсуждалось, второе — основывалось на «праве войны», а четвертое — было также «справедливо и необходимо». В случае сильного давления с британской стороны министр разрешал французским дипломатам пойти на уступку в вопросе о сносе укреплений Плезанса, если это позволяло добиться выполнения всех остальных дополнительных условий.

Значительное внимание в записке было уделено Акадии и Кейп-Бретону, являвшимися, по словам министра, «барьером» для долины реки Св. Лаврентия. Намерение Поншартрена (а значит и короля) добиваться возвращения акадийских фортов, захваченных англичанами, и закрепления всей территории Атлантического региона за Францией было очень серьезным. Юкселю, Полиньяку и Менаже было сказано: «Его Величество убежден, что не составит сложности вернуть <...> форты и поселения, которыми они [англичане. — *Ю. А.*] завладели <...> и только на этом условии Король позволяет им согласиться на полную уступку Ньюфаундленда». По словам министра, «Франция могла возместить убытки, нанесенные уступкой Плезанса <...> только [посредством] Акадии, когда она будет хорошо обустроена».

Поншартрен снабдил французских дипломатов подробной информацией о границах Акадии, которые, как мы помним, в течение долгого времени служили предметом напряженных дискуссий. Ссылаясь на соглашение Темпла и Гранфонтена, последовавшее за договором в Бреда, министр отстаивал ту точку зрения, что границей между английскими и французскими владениями в Атлантическом регионе является река Кеннебек. Признавая, что форт Пемакид был построен англичанами к востоку от этой реки, Поншартрен напоминал, что этот форт был захвачен французами еще в ходе Войны Аугсбургской лиги и что никаких английских поселений за Кеннебеком сейчас нет. Поэтому, поскольку Акадия находится «в том же состоянии, когда ее границы были установлены шевалье Гранфонтеном» и когда (в 1670 г.) «старинная граница была установлена по реке Кеннебек, которая служила в этом качестве с незапамятных времен», то «Его Величество, желая <...> только избежать споров,

дает согласие на то, что господа полномочные представители потребовали [зафиксировать] реку Кеннебек как границу Акадии».

Правда, французы все же были готовы пойти на небольшие уступки в вопросе о разграничении в Атлантическом регионе. Прежде всего они предлагали, чтобы вдоль Кеннебека каждая держава оставила бы незаселенную и неукрепленную полосу шириной в 5 лье. Таким образом между владениями двух держав была бы создана своего рода «буферная зона» шириной около 45 км. Если бы англичане продолжали настаивать на том, что границей Акадии должна быть река Сент-Джордж, французские дипломаты могли согласиться с этим, но при условии, что тогда каждая сторона получит полное право укреплять свои границы.[314]

Все это также свидетельствует о том, что в Версале действительно рассчитывали на возвращение многострадальной колонии и ради этого были готовы пойти на определенные уступки.

Позднее (в середине января) Поншартрен напоминал французским дипломатам, что для Франции «чрезвычайно важно добиться возвращения Акадии», так как это «единственная страна, которая может компенсировать нам потерю Ньюфаундленда и Гудзонова залива». «Это самое выгодное, что вы можете сделать для королевской службы», — писал министр Юкселю, Полиньяку и Менаже, прося их «не оставлять Акадию до последней возможности».[315]

Однако общая позиция французского правительства по отношению к колониальным сюжетам была достаточно компромиссной. Это хорошо видно из записки Людовика XIV, направленной его дипломатическим представителям 20 марта 1712 г., где говорилось: «Важнее всего не допустить остановки переговоров и ради этого король готов отказаться и от Акадии, и от Кейп-Бретона, если это необходимо для установления мира; но его полномочным представителям следует идти на эту уступку только в самом крайнем случае, поскольку в результате этой двойной уступки Канада станет бесполезной, так как доступ к ней будет закрыт, рыболовный промысел прекратится, и французский флот будет окончательно уничтожен».[316]

Как видно из этого документа (а также из рассмотренных нами выше записок), правительство Людовика XIV, с одной стороны, действительно рассматривало спорные территории в Северной Америке как объект для торга со своими противниками, а с другой — руководствовалось главным образом соображениями стратегического, а не экономического характера. Район Гудзонова залива с его огром-

[314] Ibid. F. 76–77.

[315] Цит. по: *Lauvrière E.* Op. cit. T. I. P. 154.

[316] Le Roi au Plénipotentiaires. A Versailles, le 20 mars 1712 // Public Archives of Canada. Manuscript Group 5, A 1 — Correspondance politique, Angleterre. Vol. 217.

ными пушными ресурсами был, и с точки зрения короля, и с точки зрения Поншартрена, гораздо менее важен, чем скалистый остров Кейп-Бретон, контролирующий подступы к устью реки Св. Лаврентия.

Канадский историк Д. Микелон, рассматривая позицию французского правительства, поставленного в ходе переговоров перед необходимостью пойти на уступки, отметил, что «Канада вместе с ее форпостами <...> представляла собой то, что теоретики геополитики 1920-х гг. назвали бы "хартландом", тогда как Гудзонов залив и Ньюфаундленд были периферийной зоной, которая могла быть отдана при условии сохранения прав на рыболовный промысел. Из этого хартланда можно достичь и ограничить или даже уничтожить незначительные поселения периферии».[317]

Если рассуждать о том, почему французы согласились отдать именно Акадию, Ньюфаундленд и побережье Гудзонова залива, но всячески стремились сохранить Канаду (и Луизиану), то здесь отчасти можно согласиться с Д. Микелоном, хотя, конечно, следует помнить, что в начале XVIII в. политики мыслили несколько иными категориями, чем геостратеги эпохи империализма. На наш взгляд, наряду со стратегическими соображениями министры Людовика XIV, да и сам Король-Солнце руководствовались, во-первых, тем, что Канада объективно была наиболее развитой, населенной, а главное обширной французской колонией в Северной Америке; во-вторых, тем, что именно она доставляла больше всего неудобств англичанам, будучи основным препятствием для развития их экспансии в западном направлении и одновременно наиболее существенной угрозой их безопасности; в-третьих, колония, располагавшаяся в долине реки Св. Лаврентия и на сопредельных землях, была Новой *Францией*, т. е. символическим «продолжением» метрополии в Новом Свете, и ее сохранение являлось опять-таки вопросом престижа и делом чести, чему Король-Солнце всегда придавал очень большое значение. Эти факторы были тесно переплетены друг с другом и на практике, и в представлениях сильных мира сего; поэтому очень сложно сказать, какой из них был определяющим.

Следует обратить внимание на то, что результаты военных кампаний в колониях ни для французов, ни для англичан не играли большой роли. По крайней мере, английских дипломатов не смущало то, что в это время практически весь Ньюфаундленд находился в руках французов, а на побережье Гудзонова залива сохранялось примерное равновесие.

---

[317] *Miquelon D.* Op. cit. P. 50.

На первом этапе переговоров в Утрехте основные дискуссии происходили не между противниками, а между союзниками. Как и следовало ожидать, Голландия, Португалия и Австрия, не будучи удовлетворены условиями лондонских прелиминариев, выдвинули свои дополнительные требования к Франции и Испании. В этой ситуации Англии пришлось оказывать давление на своих партнеров по Великому Союзу. В феврале 1712 г. парламент денонсировал англо-голландский «барьерный договор» 1709 г., а в марте объявил о том, что Австрия и Голландия не выполнили условий соглашения о Великом союзе и заставили Англию нести на себе основную тяжесть войны.

Параллельно продолжались прямые англо-французские переговоры. Однако основное внимание сторон здесь также было уделено европейским, и прежде всего династическим, сюжетам, так как в это самое время снова возникла угроза объединения Франции и Испании в рамках личной унии. На сей раз это было вызвано сугубо субъективными причинами. 18 февраля 1712 г. скончался старший внук Людовика XIV герцог Бургундский, а через несколько недель умер правнук Короля-Солнца герцог Бретонский (18 марта). Наследником французского престола стал второй сын герцога Бургундского Людовик герцог Беррийский (будущий Людовик XV), ребенок, которому тогда было меньше двух лет. Следующим за ним в списке наследников стоял Филипп V король Испании. Мир снова висел на волоске, но, в конце концов, сторонам все же удалось достичь компромисса. Было решено, что Филипп должен выбрать что-то одно (либо корону Испании, либо место в престолонаследии Франции) и соответственно отказаться от другого. Филипп предпочел остаться с доказавшими ему свою верность испанцами и заявил об отказе от прав на французский престол. В дальнейшем это было подтверждено серией специальных «королевских отречений», изданных во второй половине 1712 г.

После урегулирования этого вопроса 17 июля 1712 г. англичане и французы заключили между собой соглашение о перемирии во Фландрии, хотя фактически военные действия там не велись с момента отстранения Мальборо от командования (31 декабря 1711 г.) и замены его герцогом Ормондом, который получил приказ отвести английские войска из расположения войск союзников.

Голландия и Австрия не присоединились к перемирию и продолжали боевые действия. Однако 24 июля французам удалось одержать очень важную не столько в военном, сколько в моральном плане победу при Денене, позволившую маршалу Виллару перейти в контрнаступление и стабилизировать фронт, а главное укрепившую позиции Франции на переговорах.

В августе во Францию прибыл Сент-Джон, незадолго до этого получивший титул виконта Болинброка. 22 августа в Фонтенбло он и Торси подписали соглашение о полном прекращении боевых действий между Англией и Францией на всех фронтах, которое должно было действовать вплоть до заключения мира. Они также договорились о том, что, если после публикации акта об отказе Филиппа V от всех прав на французский престол и его регистрации кортесами Испании и Парижским парламентом союзники не пойдут на подписание мирного трактата, Англия заключит сепаратный мир с Людовиком XIV и его внуком.[318]

Еще с конца весны — начала лета, когда главный вопрос об испанском наследстве был уже разрешен, дискуссии между англичанами и французами сосредоточились, в основном, вокруг колониальных и коммерческих сюжетов, которые обсуждались вплоть до осени 1712 г.

Так, 24 мая Болинброк направил Торси «Записку», где от имени королевы «для того, чтобы покончить со всеми разногласиями, касающимися Северной Америки», выдвигался ряд «предложений».[319] Их суть заключалась в следующем. Во-первых, англичане настаивали на том, чтобы вместе с Ньюфаундлендом и «Новой Шотландией или Акадией в ее старинных границах» им были переданы все прилегающие к ним мелкие острова, а также все возведенные французами укрепления с артиллерией и боеприпасами. Во-вторых, Лондон был готов предоставить подданным Его Наихристианнейшего Величества право ловить и сушить рыбу «в той части Ньюфаундленда, которая называется Пти-Нор, но ни в какой другой части этого острова». В-третьих, англичане предлагали передать остров Кейп-Бретон «в совместное пользование» подданных двух королевств. В-четвертых, предусматривалось, что обеим державам будет запрещено возводить укрепления на островах залива Св. Лаврентия и в том числе на Кейп-Бретоне. Англичане также брали на себя обязательство не укреплять «острова, прилегающие и наиболее близкие к Ньюфаундленду», но о самом Ньюфаундленде при этом умалчивалось. В-пятых, англичане «настаивали», чтобы им были оставлены все пушки, порох и ядра, находящиеся во французских постах на Гудзоновом заливе.

В «Записке» также поднимались вопросы, касающиеся заключения торгового договора и соглашения о прекращении огня. Нам важно отметить, что английская сторона была готова отделить вопросы,

---

318 *Sait-Léger A. de, Sagnac Ph.* Op. cit. P. 453–454.

319 Mémoire sur l'Amérique septentrionale par Saint-John (le 24 mai 1712 V.S.) // Archives du ministère des affaires étrangères. Fonds anciens. Correspondance politique, Angleterre. Vol. 237. F. 205–208.

касающиеся торговли, от «основного» мирного договора и передать их на рассмотрение уполномоченных двух держав, которые должны были встретиться после заключения мира.[320]

Как видим, эти «предложения» англичан на самом деле в своем большинстве представляли требования дополнительных уступок, которые были продиктованы стремлением максимально усилить свои позиции на подступах к Канаде и ослабить позиции французов. Впрочем, надо заметить, что английские колониальные круги были не прочь выдвинуть и еще большие притязания. В частности в апреле 1712 г. в ответ на запрос Сент-Джона Совет по торговле и колониям высказывал «колебания» относительно того, насколько целесообразно уступать французам остров Кейп-Бретон, и настаивал на том, чтобы границы требуемой англичанами Акадии были установлены по реке Сент-Круа и по «реке Канады» (т. е. Св. Лаврентия), в результате чего к англичанам переходили бы полуостров Гаспе и южная часть Лаврентийской Канады.[321]

В ответном меморандуме, который был подготовлен в начале июня, французская сторона выдвинула два варианта встречных предложений, касающихся колоний. Первый предполагал точное выполнение статей Лондонских прелиминариев, т. е. уступку англичанам Ньюфаундленда с Плезансом, однако без артиллерии и боеприпасов, без сопредельных островков и при условии сохранения за французскими рыбаками права свободно заниматься своим промыслом вдоль всего ньюфаундлендского побережья. При этом подчеркивалось, что «Его Величество убежден, что Королева Великобритании верна своему слову и не будет настаивать на требованиях, которые не содержатся в конвенции, подписанной от имени этой государыни».[322]

Однако ввиду очевидного изменения ситуации в Северной Америке, где англичане продолжали удерживать Пор-Руайяль / Аннаполис-Ройял, французы предлагали еще один вариант соглашения. В обмен на Акадию они были готовы удовлетворить бóльшую часть дополнительных требований англичан и уступить им всю артиллерию и боеприпасы Плезанса, все маленькие островки, прилегающие к Ньюфаундленду, запретить подданным французского короля ловить и сушить рыбу в любой точке Ньюфаундленда (в том числе и в районе Пти-Нор) и, кроме того, отдать острова Сен-Мартен и Сен-Бартелеми (из группы Малых Антильских). При этом фран-

---

320 Ibid. F. 207–208.

321 См.: Cambridge History of the British Empire: In 8 vols / Ed. by J. Holland Rose, A. P. Newton, E. A. Benians. Vol. VI. Cambridge, 1929. P. 87.

322 Réponses du Roi au Mémoire, envoyé de Londres le 5 juin 1712 N.S., à Marly, le 10 juin 1712 // Mémoires des Commissaires... T. II. P. 380–389.

цузская сторона была готова признать границей Акадии реку Сен-Жорж, чего, как мы помним, традиционно добивались англичане. Кроме того, если бы те пошли на этот вариант, от имени Людовика XIV им было обещано содействие в разрешении вопроса о возвращении острова Нэвис.[323]

Французы также категорически возражали против совместного пользования Кейп-Бретоном. Они обосновывали это, с одной стороны, тем, что «опыт показывает, что мир невозможно сохранить в тех местах, которые находятся в общем владении», а с другой — соображениями безопасности, так как «нации, даже наиболее дружественные, могут стать врагами». «Осмотрительность требует, чтобы король сохранил в своем владение этот остров, способный в будущем защищать подход к реке Св. Лаврентия, который был бы полностью недоступен для кораблей Его Величества, если англичане — хозяева Акадии и Ньюфаундленда — совместно с французами обладали бы островом Кейп-Бретон, и сама Канада была бы потеряна Францией, если бы вспыхнула война».[324]

Французская сторона настаивала на том, что за ней должно было быть сохранено право укреплять острова, расположенные в заливе Св. Лаврентия и в том числе остров Кейп-Бретон. «Это делается только для обороны этой провинции [Канады. — *Ю. А.*] и не будет угрожать соседям». В свою очередь, французы признавали, что «также справедливо, чтобы Королева имела такое же право возводить укрепления, которые она сочтет необходимыми, в Акадии или на Ньюфаундленде».

Что касается орудий и боеприпасов, находящихся в постах на Гудзоновом заливе, то их французы были готовы уступить.[325]

По поводу залива можно отметить еще одну интересную деталь. Из листков «Замечаний» Поншартрена (до настоящего времени не рассматривавшихся исследователями) следует, что на той стадии переговоров, когда был решен вопрос о переходе Гудзонова залива к англичанам, последние предложили сразу же определить границу между этим районом и Новой Францией и зафиксировать ее в мирном договоре. В Лондоне подготовили карту, на которой была проведена «синяя линия», разделявшая владения двух держав. Французская сторона была, в основном, согласна с ней и настаивала лишь на очень небольших «исправлениях» в свою пользу в районе озера Мистассини.[326] Однако по непонятной причине дальнейшего развития

---

[323] Ibid.

[324] Ibid.

[325] Ibid.

[326] См.: Observations de M. de Pontchartrain. Limites de la Baye d'Hudson // Archives du ministère des affaires étrangères. Fonds anciens. Mémoires et documents,

переговоры по данному вопросу продолжены не были, и, как и многие другие, он остался неразрешенным и должен был быть передан на рассмотрение уполномоченных.

Англичане заняли крайне жесткую позицию относительно Акадии и не соглашались ни на какие комбинации, предлагавшиеся французскими дипломатами. Ввиду этого, уже в конце июня 1712 г. Поншартрен сообщал Водрёю и Бегону: «Его Величество может уступить Плезанс англичанам, и последние могут не захотеть возвратить Акадию <...> я писал Водрёю прошлой весной о том, что ее следует отбить, я надеюсь, что это удалось, но если нет, то предпринимать новые попытки не следует».[327]

В августе 1712 г. английские дипломаты представили свой проект мирного договора. В отношении Северной Америки в нем, наряду с повторением основных условий лондонских прелиминариев, содержался ряд уточнений в духе «предложений» из «Записки» Болинброка. Согласно этому проекту, побережье Гудзонова залива отходило к Англии вместе со всеми имеющимися там фортами, постройками, пушками и т. п. Граница между владениями двух держав должна была быть определена после заключения мира специальной комиссией. Компания Гудзонова залива должна была также получить компенсацию за ущерб, нанесенный ей французами. Относительно Акадии говорилось, что англичане должны получить эту колонию «в ее старинных пределах» (limitibus suis antiquis comprehensam) — это выражение в последующие десятилетия вызвало множество споров. К англичанам также переходил весь Ньюфаундленд, включая Плезанс–Пласеншию со всеми укреплениями и военным имуществом. При этом оговаривалось, что остров принадлежит англичанам по праву открытия и первого вступления во владение. В руках французов оставался остров Кейп-Бретон; их рыбаки могли заниматься промыслом у северного побережья Ньюфаундленда в районе Пти-Нор. Французы должны были признать британский суверенитет над Союзом пяти племен и прекратить враждебные действия против него и против других индейских союзников англичан. Кроме того, Лондон настаивал на том, чтобы жителям его колоний было позволено беспрепятственно торговать с индейцами в районе Великих озер.[328]

В начале сентября Юксель, Полиньяк и Менаже выдвинули ряд поправок к этому варианту договора. Во-первых, они предложили,

---

Amérique. Vol. 24. F. 92.

[327]The Minister to Vaudreuil and Bégon. Marly, June 26, 1712 // Canadian Historical Documents Series: In 3 Vol. Vol. I: The French Régime / Ed. by C. Nish. Scarborough, 1965. P. 100.

[328]European Treaties... Vol. III. P. 196–198.

чтобы все претензии Компании Гудзонова залива были рассмотрены комиссией, которая будет решать вопрос о границе уступленных территорий; во-вторых, протестовали против упоминания об особых «исторических» английских правах на Ньюфаундленд; в-третьих, требовали четко определить границы Ньюфаундленда и принадлежность прилегающих к нему мелких островков; в-четвертых, настаивали на уточнении понятия «Пти-Нор», так как на французских и английских картах этот участок берега показывался по-разному; в-пятых, предлагали добавить положение о том, что всем индейским племенам независимо от их «подданства» разрешается свободно торговать с колониями обеих держав.[329]

Ряд замечаний высказал и Поншартрен. Он подчеркнул, что в договоре необходимо зафиксировать принадлежность Франции залива Св. Лаврентия со всеми островами (в том числе и с теми, которые расположены у берегов Акадии). С санкции короля министр поправил французских дипломатов, заявив, что индейские подданные европейских держав должны торговать только с той колонией, от которой они зависят. Согласившись на уступку англичанам всех пушек и амуниции, находящихся в постах на Гудзоновом заливе, Поншартрен лишь настаивал на том, чтобы в договор была включена оговорка о личном имуществе подданных французского короля (в том числе ружей, пороха и т. п.).[330]

Англичане, несмотря на то что они добились выполнения основной части своих требований, согласились пойти лишь на одну уступку. Они не отказались от претензий на французские пушки и боеприпасы, но подтвердили права Франции на острова, расположенные в заливе Св. Лаврентия. Относительно рыболовства у берегов Акадии, в конце концов, было решено, что прибрежная полоса шириной 30 лье — от острова Сейбл и далее на юго-запад — является зоной английского промысла. Воды за ее пределами (в том числе у северного побережья полуострова Новая Шотландия) оставались открытыми для французов.

О нежелании англичан поступиться хотя бы незначительной частью своих приобретений свидетельствуют инструкции герцога Шрусбери, назначенного в конце 1712 г. английским послом во Франции. В них, в частности, говорилось, что если французы будут настаивать на дальнейших уступках относительно Ньюфаундленда или чего-либо еще, ему следует напомнить им, что Кейп-Бретон рассмат-

---

[329] Offres de la France, Demandes de l'Angleterre, & Réponces de la France, du 10 septembre 1712 // Mémoires des Commissaires... T. II. P. 390–407.

[330] Lettre de M. de Pontchartrain aux plenipotentiaires à Fontainebleau. Le 17 août 1712 // Actes, mémoires et autres pièces autentiques, concernant la Paix d'Utrecht. Depuis l'année 1706 jusqu'à présent : 6 vols. Vol. I. Utrecht, 1712.

ривается в Лондоне как часть территории Акадии–Новой Шотландии, и англичане могут предъявить на него свои претензии.[331]

Кроме того, англичане ужесточили свои требования по отношению к жителям переходящих к ним территорий. Если первоначально представители королевы Анны были готовы дать им три года на то, чтобы продать свое имущество и покинуть английские владения, то теперь Лондон был согласен сохранить это право только за теми подданными французского короля, которые жили на территориях, «уступаемых» Англии (т. е. в Акадии и на острове Сен-Кристофер в Карибском море). При этом время, отведенное им для выезда, сокращалось до одного года с момента вступления англичан во владение этими территориями. Что касается Ньюфаундленда и Гудзонова залива, по отношению к которым употреблялся термин «возвращение» («реституция»), то здесь англичане отказывались признать за подданными Людовика XIV какие-либо права, поскольку, по их словам, французы приобрели эти земли и построили там поселения незаконно.[332]

* * *

К началу 1713 г. под давлением Англии большая часть членов Великого Союза (за исключением Австрии и ряда германских государств) согласилась пойти на заключение мира на основе лондонских прелиминариев. 11 апреля 1713 г. был подписан ряд соглашений между Францией, с одной стороны, и Англией, Голландией, Португалией, Пруссией и Савойей — с другой, вошедших в историю под собирательным именем Утрехтские мирные договоры. Важнейшим среди них был англо-французский договор, где речь шла о признании Людовиком XIV протестантского престолонаследия в Англии, удалении Стюартов из Франции, разрушении укреплений Дюнкерка, а также о колониальных сюжетах, на которых мы остановимся подробнее.

Утрехтский мирный договор

В англо-французском мирном договоре, заключенном в Утрехте, непосредственное отношение к Северной Америке имели шесть

[331] См.: Instructions for Charles, Duke of Shrewsbury, Ambassador Extraordinary to the Most Christian King. 11th December 1712 // British Diplomatic Instructions, 1689–1789. Vol. II. P. 40.

[332] См.: Changements que les plénipotentiaires d'Angleterre prétendent faire au projet du traité de paix <...> au mois d'août dernier (1712) // Archives du ministère des affaires étrangères. Fonds anciens. Mémoires et documents, Amérique. Vol. 24.

статей (с X по XV).[333] В статье X говорилось, что «Наихристианнейший Король возвратит (restituera) королевству и королеве Великобритании <...> Гудзонов залив и Гудзонов пролив со всеми землями, морями, берегами, реками и местами, которые к ним относятся и которые там находятся, включая всю протяженность упомянутых выше земель и морей, которыми в настоящий момент владеют французы; все форты и строения, возведенные как до, так и после того, как французы стали хозяевами этих земель, будут отданы в полное их распоряжение в том состоянии, в котором они пребывают сейчас, ничего в них не разрушая; со всей артиллерией, ядрами и порохом <...> подданным королевы Великобритании». По вопросу границ между Гудзоновым заливом и территориями, принадлежащими Франции, в этой статье говорилось, что «обе стороны назначат своих уполномоченных, которые определят их в течение одного года». Этим же уполномоченным было поручено «определить границы между другими французскими и британскими колониями в этой стране [в Северной Америке. — *Ю. А.*]».

Статья XI предусматривала, что Компания Гудзонова залива получит компенсацию за те убытки, которые она понесла от враждебных действий французов в мирное время. Размеры этой компенсации должны были определить уполномоченные, которые назначались по требованию одной или другой стороны. На рассмотрение этих уполномоченных также передавались все остальные претензии, касающиеся кораблей, захваченных подданными обеих держав друг у друга в мирное время, и т. п.

В статье XII речь шла о том, что англичанам передается французская часть острова Сен-Кристофер и «Новая Шотландия, иначе называемая Акадия, полностью, согласно ее старинным границам, так же как и город Пор-Руайяль, называющийся сейчас Аннаполис-Ройял, и то, что относится к вышеупомянутым землям и островам этой страны». Здесь же было оговорено, что подданным Наихристианнейшего Короля не разрешается ловить рыбу «в упомянутых морях, бухтах и других местах [расположенных. — *Ю. А.*] на расстоянии тридцать лье от берегов Новой Шотландии, к юго-востоку от острова, обычно называемого Сабль».

Статья XIII гласила: «...остров Ньюфаундленд с прилегающими островами отныне будет полностью принадлежать Великобритании». В течение семи месяцев с момента обмена ратификационными грамотами, англичанам должны были быть переданы «город и форт Плезанс и другие места, которые французы могли занимать или [ко-

---

333 Текст договора см: Les grands traités du règne de Louis XIV: 3 t. / Ed. par H. Vast. T. III. Paris, 1893–1899. P. 68–86.

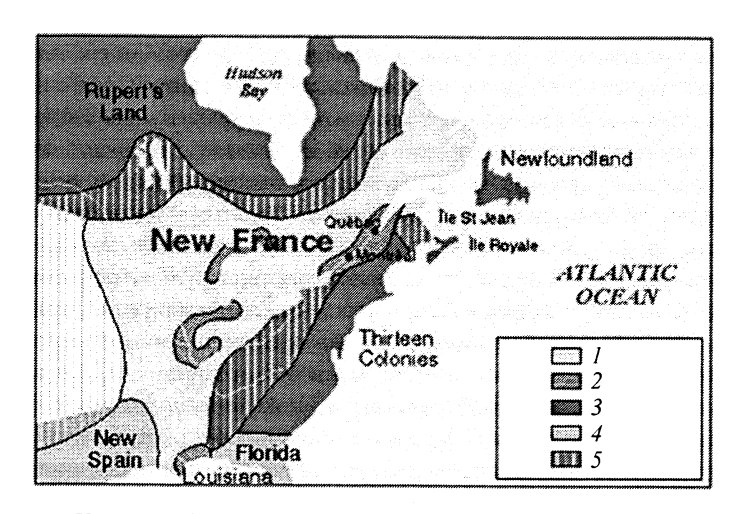
торыми они могли. — *Ю. А.*] владеть на упомянутом острове». Подданным короля Франции разрешалось ловить и сушить рыбу на ньюфаундлендском побережье «от места, называемого мыс Бонависта, до северной оконечности упомянутого острова и оттуда на запад до места, называемого Пуант-риш». Однако им запрещалось возводить там какие-либо укрепления или строения, за исключением «сушилен и хижин, необходимых и используемых для сушки рыбы», а также появляться на этом берегу или приближаться к нему с какой-либо другой целью, кроме промысла. В этой статье было также зафиксировано, что «остров, называемый Кейп-Бретон, и все другие острова, расположенные в устье реки и в заливе Св. Лаврентия, будут принадлежать Франции с полным правом Наихристианнейшего Короля строить там укрепления в одном или во многих местах».

Согласно статье XIV, все французские подданные, находящиеся в пределах территорий, которые должны быть переданы англичанам, получали право в течение одного года выехать оттуда со всем своим движимым имуществом, а те, которые хотели бы там остаться, должны были иметь возможность свободно исповедовать католичество, «насколько это позволяют законы Великобритании».

Статья XV запрещала жителям Канады и другим подданным Франции «беспокоить <...> пять наций или кантонов индейцев, подвластных (soumis) Великобритании, и другие нации Америки, дружественные этой короне». Аналогичный запрет налагался на англичан, которые должны были «жить в мире с американцами [т. е. индейцами. — *Ю. А.*], являющимися подданными или друзьями Франции». При этом и индейцы и жители колоний обеих держав получали возможность свободно посещать владения друг друга с коммерческими целями, и никто не должен был чинить им каких-либо препятствий.

Зафиксированные в договоре изменения создали принципиально новую геополитическую ситуацию в Северной Америке, что было связано прежде всего с новой конфигурацией английских и французских владений. Став полновластными хозяевами побережья Гудзонова залива, Ньюфаундленда и Акадии, англичане, таким образом, во-первых, получили в свои руки прекрасные плацдармы на подступах к французским владениям; во-вторых, ограничили для своих соперников доступ к морю и его ресурсам; в-третьих, сузили пространство, открытое для дальнейшей экспансии французов. Кроме того, англичане, а отчасти и жители их колоний получили весьма значительные экономические выгоды, а французы соответственно убытки, от приобретения/потери новых территорий.

После 1713 г. Новая Франция была фактически с трех сторон окружена английскими владениями (см. карту 7). С этого момента,

Карта 7. Северная Америка после Утрехтского мира

1, 2 — французские владения; *3* — британские владения; *4* — испанские владения; *5* — спорные территории.

как выразился Л. Гру, «Америка повернулась к морю английским фасадом», а Канада «стала сугубо внутренней колонией, находящейся под угрозой удушения, в полной зависимости от своего английского соперника.[334] Со своей стороны Ф.-К. Гарно считал, что Утрехтский договор разрушил «целостность» (intégrité) французских колоний на Североамериканском континенте.[335]

На основании этого многие авторы, как англо-саксонские, так и франкоязычные, утверждают, что в 1713 г. уже был предопределен окончательный результат англо-французского соперничества в Северной Америке. Например, тот же Л. Гру считал, что «Утрехтский договор был лишь прелюдией к Парижскому договору 1763 г.».[336] Дж. М. Тревельян полагал, что после Утрехтского мира в «борьбе за будущий доминион Канада <...> перелом уже был достигнут».[337] По мнению Х. И. Пристли, зафиксированная в Утрехтском договоре «уступка территорий, господствоваших над рекой и заливом Св. Лаврентия, означала, что Северная Америка не может не стать британской».[338]

[334] *Groulx L.* Histoire du Canada français depuis la découverte: 2 t. T. I: Le Régime français. Montréal, 1963. P. 151.
[335] *Garneau F.-X.* Op. cit. P. 484.
[336] *Groulx L.* Op. cit. T. I. P. 151.
[337] *Trevelyan J. M.* Op. cit. Vol. III. P. 185.
[338] *Priestley H. I.* France Overseas through the Old Régime: A Study of European Expansion. New York; London, 1939. P. 156.

Значение Утрехтского договора для истории Северной Америки безусловно очень велико, однако говорить о том, что в 1713 г. исход борьбы Англии и Франции за этот континент был уже ясен, на наш взгляд, не совсем корректно как с точки зрения дальнейшего развития событий, когда за четвертьвековым периодом войн последовала мирная передышка, продолжавшаяся более трех десятилетий, так и с точки зрения того, что Франция сохранила достаточно прочные позиции в Северной Америке (в данном случае не важно, какими соображениями она при этом руководствовалась), а самое главное — осталась ведущим игроком в Европе.

Безусловно, все изменения, произошедшие в колониях в результате Войны за испанское наследство, ставили перед французами, не собиравшимися сдавать своих позиций в Северной Америке (равно как и перед англичанами, имевшими свои виды на этот континент), новые стратегические и тактические задачи, достижение которых грозило новыми конфликтами. Будущему спокойствию, конечно же, не способствовало то, что Утрехтский договор, оставил множество неразрешенных проблем. Если границы между владениями Компании Гудзонова залива и Новой Францией должны были быть установлены Комиссией уполномоченных, то о границах между Канадой, Нью-Йорком и ирокезами не упоминалось вообще. Многозначительное упоминание о «старинных пределах» Акадии открывало широчайший простор для самых различных трактовок данного сюжета обеими сторонами.

* * *

Утрехтский мир и переговоры, предшествовавшие его подписанию, явились отражением реальной расстановки сил в Европе и за ее пределами и в то же время отражением позиции и подходов английского и французского правительств к ключевым проблемам внешней и колониальной политики. Не стоит удивляться, что ради сохранения испанского престола за своим внуком Людовик XIV сделал англичанам значительные уступки в колониях (кстати, гораздо большие, чем сам Филипп V). В результате позиции Франции в Новом Свете пострадали сильнее, чем позиции Испании. Впоследствии многие французские и франко-канадские историки сетовали на то, что Людовик XIV легко отдал англичанам Акадию, переселенческую колонию,[339] где (в отличие от побережья Гудзонова залива и Ньюфаундленда) в то время уже имелось небольшое, но достаточно консолидированное население, в дальнейшем сложившееся в своеобразную этническую группу. Однако такой шаг был вполне законо-

[339] См. напр.: *Генен Е.* Новая Франция. М., 1901. С. 316.

мерен для того времени, когда целые народы и государства в самой Европе и тем более за ее пределами легко приносились в жертву политическим, династическим, религиозным интересам и амбициям монархов, зачастую мысливших такими категориями, как «слава», «величие», «престиж», которые в их представлениях и составляли (или заменяли) национальные интересы.

Хотя англичане на заключительном этапе Войны за испанское наследство перебросили в Северную Америку значительные воинские контингенты и сделали попытку (правда, неудачную) изгнать французов с континента, следует помнить, что организация экспедиции 1711 г. была продиктована в первую очередь сугубо европейскими причинами. В то же время на мирных переговорах представители королевы Анны уделили значительное (по крайней мере, более значительное, чем раньше) внимание колониальным сюжетам и приложили определенные усилия, чтобы заставить своих соперников уступить территории, уже давно облюбованные Лондоном. Как мы видели, уступка Ньюфаундленда и побережья Гудзонова залива изначально рассматривалась и вигами, и тори как непременное условие мира с Францией.

Мы позволим себе не полностью согласиться с Дж. С. Грэхемом, утверждавшим, что Война за испанское наследство была «в определенном смысле войной бизнесмена», а завершивший ее мир был «миром бизнесмена».[340] О «бизнес-характере» этой войны и завершившего ее мирного договора, на наш взгляд, можно говорить только применительно к Великобритании и то только помня о том, что наряду с «бизнес-задачами» правительство королевы Анны в ходе этой войны решало также многообразные военные и политические задачи. Что же касается Людовика XIV, то в его политике «бизнес» всегда играл роль сугубо второстепенную, а главное подчиненную по отношению к «славе» и «престижу» Франции, династии Бурбонов и его лично.

Другое дело, что в ходе Войны за испанское наследство и особенно на последовавших за ней переговорах, пожалуй, впервые в европейской и мировой истории традиционный (феодально-абсолютистский) подход к международным отношениям, где основную роль играли тесно связанные друг с другом династические и политические интересы монархии, столкнулся с подходом нового времени (буржуазным, конституционным) — гораздо более разносторонним, сочетающем в себе (конечно, еще отнюдь не столь органично, как в дальнейшем) разноплановые интересы правительства и верхушки господствующих классов. Утрехтский договор представлял

[340] *Graham G. S.* Empire of the North Atlantic. P. 103.

собой соглашение между этими двумя подходами, причем каждая сторона считала себя в той или иной степени выигравшей. Людовик XIV ценой ряда уступок решил свою главную задачу — сохранил испанский престол за династией Бурбонов, еще раз продемонстрировав всей Европе, что военная мощь Франции отнюдь не подорвана. Англия значительно усилила свои позиции на международной арене, укрепила «европейское равновесие», а также получила ряд заморских территорий и коммерческих привилегий.

Чей выигрыш в итоге оказался реальным, а чей — эфемерным? Если подходить к этому вопросу с позиций историзма, то дать на него однозначный ответ достаточно сложно. Как заметил по поводу ситуации, сложившейся в Европе и во всем мире после Утрехта, П. Шоню, «хотя за Англией было будущее, Франции принадлежало прекрасное настоящее.[341] Это замечание выдающегося историка можно отнести и в целом к той эпохе, носившей ярко выраженный переходный характер, и непосредственно к той ситуации, которая складывалась на международной арене после завершения серии общеевропейских войн конца XVII — начала XVIII в. Новые тенденции и в политическом, и в общественном развитии еще только начинали проявляться, не всегда были заметны современникам, а самое главное на их пути стояло множество препятствий, которые было не так-то просто преодолеть. Это впоследствии англо-саксонские историки могли ставить в заслугу Харли и Болинброку, что при заключении мира с Францией они предпочли добиваться «материальных выгод», а не «унижения старого тирана [Людовика XIV. — *Ю. А.*]».[342] Полемика, развернувшаяся в Британии вокруг Утрехтского мира (а также дальнейшая судьба самих торийских лидеров), свидетельствует о том, что, хотя большинство «политической нации» стремилось к миру, далеко не все разделяли взгляды Оксфорда и Болинброка на то, какими должны были быть его условия и то каким образом он должен был быть заключен.[343]

Существуют различные оценки Утрехтского мира в целом, однако большинство авторов сходится на том, что он положил предел гегемонистским притязаниям Людовика XIV и объективно свидетельствовал об относительном ослаблении Франции (хотя ее силы отнюдь не были подорваны и по-прежнему значительно превосходили силы ее соседей), и в то же время ознаменовал превращение Британии, с одной стороны, в одну из ведущих европейских держав,

---

[341] *Chaunu P.* La civilisation de l'Europe classique. Paris, 1984. P. 126.

[342] См.: *Jones J. R.* Britain and the World, 1649–1815. London, 1980. P. 171.

[343] Можно вспомнить фразу Маколея: «Мы за Утрехтский мир. Но мы никак не почитаем государственных людей, которые заключили этот мир» (*Маколей Т. Б.* Полн. собр. соч. Т. 2. СПб.; М., 1866. С. 161).

а с другой — в лидера на морях и в колониях. Правда, степень и того и другого оценивается по-разному.[344] Не вдаваясь в полемику по данному вопросу, отметим, что Утрехтский договор зафиксировал определенное равновесие, установившееся между Англией и Францией как крупнейшими игроками Старого Света.

Как отметил английский историк Ч. Петри, «Величайшей заслугой этого [Утрехтского. — *Ю. А.*] договора было то, что он признал реально существующие факты. Франция была первой державой в Европе, Филипп был монархом, которого хотела Испания, Великобритания строила колониальную империю <...> Все эти неопровержимые реалии были признаны в Утрехте».[345]

* * *

Отмеченное нами различие в целях, ставившихся англичанами и французами в ходе Войны за испанское наследство, в то же время не означало различия в способах их достижения. Поэтому, возвращаясь к предмету нашего исследования, необходимо подчеркнуть, что подходы Лондона и Парижа непосредственно к решению проблем, связанных с Североамериканским континентом, отличались не столь существенно. Самое главное состояло в том, что независимо от того, где в то время находились основные интересы Англии, судьба всех компонентов испанского наследства решалась все-таки на полях сражений в Европе. Именно победы, одержанные Мальборо, позволили английским дипломатам в ходе мирных переговоров выдвинуть требования уступок в колониях (а также в колониальной торговле). Сам по себе исход борьбы в самой Северной Америке повлиял на позицию, занятую державами, не слишком значительно. На Ньюфаундленде и на побережье Гудзонова залива (уступки которых англичане добивались с самого начала) им не удалось достичь крупных военных успехов. Более того, если на севере сохранялось хотя бы определенное равновесие, то практически весь Ньюфаундленд к концу войны находился в руках французов. Однако именно эти территории, с точки зрения Лондона, представляли наибольшую ценность, что было связано с тем, что в них были заинтересованы в первую очередь коммерсанты и судовладельцы самой Англии. В этом смысле присоединение к английским владениям Акадии было более случайным. Точнее, оно было вызвано не только заинтересованностью метрополии (хотя она тоже, несомненно, была), но прежде всего давним стремлением Массачусетса обезопасить свои границы и получить доступ

---

[344] Ср., напр.: *Rain P.* Op. cit. P. 129; *Wakeman H. O.* The Ascendancy of France, 1598–1715. London, 1955. P. 368; *Ashley M.* Louis XIV and the Greatness of France. London, 1946. P. 229.

[345] *Petrie Ch.* Diplomatic History: 1713–1933. London, 1946. P. 14.

к природным ресурсам соседней французской колонии, ради чего бостонцы были готовы пойти на крупные затраты и значительные усилия. Можно сказать, что захват Пор-Руайяля явился первым совместным англо-американским предприятием, в котором метрополия и колонии сыграли разные, но дополняющие друг друга и взаимосвязанные друг с другом роли.

Говоря об итогах Семилетней войны, Питт старший произнес фразу, которую часто цитируют историки: «Америка была завоевана в Германии». Мы ранее уже пытались выяснить, насколько было справедливо это утверждение применительно к реалиям конфликта 1756–1763 гг.,[346] однако сейчас хотелось бы подчеркнуть, что побережье Гудзонова залива, Ньюфаундленд, а в определенной степени и Акадия действительно были «завоеваны в Германии», а точнее, во Фландрии. В первую очередь именно исход европейских компаний определил решение их судьбы на мирных переговорах. В результате, как выразился английский историк Дж. Уильямсон, «успех союзников в Европе при заключении мира обеспечил [англичанам. — *Ю. А.*] бóльший выигрыш, чем заслуживала борьба в Америке».[347]

В то же время для Людовика XIV потери, которые Франция понесла в Новом Свете, имели прежде всего моральное значение. Не случайно полвека спустя Г. Т. Ф. Рейналь писал: «Можно представить в какой степени те жертвы, на которые пошел Людовик XIV, обозначали его унижение и сколько это стоило его гордости — уступить три владения [Ньюфаундленд, Акадию и побережье Гудзонова залива. — *Ю. А.*], которые образовывали вместе с Канадой обширную страну, известную под славным именем Новая Франция».[348]

* * *

Подводя общие итоги данной главы, можно отметить следующее. Военные действия в Северной Америке во время Войны за испанское наследство отличались от событий, имевших место в ходе всех предыдущих конфликтов, прежде всего тем, что впервые за всю историю англо-французской борьбы на этом континенте одной из сторон была предпринята попытка радикально изменить сложившуюся ситуацию и добиться полного подчинения владений соперника. Для этого Англия направила за океан силы, на порядок превышающие те, которые традиционно были задействованы в конфликте, и позволявшие, как казалось, одним ударом покончить с французским

---

[346] *Акимов Ю. Г.* Очерки... С. 304–305.

[347] *Williamson J. A.* A Short History of British Expansion. The Old Colonial Empire: In 2 vols. Vol. 1. London, 1930. P. 335.

[348] Цит. по: *Réveillaud E.* Histoire du Canada et des canadiens français de la découverte jusqu'à nos jours. Paris, 1884. P. 185.

присутствием в Канаде. В то же время, как мы уже не раз отмечали, поход эскадры Уолкера, во-первых, состоялся, когда Англия уже, в основном, добилась достижения целей, ставившихся ей в ходе войны, а во-вторых, был организован прежде всего объективно в силу европейских (и даже более того, внутрианглийских) причин, хотя субъективно активная деятельность Ветча и других экспансионистов, связанных с американскими колониями, также сыграла здесь свою роль.

Не менее интересным моментом была попытка заключения сепаратного соглашения между Францией и английскими колониями, когда Версаль, предвосхищая свою политику времен Американской революции, пытался в своих интересах использовать противоречия между Англией и ее заокеанскими владениями.

В целом, одиннадцать лет войны сами по себе не привели к каким-либо существенным изменениям в расстановке сил в Северной Америке (может быть, за исключением захвата Пор-Руайяля). Ни одна из сторон не смогла реализовать своих стратегических планов на этом континенте, хотя англичане и жители их колоний предприняли ряд попыток это сделать. Что касается французов, то они были вынуждены уйти в глухую оборону, чтобы отстоять свои позиции.

В ходе Войны за испанское наследство число очагов конфликта увеличилось за счет юго-востока современных США, где помимо англичан, французов и индейцев действовали подданные испанского короля.

Что касается участников конфликта, то, на наш взгляд, наибольшее значение здесь имело дальнейшее усиление самостоятельности английских колоний (происходившее на фоне их общего поступательного развития и обусловленное многими причинами). В то время как в части из них (или, точнее, среди части их элиты) усиливалось стремление использовать сложившуюся ситуацию (а заодно и ресурсы метрополии) в своих интересах, другие предпочитали, наоборот, не участвовать в конфликте, не находя в этом никаких выгод. Мы никак не можем согласиться с утверждением Х. Э. Эгертона, что в период Войны за испанское наследство «в своей враждебности Франции метрополия и колонии составляли сердечное единство».[349] О каком «сердечном единстве» может идти речь, когда на протяжении первых семи лет войны Нью-Йорк открыто устранился от борьбы, придерживаясь необъявленного нейтралитета, в то время как Новая Англия подвергалась нападениям французов и индейцев, не говоря уже о позиции других центральных и южных колоний, ни одна из

[349] *Egerton H. E.* A Short History of British Colonial Policy: 7th ed. London, 1924. P. 126.

которых (за исключением Южной Каролины) отнюдь не спешила принять участие в войне.

Однако нельзя не отметить и тот факт, что экспансионистски и соответственно антифранцузски настроенная часть колониальной верхушки все сильнее и яснее осознавала необходимость тесного сотрудничества с метрополией и ту выгоду, которую оно давало. В то же время на берегах Туманного Альбиона некоторые политики и чиновники также считали необходимым налаживание взаимодействия с колониями с учетом не только чисто английских, но и колониальных интересов; и в целом развитие империи и имперских связей шло по восходящей линии. При этом огромную роль играл личностный субъективный момент (не случайно современный канадский историк Дж. Д. Олсоп назвал период Войны за испанское наследство «Эрой прожектеров»[350]), а также колониальное лобби. При этом оба этих фактора действовали в благоприятном для них климате антифранцузских настроений правительства и формирующегося среди «политической нации» общественного мнения, постепенно все больше влиявшего на процесс принятия решений в области внешней и колониальной политики.

Правда, такие настроения пока еще не были господствующими. Не случайно во время Войны за испанское наследство (по крайней мере, до 1709 г.) английское правительство больше всего интересовал вопрос, смогут ли колонии в Северной Америке обеспечить поставки продовольствия для войск Ее Величества на Пиренейском полуострове.[351] Сам же по себе Североамериканский театр боевых действий по-прежнему оставался на втором плане. До прихода к власти Питта старшего было еще очень далеко, и применительно к началу XVIII в. мы можем говорить только об осторожном медленном и постепенном начале появления некоторых новых тенденций и/или об исключениях из правил. К первым, по нашему мнению, относятся события 1710 г. (переброска небольшого контингента для осуществления операции против Акадии), а ко вторым — 1711 г. (экспедиция Уолкера).

На наш взгляд, применительно к периоду 1702–1713 гг. можно говорить не столько об изменении характера борьбы *в* Северной Америке (хотя определенные изменения здесь, конечно, также имели место), сколько *за* Северную Америку, что было вызвано в первую очередь опять-таки европейскими причинами: относительным усилением Англии и ослаблением Франции, а также особенностями их

---

[350]См.: *Alsop J. D.* The Age of Projectors: British Imperial Strategy in the North Atlantic in the War of Spanish Succession // Acadiensis. 1991. Vol. XXI, No 1 (Autumn). P. 30–53.

[351]Об этом см., напр.: *Haffenden Ph. S.* New England in the English Nation, 1689–1713. Oxford, 1974. P. 154.

социально-экономического и политического развития, проявившимся в конечном итоге и в колониальной сфере. Именно изменение соотношения сил в Европе в итоге и позволило осуществить перемены на политической карте Северной Америки, руководствуясь подходами, принятыми по отношению к колониям (а также частично с учетом сложившейся там ситуации).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История первых ста лет англо-французского соперничества в Северной Америке кому-то может показаться пестрой смесью разноплановых разрозненных, а порой и случайных событий. Однако при более пристальном взгляде перед нами открывается сложный, многоуровневый процесс, где сплелась большая политика великих держав и интересы жителей их колоний, которые в будущем сами превратились в великие державы. Англо-французские конфликты, имевшие сугубо европейские причины, приводили к кровопролитным столкновениям по другую сторону Атлантики, а стычки, происходившие в лесной глуши континента, точные очертания которого еще не были известны, оказывали воздействие на отношения Лондона и Парижа. В то же время контакты англичан и французов *в* Северной Америке и *по поводу* Северной Америки не сводились только к переговорам в европейских столицах и к вооруженному противостоянию в отдаленных колониях. Они принимали разные формы и осуществлялись на различных, не всегда напрямую связанных друг с другом уровнях.

Начать подведение итогов стоит с установления периодизации. В англо-французских отношениях в Северной Америке и применительно к Северной Америке в XVII — начале XVIII в. можно выделить *три больших этапа.*

Первый — от начала колонизации (рубеж XVI–XVII вв.) до подписания договора в Сен-Жермен-ан-Лэ (1632). Это было время претворения в жизнь колониальных схем, возникновения первых постоянных английских и французских поселений в Северной Америке. Контакты между подданными двух держав в этот период сводились к отдельным стычкам и каперским операциям, к которым ни Лондон, ни Париж не имели прямого отношения. Однако благодаря этим «самодеятельным» акциям, именно в это время североамериканские сюжеты вошли в орбиту англо-французских отношений, хотя и за-

няли там третьестепенное, а главное достаточно обособленное положение.

Второй — от подписания договора в Сен-Жермен-ан-Лэ (1632) до Славной революции (1688) и вступления Англии в Войну Аугсбургской лиги (1689). В этот период в Северной Америке между англичанами и французами в основном наметились зоны конфликта. В то же время английские и французские колонии по собственной инициативе установили контакты друг с другом и таким образом впервые выступили в качестве самостоятельных участников международных отношений. Отношения же между метрополиями с начала 30-х до конца 80-х годов XVII в. развивались в целом в мирном и дружественном русле (за исключением «неопределенного» периода Английской революции и непродолжительного разрыва 1666–1667 гг.); более того, Лондон и Париж несколько раз выступали как военные союзники. В этой ситуации и английское, и французское правительство были заинтересованы в том, чтобы колониальные конфликты не осложняли их отношения в Европе. Именно эти обстоятельства обусловили заключение Договора об Американском нейтралитете и определили развитие ситуации в колониальной Северной Америке.

Третий — от вступления Англии в Войну Аугсбургской лиги (1689) до окончания Войны за испанское наследство и подписания Утрехтского мира (1713). Основную часть этого четвертьвекового отрезка времени занимали две общеевропейские войны; в первой из них Англия являлась одним из главных участников, а во второй — лидером антифранцузской коалиции. В ходе обеих этих войн Североамериканский континент стал одним из театров боевых действий, а колониальные проблемы рассматривались на переговорах в Рисвике и Утрехте. В это время английские колонии не просто продолжали достаточно самостоятельно действовать на международной арене (естественно в рамках Североамериканского континента), но также стали пытаться оказывать воздействие на принятие решений в Лондоне. В этот период англо-французское противостояние в Северной Америке окончательно приобрело трансконтинентальный характер, охватив огромное пространство от юго-востока США и побережья Мексиканского залива на юге до района Гудзонова залива на севере, от рыболовных станций и отмелей Атлантического региона Канады на востоке до побережья Великих озер в самом сердце континента.

Состав участников (акторов) рассмотренных нами международных процессов был неоднороден. Безусловно, основными игроками здесь были метрополии. Они воздействовали на ситуацию в Север-

ной Америке двумя путями: силовым и дипломатическим. Силовое воздействие могло осуществляться как напрямую (отправка экспедиционных сил из Европы для проведения конкретных операций), так и опосредованно, когда в качестве наступательного орудия использовались силы колоний и/или союзных индейцев.

Английские, а в некоторой степени и французские колонии также выступали в качестве своеобразных региональных акторов, сфера внешнеполитической активности которых была ограничена Североамериканским континентом. С середины 1640-х годов первые самостоятельные внешнеполитические акции предпринял Массачусетс и вся Конфедерация Новой Англии, во второй половине 1660-х годов их примеру последовал Нью-Йорк, а на исходе XVII в. — Южная Каролина. Отдельные попытки проводить самостоятельную политику в отношении английских соседей делали руководители французских колоний.

Международная деятельность колоний включала проведение самостоятельных силовых акций, ведение переговоров и заключение политических и коммерческих соглашений, а также самостоятельное решение вопросов войны и мира. Однако предпринимая определенные действия, несанкционированные метрополиями (непредусмотренные хартиями, инструкциями и т. п.) и/или даже идущие вразрез с их политикой, колонии параллельно в той или иной форме продолжали выступать в качестве исполнителей воли европейских монархов и их министров.

Такая ситуация была вызвана к жизни рядом причин, связанных с общей спецификой английской и французской колонизации Северной Америки в XVII — начале XVIII в., конкретными особенностями развития колоний Новой Англии, ситуацией, складывавшейся в метрополиях, и т. п. Однако, говоря об определенной «независимости» английских и французских колоний, проявлявшейся в том числе и во внешнеполитической сфере, следует учитывать, что самостоятельность первых была самостоятельностью сильного, самостоятельностью, опиравшейся на значительные и все возрастающие людские, материальные и духовные ресурсы стремительно развивавшегося англо-американского общества, тогда как самостоятельность вторых была самостоятельностью слабого, самостоятельностью зачастую вынужденной, вызванной недостаточностью собственных сил и отсутствием внятной политики и сколько-нибудь существенной поддержки со стороны метрополии, что заставляло руководителей Акадии и Канады на свой страх и риск вступать в контакты с более сильными и богатыми соседями.

Своеобразную роль в отношениях англичан и французов играли многочисленные индейские племена, волею судеб оказавшиеся втя-

нутыми в политику «бледнолицых». Несмотря на всю сложность, а порой и явный трагизм своего положения, индейцы постепенно освоились в ситуации, сложившейся на континенте, и пытались отстаивать свои собственные интересы, в том числе и проводя самостоятельную внешнюю политику. Ярким примером этого стал переход Лиги ирокезов к политике нейтралитета, произошедший в 1700–1701 гг. По словам Дж. Блэка, «Ирокезская конфедерация в XVII в. была в состоянии действовать как великая Североамериканская держава, являясь более или менее равным соперником англичан и французов в военных конфликтах этого региона».[1]

По мере развития (крайне неравномерного и разнонаправленного) английских и французских владений в Северной Америке, расширения сферы экспансии двух держав, на континенте образовались сначала отдельные точки, а потом более обширные зоны столкновения военно-политических и экономических интересов участников колонизационного процесса. К началу XVIII в. таких зон было пять. Это:

— побережье Гудзонова залива;

— район Ньюфаундлендских отмелей;

— пограничные области между Акадией и Новой Англией;

— Страна ирокезов и прилегающие к ней территории на границе Нью-Йорка и Канады;

— район американского юго-востока, расположенный «на стыке» французской Луизианы, английской Южной Каролины и испанской Флориды.

В каждом из этих регионов в отношениях между англичанами и французами имелась своя специфика, определявшаяся прежде всего интересами и возможностями сторон. Заинтересованность (и соответственно степень вовлеченности) обеих метрополий, а также заинтересованность и возможности тех или иных колоний двух держав в проведении определенного (или неопределенного) курса применительно к каждому конкретному региону были различными. Так, Лондон прикладывал значительные военные и дипломатические усилия для обеспечения своего контроля над Ньюфаундлендом и побережьем Гудзонова залива, поскольку это отвечало интересам ряда влиятельных группировок в самой Англии, тогда как другим регионам уделялось меньше внимания и соответственно сил и средств.

В метрополиях и в колониях принятие конкретных политических решений, имевших отношение к Североамериканскому континенту,

[1] *Black J.* War and the World. Military Power and the Fate of Continents, 1450–2000. New Haven; London, 2000. P. 74.

происходило под воздействием множества объективных и субъективных факторов, которые можно разделить на четыре большие группы.

А. *Отношения между метрополиями, соотношение их сил и особенности их развития в целом.* Здесь необходимо учитывать, во-первых, эволюцию англо-французских отношений от преимущественно более мирных (а временами и союзнических) в начале рассматриваемого нами периода ко все более напряженным и враждебным (с конца 1680-х годов). Во-вторых, наличие (по крайней мере до конца XVII в.) явного перевеса сил на стороне Франции, в одиночку противостоявшей общеевропейским коалициям. В-третьих, социальные потрясения, которые переживала Англия в середине XVII в., а также первые проявления кризиса французского абсолютизма в конце царствования Людовика XIV. В-четвертых, качественные изменения, произошедшие во внешней политике Лондона после Славной революции, усиление военной и морской мощи Англии и ее политического веса в конце XVII — начале XVIII в.

Б. *Особенности колониальной политики двух держав.* Во-первых, это отнюдь не первостепенная роль колоний в политике английского и французского государства на всем протяжении рассматриваемого нами периода. Во-вторых, активное участие различных слоев английского общества в заморской экспансии страны, быстрое развитие английских колоний в Северной Америке и рост численности их населения, начало формирования (с последних десятилетий XVII в.) имперских экономических и политических связей. В-третьих, государственный характер французской колониальной политики, малочисленность населения, экономическая и военная слабость заморских владений Парижа при колоссальных масштабах французской экспансии и ее преимущественно политическом характере.

В. *Специфика подходов Лондона и Парижа к международно-правовому статусу колоний.* С одной стороны, здесь необходимо учитывать притязания обеих держав на территории, многократно превосходящие те, которые реально были включены в орбиту их экспансии, а также отсутствие в колониях установленных и признанных границ. С другой — определенное влияние как на позицию метрополий, так и на ситуацию в колониях Доктрины двух сфер и порожденной ей традиции подходить к европейским и заморским коллизиям с разной меркой.

Г. *Специфика колониальной ситуации.* В нашем случае это, во-первых, географическая удаленность колоний от метрополии, затруднявшая оперативную связь с ней; во-вторых, география континента, во многом детерминировавшая направление французской

экспансии, развивавшейся по речным путям; в-третьих, роль «индейского фактора».

Помимо этих четырех групп факторов следует учитывать наличие множества несовпадающих интересов — определенных кругов в правительствах метрополий, колониальных администраций, различных групп, действовавших по обе стороны Атлантики (торговых компаний, религиозных объединений и т. п.), наконец отдельных личностей, влиявших на процесс принятия того или иного решения. И во время войны и во время мира колониальное соперничество было гораздо сильнее подвержено влиянию различных коллективов и индивидуумов, чем другие направления политики Лондона и Парижа (прежде всего по сравнению с их европейской политикой).

В подходах английского и французского правительств к колониальным проблемам (имеются в виду в первую очередь те моменты, которые оказывали влияние на развитие отношений и соперничества двух стран в Северной Америке) наряду с общими чертами имелись и существенные различия. Как уже было отмечено выше, на всем протяжении рассматриваемого нами периода и у Лондона, и у Парижа колониальные и в том числе Североамериканские сюжеты никогда не стояли на первом месте. Основные интересы Англии и Франции были сосредоточены в Европе. В то же время если французская внешнеполитическая активность на всем протяжении рассматриваемого нами периода была связана прежде всего с политическими и династическими интересами абсолютизма, то в Англии спектр побудительных мотивов внешней политики был шире. На нее постепенно (особенно в последней трети XVII — начале XVIII в.) начинали оказывать определенное влияние различные группировки правящего класса, интересы которых были весьма разнообразны. В то же время в отличие от Людовика XIV английские короли и королевы в гораздо меньшей степени мыслили такими категориями, как «престиж», «слава» и т. п.

Следует также отметить, что отношение французского правительства к колониальной политике при Старом Порядке в целом оставалось неизменным (подъемы и спады колониальной активности Франции в этот период были связаны главным образом с подъемами и спадами в развитии абсолютизма). В то же время по другую сторону Ла-Манша наблюдалась определенная динамика, связанная с относительным повышением внимания лондонского правительства к заморским сюжетам, в том числе и к вопросам, связанным с защитой английских колониальных интересов на международной арене (что было тесно связано с отмеченной выше эволюцией политического строя Англии, ростом влияния «политической нации» на политику,

увеличением ее военной мощи). Иными словами, если во Франции на всем протяжении рассматриваемого нами временного отрезка колониальная политика оставалась на «дальнем» плане, то в Англии она перешла с «дальнего» на «средний».

С конца XVII в. определенные (хотя пока еще не очень широкие) круги в Англии и в ее колониях постепенно стали рассматривать метрополию и ее заморские владения в качестве единого политического и экономического пространства, обозначая его термином «Британская империя». Борьба с Францией как в Европе, так и в Северной Америке объективно отвечала интересам всех частей этой империи, однако в полной мере это осознавали пока еще только отдельные представители правящих кругов метрополии и колониальной верхушки. Действия, решения и идеи, принимавшиеся в Лондоне и в административных центрах его колоний, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что для Англии после Славной революции соперничество с Францией (в том числе на Североамериканском континенте) начало приобретать имперский характер, который будет столь характерен для британской политики последующих столетий, однако определяющим он все же еще не стал. С нашей точки зрения это произошло позднее — в годы Семилетней войны. Пока, как мы видели, Англия действовала в первую очередь как европейская держава и лишь во вторую — как Атлантическая империя (а ее колонии не могли кардинально изменить эту ситуацию).

В англо-французских войнах конца XVII — начала XVIII в. (не говоря уже о конфликтах более раннего периода) Североамериканский театр боевых действий играл в целом второстепенную роль. Основные силы противников были сосредоточены в Европе. Только применительно к заключительному этапу Войны за испанское наследство можно говорить о некотором относительном повышении внимания английского правительства к Северной Америке, что, как мы видели, было непосредственно связано с развитием ситуации в Европе и в самой Англии.

Мы не можем полностью согласиться с утверждением Е. Б. Черняка о том, что «в войнах конца XVII — начала XVIII в. оказались слитыми борьба между Францией и морскими державами за торговую и колониальную гегемонию с борьбой европейских держав против угрозы утверждения французской политической гегемонии на европейском континенте».[2] На наш взгляд, весь изложенный и проанализированный нами материал свидетельствует как раз о том, что ни во время Войны за испанское наследство, ни тем более во время

[2]История Европы: В 8 т. Т. 4: Европа Нового времени (XVII–XVIII века). М., 1994. С. 438.

Войны Аугсбургской лиги такого слияния не произошло. Страны, участвовавшие в этих войнах, преследовали различные цели, однако и у Франции, и у Голландии, и у Испании (не говоря уже об Австрии, Савойе, Бранденбурге и др.) и даже у Англии эти цели относились прежде всего к Европе, а главное именно в Европе они стремились их достичь. Людовик XIV воевал против Великого Союза вовсе не только и не столько для того, чтобы обеспечить французским купцам доступ к торговле в испанских владениях, но прежде всего чтобы защитить справедливые, с его точки зрения, права внука (тем более нельзя согласиться с Е. В. Тарле, который сравнивал политику Людовика XIV в период Войны за испанское наследство с колониальными установками Вильгельма II в годы Первой мировой войны[3]).

В то же самое время англичане и голландцы воевали с Королем-Солнце в первую очередь не ради асьенто и ньюфаундлендских отмелей, а ради поддержания равновесия в Европе и обеспечения собственной безопасности путем сохранения «барьера» в южных Нидерландах, признания протестантского престолонаследия в Англии и недопущения объединения Франции и Испании в рамках личной унии. Только когда победы Мальборо во Фландрии гарантировали выполнение всех этих условий, Лондон счел возможным вознаградить себя за счет заморских владений противника.

Другое дело, что в долгосрочной исторической перспективе переход к англичанам Ньюфаундленда, Акадии и побережья Гудзонова залива, а также признание их суверенитета над ирокезами парадоксальным образом имело гораздо бóльшее значение, чем многие другие условия Утрехтского мира, казавшиеся чрезвычайно важными его творцам и современникам. Однако значение последствий тех или иных событий не следует экстраполировать на сами эти события.

На протяжении всего рассматриваемого нами периода внешнеполитические интересы Англии и ее колоний (не говоря уже о ситуации во французских владениях) совпадали далеко не всегда и не полностью, что было обусловлено отмеченными выше факторами. Даже в то время когда антифранцузский настрой английских колонистов соответствовал внешнеполитическим установкам метрополии, единство их действий было весьма относительным. Два конфликта — в Европе и в Северной Америке шли, скорее, параллельно — в одном направлении, но все же (за редким исключением) достаточно изолированно друг от друга. Это явилось еще одной причиной того, что в

[3]См.: *Тарле Е. В.* Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств (конец XV – начало XIX в.). М.; Л., 1965. С. 213–215.

ходе войн конца XVII — начала XVIII в., объективно имея возможность полностью изгнать соперника из его владений, Лондон и его колонии так и не смогли захватить Канаду, ограничившись ударами и приобретениями на периферийных направлениях.

Применительно к рассматриваемому нами периоду достаточно сложно говорить о какой-либо единой английской стратегии в отношении Североамериканского континента (особенно учитывая, что, как уже отмечалось, экспедиция Уолкера не была результатом последовательно проводимой политики, а определенной мере спонтанным действием). В самой Англии устремления основной части «колониальных кругов» к началу XVIII в. ограничивались установлением контроля над Ньюфаундлендскими отмелями и побережьем Гудзонова залива. Более существенными были интересы самих колоний, но у каждой из них они были сосредоточены лишь на каком-либо отдельном регионе. Однако, как мы знаем, ресурсы колоний также были ограничены, а самое главное экспансия, как и активная внешняя политика в целом, отнюдь не пользовались поддержкой у большинства колонистов (включая и значительную часть колониальной верхушки).

Что касается интересов англо-американских экспансионистов, то более или менее значительными они были в Массачусетсе, Нью-Йорке и Южной Каролине. Осознав невозможность своими силами полностью изгнать французов из их североамериканских владений, эти колонии стремились, во-первых, укрепить свои границы, каким-либо способом взяв под свой контроль спорные и/или буферные территории; во-вторых, максимально ограничить сферу экспансии соперника и затруднить для него сам этот процесс. Последнее, правда, у англо-американцев не всегда получалось.

Французская экспансия в Северной Америке велась с гораздо бóльшим размахом. Уже в 1670–1680-е годы французы вышли «в тыл» английских поселений, а на рубеже XVII–XVIII вв. вплотную подошли к созданию колоссального трансконтинентального барьера, перекрывавшего англичанам путь на запад. Как мы видели, определенные круги в Англии и ее колониях увидели в этих действиях французов своих соседей и соперников угрозу для себя.

«Окружение» полоски английских колоний французами в значительной степени было запрограммировано как объективно — общим характером французской экспансии, так и субъективно — географией Северной Америки. В то же время в рассматриваемый нами период ни в Версале, ни в Квебеке данному моменту не придавали большого значения. У правительства Короля-Солнца долина Миссисипи (являвшаяся основным связующим звеном между Канадой и Луизианой) находилась на периферии и без того периферийной ко-

лониальной политики, а что касается Новой Франции, то ее ресурсы и возможности были крайне ограничены.

При этом большинство жителей английских колоний, так или иначе соприкасавшихся с французскими владениями, опасались прежде всего набегов из Канады. Угроза «окружения» волновала лишь вышеупомянутые экспансионистские круги, которые, несмотря на всю свою активность, не могли серьезно напугать этой угрозой ни колонистов, ни тем более английское правительство. Косвенно это подтверждается тем, что и в последующие десятилетия изгнание французов из пусть медленно, но все же развивавшейся Луизианы и соответственно ликвидация угрозы «окружения» и расчистка пути на Запад не являлись приоритетом ни для Лондона, ни для жителей его владений. Даже спустя полвека, во время Семилетней войны, основной целью британского имперского наступления стала Канада. На западе англо-американцев с 1740-х годов привлекали прежде всего плодородные земли долины Огайо, причем интерес к ним был продиктован не стратегическими, а экономическими соображениями. Сама долина Миссисипи с тонкой линией крошечных французских фортов, которую американские историки любят называть «железной цепью» или «французским барьером»,[4] оказалась на периферии конфликтов середины XVIII в.; а по условиям Парижского мира 1763 г. западная часть Луизианы была передана Испании, что не вызвало особых возражений ни в самой Англии, ни в ее колониях.

На наш взгляд, характер французской стратегии по отношению к Северной Америке можно определить как активно оборонительный. Эта стратегия состояла прежде всего в сдерживании английского продвижения в глубь континента, а также в сохранении и поддержании там французского присутствия. Лондон и его владения, как мы уже отметили, не имели единой стратегии в отношении Северной Америки, но вся английская политика по отношению к французам носила там в целом наступательный (пусть и несколько хаотично) характер.

Объективно на протяжении всего рассматриваемого нами периода англичане обладали на Североамериканском континенте гораздо бóльшими ресурсами, чем их соперники. Сами французы честно признавали, что «англичане — самые способные люди в мире по части создания новых колоний и их приумножения».[5] Соответственно англичане вполне могли создавать и создавали реальные угрозы фран-

---

[4] Последнее определение принадлежит Р. Биллингтону. См.: *Billington R. A.* Westward Expansion: A History of the American Frontier. New York; London, 1970. P. 103–131.

[5] <Документ без названия> (1711) // Archives du ministère des affaires étrangères. Fonds anciens. Correspondance politique, Angleterre. Vol. 237. F. 209.

цузским колониям. В то же время во владениях Парижа ситуация была такова, что нанести сколько-нибудь существенный удар по противнику французы были просто не в состоянии (что заставляло их использовать тактику мелких набегов).

Военная и дипломатическая борьба англичан и французов в Северной Америке и за Северную Америку имела ряд специфических черт, существенно отличаясь от отношений этих держав в Европе.

■ В войнах, происходивших в рассматриваемый нами период в Европе, боевые действия, как правило, не преследовали цели, которую можно было бы назвать «решающей», т. е. полного подчинения/уничтожения какого-либо государства или резкого изменения сложившейся ситуации/равновесия (даже Людовик XIV при всех своих амбициях объективно осознавал невозможность реализации всех своих планов, не говоря уже о том, что, даже находясь на вершине могущества, он был на деле весьма далек от их осуществления).

В колониях все участники международных отношений так или иначе ставили задачу вытеснения противника из его владений, полного подчинения/завоевания колоний другой державы, установления контроля над всеми территориями, на которые мог претендовать противник.

■ На протяжении всего рассматриваемого нами периода по обе стороны Ла-Манша увеличивалась и расширялась власть монархов и/или центральных правительств над территориями метрополий, увеличивался объем материальных и людских ресурсов, которые находились в их распоряжении. В сфере военной организации и Франция, и Англия (последняя, правда, с определенными оговорками) переходили к постоянным регулярным армиям. В обеих странах усиливался контроль главы государства над внешней политикой и применением военной силы, которые все более превращались в его исключительную прерогативу.

В колониях и в колониальной политике мы наблюдали иную ситуацию. В силу ряда причин контроль Лондона и Парижа над их североамериканскими колониями был достаточно слаб, а ресурсы, которые они могли использовать в своих заморских владениях, — весьма ограничены. Регулярные английские и французские воинские контингенты, дислоцированные в Северной Америке постоянно, были невелики, относительно крупные силы направлялись за океан лишь эпизодически; в этой ситуации основу военных сил в колониях обеих держав составляли вооруженные поселенцы и индейские воины. В то же время еще в момент основания колоний их администрации получили определенную самостоятельность в принятии внешнеполи-

тических решений и проведении силовых операций. В дальнейшем эта самостоятельность продолжала расширяться.

■ Во второй половине XVII — начале XVIII в. для ведущих европейских держав войны стали относительно менее деструктивными событиями (по сравнению с войнами предшествующих и последующих эпох: Тридцатилетней войной, Наполеоновскими войнами и т. п.). В эпоху Людовика XIV военные конфликты в Европе, как правило, удерживались в пределах достаточно четко очерченных рамок и правил. Боевые действия велись в приграничных районах, их ключевыми моментами являлась длительная осада крепостей и редкие генеральные сражения регулярных армий. В колониях ничего подобного не было. Как мы видели, конфликты между англичанами и французами в Северной Америке достаточно быстро приобрели «тотальный» характер. Они прямо или косвенно затрагивали практически все слои населения участвовавших в них колоний, охватывали большую территорию, оказывали значительное воздействие на очень многие стороны жизни колониальных обществ, несмотря на существенно более низкую плотность населения и гораздо меньшую численность участников боевых действий, чем в Европе.

Отмеченный выше характер европейской политики, с точки зрения современных специалистов, был порожден значительным сходством противоборствовавших государств в уровне и показателях их экономического развития, военной тактике, а отчасти в политической системе, социальной структуре, идеологии и т. п., которое объективно перевешивало различия.[6] На наш взгляд, к этому следует добавить, что начиная с середины XVII в. международные отношения в Европе строились на Вестфальских принципах, среди которых важнейшее место занимал принцип равновесия и баланса сил. В результате войны последней трети XVII — начала XVIII в. не привели к каким-либо необратимым / кардинальным изменениям, по крайней мере в том, что касалось таких главных европейских игроков, как Англия и Франция.

В колониях ситуация была иной. С одной стороны, как мы знаем, различия между владениями Лондона и Парижа (особенно между Новой Англией и Новой Францией) в силу ряда причин были чрезвычайно существенны. Это касалось и социально-экономического строя, и политической организации, и особенно религиозных вопросов. С другой стороны, на протяжении долгого времени колониальные державы в своих действиях за пределами Старого Света руководствовались иными международно-правовыми установками, неже-

[6] См., напр.: *Kaiser D.* Politics and War: European Conflicts from Philip II to Hitler. Cambridge (Mass), 1990. P. 2–3, 139–140.

ли в Европе, и не спешили применять в Западном полушарии Вестфальские принципы. Это было характерно и для последующих десятилетий (и даже столетий).

Иными словами, с международно-правовой точки зрения, английские и французские колонии в Северной Америке находились в ситуации, которая характеризовалась известной неопределенностью, отсутствием взаимного признания границ и прав на территории, занимаемые той или иной державой или находящиеся в сфере ее экспансии. Сюда же следует добавить появившееся еще на заре европейского колониализма представление о заморских землях, как о сфере действия особых международно-правовых норм, отличных от принятых в Европе. Несмотря на то что в XVII в. постепенно происходил отказ от крайних форм Доктрины двух сфер, Вестфальские принципы также пока еще не распространялись за пределами Старого Света. Ни о каком равновесии и балансе сил на море и в колониях речь не шла.

Англо-французское соперничество в Северной Америке явилось важнейшим стимулом самостоятельной внешнеполитической деятельности английских, а в некоторой степени и французских колоний. В то же время их первые самостоятельные шаги на внешнеполитическом поприще происходили в отмеченных нами условиях известной неопределенности колониальной ситуации, отсутствия более или менее надежных и признанных (по сравнению с европейскими) международно-правовых норм и правил игры, оторванности от метрополий вкупе с явным дефицитом уверенности в том, что последние в случае возникновения конфликта сочтут необходимым и/или смогут оказать эффективную военную либо политическую поддержку отдаленным колониям. Свою роль здесь также играли и отмеченные нами общие особенности развития метрополий, их колониальной политики и их заморских владений.

В этой ситуации жители колоний стали искать и вырабатывать свои собственные подходы к внешнеполитическим проблемам, круг которых для них в то время, естественно, ограничивался отношениями с соседними поселениями, принадлежащими другим державам. С середины 1640-х годов сначала Массачусетс, а потом и другие английские колонии по собственной инициативе, без всяких санкций Лондона начали устанавливать контакты с представителями соседних французских владений, вмешиваться в их внутренние дела, а позднее — проводить самостоятельные военные операции и вести переговоры.

По вполне понятным причинам наиболее активную и независимую внешнеполитическую позицию могли занимать и занимали ан-

глийские колонии. В рассматриваемый нами период их внешнеполитическое развитие прошло несколько этапов. Первоначально (до 1688–1689 гг.) колонии действовали, как правило, на свой страх и риск, не будучи уверены в поддержке своих акций со стороны Лондона. После Славной революции наступил короткий период эйфории, когда англо-американцам казалось, что изменение внутри- и внешнеполитической ориентации метрополии сразу же позволит решить проблемы, казавшиеся им наиболее важными. Однако уже со второй половине 1690-х годов в Бостоне и Нью-Йорке стали понимать, что Вильгельм III (позднее — его преемники) озабочены прежде всего европейскими коллизиями, да и на заморские сюжеты смотрят иначе, чем колонисты. В такой ситуации последним пришлось искать точки соприкосновения своих интересов с интересами метрополии, а также способы воздействия на процесс принятия политических и военных решений английским правительством.

У внешнеполитической деятельности английских колоний также сразу же проявились свои собственные отличительные черты.

Во-первых, как мы видели, их внешнеполитические акции практически всегда (особенно в Новой Англии и Нью-Йорке) получали религиозное обоснование. При этом жители Новой Франции воспринимались в английских колониях как «антихристиане», «паписты» и «идолопоклонники». Соответственно борьба против них провозглашалась богоугодным делом, а контакты с ними, хотя и допускались, обставлялись рядом условий и ограничений. Нам представляется, что английские колонисты взяли на вооружение те подходы к международным отношениям, которые в Европе тогда уже становились достоянием прошлого. После Тридцатилетней войны значение конфессионального фактора во внешней политике европейских государств неуклонно снижалось, уступая место концепциям и принципам, характерным для нового времени.

В то же время такой подход несомненно способствовал тому, что в формирующемся англо-американском колониальном обществе по отношению к французам достаточно быстро сформировался весьма устойчивый «образ врага», что также имело важное значение.

Со своей стороны французские колонии, пытаясь установить контакты с Новой Англией еще в середине XVII в., апеллировали к чувству общности всех христиан / европейцев / цивилизованных людей, перед лицом индейцев / язычников / варваров. Несмотря на обилие конфликтов и очень высокую степень вовлеченности в них населения Новой Франции, жители французских колоний в гораздо меньшей степени воспринимали своих английских соседей как врагов. Даже в многострадальной Акадии, которая в рассматриваемый нами период

неоднократно подвергалась нападениям со стороны как Новой, так и «Старой» Англии, в ходу была весьма показательная формула по отношению к англо-американцам — «наши враги-друзья».[7]

Во-вторых, находясь в ситуации, когда ответственность за любую внешнеполитическую акцию в Северной Америке в конечном счете несли метрополии, колонии (как английские, так и французские) на первое место ставили соображения прагматизма, часто стремились к поиску сиюминутных, тактических выгод и преимуществ, особо не задумываясь о последствиях и не строя далеко идущих планов (прекрасным примером здесь может служить позиция Нью-Йорка во время Войны за испанское наследство). Эта же ситуация порождала определенное чувство безнаказанности, что выражалось в стремлении к быстрым решительным, а порой и жестоким действиям с необратимыми последствиями.

В целом английские колонии с середины 40-х годов XVII в. вели достаточно активную внешнеполитическую деятельность в масштабах Североамериканского континента, самостоятельно устанавливая для себя (и соответственно для своих партнеров) принципы и правила игры. Отголоски подходов, выработанных в рассматриваемый нами период, явно прослеживаются в установках американской дипломатии последующих эпох.

Воздействие англо-французского соперничества на развитие американского и канадского общества носило двойственный характер.

Военные конфликты, самостоятельные внешнеполитические акции, само французское присутствие в Северной Америке, рассматривавшееся в качестве постоянной угрозы (независимо от того, насколько она была реальной), быстро сформировавшийся в отношении французов «образ врага» и т. п., безусловно способствовали внутренней консолидации англо-американского общества. Это выражалось в укреплении связей между отдельными колониями, в формировании специфической колониальной идентичности/самосознания как в целом, так и в отдельных колониях (в особенности в колониях с достаточно пестрым этническим составом, например, в Нью-Йорке). В то же время фактор внешней угрозы нередко использовался колониальной верхушкой для укрепления своих позиций, консервации отживших социальных норм и т. п.

Безусловно, по отношению к каждой отдельно взятой английской колонии в Северной Америке «французский» (или внешний) фактор действовал по-разному. Наиболее существенным его влияние (в раз-

[7]Les Acadiens des Maritimes: études thématiques / Sous la direction de J. Daigle. Moncton (N.-B.), 1980.

личной форме) проявлялось по отношению к главным локальным игрокам: Массачусетсу, Нью-Йорку и в несколько меньшей степени Южной Каролине. Все эти колонии активно участвовали в борьбе с французами, все они поддерживали с ними контакты, все они в той или иной степени преследовали при этом свои собственные цели. Достаточно заметное воздействие англо-французское соперничество оказало на пограничные колонии: Нью-Гемпшир и Мэн, а также на английские поселения на Ньюфаундленде. Они были слишком слабы для того, чтобы проводить какие-либо собственные внешнеполитические акции, но в силу своего географического положения оказались в эпицентре борьбы двух держав, в результате имевшей для них в основном негативные последствия. В меньшей степени в конфликтах и контактах с французами участвовали другие колонии Новой Англии: Коннектикут, Нью-Хейвен, Род-Айленд, Новый Плимут. За единственным исключением их территории никогда не становились театром боевых действий; интерес к экспансии в направлении французских владений у них был невелик. Правда, в военное время они, как правило, оказывали поддержку (хотя порой и весьма ограниченную) своим более активным соседям. Остальные английские колонии в рассматриваемый нами период были практически не задействованы в англо-французских отношениях, хотя для некоторых представителей их верхушки были характерны экспансионистские настроения.

Военные неудачи 1690-х годов и общий ход и характер англо-французского соперничества в Северной Америке привели к тому, что даже самые сильные и развитые английские колонии осознали свою зависимость от метрополии, а их верхушка взяла курс на активизацию имперских связей.

В целом соперничество двух колониальных держав в Северной Америке, с одной стороны, способствовало складыванию американской нации и соответственно объективно ускоряло движение английских колоний к независимости, а с другой — явно затрудняло этот процесс (не случайно завоевание Канады в ходе Семилетней войны явилось важнейшей предпосылкой предреволюционного кризиса и Войны за независимость).

Английский фактор оказывал неоднозначное влияние на развитие североамериканских владений Парижа. С одной стороны, он также безусловно стимулировал процессы внутренней консолидации, которые шли (хотя и более медленными темпами, чем в английских колониях) в колониальных обществах Акадии и Канады. Причем этому способствовали не только многочисленные столкновения подданных двух держав, но и торговые контакты жителей французских колоний с бостонскими купцами, укреплявшие экономическую неза-

висимость канадцев и акадийцев от метрополии. С другой стороны, состояние военной тревоги, в котором часто оказывалась Новая Франция, отнюдь не всегда положительно сказывалось на ее внутренней жизни, которая подчинялась военным задачам, ставившимся «Старой» Францией и отвечавшим в первую очередь ее интересам.

Подводя *общий итог* проделанного исследования, отметим, что взаимосвязь внешней политики Англии и Франции с колониальной политикой этих держав в Северной Америке, а также с самостоятельными внешнеполитическими акциями их колоний была отнюдь не жесткой и не линейной. Современный британский историк Б. П. Ленман слишком прямолинейно утверждает, что в колониях «небольшие силы производили гораздо более значительный результат, чем большие армии, которые вели затяжную войну на "европейской площадке" в Бельгии».[8] Проведенный нами анализ показал, что этот результат все же далеко не всегда был решающим, а самое главное он не был окончательным. На всем протяжении XVII — начала XVIII в. судьба колоний решалась метрополиями, которым всегда принадлежало последнее слово в разрешении колониальных конфликтов и которые при этом руководствовались прежде всего своими собственными интересами. В то же время на процесс принятия тех или иных решений английскими и французскими политиками определенное влияние оказывала конкретная обстановка в колониях, а в Англии в некоторой степени и мнение самих колонистов.

Взаимодействие участников рассмотренных нами международных процессов, так или иначе влиявших на ситуацию в Северной Америке и вокруг нее, можно наглядно представить в виде схемы (см. с. 534).

Здесь мы видим характер взаимосвязи таких *неодинаковых по силе воздействия* факторов, как

— политика метрополий по отношению к своим колониальным владениям;

— политика метрополий по отношению к колониальным владениям друг друга;

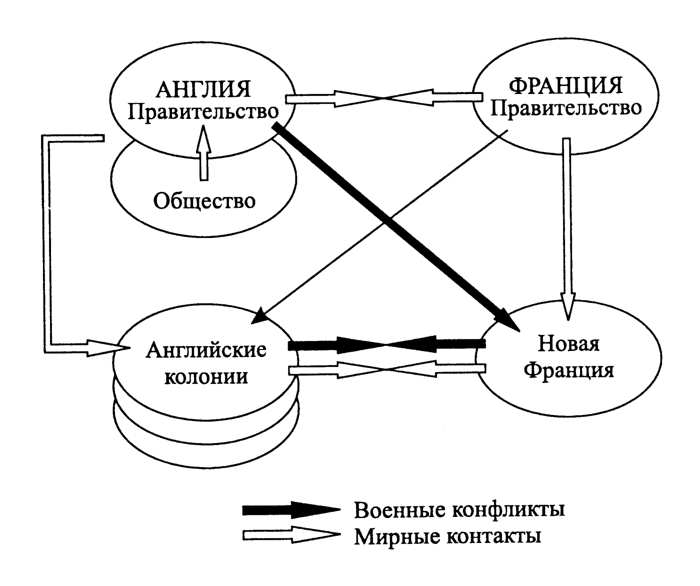
— политика английских и французских колоний по отношению друг к другу;

— обратное воздействие колоний на метрополии;

— взаимодействие английских колоний между собой;

---

[8] *Lenman B. P.* England's Colonial Wars, 1550–1688: Conflicts, Empire and National Identity. Harlow, 2001. P. 5.

— воздействие со стороны отдельных групп английского общества на принятие того или иного решения.

В качестве конкретного примера взаимодействия этих факторов можно привести Утрехтский мир. Переход к англичанам Ньюфаундленда и побережья Гудзонова залива являлся прежде всего результатом успешных фландрских кампаний, которые позволили английскому правительству диктовать условия мира и потребовать уступок в колониях (при этом итоги боевых действий на самом Ньюфаундленде и Гудзоновом заливе не имели значения). Уступка Акадии наоборот была прямым следствием операции, проведенной англичанами в Северной Америке объединенными силами колоний и метрополии (хотя и здесь свою роль сыграло то обстоятельство, что французы в Утрехте оказались в ситуации, когда ради сохранения испанской короны за Филиппом V, они были готовы пойти на определенные жертвы, тем более в колониях).

* * *

Классик американской литературы Уильям Фолкнер утверждал: «Прошлое не мертво — оно еще даже не прошло». На наш взгляд, это утверждение можно отнести и к сюжету данного исследования.

Утрехтский договор, выбранный нами в качестве верхней временной границы данного исследования, подвел итоги Войны за испанское наследство, а вместе с ней и всего «первого раунда» колониальных войн между Англией и Францией. Этот договор явился

важным, а в определенной степени и переломным моментом в истории Североамериканского континента. Споря о принадлежности территорий, казавшихся более или менее мелкой разменной монетой в большой игре, английские и французские дипломаты, сами того не ведая, наметили некоторые контуры современной политической карты Североамериканского континента и определили направления исторического развития американского и канадского народа.

Известный специалист по истории внешней политики США С. Ф. Бимис, отметил, что Утрехтский мир называют «началом дипломатической истории США, поскольку его статьи стали корнями проблем, с которыми прошлось столкнуться американской дипломатии». Бимис обратил внимание на то, что поставленный в Утрехте вопрос о разграничении между Новой Францией и владениями Компании Гудзонова залива впоследствии привел к формулировке идеи о 49-й параллели как границе между Луизианой и Английской Канадой, которая в 1818 г. стала границей США.[9]

1713 г. считается годом рождения Английской Канады и всей Британской Северной Америки, которая берет свое начало с колонии Новая Шотландия и владений компании Гудзонова залива (Ньюфаундленд долгое время имел особый статус; он даже не вошел в состав образованного в 1867 г. доминиона Канада). 1713 г. служит также точкой отсчета современного канадского конституционализма, парламентаризма и т.п.[10] И не случайно сегодня в парке Ридо-холла — официальной резиденции генерал-губернатора Канады — на мемориальной арке, где выбиты даты важнейших событий канадской истории, можно увидеть и дату подписания Утрехтского мира.

События, которые мы рассмотрели в настоящем исследовании, зачастую не казались, да и не могли казаться слишком значительными их современникам (прежде всего, конечно, жителям Старого Света). Однако сегодня очевидно, что эти события представляют собой не просто малоизвестную страницу истории международных отношений. Последствия многих из них ощущаются по сей день.

---

[9] *Bemis S. F.* A Diplomatic History of the United States: 5th ed. New York, 1965. P. 6–7.

[10] См., напр.: Statutes, Treaties, Documents of the Canadian Constitution, 1713–1929 / Ed. by W. P. M. Kennedy. Oxford, 1930.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Источники

Архивные материалы

Архив министерства иностранных дел Франции (Archives du ministère des affaires étrangères)

Fonds anciens. Correspondance politique, Angleterre

Fonds anciens. Mémoires et documents, Amérique

Публичный архив Канады (Public Archives of Canada)

Manuscript Group 5, A 1 — Correspondance politique, Angleterre

Manuscript Group 5, B 1 — Mémoires et documents, Amérique

Архив Квебекской семинарии (Archives du Séminaire de Québec)

Série 2 — L'administration au Séminaire de Québec (Sous-série 2.1 — La correspondance précieuse)

Колониальный архив Франции (Archives des Colonies)

Série B — Correspondance ministérielle et Ordres et Dépêches du Roi. Lettres envoyées aux colonies

Série C^{11}A — Correspondance générale, Canada et dépendances

Série C^{11}C — Correspondance générale, Terre-Neuve, Iles de la Madelaine et Saint-Jean

Série C^{11}D — Correspondance générale, Acadie

Национальный Архив Франции (Archives nationales)

Série F^2 — Colonies

Série F^3 — Collection Moreau de Saint-Méry

Опубликованные материалы

Публикации документов

Путешествия Христофора Колумба: Дневники, письма, документы / Пер. с исп. и коммент. Я. М. Света, под ред. и со вступ. ст. И. П. Магидовича. М., 1961.

1690: Sir William Phips devant Québec. Histoire d'un siège / Ed. par E. Myrand. Montréal, 1925.

A Collection of Documents Relating to Jacques Cartier and the Sieur de Roberval / Ed. by H. P. Biggar. Ottawa, 1930.

Acadia at the End of the Seventeenth Century: Letters, Journals and Memoirs of Joseph Robineau de Villebon, Commandant in Acadia, 1690–1700 / Ed. by J. C. Webster. St John, 1934.

Actes et mémoires des négociations de la paix de Ryswick: 2 t. La Haye, 1707.

Actes, mémoires et autres pièces autentiques, concernant la Paix d'Utrecht. Depuis l'année 1706 jusqu'à présent: 6 vols. Utrecht, 1712–1715.

British Diplomatic Instructions, 1689–1789 / Ed. by L. G. Wickham Legg. Vol. II. France, 1689–1721. London, 1925.

Calendar of State Papers. Colonial Series. Vol. I, V, VII, IX–XXVII. London, 1860–1926.

Canada's Indian Treaties and Surrenders from 1560 to 1890. Toronto, 1971.

Canadian Historical Documents Series: In 3 vols / Ed. by C. Nish. Vol. I: The French Régime. Scarborough, 1965.

Capt. John Mason the Founder of New Hampshire Including His Tract on Newfoundland, 1620; the American Charters in which He was a Grantee; with Letters and Other Historical Documents Together with a Memoir by Ch. W. Tuttle / Ed. by J. W. Dean. New York, 1887 (reprint 1967).

Collection de manuscrits contenant lettres, mémoires et autres documents historiques relatifs à l'histoire de la Nouvelle-France, recueillis aux Archives de la Province de Québec ou copies à l'étranger: 4 t. Québec, 1883–1885.

Colonial Records of North Carolina: In 2 vols / Collected and ed. by W. L. Saunders. Raleigh, 1886.

Documentary History of the State of Maine: In 24 vols / Ed. by W. Willis et al. Portland, 1896–1916.

Documents inédits sur le Canada / Communiqué par A. Ramé. Deuxième série. Paris, 1867.

Documents Relative to the Colonial History of the State of New York: In 15 vols / Ed. by E. B. O'Callaghan and B. Fernow. Albany, 1853–1887.

Edits, ordonnances royaux, déclarations et arrêts du Conseil d'Etat du Roi, concernant le Canada: 3 t. Québec, 1854–1856.

Edward Randolph: Including his Letters and Official Papers from the New England, Middle and South Colonies in America, with Other Documents Relating Chiefly to the Vacating of the Royal Charter of the Colony of Massachusetts Bay, 1676–1713: In 7 vols / Ed. by R. N. Toppan and A. Th. C. Goodrich. Boston, 1899 (reprint — New York, 1967).

English Colonization of North America / Ed. by L. B. Wright and E. W. Fowler. New York, 1968.

English Historical Documents / Gen. Editor D. C. Douglas: In 12 vols. Vol. IX. American Colonial Documents to 1776 / Ed. by M. Jensen. New York, 1969.

European Treaties Bearing on the History of the United States and Its Dependencies: In 4 vols / Ed. by F. G. Davenport. Washington, 1917–1936.

Federal and State Constitutions, Colonial Charters and Other Organic Laws of the United States: In 2 Pts / Compiled under an Order of the United States Senate by B. P. Poore. Washington, 1877.

French Tradition in America / Ed. by Y. V. Zoltvany. New York; Evanston; London, 1969.

Histoire du Canada par les textes: 2 t. / Rev. et augm. par G. Frégault et M. Trudel. Montréal ; Paris, 1963.

L'histoire canadienne à travers le document / Collection dirigée par M. Allard. Vol. 1: La Nouvelle France (1534–1713). Montréal, 1976.

Historical Collections Consisting of State Papers and Other Authentic Documents: In 2 vols / Ed. by E. Hazard. Philadelphia, 1792–1794.

Hutchinson Papers: In 2 vols / Ed. by W. H. Whitmore and W. S. Appleton. Albany, 1856.

[The] Jesuit Relations and Allied Documents: In 73 vols / Ed. by R. G. Thwaites. Cleveland, 1896–1901.

Lagrelle A. Notes et documents sur la paix de Ryswick. Lille, 1894.

Les grands traités du règne de Louis XIV: 3 t. / Ed. par H. Vast. Paris, 1893–1899.

Letters of William III, and Louis XIV, and of Their Ministers; Illustrative of the Domestic and Foreign Policy of England from the Peace of Ryswick to the Accession of Philip V of Spain, 1697 to 1700: In 2 vols / Ed. by P. Grimblot. London, 1848.

Livingston Indian Records, 1666–1723 / Ed. by L. H. Leder. Gettysberg, 1956.

Mémoires des Commissaires de Sa Majesté Très-Chrétienne et de ceux de Sa Majesté Britannique sur les possessions et les droit respectifs des deux Couronnes en Amérique: 3 t. Amsterdam, 1755.

Mémoires et documents pour servir à l'histoire des origines françaises des pays d'Outre-Mer. Découvertes et établissements des Français dans l'Ouest et dans le Sud de l'Amérique Septentrionale: 6 t. / Ed. par P. Margry. Paris, 1879–1888.

Narratives of Early Virginia, 1606–1625 / Ed. by L. G. Tylor. New York, 1959.

Narratives of the Indian Wars, 1675–1699 / Ed. by Ch. H. Lincoln. New York, 1913 (reprint — 1941).

Négociations de monsier la comte d'Avaux ambassadeur extraordinaire à la cour de Suède, pendant les années 1693, 1697, 1698: 4 t. / Publiées par J. A. Wijnne. Utrecht, 1882–1883.

New American World: A Documentary History of North America to 1612: In 5 vols / Ed. by D. B. Quinn. London, 1979.

Nouveaux documents sur Champlain et son époque. Vol. I: 1560–1622 / Rec. et publiés par R. Le Bant et R. Baudry. Ottawa, 1967.

Nouvelles Annales des voyages et des sciences géographiques. T. I. Année 1844 (4e série, 5e année, T. 101).

O'Callaghan E. B. Documentary History of the State of New York: In 4 vols. Albany, 1849–1851.

Parliamentary History of England to the Year 1803 / Ed. by W. Cobbett. Vol. VIII. London, 1809.

Proceedings and Debates of British Parliament Respecting North America: In 5 vols / Ed. by L. F. Stock. Washington, 1924–1941.

Rapport de l'Archiviste de la Province de Québec pour les années: 1928/1929; 1938/1939; 1939/1940; 1942/1943; 1946/1947.

Recueil de pièces sur la Négociation entre la Nouvelle France et la Nouvelle Angleterre ès années 1648 et suivantes / Ed. par J. G. Shea. New York, 1866.

Recueil des instructions données aux ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution Française. Vol. XXV-2. Angleterre. T. III. (1698–1791). Paris, 1965.

Report on the Canadian Archives for the year: 1883, 1884, 1912,

Roanoke Voyages, 1584–1590: In 2 vols / Ed. by D. B. Quinn. London, 1955.

Royal Letters, Charters, and Tracts, Relating to the Colonization of New Scotland and the Institution of the Order of Knights Baronets of New Scotland, 1621–1638 / Ed. by D. Laing. Edinburgh, 1867.

Select Charters of Trading Companies, A. D. 1530–1707 / Ed. by C. T. Carr. New York, 1913 (reprint — 1970).

Select Documents on the Constitutional History of the British Empire and Commonwealth. Vol. II: The Classical Period of the First British Empire, 1689–1783: The Foundations of a Colonial System of Government / Ed. by F. Madden with D. Fieldhouse. Westport; London, 1985.

Some Correspondence Between the Governors and Treasurers of the New England Company in London and the Commissioners of the United Colonies in America, 1657–1712 / Ed. by J. W. Ford. London, 1896.

Valley of Six Nations: a Collection of Documents the Indian Lands of the Grand River / Ed. by Ch. M. Johnston. Toronto, 1964.

Walker Expedition to Quebec, 1711 / Ed. and with an Introd. by G. S. Graham. Toronto, 1953.

Памфлеты, сочинения колониальных хронистов, мемуары, дневники, путевые заметки, переписка

Англия в памфлете: Английская публицистическая проза начала XVIII века / Д. Аддисон, Р. Стил, Д. Арбенот, Д. Дефо, А. Поуп, Д. Свифт. М., 1987.

Болингброк. Письма об изучении и пользе истории. М., 1978.

Боссю Ж.-Б. Новые путешествия в Западную Индию: В 2 т. М., 1783.

[Разилли И.] Мемуар Исаака Разилли о французской колониальной экспансии (1626 г.) / Предисловие Р. Мандру, пер. и коммент. Н. В. Ревуненковой, под ред. и с послесл. А. Д. Люблинской // Средние века: Сборник. Вып. XX. М., 1961.

Рейналь Г. Т. Ф. Философическая и политическая история о заведениях и коммерции европейцев в обеих Индиях: В 6 т. СПб., 1805–1811.

Свифт Дж. Дневник для Стеллы. М., 1981.

Фиектонг Г. Описание земли, нравов и обычаев одного американского народа, обитающего в нижней части Северной Америки, о котором никакой еще путешественник не писал. М., 1789.

Addison J. The Present State of the War and the Necessity of an Augmentation, Considered. London, 1707.

[Les] Annales de l'Hôtel-Dieu de Québec, 1636–1716. Composées par les Rev. Mères J.-F. Juchereau de St. Ignace et M. A. Duplessis de Ste. Hélène ancienne Religieuse de ce Monastère / Ed. dans leur texte original avec une Introduction et des Notes par Dom A. Jamet de l'Abbaye de Solesmes. A l'Hôtel-Dieu de Québec, 1939 (Réimpression en facsimillé — 1984).

Baqueville de la Potérie, de. Histoire de l'Amérique septentrionale: 4 t. Paris, 1722.

Belmont, F. Vachon de. Histoire du Canada. Québec, 1840.

Bergeron P. Histoire de la navigation. Paris, 1630.

Beverly R. The History and Present State of Virginia. London, 1705.

Biard P. Recueil des écrits. Textes choisis et presenté par Louis Pelletier. Montréal; Paris, 1962.

Biographical Memoir of Rev. John Williams. Hartford, 1837.

[Bradford W.] Bradford's History of Plimouth Plantation, 1606–1646 / Ed. by W. T. Davis. New York, 1908.

Boucher P. Histoire véritable et naturelle des mœurs et production de pays de la Nouvelle France, vulgairement dite le Canada. Paris, 1664 (rééd. — Boucherville, 1964).

Buckingham Th. The Private Journals Kept by Rev. John [i. e. Thomas] Buckingham, of the Expedition Against Canada in the Years 1710 & 1711. New York, 1825.

[Byrd W.] The Prose Works of William Byrd of Westover. Narratives of a Colonial Virginia / Ed. by L. B. Wright. Cambridge (Mass.), 1966.

[Byrd W.] Secret Diary of William Byrd of Westover, 1709–1712 / Ed. by L. B. Wright and M. Tinling. Richmond, 1941.

Camden Annales Rerum Anglicarum et Hibernicarum, regnate Elizabetha ad annum salutis M.D.LXXXIX. Londini, M.DC.XV.

Champlain S. de Œuvres de Champlain / Presenté par G.-E. Giguère: 3 t. Montréal, 1973.

Charlevoix P. F. X., de. Histoire et description générale de la Nouvelle France: 3 t. Paris, 1744.

Church B. The History of the Eastern Expeditions of 1689, 1692, 1696, and 1704 / Ed. by H. M. Dexter. Boston, 1867.

Cleirac E., de. Us et coustumes de la Mer. Bordeaux, 1647.

Colden C. The History of Five Indian Nations in Canada, which are Dependent of the Province of New York in America, and are the Barrier Between the English and French in That Part of the World. London, 1747.

Coxe D. A Description of the English Province of Carolana, by the Great and Famous River Meschesebe or Mississippi, Spaniards Called Florida and by the French La Louisiane. London, 1722. London, 1722.

Creuxio F. Historiæ canadensis seu Novæ Franciæ. Parisiis, M.D.C.LXIV (transl.: *Du Creux F.* History of Canada. Toronto, 1951).

[Danckaerts J.] Journal of Jasper Danckaerts, 1670–1680 / Ed. by B. B. James and J. F. Jameson. New York, 1913.

Dassie. Description générale des costes de l'Amérique. Rouen, 1677.

Denys N. Description géographique et historique des costes de l'Amérique septentrionale. Avec l'histoire naturelle du païs: 2 t. Paris, 1672.

Diéréville Relation du voyage de Port Royal de l'Acadie ou de la Nouvelle France. Rouen, 1708.

Douglass W. Summary, Historical and Political, of the First Planting, Progressive Improvements, and Present State of the British Settlements in North America. New York, 1972 (1st ed. Boston, 1755; 2nd ed. London, 1760).

Dummer J. A Letter to a Friend in the Country. London, 1712.

Dummer J. A Letter to a Noble Lord Concerning the Late Expedition to Canada. Boston, 1712.

[The] English Empire in America: Or a Present State of Their Majesties Dominions in the West-Indies. London, 1692.

Frontiers Well-Defended. An Essay, to Direct the Frontiers of a Country Exposed unto the Incursions of a Barbarous Enemy, How to Behave Themselves in Their Uneasy Situation? Boston, 1707.

Haies E. A Narrative of the Expedition of Sir Hemphry Gylbert. London, [s. a.].

Hakluyt R. [the younger] The Principal Navigations, Voyages and Discoveries of the English Nation: In 12 vols // Ed. by W. Raleigh. Glasgow, 1903–1905.

Hennepin L. Nouvelle découverte d'un très grand Pays situé dans l'Amérique entre le Nouveau Mexique et la Mer Glaciale <...> Le tout dedié à Sa Majesté Britannique Guillaume III. Utrecht, 1697.

Hesketh Th. Divine Providence Asserted and Some Objectives Answered. A Sermon Preached October the 10th 1710 at Annapolis Royal in America. Boston, 1710.

Humble Submission of Several Kings, Princes, Generals, etc. to the Crown of England. London, 1707.

Hutchinson Th. The History of the Colony of Massachusetts Bay: In 2 vols. London, 1765.

[Johnson E.] Johnson's Wonder-Working Providence, 1628–1651 / Ed. by J. F. Jameson. New York, 1910.

La Harpe J.-B. Bénard, de. Journal historique de l'établissement des Français à la Louisiane. Nouvelle-Orléan, 1831.

La Hontan L.-A. de Lom d'Arce, baron de. Les nouveau voyages de monsieur le baron de La Hontan dans l'Amérique septentrionale. La Haye, 1703.

La Hontan L.-A. de Lom d'Arce, baron de. Les mémoires de l'Amérique septentrionale ou la suite de voyages de monsieur le baron de La Hontan. La Haye, 1703.

La Hontan L.-A. de Lom d'Arce, baron de. Dialogues de monsieur le baron de La Hontan et d'un sauvage dans l'Amérique. La Haye, 1703.

Lahontan Œuvres complètes / Edition critique par R. Ouellet avec la collab. d'A. Beaulieu: 2 t. Montréal, 1990.

Lescarbot M. Histoire de la Nouvelle France. Paris, 1609. (rééd. Paris, 1866).

[Mather C.] Cotton Mather's Diary // Massachusetts Historical Society Collection. Seventh Series. Vol. VIII.

Mather C. Magnalia Christi Americana: In 2 vols. Hartford, 1920.

Mather C. Decennium luctuosum: An History of Remarkable Occurrences in the Long War, which New England Hath had with the Indian Salvages, from the Year 1688 to the Year 1698. Boston, 1699.

Meulle J., de. Mémoire touchant le Canada et l'Acadie, envoyé par M. de Meulle // Nouvelle annales des voyages et des sciences géographiques. T. I. Année 1844.

[Nicholson F.] Journal of Colonel Nicholson at the Capture of Annapolis, 1710 // Nova Scotia Historical Society Collection. 1878. Vol. I.

Oldmixon J. The British Empire in America: containing the History of the Discovery, Settlement, Progress and State of British Colonies on the Continent and Islands of America. London, 1741.

Perrot N. Mémoire sur les mœurs, coustumes et religion des sauvages de l'Amérique Septentrionale / Ed. par R. P. J. Tailhan. Leipzig; Paris, 1864 (reprint — 1968).

Phips W. A Journal of the Proceedings in the Late Expedition to Port-Royal. Boston, 1690.

Purchas S. His Pilgrims in Five Books. London, 1625.

Puritans in America: A Narrative Anthology / Ed. by A. Heimert and A. Delbanco. Cambridge (Mass.), 1985.

Russell W. The History of America: In 2 vols. London, 1778.

Sagard Théodat G. Histoire du Canada et voyages que les frères mineurs récollects y ont faits pour la conversion des infidèles depuis l'an 1615. Paris, 1636 (rééd. — Paris, 1866; 4 t).

Salmon T. Modern History or the Present State of All Nations. Vol. XXXI. Being the Fourth Volume of America. London, 1738.

[Sewall S.] Diary of Samuel Sewall // Massachusetts Historical Society Collections. 5th Series. Vol. VI.

Smith W. History of New York from the First Discovery to the Year M.DCC.XXXII. London, 1757.

Torcy J.-B. Colbert, marquis de. Mémoires de monsieur de Torcy, pour servir à l'histoire des négociations depuis le traité de Riswick jusqu'à la paix d'Utrecht: 3 t. London; Amsterdam; Utrecht, 1757.

[Williams R.] Letters of Roger Williams, 1632–1682 / Ed. by J. R. Bartlett. Providence, 1874.

[Winthrop J.] Winthrop's Journal History of New England: In 2 vols / Ed. by J. K. Hosmer. New York, 1908.

Периодические издания XVII– начала XVIII в.

The Boston News-Letter

Gazette de France

The London Gazette

Литература

Монографии, сборники

Аверкиева Ю. П. Индейцы Северной Америки. М., 1974.

Адамс Дж. Т. Американская эпопея. Нью-Йорк, 1953.

Акимов Ю. Г. Очерки ранней истории Канады. СПб., 1999.

Бейклесс Дж. Америка глазами первооткрывателей. М., 1965.

Блюш Ф. Людовик XIV. М., 1998.

Борисов Ю. В. Дипломатия Людовика XIV. М., 1990.

Бурин С. Н. Конфликт или согласие? Социальные проблемы колониального Юга США (1642–1763). М., 1980.

Бурстин Д. Американцы: колониальный опыт. М., 1993.

Виноградов К. Б. Очерки английской историографии нового и новейшего времени: 2-е изд. Л., 1975.

Вызинский Г. Англия в XVIII веке. СПб., 1862.

Генен Е. Новая Франция. М., 1901.

Генен Е. История английского народа: В 4 т. М., 1892.

Гуревич Я. Происхождение войны за испанское наследство и коммерческие интересы Англии. СПб., 1884.

Ерофеев Н. А. Империя создавалась так... Английский колониализм в XVIII веке. М., 1964.

Ивонина Л. И. Дипломатия и война (Две Английские революции и европейская политика XVII в.). Смоленск, 1998.

Индейцы Америки: Этнографический сборник. М., 1955.

История Европы: В 8 т. Т. 4: Европа нового времени (XVII–XVIII века). М., 1994.

История США: в 4 т. / Под ред. Г. Н. Севостьянова. Т. 1. М., 1983.

Калашников В. М. Антиколониальная борьба индейцев в Северной Америке в XVII–XVIII вв. Днепропетровск, 1991.

Калашников В. М. Источники по новой истории США и Канады (XVII в. — 60-е гг. XVIII в.). Днепропетровск, 1984.

Керов В. Л. Развитие капиталистических отношений и предпосылки колониальной экспансии Франции XVI–XVIII вв.: [Учебное пособие]. М., 1987.

Комиссаров Б. Н., Петрова А. А. Проблемы истории колониальной Америки. Л., 1991.

Леруа-Больё А. Колонизация у новейших народов. СПб., 1877.

Магидович И. П. История открытия и исследования Северной Америки. М., 1962.

Магидович И. П., Магидович В. И. Очерки по истории географических открытий: В 5 т. Т. II. М., 1983; Т. III. М., 1984.

Маколей Т. Б. Полн. собр. соч.: В 13 т. 2-е изд. СПб.; М., 1866.

Мижуев П. Г. История колониальной империи и колониальной политики Англии. СПб., 1902.

Мижуев П. Г. Крестьянское царство: Очерк истории и современного состояния Канады. СПб., 1906.

Милейковский А. Г. Канада и англо-американские противоречия. М., 1958.

Мэхэн А. Т. Влияние морской силы на историю. СПб., 1895.

Поршнев Б. Ф. Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII века. М., 1970.

Проблемы историографии Канады / Под ред. В. А. Тишкова. М., 1981.

Райерсон С. Б. Основание Канады: Канада с древнейших времен до 1815 года. М., 1963.

Самойло А. С. Английские колонии в Северной Америке в XVII веке: Начальный период истории США. М., 1963.

Североамериканские индейцы. М., 1978.

Сили Дж. Р. Расширение Англии: два курса лекций. СПб., 1903.

Слезкин Л. Ю. У истоков американской истории. Виргиния. Новый Плимут. 1606–1642. М., 1978.

Слезкин Л. Ю. У истоков американской истории. Массачусетс. Мериленд. 1630–1642. М., 1980.

Соколов А. Б. «Правь, Британия, морями»? Политические дискуссии в Англии по вопросам внешней и колониальной политики в XVIII веке. Ярославль, 1996.

Тарле Е. В. Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств (конец XV — начало XIX вв.). М.; Л., 1965.

Тишков В. А. Страна кленового листа: начало истории. М., 1977.

Тишков В. А., Кошелев Л. В. История Канады. М., 1982.

Три века колониальной Америки: О типологии феодализма в Западном полушарии / Б. Н. Комиссаров, А. А. Петрова, О. В. Саламатова, А. А. Ярыгин. СПб., 1992.

Фиске Дж. Открытие Америки с кратким очерком древней Америки и испанского завоевания: В 2 т. М., 1892.

Черкасов П. П. Судьба империи: Очерк колониальной экспансии Франции в XVI–XX вв. М., 1983.

Эйри О. Реставрация Стюартов и Людовик XIV от Вестфальского до Нимвегенского мира. СПб., 1896.

Яброва М. М. Очерки истории колониальной экспансии Англии в эпоху первоначального накопления. Саратов, 1966.

Abenon L. R., Dickinson J. Les Français en Amérique. Lyon, 1993.

Adams J. T. Building the British Empire: to the End of the First Empire. New York; London, 1938.

Adams J. T. The Founding of New England. Boston, 1921.

America in European Consciousness, 1493–1750 / Ed. by K. O. Kupperman. Chapel Hill; London, 1995.

Andrews Ch. M. The Colonial Period of American History: In 4 vols. New Haven, 1934–1936.

Andrews K. R. Trade, Plunder and Settlement: Maritime Enterprise and the Genesis of British Empire, 1480–1630. Cambridge, 1984.

Armstrong J. W. C. Champlain. Toronto, 1987.

Ashley M. Louis XIV and the Greatness of France. London, 1946.

Bailyn B. The New England Merchants in the Seventeenth Century. Cambridge; London, 1979.

Bancroft G. History of the United States of America from the Discovery of the Continent: In 6 vols. New York, 1882–1889.

Beer G. L. The Old Colonial System. New York, 1912.

Beer G. L. The Origins of the British Colonial System, 1578–1660: In 3 vols. New York, 1908.

Belknap J. The History of New Hampshire: In 2 vols. Philadelphia, 1812.

Bemis S. F. A Diplomatic History of the United States: 5th ed. New York, 1965.

Berens J. F. Providence and Patriotism in Early America, 1640–1815. Charlottesville, 1978.

Biddle S. Bolingbroke and Harley. New York, 1974.

Billings W. M., Selby J. E., Tate T. W. Colonial Virginia — A History. White Plains, 1986.

Billington R. A. Westward Expansion: A History of the American Frontier. New York; London, 1970.

Bishop M. Champlain: The Life of Fortitude. Toronto, 1964.

Black J. European International Relations, 1648–1815. New York, 2002.

Black J. War and the World: Military Power and the Fate of Continents, 1450–2000. New Haven; London, 2000.

Bonomi P. U. The Lord Cornbury Scandal: The Politics of Reputation in British America. Chapel Hill; London, 1998.

Bourset M. Quand le Roi d'Angleterre règnait [sic] sur l'Amérique: aux origines des Etats-Unis, 1607–1776. Paris, 1997.

Bowle J. Charles I: A Biogaphy. Boston; Toronto, 1975.

Brebner J. B. Canada: A Modern History. Ann Arbor, 1960.

Brebner J. B. New England's Outpost: Acadia Before the Conquest of Canada. New York, 1927.

Bridenbaugh C. The Spirit of '76. The Growth of American Patriotism before Independence. New York, 1975.

Bridenbaugh C. Vexed and Troubled Englishmen, 1590–1642. New York, 1967.

Burckhart C. J. Richelieu: 3 t. Trad. de l'allemagne par C. Dhorbais. Paris, 1975.

Cambridge History of the British Empire: In 8 vols / Ed. by J. Holland Rose, A. P. Newton, E. A. Benians. Cambridge, 1929–1959.

Canada. A Geographical Interpretation / Ed. by J. Warkentin. Toronto; London; Sydney; Wellington, 1968.

Canada and its Provinces: A History of the Canadian People and Their Institutions: In 22 vols / Ed. by A. Shortt and A. Doughty. Toronto, 1913–1917.

Capp B. Cromwell's Navy: The Fleet and the English Revolution, 1648–1660. Oxford, 1989.

Carrington C. A. The British Overseas: Exploits of a Nation of Shopkeepers. Cambridge, 1950.

Carton Ch. Charles I: The Personal Monarch. London; Boston; Melbourne; Henley, 1983.

Cazaux Y. Le rêve américaine de Champlain à Cavelier de La Salle. Paris, 1988.

Cell G. T. English Enterprise in Newfoundland, 1577–1660. Toronto; Buffalo, 1969.

Chaunu P. La civilisation de l'Europe classique. Paris, 1984.

Church Th. The History of Great Indian War of 1675 and 1676, Commonly Called Philip's War; Also the Old French and Indian Wars, from 1689–1704. Hartford, 1845.

Churchill W. S. A History of the English-Speaking Peoples: In 4 vols. London, 1957.

Colonial British America: Essays in the New History of the Early Modern Era / Ed. by J. P. Greene and J. R. Pole. Baltimore, 1984.

Cornevin R., Cornevin A. La France et les Français outre-mer de la première Croisade à la fin du Second Empire. Paris, 1990.

Couillard-Deprés A. Charles de Saint-Etienne de La Tour, Gouverneur, lieutenant-générale en Acadie et son temps, 1593–1666. Arthabaska, 1930.

Crane V. W. The Southern Frontier, 1670–1732. Ann Arbor, 1964 (3rd ed.).

Craven W. F. The Southern Colonies in the Seventeenth Century, 1607–1689. Baton Rouge, 1979.

Creighton D. G. Dominion of the North: A History of Canada, Boston, 1944.

Cress L. D. Citizens in Arms: The Army and the Militia in American Society to the War of 1812. Chapel Hill, 1982.

Crouzet F. De la superiorité de l'Angleterre sur la France: l'Economique et l'Imaginaire XVIIe — XXe siècle. Paris, 1985.

Daviault P. Le Baron de Saint-Castin, Chef Abénaquis. Montréal, 1939.

Davies G. The Early Stuarts, 1603–1660: 2nd ed. Oxford, 1959.

Davis K. G. The North Atlantic World in the Seventeenth Century. Minneapolis, 1974.

Dennis M. Cultivating a Landscape of Peace: Iroquois-European Encounters in Seventeenth-Century America. Ithaca, 1993.

Desrosiers L.-P. Iroquoisie: 4 t. Québec, 1999.

Dickinson H. T. Bolingbroke. London, 1970.

Dionne N.-E. Samuel Champlain, fondateur du Québec et père de la Nouvelle France: 2 t. Québec, 1891–1906.

Doyle J. A. The English in America: Virginia, Maryland, and the Carolinas. London, 1882.

Dubois M. Systèmes colonieux et peuples colonisateurs. Dogmes et faits. Paris, 1895.

Duchêne A. La politique coloniale de la France. Le ministère des colonies depuis Richelieu. Paris, 1928.

Dunlap W. History of the New Netherlands, Province of New York and State of New York to the Adoption of the Federal Constitution: In 2 vols. New York, 1839 (reprint — New York, 1970).

Dunn W. E. Spanish and French Rivalry in the Gulf Region of the United States, 1678–1702, The Beginnings of Texas and Pensacola. Austin, 1917.

Dussieux L.-E. Le Canada sous la domination française. D'après les archives de la Marine et de la Guerre. Paris,1855.

Eccles W. J. Canada under Louis XIV, 1663–1701. Toronto, 1964.

Eccles W. J. Essays on New France. Toronto, 1987.

Eccles W. J. Frontenac: The Courtier Governor. Toronto, 1965.

Eccles W. J. France in America. Toronto; Vancouver; Winnipeg; Montreal, 1972.

Eccles W. J. The Canadian Frontier, 1534–1760. Hinsdale, 1969.

Egerton H. E. A Short History of British Colonial Policy: 7th ed. London, 1924.

Elliott J. H. The Old World and the New, 1492–1650. Cambridge, 1970.

Faillon E. M. Histoire de la colonie française en Canada: 3 t. Villemarie, 1865–1866.

Feiling K. British Foreign Policy, 1660–1672. London, 1930.

Ferland J. B. Cours d'histoire du Canada: 2 vol. Québec, 1861–1865.

Finley J. The French in the Heart of America. New York, 1918.

Fiske J. Old Virginia and Her Neighbours: In 2 vols. London, 1897.

Flassan G., de. Histoire générale et raisonnée de la diplomatie française: 4 t. Paris, 1806–1812.

Frégault G. Iberville le conquérant. Montréal, 1944.

Frégault G. La Guerre de la Conquête. Montréal; Paris, 1955.

Frégault G. Le XVIII-e siècle canadien. Etudes. Montréal, 1968.

Garneau F.-X. Histoire du Canada: 2 t. Paris, 1913 (5-e éd.).

Gayarré Ch. Histoire de la Louisiane: 2 vol. Nouvelle-Orléans, 1846–1847.

Giraud M. Histoire de la Louisiane française: 4 t. Paris, 1953–1974.

Girault A. Principes de colonisation et de législation coloniale: 2 t. Paris, 1894.

Goldstein R. A. French-Iroquois Diplomacy and Military Relations. 1609–1701. Paris; The Hague, 1969.

Gonidec P. Droit d'Outre-mer: 2 t. Paris, 1959.

Graham G. S. Empire of the North Atlantic: The Maritime Struggle for North America. Toronto, 1950.

Groulx L. Histoire du Canada français depuis la découverte: 2 t. T. I: Le Régime français. Montréal, 1963.

Groulx L. Notre Grande Avanture: L'Empire Français en Amérique du Nord, 1534–1760. Montréal, 1976.

Guttridge G. H. The Colonial Policy of William III in America and West India. Cambridge, 1922.

Haffenden Ph. S. New England in the English Nation, 1689–1713. Oxford, 1974.

Hamilton E. P. The French and Indian Wars: The Story of Battles and Forts in the Wilderness. Garden City, 1962.

Hammang F. H. The Marquis de Vaudreuil: New France at the Beginning of the Eighteenth Century. Bruges; Louvain, 1938.

Hannay J. The History of Acadia from Its First Discovery to Its Surrender to England by the Treaty of Paris. St John, 1879.

Hardy G. Histoire de la colonisation française. Paris, 1928.

Hinsdale B. A. The Old Northwest, with a View of the Thirteen Colonies as Constituted by the Royal Charters. New York, 1888.

Histoire des colonies françaises et de l'expansion de la France dans le monde: 4 t. / Ed. par G. Hanotaux, A. Martineau. T. I: L'Amérique. Paris, 1929–1930 / Par Ch. de La Roncière, E. Lauvrière, J. Tramonds.

Histoire de la France coloniale: De 1600 à 1914 / J. Meyer, J. Tarrade, A. Rex-Goldzeiguer, J. Thobie. Paris, 1991.

History and Culture of Iroquois Diplomacy: An Interdisciplinary Guide to the Treaties of the Six Nations and Their League / Ed. by F. Jennings. Syracuse, 1985.

Horn D. B. Great Britain and Europe in the Eighteenth Century. Oxford, 1967.

Hull J. T. The Siege and Capture of Fort Loyal: Destruction of Falmouth, May 20, 1690 (o.s.), a Paper Read before the Maine Genealogical Society: June 2, 1885. Portland, 1885.

Jaenen C. J. Friend and Foe. Aspects of French-Amerindian Cultural Contacts in the Sixteenth and Seventeenth Century. New York, 1976.

Jennings F. The Ambiguous Iroquois Empire: The Covenant Chain Confederation of Indian Tribes with English Colonies from its Beginnings to the Lancaster Treaty of 1744. New York; London, 1984.

Jennings F. The Invasion of America: Indians, Colonialism, and the Cant of Conquest. Chapel Hill, 1975.

Kaiser D. Politics and War. European Conflicts from Philip II to Hitler. Cambridge (Mass.), 1990.

Kennedy J. H. Thomas Dongan, Governor of New York (1682–1688). Washington, 1930.

Kimball E. The Public Life of Joseph Dudley, a Study of the Colonial Policy of the Stuarts in New England, 1660–1715. New York, 1911.

Kirke H. The First English Conquest of Canada with Some Account of the Earliest Settlements in Nova Scotia and Newfoundland. London, 1871.

Knorr K. E. British Colonial Theories. Toronto, 1944.

Labaree B. W. America's Nation-Time: 1607–1789. New York, 1972.

Labaree B. W. Colonial Massachusetts: A History. Millwood, 1979.

Lanctot G. Histoire du Canada: 3 t. Montréal, 1960–1966.

Lauvrière E. La tragédie d'un peuple : histore du peuple acadien de ses origines à nos jours: 2 t. Paris, 1922–1923.

Lavisse E. Histoire de la France illustrée. Depuis des origines jusqu'à la révolution. 9 t. Paris, 1900–1911.

Leach D. E. Arms for Empire: A Military History of the British Colonies in North America, 1607–1763. New York, 1973.

Leach D. E. Flintlock and Tomahawk: New England in King Philip's War. New York, 1958.

Leach D. E. The Northern Colonial Frontier, 1607–1763. New York, 1966.

Leach D. E. Roots of Conflict: British Armed Forces and Colonial Americans, 1677–1763. Chapel Hill, 1986.

Leckie R. «A Few Acres of Snow»: The Saga of the French and Indian Wars. New York, 1999.

Leder L. H. America — 1603–1789: Prelude to a Nation. Minneapolis, 1978 (2nd ed.).

Lenman B. P. England's Colonial Wars, 1550–1688: Conflicts, Empire and National Identity. Harlow, 2001.

Les Canadiens français et leurs voisins du Sud / Publié sous la direction de G. Lanctot. Montréal; Toronto; New Haven; London, 1941.

Lighthall W. D. The «Glorious Enterprise»: The Plan of Campaign for the Conquest of New France, Its Origin, History, and Connections with the Invasion of Canada. Montreal, 1902.

Lorin A. Le Comte de Frontenac: Etude sur le Canada français à la fin du XVII-e siècle. Paris, 1895.

Louis-Jarais G. L. L'Empire français d'Amérique. 1534–1803. Paris, 1938.

Lucas C. P. A Historical Geography of the British Colonies. Vol. V: Canada. Pt I: Historical. Oxford, 1901.

Lugan B. Histoire de la Louisiane française, 1682–1804. Paris, 1994.

McCusker J. J., Menard R. R. The Economy of British America, 1607–1789. Chapel Hill, 1991.

McFarland R. A History of New England Fishery. New York, 1911.

McFarlane A. The British in the Americas, 1480–1815. London, 1994.

McGragor J. British America: In 2 vols. London, 1832.

McInnis E. Canada: A Political and Social History. New York; Toronto, 1954.

Malcolm-Smith E. British Diplomacy in the Eighteenth Century, 1700–1789. London, 1937.

Marientras E. Nous, le peuple: Les origines du nationalisme américain. Paris, 1988.

Martin R. M. History of Nova Scotia, Cape Breton, the Sable Island, New Brunswick, Prince Edward Island, the Bermudas, Newfoundland, etc. London, 1837.

Matthews K. Lectures on the History of Newfoundland, 1500–1830. St John's, 1988.

Mathieu J. La Nouvelle France. Les francophones en Amérique du Nord, XVIe — XVIIIe siècles. Paris; Saint-Foy, 1991.

Middleton R. Colonial America: A History, 1585–1776: 2nd ed. New York, 1996.

Miller P. The New England Mind from Colony to Province. Boston, 1966.

Miquelon D. New France, 1701–1744: A Supplement to Europe. Toronto, 1987.

Moreau C. Histoire de l'Acadie françoise (Amérique septentrionale). De 1598 à 1755. Paris, 1873.

Mounier R. L'homme en rouge ou la vie du cardinal de Richelieu (1585–1642). Paris, 1992.

Morgan E. S. The Puritan Dilemma: The Story of John Winthrop. Boston, 1958.

Morton R. L. Colonial Virginia: In 2 vols. Chapel Hill, 1960.

Munro W. B. Crusaders of New France: A Cronicle of the Fleur-de-lis in the Wilderness. New Haven, 1921.

Narrative and Critical History of America: In 8 vols / Ed. by J. Winsor. Boston; New York, 1882–1884.

Nute G. L. Ceasars of Wilderness: Médar Chouard Sieur des Groseillers, and Pierre Esprit Radisson. New York, 1943.

O'Gorman E. The Invention of America. Bloomington, 1961.

Osgood H. L. The American Colonies in the Eighteenth Century: In 4 vols. Gloucester, 1958.

Osgood H. L. The American Colonies in the Seventeenth Century: In 4 vols. New York; London, 1904.

Oxford History of the British Empire: In 5 vols. Oxford; New York, 1998 (Vol. I: The Origins of Empire. British Overseas Enterprise to the Close of the Seventeenth Century / Ed. by N. Canny; Vol. II: The Eighteenth Century / Ed. by P. J. Marshall. Oxford; New York, 1998.

Pagden A. Lords of All the World: Ideologies of Empire in Spain, Britain, and France, c. 1500 — c. 1800. New Haven, 1995.

Palfrey J. G. History of New England During the Stuart Dynasty: In 2 vols. Boston, 1858.

Parkman F. France and England in North America: In 2 vols. New York, 1983.

Peckham H. H. The Colonial Wars, 1689–1762. Chicago, 1964.

Petitfils J.-C. Louis XIV. Paris, 1995.

Pomfret J. E. Founding of the American Colonies, 1583–1660. New York, 1970.

Poussou J.-P., Bonnichon Ph., Lemps X. H., de. Espaces coloniaux et espaces maritimes au XVIIIe siècle. Les deux Amériques et la Pacifique. Paris, 1998.

Priestley H. I. France Overseas Through the Old Régime. New York; London, 1939.

Prowse D. W. A History of Newfoundland from the English, Colonial and Foreign Records. London, 1895.

Quinn D. B. England and the Discovery of America, 1481–1620. New York, 1974.

Quinn D. B. North America from the Earliest Discovery to First Settlements: The Norse Voyages to 1612. New York, 1975.

Rain P. La diplomatie française d'Henri IV à Vergennes. Paris, 1945.

Rawlyk G. A. Nova Scotia's Massachusetts. A Study of Massachusetts–Nova Scotia Relations: 1603 to 1781. Montreal; London, 1973.

Reid J. G. Acadia, Maine and New Scotland. Marginal Colonies in the Seventeenth Century. Toronto; Buffalo; London, 1981.

Réveillaud E. Histoire du Canada et des canadiens français de la découverte jusqu'à nos jours. Paris,1884.

Rich E. E. The History of Hudson's Bay Company: In 2 vols. London, 1958.

Richard E. Acadie, Reconstruction d'un chapitre perdu de l'histoire de l'Amérique: 3 t. Québec, 1916.

Robinson W. S. The Southern Colonial Frontier, 1607–1763. Albuquerque, 1979.

Rutledge J. L. Century of Conflict: The Struggle between the French and British in Colonial America. Toronto, 1956.

Saint-Léger A. de, Sagnac Ph. La prépondérance française. Louis XIV (1661–1715). Paris, 1944.

Saintoyant J. La colonisation française sous l'Ancien Régime (du XV-e siècle à 1789): 2 t. Paris, 1929.

Salone E. La colonisation de la Nouvelle France. Etude sur les origines de la nation canadienne française. Paris, 1906.

Savelle M. A History of Colonial America / Revised by R. Middlekauff. New York; Chicago; San Francisco, 1964.

Savelle M. The Origins of American Diplomacy: The International History of Angloamerica, 1492–1763. New York; London, 1967.

Seed P. Ceremonies of Possession in Europe's Conquest of the New World, 1492–1640. Cambridge, 1995.

Seventeenth-Century America: Essays in Colonial History / Ed. by J. M. Smith. Chapel Hill, 1959.

Shea W. L. The Virginia Militia in the Seventeenth Century. Baton Rouge, 1983.

Sillard A. Empeintes de France en Amérique. Paris, 2002.

Shy J. Toward Lexington: The Role of the British Army in the Coming of American Revolution. Princeton, 1965.

Slafter E. Sir William Alexander and American colonization. Boston, 1873.

Snow D. R. The Iroquois. Oxford; Cambridge (Mass.), 1994.

Sosin J. M. English America and Imperial Inconstancy: The Rise of Provincial Autonomy, 1696–1715. Lincoln; London, 1985.

Stanley G. F. G. Canada's Soldiers: The Military History of an Unmilitary People. Toronto, 1954.

Starkey A. European and Native American Warfare, 1675–1815. London, 1998.

Steele I. K. Politics of Colonial Policy: The Board of Trade in Colonial Administration, 1696–1720. Oxford, 1968.

Sulte B. Histoire des canadiens-français, 1608–1880: 8 vol. Montréal, 1882–1884.

Taillemite E. Marins français à la découverte du Monde. De Jacques Cartier à Dumont d'Urville. Paris, 1999.

TePaske J. J. The Governorship of Spanish Florida, 1700–1763. Durham, 1964.

Toynbee A. J. A Study of History. Abridgement of Volumes I–VI by D. C. Sommerwell. New York; London, 1947.

Trevelyan J. M. England under Queen Anne: In 3 vols. New York; London; Toronto, 1948.

Trudel M. Histoire de la Nouvelle France. T. I: Les vaines tentatives, 1524–1603. Montréal, 1963; T. II: Le comptoir: 1604–1627. Montréal; Paris, 1966; T. III: La seigneurie de Cent-Associés, 1627–1663: 2 pt. Montréal, 1979.

Thwaites R. G. France in America. New York; London, 1905.

Tyler L. G. England in America, 1580–1652. New York; London, 1904.

Ubbelohde C. The American Colonies and the British Empire, 1607–1763. New York, 1968.

Vachon A. Dreams of Empire: Canada before 1700. Ottawa, 1982.

Van Deventer D. E. The Emergence of Provincial New Hampshire, 1623–1741. Baltimore, 1976.

Vanssay J. de. L'Amérique française: enjeu européen, 1524–1804. Issy-les-Moulineaux, 1996.

Vaughan A. T. New England Frontier: Puritans and Indians, 1620–1675. New York, 1979 (2nd ed.)

Vignon L. L'expansion de la France. Paris, 1891.

Wakeman H. O. The Ascendancy of France, 1598–1715. London, 1955.

Wall R. E., Jr. Massachusetts Bay: The Crucial Decade, 1640–1650. New Haven, 1972.

Waller G. M. Samuel Vetch: Colonial Enterpriser. Chapel Hill, 1960.

Ward H. M. Colonial America, 1607–1763. Prentice Hall, 1991.

Ward H. M. The United Colonies of New England, 1643–1690. New York; Washington; Hollywood, 1961.

Ward H. M. «Unite or Die»: Intercolony Relations, 1690–1763. Port Washington, 1971.

Watson D. R. The Life and Time of Charles I. London; Prescot, 1972.

Weir R. M. Colonial South Carolina. A History: Millwood, 1993.

Williamson J. A. A Short History of British Expansion. The Old Colonial Empire: In 2 vols. London, 1930.

Wolf J. B. The Emergence of the Graet Powers, 1685–1715. New York, 1951.

Wright L. B. The Atlantic Frontier: Colonial American Civilization, 1607–1763. Ithaca, 1963 (First ed. — 1947).

Wrong G. M. The Rise and Fall of New France: In 2 vols. New York, 1928.

Zeller G. Histoire des relations internationales. T. III: Les temps modernes. Pt 2: De Louis XIV à 1789. Paris, 1955.

Zoltvany Y. F. Philippe de Rigaud de Vaudreil: Governor of New France, 1703–1725. Toronto, 1974.

Статьи

Акимов Ю. Г. Основание колонии Новая Шотландия и англо-французское соперничество в Северной Америке (1621–1632) // Американский ежегодник, 2000. М., 2002.

Акимов Ю. Г. У истоков американской внешней политики: Массачусетс и междоусобица в Акадии в 40-е гг. XVII в. // Вестник С.-Петерб. ун-та. 2001. Сер. 6. Вып. 2.

Акимов Ю. Г. К вопросу о социально-экономическом и политическом строе колонии Новая Франция (1608–1760 гг.) // Вестник С.-Петерб. ун-та. 1995. Сер. 2. Вып. 3.

Акимов Ю. Г. Джованни да Веррацано: мореплаватель эпохи Возрождения // Вестник С.-Петерб. ун-та. 1999. Сер. 6. Вып. 2.

Акимов Ю. Г. Утрехтский мир и Северная Америка // Вестник С.-Петерб. ун-та. 2002. Сер. 6. Вып. 3.

Акимов Ю. Г. Англо-французское соперничество в Северной Америке на рубеже XVII–XVIII в.: стратегический аспект // Вестник С.-Петерб. ун-та. 2002. Сер. 6. Вып. 4.

Акимов Ю. Г. Доктрина двух сфер и международно-правовой статус колониальной экспансии европейцев (вторая половина XVI — начало XVII в.) // Вестник С.-Петерб. ун-та. 2004. Сер. 6. Вып. 3.

Акимов Ю. Г. От папских булл к первому разделу мира: международно-правовой статус колониальной экспансии европейцев во второй половине XV в. // Исследования международных отношений: Сб. статей. СПб., 2004.

Архангельский С. Отношения Англии с протестантской и католической Европой (1654–1658) // Вопросы истории. 1945. № 1.

Дёмин О. Б. Из предыстории становления внешней политики Англии нового времени // Проблемы новой и новейшей истории. М., 1979.

Кириллова В. М. К вопросу о колониальных воззрениях Ричарда Хаклюйта младшего // Генезис капитализма в позднее средневековье в Англии и Германии: Межвуз. сб. науч. трудов. М., 1979.

Кириллова В. М. Р. Хаклюйт как идеолог английского колониализма конца XVI — начала XVII в. // Проблемы экономического и политического развития стран Западной Европы в античную эпоху и средние века. М., 1975.

Кошелев Л. В. Самюэль де Шамплейн // Новая и новейшая история. 1970. №1.

Кошелев Л. В. Трагедия жителей Акадии // Вопросы истории. 1971. №9.

Мосолкина Т. В. Пропаганда колониальной экспансии в Англии начала XVII века (Памфлет Дж. Смита «Описание Новой Англии») // Средневековый город: Межвуз. науч. сб. Вып. 7. Саратов, 1983.

Мосолкина Т. В. Пропагандистская деятельность С. Пэрчеса и английское купечество первой трети XVII века // Средневековый город: Межвуз. науч. сб. Вып. 8. Саратов, 1987.

Попова Е. А. Роль Войны за Испанское Наследство в изменении места Франции в Европейской политике // Вестник РУДН. Сер. Международные отношения. 2002. №1.

Самойло А. С. Колониальный вопрос в дипломатии Кромвеля // Изв. АН СССР. Сер. ист. и филос. 1945. Т. 2. №4.

Слезкин Л. Ю. Англичане на пути в Новый Свет: Американский ежегодник, 1972. М., 1972; Американский ежегодник, 1973. М., 1973.

Согрин В. В. Политическая власть, демократия и олигархия в Северной Америке колониального периода // Новая и новейшая история. 2001. №1.

Соколов А. Б. Англия и Великий союз 1701 года // Внешняя политика Великобритании в новое и новейшее время. М., 1988.

Соколов А. Б. Колониальная политика Великобритании в XVIII веке в освещении новейшей зарубежной историографии // Внешняя и колониальная политика Великобритании в XVIII–XX веках. Ярославль, 1993.

Соколов А. Б. Советские историки о внешней и колониальной политике Великобритании в XVIII в. // Материалы российско-британской международной конференции историков «Ярославль — Эксетер». Ярославль, 1992.

Тишков В. А. К оценке исторических последствий индейско-европейских контактов // Америка после Колумба: взаимодействие двух миров. М., 1992.

Уткин А. И. Американская историография колониального периода // Основные проблемы истории США в американской историографии: От колониального периода до Гражданской войны 1861–1865 гг. М., 1971.

Фирсова Н. С. Политика Англии по отношению к ее американским колониям в 1640–60-е гг. // Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та имени Н. К. Крупской. М., 1965. Т. 121. Истфак. Вып. 5.

Черепенина Н. Ю. История организации и первые годы деятельности Виргинской компании // Проблемы истории западноевропейского феодализма XIII–XVII вв.: Межвуз. сб. науч. трудов. Иваново, 1989.

Черепенина Н. Ю. Организационные формы участия лондонской буржуазии в колонизации Америки (из истории так называемых частных плантаций Виргинии) // Средневековый город: Межвуз. науч. сб. Вып. 5. Саратов, 1978.

Яброва М. М. Из истории английской колониальной экспансии во второй половине XVl века // Учен. зап. Саратов. гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского. 1956. Т. XLVII. Вып. Исторический.

Яброва М. М. Фальсификация начального этапа колониальной экспансии Англии в трудах современных буржуазных историков // Историографический сборник. Саратов, 1962.

Alsop J. D. Samuel Vetch's «Canada Survey'd»: The Formation of a Colonial Strategy, 1706–1710 // Acadiensis. 1982. Vol. XII, No 1 (Autumn).

Alsop J. D. The Age of Projectors: British Imperial Strategy in the North Atlantic in the War of Spanish Succession // Acadiensis. 1991. Vol. XXI, No 1 (Autumn).

Barnes V. F. Phippius Maximus // The New England Quarterly. 1928. Vol. I, No 4. July.

Barnes V. F. The Rise of William Phips // The New England Quarterly. 1928 Vol. I, No 3. July.

Buffinton A. H. The Isolation Policy of Colonial Massachusetts // New England Quarterly. 1928. Vol. I, No 2. April.

Bumsted J. M. «Things in the Womb of Time»: Ideas of American Independence, 1633–1763 // William and Mary Quarterly. 3rd ser. 1974. Vol. XXXI.

Carter Ch. H. The New World as a Factor in International Relations, 1492–1739 // First Images of America: The Impact of the New World on the Old: In 2 vols / Ed. by F. Chiapelli. Vol. 1. Berkeley; Los Angeles; London, 1976. P. 231–263.

Cheyney E. P. International Law under Queen Elizabeth // The English Historical Review. 1905. Vol. XX, No 80. October.

Eccles W. J. Frontenac's Military Policies, 1689–1698: A Reassessment // Canadian Historical Review. 1956. Vol. XXXVII. September.

Franck A. La navigation sur le fleuve Saint-Laurent // Histoire Québec. 2000. Vol. VI, No 2. Novembre.

Frégault G. L'Empire Britannique et la conquête du Canada (1700–1713) // Revue d'histoire de l'Amérique française. 1956. Vol. X.

Janzen O. U. New Light on the Origins of Fort William at St. John's Newfoundland, 1693–1696 // Newfoundland Quarterly. 1987. Vol. LXXIII, No 2 (Fall).

McCully B. T. Catastrophe in the Wilderness: New Light on the Canada Expedition of 1709 // William and Mary Quarterly. 1954. Vol. XI. July.

Morgan W. Th. Queen Anne's Canadian Expedition of 1711 // Queen's Quarterly. 1928. Vol. XXXV, No 4 (April–June).

Pargellis S. The Four Independent Companies of New York // Essays in Colonial History, Presented to Charles McLean Andrews by his Students. 1931 (reprint — Freeport, 1966).

Peckham H. H. Speculations on the Colonial Wars // William and Mary Quarterly. 3rd series. 1960. Vol. XVII, No 4. October.

Pritchard J. «Le Profit et la Gloire»: The French Navy's Alliance with Private Enterprise in the Defence of Newfoundland, 1691–1697 // Newfoundland Studies. 1999. Vol. XV, No 2.

Reid J. G. An International Region of the Northeast: Rise and Decline, 1635–1762 // The Northeastern Borderlands: Four centuries of interaction / Ed. by S. J. Hornsby, V. A. Konrad, J. J. Herlin. Fredericton; Orono, 1989.

Rich E. E. The Hudson's Bay Company and the Treaty of Utrecht // The Cambridge Historical Journal. 1954. No 2.

Scull G. D. Biographical Notice of Doctor Daniel Coxe, of London // Pennsylvania Magazine of History and Biography. 1883. Vol. VII.

Washburn W. E. The Meaning of «Discovery» in the Fifteenth and Sixteenth Centuries // American Historical Review. 1962. Vol. LXVIII.

Webb S. William Blathwayt: Imperial Fixer // William and Mary Quarterly. 1968. Vol. XXV; 1969. Vol. XXVI.

Wood G. S. A Century of Writing Early American History: Then and Now Compared; Or How Henry Adams Got it Wrong // American Historical Review. 1995. Vol. 100, No 3. June.

Wright I. A. Spanish Policy towards Virginia // American Historical Review. 1920. Vol. XXV.

Zoltvany Y. F. New France and the West, 1701–1713 // Canadian Historical Review. 1965. Vol. XLVI.

Авторефераты диссертаций

Алимаева О. И. Английское колониальное проникновение на остров Ньюфаундленд (конец XV — первая треть XVII в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1997.

Белоножко С. В. Англо-французское колониальное соперничество и Семилетняя война в Северной Америке: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Днепропетровск, 1992.

Калашников В. М. Освободительная борьба индейских племен Северной Америки против европейской колониальной экспансии в XVII–XVIII вв.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1986.

Смолова Т. А. «Имперская школа» в буржуазной историографии США и проблемы ранней американской истории: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1983.

Терентьев П. П. Внутриполитическое положение Англии и борьба партий тори и вигов в годы Войны за Испанское наследство (1701–1714): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1992.

Штрейс Д. С. Английская дипломатия накануне и в период Войны за Испанское наследство: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Великий Новгород, 2002.

Библиографии

Guide d'histoire du Québec du Régime Français à nos jours. Bibliographie commentée / Sous la dir. de J. Rouillard. Montréal, 1993.

Guide to American Foreign Relations / Ed. by R. D. Burns. Santa-Barbara; Oxford, 1983.

Hickey D. New France: Historiographical Structures and Themes // Acadiensis. 1994. Vol. XXIV, No 1 (Autumn).

Справочные издания

American National Biography: In 19 Vols. New York etc., 1999.

Burpee L. J. The Oxford Enciclopaedia of Canadian History. London; Toronto, 1926.

Cassell's Companion to Eighteenth Century Britain / Ed. by S. Brumwell, W. A. Speck. London, 2001.

Dictionnaire biographique du Canada. Toronto; Québec. Vol. I: 1000–1700. 1966; Vol. II: 1701–1740. 1969; Vol. III: 1741–1770. 1974.

Dictionnaire de biographie française (depuis 1933).

Dictionary of American Biography: In 22 vols. New York; London, 1928–1958.

Dictionary of Canadian Biography. Toronto; Québec. Vol. I: 1000–1700. 1966; Vol. II: 1701–1740. 1969; Vol. III: 1741–1770. 1974.

Dictionary of National Biography: In 22 vols. Oxford; London, 1921–1922.

Le Jeune L.-M. Dictionnaire générale de biographie, histoire, littérature, agriculture, commerce, industrie et des arts, sciences, mœurs, coutumes, institutions politiques et religieuses du Canada: 2 t. Ottawa, 1932.

U.S. Bureau of Census. Historical Statistics of the United States, Colonial Times to 1970: In 2 vols. Washington, 1975.

Атласы, карты

Association of Canadian Map Libraries — Association des Carthotèques Canadiennes. Canada. Historical Maps — Cartes historiques. Ottawa, 1980.

Atlas de la Nouvelle France. Québec, 1968

Atlas of American History / Ed. by J. T. Adams. New York, 1943.

Atlas of the Historical Geography of the United States / Ed. by Ch. O. Paullin, J. K. Wright. Washington; New York, 1932.

Historical Atlas of Canada / Ed. by D. G. G. Kerr. Toronto, 1961.

Historical Atlas of Canada / Ed. by L. J. Burpee. Toronto, 1927.

Trudel M. Atlas historique du Canada français. Des origines à 1867. Québec, 1961.

Wheat C. I. Mapping the Transmississippi West: In 3 vols. San Francisco, 1957.

Ресурсы интернет

Colonial American History and the Early Republic to 1812 / URL: http://web.uccs.edu/~history/index/colonial.html

Colonial Charters, Grants and Related Documents / The Avalon Project at the Yale Law School / URL: http://www.yale.uccs.edu/~history/index/colonial.html

Colonial North America / Internet Modern History Sourcebook / URL: http://www.fordham.edu/halsall/mod/modsbook07.html

Documents Relating to American Foreign Policy. Pre-1898 / URL: http://www.mtholyoke.edu/acad/intrel/pre1898.htm

The New World / University of Georgia Libraries. Hargrett. Rare books & Manuscripts Library. Rare Maps Collection / URL: http://www.libs.uga.edu/darchive/hargrett/maps

United States — History — 1600–1775. Colonial Period. K 12 Resources / URL: http://falcon.jmu.edu/~ramseyil/colonial.htm

Указатель имен

ОГЛАВЛЕНИЕ

Раздел III. Колонии и метрополии: дискуссии и конфликты 60–80-х годов XVII в.

Раздел IV. Североамериканский театр военных действий в период войны Аугсбургской лиги (1689–1697 гг.)

Раздел V. Переговоры и конфликты в мирное время (1697–1702 гг.)

Раздел VI. Война за испанское наследство и Северная Америка (1702–1713 гг.)

Научное издание

Юрий Германович Акимов

От межколониальных конфликтов
к битве империй:
англо-французское соперничество в Северной Америке
в XVII — начале XVIII в.

Издание второе, переработанное и дополненное

Директор Издательства СПбГУ
проф. *Р. В. Светлов*

Главный редактор *Т. Н. Пескова*

Редактор *Л. А. Карпова*
Художественный редактор *Е. И. Егорова*
Обложка *Е. А. Соловьевой*
Верстка *И. М. Беловой*

Лицензия ИД № 05679 от 24.08.2001

Подписано в печать 21.07.2005. Формат 60×90 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Печ. л. 35,5. Заказ № 147.

Издательство СПбГУ. 199034, С.-Петербург, Университетская наб., 7/9

Тел. (812) 328-96-17; факс (812) 328-44-22
E-mail: editor@unipress.ru
www.unipress.ru

По вопросам реализации обращаться по адресу:
С.-Петербург, 6-я линия В. О., д. 11/21, к. 21
Телефоны: 328-77-63, 325-31-76
E-mail: post@unipress.ru

Типография Издательства СПбГУ.
199061, С.-Петербург, Средний пр., 41